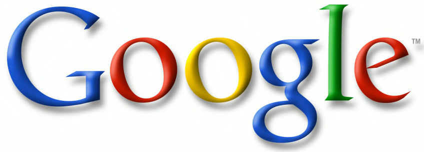

АРХИВЪ
КНЯЗЯ Ѳ. А. КУРАКИНА.

КНИГА ПЯТАЯ,

изданная членомъ Саратовской Ученой Архивной Коммиссіи и почетнымъ членомъ Археологическаго Института княземъ Ѳ. А. Куракинымъ подъ редакціею В. Н. Смольянинова.

Первыя три книги одобрены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Гербъ князей Куракиныхъ.

1894.

Въ „Архивѣ кн. Ѳ. А. Куракина“ помѣщены и имѣютъ войти бумаги главнымъ образомъ нижеслѣдующихъ представителей рода князей Куракиныхъ: 1) кн. Григорія Семеновича, боярина, въ отбытность царя Алексѣя Михайловича (1654 г.) правителя государства, перваго воеводы въ Казани († 1682 г.), 2) кн. Ивана Григорьевича, боярина и намѣстника смоленскаго († 1682 г.), 3) кн. Бориса Ивановича, полномочнаго посла въ Англіи, Ганноверѣ, Голландіи и Франціи († 1727 г.), 4) кн. Александра Борисовича, полномочнаго посла въ Парижѣ, оберъ-шталмейстера, сенатора и конференцъ-министра († 1749 г.), 5) кн. Бориса Александровича, ген.-поручика, гофмейстера, сенатора, Камеръ и Экономіи-коллегій президента († 1764 г.), 6) кн. Александра Борисовича, полномочнаго посла въ Вѣнѣ и Парижѣ, государственнаго вице-канцлера († 1818 г.), 7) кн. Алексѣя Борисовича, генералъ-прокурора и министра внутреннихъ дѣлъ († 1829 г.), 8) кн. Бориса Алексѣевича, сенатора († 1850 г.).

Находясь въ родствѣ съ именитѣйшими русскими фамиліями, князья Куракины какъ по связямъ родства и дружбы, такъ и по служебнымъ отношеніямъ вели обширнѣйшую переписку, которая и сохраняется нынѣ у кн. Ѳ. А. Куракина, въ его родовой вотчинѣ селѣ Надеждинѣ, въ количествѣ 1375 фоліантовъ. Большая часть этихъ бумагъ принадлежитъ XVIII вѣку, и почти нѣтъ ни одного болѣе или менѣе выдающагося дѣятеля этой славной эпохи, который не оставилъ бы по себѣ слѣда въ Надеждинскомъ архивѣ, причемъ, что̀ очень важно, сохранились и черновики тѣхъ писемъ, которыми обмѣнивались князья Куракины со множествомъ лицъ обоего пола. Вотъ нѣкоторые изъ ихъ корреспондентовъ:

Имп. Александръ I, гр. Д. М. Алопеусъ, рус. мин.-резид. въ Штуттардѣ († 1831 г.), А. Л. Апраксина, с. фельдм. († 1771 г.), гр. И. А. Апраксинъ, ген.-лейт., сен. († 1818 г.), гр. П. М. Апраксинъ, бояринъ, презид. Юстицъ-Коллегіи († 1728 г.), гр. С. С. Апраксинъ, смолен. губерн. († 1827 г.), гр. Ѳ. М. Апраксинъ, ген.-адм. († 1728 г.), гр. А. А. Аракчеевъ, мин. († 1834 г.), Робертъ Арескинъ, лейбъ-медикъ Петра I, княгиня Е. П. Багратіонъ, кн. П. И. Багратіонъ, ген. отъ инф., сподвижникъ Суворова († 1812 г.), Ѳ. Н. Балкъ, ген.-кор. († 1739 г.), Д. Н. Бантышъ-Каменскій, тоб. и вил. губ., писатель († 1850 г.), Н. Н. Бантышъ-Каменскій, управл. архив. Коллегіи ин. д., пис. († 1814 г.), кн. Е. П. Барятинская, у. принц. Гольштейнъ-Бекъ († 1811 г.), гр. Бассевичъ, шлезвигъ-голшт. послан. († 1749 г.), свѣт. кн. А. А. Безбородко, канц. († 1799 г.), гр. Е. А. Бенкендорфъ, статсъ-дама († 1858 г.), гр. А. П. Бестужевъ-Рюминъ, канц., фельдм. († 1766 г.), гр. М. П. Бестужевъ-Рюминъ, дипломатъ († 1760 г.), Брандтъ, резид. Петра I въ Амстердамѣ, гр. А. В. Браницкая, племян. кн. Потемкина, оберъ-гофм., († 1838 г.), гр. Я. В. Брюсъ, ген.-фельдцейх. († 1735 г.), Я. И. Булгаковъ, д. т. с., посланникъ, пис. († 1809 г.), гр. Е. Б. Бутурлина, с. фельдм., дочь кн. Б. И. Куракина († 1767 г.), гр. Д. П. Бутурлинъ, сен. († 1829 г.), Ѳ. Ѳ. Вадковскій, д. т. с. († 1806 г.), И. П. Веселовскій, дипл. († 1754 г.), Ф. Л. Вигель, пенз. губ. († 1812 г.), Д. И. фонъ-Визинъ, пис. († 1792 г.), П. И. фонъ-Визинъ, дир. Москов. ун., сен. († 1803 г.), Г. И. Вилламовъ, статсъ-сек., пис. († 1842 г.), свѣт. кн. П. М. Волконскій, фельдм., мин. Двора († 1852 г.), кн. П. М. Волконскій, оберъ-камер., гр. С. Р. Воронцовъ, посолъ († 1832 г.), бар. И. А. Вревскій, воспитанникъ кн. Александра Бор. Куракина, ген.-м. († 1858 г.), бар. П. А. Вревскій, воспит. того же, ген.-ад. († 1855 г.), В. А. Всеволожскій, сен. († 1796 г.), кн. Е. Н. Вяземская, у. княжна Трубецкая, с. ген.-прок., статсъ-дама († 1832 г.), кн. Н. Г. Вяземскій, сен. († 1846 г.), кн. Г. П. Гагаринъ, сен., пис. († 1807 г.), кн. С. И. Гагаринъ, членъ государ. сов., пис. († 1862 г.), М. Я. Гедеоновъ, пенз. губ., свѣт. кн. Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій, фельдм. († 1813 г.), кн. А. А. Голицына, у. царевна Грузинская († 1842 г.), кн. В. В. Голицына, у. Энгельгардъ, племян. кн. Потемкина, кавалер. дама († 1815 г.), кн. П. А. Голицына, у. гр. Шувалова, пис. († 1828 г.), кн. М. М. Голицынъ, фельдм., зять кн. Б. И. Куракина († 1730 г.), кн. П. А. Голицынъ, кіев. намѣст. († 1722 г.), кн. С. Д. Голицынъ, дипл. († 1738 г.), кн. Ѳ. Н. Голицынъ, кураторъ Моск. ун., пис. († 1827 г.), И. М. Головинъ, адм. († 1738 г.), гр. А. Г. Головкинъ, посл. († 1760 г.), гр. Г. И. Головкинъ, канц. († 1734 г.), Губастовъ, управ. кн. В. И. Куракина, гр. И. В. Гудовичъ, фельдм. († 1821 г.), А. И. Дашковъ, т. с. († 1733 г.), Г. Р. Державинъ, мин. юстиціи, поэтъ († 1816 г.), кн. В. Л. Долгоруковъ, д. т. с., дипл. (казн. 1739 г.), кн. Г. Ѳ. Долгоруковъ, д. т. с., сен. († 1723 г.), кн. С. Г. Долгоруковъ, полномоч. мин. († 1739 г.), имп. Екатерина I, имп. Елисавета Алексѣевна, Н. Заварицкій, вят. и потомъ сарат. вице-губ., гр. Е. А. Зотова, у. княжна Куракина († 1869 г.), В. Н. Зотовъ, казан. губ. († 1725 г.), гр. Н. И. Зотовъ, д. с. с., гр. В. А. Зубовъ, ген. отъ инф. († 1804 г.), М. М. Измайловъ, моск. ген.-губ. († 1800 г.), арх. Израиль, намѣстн. Ал.-Нев. Лавры († 1829 г.), бар. Б. В. Кампенгаузенъ, мин. вн. д. († 1823 г.), А. В. Кикинъ, приверж. цар. Алексѣя Петровича (казн. 1718 г.), О. П. Козадавлевъ, мин. вн. д. († 1819 г.), в. кн. Константинъ Павловичъ, кн. В. П. Кочубей, канц. († 1834 г.), гр. М. Н. Кречетниковъ, тул. ген.-губ. († 1793 г.), княжна А. А. Куракина, фрейл. († 1791 г.), кн. А. И. Куракина, у. Панина († 1786 г.), кн. Е. А. Куракина, у. Бутурлина, кн. Е. В. Куракина, у. княжна Голицына, пис. († 1871 г.), кн. Е. Д. Куракина, у. Измайлова († 1843 г.), кн. Е. С. Куракина, у. Апраксина, дочь фельдм. († 1768 г.), кн. Н. И. Куракина, у. Головина, кавалер. дама († 1831 г.), кн. Н. П. Куракина, у. Нарышкина († 1825 г.), кн. И. В. Куракинъ, полков., кн. С. В. Куракинъ, д. т. с. († 1805 г.), А. А. Курбатовъ, арханг. губ., гр. Г. Г. Кушелевъ, адм. († 1833 г.), Л. Ланчинскій, послан. († 1751 г.), гр. Е. В. Литта, гофмейстерина († 1829 г.), гр. Ю. П. Литта, оберъ-камерг. († 1839 г.), фонъ-Литъ, рус. мин.-резид., кн. Е. А. Лобанова-Ростовская, у. княжна Куракина († 1791 г.), кн. Я. И. Лобановъ-Ростовскій, в. мин. († 1831 г.), А. Ѳ. Лопухинъ, бр. ц. Евдокіи Ѳеодоровны (казн. 1718 г.), кн. И. Б. Львовъ, дипл., А. В. Макаровъ, кабин.-сек. († 1740 г.), имп. Марія Ѳеодоровна († 1828 г.), Маре, герц. Бассано, фр. мин. ин. д. († 1839 г.), гр. А. А. Матвѣевъ, дипл. († 1728 г.), кн. А. Д. Меншиковъ, фельдм. († 1729 г.), кн. П. С. Мещерскій, [illegible] ген.-губ. († 1799 г.), П. С. Молчановъ, ст.-секр. Александра I, бар. П. О. Моренгеймъ, повѣр. въ рус. дѣл. при мадрит. дв., гр. А. И. Морковъ, послан. († 1827 г.), гр. А. А. Мусинъ-Пушкинъ, т. с., пис. († 1805 г.), гр. А. С. Мусинъ-Пушкинъ,

АРХИВЪ КН. Ө. А. КУРАКИНА.

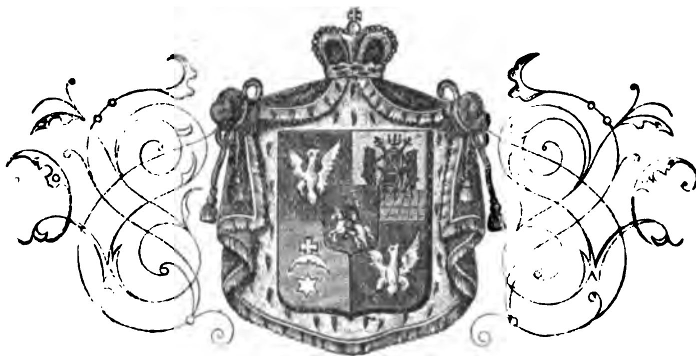
КНИГА ПЯТАЯ,

изданная членомъ Саратовской Ученой Архивной Коммиссіи и почетнымъ членомъ Археологическаго Института княземъ Ө. А. Куракинымъ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

В. Н. Смольянинова.

Всѣ доселѣ вышедшія книги одобрены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки средних учебныхъ заведеній.

Гербъ князей Куракиныхъ.

1894.

Дозволено цензурою. Москва. 29 мая 1894 года.

САРАТОВЪ.
Высочайше утвержденное Товарищество „Печатня С. П. Яковлева".
1894.

75c

СОДЕРЖАНІЕ

КНИГИ ПЯТОЙ „АРХИВА КН. Ѳ. А. КУРАКИНА".

---

*) №№ 1—823 см. въ I—IV тт. „Архива кн. Ѳ. А. Куракина".

Фамильныя бумаги и переписка съ разными лицами князя Бориса Ивановича Куракина.

1661—1712 гг.

Бумаги князя Александра Борисовича Куракина.

1763—1772 гг.

астоящій томъ „Архива кн. Ѳ. А. Куракина“ дѣлится на двѣ почти равныя части, изъ которыхъ первая попрежнему посвящена петровской эпохѣ, а вторая начинаетъ собою новую серію документовъ съ 1764 г., т.-е. года смерти кн. Бориса Александровича Куракина. Ко второй группѣ отнесены и девять писемъ того же кн. Бориса Александровича за 1763 г., въ виду того, что они показались намъ весьма важными для характеристики первыхъ лѣтъ ученія знаменитаго впослѣдствіи кн. Александра Борисовича Куракина.

Такое дѣленіе находящагося въ нашемъ распоряженіи архивнаго матеріала будетъ проведено послѣдовательно во всемъ изданіи и является результатомъ желанія многихъ лицъ поскорѣе видѣть въ печати куракинскія бумаги павловской эпохи, представляющія безспорно громадный историческій интересъ.

Кромѣ восьми документовъ за 1661—1701 гг., первая половина настоящей книги заключаетъ въ себѣ бумаги кн. Бориса Ивановича Куракина за 1711—1712 гг. и даетъ весьма цѣнные матеріалы къ исторіи Утрехтскаго съѣзда [1]) и неоффиціальнаго участія въ немъ Россіи, до сихъ поръ мало выясненнаго въ нашей литературѣ.

Какъ извѣстно, этотъ съѣздъ положилъ конецъ долгой и кровопролитной войнѣ, омрачившей царствованіе Людовика XIV, —войнѣ за испанское наслѣдство [2]). Успѣшности переговоровъ

---

[1]) Flassan. „Histoire générale de la diplomatie française“. 1811 г. Т. IV, стр. 311—321.—Koch et Schöll. „Histoire abrégée des traités de paix entre les puissances de l'Europe“. Т. II. 1817 г. Paris.—Веберъ. „Всеобщая исторія“. Изд. Солдатенкова. Т. XII. 1890 г., стр. 598—600.

[2]) См. предисловіе къ IV кн. „Архива кн. Ѳ. А. Куракина“.

между воюющими государствами много содѣйствовало паденіе виговъ и ихъ главы Мальборо, замѣщенныхъ торіями, сторонниками мира. Какъ ни старался германскій императоръ убѣдить Англію въ необходимости продолжить войну, какъ ни хлопоталъ объ этомъ принцъ Евгеній савойскій, нарочно посланный съ этою цѣлью въ Лондонъ, но ничего нельзя было сдѣлать съ твердою волею новаго министерства, поддерживаемаго народомъ: 8 октября н. с. 1711 г. были подписаны въ Лондонѣ прелиминарныя условія между Франціей и Англіей, которыя, впрочемъ, тщательно скрывались отъ Генеральныхъ Штатовъ, чтобы не затруднять хода негоціацій. Наконецъ, въ Утрехтѣ 29 января н. с. 1712 г. открылся съѣздъ, на который собрались уполномоченные всѣхъ заинтересованныхъ странъ, какъ-то: Франціи, Англіи, Голландіи, имперіи, Португаліи, Пруссіи, св. престола, генуэзской и венеціанской республикъ, электоровъ: майнскаго, кёльнскаго и тревскаго, палатинскаго, саксонскаго, баварскаго и ганноверскаго, герцога лотарингскаго, савойскаго и др. Необходимость удовлетворить разнообразнымъ и часто противорѣчивымъ интересамъ сдѣлала переговоры настолько продолжительными и бурными, что не одинъ разъ они грозили прекратиться. Особыя затрудненія создались вслѣдствіе семейныхъ несчастій Людовика XIV, который роковымъ образомъ терялъ одного внука за другимъ. Видя Филиппа V испанскаго лишь на одинъ шагъ отъ французскаго трона, Англія старалась придумать самыя прочныя гарантіи противъ возможнаго соединенія въ рукахъ одного монарха двухъ могущественныхъ коронъ, что́ явилось бы, конечно, крайне опаснымъ для политическаго равновѣсія Европы: Филиппу было предложено на выборъ или сохранить свою власть надъ Испаніей и Америкой, отказавшись навсегда отъ французскаго престола, или пока получить королевство обѣихъ Сицилій, а также герцогства савойское, монферратское и мантуанское, которыя послѣ его смерти должны были возвратиться Франціи. Въ послѣднемъ случаѣ герцогу савойскому предоставлялась Испанія. Мы знаемъ, что Филиппъ предпочелъ по разнымъ причинамъ удержать испанскую корону, отрекшись отъ французской.

Лишь только состоялось соглашеніе по этому важнѣйшему вопросу, королева Анна уже могла сообщить въ своей рѣчи къ парламенту 17 іюля н. с. 1712 г. о близкомъ заключеніи мира съ Франціею. Побѣда маршала Виляра при Дененѣ еще болѣе ускорила ходъ переговоровъ, и 11 апрѣля н. с.

1713 г. былъ, наконецъ, подписанъ мирный трактатъ. Изложимъ вкратцѣ его содержаніе, по крайней мѣрѣ, относительно главныхъ державъ.

Что касается Франціи и Англіи, то, въ силу § 4-го помянутаго трактата, Франція признала установленный парламентомъ порядокъ престолонаслѣдія, т.-е. исключительныя права на англійскую корону за потомствомъ королевы Анны и ганноверской протестантской династіи. Французскій король обѣщался строжайше запретить сыну Якову II въѣздъ во Францію когда бы то ни было и подъ какимъ бы то ни было предлогомъ.

Въ § 6-мъ воспроизведены акты отреченія Филиппа V отъ французскаго трона, а герцоговъ беррійскаго и орлеанскаго — отъ испанской короны, такъ, чтобы эти двѣ короны никогда не могли соединиться.

§ 9-й имѣлъ своимъ предметомъ Дюнкирхенъ, — эту грозную для Англіи крѣпость, выпустившую съ 1702 г. до 800 каперовъ на англо-голландскій флотъ. Король обязался на собственный счетъ срыть его укрѣпленія, а гавань засыпать на вѣчныя времена.

§§ 10, 12 и 13-мъ Франція уступила Англіи Гудзоновъ заливъ со всѣми землями, берегами и рѣками, острова Св. Христофора, Новую Шотландію и Нью-Фаунлэндъ, словомъ — бо̀льшую часть своихъ сѣверо-американскихъ владѣній.

Кромѣ того, въ день подписанія мирнаго трактата между Франціей и Англіей былъ заключенъ также договоръ о мореплаваніи и торговлѣ. Между прочимъ, по смыслу его французскіе подданные, находясь въ англійскихъ владѣніяхъ, могли разсчитывать на дружескій пріемъ, и наоборотъ,—англичане получали право на такія же привилегіи во Франціи; при этомъ наслѣдство послѣ умершаго иностранца не шло попрежнему въ казну, а предоставлялось законнымъ наслѣдникамъ.

§§ 17 и 18-мъ трактата о торговлѣ началась новая эра въ исторіи европейскаго морского права, такъ-какъ ими уничтожался старинный законъ, по которому каждая держава могла конфисковать товары непріятеля, хотя-бъ они провозились на корабляхъ нейтральныхъ государствъ, а съ другой стороны, была отмѣнена конфискація ввозимыхъ товаровъ подъ предлогомъ ихъ недоброкачественности, и сношеніямъ покупателей съ продавцами предоставлена полная свобода. Наконецъ, французская монополія по продажѣ табаку уничтожалась, и тѣмъ самымъ англичане получали право торговать этимъ продуктомъ.

Переходя къ Голландіи, мы должны, прежде всего, отмѣтить, что § 7-мъ трактата Франція возвратила ей все, чѣмъ она еще владѣла въ т. н. Испанскихъ Нидерландахъ. Затѣмъ § 9-мъ уничтожался актъ, по которому Филлипъ V уступилъ Нидерланды баварскому электору и его наслѣдникамъ. Согласно §§ 11 и 12-му, король отдалъ Генеральнымъ Штатамъ нѣсколько городовъ, составлявшихъ часть Французскихъ Нидерландовъ, но за то по § 15-му возвращались Франціи многіе города и крѣпости [1]).

Между Франціей и Голландіей былъ также заключенъ торговый договоръ на 25 лѣтъ, почти всецѣло возстановлявшій статьи рисвикскаго трактата и ставившій голландцевъ на одну ногу съ Испаніей и Франціей.

Что касается прочихъ второстепенныхъ государствъ: Португаліи, Пруссіи и Савойи, ихъ претензіи изложены кн. Борисомъ Ивановичемъ Куракинымъ съ достаточною полнотою [2]). Скажемъ лишь одно, что Португалія, потерявши много своихъ правъ въ Америкѣ, вообще поставила свою торговлю въ зависимость отъ англичанъ; что прусскій король, отказавшись отъ княжества оранскаго, сдѣлалъ нѣкоторыя территоріальныя пріобрѣтенія; что, наконецъ, герцогъ савойскій возвратилъ земли, отнятыя у него Франціею во время войны, и былъ признанъ законнымъ наслѣдникомъ испанской монархіи на случай, если бы послѣ Филиппа V не осталось потомства.

Испанскіе министры, недопущенные къ конференціямъ до признанія Филиппа V королемъ испанскимъ, прибыли въ Утрехтъ лишь тогда, когда миръ между главными государствами былъ уже заключенъ. Они ратифицировали обязательства, принятыя, именемъ ихъ государя, его дѣдомъ, и 13 іюля н. с. 1713 г. мирный трактатъ между Испаніей и Англіей былъ подписанъ.

Оставалось еще урегулировать интересы многочисленныхъ нѣмецкихъ принцевъ, но это удалось сдѣлать лишь въ слѣдующемъ году на съѣздѣ въ Раштатѣ: вслѣдствіе упорства императора, не принявшаго условій, продиктованныхъ Франціею, германскіе уполномоченные 15 апрѣля н. с. 1712 г. покинули Утрехтъ, и между имперіей и Франціей возобновилась война.

По мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, отказъ присоединиться къ общему замиренію былъ внушенъ императору принцемъ Ев-

[1]) Стр. 65 настоящей книги.
[2]) Стр. 70—72, 74—75 настоящей книги.

геніемъ, который, будто бы, надѣялся новой блестящей побѣдой заставить забыть о своемъ пораженіи при Дененѣ. Но гораздо правдоподобнѣе искать объясненія въ гордомъ и упрямомъ характерѣ Карла VI, который не желалъ ни въ какомъ случаѣ признать Филиппа V и отказаться отъ испанскаго наслѣдства. Это упорство ослѣпило его до такой степени, что онъ не хотѣлъ понять истинное настроеніе всей Европы, которая пролила потоки крови, чтобы помѣшать соединенію двухъ коронъ на головѣ французскаго принца, и не могла, конечно, допустить осуществленіе той же грозной для всѣхъ цѣли со стороны нѣмецкаго государя.

Къ числу новыхъ, доселѣ неизвѣстныхъ матеріаловъ настоящей книги „Архива кн. Ѳ. А. Куракина" нужно отнести обширную, записанную кн. Борисомъ Ивановичемъ, бесѣду его [1]) съ трансильванскимъ принцемъ Рагоци, и десять писемъ [2]) къ князю этого интереснаго историческаго дѣятеля. Замѣчательно, что, несмотря на удивительную аккуратность кн. Бориса Ивановича, его собственныхъ черновыхъ писемъ къ Рагоци не сохранилось: въ такой тайнѣ писались они. Можно думать, что корреспонденція эта, явившись результатомъ завѣтныхъ мечтаній князя о союзѣ съ Франціею, велась безъ вѣдома нашего двора. Помянутыя письма всѣ шифрованы [3]), и самъ князь, какъ видно по адресу на одномъ изъ нихъ, скрывался въ своихъ сношеніяхъ съ Рагоци подъ псевдонимомъ Каспари.

Францискъ-Леопольдъ Рагоци происходилъ изъ венгерской магнатской семьи, и еще прадѣдъ его въ 1607 г. былъ избранъ трансильванскимъ княземъ. Родившись въ 1676 г., Францискъ потерялъ отца въ колыбели. Принцесса, мать его, въ надеждѣ найти сильнаго защитника для сына, вышла вскорѣ замужъ за графа Текели, представителя одной изъ крупнѣй-

---

[1]) См. стр. 1—21 настоящей книги.

[2]) №№ 843, 848, 850, 852, 862, 864, 866, 872, 873 и 876.

[3]) Вотъ этотъ шифръ:
A—15, B—25, C—35, D—45, E—55, F—65, G—75, H—85, I—95, L—105, M—205, N—305, O—405, P—505, Q—605, R—705, S—805, T—905, U—100, X—200, Y—300, Z—400.

См. „Fontes rerum Austriacarum. II. Abtheilung. Diplomataria et acta. XVII. Band Actenstücke zur Geschichte Franz Rakoczy's und seiner Verbindungen mit dem Auslande". 1858 г. 1708—1715 гг. Стр. 649.

Въ двухъ томахъ этого обширнаго изданія исторической коммиссіи вѣнской академіи наукъ собраны всѣ уцѣлѣвшія бумаги Рагоци, но писемъ, о которыхъ идётъ здѣсь рѣчь, мы въ нихъ не нашли.

шихъ венгерскихъ фамилій. Но послѣдній, разсчитывая въ этомъ бракѣ лишь на богатство дома Рагоци, оставилъ мальчика на попеченіе прислуги, которая обращалась съ нимъ дерзко, часто оставляя его безъ пищи и почти безъ одежды. Такая суровая школа, закаливъ характеръ юноши, сдѣлала его способнымъ легко переносить впослѣдствіи труды и лишенія всякаго рода.

Между тѣмъ графъ Текели, воюя противъ Австріи, былъ побѣжденъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ подъ-рядъ и бѣжалъ въ Турцію. Тогда молодой принцъ былъ отправленъ съ своею матерью и съ сестрою въ Вѣну, а затѣмъ отданъ въ одну іезуитскую коллегію въ Чехіи; тамъ онъ провелъ пять лѣтъ, ничѣмъ не отличаясь отъ другихъ воспитанниковъ. Наконецъ, по настоянію своего шурина, гр. Апремона, онъ получилъ разрѣшеніе вернуться въ Вѣну, откуда, впрочемъ, тотчасъ же его послали путешествовать по Италіи. Несмотря на препятствія со стороны австрійскаго двора, онъ женился по возвращеніи на принцессѣ гессенъ-рейнфельсской и удалился въ свои венгерскія помѣстья, имѣя твердое намѣреніе не вмѣшиваться въ политику. Но этому не суждено было осуществиться, такъ-какъ вскорѣ произошло возстаніе венгерскихъ крестьянъ, а его обвинили въ подстрекательствѣ ихъ и въ преступныхъ сношеніяхъ съ версальскимъ дворомъ. Рагоци зналъ объ этихъ обвиненіяхъ, но не пожелалъ спасаться бѣгствомъ, и въ апрѣлѣ 1701 г., по приказу императора Леопольда, былъ заключенъ въ крѣпость. Разсказываютъ, что, когда солдаты пришли арестовать его, ручной тигръ долго и отчаянно защищалъ своего господина.

Невинность мнимаго преступника едва ли могла бы спасти его отъ самой печальной участи, если бы нѣжная привязанность одной красавицы не доставила ему возможности бѣжать изъ тюрьмы. На столѣ своей камеры онъ оставилъ письмо къ императору, въ которомъ жаловался на дурное обращеніе съ собою и обѣщалъ вернуться, лишь только назначатъ дѣйствительно безпристрастныхъ судій надъ нимъ. Тѣмъ не менѣе онъ тотчасъ же былъ приговоренъ заочно къ четвертованію, его имѣнія были конфискованы, а за голову назначена награда. Вслѣдствіе этого Рагоци пробрался въ Варшаву, гдѣ находился въ то время гр. Берчени, его родственникъ, которому также пришлось искать убѣжища въ Польшѣ.

Пока несчастный принцъ, спасаясь отъ преслѣдованій австрійскихъ агентовъ, блуждалъ по польскимъ лѣсамъ, къ нему

пришла вѣсть о томъ, что венгерскіе крестьяне вновь намѣрены попытать счастье, чтобы свергнуть австрійское иго, и вотъ, въ іюнѣ 1703 г., онъ явился въ Венгрію и, ставъ во главѣ нѣсколькихъ сотъ бунтовщиковъ, утвердился въ гор. Мункачѣ, а затѣмъ ему посчастливилось овладѣть уже нѣсколькими городами и этимъ успѣхомъ достичь возстанія всей Венгріи. Въ эту минуту явились депутаты, предлагая ему польскую корону, но онъ отказался отъ нея, не желая оставлять на произволъ Австріи тѣхъ, которые такъ довѣрчиво примкнули къ его знаменамъ.

Кампанія 1704 г. открылась новыми успѣхами. Хотя со страны, опустошённой гражданскою войною, нельзя было брать никакихъ податей, и касса Рагоци была пуста; хотя его солдаты были плохо обучены и дурно вооружены,—онъ одну минуту заставилъ трепетать всю Австрію, и его грозныя крестьянскія банды достигали предмѣстій самой Вѣны, грабя и сожигая все на своемъ пути. Леопольдъ, занятый въ это время войною съ Баваріей и Франціей, рѣшилъ вступить въ переговоры съ венграми; но это не привело ни къ чему, такъ-какъ Рагоци ставилъ непремѣннымъ условіемъ мира возстановленіе старинныхъ привилегій венгерскаго народа и признаніе за нимъ права избирать собственнаго государя. Между тѣмъ императоръ получилъ помощь отъ Голландіи и Англіи и могъ послать въ Венгрію сильное войско; а Франція, вопреки своимъ обѣщаніямъ, не прислала Рагоци ни денегъ, ни оружія и ограничилась тѣмъ, что назначила къ нему своего посланника.

Въ 1705 г. Леопольдъ скончался, а его наслѣдникъ Іосифъ I выказалъ желаніе держаться политики примиренія. Тѣмъ не менѣе война продолжалась, и Рагоци, не принимавшій прежде генеральной битвы, но утомлявшій императорскую армію частыми мелкими нападеніями, испыталъ два сильныхъ пораженія. Ему удалось, однако, и послѣ этого захватить нѣсколько плохо защищённыхъ городовъ, а затѣмъ укрѣпиться на зимнія квартиры въ горахъ, куда непріятель не смѣлъ проникнуть.

Въ 1707 г. Рагоци вступилъ во владѣніе Трансильваніей, давъ клятву поддерживать законы и привилегіи страны, а собраніе государственныхъ чиновъ Венгріи единодушно избрало его президентомъ венгерскаго народа. Къ тому же 1707 г. относится „Трактатъ Божіею милостію свѣтлѣйшаго священнаго римскаго государства и семиградскаго князя, государя Франциска Ракоція, чиновъ венгерскаго королевства государя и секлійскаго графа помянутаго венгерскаго королевства, за воль-

ность соединеннаго, также мункачіевскаго и маковичіенскаго вождя, всегдашняго графа саротскаго и проч.“ [1]). Трактатъ этотъ былъ заключенъ въ Варшавѣ съ Петромъ I и скрѣпленъ гр. Гавріиломъ Ивановичемъ Головкинымъ съ одной стороны, а съ другой—гр. Николаемъ Берчени, „намѣстникомъ венгерской земли“. На основаніи помянутаго договора, Петръ Великій обязывался помогать войскомъ, деньгами и проч. „къ избранію его, кн. Ракоція, польскимъ королемъ“; а въ § 12-мъ говорилось: „Ежели бы,—отъ чего Боже сохрани,—свѣтлѣйшему князю съ престола польскаго изгнану быть случилось, то обѣщаетъ его царское величество оному на пропитаніе дать въ государствѣ Россійскомъ нѣкоторую провинцію и для убѣжища друзей и вѣрныхъ его“. Впрочемъ, царь Петръ по разнымъ политическимъ причинамъ не думалъ исполнять взятыя имъ на себя обязательства, и на это горько жалуется Рагоци въ своихъ письмахъ кн. Борису Ивановичу.

Успѣхъ семиградскаго князя не былъ продолжителенъ: въ 1708 г. онъ былъ окончательно разбитъ и потерялъ всю свою артиллерію; затѣмъ среди его генераловъ возникли крупныя несогласія, и нѣкоторые изъ нихъ передались австрійцамъ; наконецъ, въ довершеніе всѣхъ несчастій, сильная моровая язва обрушилась на его солдатъ. Дальнѣйшее сопротивленіе оказалось невозможнымъ, и 2 февраля н. с. 1710 г. Рагоци удалился въ Польшу, возвративъ государственнымъ чинамъ ихъ клятву на вѣрность и оставивъ императору письмо, въ которомъ ввѣрялъ его великодушію несчастный венгерскій народъ.

Въ 1713 г. добровольный изгнанникъ прибылъ во Францію и получилъ отъ Людовика XIV значительную пенсію. Подъ именемъ графа Сaароса онъ провелъ четыре года въ полномъ уединеніи, посвящая свое время научнымъ занятіямъ и дѣламъ благочестія. Но по настоянію австрійскаго кабинета ему пришлось покинуть это убѣжище и переѣхать въ Турцію, гдѣ, со времени мира въ Пассаровицахъ, его сослали въ Родосто на берегу Мраморнаго моря. Тамъ и окончилъ онъ свою скитальческую жизнь 8 апрѣля н. с. 1735 года.

Изъ числа оставленныхъ принцемъ сочиненій замѣчательны: размышленія на Св. Писаніе, мемуары, опубликованные абба-

[1]) Полное собраніе законовъ Россійской имперіи съ 1649 г. Т. IV. 1830 г., стр. 385—387. Ср. также стр. 14 настоящей книги.

томъ Бреннеромъ въ Гагѣ въ 1739 г. [1]), и политическое завѣщаніе, изданное въ 1761 г.

Вторая половина настоящей книги начинаетъ собою бумаги одного изъ самыхъ видныхъ представителей рода князей Куракиныхъ, знаменитаго кн. Александра Борисовича, котораго современники называли „великолѣпнымъ“ княземъ (prince Splendide) [2]), а потомство прозвало „другомъ царей“. Обширное образованіе, близость ко двору, высокое служебное положеніе и въ то же время пылкая романическая натура дѣлаютъ біографію князя крайне интересною, а матеріалы Надеждинскаго архива даютъ возможность начать ее, притомъ весьма подробно, съ первыхъ же лѣтъ его жизни. Здѣсь мы и коснемся лишь дѣтства и юности князя.

Кн. Александръ Борисовичъ Куракинъ II [3]) родился 18 января 1752 г. и былъ старшимъ сыномъ кн. Бориса-Леонтія Александровича Куракина (р. 1733 г. іюля 11) и княгини Елены Степановны, урожденной Апраксиной, дочери знаменитаго фельдмаршала [4]) и Аграфены Леонтьевны, ур. Соймоновой. У нихъ осталось въ живыхъ еще три сына, изъ которыхъ кн. Степанъ Борисовичъ, участвовавшій въ экспедиціи противъ Пугачова, умеръ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ въ 1805 г., кн. Алексѣй Борисовичъ, не менѣе извѣстный, чѣмъ старшій братъ, былъ генералъ-прокуроромъ при

---

[1]) „Histoire des révolutions de Hongrie“, tt. V—VI.

[2]) „Русскій Архивъ“. 1886 г. Т. I, стр. 152.

Вотъ титулъ кн. Александра Борисовича въ 1807 году: „Дѣйствительный тайный совѣтникъ, государственнаго совѣта членъ, сенаторъ, всѣхъ россійскихъ императорскихъ кавалерскихъ орденовъ канцлеръ, дѣйствительный камергеръ, его императорскаго величества чрезвычайный и полномочный посолъ при его величествѣ императорѣ, королѣ венгеро-богемскомъ, и орденовъ: св. апостола Андрея Первозваннаго, св. Александра Невскаго, св. равноапостольнаго князя Владиміра большого креста первой степени, св. Анны перваго класса, св. Іоанна Іерусалимскаго большого креста, королевско-прусскихъ—Чернаго орла и Краснаго орла, баварскаго—св. Губерта и датскихъ—Данеброга и Совершеннаго союза кавалеръ, бывшій прежде государственнымъ вице-канцлеромъ“.

Н. Н. Муравьевъ, описывая роскошный столъ у персидскаго сановника Низамъ-у-Давле, говоритъ, что сей послѣдній былъ прозванъ за великолѣпіе „персидскимъ Куракинымъ“. „Русскій Архивъ“. 1886 г. Т. I, стр. 523.

[3]) Въ отличіе отъ его дѣда, кн. Александра Борисовича же Куракина († 1749 г.).

[4]) Замѣтимъ, что Степанъ Ѳедоровичъ Апраксинъ приходился правнукомъ царицѣ Марѳѣ Матвѣевнѣ, невѣсткѣ Петра I, урожденной также Апраксиной. См. Д. Благово. „Разсказы бабушки изъ воспоминаній пяти поколѣній, написанные и собранные ея внукомъ“. СПБ. 1885 г., стр. 79.

Павлѣ, а потомъ министромъ внутреннихъ дѣлъ († 1829 г.), и кн. Иванъ Борисовичъ командовалъ Изюмскимъ гусарскимъ полкомъ.

По обычаю того времени, еще въ пеленкахъ кн. Александръ Борисовичъ былъ записанъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ, которымъ начальствовалъ нѣкогда его славный прадѣдъ, кн. Борисъ Ивановичъ [1]), и на девятомъ году получилъ уже чинъ подпоручика [2]).

Мы видимъ изъ писемъ кн. Бориса Александровича къ супругѣ и сыну, что онъ много заботился о воспитаніи послѣдняго [3]). Когда тому минуло одиннадцать лѣтъ, его отдали на попеченіе весьма образованнаго по тогдашнему времени педагога Фридриха-Гейнриха Штрубе-де-Пирмонъ, помѣстивъ вмѣстѣ съ наставникомъ въ Петербургѣ у нѣкоего Кёлера, отставного хирурга, весьма достойнаго человѣка, служившаго въ Семеновскомъ полку и лѣтъ двадцать состоявшаго при дѣдушкѣ молодого князя фельдмаршалѣ Апраксинѣ [4]).

Штрубе-де-Пирмонъ род. 1704 г. въ Ганноверѣ, учился въ Галле; съ 1730 г. служилъ секретаремъ посольства въ Австріи, Англіи и Польшѣ, а затѣмъ состоялъ при Биронѣ; въ 1738 г. баронъ Корфъ, президентъ Академіи наукъ, предоставилъ ему каѳедру юриспруденціи и политики; въ 1740 г. на него было возложено сочинить „настоящую“ исторію о польскихъ и турецкихъ воинскихъ дѣйствіяхъ въ царствованіе императрицы Анны, но трудъ этотъ остановился на самомъ началѣ; въ 1741—1743 гг. Штрубе былъ секретаремъ при гр. Петрѣ Григорьевичѣ Чернышовѣ въ Копенгагенѣ и Берлинѣ, а затѣмъ поступилъ учителемъ въ семейство гр. Разумовскаго; въ 1757 г., уволенный изъ

---

[1]) Именно его распорядительности и отвагѣ былъ обязанъ побѣдою при Полтавѣ Петръ Великій, такъ-какъ на самомъ разсвѣтѣ этого достопамятнаго дня (27 іюня 1709 г.) онъ выдержалъ съ своимъ корпусомъ первое жестокое нападеніе шведовъ, подъ начальствомъ генераловъ Розена и Шлиппенбаха, а потомъ, удачно отрѣзавъ ихъ отъ главной арміи, принудилъ положить оружіе и сдаться военноплѣнными. Бантышъ-Каменскій „Дѣянія знаменитыхъ полководцевъ и министровъ Петра Великаго“. М. 1813 г. Ч. II, стр. 37—54.—Платонъ Бекетовъ „Собраніе портретовъ россіянъ знамечитыхъ, съ жизнеописаніями“. М. 1821 - 1824 гг., стр. 237—280.—„Московскія Вѣдомости“. 1835 г. № 1.

[2]) См. Терещенко „Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи“. СПБ. 1837 г. Ч. III, стр. 150—157.

[3]) Знаменитый историкъ Шлёцеръ едва не попалъ учителемъ къ дѣтямъ кн. Бориса Александровича; по крайней мѣрѣ, въ 1761 г. Мюллеръ рекомендовалъ его князю, но соглашеніе не состоялось. Пекарскій. „Исторія Академіи наукъ“. Т. I, стр. 375.

[4]) О Кёлерѣ см. стр. 347—348 настоящей книги.

Академіи, онъ былъ принятъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ подъ начальство Н. И. Панина, родного дяди кн. Бориса Александровича. Этимъ, вѣроятно, и объясняется его особенное усердіе во всемъ, чтó касалось молодого князя [1]). Штрубе умеръ около 1790 г. [2]).

Преподавателемъ русскаго языка у кн. Александра Борисовича былъ также академикъ и также нѣмецъ Карлъ-Фридрихъ Модерахъ. Если вѣрить авторитету Гергарда Миллера въ русскомъ языкѣ, то, по его свидѣтельству, Модерахъ имѣлъ въ этомъ предметѣ глубочайшія познанія. Во всякомъ случаѣ, это былъ настоящій ученый: мы видимъ, напримѣръ, что въ 1749 г. онъ съ огромнымъ усердіемъ разбираетъ бумаги бывшей походной канцеляріи кн. Меншикова, сваленныя въ Петропавловской крѣпости и успѣвшія къ этому времени уже значительно погнить, а въ 1750 г. исправляетъ Миллеровское описаніе Сибири. Занимая до перехода своего въ Академію, т.-е. до 1749 г., должность адъюнкта при шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, Модерахъ съ успѣхомъ давалъ во многихъ домахъ частные уроки. По крайней мѣрѣ, ему было предоставлено въ 1755 г. мѣсто инспектора академической гимназіи именно за то, что у него „обучаются знатныхъ фамилій дворянскія дѣти, чѣмъ онъ, Модерахъ, приноситъ Академіи довольную честь, обществу—пользу". Ему пришлось еще болѣе расширить свою педагогическую практику уже въ силу нужды, когда въ 1761 г. онъ поссорился съ Ломоносовымъ и принужденъ былъ оставить академическую гимназію.

Изъ русскихъ преподавателей молодого князя мы знаемъ лишь одного Григорія Андреевича Полетику [3]), бывшаго по 1773 г. инспекторомъ морского корпуса. Извѣстный депутатъ малороссійскаго шляхетства въ Коммиссіи о составленіи новаго Уложенія (въ 1767 г.) и даровитый переводчикъ греческихъ классиковъ, Григорій Андреевичъ былъ несомнѣнно однимъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей своего времени, но

---

[1]) Въ 1775 г. гр. Н. И. Панинъ выхлопоталъ ему 1200 р. въ годъ пенсіи, сумму, не малую по тому времени; кромѣ того, раздавъ до 4 т. душъ крестьянъ своимъ чиновникамъ, графъ подарилъ и Штрубу пять деревень около Петербурга.

[2]) Кромѣ „Краткаго руководства къ россійскимъ правамъ", составленнаго въ 1749—1753 гг. и оставшагося въ рукописи (переведено съ нѣмецкаго В. Лебедевымъ), Штрубе-де-Пирмонъ оставилъ цѣлый рядъ ученыхъ сочиненій и статей; онѣ перечислены у Пекарскаго въ „Исторіи Академіи наукъ", т. I, стр. 671—689, и въ „Lexicon der vom Jahre 1750 bis 1800 verstorbenen deutschen Schriftsteller, von J. G. Meusel", т. XIII, стр. 494—495.

[3]) Род. въ 1726 г.; преподавалъ князю исторію.

его украйнофильскія тенденціи [1]) не могли, конечно, развить въ ученикѣ истинно-русскихъ патріотическихъ чувствъ. Тѣмъ не менѣе, вопреки увѣреніямъ нѣкоторыхъ писателей, будто молодые князья Куракины росли „совершенно въ родѣ великолѣпныхъ французскихъ маркизовъ“ [2]), кн. Александръ Борисовичъ, подобно своему отцу, былъ впослѣдствіи истинно-русскимъ человѣкомъ. Въ этомъ несомнѣнно слѣдуетъ искать вліяніе отца его, кн. Бориса Александровича, всѣ письма котораго къ сыну проникнуты патріотическимъ и религіознымъ настроеніемъ. Напримѣръ, онъ совѣтовалъ ему пригласить „человѣка добронравнаго, съ помощью котораго бы два раза въ недѣлю вы упражнялись въ чтеніи книгъ церковныхъ, особливо псалтыри, для познанія россійскаго краснорѣчія, какъ природнаго языка, а потому нужнаго и употребительнѣйшаго, разбирая при томъ смыслъ онаго писанія и замѣчая слова, еще неизвѣстныя, особливо которыя къ великолѣпному изображенію рѣчи способны“ [3]). Впрочемъ, самъ кн. Борисъ Александровичъ не долго руководилъ воспитаніемъ сына: удрученный разнаго рода непріятностями, 22 ноября 1764 г., онъ преждевременно сошелъ въ могилу въ полномъ расцвѣтѣ своихъ блестящихъ административныхъ способностей и рѣдкихъ душевныхъ дарованій [4]), всего на 31-мъ году своей жизни. Всѣ современники князя согласны, что и въ этомъ юномъ возрастѣ онъ былъ замѣчательнымъ государственнымъ мужемъ и обѣщалъ сдѣлаться однимъ изъ величайшихъ людей своего отечества. Дѣйствительно, еще не исполнилось ему тридцати лѣтъ, когда онъ, будучи уже генералъ-лейтенантомъ, сенаторомъ, оберъ-гофмейстеромъ, кавалеромъ св. Александра Невскаго и приватнымъ секретаремъ

---

[1]) Ему именно приписывается въ настоящее время пресловутая „Исторія Русовъ“, изданная О. М. Бодянскимъ въ „Чтеніяхъ Московскаго общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“ въ 1846 г. Авторомъ ея долгое время считался могилевскій епископъ Георгій Конисскій. См. статьи С. М. Соловьева въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1848—1849 гг.,—А. М. Лазаревскаго въ „Кіевской Старинѣ“ 1891 г., т. XXXIII, стр. 97—116, и характерное примѣчаніе П. И. Бартенева въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1890 г. № 10, стр. 200.

[2]) „Хроника недавней старины“. Изъ архива кн. Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго. СПБ. 1876 г., стр. 6.—Н. Ѳ. Самаринъ „Ю. А. Нелединскій-Мелецкій“. Очерки его жизни, бумаги и переписка его. Русскій Архивъ. 1867 г., стлб. 108—110. Здѣсь невольно припоминаются слова одной изъ княгинь Куракиныхъ на упреки въ отчужденіи нашей аристократіи отъ русской народности: „Мы и по-французски умѣли любить Россію и русскій народъ“.

[3]) Стр. 238 настоящей книги, а также стр. 232, 235 и 236.

[4]) См. надпись на гробницѣ князя въ Чудовѣ монастырѣ, напечатанную въ III кн. „Архива кн. Ѳ. А. Куракина“, стр. 436—437. Тамъ же его портретъ.

Екатерины II, былъ назначенъ ею президентомъ коллегіи экономіи, т.-е., по-нынѣшнему, министромъ финансовъ. Смерть кн. Бориса Александровича оплакивала сама императрица, такъ искусно умѣвшая цѣнить таланты. Вотъ что өна писала ему наканунѣ его кончины:

„Князь Борисъ Александровичъ. Я безмѣрно сожалѣю, что вы больны, и желаю слышать о вашемъ облегченіи. Рекомендую вамъ для того оставить всѣ ваши труды по дѣламъ, на васъ положеннымъ, потому что вы,—какъ слышу,—и въ болѣзни ихъ не покидаете. Не безпокойте себя отнюдь ничѣмъ, по коихъ поръ совершенно не выздоровѣете. Я слышу, что вы лѣкарствы не принимаете; пожалуй, хотя для меня поберегитеся: мнѣ ваше здоровье надобно. Екатерина“ [1]).

Дѣлами и воспитаніемъ малолѣтнихъ князей, по смерти ихъ отца, завѣдывали опекуны: знаменитый государственный канцлеръ гр. Никита Ивановичъ Панинъ и не менѣе извѣстный братъ его, гр. Петръ Ивановичъ, родные дяди почившаго князя, а со стороны княгини Елены Степановны—дальній родственникъ ея гр. Өедоръ Алексѣевичъ Апраксинъ [2]) и Александръ Өедоровичъ Талызинъ, женатый [3]) на Маріи Степановнѣ Апраксиной, родной сестрѣ овдовѣвшей княгини, одинъ изъ пособниковъ Екатерины при восшествіи ея на престолъ [4]), впослѣдствіи тайный совѣтникъ и сенаторъ.

Чрезъ четыре года, по смерти мужа, за нимъ послѣдовала и пышная красавица княгиня Елена Степановна [5]), оставивъ че-

---

[1]) П. И. Бартеневъ. „Осьмнадцатый вѣкъ“. Т. III, стр. 391, а также „Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества“. Т. VII, стр. 176.

[2]) Род. 1733 г.; родной внукъ боярина Петра Матвѣевича, перваго графа Апраксина; женатъ на Екатеринѣ Владиміровнѣ Салтыковой. Онъ приходился отчасти родственникомъ и кн. Куракинымъ, такъ-какъ графиня Марія Михайловна Апраксина, супруга гр. Александра Петровича, ур. княжна Куракина, была двоюродная тетка кн. Бориса Александровича.

[3]) Съ 19 января 1763 г.

[4]) Въ 1762 г. онъ служилъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку.

[5]) По родословной, помѣщенной въ I т. „Архива кн. Ө. А. Куракина“, † 1768 г. октября 29 въ Петербургѣ. Но на гробницѣ ея, на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры, до 1780 г. была слѣдующая надпись: „Куракина Елена Степановна, дочь генералъ-фельдмаршала и разныхъ орденовъ кавалера Степана Өеодоровича Апраксина, р. 5 сент. 1735 г.; бракомъ сочетавшись на 16 году возраста своего съ кн. Борисомъ Александровичемъ Куракинымъ, гофмейстеромъ, камергеромъ и кавалеромъ, поживе въ супружествѣ по 22 ноября 1764 г.; † 29 окт. 1769 г., къ сожалѣнію многихъ, оставя по себѣ любезныхъ дѣтей, четырехъ сыновей“. На возобновленномъ же и существующемъ до сихъ поръ памятникѣ мы читаемъ: „Княгиня Елена Степановна Куракина, дочь С. Ө. Апраксина и статсъ-дамы Аграөены Леонтьевны, замужъ вышла 6 февр. 1751 г., † 31 окт. 1769 г“. (В. Саитовъ. „Петербургскій Некрополь“. Приложеніе къ „Русскому Архиву“. М. 1883 г. Стр. 71). Итакъ, пока мы имѣемъ три различныхъ даты кончины княгини.

тырехъ малолѣтнихъ сыновей своихъ круглыми сиротами. Графъ Н. И. Панинъ, назначенный еще съ 29 іюня 1760 г. воспитателемъ цесаревича Павла Петровича, взялъ осиротѣвшаго кн. Александра Борисовича въ качествѣ товарища къ своему высокому питомцу. Записки Порошина [1]) весьма часто упоминаютъ, ка̀къ молодой князь и еще болѣе юный цесаревичъ вмѣстѣ играли, сообща придумывали шалости, обижали другъ друга, ссорились и мирились. Въ семьѣ князей Куракиныхъ еще въ недавнее время сохранялся столъ [2]), на которомъ много лѣтъ подъ-рядъ два друга, — наслѣдникъ престола и подданный, — обучались подъ руководствомъ однихъ и тѣхъ же преподавателей [3]). Эти добрыя отношенія сохранились между ними навсегда, и въ своей интимной перепискѣ кн. Александръ Борисовичъ называетъ цесаревича Па́влушкой [4]).

Кромѣ добросовѣстныхъ и дѣятельныхъ опекуновъ, осиротѣвшіе князьки имѣли добрую и нѣжную покровительницу въ лицѣ бабушки своей, княгини Александры Ивановны. Эту почтенную особу вообще можно назвать устроительницей обширныхъ куракинскихъ вотчинъ и громаднаго состоянія ихъ, расшатаннаго продолжительною дипломатическою службою ея тестя, кн. Бориса Ивановича, и ея мужа, кн. Александра Борисовича I. Дочь покрытаго ранами и любимаго Петромъ В., но

---

[1]) Изд. 2-е. Спб. 1881 г. Кн. Александръ Борисовичъ упоминается въ нихъ на тридцати девяти страницахъ. — „Русская Старина". 1874 г. Кн. IX, стр. 674.

[2]) Въ „Описи мебелямъ и вещамъ, находящимся Тверской вотчины въ селѣ Степановскомъ, въ главномъ господскомъ домѣ" 1849 г. этотъ столъ описанъ такимъ образомъ:

„Бюро покойнаго императора Павла I, окрашенное зеленою краскою, съ бронзовыми позолоченными фигурами и украшеніями, покрытое зеленымъ бархатомъ, о пяти ящикахъ. Къ нему принадлежатъ: бронзовая позолоченная чернильница съ таковыми же песочницею и облаточницею, двѣ таковыя же накладки на мраморныхъ доскахъ, плато мозаиковое съ бронзою и четырьмя камнями, изображающими имя Павла. На семъ же бюро четыре бронзовыхъ шандала позолоченныхъ, семь накладокъ: одна китайская, деревянная, двѣ бронзовыя, три таковыя же съ малахитомъ, одна деревянная со сталью, бюстъ бронзовый позолоченный короля римскаго въ младенчествѣ, ваза для облатокъ бронзовая на пьедесталѣ карарскаго мрамора, двѣ каменныя вазы для перьевъ, чернильница и песочница хрустальныя, англійскіе щипцы патентованные, на лоточкѣ".

Изъ той же описи видно, что самый столъ былъ отправленъ въ московскій домъ, а нѣкоторыя изъ поименованныхъ вещей—въ Петербургъ.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 676, стр. 3—4].

[3]) Въ одѣ Степана Русова на восшествіе на престолъ Павла Петровича (1797 г. ноября 6) авторъ намекаетъ на кн. Александра Борисовича, говоря про друзей Павла:

„Ты сердце узналъ ихъ и руки,
Съ иными проходя науки"...

П. И. Бартеневъ. „Осьмнадцатый вѣкъ". Т. IV. М. 1869 г., стр. 487.

[4]) П. И. Бартеневъ. „Осьмнадцатый вѣкъ". Т. III, стр. 410.

недостаточно „родословнаго", генерала Ивана Васильевича Панина [1]) и Аграфены Васильевны, ур. Эверлаковой, княгиня Александра Ивановна [2]) вывела въ люди, благодаря огромному, освященному исторіей, значенію кн. Куракиныхъ при дворѣ, своихъ младшихъ братьевъ, Никиту Ивановича и Петра Ивановича Паниныхъ [3]), только-что упомянутыхъ нами и всегда считавшихъ себя въ долгу у кн. Куракиныхъ. Мужъ княгини Александры Ивановны, кн. Александръ Борисовичъ I, тайный совѣтникъ, въ рангѣ полнаго генерала, полномочный посолъ въ Парижѣ и оберъ-шталмейстеръ [4]), былъ человѣкъ обширной образованности и тонкаго ума. Въ капризное время императрицъ и фаворитовъ, когда другимъ князьямъ нерѣдко представлялся трудный выборъ между шутовскимъ колпакомъ и ссылкой или даже плахой, онъ сумѣлъ съ достоинствомъ удержать свое неизмѣнно вліятельное положеніе при дворѣ, одинаково пріятный и Екатеринѣ I, и Аннѣ Іоанновнѣ, и Аннѣ Леопольдовнѣ, и Елисаветѣ Петровнѣ, своими bons mots и неистощимымъ юморомъ. Его возвышалъ даже Петръ Великій, хотя по матери князь и приходился двоюроднымъ братомъ злополучному царевичу Алексѣю Петровичу. Уклоняясь отъ высшихъ назначеній, кн. Александръ Борисовичъ, тѣмъ не менѣе, былъ долго конференцъ-министромъ, и во всѣхъ важныхъ случаяхъ его совѣты цѣнились высоко, такъ что не даромъ онъ имѣлъ два высшихъ знака отличія—св. Александра Невскаго и св. Андрея Первозваннаго. О роскоши князя, его лошадяхъ [5]), гастрономическихъ вкусахъ и тонкихъ винахъ сохранилось много разсказовъ [6]), и княгинѣ Александрѣ Ивановнѣ въ теченіе ея тридцатилѣтняго вдовства выпало не мало хлопотъ по приведенію въ порядокъ хозяйственныхъ

---

[1]) Род. 1673 г., † 1736 г. мая 11.—„Русскій Инвалидъ". 1818 г. № 206. (Некрологія кн. А. Б. Куракина).

[2]) Род. 1711 г. февраля 3, † 1786 г. февраля 11.

[3]) П. Н. Петровъ. „Составитель замѣчаній на записки Манштейна о Россіи графъ П. И. Панинъ". 1770 г. Изслѣдованіе. Русская Старина. 1879 г. Т. XXVI, стр. 623.

[4]) Званіе чрезвычайно высокое въ тѣ времена, особенно въ царствованіе Анны Іоанновны.

[5]) „Русскій Архивъ". 1883 г. Т. II, стр. 275.

[6]) Карабановъ П. Ѳ. „Историческіе разсказы и анекдоты, записанные со словъ именитыхъ людей". Русская Старина. Т. IV. 1871 г., стр. 691.—Корсаковъ Д. А. „Артемій Петровичъ Волынскій". Біографическій очеркъ. Древняя и Новая Россія. 1877 г. Т. II, стр. 104, 109, 225—226.—Онъ же. „Артемій Петровичъ Волынскій и его конфиденты". Русская Старина. Т. XLVIII. 1885 г., стр. 26—27.—Онъ же. „Н. А. Кудрявцевъ и его потомство". Историческій Вѣстникъ. Т. XXIX. 1887 г., стр. 557.

дѣлъ, въ чемъ она выказала большія способности и поразительную энергію.

По смерти сына и невѣстки, доброй бабушкѣ достались новыя заботы объ осиротѣвшихъ внучатахъ: въ ея московскомъ домѣ [1]) и въ петербургскихъ палатахъ [2]) былъ цѣлый пансіонъ изъ малолѣтнихъ князьковъ и княженъ. Вмѣстѣ съ князьями Куракиными учились тамъ два брата Лобановыхъ-Ростовскихъ [3]), изъ коихъ одинъ,—кн. Димитрій Ивановичъ,—былъ впослѣдствіи министромъ юстиціи. Тамъ же росъ извѣстный поэтъ Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій [4]), статсъ-секретарь императора Павла, т. с., сенаторъ и почетный опекунъ, сынъ Татьяны Александровны, ур. княжны Куракиной [5]). Вообще домъ старой княгини Куракиной „былъ сосредоточіемъ многочисленной родни: тѣсныя семейныя и родовыя связи представляли собою тогда великую общественную силу, въ нашъ вѣкъ, подобно многимъ нравственнымъ силамъ прошлаго времени, совершенно ослабленную“ [6]). Молодежью командовала пожилая тетушка-дѣвица, княжна Аграфена Александровна [7]),

---

[1]) На Нижней Лубянской площади, противъ дома бывшаго Шипова, въ приходѣ Дмитрія Солунскаго, у церкви Гребенскія Божія Матери, въ глубинѣ огромнаго двора. Этотъ домъ существуетъ доселѣ, но въ крайне разоренномъ видѣ; принадлежалъ въ 1877 г. г. Ромейкѣ; въ немъ стала жить княгиня Александра Ивановна съ 1770 г.; у нея была здѣсь домовая церковь во имя Святыя Троицы. „Русскій Архивъ“. 1876 г. Т. II, стр. 11 (прим. составителя) и 1888 г. Т. III, стр 303.—Мартыновъ „Русскія достопамятности“. Т. II. М. 1877 г., стр. 14.—„Русская старина“. 1873 г. № 7, стр. 95.

[2]) Бывшій дворецъ императрицы Елисаветы Петровны, на Невскомъ, между Полицейскимъ мостомъ и Б. Морскою, нынѣ д. Елисѣева. „Архивъ кн. Воронцова“, сост. П. И. Бартеневымъ. Кн. XXXV. 1889 г., стр. 411 (прим. составителя).

[3]) Мать ихъ, княгиня Екатерина Александровна, р. 1735 г. сентября 3, дочь кн. Александра Борисовича Куракина, съ 1752 г. мая 4 супруга кн. Ивана Ивановича Лобанова-Ростовскаго; † 1791 г. марта 26.

[4]) Род. 1752 г. сент. 6, † 1829 г. февр. 13; женатъ на княжнѣ Екатеринѣ Николаевнѣ Хованской († 1813 г. апр. 3). Родоначальникъ его, Станиславъ Мелецкій, выѣхалъ изъ Польши въ началѣ XV в. и во св. крещеніи названъ Михаиломъ. Въ 1699 г. Мелецкіе получили право, въ отличіе отъ другихъ родовъ, писаться Нелединскими-Мелецкими по вотчинамъ на р. Нелединѣ (Бѣжецкаго у. Тверской губ.). Сынъ Юрія Александровича, Александръ Юрьевичъ, не оставилъ потомства, и родъ его въ прямой линіи угасъ. Дочь его Аграфена Юрьевна была за д. т. с. кн. Александромъ Петровичемъ Оболенскимъ, старшій сынъ котораго, кн. Сергій Александровичъ, получилъ въ 1869 г. разрѣшеніе писаться княземъ Оболенскимъ-Нелединскимъ-Мелецкимъ.

[5]) Род. 1732 г. іюля 3, † 1754 г. декабря 16, т.-е. на 23-мъ году жизни.

[6]) „Русскій Архивъ“. 1876 г. Т. II, стр. 11 (прим. составителя).

[7]) Княжна Агрипина (Аграфена) Александровна Куракина, третья дочь кн. Александра Борисовича I, родилась 1734 г. мая 27; императрицею Елисаветою Петровною пожалована во фрейлины, а при Екатеринѣ II считалась въ отпуску, проживая, главнымъ образомъ, въ Москвѣ съ своею престарѣлою матерью; скончалась скоропостижно 1791 г. іюня 11 и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ подъ соборнымъ храмомъ.

вліяніе которой на кн. Александра Борисовича было очень велико.

Едва минуло кн. Александру Борисовичу 14 лѣтъ, какъ, по фамильной дѣдовской традиціи, его рѣшили отправить за границу, именно въ Киль [1]), который принадлежалъ тогда, подъ опекою Екатерины, цесаревичу Павлу Петровичу, какъ герцогу гольштейнъ-готторпскому, и университетъ котораго привлекалъ по этой причинѣ не мало русскихъ студентовъ. Въ 1765 г. кильскій университетъ праздновалъ столѣтній юбилей своего существованія, и по случаю этого торжества Екатериною было выстроено огромное университетское зданіе.

Выборъ мѣста для обученія молодого князя былъ сдѣланъ, вѣроятно, не безъ участія его наставника, Григорія Андреевича Полетики, братъ котораго, Иванъ Андреевичъ [2]), докторъ медицины лейденскаго университета, состоялъ тогда профессоромъ кильскаго университета. Какъ бы то ни было, въ университетскомъ альбомѣ въ іюлѣ 1766 г. записанъ въ число студентовъ „Princeps Alexander Borisowitz Kurakin, Russus [3]).

Вѣроятно, въ концѣ 1768 г. кн. Александръ Борисовичъ, получивъ пышный дипломъ въ окончаніи курса [4]), вернулся на родину. Что именно онъ дѣлалъ въ 1769 г., мы въ точности не знаемъ: по скудости матеріаловъ, сохранившихся за названный годъ въ Надеждинскомъ архивѣ [5]), это время является наиболѣе темнымъ въ біографіи князя. Есть извѣстіе [6]),

---

[1]) Киль превосходный портъ, постоянно поддерживающій пароходные рейсы и сношенія съ Даніею, Швеціею, Норвегіею, Россіею, словомъ—со всѣми портами Балтійскаго моря. Онъ основанъ въ XI в. и входилъ въ составъ ганзеатическихъ городовъ; въ 1773 г. былъ отданъ Даніи, а затѣмъ перешелъ къ Пруссіи и состоитъ нынѣ въ Шлезвигъ-Голштинской провинціи.

Въ кильскомъ университетѣ нынѣ всего 160 студентовъ при 32-хъ профессорахъ.

[2]) Род. 1722 г., † 1783 г. апрѣля 22.

[3]) См. замѣтку Я. К. Грота въ „Извѣстіяхъ Императорской Академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности", т. IX, вып. III, стр. 148—160. Одновременно съ кн. Александромъ Бор. Куракинымъ въ кильскомъ университетѣ обучался Алексѣй Григорьевичъ Тепловъ.

[4]) Стр. 276—277 настоящей книги.

[5]) 1769 году принадлежатъ всего 23 документа (по хронологической описи №№ 12154—12176), но, за исключеніемъ двухъ писемъ, изъ коихъ одно помѣщено нами въ настоящей книгѣ подъ № 928, всѣ эти бумаги состоятъ въ донесеніяхъ управляющихъ и въ разныхъ вѣдомостяхъ по имѣніямъ.

[6]) Н. Ѳ. Самаринъ. „Ю. А. Нелединскій-Мелецкій". Очерки его жизни, бумаги и переписка его. Русскій Архивъ. 1876 г., стлб. 108—110.—„Хроника недавней старины". Изъ архива кн. Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго. СПБ. 1876 г., стр. 7.

что въ началѣ 1769 г. князь вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ своимъ, Ю. А. Нелединскимъ-Мелецкимъ, былъ отправленъ въ страсбургскій университетъ, тоже весьма популярный среди русской молодежи того времени, но за какія-то шалости, по жалобѣ приставленнаго къ нимъ гувернера, ихъ обоихъ возвратили на родину. Дѣйствительно, мы можемъ сказать на основаніи архивныхъ данныхъ, что въ концѣ 1769 г. кн. Александръ Борисовичъ находился въ Петербургѣ.

Въ маѣ слѣдующаго 1770 г. князь, уже одинъ, былъ отправленъ доучиваться въ лейденскій университетъ [1]), сдѣлавшійся съ самаго основанія своего въ 1575 г. однимъ изъ знаменитѣйшихъ въ Европѣ. Много воспоминаній было связано у князя съ обширнымъ университетскимъ зданіемъ, выстроеннымъ изъ бывшаго женскаго монастыря, и съ академическою залою, украшенною портретами всѣхъ профессоровъ университета. Но въ предисловіи мы не будемъ распространяться о лейденской жизни князя, такъ-какъ онъ самъ подробно разсказываетъ о ней и въ началѣ своихъ „Souvenirs de voyage“ [2]), и въ цѣлой серіи писемъ, намѣченныхъ нами для VI книги „Архива кн. Ѳ. А. Куракина“. Скажемъ лишь нѣсколько словъ о тѣхъ двухъ профессорахъ, у которыхъ, по обычаю того времени, онъ бралъ приватные уроки, и которые весьма много повліяли на его развитіе.

Одинъ изъ нихъ Алламанъ [3]), родомъ швейцарецъ, былъ сначала профессоромъ естественной исторіи и философіи въ университетѣ маленькаго голландскаго городка Франекера [4]), а затѣмъ перешелъ въ Лейденъ. Онъ состоялъ членомъ лондонскаго королевскаго общества и гарлемской академіи наукъ. По преданію, голландскіе моряки любили привозить любознательному профессору изъ своихъ далекихъ путешествій рѣдкія растенія, животныхъ, раковины и т. п., которыми онъ обогащалъ ботаническій садъ и музей университета, находившіеся подъ его наблюденіемъ. Онъ сдѣлалъ интересныя открытія въ

---

[1]) Подъ 14-мъ іюня н. с. 1770 г. въ студенческіе списки былъ внесенъ ректоромъ „Alexander de Borisof, Equestris ordinis Russus“, жительствующій „in't Hoff van Holland op de Breestraat“. Замѣтимъ, что 2 марта н. с. 1775 г. въ тѣхъ же регистрахъ значится „Alexius, Princeps Kurakin, Petropolitanus“. Эти свѣдѣнія извлечены нами изъ письма почтеннаго ректора лейденскаго университета, отъ 8 января н. с. 1894 г.

[2]) См. стр. 333—335 настоящей книги.

[3]) Jean-Nicolas-Sébastien Allamand род. 1713 г. въ Лозаннѣ, † 1787 г. въ Лейденѣ.

[4]) Этотъ университетъ существовалъ съ 1585 по 1811 г.

области электричества, и первый объяснилъ феноменъ лейденской банки [1]). Алламанъ читалъ князю курсъ философіи.

Но особеннымъ уваженіемъ и продолжительною дружбою пользовался у кн. Александра Борисовича его наставникъ въ юридическихъ наукахъ Фридрихъ-Вильгельмъ Пестелль [2]). Отецъ его, знаменитый профессоръ морали и права въ Ринтельнѣ, оставилъ послѣ себя до шестидесяти ученыхъ сочиненій. Что касается Фридриха-Вильгельма, уже 19 лѣтъ отъ роду онъ читалъ естественное и публичное право въ лейденскомъ университетѣ, которому посвятилъ всю свою жизнь. Лишь шесть лѣтъ онъ провелъ въ изгнаніи за свою преданность оранскому дому, но въ 1801 г. каѳедра была возвращена ему, и онъ умеръ въ 1805 г. въ Лейденѣ восьмидесяти одного года отъ рожденія. Послѣ него осталось также много ученыхъ сочиненій.

Изъ ученическихъ тетрадей князя мы видимъ, что его научныя занятія въ Лейденѣ велись настолько усердно и методично, что имъ могло бы позавидовать и наше время. Не даромъ цесаревичъ Павелъ Петровичъ, путешествуя въ 1782 г. по Европѣ, при посѣщеніи лейденскаго университета сказалъ встрѣчавшимъ его профессорамъ: „Я очень обязанъ вамъ тѣмъ, господа, что, благодаря вашимъ трудамъ, многіе изъ моихъ соотечественниковъ сдѣлались способны служить съ пользою своей родинѣ“. Присутствіе кн. Александра Бор. Куракина въ свитѣ графа Сѣвернаго придавало особую убѣдительность этимъ словамъ [3]).

Во время обоихъ описанныхъ нами заграничныхъ путешествій кн. Александра Борисовича въ качествѣ гувернера при немъ находился нѣкто графъ Сальдернъ, младшій братъ

---

[1]) Подробности объ Алламанѣ см. у Paquot. „Mémoires pour servir à l'histoire littéraire des dix-sept provinces des Pays-Bas“, t. III, p. 108.—Marchand. „Dictionnaire historique“.—Ersch. „Supplément à la France littéraire“. 1802 г., стр. 4.—Barbier. „Examen critique“. I, 29.—„Transact. philosoph. de Londres“, № 477.—„Bibliothèque Britannique ou histoire des ouvrages des sçavants de la Grande-Bretagne“, t. XXIV. 1747 г., стр. 406.

[2]) Множество писемъ послѣдняго, сохранившихся въ Надеждинскомъ архивѣ, и отвѣтныхъ черновиковъ князя свидѣтельствуютъ объ этомъ. Замѣтимъ кстати, что русская фамилія Пестелей, къ коей принадлежали извѣстный московскій почтъ-директоръ въ прошломъ вѣкѣ Борисъ Владиміровичъ, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Иванъ Борисовичъ и командиръ Вятскаго полка Павелъ Ивановичъ, повѣшанный въ 1826 г.,—совсѣмъ другого происхожденія и ведетъ свое начало отъ Владиміра Пестеля, также московскаго почтъ-директора при Елисаветѣ Петровнѣ, вступившаго въ русскую службу въ 1718 г.

[3]) „Архивъ кн. Воронцова“, сост. П. И. Бартеневымъ. Т. XIV, стр. 214.—Е. Шумигорскій. „Императрица Марія Ѳеодоровна“. Русскій Архивъ. 1890 г. Т. II, стр. 71.

голштинскаго министра при русскомъ дворѣ, впослѣдствіи [1]) русскаго посла въ Варшавѣ. Это былъ человѣкъ, повидимому, образованный и энергичный; но, какъ онъ, такъ и братъ его, награжденные въ Россіи превыше заслугъ, относились, тѣмъ не менѣе, ко всему русскому съ насмѣшкою и предубѣжденіемъ.

Письма знакомыхъ и друзей кн. Александру Борисовичу во время его продолжительныхъ отсутствій изъ Россіи интересны особенно тѣмъ, что даютъ не мало новыхъ свѣдѣній о цесаревичѣ и его приближенныхъ. Въ этомъ отношеніи матеріалы, помѣщенные въ настоящей книгѣ и предназначенные для VI т. „Архива кн. Ѳ. А. Куракина“, представляютъ собою, по мѣткому замѣчанію П. И. Бартенева, какъ бы продолженіе драгоцѣнныхъ записокъ Порошина о молодости Павла Петровича, оборвавшихся, какъ извѣстно, въ самомъ началѣ 1766 г. [2]). Въ свою очередь и кн. Александръ Борисовичъ не жалѣлъ времени и труда на корреспонденцію въ Россію, своему царственному другу, особенно подробно излагая заграничныя впечатлѣнія. Къ сожалѣнію, количество писемъ Павла Петровича и его обѣихъ супругъ въ Надеждинскомъ архивѣ весьма незначительно, въ виду того обстоятельства, что, по смерти кн. Александра Борисовича, [3]) почти вся переписка его съ помянутыми высокими особами была возвращена вдовствующей императрицѣ. Такъ, въ сентябрѣ 1818 г. кн. Димитрій Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій, по приказу Маріи Ѳеодоровны, проситъ кн. Алексѣя Борисовича Куракина принять мѣры, чтобы переписка его покойнаго брата съ царственными особами не разошлась по рукамъ. Затѣмъ мы имѣемъ подлинное письмо императрицы на французскомъ языкѣ, отъ 13 ноября того же года, изъ Майнца кн. Алексѣю Борисовичу съ тою же просьбою и отвѣтъ князя, что въ Веймарѣ на всѣ бумаги покойнаго брата его наложены печати, которыя останутся нетронутыми до Петербурга. Изъ дальнѣйшей переписки мы узнаёмъ, что царственная корреспонденція была привезена изъ Веймара барономъ Сердобинымъ [4]),

---

[1]) Въ 1771 г. Онъ былъ русскимъ посланникомъ въ Копенгагенѣ, когда князь находился въ кильскомъ университетѣ, и много вліялъ на его воспитаніе. См. также алфавитный указатель.

[2]) Послѣдняя запись 13 января.

[3]) 1818 г. іюня 25 въ Веймарѣ.

[4]) Баронъ Александръ Николаевичъ Сердобинъ, любимѣйшій изъ воспитанниковъ кн. Александра Борисовича, который, какъ бальи Мальтійскаго ордена, не имѣлъ права жениться, родился въ селѣ Надеждинѣ, на р. Сердобѣ, и получилъ самое изысканное воспитаніе. Онъ былъ женатъ на француз-

а кн. Борисъ Алексѣевичъ [1]), племянникъ и наслѣдникъ усопшаго, вручилъ ее лично императрицѣ.

Между тѣмъ изъ „реестровъ отъ разныхъ персонъ и разныхъ годовъ письмамъ полученнымъ“ [2]), уцѣлѣвшихъ за нѣсколько лѣтъ, мы можемъ указать съ достовѣрностью, что за 1770—1772 гг. у князя хранилось 30 писемъ цесаревича, въ 1780 г. поступило 5, въ 1781 г.—12, въ 1782 г.—13.

О помѣщенномъ въ концѣ книги обширномъ описаніи путешествія кн. Александра Борисовича въ Голландію и Англію мы должны предупредить читателей, что оно было отпечатано еще при жизни князя. Вотъ тогдашній заголовокъ его:

„Souvenirs | d'un voyage | en Hollande et en Angleterre, | par le P. A. K., | à sa sortie de l'université de Leyde | durant les années 1770, 1771 et 1772. | St. Pétersbourg, | de l'imprimerie de Pluchart. | 1815“.

И на оборотѣ титульнаго листка:

„Permis d'imprimer. | St. Pétersbourg, le 19 sept. 1815. | Timcowskoy, | Censeur et Conseiller d'Etat.

Въ предисловіи своемъ издатель говоритъ:

„Cet ouvrage n'était point destiné à voir le jour. Le P. A. K. qui l'avait entrepris, à l'âge de 19 ans, dans l'intention de se rendre compte à lui-même de tout ce qui fixerait son attention dans le cours de ses voyages, l'ayant retrouvé parmi ses papiers, en a fait tirer un très petit nombre d'exemplaires pour son usage et celui de quelques amis. Il est loin d'avoir la prétention d'être auteur, et n'ignore pas que plusieurs des détails qui se trouvent dans son ouvrage,

---

ской графинѣ де-Шуазёль и бóльшую часть своей жизни провелъ во Франціи. Если не ошибаемся, потомство его доселѣ владѣетъ замкомъ Шокіеръ, близъ Льежа. Единственный въ настоящую минуту извѣстный намъ представитель рода бароновъ Сердобиныхъ, баронъ Павелъ Михайловичъ, бывшій офицеръ русской службы (род. въ 1862 г.), женатъ на американкѣ и живетъ въ Америкѣ, пріѣзжая время отъ времени въ Россію. Сестра барона, незабвенной памяти баронесса Марія Михайловна (род. 1844 г., † 1894 г.), находилась съ 1866 г. въ замужствѣ за псковскимъ помѣщикомъ барономъ Степаномъ Борисовичемъ Вревскимъ.

Мы еще будемъ имѣть случай возвратиться въ послѣдующихъ томахъ „Архива“ къ баронамъ Сердобинымъ и Вревскимъ, выдѣлившимъ изъ своей среды за сравнительно короткое время нѣсколькихъ замѣчательныхъ дѣятелей.

[1]) Сенаторъ, тайный совѣтникъ, единственный продолжатель въ это время княжескаго дома Куракиныхъ, род. 1783 г., † 1850 г. октября 2, женатъ на княжнѣ Елисаветѣ Борисовнѣ Голицыной, писательницѣ на французскомъ языкѣ; ея весьма интересный дневникъ, веденный въ теченіе многихъ лѣтъ, хранится въ селѣ Надеждинѣ-Куракинѣ.

[2]) Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 1375 „Мои разныя старыя бумаги“, стр. 132—162.

ne peuvent offrir à présent qu'un très médiocre intérêt; mais il ne les a pas supprimés, parce qu'ils lui étaient personnellement précieux, comme se rattachant à une foule de souvenirs de sa jeunesse".

Такъ-какъ названное сочиненіе, отпечатанное въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, является нынѣ величайшею библіографическою рѣдкостью [1]), а съ другой стороны представляетъ немаловажный автобіографическій интересъ, то мы рѣшили перепечатать его, пользуясь для этой цѣли единственнымъ извѣстнымъ намъ экземпляромъ Чертковской библіотеки [2]),—что́ нынѣ при Московскомъ историческомъ музеѣ,—и любезнымъ содѣйствіемъ ея библіотекаря А. И. Станкевича.

Располагая точнѣйшей копіей съ вышепомянутаго печатнаго экземпляра, мы придерживались, однако, по преимуществу подлинной рукописи кн. Александра Борисовича [3]), такъ-какъ книга, которая печаталась подъ наблюденіемъ княжескаго секретаря, владѣвшаго французскимъ языкомъ гораздо хуже, чѣмъ самъ князь, испещрена ненужными поправками и даже искаженіями. Притомъ чрезъ 45 лѣтъ кн. Александръ Борисовичъ естественно смотрѣлъ на вещи уже другими глазами, а потому счелъ нужнымъ вычеркнуть многое, въ чемъ особенно ярко выражалось настроеніе его юной души, и что́ мы сочли не лишнимъ возстановить по рукописи. Дай Богъ каждому современному намъ молодому человѣку такъ мыслить, чувствовать и такъ искусно владѣть перомъ, какъ восемнадцатилѣтній князь Куракинъ!

Группируя матеріалы съ ихъ внѣшней стороны, мы должны сказать, что №№ 824, 825, 827—829, 839—841, 851, 860, 865, 882—887, 889—891, 898—902, 906—908, 910—914, 917, 918, 920—932, 934, 935—938 представляютъ собою собственноручные подлинники; №№ 844, 846, 849, 853, 888,

---

[1]) Извѣстные иностранные и русскіе антикваріи въ теченіе двухъ лѣтъ искали его для насъ, но безуспѣшно.

[2]) По печатному каталогу № 3016. См. еще объ этой книгѣ: Г. Н. Геннади. „Справочный словарь о русскихъ писателяхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, и списокъ книгъ съ 1725 по 1825 г.". Берлинъ. 1880 г, стр. 202.—Карцевъ и Мазаевъ. „Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей". СПБ. 1891 г., стр. 151.—Запросъ В. Н. Смольянинова объ этомъ сочиненіи въ „Русскомъ Архивѣ" 1894 г. № 5, стр. 160.

[3]) Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 973 „Journal circonstancié de tout ce qui attirera particulièrement mon attention pendant mes voyages, commencé le 9 juin n. s. 1770", стр. 1—153.

894—897, 909, 916, 919, 933—подлинники, лишь подписанные собственноручно; №№ 826, 830, 847, 856, 857, 861, 870, 878, 880, 915—собственноручные черновики; №№ 854, и 874—черновики, лишь отчасти собственноручные; №№ 858, 859, 869, 877—черновики подьяческіе или руки разныхъ лицъ; № 868—собственноручную копію; №№ 831—838, 842, 845, 855, 863, 867, 871, 875, 879, 881, 892, 893—копіи подьяческія или руки разныхъ лицъ; № 903—печатный подлинникъ; №№ 904 и 905—печатные подлинники, собственноручно подписанные; №№ 843, 848, 850, 852, 862, 864, 866, 872, 873, 876—шифрованные подлинники.

Кромѣ того, №№ 843, 848, 850, 854, 855, 857, 861, 864, 865, 867, 874, 878, 879, 889, 899, 917, 918, 922 напечатаны лишь въ выдержкахъ, чтобъ избѣжать повтореній въ письмахъ разнымъ лицамъ, особенно частыхъ у кн. Бориса Ивановича.

При изданіи настоящей книги незамѣнимыми сотрудниками нашими попрежнему были А. О. Лебедевъ и М. А. Горбунова-Неандеръ, а почтенному издателю „Русскаго Архива“ Петру Ивановичу Бартеневу, кромѣ просмотра оригинала, принадлежатъ еще примѣчанія, помѣченныя буквами П. Б.

В. Н. Смольяниновъ,
директоръ Александровскаго Саратовскаго дворянскаго пансіона и правитель дѣлъ Саратовской ученой архивной коммиссіи.

По отпечатаніи обложки, мы получили извѣщеніе, что четвертый томъ „Архива кн. Ѳ. А. Куракина“ также удостоенъ одобренія Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

БУМАГИ

КНЯЗЯ

БОРИСА ИВАНОВИЧА КУРАКИНА И ЕГО ПРЕДКОВЪ

1661—1713 гг.

Записки князя Б. И. Куракина о посольствахъ при европейскихъ дворахъ, фамильныя дѣла и переписка съ разными лицами.

ДИПЛОМАТИЧЕСКІЕ МЕМУАРЫ

князя

БОРИСА ИВАНОВИЧА КУРАКИНА

1711 Г. АВГУСТА 20—1713 Г. ДЕКАБРЯ 10.

824. Дипломатическая бесѣда кн. Б. И. Куракина съ княземъ Рагоци.

1711 г. августа 20, отъ Ярославля въ пути.

Былъ въ довольномъ разговорѣ съ княземъ Рагоци, въ которомъ многое увидишь къ интересамъ имперія Всероссійскаго и другихъ принцевъ при нынѣшней войнѣ.

Нечаемо тотъ случай пришелъ съ нимъ о такихъ матеріяхъ разговаривать, чего для не прилежало мнѣ, но—какъ партикулярному. Однакоже позвала его въ то старая со мною знаемость и моя бытность въ Англіи.

Со стороны своей онъ объявлялъ: „Его царское величество, премилостивѣйшій государь, принявъ насъ подъ протекцію свою, обѣщалъ намъ во всѣхъ причинахъ вспомоществовать разными образы. Но желаю вѣдать, въ какомъ состояніи аліаты, а особливе Гишпанія. На что потомъ вамъ обѣщаю сообщить обстоятельне о своихъ дѣлѣхъ".

Съ того нашъ дишкурсъ начался.

Англія и Голландія хотя всѣми силами продолжали войну, истощая себя, однакожъ еще Франція довольно себя явитъ къ оборонѣ, правда, съ тягостью народу, токмо же не въ конечную руину, но какъ въ нынѣшней кампаніи. А аліаты только умножили свои войска въ Брабантѣ, также и дука савойскаго

привели вступить ему самому въ кампанію, но Гишпанію весьма оставили; а Португалія не въ состояніи была и есть и будеть впредь, чтобы войну имѣть противъ Франціи того для, что нація ихъ вся несклонна къ войнѣ и больше, натуральне, склоннѣе къ французамъ, нежели къ другимъ; факція при дворѣ французская сильна; климатъ не позволяетъ за великими жары, за недостаткомъ провіанта, за невозможностью имѣть кавалерію, а на ишакахъ биться трудно. И уже, какъ могъ видѣть, конечно Англія, — могу молвить, — не токмо что въ общій, хотя бы въ партикулярный вступя, усмотря въ малый авантажъ интереса генеральнаго, миръ съ Франціею учинитъ. Уступить, чаю, на такихъ кондиціяхъ намѣрены, чтобы Гишпанію съ Индіею уступить Филиппу, а въ Италіи—Карлу. Но и то, конечно, по мирѣ въ раздѣлъ приведутъ къ савойскому, нежели всего наслѣдственнымъ сдѣлаютъ отъ всѣхъ тѣхъ провинцій въ Италіи къ дому аустрійскому. Но Голландія, какъ могу слышать, конечно, противныхъ сентиментовъ того и предудерживаетъ всѣхъ, чтобъ еще войну продолжать.

То правда, изъ продолженія войны имъ бóльшій интересъ, нежели Англіи. Впервыхъ, что они ближе въ сосѣдствѣ къ Франціи, нежели Англія, и потенція Франціи, умножившися, придетъ имъ преже предосудительна, нежели другимъ; второе, для Англіи и другихъ, имѣющихъ войну съ Франціею, весьма коммерціо пресѣчено будетъ, но Голландія, продолжая, какъ и преже, — пуская оное коммерціо чрезъ свои руки, не малое богатство получаетъ; третье, всѣхъ аліатовъ войска, обрѣтающіяся въ Брабантѣ и во Фляндрахъ, получая великую сумму денегъ изъ Англіи, все то богатство въ ихъ рукахъ застаетъ, для того что подряды въ провіантахъ, въ фуражѣ, вивандеры и другіе—все голландцы, также мундиръ и всѣ орнаменты военные.

Однакоже внутренне оные, конечно, склонны, хотя бы съ такимъ же помянутымъ интересомъ, къ сентименту аглинскому: ежели бы могли войну окончать, — окончаютъ. Уже себя весьма въ слабости находятъ паче Англіи, для того что Англія хотя и убытки несетъ, но фонда своего не потеряетъ, для того

что есть край плодоносный, гдѣ всегда свободно могутъ себя пропитать; но Голландія уже въ подаркахъ многихъ принудила фондъ свой потерять, понеже не имѣвъ въ землѣ, но токмо въ коммерціи.

Топерь явлю еще оныхъ субтельное разсужденіе. И, конечно, на предбудущее молвятъ такъ: ежели бы король французскій умеръ нынѣ, то бы война окончалася такимъ образомъ, чтобы вся монархія гишпанская была уступлена королю Филиппу, внуку французскому, съ кондиціями, ежели его линія пресѣчется, то-есть дѣтей его, а не всего дома Бурбонъ, то наслѣдствовать дому аустрійскому, ежели будутъ; а ежели не будутъ, то придетъ вовсе въ наслѣдствіе дому бурбонскому. Чего для сіе субтельное разсужденіе есть: когда увѣдомились о смерти Іосифа цесаря, тогда вскорѣ потенціи морскія взяли резолюцію и декларовали за цесаря гишпанскаго короля Карла, и другихъ на то принцевъ привели. Но ежели бы совокупить вмѣстѣ монархію гишпанскую съ домомъ аустрійскимъ, то бы всей Европѣ было къ великому предосужденію, нежели къ пользѣ. То бы лучше требовали отдать Филиппу, знавъ несогласіе ихъ братства: дукъ бурбонскій, что нынѣ дофинъ, который будетъ наслѣдникомъ короны французской, есть умора италіанскаго, злой, несклонный къ войнѣ, ни осматривать своего интереса, но токмо прилежитъ къ доброй экономіи, чтобы жить въ покоѣ и богатить своихъ подданныхъ; но съ братомъ своимъ дукомъ д'Анжу всегда былъ внѣ любви. Но разсуждая, что вся нынѣшняя тягость и разореніе Франціи есть безъ всякаго прибытка, токмо для Гишпаніи, и въ разговорѣхъ своихъ публичныхъ уже объявляетъ, по смерти дѣда своего, того же года войну оставить и, учиня миръ, въ покоѣ жить.

Смотри на то, что есть мнѣнія аліатскаго. Ежели бы смерть короля французскаго случилась, конечно бы, всю монархію гишпанскую Филиппу уступили для того, чтобъ оный изъ непріязни своего брата могъ въ аліансъ съ потенціями морскими вступить дефенсиво противъ Франціи, какъ и прежніе короли гишпанскіе. Къ тому-жъ аліаты не могли бы больше лучшаго

способа сыскать, какъ тотъ, чтобы балянція въ Европѣ была содержана, и чтобы каждый принцъ не усилился, но былъ въ своемъ прежнемъ состояніи.

Но ежели не такъ, какъ нынѣ видимъ, чтобы быть оной монархіи сообщенной съ аустрійскимъ домомъ, или бы при генеральномъ мирѣ оную всю раздѣлить: Гишпанію—Филиппу, а въ Италіи всѣ провинціи, кромѣ милянскаго княжества,—цесарю и королю Карлу, а милянское княжество—дуку савойскому, то всѣ [можемъ] видѣть, что симъ образомъ раздѣленіе есть противно интересамъ потенцій морскихъ.

Но о томъ доводы оставляя и прекращая, объявлю, чтó обязуется въ нынѣшней войнѣ норда къ интересамъ его царскаго величества и его аліатовъ и партикулярне къ интересамъ вашей свѣтлости и венгерскихъ, и турецкихъ.

Уже отъ двора россійскаго потенціямъ морскимъ было предложено, что его царское величество хочетъ въ великій аліансъ вступить противъ Франціи и обѣщаетъ дать 10 тысячъ своей доброй инфантеріи, съ кондиціею тою, чтобъ офицеромъ и половинѣ солдатъ на заплатѣ быть аліатской, а другая половина солдатъ на заплатѣ его царскаго величества. Когда сіе предложеніе было, тогда шведъ находился въ добромъ состояніи, хотя со стороны россійской Ингрія и Нарва уже были взяты. Но на то предложеніе аліаты отказали и въ аліансъ свой не приняли.

Потомъ другое предложеніе нынѣшняго 1711 года, марта или февраля, было, не упомню, со стороны его царскаго величества, чтобы потенціи морскія потрудилися исходатайствовать миръ у турка, также и у короля шведскаго, а, по заключеніи того, его царское величество обѣщаетъ 30 тысячъ войскъ своихъ дать въ службу аліатовъ. И на то предложеніе ни господинъ Матвѣевъ въ Голландіи, ни я въ Англіи отвѣта подлиннаго не могли получить.

О семъ надобно разсудить, чего для оные не принимаютъ въ аліансъ.

Мое мнѣніе на первое предложеніе. Видѣвъ шведа въ великой силѣ, опасны его были; другое, когда бы тѣмъ обяза-

лися, тогда бы царское величество претенсіи имѣлъ весьма, чтобы противъ того обязательства взаимно обязаны были противъ шведа какія мѣры восприіять, или бы хотя гарантіею завоеванное удержать, что есть имъ, аліатомъ,—всѣ порты въ Балтическомъ морѣ,—весьма противъ ихъ интересовъ, ежели-бъ оные содержаны были рукою его царскаго величества.

На второе предложеніе—тѣ всѣ доводы. Но еще видимо, что не есть состоятельно для того, котораго мира съ туркомъ и королемъ шведскимъ на такихъ кондиціяхъ весьма неможность учинить, но не что иное, токмо, вмѣсто отвѣта, silenzio дѣйствовало.

Къ тому же не допустило и самое ихъ постоянство, что онѣ, потенціи морскія, и цесарь, и венеціане, трудъ свой прилагали и турка къ войнѣ противъ его царскаго величества приговорили такихъ ради интересовъ (правда, хотя и Францiя тутъ же трудилася): впервыхъ, чтобъ упадшаго возставить, то-есть шведа, какъ они обыкновенны всѣхъ въ балянціи держать; паче-жъ ихъ великій интересъ былъ, чтобъ имъ, бывъ въ войнѣ съ Франціею, [не] оставить такъ великую потенцію съ свободными руки во 100 тысячъ войскъ, не знавъ, куда бы та махина наклонилася. Правда, и Франція трудовъ своихъ не отлагала-жъ отъ того, въ надѣяніи, что шведъ, пришедъ въ силу и вступя въ Саксонію, многія диверсіи учинитъ въ имперіи.

Еще оставляю упоминать о мирѣ нынѣ съ Портою, но говорю объ аліатахъ его царскаго величества, королѣ датскомъ и польскомъ. Когда войска хотѣли послѣдствовать за генераломъ Красовымъ въ Померанію, но то было удержано, и россійскія войска, и саксонскія на границахъ остановилися. Но предложено было, чтобы нейтральный корпусъ войскъ аліатскихъ близъ Помераніи, собравъ, постановить, и тѣмъ бы подвиги войскъ нарушителя въ имперіи тишины смотрѣть. Къ тому нарушенію видъ ближній былъ корпа Красова войскъ шведскихъ въ Помераніи, чего для оныя, по заключеніи трактата гарантіи или нейтральства въ имперіи, войска свои умножали и рекрутовали, и въ готовости къ походу были, ожидая спо-

соба добраго для вступленія въ Польшу и въ Саксонію. Уже то намѣреніе за вѣрно можно принять, какъ означилося самою деклараціею короля шведскаго, что оный не хочетъ оную гарантію содержать и послѣдствовать и искать своего непріятеля вездѣ, гдѣ сыщетъ.

Но аліаты хотя и обѣщали, то дѣлали токмо для легости королю шведскому, что въ имперіи его провинціи сохранены будутъ, и, правда, для тишины въ имперіи.

И такъ продолжая, когда уже увидѣли, что его царское величество находился во многой тягости со стороны войны турецкой, также и шведа, тогда и конечно они, аліаты, войскъ своихъ не послали. Я чаю,—и обѣщаніе ихъ туркамъ было, что шведскому войску въ Польшѣ свободныя руки дадутъ дѣйствовать. А цесарскій дворъ, видимо, обѣщалъ, что онъ въ аліансъ противъ турка не вступитъ. А венеціане съ тѣмъ же обѣщаніемъ, чтобы въ нынѣшнія времена съ турецкой стороны были безпечны и въ покоѣ.

Въ то же время самое, когда турки войну декларовали, потенціи морскія трудъ свой, сколько могли, прилагали, чтобъ и аліатовъ его царскаго величества, короля польскаго и датскаго, оторвать и съ шведомъ примирить. И уже явно о томъ было, что министръ англійскій Пультеней при датскомъ дворѣ предложеніе о томъ чинилъ. А ў короля Августа хотя и скрытно, токмо уже весьма онаго сентиментъ превращенъ. И есть я подъ не малою опасностью, чтобы сей преже датскаго и самоохотно насъ не оставилъ.

При той же начинаніи войны турецкой увѣдомились о входѣ вашемъ въ Польшу и графа Бречини. И признаваю, что сіе для вашихъ властныхъ интересовъ и вашимъ прошеніемъ, понеже объявлено потенціямъ морскимъ, что его царское величество васъ принялъ не такъ, якобы подъ протекцію свою, но токмо, яко другъ и добрый коррншпондентъ дому аустрійскому, согласясь съ потенціями морскими, хочетъ онаго принца съ дворомъ цесарскимъ примирить и вѣчному забвенію оное все, что̀ было противное, оставить. И на то отвѣта простран-

наго не имѣли, но токмо съ благодареніемъ за пріобщеніе отошли.

Еще же по указу отъ двора тѣмъ потенціямъ морскимъ объявлено, и якобы за властною рукою декларовано, что его царское величество, по согласію съ своими аліаты, примаетъ медіацію потенцій морскихъ къ примиренію какъ съ туркомъ, такъ и со шведомъ. На что информе и по се число еще не отвѣтствовали.

Смотри топерь изо всѣхъ прошедшихъ дѣлъ, какая несклонность потенцій морскихъ съ ихъ аліаты къ интересамъ его царскаго величества, но великая желюзія и непріязнь, какъ каждому видимо, что не хотятъ его видѣть въ такой силѣ, каковъ есть.

И того ради при нынѣшнемъ случаѣ, какъ уже чрезъ шпагу Порта принуждена миръ учинить съ его царскимъ величествомъ, и имѣвши съ той стороны свободныя руки, надобно, не упустя времени, взять мѣры, сходныя съ интересы.

На то мое мнѣніе.

Уже царское величество не можетъ имѣть никакого надѣянія къ нимъ, потенціямъ морскимъ, въ своихъ интересахъ, [для того] что по всѣмъ обстоятельствамъ видимо есть, какую завидость оныя къ потенціи его и къ завоеваннымъ портамъ въ Балтическомъ морѣ имѣютъ. Того для весьма нынѣ партію французскую взять надлежитъ. Не говорю, чтобы противъ Англіи и Голландіи войну декларовать: то было бы предосудительно въ коммерціи; но токмо надобно политически подъ рукою диверсію въ имперіи чинить чрезъ два свои имѣющіе въ рукахъ инструменты, то-есть короля датскаго и польскаго, многими образы. То оставляю другому въ разсужденіе, но явлю кратко: приговори его царское величество тѣхъ помянутыхъ аліатовъ своихъ войска изъ службы аліатской отозвать, какъ датскаго съ 15 тысячами, саксонскаго съ 12 тысячами, — тѣмъ многую слабость войскъ аліатскихъ придашь, а Франціи свободность учинишь. Съ другой стороны, можешь и своими властными войски націи россійской дѣйствовать противъ дома аустрійскаго. И ежели

и тамъ не похочешь декларовать, то, присовокупя себя къ интересамъ королевства венгерскаго и княжества трансильванскаго, можно подъ претекстомъ дать войскъ принцу Рагоци, якобы войска аукциліарныя, или также за деньги, [якобы] наемныя.

Для чего я говорю взять партію французскую? Того для, что ежели аліаты оставленную Францію отъ всѣхъ принудять своею силою миръ учинить, а война норда еще застанется, тогда потенціи морскія, бывъ медіаторами, шведа конечно удовольствуютъ и завоеванное все возвратятъ ему отъ всѣхъ сторонъ. Но еще больше. Опасенъ, чтобъ и Лещинскій былъ въ Польшѣ утверженъ, чего для будемъ въ конечной опасности и бѣдѣ, чаемой впредь.

И въ интересъ его царскаго величества и его аліатовъ надобно, чтобы та война съ Франціею у аліатовъ продолжалася, и могли бы съ шведомъ мы прежде помириться. Но того никогда не чаю, чтобъ аліаты допустили. Того для надлежитъ искать, чтобы при генеральномъ мирѣ и насъ замирили: его царскому величеству взять медіаторство между Франціею и аліаты, а аліатомъ и Франціи обще взять медіаторство между его царскимъ величествомъ и его аліаты съ короною шведскою. И такимъ образомъ, въ общемъ, или генеральномъ, мирѣ смотря и видя, въ балянціи лучше свой его царское величество интересъ найти можетъ и завоеванное все одержать и впредь оное гарантировать.

Но еще, сверхъ всѣхъ доводовъ, натура каждому придастъ знать. Потенціи морскія есть правленія вольнаго, а не самодержавства; содержаніе ихъ въ богатствѣ—отъ коммерціи; интересъ ихъ властный—всегда принцевъ въ Европѣ содержать въ уравненіи. Государство Россійское—подъ владѣніемъ самодержавца, также и Франція, которыя ищутъ не токмо интересовъ отечества, но еще ищутъ своей славы. Несмотря на балянцію Европы или общіе интересы, амбиція такихъ понуждаетъ хотя-бъ и универсальнымъ монархомъ застать: того для лучше надежная и прибыточная любовь и обязанія дружбы съ Франціею, нежели съ потенціями морскими.

Ежели бы кто сказалъ противно сему свое мнѣніе, что Франція вѣчно была интересовъ короны шведской и того для противна намъ,—я скажу оконтреръ. Правда, Франція того всегда мнѣнія была, но видѣла насъ временъ прошедшихъ за ничто, а шведовъ—въ людѣхъ, отъ которыхъ уже многую пользу прошлой войны видѣла; нынѣ, подъ владѣніемъ премилостивѣйшаго государя его царскаго величества, видитъ въ иномъ состояніи Московское государство, имѣвъ въ кампаніи солдатъ 100 тысячъ регулярныхъ, такъ добрыхъ, что наиславнаго короля шведскаго вся армія взята. Къ тому же больше: и Швеція въ нынѣшнюю войну ничего противъ аліатовъ въ фаворъ Франціи не учинила, и тѣмъ оная Швеція уже кредитъ свой у Франціи потеряла. Но еще больше,—видѣвъ Швецію въ такомъ худомъ состояніи, и ежели изъ имперіи шведъ будетъ выгнанъ, то-есть провинціи Померанія, Бременъ и Ферденъ отняты будутъ, то, конечно, Франція, отставя свой кредитъ отъ шведа, будетъ искать вѣрнаго и постояннаго аліанса съ государствомъ Россійскимъ. Также и государство Россійское, видѣвъ изо всѣхъ обстоятельствъ, что Франція уже принуждена къ тому, и ежели увѣритъ за вѣрно, что весьма кредитъ свой къ коронѣ шведской оставляетъ, то и оное должно обязаться въ наитвердѣйшій и постоянный аліансъ съ короною французскою, и такимъ образомъ свои интересы престерегать и въ балянціи другихъ содержать.

И топерь мой дишкурсъ короткими словами закрѣплю: часъ и время съ Франціею обязаться и медіаторство аліатомъ предлагать, а когда то примутъ, то и отъ нихъ примать, тутъ же и Францію обязать. Его царское величество и его аліаты, конечно, тотъ миръ, честно окончавъ, содержатъ. Съ другой же стороны, и венгерское королевство въ такихъ кондиціяхъ примирить, чтобы вольностью тотъ народъ удовольствованъ былъ; также и княжество трансильванское—къ Рагоци, чтобы чрезъ то аустрійскій домъ не былъ въ великой силѣ, который—первый противникъ интересомъ его царскаго величества и всей имперіи Россійской; изъ одного имени внутреннимъ непріяте-

лемъ и завиднымъ есть, что называется его царское величество императоромъ.

Принцъ Рагоци мнѣ, съ своей стороны, отвѣтствовалъ со всѣми обстоятельствы, по благодареніи мнѣ за тѣ пріобщенія.

„Нужда влекла меня отъ васъ извѣстну быть такъ обстоятельне о всѣхъ дѣлахъ, которыя вы могли вѣдать въ свою резиденцію въ Англіи и въ имперіи, дабы, чрезъ оное вѣдавъ, больше еще могъ придать способа къ интересамъ его царскаго величества; понеже того престерегаю властно, какъ своего, по обязанію трактата, учиненнаго въ Варшавѣ чрезъ конте Бречини, и не вступя вамъ въ дишкурсъ, тѣмъ засвидѣтельствую".

И показалъ трактатъ, а особливе третій артикулъ, въ которомъ молвлено, что по сему обязательству его царское величество обѣщаетъ произвести на престолъ польскій его свѣтлость князя Рагоци, а короля Августа учинить королемъ венгерскимъ; но всѣмъ тремъ и рѣчи посполитой Польской, вступя обще въ аліансъ, искать случаевъ способныхъ противъ непріятеля и операціи военныя чинить единодушно. И потомъ говорилъ:

„Мой господинъ! смотри, какое дружелюбное обязательство съ его царскимъ величествомъ. Еще же къ тому больше: ниже, въ другихъ артикулахъ, предложено, что его царское величество будетъ во всѣхъ случаяхъ намъ протекторомъ; но еще больше,—и въ свои-де властныя имперіи, во время случаевъ, вольно позволитъ ретироваться и нѣкоторыми землями или добры маетностей наградитъ.

Когда мы увидѣли слабость свою въ своемъ отечествѣ,— наивпервыхъ, армія наша отъ моровой язвы весьма разорена, также и цесарскія войска умножились и въ силу предъ нами пришли; того ради принуждены ретироваться въ Польшу и вдаться подъ протекцію его царскаго величества императора всероссійскаго.

Но, по прибытіи въ Польшу, я усмотрѣлъ къ интересамъ его царскаго величества, что аліаты противъ Франціи, или, просто молвить, потенціи морскія, есть весьма противны его инте-

ресамъ и завистливы: потенціи, какъ [можно] видѣть, трудилися всякими мѣрами, чтобы Порту привести къ разорванію мира съ его царскимъ величествомъ. Хотя другіе и разсуждали, что Францiя въ томъ интриговалася,—и то правда: всякъ своего интереса ищетъ. Францiя, видѣвъ несклонность сего двора къ своимъ интересамъ, можетъ быть, чаю, такъ же труды прилагала, какъ и аліаты. Но токмо николи желюзіи не будетъ той силѣ его царскаго величества и его прогрессовъ. Того ради я, упреждая всякаго зла, взялъ такія мѣры, дабы союзъ учинить его царскаго величества съ Франціею, и показалъ многими явными доводы, что сіе согласіе или союзъ двухъ коронъ есть способнѣе къ интересамъ его царскаго величества и той другой короны, нежели съ аліаты.

И безъ мечтанія съ нужными письмами и пропозиціями отправилъ своего курьера, и того генералъ Янусъ взялъ за арестъ и, отобравъ отъ него письма, распечатавъ, послалъ списки одни ко двору вѣнскому, а другіе къ королю Августу. И потомъ того моего курьера, державъ долгое время, отпустилъ, который, пріѣхавъ до Риги, за повѣтріемъ морскимъ удержанъ 6 недѣль. И потомъ царскаго величества въ Петербургѣ не нашелъ, но нашелъ на Москвѣ, уже не токмо многія недѣли, но мѣсяцы спустя. А, между тѣмъ, та война отъ турковъ была декларована.

Но я мнѣнія былъ того и уже принципіумъ имѣлъ въ рукахъ: когда увѣдалъ, что аліаты трудятся при Портѣ, противъ интересовъ его царскаго величества, къ разорванію мира, тогда я тотчасъ французскій дворъ отъ кредита шведскаго обратилъ, чтобы добрый и постоянный аліансъ съ имперіею Московскою учинить. То правда, что чрезъ многіе годы трудился, но monseigneur Bonac и иныхъ два министра шведа твердо при томъ дворѣ въ кредитѣ содержали, со обнадеживаніемъ тѣмъ, что еще онъ обрѣтается предъ московскими якобы въ великой силѣ. И къ тому сходными предложеніи вышепомянутыми до его царскаго величества посылалъ,—ежели бы которыя во время свое достигли, конечно-бъ, отъ Порты война декларована не была.

Францiя предлагала, впервыхъ, четыре пункта: чтобъ единъ другому взаимно, какъ наискорѣе, своихъ публично пословъ съ характеры прислали; чтобы къ интересамъ королевства венгерскаго и принца Рагоци снисходительному быть; министру французскому при рѣчи посполитой Польской позволено бы быть, также и къ сходному интересу обще приводить; короля Августа къ тому же согласiю принять, а съ другими въ имперiи не обязываться до времени, какъ чаемое намѣренiе къ доброму окончанiю приведено будетъ или нѣтъ.

Но оный мой курьеръ не повратился ко мнѣ отъ двора, и потомъ его царское величество уже самъ, по разорванiи турецкой войны, пришелъ въ Польшу. Тогда и я, не умолкая, какъ могъ не токмо чрезъ слова, но чрезъ многiя письма въ Яворовѣ подавалъ его царскому величеству, чтобы съ Францiею взять партiю, которая бы, конечно, миръ съ туркомъ учинила, хотя бы и того случая счастливаго не было его царскому величеству, какъ уже окончилося нынѣ. И по моимъ прилежностямъ уже я склонилъ французскiй дворъ, и министра своего ко двору его царскаго величества господина Балюза прислали. Но сболѣзную, что сей мужъ, какъ вижу, больше своего покоя желаетъ, нежели труды приложить ищетъ.

И тогда, при прибытiи его царскаго величества, въ Ярославлѣ съ королемъ польскимъ взята была резолюцiя, чтобы вашу персону, князя Куракина, отозвать отъ двора аглинскаго и отправить ко двору французскому. И до того похода весьма видѣлъ сей дворъ снисходителенъ паче къ интересамъ французскимъ, нежели къ алiатскимъ,—но и самаго противника тому, какъ къ имперiи сей былъ склоннымъ (баронъ Шафировъ, подканцлеръ). При отъѣздѣ я видѣлъ, что и помянутый господинъ уже не токмо скрытно былъ прiятелемъ Францiи, но и публично въ разговорѣхъ при столахъ себя такимъ являлъ. Но при возвращенiи нынѣ увидѣлъ весьма дворъ сей премѣненъ, и ни мало онаго намѣренiя, какъ вижу, исполнить не хотятъ и съ Францiею обязаться. Чаю, что происходитъ отъ сего: когда требовали мира съ турками, тогда и чаяли нужду

во Франціи, которая обѣщала во оный трактатъ вступить. Но топерь, какъ вижу, не имѣютъ нужды, а больше хотятъ съ аліаты попрежнему держаться.

Но топерь покажу мое мнѣніе, какой интересъ его царскаго величества не токмо для того, чтобы Франція миръ учинила съ Портою чрезъ свою медіацію, но и всегда не можетъ быть лучшее обѣимъ коронамъ, какъ имперіи Россійской, такъ и королевству французскому, чтобы быть въ добромъ согласіи и смотрѣть своихъ интересовъ, какъ единъ другому равно".

Continuanto il suo discorso signore P. Ragoczi:

„Потенціи морскія есть правленія вольнаго, а не монаршико, и чрезъ коммерціо свое пришли въ великое богатство, отчего тою силою уже якобы всѣмъ потентатомъ повелительствуютъ, и содержатъ максиму свою тѣмъ словомъ, что себѣ больше ни откуль присовокуплять не хотятъ, но токмо всѣхъ принцевъ въ Европѣ въ балянціи содержать.

Но та не есть балянція, но склавита всѣхъ подъ Англіею и Голландіею. Чрезъ ту же балянцію, не присовокупляя себѣ земель или какихъ насиліемъ провинцій, токмо своимъ коммерціемъ отъ времени до времени себя обогащая, уже могу сказать, всѣмъ повелительми есть.

Посему каждому видимо, что потенція, начинающаяся вновь, его царскаго величества есть завидна не токмо помянутымъ потенціямъ морскимъ, но и другимъ потентатомъ, которые есть согласны съ ними или обязаны для своихъ интересовъ.

Того смотрѣть должно, чтобъ его величества интересъ и распространеніе его силъ были согласны съ другими [потентатами]. И не можетъ быть сходнѣе, какъ съ Франціею, понеже оной равно завиствуютъ оныя потенціи, какъ и его царскаго величества силамъ. Могу молвить, что согласіе тѣхъ помянутыхъ дву коронъ можетъ правдивую балянцію содержать въ Европѣ [не] безъ прибытковъ [отъ] своихъ вымысловъ въ коммерціи и распространенія отъ того.

Къ сему же покажу, что и домъ аустрійскій есть небеззавидливымъ къ коронѣ россійской; и паче всего для того, что его

царское величество называется императоромъ и цесаремъ, и уже трактаментъ видимъ отъ многихъ тѣмъ властнымъ именемъ: какъ Францiя, такъ и Англiя уже [такимъ образомъ] трактуютъ и не токмо чрезъ свои письма, но и въ публикахъ чрезъ своихъ министровъ, и на авдiенцiяхъ. Но еще больше: тотъ дворъ аустрiйскiй есть подъ не малымъ опасенiемъ, чтобы, подъ часъ войны турецкой, не могъ быть посессоромъ имперiи греческой, гдѣ склонность тѣхъ нацiй будетъ паче другихъ для своей единственной релижiи; также и подъ владѣнiемъ цесарскимъ есть не мало тѣхъ нацiй не токмо релижiею, и языкомъ сходныхъ.

Прошедшихъ временъ мы уже видѣли, какое оный дворъ аустрiйскiй интригами своими нарушенiе интересамъ его царскаго величества показалъ, учиня алiансъ противъ турка. И когда увидѣли прогрессы со стороны его царскаго величества во взятiи городовъ турецкихъ, Азова и другихъ, наконецъ себя склонили къ миру и, въ карловическомъ мирѣ замирясь, его царское величество оставили и требовали, чтобы съ ними въ войнѣ остался; отчего не малая трудность двору россiйскому окончать и при томъ мирѣ фортецiи нѣкоторыя разорить. Также въ фаворъ Швецiи какъ въ имперiи, такъ и у Порты интриговалися и, какъ могли, интересамъ царскаго величества были противны. Но уже остатнiя интриги ихъ и потенцiй морскихъ всему свѣту извѣстны,—что Порту тотъ дворъ обнадежилъ, что, ежели она въ интересы свои и шведскiе начнетъ войну противъ Россiйской имперiи, то дворъ аустрiйскiй въ то не замѣшается николи; къ тому же и венецiане для свободности себя объявили.

Но по нынѣшнемъ мирѣ счастливомъ съ турки, чтó бы могли дѣлать потенцiи морскiя и домъ аустрiйскiй съ завидости противъ потенцiи его царскаго величества, который силу имѣетъ съ свободными топерь руками и со 100 тысячами войскъ регулярныхъ? И будутъ флотировать всякими мѣрами и продолжать сiю войну съ шведомъ ажъ до мира генеральнаго; но, замирившися, учинятся майстерами чрезъ медiаторство въ

сей шведской войнѣ и повелители всѣмъ будутъ. И потому нечаемо есть, чтобъ его царское величество и его аліаты удовольствовалися и взятое все содержали. Но ежели бы кто сказалъ, что потенціи морскія, имѣвъ великое коммерціо въ россійскія провинціи, не могутъ войны начать за шведскіе интересы противъ его царскаго величества,—то правда; сему и я согласенъ. Но подъ рукою оныя войну продолжать своими деньгами: впервыхъ, силою своею могутъ примирить датскаго, также и Августа въ Саксонію возвратить или, онаго же въ свой сентиментъ приведши, имъ или Лещинскимъ въ Польшѣ дѣйствовать; за одинъ милліонъ талеровъ вся Польша факціями тѣми усилена будетъ. Къ тому же не надобно вовсе надежнымъ быть и отъ Порты: какъ салтанъ, такъ и везирь есть смертельными; но, можетъ быть, и оныхъ великая сумма денегъ вновь въ охоту саблею дѣйствовать обратитъ.

И по всѣмъ тѣмъ обстоятельствамъ нынѣ надобно, не утратя время, взять свои мѣры, сходныя съ интересами, и конечно Франціи вспомоществовать. Не хочу сказать, чтобы войну противъ потенцій морскихъ и ихъ всѣхъ аліатовъ декларовать, но такими образы учинить, по желанію Франціи, и единъ другому взаимно пословъ публично послать. Изъ того придастся желюзія потенціямъ морскимъ. И, между тѣмъ, искать со обѣщаніемъ дружелюбія къ тому и другому; а наконецъ, чтобъ аліаты медіаторомъ приняли къ генеральному миру между аліаты и Франціею. Когда на то приведено будетъ, тогда властный интересъ его царскаго величества утвержденъ будетъ:

1. Вѣчный кредитъ утвердится между короною россійскою и французскою.

2. Шведскій кредитъ потерянъ будетъ.

3. Франція, въ силѣ своей оставшися, всегда есть твердымъ помощникомъ имперіи Россійской противъ всѣхъ, завидующихъ помянутой потенціи россійской.

4. Наипаче всѣхъ при томъ же мирѣ и свой миръ по своей волѣ учинить съ шведомъ чрезъ медіацію потенцій морскихъ взаимно, токмо не однѣхъ, но притомъ и Франціи. Также и вен-

герское королевство при ихъ привилежіяхъ и правахъ, хотя и подъ протекціею дома аустрійскаго, токмо въ своей волѣ заставитъ; а трансильванское княженіе, яко правому наслѣднику, мнѣ поручить. И потомъ обязаны будутъ всѣ, по заключеніи трактата, единъ другому гарантировать.

5. Коммерціо съ Франціею уставлено будетъ, которое не малый принесетъ [профитъ], и та вновь коммуникація между обѣими націями многій государственный прибытокъ принесетъ какъ въ наукахъ, такъ въ рукодѣліи, отчего всѣ государства богатство себѣ получили и получаютъ. Такъ и въ военныхъ дѣлѣхъ и политическихъ бóльшее искусство могутъ воспріять, откуль и вся Европа научена и научается.

Топерь молвимъ: ежели-бъ аліаты, воюющіе противъ Франціи, не похотѣли принять медіаціи его царскаго величества и его аліатовъ, того ради надлежитъ такія мѣры искать, чтобы приняли; и покажетъ намъ явно, что онымъ миновать неможно, и принять принуждены будутъ; но ежели—въ продолженіи войны, то всѣ ихъ дѣла аліатскія паче во ничто обращены быть могутъ.

Не хочу сказать, чтобы декларовать войну противъ потенцій морскихъ: его царскому величеству сіе есть предосудительно весьма какъ для многихъ случаевъ, а паче для коммерціи, но можно чинить въ имперіи диверсіи разными виды какъ чрезъ свои войска, такъ же и чрезъ два инструмента, то-есть своихъ аліатовъ, датскаго и польскаго, но и въ самой рѣчи посполитой. А какими способы,—то въ свое время само себя и чрезъ другихъ покажетъ; токмо ежели бы къ тому склонность была.

Съ другой стороны, противъ дома аустрійскаго, конечно, можетъ, хотя и оружіемъ, по многимъ претекстамъ себя дѣйствительна показать: во-первыхъ, министра его аффронтовали; во-другихъ, достойнаго трактамента не учинили и не учинятъ. И другіе многіе претексты можно сыскать. Но ежели явнымъ образомъ сей дворъ и того не похочетъ учинить, то можно также подъ рукою такимъ образомъ сдѣлать, чтобы намъ

въ венгерскую землю нѣсколько своихъ войскъ ауксиліарныхъ дать, а другихъ подъ именемъ якобы за деньги перепущенныхъ.

Нынѣ не могу за вѣрно сказать, но, можетъ быть, Франція и конечно нѣкоторое число денегъ заплатитъ за тѣ войска.

И когда такая резолюція его царскаго величества взята будетъ, то, конечно, аліаты, не допустя въ дѣйство тѣхъ намѣреній, за медіатора его царское величество и его аліатовъ примутъ. И о всемъ томъ нынѣ вновь предложеніе двору чинить буду.

Топерь буду партикулярное говорить.

Come ho potuto penetrare, il re di Pollonia é molto geloso ai buoni successi del' armi di sua Maestà czarina ed a sua gran potenza; e per questo fine, я бы чаялъ (не хочу сказать въ настоящее время), требовалось бы въ интересъ лучшій имперіи Россійской, чтобы корона польская имѣла всегда короля польскаго партіи французской, нежели имперской, чего для, какъ на конецъ сей войны увидимъ, чаю, не малое помѣшаніе взятіямъ мѣръ, сходныхъ съ интересы его царскаго величества, — отъ короля Августа. И правда, никто зазрить не можетъ для его наслѣдственныхъ провинцій въ имперіи.

Проходъ короля шведскаго съ конвоемъ турецкимъ чрезъ Польшу будетъ не безъ конфузіи, еще и [не безъ] великихъ факцій. Но въ сихъ мѣсяцахъ все покажетъ. Я бы сказалъ, съ своей стороны, и чаялъ бы, что король шведскій къ миру могъ бы склоненъ быть, но тягостныя пропозиціи отъ двора вашего ему воспретятъ''.

На остатокъ просилъ быть съ нимъ въ добромъ согласіи къ интересамъ его царскаго величества.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. LXVII „Проекты и мнѣнія кн. Б. И. Куракина. 1711—1717 гг.", стр. 336—365; № хрон. описи 1006].

825. Замѣтки кн. Б. И. Куракина, что нужно имѣть въ виду, „когда повелѣно будетъ жить въ Голландіи, а смотрѣть мира генеральнаго между Франціею и аліатами, а когда случай позоветъ, то ѣхать во Францію“.

1711 г. [конецъ сентября или начало октября].

Особливую инструкцію о дѣлахъ въ Голландіи [имѣть], чтобы господинъ посолъ Матвѣевъ былъ со мною согласенъ.

Оставляю въ разсужденіе.

Для всякихъ случаевъ дать полномочную инженерале ко всѣмъ аліатамъ, т.-е. цесарю, Англіи, Голландіи и всей имперіи.

Оставляю въ разсужденіе.

Въ запасъ полномочнаго характера кредитивъ къ Статомъ.

Время, конечно, опредѣлитъ, какъ ѣхать во Францію. Но ежели усматривать о мирѣ, неможно узнать, когда прелиминаріи будутъ подписаны, для того что всегда то тайно дѣлается.

Смотри,—интересъ сѣверной войны есть, чтобы война Франціи съ аліатами продолжилася.

Хотя и разглашаютъ о мирѣ, но, того для, времени упускать не надобно, и по возможности трудиться, и ко окончанію мирному не допускать, и какъ Франціи, такъ и аліатомъ съ обѣщаніемъ каждому изъ нихъ къ ихъ авантажамъ предлагать.

Чрезъ министра ихъ въ дѣло сіе не вступать, для того что въ дальней коррипонденціи будетъ продолженіе.

По предложенію посла аглинскаго Витворта не есть нужда аліатомъ предлагать, но токмо взять мѣры къ ихъ предложеніямъ, то-есть: 1) хотятъ въ союзъ вступить съ его царскимъ величествомъ, 2) медіаторомъ быть сѣверной войны и гарантировать.

При другихъ дворѣхъ министрамъ его царскаго величества объявлять до времени не надобно для

О вступленіи съ ними въ союзъ остатнія мѣры взять и тѣ пункты отдать министру въ Гагѣ, и трактовать велѣть,

того, что, сіе субтельное дѣло ежели откроется какимъ образомъ, можетъ все за ничто быть, нежели за находку.

не описываючись, на тѣхъ остатнихъ, безъ продолженія времени. А ежели продолженіе будетъ о согласіи съ вѣнскимъ дворомъ, то мое мнѣніе—еще нынѣ, при начинаніи, то отставить, но вступить съ однѣми потенціями морскими для скораго окончанія; и чтобъ оныя цесаря и всю имперію гарантировали, что имъ въ сѣверную нынѣ войну въ интересъ непріятеля ни въ чемъ не мѣшаться.

Взаимно имъ обязываться, съ своей стороны, что надлежитъ.

А со стороны потенцій морскихъ въ томъ же сей аліансъ состоитъ, чтобы ни въ нынѣшнюю войну, ни по войнѣ въ интересъ шведскій не мѣшалися, но оставили бы всякаго въ своей силѣ. Но еще больше. Когда будутъ медіаторами, чтобъ обѣщали гарантировать всѣ конкеты какъ его царскаго величества, такъ и его аліатовъ.

Франціи все то предлагать, чтó особымъ проектомъ у меня явлено.

Но ежели аліаты продолжать будутъ и не окончаютъ такимъ временемъ того трактата, то конечно надобно взять резолюцію и, съ Франціею согласясь и вступя на весну въ имперію, по окончаніи прогрессовъ въ Помераніи, имѣвъ свободныя руки, объявить какъ аліатамъ, такъ и Франціи свою медіацію, и взаимно отъ нихъ къ сѣверной войнѣ требовать, и, по окончаніи одной и другой войны, взаимнымъ образомъ гарантировать. Чрезъ сей способъ можно желаемое получить и счастливо войну окончать. Токмо прежде намѣреніе конечное надобно вѣдать Франціи, на какихъ кондиціяхъ хочетъ миръ съ аліаты учинить; и по тому свои мѣры брать, сходныя къ своимъ властнымъ интересамъ, для того, чтобъ и аліатовъ вовсе въ безсиліе и непріятельство вѣчное не привести; но завязать нечѣмъ между ими нужными дѣлами, чтобы къ тѣмъ претен-

сіямъ другъ другу непріятелемъ были, а въ насъ какъ одинъ, такъ и другой большую нужду имѣли. Сія максима и на предбудущее время интересамъ имперіи Россійской удобна есть.

Наконецъ, объявляю,—нынѣ самая нужда есть вскорѣ начать трудиться министрамъ царскаго величества у обѣихъ помянутыхъ потенцій о семъ дѣлѣ, чтобы чаемое разглашеніе между аліаты и Франціею не допустить и нынѣшніе мѣсяцы къ предуготовленію предбудущей кампаніи ихъ втянуть того для, что, когда предуготовленіе учинено будетъ, то вѣрно надѣяться можно, что будущая кампанія со стороны Франціи продолжится.

Топерь явлю, какимъ образомъ престеречь интересъ сѣверной войны, когда увидимъ конечное вступленіе къ миру аліатовъ съ Франціею.

Министръ, резидующій въ Гагѣ, или гдѣ при генеральномъ мирѣ у аліатовъ съ Франціею будетъ, для престереганія сѣверной войны, хотя и много труда приложитъ, токмо не чаю, что бы могъ полезное учинить. Но завидость потенцій морскихъ тогда весьма открыта быть можетъ, какову имѣли и имѣютъ къ сѣверной войнѣ, а особливе къ прогрессамъ новымъ въ Балтическомъ морѣ. Не хочу сказать, чтобъ явно непріятельски деклоровали. Но когда непріятель продолжать войну будетъ и силенъ являться,—сей знакъ подъ рукою вспоможенія деньгами. Забылъ объявить, чтобы не оторвали аліатовъ отъ царскаго величества. Я того для умолчалъ, что сія максима всѣмъ знаема есть и повсевременно ожидается.

Но оставляю о семъ въ разсужденіе другимъ, которые бы могли лучшій способъ найти къ предудержанію аліатовъ, чтобы въ сѣверную войну при томъ своемъ мирѣ и потомъ не мѣшалися и оставили бы всякаго въ своей силѣ.

Франція, какъ могу показать многими резонами, не будетъ престерегать интересовъ шведскихъ, но токмо—ежели увидитъ стараніе въ томъ воюющихъ аліатовъ сѣверныхъ и обнадеживаніе на предбудущее, понеже сія война кончается, но будущая весьма настаетъ.

И то начинать, усмотря время по томъ мирѣ, и, согласясь съ своими аліаты, въ оборонительный трактатъ вступить.

При вступленіи того генеральнаго мира, аліаты весьма себя окажутъ въ интересъ Швеціи, а особливе въ Помераніи и въ Бременѣ, и Ферденѣ никакихъ прогрессовъ учинить не дадутъ и датскому и польскому тотчасъ воспретятъ то.

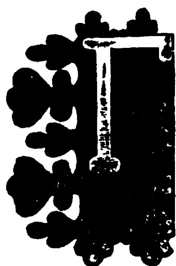
Франціи предлагать о вступленіи въ союзъ въ терминахъ генеральныхъ о содержаніи дружбы и доброй корришпонденціи, но однимъ артикуломъ обѣщать съ обѣихъ сторонъ впредь обязаніе оборонительнаго союза› Франція, конечно, сіе можетъ учинить, для того что она въ Балтическомъ морѣ прогрессомъ его царскаго величества не есть завидна.

Правда, хотя кредитъ Швеція имѣла, токмо видѣвъ Франція въ худомъ оную состояніи, также и въ интересъ при вступленіи въ Саксонію ничего не учинено, то конечно оставитъ.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Томъ LXX „Резолюціи и меморіалы кн. Б. И. Куракина. 1712—1717 гг.“, стр. 546—553; № хрон. описи 668].

826. Доношеніе, что принадлежитъ къ дѣламъ съѣзда въ Утрехтѣ.

[1711 г. октябрь или ноябрь].

рамоту полномочную въ характерѣ посольскомъ надлежитъ дать, о которой я въ бытность свою доносилъ. И форма той при семъ посылается. Сверхъ того, грамоты вѣрющія надлежитъ прислать въ посольскомъ характерѣ къ четыремъ потенціямъ: къ цесарю, къ Франціи, къ Англіи, къ Статомъ. Форма тѣхъ для розности нарочно прилагается, изъ того возможно выбрать. А что у польскихъ къ Франціи нѣтъ,—для того, что они въ великомъ аліансѣ есть.

Тѣ вѣрющія нужны есть употреблены быть для того, чтобы полномочной силу придать, и, при случаяхъ трудности и споровъ, чтобы министромъ свободнѣе въ тотъ конгрессъ принятъ былъ.

А для лучшаго увѣренія при семъ посылаю копіи съ полномочной и вѣрющихъ къ съѣзду мирному въ Утрехтъ, взявъ у министровъ польскихъ. Какимъ образомъ и другихъ потенцій всѣ министры имѣютъ при себѣ, изъ того изволите усмотрѣть.

Вѣдая скорый отъѣздъ изъ сихъ краевъ его царскаго величества, того для требую указа нынѣ, что впредь за дальнею коррипшонденціею описываться долгаго времени будетъ требовать.

Нынѣ первый случай быть министру монархіи Россійской при генеральномъ съѣздѣ съ другими потенціями всей Европы. Того ради надлежитъ опредѣлить указомъ, съ которыми послы потенцій коронованныхъ главъ въ равной мѣрѣ себя содержать.

А для извѣстія, здѣсь всѣхъ потенцій рангъ объявляю, которыя безспорно себя ведутъ.

ПОСЛЫ.

Первенствуютъ цесарскіе и французскіе.	Симъ аглинскіе не уступаютъ, также и шведскіе.
Гишпанскіе французскимъ безспорно будутъ.	Симъ аглинскіе не уступаютъ.
Аглинскіе.	Симъ датскіе, шведскіе и польскіе не уступаютъ.
Датскіе.	Польскіе и шведскіе не уступаютъ.
Польскіе.	Датскіе и шведскіе не уступаютъ.
Шведскіе.	Польскіе и датскіе не уступаютъ.
Португальскіе.	
Прусскіе.	

А потомъ дукъ савойскій имѣетъ споръ съ курфюрсты, также и другіе принцы, и республики между себя; о чемъ не нахожу нужно объявлять. И, смотря по сему, опредѣлить, а особливе

между своими аліаты, для того что касаться будетъ къ общимъ интересомъ, и притомъ надлежитъ съ ними обще быть.

По всѣмъ обстоятельствамъ видится, что миръ на такомъ основаніи учиненъ будетъ, какъ Англія остатній планъ объявила. И по тому дукъ д'Анжу Филиппъ—король гишпанскій, и за такого, когда отъ всѣхъ признанъ будетъ, его признавать ли?

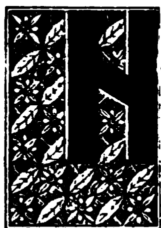
Дукъ савойскій будетъ учиненъ королемъ сицильскимъ, и ежели признанъ отъ всѣхъ будетъ, за такого его признавать ли?

Дукъ баварскій королемъ сардинскимъ учиненъ будетъ, и когда отъ всѣхъ признанъ будетъ, за такого его признавать ли?

(Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. LXVII „Проекты и мнѣнія кн. Б. И. Куракина. 1711—1717 гг.", стр. 246—251; № хрон. описи 655).

827. Ремарки на [письма], отправленныя ко двору, [что] въ которомъ письмѣ изъ нужныхъ дѣлъ писано *).

№ 1-ый. 1711 г. ноября 1 (12). Гага.

а предложеніе по инструкціи отповѣди будемъ [ждать] чрезъ нѣсколько дней.

Объ архитектѣ садовомъ писалъ въ Парижъ къ Волкову.

Разговоръ съ дукомъ Мальбургомъ, и что онъ трудится и приговариваетъ въ Голландіи, чтобы миру не быть.

Къ графу Гавріилу Головкину писалъ, что деньги, 6200 ефимковъ моего жалованья, принялъ.

№ 2-ой. 1711 г. ноября 6 (17). Гага.

Отповѣди на предложеніе еще не получили.

О контѣ Галашѣ и о несогласіи двора аглинскаго съ цесарскимъ.

---

*) Заглавіе это, данное самимъ княземъ Борисомъ Ивановичемъ, не вполнѣ отвѣчаетъ нижепомѣщенному матеріалу, такъ какъ послѣдній представляетъ не примѣчанія къ подлиннымъ письмамъ, но весьма подробное изложеніе содержанія ихъ. Принимая во вниманіе, на ряду съ этимъ обстоятельствомъ, чрезвычайное богатство Надеждинскаго архива, помѣщеніе самыхъ писемъ мы находимъ нужнымъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

Начало печатаемыхъ „ремарокъ", а именно съ 23 января по 15 іюня того же 1711 г., см. на стр. 291—300 кн. III „Архива". Ред.

О предложеніяхъ посла аглинскаго Статомъ, что, ежели они не хотятъ пашпортовъ дать, то и одна Англія министромъ французскимъ пашпорты дастъ и съѣздъ учинитъ; но господа голландцы еще отвѣта не учинили.

Мое мнѣніе: ежели розность между аліатами будетъ, то будутъ искать нашей дружбы. Однакоже посредственно къ нимъ являться надобно.

Мое мнѣніе, чтобы Лита изъ Англіи не перемѣнять; а ежели и перемѣнить, то бы Бека резидентомъ сдѣлать.

№ 3-ій. 1711 г. ноября 26 (декабря 7). Гага.

Что приводить, по указу отъ двора, и склонять Статы въ интересъ царскаго величества будемъ. И объ отвѣтѣ ратпенсіонарія, что они были и будутъ всегда склонны.

Что Англія Голландію принудила пашпорты дать, и мѣсто къ съѣзду назначила,—Утрехтъ.

Цесарскихъ министровъ разглашеніе, что къ съѣзду тому быть не хотятъ, и ихъ резоны.

Ратпенсіонарія къ тому разговоръ.

Министры имперскіе всякій отлагаетъ до указа двора своего къ тому съѣзду.

Аглинскіе министры къ тому съѣзду—бискупъ бристольскій и Реби, которые будутъ интересъ шведскій смотрѣть.

О Голландіи неможно сказать, ежели душевно съ Англіею въ интересъ тотъ вступила.

Матвѣевъ, чаю, о предложеніи польскаго министра къ медіаціи писалъ.

Изъ Парижа Волковъ архитектора пріискалъ и требуетъ денегъ; а векселя на 2000 ефимковъ не получилъ,—чтобы прислать вскорѣ.

Министры того двора требуютъ на предложенные пять пунктовъ скораго отвѣта.

№ 4-ый. 1711 г. ноября 28 (декабря 9). Гага.

Изъ Парижа Волковъ архитекта сыскалъ,—10000 талеровъ въ годъ и на подъемъ съ проѣздомъ то же; садовниковъ двухъ,

по 500 ефимковъ человѣку. И дожидаются денегъ, а безъ того не ѣдутъ.

Я обѣщалъ ему перевести 1000 ефимковъ,—и ожидать отъ него отповѣди,—которую [сумму] сыскалъ на кредитъ.

2000 ефимковъ, пишетъ, ему не переведено, и чтобы вскорѣ перевести.

Роспись Волкова прилагается; что ему надобно тамъ на расходы, и что денегъ у него нѣтъ.

№ 5-ый. 1711 г. ноября 28 (декабря 9). Гага.

Письмо бурмистру Витсену отдано.

Что пашпорты еще не чаютъ, что посланы; и сіе дѣло все дальнаго вида. И ежели парламентъ начнется, чаютъ сему намѣренію быть премѣнну.

На предложеніе мое здѣсь не имѣю отповѣди. И взяли на доношеніе къ своему двору всякій.

№ 6-ой. 1711 г. ноября 28 (декабря 9). Гага.

Что были въ конференціи съ министры, аглинскимъ и цесарскимъ, въ домѣ ратпенсіонарія и объ ихъ о всѣхъ при томъ разговорѣхъ. И взяли всякъ на доношеніе своему двору.

Что́ и господинъ Витвортъ, чаю, будетъ при дворѣ говорить,—дать о томъ намъ знать.

О дѣлѣ французскомъ и отвѣтѣ того двора на два пункта.

И мое мнѣніе, какъ должно на ихъ пять пунктовъ отвѣтствовать.

Мое мнѣніе, чтобы корришпонденцію съ тѣмъ дворомъ продолжать.

Копія съ письма господина Волкова сообщена.

Дубликатъ посланъ о деньгахъ, о 6200 ефимкахъ моего жалованья.

№ 7-ой. 1711 г. ноября 30. Гага.

На письмо, отъ 2-го нумера, по указу исправлять будемъ, т.-е. отвѣтъ аліатомъ о предложеніи медіаціи.

О Лифляндахъ сказывалъ ли посолъ Матвѣевъ, о томъ онъ самъ своимъ письмомъ доносилъ.

Министры, датскій и польскій, какъ аліатскому предложенію отвѣтствовали, о томъ розность изволите увидѣть.

Мое мнѣніе. Два пункта объявлялъ опасные интересу его царскаго величества при нынѣшнемъ съѣздѣ; первый,—чтобы медіаціи не предложили, а другой,—чтобъ армистицію польскаго и датскаго въ Помераніи принять не принудили.

Мое мнѣніе, чтобы заранѣе мѣры взять и, съ своими аліаты согласясь, дать сюда указы ровные, чтобы розницы между нами не было.

Аглинскій посолъ предлагалъ, и какъ слышу, не хотятъ неутральныхъ примать въ тотъ конгрессъ. Однакоже другіе на то будутъ способа искать.

Я надеженъ по своей пленипотенціи; однакоже сумнѣваюсь, при томъ съѣздѣ ежели бы могла служить, и того для на примѣръ съ полномочной копію посылаю.

Также резоны давалъ, чтобы дана мнѣ была партикулярная полномочная трактовать между Франціею и его царскимъ величествомъ, и инструкціи просилъ, ежели съ интересы сходно находятъ. И на все то требовалъ указа.

И потомъ новины: Франція великіе препаративы готовитъ.

Голландцы говорятъ,—ежели бы домъ аустрійскій 30 тысячъ въ Брабантъ далъ, то бы, конечно, они, хотя и безъ Англіи, могли войну продолжать.

№ 8-ой. 1711 г. декабря 4 (15).

У ратпенсіонарія бывъ, требовали резолюціи. И обѣщалъ на сей недѣлѣ, согласясь съ цесарскимъ и аглинскимъ министромъ, отвѣтствовать. И впредь ежели продолжать будутъ, будемъ требовать ихъ скораго отвѣта.

№ 9-ый. 1711 г. декабря 10 (21). Гага.

Чрезъ курьера витвортова писалъ къ графу Головкину, что архитектъ прінсканъ, а 3-хъ тысячъ ефимковъ

трудно на кредитъ сыскать, и чтобы непомедленно вексель изволили прислать; и при томъ—чертежи садамъ и другому того мастера.

№ 10-ый. 1711 г. декабря 11 (22).

Посолъ аглинскій милордъ Страффордъ объявилъ, что ихъ посолъ Витвортъ отрекается отъ такого предложенія. И потомъ сказалъ, чтобы видѣться.

Просилъ дворъ, чтобъ о томъ говорили Витворту и къ намъ писали.

Съ министромъ цесарскимъ Гоусомъ о томъ же разговорѣ, и что отъ двора еще отповѣди не получилъ.

Голландцы назначили двухъ коммиссаровъ, а не министровъ полномочныхъ къ тому съѣзду; и тѣмъ въ мирномъ дѣлѣ слабость [такъ] великую придали, что не состоится.

Разговоръ мой съ принцемъ Евженіемъ. И будто царское величество учинилъ аліансъ съ венгеры, которымъ обѣщалъ помощныхъ войскъ 30 тысячъ.

Отвѣтовалъ кратко на письмо его, что̀ отъ нумера 3-го, и объявлялъ, что я всегда пишу по вся почты.

№ 11-ый. 1711 г. декабря 14 (25). Гага.

Что времени за праздники не было пространно о всемъ говорить съ ратпенсіонаріемъ и съ милордомъ Страффордомъ.

Миръ съ Франціею видится несостоятеленъ.

Изъ Парижа пишутъ, что требуютъ пашпортовъ гишпанскимъ министрамъ. И то якобы Франція дѣлаетъ подъ тѣмъ претекстомъ несостоятельнымъ, изъ чего-бъ отлучиться того съѣзда.

Разглашеніе изъ Англіи не можетъ быть вѣрно, чтобы, не окончавъ, въ наши дѣла замѣшалися; но развѣ подъ рукою въ Царьградѣ что будутъ дѣлать.

№ 12-ый. 1711 г. декабря 18 (29). Гага.

Аглинскій посолъ обѣщалъ въ нѣкоторые дни отвѣтствовать. Ратпенсіонарій—ничего, но прежде отъ нихъ ожидаетъ; и что сей господинъ молчаніемъ отходитъ, нежели дѣломъ.

А что принцъ Евженій говорилъ о томъ дѣлѣ съ посломъ, то онъ самъ донесетъ.

Объявилъ, что будемъ всякими мѣрами стараться.

Милорда Страффорда разговоръ о мирѣ, въ которомъ противенъ является интересамъ цесарскимъ.

Слабость голландцевъ къ миру, по полученіи нынѣшней почты, что выбираютъ со всѣхъ провинцій коммиссаровъ, а не на двухъ то полагаютъ.

На письмо отвѣтъ отъ 4-го нумера. И аліаты еще вновь не предлагаютъ, чтобъ ѣхать на съѣздъ: даютъ причины, чтобъ усмотря къ тому съѣзду ѣхать, для того что не всѣ при томъ будутъ.

Доношеніе о деньгахъ къ тому съѣзду.

Письмо изъ Парижа посылается.

Особливое моею рукою благодареніе за заплату Христофору Бранту, такъ и Балку за указъ о 500 ефимкахъ. И потомъ о тѣхъ же деньгахъ просилъ къ тому съѣзду и предлагалъ, чтобъ одному Матвѣеву ѣхать.

№ 13-ый. 1711 г. декабря 21 (января 1).

Милордъ Страффордъ еще не отвѣтствовалъ и сказалъ, что не имѣлъ еще отповѣди.

Резидентъ ганноверскій, бывъ у меня, указъ сообщалъ отъ своего двора, чтобы вмѣстѣ прилежность имѣть и не допускать къ миру Францію при нынѣшнемъ съѣздѣ.

Принцъ Евженій намѣреніе своей ѣзды премѣнилъ въ Англію.

О мирѣ подтверждаютъ, что не состоится; однакожъ уповать на то нельзя.

№ 14-ый. 1711 г. декабря 22 (января 2).

Разговоръ съ милордомъ Страффордомъ,—и что продолжаетъ, и въ Утрехтъ уѣхать хочетъ.

Принцъ Евженій говорилъ и обѣщалъ Страффорду и ратпенсіонарію говорить. Онъ же сказалъ, что Порта противъ венеціанъ хочетъ войну начать.

Волковъ изъ Парижа пишетъ, что вскорѣ полномочные поѣдутъ,—кто дворы министры наняли. А польскій не хочетъ ѣхать; а Альфельдъ хотя и не нанялъ, однакоже тайно ищетъ.

Здѣшніе господа еще коммиссаровъ не выбрали.

Волковъ объ архитектахъ писалъ и проситъ 4000 ефимковъ; опасается, чтобы не прошли.

№ 15-ый. 1711 г. декабря 28 (января 8).

О всемъ ссылался на прежнія письма. И за болѣзнію писать не могу много; и, чаю, посолъ Матвѣевъ пространно писалъ.

На предложеніе наше обнадеживаніе надобно отставить, [для того] что не сдѣлается.

Между принцемъ Евженіемъ и Страффордомъ несогласіе есть.

Бурмистра Витсена письмо послано.

Конференціи начнутся, какъ бискупъ бристольскій пріѣдетъ и министры французскіе, то-есть вскорѣ.

Письмо при томъ до царскаго величества послано.

№ 16-ый. 1712 г. генваря 1 (12). Гага.

Милордъ Страффордѣ о дѣлѣ продолжаетъ.

О мирѣ съ Франціею, по многимъ обстоятельствамъ, быть не чаемъ.

Что адресъ верхней камеры проситъ королеву, чтобы сходно съ другими аліаты при томъ съѣздѣ учинить. И королева намѣрена то учинить и своимъ полномочнымъ указъ дала все на доношеніе брать.

Въ собраніи аліатскомъ объявлялъ статскій депутатъ господинъ Латмаръ, и что̀ отвѣтствовали особе всякій министръ.

Тайное есть намѣреніе, будто 34 корабля Статы готовятъ, ежели-бъ Англія намѣрена партикулярный миръ учинить, чтобъ имъ безопаснымъ быть.

Отъ границъ французскихъ объявляютъ о пріуготовленіи великомъ предъ прежними годами къ предбудущей кампаніи.

№ 17-ый. 1712 г. генваря 4 (15). Гага.

Бискупъ бристольскій пріѣхалъ въ Роттердамъ. И я былъ у двора милорда Страффорда, но онъ не сказался дома. И уже больше надѣяться не надобно, что то дѣло будетъ произведено.

Обѣщалъ я согласить ихъ съ бискупомъ и обоимъ говорить, и послѣднюю резолюцію брать.

Что бискупъ прямо до Утрехта отъѣзжаетъ,—здѣсь непріятно. То знакъ тому, что не хочетъ своей инструкціи сообщить Статомъ.

Бойсъ пріѣхалъ. И слышатъ, будто нѣкоторое вновь обязательство учинилъ съ Англіею. Однакоже надобно ждать конференціи.

Министры французскіе вскорѣ ожидаются.

Милордъ Страффордъ на резолюцію статскую къ предуготовленію предбудущей кампаніи протестовалъ и сказалъ, что Англія такихъ великихъ предуготовленій, сверхъ трактата, не будетъ чинить.

Разглашаютъ, будто Чиферсъ отъ короля шведскаго имѣлъ предложеніе, чтобы примирила королева его съ датскимъ и польскимъ.

№ 18-ый. 1712 г. генваря 8 (19). Гага.

Милордъ Страффордъ, при отъѣздѣ въ Утрехтъ, сказалъ, что онъ получилъ отвѣтъ отъ двора своего, что дворъ о такомъ предложеніи своего посла не вѣдаетъ, и указа не дано, и къ нему отписано. И какъ справятся, впредь будутъ сообщать.

Я ему сказалъ, что сіе не что иное, токмо продолженіе времени.

Резоны мои, что сіе дѣло не можетъ окончаться, и что будутъ съ посломъ Витвортомъ говорить, чтобы сюда дали знать. И о томъ дѣлѣ до ожиданія впредь на сіе указа докучать не будемъ. И ежели миръ не сдѣлается, тогда будетъ причина подтвердить.

Здѣшніе неблагодарны, что дукъ Мальбургъ отставленъ, и голландцы хотятъ конечно сыскать принца въ имперіи, кому бы могли поручить команду.

Разговоръ барона Геемса, посланника цесарскаго, что Англія еще вновь указъ дала своему при Портѣ министру трудиться, чтобы шведу вспомогать.

Бойсъ въ Англіи прежній трактатъ подтвердилъ.

О министрахъ, кто въ Утрехтъ пріѣхалъ.

Ратпенсіонарія съ нами разговоръ. Сегодня о томъ Матвѣевъ, посолъ, писалъ.

№ 19-ый. 1712 г. генваря 15 (26).

Конференціи въ Утрехтѣ еще не было и, какъ чаемъ, до предбудущей недѣли не будетъ.

Разговоръ министровъ французскихъ съ савойскимъ, что требуютъ отъ Статовъ объявленія. И каково разсужденіе есть между многими, то, топерь списавъ, послалъ двумя примѣры, какъ хотятъ дѣлить Гишпанію. На примѣръ объявилъ остатній проектъ, который называется голландскимъ,—сходнѣе всѣхъ.

Отповѣдь на № 6-ой. И что́ приналежитъ до интереса двора ганноверскаго, то будемъ исправлять.

О пятистахъ ефимкахъ своихъ писалъ.

Съ Цинцендорфомъ видѣлся и не говорилъ, для того что то дѣло отъ него безъ плода будетъ.

№ 20-ый. 1712 г. генваря 22 (февраля 2). Гага.

По указомъ, присланнымъ отъ нумера 7-го, въ свое время исправлять будемъ.

Какова была первая конференція въ Утрехтѣ между союзничьи министры.

Рѣчь бискупа бристольскаго на отвореніи той конференціи и отвѣтъ на то Полиньяка.

Объявили свои другъ другу полномочныя и три пункта:

Первый,—что просили паса своимъ курьерамъ, который далъ на четыре недѣли.

Второй—о министрахъ неутральныхъ принцевъ.

Третій,—чтобы секретарію посольства аглинскаго держать протоколъ. И то не опредѣлено.

Напредь обѣщалъ доносить, чтó впредь будетъ.

Что корабли голландцы готовятъ.

№ 21-ый. 1712 г. генваря 25 (февраля 5).

Въ Утрехтѣ знатнаго еще не учинено по первой конференціи.

Какову декларацію королева въ камерахъ учинила, и о томъ объявлено.

Что вѣнскій дворъ сходенъ явился къ раздѣленію монархіи гишпанской.

Министры, польскій и датскій, еще не имѣли указовъ ѣхать на съѣздъ въ Утрехтъ. И датскаго при томъ разсужденія, что хотя по времени и будетъ, но министромъ посольскаго характера онъ не возьметъ для многаго предосужденія ихъ интересомъ, и весь его резонаментъ объявлялъ.

Корабли здѣсь готовятся, какъ я прежними объявлялъ.

№ 22-ой. 1712 г. генваря 29.

Объ отъѣздѣ министровъ цесарскихъ въ Утрехтъ, и что будутъ въ конференціи съ министры всего собранія, гдѣ сподѣваются со стороны французской первое предложеніе получить. И чтó изъ того будетъ, о томъ донесено будетъ впредь.

Объ отправленіи изъ Англіи двухъ курьеровъ къ королю шведскому и къ Портѣ, и что дворъ аглинскій далъ [указъ] своему министру при Портѣ трудиться не токмо въ интересъ шведскій, но и дому аустрійскому угрaживать войною, дабы тѣмъ принудить цесаря къ миру, и что о томъ съ господиномъ Матвѣевымъ министромъ цесарскимъ сообщали.

Объ имперскихъ министрахъ,—что опредѣляютъ къ съѣзду ѣхать. Токмо имѣютъ нѣкоторую трудность, понеже цесарскіе министры не хотятъ, чтобъ имперскихъ принцевъ министры въ собраніе допущены были, но все бы чрезъ нихъ происходило.

О министрахъ принцевъ неутральныхъ,—что еще никто себя къ тому съѣзду не объявляетъ, а особливе польскій баронъ Герсдорфъ указа о томъ отъ двора своего не получилъ.

О нашемъ отъѣздѣ будемъ усматривать времени.

Объ указѣ королевы аглинскимъ министромъ тотъ съѣздъ больше не продолжать, какъ до 12 апрѣля, и что о томъ еще въ собраніи министры не объявили.

О письмѣ бискупа бристольскаго сюда къ пасторомъ протестантской релижіи, дабы изгнаннымъ въ отечество позволено было возвратиться; о чемъ и меморіалъ, написавъ, послали. Но сему учинену быть не чаютъ.

О пріѣздѣ господина де-Лорма, министра польскаго, и о сообщеніи его объ аглинскихъ поведеніяхъ.

О пріуготовленіи тайномъ въ 60 корабляхъ флота, и что то чинятъ будто съ согласія Англіи. И ежели миръ не состоится, то оный отправленъ будетъ въ Гишпанію; токмо о томъ подлинно вѣрить неможно.

№ 23-ій. 1712 г. февраля 1 (12).

Пріѣздъ цесарскихъ министровъ аглинскимъ есть непріятенъ.

Опредѣленное время до апрѣля перваго числа чтобы быть съѣзду, министры декларовали не информе, но разговоромъ.

№ 24-ый. 1712 г. февраля 2 (13).

Предложенія французскіе [министры] учинили 31 генваря (11 февраля) въ Утрехтѣ.

При томъ разсужденіе, что будемъ смотрѣть голландцевъ, которую партію возьмутъ, цесарскую или агличанъ. И ежели цесарскую,—миръ еще дальнаго вида, а ежели аглинскую,—миръ будетъ.

Прилагаю вышепомянутыя предложенія на французскомъ языкѣ.

Получилъ отъ двора письмо отъ №1-го и съ приложенною пленипотенціею.

№ 25-ый. 1712 г. февраля 5 (16). Гага.

Дубликатъ посланъ пропозицій.

О конференціи отъ 12 февраля до марта 5 отложено отвѣтствовать.

Неможно знать, ежели миръ сдѣлается, для того что всѣ смотрятъ на дѣла Англіи.

Команда, чаю, будетъ дана принцу Евженію и курфюрсту ганноверскому.

Трактаты о трупахъ, датскихъ и польскихъ, еще не окончены.

Дубликатъ, посланный съ предложеніями французскими.

Письмо до царскаго величества о покупкѣ корабля въ Дюнкирхенѣ.

№ 26-ой. 1712 г. февраля 8 (19). Гага.

Министрамъ французскимъ отповѣди отъ аліатовъ не учинено, и рѣшили себя прежде снестись во всемъ въ ихъ претенсіяхъ и потомъ, согласясь, будутъ отвѣтствовать.

Протоколъ еще никому держать не отданъ, и письма сего конгресса всѣ въ рукахъ Бойса.

Голландская провинція, а именно Амстердамъ, весьма намѣрена войну продолжать и отвѣтствовать прелиминаріи гертрейденбергскими.

О сообщеніи мнѣ отъ графа Цинцендорфа, какое рѣшеніе Порта въ диванѣ взяла, и о томъ, чаю, извѣстно; также, чтобы цесарь позволилъ свободно пропустить короля шведскаго чрезъ венгерскую землю; на что дворъ цесарскій трудности никакой не находитъ.

Что шквадра французская въ 15 корабляхъ въ землѣ короля португальскаго разореніе учинила на десять милліоновъ крузадовъ, кромѣ товаровъ, самымъ золотомъ и серебромъ, а

съ товарами считаютъ на 30 миллiоновъ. А въ разоренiи всего Португалiи стало миллiоновъ 60 или 70.

Министръ португальскiй былъ въ конференцiи объ объявленiи помянутаго разоренiя.

№ 27-ой. 1712 г. февраля 12 (23).

О возвращенiи министровъ алiатскихъ въ Гагу, и что провинцiя голландская себя объявила отвѣтствовать прелиминарiи гертрейденбергскими, къ чему приводятъ цесарскихъ и другихъ многихъ министровъ.

Что парламентъ нижнiй нашелъ цесаря и португальскаго въ несодержанiи четвертой части войскъ; а субсидiи по вся годы брали. Также и на Голландiю нашли несодержанiе ея, что уже чрезъ нѣсколько годовъ флота и людей въ Гишпанiю не посылали. И о томъ велѣно печатать въ газетахъ.

О разсужденiи здѣсь, что Англiя, конечно, миръ учинить готова не токмо вмѣстѣ, но и партикулярный, того ради, какъ слышно, что Францiя Англiи отъ монархiи гишпанской хочетъ награжденiе учинить не малое. Чего ради есть видъ, что миръ учинится. Однакоже на томъ основаться неможно по премѣнамъ въ Англiи партiи торисовой.

О разговорѣхъ милорда Страффорда со мною, что они не малый трудъ находятъ въ отвѣтѣ общемъ на предложенiя французскiя.

О письмѣ Волкова, что архитекта уже подрядилъ, и того для пасъ къ нему посланъ.

О полученiи здѣсь вѣдомости о смерти дофиновой, внука короля французскаго.

О векселѣ, который намъ опредѣленъ,—что онаго еще не получили.

№ 28-ой. 1712 г. февраля 15 (26).

Объ отвѣтѣ на предложенiя французскiя, что будутъ отвѣтствовать 5 марта.

Получена здѣсь вѣдомость о тяжкой болѣзни короля французскаго, и что есть безнадежными въ животѣ его; также правнучата его, которые наслѣдники короны, оспою больны.

О трупахъ датскаго и польскаго,—что еще трактатовъ не заключили.

Указъ въ Брабантъ данъ, чтобы къ 5 марта быть въ готовности, а къ 25 вступить въ кампанію.

Принцъ Евженій по двухъ или трехъ недѣляхъ сюда ожидается.

№ 29-ый. 1712 г. февраля 19 (марта 1).

О полученіи его превосходительства и съ дубликатомъ письма. И на то отвѣтствовано (что упомянулось о неполученіи писемъ): писано по вся почты.

О вѣдомостяхъ, которыя получены отъ барона Шафирова, министромъ аліатовъ нашихъ сообщили. И что уже здѣсь чрезъ партикулярныя увѣдомлены, что Порта, получа Азовъ, намѣрена миръ содержать.

Баронъ Герсдорфъ, министръ польскій, отъѣхалъ въ Утрехтъ для установленія въ собраніи генеральномъ, какимъ образомъ и будутъ ли оные допущены.

Объ аббатѣ Полиньякѣ,—что ѣзду свою въ Парижъ удержалъ.

Объ отвѣтѣ на предложенія французскія: аліаты, какъ хотѣли 5 марта отвѣтствовать, на нѣкоторые дни отложили.

Объ опредѣленіи отдать министрамъ французскимъ кондоленцію для смерти дофиновой.

Вѣдомости изъ Англіи получены, что поданный меморіалъ отъ принца Евженія отданъ для разсмотрѣнія въ парламентъ нижней камеры, и чтобъ объявить той камеры инструкціи, каковы даны полномочнымъ въ Утрехтѣ.

О полученіи здѣсь вѣдомости, будто Доргайль, по указу отъ двора своего, отъѣхалъ въ Магонъ и что коммиссару при отъѣздѣ приказалъ, чтобы цесарскимъ и другимъ ничего не давалъ; чего для цесарева есть въ великомъ страхѣ, чтобы безъ заплаты войска не разбѣжались.

О. пріуготовленіи французскаго флота, и что есть намѣреніе осадить Барселону; что уже и войска французскія въ Гишпанію марширують.

Въ Брабантѣ въ нынѣшнюю кампанію будеть войскъ 157 баталіоновъ да 300 шквадроновъ, да еще въ прибавку палатинскіе трупы, которые были [присоединены] къ неутральному войску, и изъ которыхъ уже 4 баталіона въ Мастрихтъ пришли.

Министры французскіе наслушають, что сходными есть миръ къ удовольству всѣхъ аліатовъ учинить, и что министры аглинскіе свою партію умножили савойскими, также и прусскіе больше съ аглинскими, нежели съ цесарскими.

Министры польскіе еще въ Утрехтъ не бывали, также и датскій указа еще никакого не получилъ.

Ратпенсіонарій намъ объявилъ, что получили они письмо отъ своего министра изъ Царьграда, который объявляеть, что Порта, призвавъ ихъ министра и аглинскаго, просила, чтобъ они потрудились къ примиренію съ царскимъ величествомъ, и чтобъ имъ въ нынѣшнюю весну послѣдствовать. И на то мы желали отъ него, пенсіонарія, вѣдать, какое рѣшеніе въ томъ здѣсь приняли, который сказалъ, что они указъ министру своему о послѣдствѣ въ армію пошлютъ.

№ 30-ый. 1712 г. февраля 22 (марта 4).

По письму господина барона Шафирова къ Фанденбургу говорили ратпенсіонарію, чтобы Статы дали указъ своему при Портѣ министру, дабы во всемъ сходнымъ быть съ министры его величества и спомоществовать по желанію ихъ. На что онъ сказалъ, что они указъ своему министру о престерегательствѣ интересовъ царскаго величества дадутъ.

Разговоръ съ нимъ же, пенсіонаріемъ, о партикулярныхъ дѣлѣхъ междо ними и Англіею и о нарушеніи междо ними трактата о барьерѣ имъ, голландцемъ, въ Брабантѣ, который нынѣ декларованъ за ничто. На что изъ короткихъ словъ могли видѣть, что они есть Англіею неблагодарны, и что чаять конечно надобно между ними несогласія.

О дѣлахъ мирныхъ съ Франціею, что будутъ отвѣтствовать статьями гертрейденбергскими, и та отповѣдь учинена будетъ 5 марта. Также молвлено, чтобы каждаго изъ аліатовъ по ихъ трактатомъ Францiя удовольствовала.

№ 31-ый. 1712 г. февраля 26 (марта 8).

О полученіи письма подъ № 4-ымъ.

Что, по данной инструкціи, каково учинено предложеніе, здѣсь надѣянія имѣть неможно. И о томъ уже прежними объявлено.

Объ обнадеженіи польскаго и датскаго министровъ, по письму отъ двора, противъ неправо сплетеннаго разглашенія отъ непріятельской стороны партикулярнаго мира, что то есть неправда.

О возвращеніи сюда изъ Утрехта министра польскаго барона Герсдорфа и о сообщеніи допущенія его въ конгрессъ.

О сожженіи французскихъ магазиновъ близъ Араса отъ милорда Эбёрмёрля, и что министры французскіе трудятся объ армистиціи.

Мнѣніе здѣшнихъ, что миръ, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, чаютъ, учинится.

Объ объявленіи словесномъ принца Евженія королевѣ въ Англіи, что цесарь къ раздѣленію Гишпаніи есть сходнымъ.

О конференціи шведскаго министра Пальмквиста о корпѣ войскъ неутральныхъ съ депутаты.

Что близъ Текселя явилось шесть кораблей шведскихъ и въ проходѣ датскимъ шкоду чинятъ.

Содержаніе предложенія аліатскаго, учиненнаго министрамъ французскимъ, и что впредь надлежитъ чаять между аліатами розности.

№ 32-ой. 1712 г. февраля 29.

Объ опредѣленіи отвѣтства отъ министровъ французскихъ аліатомъ на учиненныя ихъ пропозиціи, что 30 марта по новому [штилю] будутъ отвѣтствовать.

О полученіи здѣсь почты аглинской, чрезъ которую увѣдомлены, что камера нижняя субсидіи полныя на содержаніе 40 тысячъ въ Брабантѣ войскъ участка опредѣлила, и что команды отданы дуку д'Ормонду и принцу Евженію; также, что намѣрены довольныя субсидіи дать въ Гишпанію.

Мое мнѣніе, что по нынѣшнимъ состояніямъ въ Англіи дѣлъ трудно еще узнать конецъ сего утрехтскаго съѣзда.

Цесарь и имперія съ голландцы трактуютъ и хотятъ наступательный и оборонительный союзъ учинить.

О разговорахъ съ ратпенсіонаріемъ, междо которыми онъ сказалъ о вѣдомости, что турки пріуготовленіе къ кампаніи чинятъ. Однакоже надѣются, что миръ съ нами учиненъ будетъ.

О посылкѣ копіи съ письма Волкова, также объ отправленіи отсель учиненныхъ пропозицій отъ аліатовъ.

№ 33-ій. 1712 г. марта 11.

О возвращеніи въ Гагу министровъ изъ Утрехта, которые пробудутъ до 30 марта; и чаютъ, что отвѣтъ министры французскіе учинятъ къ продолженію времени; также, что Франція намѣрена армистиціи просить, противъ чего цесарскіе намѣрены въ мѣсяцъ отвѣтствовать, и что той армистиціи учинить не хотятъ.

Пріуготовленіе кампаніи здѣшней.

Здѣшній флотъ будетъ крейсоваться въ каналѣ между Англіею и береговъ французскихъ для опасенія Англіи транспорта отъ принца Галлиса въ Шкоцію.

О принятіи къ съѣзду въ Утрехтѣ денегъ.

Что бытность наша здѣсь, а не въ Утрехтѣ,—то усматриваемъ времени.

О письмѣ Урбиха, что пишетъ о склонности двора ганноверскаго.

Мое доношеніе, чтобы при томъ дворѣ быть Шлейницу или Литу.

№ 34-ый. 1712 г. марта 14.

О бытности здѣсь союзничьихъ министровъ, и что возвратятся въ Утрехтъ 30 марта.

О болѣзни дука д'Анжу и новаго дофина, чего для въ консиліи великомъ опредѣлено къ наслѣдствію короны французской позвать гишпанскаго короля Филиппа, а дука де-Берри въ Гишпаніи королемъ учинить.

О сообщеніи мнѣ отъ министра польскаго Герсдорфа, что Англія склоняетъ дворъ датскій къ партикулярному миру, о чемъ ему ратпенсіонарій говорилъ, что Англія и Франція то привожденіе чинятъ; что уже министерство датское отлучается, а голштинская партія возставляется; и что я о томъ писалъ къ князю Долгорукову, дабы онъ былъ въ томъ престорожонъ, также и о поѣздѣ отсель дука виртембергскаго къ тому двору.

О намѣреніи нашемъ говорить о томъ ратпенсіонарію, также и датскому министру.

Мое доношеніе, чтобы частыя предложенія чинить какъ польскому, такъ и датскому дворамъ о пріуготовленіи предбудущей кампаніи.

О польскомъ дворѣ, что и оный дворъ ищетъ того, и что есть разглашеніе о посланныхъ отъ того двора въ волошскую землю.

О пріусматриваніи времени объ отъѣздѣ въ Утрехтъ.

О моихъ 500 ефимкахъ чтобъ учинено было рѣшеніе.

№ 35-ый. 1712 г. марта 18.

Соотвѣтствовано о полученіи его превосходительства здѣсь трехъ писемъ.

О дѣлѣ по инструкціи, мнѣ данной, уже о томъ прежними доносилъ, и чтобы къ окончанію то дѣло привести, надѣяться не надобно.

Письмо до Волкова въ Парижъ будетъ отослано.

О дѣлѣ въ сатисфакціи витвортовой прислано будетъ впредь.

О датскихъ трупахъ,—что еще трактатъ не заключенъ.

№ 36-ой. 1712 г. марта 21.

Объ учиненіи отъ министровъ французскихъ аліатскимъ словеснаго отвѣта, и что тотъ отвѣтъ аліатскимъ министрамъ

былъ противенъ; но министры аліатскіе требуютъ письменнаго отвѣта.

О возвращеніи сюда принца Евженія.

О неполученіи здѣсь чрезъ семь почтъ изъ Парижа писемъ.

О пріуготовленіи въ пристаняхъ морскихъ французскихъ флота.

№ 37-ой. 1712 г. марта 25.

О сообщеніи въ бытность въ Англіи статскому секретарю милорду дуку Кинсбури экстрактомъ изъ списка дѣла, присланнаго съ Москвы, о сатисфакціи посла Витворта, и что на то отвѣта, за скорымъ отъѣздомъ изъ Англіи, отъ аглинскаго двора не получено. И тотъ экстрактъ посланъ нынѣ ко двору на французскомъ языкѣ.

О полученіи письма отъ двора, и что по тому исправлять будемъ; также и въ Парижъ отправилъ.

Что имѣли министры французскіе конференцію, въ которой аліаты требовали письменнаго отвѣта; но что отложенъ до среды. Министры французскіе курьера ко двору своему отправили; но которые, какъ чаютъ, уже и имѣютъ, токмо то продолжаютъ для нѣкотораго своего интереса. И буде голландцы удоволены не будутъ, то, можетъ быть, утрехтскій съѣздъ разрушится. И того для о тѣхъ договорахъ одного чаянія быть неможно. Также есть многіе подъ опасеніемъ, чтобы королева не декларовала себя за медіатора.

Объ интригахъ прусскаго министерства въ Утрехтѣ, чего для уже есть многимъ грубы, а паче голландцемъ, и объ отозваніи девяти баталіоновъ. Министръ прусскій мнѣ сказалъ, что тѣ трупы поставлены будутъ для охраненія пограничныхъ мѣстъ въ Помераніи.

Принцу Евженію я говорилъ о предложеніи объ извѣстномъ дѣлѣ. На что отвѣтствовалъ и отлагаетъ на Голландію и Англію, чего для требована будетъ конференція.

О послѣ венетскомъ, что намѣренъ трудиться, чтобы быть медіаторомъ; но то дѣло не пройдетъ.

О дѣлѣ датскомъ еще ничего не поновилось.

О разговорѣхъ съ ратпенсіонаріемъ по инструкціи объ извѣстномъ дѣлѣ, который хотѣлъ въ томъ съ принцемъ Евженіемъ и съ другими снестися; но токмо то дѣло конечно въ дѣло произойти не можетъ.

№ 38-ой. 1712 г. марта 28.

Держана конференція была въ Утрехтѣ между министры, въ которой требовано отъ французскихъ на ихъ запросы письменнаго отвѣта. На что французскіе сказали, что того безъ указа учинить не могутъ. И не что другое изъ сего происходитъ, токмо продолженіе времени. И что трудятся междо голландцы и союзники несогласіе учинить, чего для тайныхъ миссіонаровъ разослали. А особливе сіе продолженіе чинится по согласію Англіи. Также Франція въ Гишпаніи получила не малое богатство, также и для премѣны дука Мальбурга.

По послѣднему указу предложенія еще не учинено.

№ 39-ый. 1712 г. апрѣля 1.

Объ учиненіи здѣсь предложенія по данному указу въ силѣ перваго артикула, и что о томъ ратпенсіонарій взялъ на доношеніе тайному совѣту.

О возвращеніи аліатскихъ сюда министровъ, которые здѣсь пробудутъ до отвѣта французскаго.

О заключеніи между Франціею и Англіею трактата о коммерціи.

О прибытіи сюда графа де-Вертерна.

№ 40-ой. 1712 г. апрѣля 11.

О полученіи письма отъ 9-го нумера, и что корришпонденція продолжена съ княземъ Александромъ Даниловичемъ будетъ.

Объ отъѣздѣ отсель союзничьихъ министровъ въ Утрехтъ.

Милордъ Страффордъ имѣлъ съ Статы конференцію, въ которой подалъ грамоту отъ королевы объ обнадеживаніи продолженія кампаніи.

О приватной конференціи съ ратпенсіонаріемъ, въ которой объявлялъ, что о коммерціи токмо трактуется; а что будто [трактатъ] уже учиненъ, дабы о томъ подозрѣнія не имѣли, ибо къ окончанію еще не приведенъ.

Объ отъѣздѣ отсель въ армію принца Евженія, и что Статы, себя обязавъ, обнадежили, чтобы ни отъ Англіи, ни отъ Франціи армистиціи не принимать; токмо то будетъ обѣщаніе отъ Статовъ непостоянно. Однакоже не многаго надѣянія отъ него, принца, сей кампаніи, ибо французы посты нужные у аліатовъ захватили.

Объ отъѣздѣ Пальмквиста на время въ Утрехтъ, гдѣ, чаю, будетъ искать случая, чтобъ ему быть въ конгрессъ допущену по княженію цвейбрюкскому.

О непостоянствѣ министровъ, датскаго и польскихъ, и что датскій на польскихъ подозрѣніе имѣетъ о заключеніи мира, а графъ де-Вертернъ увѣдомился о склонности къ миру датскаго двора.

Мое объявленіе, дабы союзъ твердо содержанъ былъ, и опасеніе больше отъ датскаго, нежели отъ польскаго.

Что милордъ Страффордъ говорилъ мнѣ, что онъ надѣется быть во всякой угодности за прилежность ихъ и голландскаго министровъ у Порты къ примиренію войны; за что я ему благодарилъ.

Ратпенсіонарій ему говорилъ, дабы воюющимъ сѣверной войны объявить нынѣ вновь добрыя къ миру средства.

При томъ я ему говорилъ, чѣмъ себя они рѣшили на наше предложеніе о невмѣшиваніи имъ въ наши, а намъ въ ихъ дѣла. На что мнѣ сказалъ, что указа отъ двора своего не имѣетъ, и что о томъ указъ данъ господину Витворту.

Также о семъ и ратпенсіонарію я предлагалъ. На что сказалъ, что будетъ соглашаться съ союзничьи министры, и въ семъ надѣянія больше нѣтъ.

Присланный принца Рагоци говорилъ мнѣ, что его царское величество обѣщалъ его принцу дать свою протекцію. На что я сказалъ, что не имѣю о томъ указа и буду писать ко двору.

Бывъ у ратпенсіонарія, требовали отвѣта на предложеніе гарантіи, который сказалъ, что еще рѣшеніе у Статовъ никакое не взято; но притомъ говорилъ отъ себя партикулярно, что, кромѣ Амстердама, другія провинціи въ томъ купечествѣ интереса не имѣютъ, чего для трудно приводить; также во время войны завоеванныя мѣста кому гарантировать, то можетъ причтено быть, что войну декларовать.

№ 41-ый. 1712 г. апрѣля 15.

Что отвѣтъ министровъ французскихъ отложенъ до субботы, между которымъ продолженіемъ всякими мѣрами ищутъ голландцевъ удовольствовать.

О барьерѣ, учиненномъ въ трактатѣ между Англіи и Голландіи, во Фляндрахъ, что парламентъ опорочилъ, и чтобы голландцы содержали Остенду, Ньюпортъ и другія пристани своими гарнизоны.

О возвращеніи сюда изъ Утрехта шведскаго министра.

№ 42-ой. 1712 г. апрѣля 25.

Министры отвѣта не учинили.

Объ извѣстномъ дѣлѣ, видѣвшись посолъ Матвѣевъ съ ратпенсіонаріемъ, самъ доносилъ пространно.

Отъ Волкова изъ Парижа письмо отправлено.

О полученіи писемъ отъ его превосходительства и грамоты къ Статомъ. И на тѣ отвѣтъ, что приналежитъ о союзѣ съ цесаремъ и съ голландцы, о чемъ уже имъ внушали; также въ недавнихъ днехъ ратпенсіонарію говорили, на что молчаніемъ отшелъ. А министры цесарскіе дома не сказываются. А что информе не предложено было, то учинено противъ указа, ибо еще въ дѣлѣхъ голландцы съ агличаны находятся въ согласіи.

О заплатѣ Бранту 6 тысячъ ефимковъ,—чтобы повелѣно было заплатить.

№ 43-ій. 1712 г. мая 2 (13).

Министры, поворотясь, здѣсь живутъ, ожидая отповѣди.

О полученіи писемъ; что принадлежитъ по указомъ о коммерціи, учинено будетъ, и впредь донесу.

№ 44-ый. 1712 г. мая 6 (17).

О сообщеніи ремарокъ на проектъ трактата коммерціи ратпенсіонарію; о чемъ хотѣлъ сообщить Статомъ.

О полученіи дубликата подъ № 13-ымъ.

№ 45-ый. 1712 г. мая 9 (20).

О предложеніи отъ аліатовъ датскому и польскому министрамъ посредствъ къ примиренію сѣверной войны, такожъ и намъ равнымъ образомъ. На что отвѣтствовано, что о томъ взято на доношеніе ко дворамъ.

О бытности у посла Матвѣева цесарскаго министра, который предлагалъ своего государя медіацію; но аліаты именемъ всѣхъ аліатовъ предлагали, только что цесарскій для гонора поспесивѣе сказалъ, а другіе—поучтивѣе, но сила дѣла есть одна.

О предложеніи таковомъ же шведскому министру, который отвѣтствовалъ, что король его надѣется, по обязанію гарантіи, дѣйствительна имъ себя показать, и что о томъ медіаторствѣ королю его будетъ пріятно. И то все взялъ на доношеніе своему двору.

Наше желаніе было [узнать], отъ кого то произошло. И чрезъ многихъ открылось, что по домогательству польскихъ министровъ. Того ради мы подозрительны отъ нихъ, что они то учинили безъ сообщенія намъ, какъ и о трупахъ своихъ трактатъ заключили, чего для датскій дворъ весьма есть неблагодарнымъ, и чтобъ о томъ ни ихъ министру, ни ихъ двору неблагодарнаго ничего не являть, для того что и мы съ тѣми министры такожъ пріятельски обходиться будемъ.

Объ отправленіи отсель копіи съ письма господина Шафирова, и что, по полученіи той, ратпенсіонарія благодарили за

добрыя пріязни ихъ министра; такожъ и аглинскаго благодарить будемъ.

Министры еще не отвѣтствовали. Но, какъ слышно, Голландія съ Англіею о барьерѣ согласились, и съ Францiею о томъ опредѣлено; чего для надѣяться надобно, что миръ безъ разъѣзда въ Утрехтѣ, хотя съ продолженіемъ, окончень будетъ.

О предложеніи вновь о вступленіи въ союзъ съ царскимъ величествомъ, и что обѣщаетъ имъ нѣкоторое число войскъ царское величество помощныхъ дать. На что, не давъ никакого отвѣта, ратпенсіонарій говорилъ, что Францiя трудится сѣверную войну продолжить; но ихъ-де интересъ есть ту войну прекратить.

Министръ шведскій отвѣтъ еще въ дополненіе вышепомянутаго учинилъ, что они, по обязанію своего трактата, должны королю его вспомогать нѣкоторымъ числомъ войскъ, а не медіаторство предлагать. На что ратпенсіонарій отвѣтствовалъ, что тотъ трактатъ дѣйствителенъ нынѣ быть не можетъ.

Съ сего доношенія послана слово въ слово копія къ князю А. Д. Меншикову.

№ 46-ой. 1712 г. мая 13.

О полученіи письма изъ Петербурга отъ 16-го нумера.

О предложеніи извѣстномъ,—прошлой недѣли вновь предложено было, и изъ того доношенія пространно извѣстны.

О расходахъ почтовыхъ денегъ, такожъ и статейные списки готовить буду, и присланы будутъ впредь.

Объ отзывѣ отсель ко двору милорда Страффорда третьяго дня, и того же дня отъѣхалъ, и что партія вигова въ Англіи въ силу приходитъ.

О сходствѣ агличанъ съ голландцы въ барьерѣ, токмо чтобы въ дву пристаняхъ морскихъ, въ Остендѣ и Ньюпортѣ, не держать имъ гарнизона.

А что приналежитъ между аліатами и Францiею о наслѣдствіи короны гишпанской, то, ежели Филиппъ не похочетъ оставить корону французскую, еще дѣла продолжены будутъ.

О полученіи отъ Өедора Балка 500 ефимковъ.

Того же вышеписаннаго числа отправлено письмо къ всемилостивѣйшему государю, что изъ Гамбурга Поппъ пишетъ о присылкѣ къ нему чертежей и требуетъ отповѣди отъ меня. На что я никакого указа по се число отъ 4 февраля не имѣлъ.

О кораблѣ, который въ Англіи, что послѣднихъ чиселъ сего мѣсяца въ путь отправитъ, о чемъ Өедоръ Салтыковъ писалъ.

О пріискѣ еще дву кораблей по 50 пушекъ; чтобъ указъ былъ опредѣленъ о кораблѣ, который въ 60 пушекъ; что онъ еще не проданъ.

О непереводѣ изъ Риги денегъ.

О готовости совсѣмъ въ Дюнкирхенѣ корабля, и что ожидается капитанъ изъ Копенгагена. И когда прибудетъ, то немедленно отправленъ будетъ.

О присылкѣ трехъ пасовъ.

№ 47-ой. 1712 г. мая 16.

О полученіи письма его превосходительства отъ № 17-го.

О заключеніи мирнаго трактата между царскимъ величествомъ и Портою.

№ 48-ой. 1712 г. мая 23.

О полученіи его превосходительства письма о заплатѣ за смолу въ Англіи денегъ. И на то соотвѣтствовано, ежели тѣ деньги вскорѣ не пришлютъ, — о томъ министру ихъ говорить ли или къ секретарію статскому писать.

О полученіи его величества указа; что дукъ д'Ормондъ получилъ указъ отъ королевы баталіи съ непріятелемъ не давать; что буду на разговорѣхъ сегодня съ ратпенсіонаріемъ.

№ 49-ый. 1712 г. мая 24.

О прибытіи сюда курьера изъ Брабанта, чрезъ котораго получена вѣдомость о дукѣ д'Ормондѣ, что баталіи давать

не хочетъ, чего для съ жалобою въ Англію отсель отправленъ курьеръ; и что депутаты въ Утрехтѣ бискупу бристольскому говорили о тѣхъ поступкахъ, который отвѣтствовалъ, что королева не есть нынѣ въ состояніи войну продолжать, чего для принуждена будетъ отъ аліанса отлучиться.

О собраніи статскомъ ради помянутой причины съ министры союзничьи, гдѣ объявленъ былъ отвѣтъ помянутаго бискупа. Но всѣ министры взяли на доношеніе къ своимъ дворамъ. Что буду на разговорѣхъ сегодня съ ратпенсіонаріемъ и предлагать о помощныхъ войскахъ.

Мое мнѣніе. Ежели въ несогласіе голландцы съ Англіею вступятъ, то надѣяніе можно имѣть, что въ сіе дѣло сходнѣе поступятъ.

О разсужденіи здѣсь, что Англія такъ смѣло поступаетъ, чтобы не послѣдствовали ей какъ дукъ савойскій, прусскій, такъ и португальскій.

О неприбытіи сюда милорда Страффорда.

Объ отправленіи писемъ изъ Парижа отъ господина Волкова.

№ 50-ый. 1712 г. мая 27.

Объ отвѣтѣ бискупа бристольскаго Статомъ, что королева признаваетъ Статы и нѣкоторыхъ аліатовъ неблагодарныхъ ею, чего для принуждена принять также свои мѣры.

Что опредѣлено отсель изъ первыхъ персонъ послать въ армію наскоро великаго казначея и барона Девельдерна для привожденія въ согласіе дука д'Ормонда съ принцемъ Евженіемъ, чтобы далъ баталію; а ежели того учинить не похочетъ, чтобы, войска принцевъ имперскихъ отлуча отъ аглинскихъ, однимъ дать баталію. Сія взята резолюція того для, что ежели выиграютъ, тó придастъ бóльшее всѣмъ упованіе, а ежели проиграютъ, то лучше миръ учинить будетъ изъ такой причины, нежели насиліемъ отъ Англіи.

О резолюціи, которая взята, что войска потенцій, который на заплатѣ аглинской, подъ нужный случай будутъ въ послушаніи принца Евженія.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. XI „Корреспонденція ко двору. 1712—1713 гг.", стр. 32—33, 35, 44—60, 70—95; №№ хрон. описи 1110 и 1208].

828. Къ престерегаңію Россійской имперіи интересовъ при нынѣшнихъ случаяхъ и при назначенномъ съѣздѣ о мирѣ въ Утрехтъ у аліатовъ съ Франціею, каковы [мнѣнія] были сообщены къ Матвѣеву, и не знаю, посланъ ли съ нихъ но двору копію.

1711 г. ноября 30 [декабря 11]. Гага.

Хотя сумнѣвались, чтобы на такихъ слабыхъ прелиминаріяхъ, отъ Франціи учиненныхъ Англія, аліаты склонны къ съѣзду себя явили, а особливо Голландію чаяли быть противной; однакожъ Англіи принуждены послѣдствовать, хотя и имѣвъ отъ нея не малое подозрѣніе. Можетъ быть, и нынѣ того же мнѣнія есть; но опасность партикулярнаго мира у Англіи съ Франціею къ тому принудила и принуждать будетъ.

Правда, аустрійскій домъ не робкимъ себя наружно являетъ: и протестуетъ, и къ съѣзду назначенному министромъ своимъ быть не позволяетъ, и принцевъ имперскихъ къ тому склоняетъ. Еще же больше: по многому оный домъ съ Англіею въ несогласіе великое пришелъ; токмо внутреннимъ намѣреніемъ чаемъ, той же Англіи, какъ и голландцы, послѣдствовать будутъ, чего для война безъ денегъ продолжена быть не можетъ. Но та мочь есть весьма въ рукахъ Англіи.

Однакоже на все то уповать неможно и надѣяться, чтобъ оный миръ при семъ съѣздѣ учинился. Хотя и разглашаютъ, что Англія уже на готовое всѣхъ сзываетъ и домъ аустрійскій (что́ къ предосужденію своихъ властныхъ интересовъ), но не могутъ ни за ихъ силу и богатство денегъ, ни за отлученіемъ отъ нихъ аліанса, Англіи во всемъ сходными быть и такой миръ предосудительный и безчестный себѣ учинить.

Но топерь будемъ сего мнѣнія (отставляя все, изъ чего-бъ оный не мо́гъ статься, ни самое несогласіе дома аустрійскаго), что при семъ съѣздѣ въ Утрехтѣ миръ у аліатовъ всѣхъ обще съ Франціею учиненъ будетъ. При такомъ случаѣ чаемъ, что бы дотыкалося къ интересамъ сѣверной войны, высокаго аліанса воюющіе противъ Швеціи не будутъ требовать ничего и вмѣшиваться при томъ помянутомъ съѣздѣ; но дабы оные

оставлены были всякій въ своей силѣ и продолжать свою войну, и принуждать непріятеля къ миру.

Топерь видимъ, что Швеція трудовъ своихъ приложить не оставитъ и требовать будетъ, чтобы при съѣздѣ помянутомъ интересы сѣверной войны вмѣшаны были; чего для шведское надѣяніе есть твердое на Францію и Англію паче другихъ, которыя отъ нѣкоторыхъ временъ есть внутренними пріятели, и что бы къ предосужденію воюющихъ противъ Швеціи при томъ съѣздѣ могло быть.

1. Опасность интересамъ, ежели Франція требовать будетъ къ безопасенію постояннаго нынѣшняго мира и покоя въ Европѣ, чтобъ и сѣверная война примирена была.

2. Ежели сходны тому аліаты явятся, начатіе того не можетъ инако быть, что предложеніемъ явной своей медіаціи.

3. Когда слабы въ интересахъ тѣхъ, а особливе польскаго, поступки будутъ.

4. Также и датскаго нетвердое и непостоянное надѣяніе чаемое намъ видимо будетъ.

5. Трупы властные его царскаго величества при войскахъ короля польскаго есть, которые о выходѣ изъ тѣхъ принуждать будутъ.

6. Ежели еще больше вновь какіе трупы посланы будутъ, но противными аліаты протестаціями и требованіемъ [будутъ стараться] къ недопущенію того, то описываться ко двору и ожидать подлиннаго указа времени не будетъ, чтобы въ продолженіи оныхъ противности дѣйствительно не показано было.

7. По всѣмъ тѣмъ обстоятельствамъ видится,—есть нужда какъ резидующимъ министрамъ при датскомъ и польскомъ дворѣ, такъ и командирующимъ генераломъ надъ трупы, которые въ близости тѣхъ мѣстъ, имѣть сюда обстоятельне пространную корриспонденцію подъ нынѣшніе часы нужные, чтобы, бывъ свѣдомымъ, по тому можно было поступать.

8. Когда быть при съѣздѣ, требуетъ великаго иждивенія въ наймѣ дворовъ,—опредѣленная цѣна на мѣсяцъ полторы тысячи гульденовъ,—также и другихъ чрезвычайныхъ рас-

ходовъ: прибавокъ въ лакеяхъ, въ каретахъ и лошадяхъ, гдѣ визиты не могутъ отдаться, кромѣ шести лошадей; также и циркулярный столъ будутъ всѣ министры имѣть.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. LXVII „Проекты и мнѣнія кн. Б. И. Куракина. 1711—1717 гг.", стр. 252—255; № хрон. описи 1108].

829. Мысли кн. Б. И. Куракина объ утрехтскомъ съѣздѣ и рѣшенія двора.

[1711 г. декабрь].

онеже у высокихъ союзниковъ мира съ Франціею по всѣмъ оказательствамъ, а больше по особой склонности отъ Англіи къ тому, при будущемъ вскорѣ съѣздѣ заключиться не сумнѣваются, при начинаніи того дѣла, морскія державы, а особливо Англія, которыя, подъ видомъ всякой осторожности въ цесарствѣ тишины отъ начатыхъ сѣверной войны дѣлъ померанскихъ, всемѣрно ненавистнымъ окомъ смотрятъ на дальные проходы благополучныхъ дѣлъ его царскаго величества и его союзниковъ; особливо же видя основательную подошву его царскаго величества завладѣніемъ Лифляндіей и прочими знатными порты при Балтійскомъ морѣ и опасаяся весьма силъ большихъ морскихъ, и что его величество, нынѣ лишася порта Чернаго моря, можетъ, весь свой флотъ впредь перенесетъ на то Балтійское: для того остерегательства, подъ видомъ коварной политики, дважды посредство было уже его величеству отъ тѣхъ державъ къ примиренію дѣлъ настоящихъ съ шведомъ сего года, какъ то же учинено ровнымъ видомъ союзникомъ его, датскому и польскому королямъ, на которыя ихъ предложенія донынѣ еще отъ стороны нашей, кромѣ польскаго и датскаго королей, никакого отвѣта имъ не сказано.

Англія съ Франціею нынѣ, по всѣмъ тайнымъ вѣдомостямъ, такъ близко къ тому ихъ миру сошлась, что не только о совершенствѣ того безсумнительный видится конецъ, но и потому

общее вступленіе обѣихъ тѣхъ коронъ въ тѣсную аліанцію предусматривается непреложнымъ. И еще опасно, чтобы при розностяхъ цесарскихъ партикулярнаго не заключили съ собою мира.

Францiя, для всегдашняго себѣ отъ цесарства защищенія и безопасности отъ аустрійскаго дома, шведа, яко сильнаго въ цесарствѣ принца, прочила и нынѣ вѣрно содержитъ при интересѣ своемъ и всесовершенной дружбѣ, и его пользы равномѣрно, какъ властныя свои, опасаетъ.

Англія, опасною будучи при случайныхъ временъ отмѣнахъ отъ голландцевъ, и [того для], что они, голландцы, выстерегаяся также отъ Англіи, всегда случены есть крѣпко съ интересомъ датскимъ, насупротивъ того, усердно держится дружбы свейской и въ общемъ интересѣ есть.

Обѣ тѣ короны, великою ненавистью дыша на успѣхи настоящіе его царскаго величества, и по вышеписанному слученію для собственныхъ своихъ интересовъ съ шведомъ, лучшаго притвора не найдутъ къ способу окончательному выстеречь интересъ его, шведовъ, и тѣмъ прекратить весьма сѣверную войну, какъ при томъ начинаемомъ своемъ генеральномъ мирѣ.

По тому ихъ намѣренію инако приступъ въ изслѣдованіе оныхъ дѣлъ удобнѣе произойти отъ нихъ не можетъ, токмо что во время того генеральнаго мира оныя морскія державы не только понужденіемъ, но, имѣя тогда свободныя руки, и запрещеніемъ, для соблюденія якобы цесарственной тишины, могутъ легко датскаго и польскаго королей отъ новоначатыхъ дѣлъ въ Помераніи унять.

Если же на то согласятся онѣ, морскія державы, великое намъ опасеніе есть, чтобы тѣ наши союзники, датскій, яко уже весьма денежною скудостію измождалый и боязливый отъ нихъ, а польскій король, яко превратный и никакого совершенства принцъ, и къ миру весьма уже склонный по тайнымъ и прибыльнымъ себѣ предложеніямъ отъ вышепомянутыхъ державъ, въ партикулярный не вступили миръ, отлучася отъ его царскаго величества,—тогда сторонѣ нашей, оставленной отъ нихъ,

тяжкое бремя припадетъ. И тѣ морскія державы, при случаѣ нашего впредь о мирѣ съ шведомъ имъ предложенія, могутъ извиниться передъ нами, не вмѣшивая себя въ то дѣло, сказавъ, что когда отъ нихъ сторонѣ нашей предложенія многократныя о томъ учинены были, къ чему они употреблены тогда были?

1. Убѣгая того злого припадка, всемѣрно надобно есть намъ съ цесаремъ и съ сею републикою случиться въ тѣсную аліанцію, чтобы забѣгать, какъ наискорѣе, тѣмъ слученіемъ отъ всѣхъ дѣламъ нашимъ изъ онаго генеральнаго мира чаемыхъ предосуждевій.

2. Вступленіе въ тотъ союзъ съ голландцы инакимъ видомъ не можетъ быть, токмо сперва договоромъ торговли. И, по заключеніи того трактата, войти съ ними въ оную аліанцію, какъ такимъ примѣ-

Рѣшеніе отъ двора прислано таково

На 1, 2 и 3-ью:

О семъ по вѣдомостямъ, присланнымъ напредь сего отъ вашей милости, что между Англіи и Голландіи, по предложеніемъ отъ короля французскаго о мирѣ, было несогласіе и розность, указомъ его царскаго величества писалъ я къ вашей милости изъ Кенигсберга, въ 10-ый день ноября (которое вы уже и получили), дабы ваша милость нынѣ ближе голландцевъ къ себѣ склоняли, предъявляя имъ склонность царскаго величества, что онъ во всякихъ имъ нужныхъ случаехъ хочетъ всякую пріязнь и вспоможеніе съ своей стороны явить. И ежели они того отъ его величества пожелаютъ, то и союзомъ обяжется съ ними, и во знакъ склонности и пріязни своей къ нимъ благонамѣренъ съ ними договоръ учинить о коммерціи къ пользѣ обоихъ народовъ; о чемъ обстоятельнѣе тогда въ томъ моемъ письмѣ я писалъ. На что и нынѣ его величество сонзволяетъ, и ко вступленію съ цесаремъ и Статами въ аліансъ склоненъ. И при счастливомъ прибытіи своемъ въ Петербургъ, по полученіи вѣдомости, опредѣленіе о договорѣ купеческомъ учиня, изволитъ немедленно прислать свой указъ къ вашей милости о совершеніи онаго. Извольте въ томъ Господъ Статовъ накрѣпко обнадежить и, между тѣмъ, по вышеписанному его величества указу и вашему нынѣ предложенію склонять ихъ къ пріязни и ко вступленію въ союзъ съ его величествомъ. И ежели усмотрите, что

ромъ датскій и свейскій короли въ ровный союзъ съ ними вошли; о чемъ уже по многія времена къ престрогѣ той доносилъ я.

3. По томъ вступленіи голландцы, хотя бы, по навѣткамъ и домогательствамъ свейскимъ у французскаго и у великобри-

Англія, оставя цесаря и ихъ, голландцевъ, и другихъ принцевъ того союза, одна намѣрена примириться съ королемъ французскимъ вмѣстѣ съ Англіею, — предлагать Голландскимъ Статомъ съ цесарскимъ министромъ, что, ежели они пожелаютъ въ такомъ случаѣ отъ его величества себѣ вспоможенія, то его величество готова себя къ тому представляетъ. И желаетъ токмо отъ нихъ вѣдать, сколько они будутъ требовать отъ его величества на вспоможеніе себѣ его войскъ, и на какихъ кондиціяхъ принять хотятъ. А ежели будутъ говорить и съ охотою желать, чтобъ его величество о числѣ, сколькимъ числомъ своего войска имъ вспоможетъ, объявить изволилъ, то ваша милость можете тогда объявить, что его величество хощетъ имъ вспоможеніе учинить отъ десяти до пятнадцати тысячъ человѣкъ, на такихъ кондиціяхъ, чтобъ его величеству за то, противъ другихъ принцевъ, субсидіи даны были, и тѣ войска, по обычаю другихъ, содержаны были на ихъ платѣ; а рекрутъ его величество своихъ къ тому своему войску присылать изволитъ. Буде же не похотятъ за перепускъ тѣхъ войскъ его величеству субсидіи давать, то, по послѣдней мѣрѣ, видя ихъ къ тому союзу съ его величествомъ самую склонность, можете ваша милость имъ объявить, что его величество войскъ своихъ вышепомянутое число въ помочь прислать изволитъ, не требуя себѣ за нихъ какихъ денегъ, токмо бы содержали они оныя на своей платѣ, противъ другихъ такихъ же; понеже его величеству по такъ трудныхъ въ прошедшую кампанію понесенныхъ убыткахъ содержать оныя на своей платѣ невозможно. А взаимно, противъ того, требовать, дабы они въ томъ договорѣ обязались всѣ привращенные и завоеванные городы отъ короля свейскаго за его величествомъ удержать и въ томъ га-

танскаго дворовъ о соблюденіи интереса своего при томъ мирѣ, отъ вышеименованныхъ державъ понуждены были къ принятію мѣръ, противныхъ интересу его царскаго величества,— могли бы быть отъ нихъ уняты; а они-бъ одни безъ нихъ остро въ сіе дѣло, такъ важное, и такъ вскорѣ не вступили.

4. Для того министра ихъ надобно со всякою отмѣною призирать и его къ пользамъ нашимъ употребить, ровнымъ же видомъ и великобританскаго не уничтожать, не подавъ никакого знака ему къ отмѣнѣ особы его.

5. Надобно есть, чтобы цесарскіе министры съ нами съ

рантировать, и ничего ни при нынѣшнемъ генеральномъ съѣздѣ, ни впредь къ предосужденію его величества и союзниковъ его не чинить; а особливо въ померанскія дѣла его величества съ его союзники, съ королями датскимъ и польскимъ, по послѣдней мѣрѣ, не мѣшаться, но еще вспоможеніе въ томъ чинить. И ежели на сіе склонятся, то съ помощію Божіею извольте съ ними и въ договоръ вступить. Если же они болѣе того числа войскъ его царскаго величества требовать будутъ, извольте объявить, что его величество и болѣе того числа войска въ помочь имъ дать изволитъ. И что о семъ будетъ чиниться, о томъ немедленно извольте писать, а между тѣмъ въ договоръ о томъ вступать.

О семъ, по его царскаго величества указу, писалъ я и къ господину тайному совѣтнику барону Урбиху, чтобы цесарю склонность его царскаго величества предъявлялъ въ сей же матеріи. Извольте и вы съ нимъ сноситься. А я къ нему писалъ, дабы онъ, что у него будетъ о семъ чиниться, васъ увѣдомлялъ.

На 4-ую.

Министра ихъ, чрезвычайнаго посланника господина Краненбурга, нынѣ при дворѣ его величества не обрѣтается. По отъѣздѣ его величества изъ Эльбинга, остался тамо и хотѣлъ ѣхать во Гданскъ и ожидать указа, ѣхать ли ему паки ко двору его величества. И когда онъ при дворѣ его величества былъ, то ему, также резиденту ихъ, который, чаетъ, вскорѣ ко двору изъ Риги будетъ, всякое привѣтство было показано, и впредь тоже чиниться будетъ; равнымъ видомъ и великобританскому послу (который поотсталъ въ Кенигсбергѣ на время, а ожидается вскорѣ), чинится.

На 5-ую.

О семъ къ господину барону Урбиху указомъ его величества пи-

внутреннимъ безскрытствомъ обходилися при томъ мирѣ, изъ чего подастся тѣмъ морскимъ державамъ опасность, что его царское величество съ цесаремъ въ добромъ есть согласіи.

салъ, дабы цесарю о посылкѣ такого указа предлагалъ.

6. Съ датскимъ и польскимъ надобно снестися, чтобъ отъ нихъ къ министрамъ ихъ указы именные посланы были сюда, съ большимъ подтвержеріемъ, безскрытными и намъ согласными въ дѣлѣхъ быть.

На 6-ую.

Датскому и польскому королямъ велѣно о томъ предлагать его царскаго величества посламъ господамъ князьямъ Долгорукимъ, чтобъ они съ подтверженіемъ о томъ послали указы.

7. Если же, свыше чаянія, тѣхъ морскихъ державъ по прибыльнымъ предложеніямъ датскому и польскому королямъ (которыя бы по ихъ пронырливымъ секретамъ отъ нашего двора скрыты были), наши союзники вступятъ чрезъ посредство морскихъ державъ съ шведомъ въ партикулярный миръ, и тогда вышепомянутыя державы по прежнимъ своимъ коварствомъ, проволокши время и не удовольствовавъ отвѣтомъ на послѣднее наше предложеніе по инструкціи, данной въ Торгау, потомъ накоротко спросятъ насъ, изволитъ ли его царское ве-

На 7-ую.

Сего накрѣпко престерегать и накрѣпко развѣдывать. И ежели къ тому нашихъ союзниковъ склонность явится, и вы увѣдаете, то всячески то отвращать и въ прочемъ при съѣздѣ генеральномъ интересъ его величества престерегать по посланному его величества указу, какъ о томъ послано отъ 5 апрѣля прошлаго 1710 г. въ послу господину Матвѣеву. А о предложеніи ихъ, союзниковъ, о мирѣ писалъ я къ вамъ по его величества указу изъ Мемеля отъ 22 ноября (который вы уже и получили), дабы ваша милость отвѣтствовали, что его величество прежде объявленными съ своей стороны кондиціи былъ доволенъ, когда турецкая война противъ его величества, по возбужденію короля шведскаго, еще не всчата была, на которыя отъ нихъ, высокихъ союзниковъ, никогда никакого объявленія не учинено, на какихъ кондиціяхъ они хотятъ его величеству миръ съ шведомъ исходатайствовать. Нынѣ же, когда отъ той турецкой войны понесъ себѣ

личество ихъ посредство къ тому же ихъ миру принять или нѣтъ, — что бы намъ имъ объявить, въ томъ какъ изволите приказывать намъ поступать? Понеже въ прежнемъ его царскаго величества указѣ, писанномъ изъ С.-Петербурга прошлаго апрѣля отъ 5 нынѣшняго 1711 г., о семъ не упомянуто.

знатный убытокъ въ отдачѣ Азова и въ разореніи великихъ крѣпостей Таганрога и Каменнаго затона и на Самарѣ городовъ, можетъ ли оными къ тому быть доволенъ, — о томъ мы неизвѣстны. Однакоже по прежнимъ указамъ за первое основаніе оныя кондиціи употребить можете. И будете писать о семъ ихъ предложеніи къ его величеству, и какову на то резолюцію получите, о томъ объявить имъ впредь. А о медіаціи ихъ, высокосоюзныхъ, велѣно вамъ умолчать. И когда датскій и польскій министры по указамъ отъ своихъ дворовъ отвѣтствовали, то и ваша милость о томъ по вышеписанному его величества указу отвѣтъ учините и, между тѣмъ, требуйте отъ нихъ, когда они медіацію свою его величеству (которой напредь сего отъ нихъ самъ требовалъ и кондиціи свои предъявлялъ, но оные въ то не вступали), представляютъ, чтобы вамъ объявили, на какихъ кондиціяхъ они его величеству и союзникамъ его хотятъ миръ съ шведомъ исходатайствовать, и что за первый фундаментъ кладутъ, и есть ли на то склонность и объявленіе короля шведскаго. А если они будутъ о медіаціи своей паки говорить, то на то можете отвѣтствовать, что вы указа отъ его величества о томъ не имѣете, а будете нарочно ко двору его величества писать и надѣетесь получить вскорѣ.

8. Въ указѣ томъ же написано, что если невозможно будетъ отъ тѣхъ противностей съ датскимъ и польскимъ министровъ удержать, которыя отъ тѣхъ державъ интересу его царскаго величества приключиться могли бы, то ѣхать на

На 8-ую и 9-ую.

Въ Утрехтъ на генеральный съѣздъ ѣхать вамъ, обще съ господиномъ Матвѣевымъ, его величество указалъ, и на тамошнее излишнее иждивеніе и на раздачу за полученіе вѣдомостей указалъ къ вамъ перевести изъ Эльбинга на 10 тысячъ рублевъ ефимковъ чрезъ вексель отъ тамошнихъ купцовъ, сверхъ вашего обыкновеннаго жалованья, которые изволите держать съ господиномъ Матвѣевымъ

съѣздъ. Донынѣ еще неутральныхъ принцевъ министры указовъ отъ своихъ дворовъ не получили ѣхать въ назначенное мѣсто.

обще. И когда по тому векселю ефимки получите, о томъ извольте насъ увѣдомить. И посылаются къ вамъ полномочныя такія, какову вы образцовую прислали, что и другихъ потентатовъ министромъ такія даны.

9. Если же намъ ѣхать въ Утрехтъ, то за дворъ невозможно меньше 1500 гульденовъ [платить] на мѣсяцъ, и протори на экипажъ, и на расходы, и на раздачи отъ дѣлъ и отъ вѣдомостей имѣютъ быть великія. При томъ же изъ всѣхъ государствъ съѣздѣ министромъ визиты имѣютъ быть учинены взаимно о шти лошадяхъ и съ другими кареты; еще и столъ надлежитъ имѣть отворенный; и здѣсь также платить за дворъ и содержать людей попрежнему долженствуемъ. Изволите о семъ конечную резолюцію опредѣлить и, будетъ ѣхать на тотъ съѣздъ, управить, по порядку иныхъ, всѣмъ удовольствомъ, чтобъ изъ того безславно не произошло. А безъ того исправить такого тяжкаго бремени собою и годовою дачею отнюдь нельзя.

10. Всемѣрно надобно, чтобъ о нашихъ дѣлѣхъ съ турки, въ Польшѣ и въ Помераніи обходящихся и впредь намѣренныхъ, часто сюда сообщено было безскрытно, какъ отъ нашего двора, такъ и отъ министровъ при чужихъ дворѣхъ, и отъ нашихъ генераловъ, чтобы, зная о томъ, совершенно по тому при семъ случаѣ мѣры и осторожности наши примать во всемъ вышепомянутомъ.

На 10-ую.

О вѣдомостяхъ турецкихъ было къ вамъ писано, а послѣ того никакихъ не было. Нынѣ же получили мы вѣдомость отъ господина барона Шафирова изъ Адріанополя, отъ 10 ноября, что салтанъ турскій прежняго везиря перемѣнилъ, а на его мѣсто учинилъ янычаръ агу Юсупъ-пашу, который ихъ того 10 ноября призывалъ къ себѣ и объявлялъ имъ, что указалъ ему его салтаново величество, нарочно ихъ призвавъ, объявить, чтобъ они о той перемѣнѣ везирской не сумнѣвались, но обнадежили-бъ его величество, что съ его салтанова величества стороны миръ постановленный содержанъ будетъ. И понеже со стороны его величества все по договору исполнено, то, можетъ быть, ничего противнаго не будетъ показано отъ нихъ къ нашей сторонѣ. О семъ не извольте вы объявлять, но токмо ради своего извѣстія

имѣть пока; развѣ тамъ о томъ какія вѣдомости будутъ. И тогда можете объявить, что тѣ подлинныя имѣете вѣдомости, и что еще опасности отъ того никакой нѣтъ. А что въ Помераніи чинится, о томъ вашу милость будутъ увѣдомлять господа послы.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. LXVII „Проекты и мнѣнія кн. Б. И. Куракина. 1711—1717 гг.“, стр. 470—481; № хрон. описи 657].

830. Дневникъ кн. Б. И. Куракина о посольскихъ дѣлахъ.

1712 г. генваря 17. Гага.

Матвѣевъ безъ меня ратпенсіонаріусу предлагалъ, чтó принадлежало со временемъ объявить, что царское величество не отрекается мира, но хочетъ прежде вѣдать намѣренія короля шведскаго.

1712 г. генваря 20 (февраля 1). Гага.

Проектъ аглинскій. Раздѣляется монархія гишпанская и Индія послѣдующимъ образомъ:

Цесарь Карлъ VI будетъ имѣть Каталонію, Арагонію, Валенцію, Мурцію, Гренаду, а остаточная монархія гишпанская останется дуку д'Анжу [со] Старымъ и Новымъ Мексикомъ; цесарь будетъ имѣть Перу и Хили; агличане—островъ Кубу, голландцы—Картаженъ въ Буэносъ-Айресъ, и чтобы цесарю имѣть Нидерляндъ и всѣ области въ Италіи, принадлежащія королю гишпанскому.

Рефлексіи къ принятію характера посольскаго при нынѣшнемъ съѣздѣ въ Утрехтѣ.

1712 г. генваря 25 (февраля 5). Гага.

Собраніе въ Утрехтѣ какъ одной, [такъ] и другой стороны министровъ въ характерѣ полномочныхъ, а не пословъ; также и принцевъ неутральныхъ къ тому равнымъ [образомъ] будутъ. Но ежели миръ учинится, то министры, интересъ имѣющіе, для

подписанія трактата возьмутъ характеръ посольскій, разсуждая, чтобы сей трактатъ не былъ оконченъ министры полномочными, [для того] что никогда примѣра такого не находятъ.

Топерь многіе къ тому публичному характеру берутъ предосторожности, ежели сходно будетъ каждому взять тотъ посольскій характеръ; чего для при такомъ великомъ съѣздѣ всѣхъ принцевъ европскихъ тутъ покажетъ рангу ихъ сувврановъ въ предсѣдательствѣ.

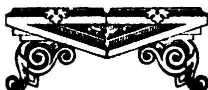
И убѣгая отъ такого труднаго дѣла, многіе, разсуждая, доносятъ своимъ дворамъ и берутъ резолюцію посольскаго характера не брать. Но какъ уже между которыми принцами есть безтрудное и установленное, то цесарскіе, французскіе, аглинскіе и голландскіе министры характеръ посольскій возьмутъ, чего для между ними, какъ помянули выше сего, есть давно установлено; но другіе сего убѣжать хотятъ.

Но принцевъ неутральныхъ будущіе министры, какъ датскій, венетскій, такъ и другіе весьма такого характера посольскаго не примутъ и всѣ свои дѣла будутъ управлять свободнѣе.

Сіе предаю въ разсужденіе, колико трудности онымъ может быть, которые въ такихъ съѣздахъ рангами никогда ни съ кѣмъ не мѣшалися. Но когда упущено будетъ при нынѣшнемъ случаѣ, то́—вѣчнаго погрѣшенія дѣло.

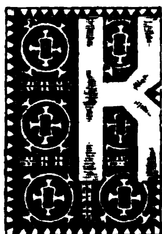
Еще и такъ, чаю, нѣкоторымъ и безъ публичнаго характера трудности довольныя будутъ; чего для особливе министры цесарскіе въ билетахъ партикулярныхъ и въ меморіалахъ, и въ другихъ письменныхъ оказіяхъ неохотны всякому величество давать, кромѣ гишпанскаго и французскаго; довольно каждому будетъ и такого малаго случая убѣжать, нежели въ бо́льшее завязаться.

Внизу помѣчено рукою же кн. Б. И. Куракина: „Таково послано къ Остерману“.

Подробное изъясненіе предъявленій отъ Франціи къ миру генеральному во удовольство всѣмъ, интересъ имѣющимъ въ нынѣшней войнѣ.

1712 г. февраля 11 подано въ Утрехтѣ въ конференціи.

ороль признаетъ, при подписаніи мира, королеву великобританскую въ семъ имени, такожде и наслѣдство къ сей коронѣ по нынѣшнему учрежденію такимъ образомъ, какъ угодно будетъ ея британскому величеству.

Его величество повелитъ разорить всѣ фортификаціи Дюнкирхена немедленно послѣ мира за эквивалентъ, или равное награжденіе, къ удовольству его.

Островъ св. Христофора, заливъ и узость де-Гудсонъ будутъ уступлены въ цѣлости Великой Британіи; взаимно за то будутъ возвращены въ цѣлости его величеству Акадія съ крѣпостьми и Портъ-Рояль.

Что же принадлежитъ объ островѣ Терра-Нова, то король обѣщаетъ оный уступить такожъ Великой Британіи, оставляя токмо себѣ фортъ де-Плезанціи и право ловли и сушенія рыбы каліяву [sic], какъ было прежде войны.

Договоренось будетъ учинить трактатъ о торговлѣ прежде или послѣ мира на изволеніи Англіи, котораго кондиціи постановлены будутъ равныя между обоими народы, какъ наивящше будетъ возможно.

Король соизволитъ при подписаніи мира, чтобы Нидерлянды Гишпанскіе, уступленные курфюрсту баварскому отъ короля гишпанскаго, служили барьерою, или защитою, соединеннымъ провинціямъ, и въ умноженіе оной прибавить къ тому Фюрнъ и Фурнамбахтъ, и крѣпость Кнокъ, Ипръ, и кастелянство Мененъ съ своею вержею. Взаимно его величество проситъ къ сочиненію барьера, или защиты, Франціи Эръ, Сентъ-Венанъ, Бетюнъ, Дуэ, Бушенъ и ихъ принадлежательства.

Ежели Статы Генеральные хотятъ держать гарнизоны въ крѣпостяхъ барьера, тако сочиненнаго изъ областей, уступлен-

ныхъ его курфюрстской свѣтлости, и изъ тѣхъ, которыя Францiя къ тому прилагаетъ отъ своего, то его величество соизволяетъ, чтобъ оные ввели туда своихъ войскъ толикое число, коликое имъ будетъ угодно, и, сверхъ того, чтобъ оныя были содержаны на проторяхъ той же земли. За сiе уступленiе и за сiе соизволенiе король, съ своей стороны, проситъ равное награжденiе за разоренiе Дюнкирхена городы и крѣпости Лилль и Турнэ купно съ ихъ кастелянствы и принадлежательствы.

Когда такимъ образомъ постановлена барьера будетъ между Францiею и Статы Генеральными, то король соизволитъ къ умноженiю торговли ихъ подданныхъ на то, что̀ предложено въ трактатѣ рисвикскомъ, и на прибыточный трактатъ о торговлѣ, учиненный въ 1664 г., съ изъятiемъ токмо шти статей товаровъ, о которыхъ договоренось будетъ, и на которые будутъ положены тѣ же пошлины, которыя нынѣ платятся вмѣстѣ, изъявъ 50 коп. съ бочки, на корабляхъ голландскихъ, прiѣзжающихъ во Францiю изъ соединенныхъ провинцiй и земель чужестранныхъ.

Что же касается торговли гишпанской и индѣйской, то король обязуется не токмо Статомъ Генеральнымъ, но и Великой Британiи, и всѣмъ прочимъ державамъ по силѣ власти, которую въ томъ имѣетъ, что сiи торговли будутъ отправляться исправно и во всемъ равнымъ образомъ, какъ оныя отправлялися подъ королевствованiемъ и даже до смерти Карла II. И будетъ обѣщать, что французы будутъ подлежать, какъ всѣ прочiе народы, древнимъ закономъ и уставомъ, учиненнымъ отъ королей, предковъ его католическаго величества, въ торговлѣ и мореплаванiи къ Гишпанской Индiи. Сверхъ того, его величество соизволяетъ, чтобы всѣ державы европскiя вступили въ гарантiю сего обѣщанiя.

Его величество обѣщаетъ, что король, его внукъ, отречется для пользы сего мира отъ всѣхъ претенсiй на королевство неапольское и Сардинiю, такожде и на герцогство милянское. На что помянутое величество соизволитъ помянутымъ именемъ, чтобы часть уступленiя дуку савойскому оставлена была его королевской свѣтлости, а именно, что, по семъ уступленiи, домъ

аустрійскій оставитъ равнымъ образомъ всѣ претенсіи на прочія части монархіи гишпанской, изъ которой выведетъ свои войска немедленно послѣ мира.

Границы съ обѣихъ сторонъ на Ренѣ будутъ приведены въ то же состояніе, въ какомъ были прежде нынѣшней войны.

По всѣхъ сихъ кондиціяхъ вышепомянутыхъ король требуетъ, чтобы курфюрсты, кельнскій и баварскій, были паки возставлены въ полное и совершенное владѣніе своихъ областей, достоинствъ, преимуществъ, имѣній движимыхъ и недвижимыхъ, которыми владѣли прежде настоящей войны. А взаимно его величество признаетъ въ Германіи и въ Пруссіи всѣ титулы, которыхъ оное донынѣ не признало.

Король возвратитъ дуку савойскому то, чтó отъ него взялъ во время сей войны; якоже равнымъ видомъ его свѣтлость королевская оному отдастъ то, чтó взялъ отъ Франціи, такъ что границы съ обѣихъ сторонъ будутъ оныя же, каковы были прежде объявленія войны.

Дѣла, касающіяся Португаліи, будутъ возставлены и пребудутъ на томъ же основаніи въ Европѣ, каковы были прежде настоящей войны съ Франціею и Гишпаніею.

Что же принадлежитъ объ областяхъ, которыя суть въ Америкѣ, то, ежели есть какое несогласіе въ томъ, надлежащее къ исправленію, стараніе приложено будетъ добродѣтелью въ томъ согласиться.

Король соизволитъ охотно и доброю вѣрою принять съ согласія всѣхъ аліатовъ всѣ мѣры правосуднѣйшія, дабы помѣшать, чтобы короны, французская и гишпанская, не были никогда соединены на одной главѣ, т.-е. чтобъ одинъ принцъ [не] могъ быть вмѣстѣ королемъ обѣихъ коронъ.

Всѣ прежніе трактаты, а именно мюнстерскій и послѣдующіе, будутъ возобновлены и подтверждены, чтобъ остались въ своей силѣ и дѣйствѣ, изъявъ токмо тѣ артикулы, въ которыхъ трактатъ мирный, имѣющій нынѣ учиненъ быть, что-нибудь отставитъ или перемѣнитъ.

Подписано Дюкселль.

Переводъ съ сего ко двору съ рефлексія отправленъ февраля 5, также къ князю Василію Лукичу Долгорукову того же числа.

1712 г. февраля 22 (марта 4).

Былъ я съ Матвѣевымъ у ратпенсіонарія, и говорили, чтобъ они указъ дали своему послу въ Константинополѣ, чтобы способствовалъ во всемъ въ дѣлахъ барону Шафирову. А о медіаціи ихъ не требовали, для того что указа отъ двора не имѣли. И о томъ ко двору писали.

1712 г. февраля 27.

Въ конференціи министры французскіе аліатскимъ опредѣлили, что они будутъ отвѣтствовать на всѣ тѣ предложенія, которыя учинены имъ отъ нихъ, аліатовъ, сего марта 30 по новому штилю.

1712 г. февраля 29.

Былъ я у ратпенсіонарія на разговорѣхъ, который междо тѣми мнѣ сказалъ, что получили они вѣдомость изъ Константинополя отъ министра своего, при Портѣ пребывающаго, что турки пріуготовленіе къ кампаніи чинятъ. Однакоже хотя въ кампанію и вступятъ, токмо миръ междо его царскимъ величествомъ и Портою учиненъ будетъ.

Каковы учинены пропозиціи марта 5 по новому штилю отъ министровъ аліатскихъ французскимъ на учиненныя ихъ предложенія 11 февраля по н. ш., съ тѣхъ ко двору отправлены вышепомянутаго числа копіи, которыя при семъ слѣдствуютъ.

Переводъ съ предложеній, учиненныхъ французскимъ министромъ отъ союзничьихъ министровъ марта въ 8-ой день.

Запросъ именемъ освященнаго цесарскаго и католицкаго величества и цесарства, чтобы, въ цѣлости оставя учиненные или учинены быть имѣющіе декреты и уставы междо ихъ о внутреннемъ состояніи, ему, цесарю, и цесарству какъ для удовольства, такъ и для будущаго безопасенія отъ Франціи, отдано было все то, что ей отъ цесарства и отъ дома аустрійскаго

чрезъ мирные договоры, мюнстерскій, нимвежскій и рисвикскій, уступлено или оставлено, или инакимъ видомъ отъ оной Франціи по се число за собою удержано; также, чтобы по силѣ домогательствъ союзныхъ цесарственныхъ и иныхъ округовъ, или крейсовъ, для потребнаго онымъ безопасенія, свѣтлѣйшему дуку лотарингскому всѣ области, крѣпости и мѣста возвращены были, которыя отъ Кароля VI, дука лотарингскаго, чрезъ розные трактаты коронѣ французской уступлены были, уничтожа всѣ обязательства въ помѣстничествѣ и въ присягахъ вѣрности, учиненныхъ Франціи, отлагая до пространнаго впредь изъясненія, именемъ освященнаго цесарскаго величества и имперія, которое послѣ имперскаго совѣтованія какъ наискорѣе торжественно имѣетъ учинено быть.

Домогается оное же освященное цесарское и католицкое величество, дабы, кромѣ завоеванныхъ всѣхъ королевствъ и мѣстъ, гишпанскихъ, итальянскихъ и нидерляндскихъ, вся прочая гишпанская монархія, какова была подъ владѣніемъ Карла II, изъявъ, однакоже, договоры, которые сочинили или имѣетъ сочинить пресвѣтлѣйшій аустрійскій домъ съ пресвѣтлѣйшимъ португальскимъ королемъ и съ его королевскою свѣтлостью савойскою, также и съ пресвѣтлѣйшею великобританскою королевою, и съ Господами Статы Генеральными Соединенныхъ Нидерляндовъ,—его цесарскому величеству въ цѣлости возвращена была, чтобъ оная монархія гишпанская дому аустрійскому одному [и его] наслѣдственникомъ по учрежденію, изображенному въ духовной Филиппа, бывшаго короля гишпанскаго, безпресѣкаемо вѣчно осталася; однакоже не отречется, обще съ своими господами союзники, вступить пространнѣе въ договоры, ежели христіаннѣйшаго короля, именемъ его, господа полномочные сходнѣйшія, нежели прежнія, впредь объявятъ предложенія.

Всѣмъ освященнаго цесарскаго и католицкаго величества и цесарства союзникомъ во всемъ, что̀ отъ Франціи требовать могутъ, или нынѣ объявляютъ, или впредь объявятъ, всеконечное удовольство имѣетъ учинено быть по содержанію и силѣ союзовъ и договоровъ, которыми они себя взаимно обязали.

Прочимъ, также друзьямъ и освященнаго римскаго цесарства помѣщикамъ, вассаломъ и подданнымъ награждены будутъ убытки, которые какъ прежде, такъ и послѣ начатія настоящей войны всѣмъ ихъ сообщникамъ, какимъ ни есть видомъ, учинены.

Впрочемъ, освященное цесарское и католицкое величество предудерживаетъ себѣ власть все вышеписанное пространнѣе изъяснить и истолковать, также и перемѣнить, какъ въ пользу мира, или всенароднаго безопасенія, за благо разсуждено будетъ.

Въ Утрехтѣ надъ Реномъ марта въ 5 день 1712 г.

Подробные запросы пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго короля португальскаго.

священное королевское португальское величество, разсуждая, что португальскому интересу не можетъ довольное безопасеніе быть, ежели всѣ и каждыя области, изъ которыхъ напредь сего состояла монархія гишпанская подъ государствованіемъ Карола II, короля католицкаго, дому аустрійскому весьма отданы не будутъ, требуетъ,

1. Дабы вся гишпанская монархія купно съ Индіею Западною уступлена была пресвѣтлѣйшему и державнѣйшему принцу Каролу VI, римскому императору, изъявъ тѣ городы, мѣстечки, замки, деревни, уѣзды, земли и права такъ въ Европѣ, какъ и въ Америкѣ, о которыхъ договореноея между пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго принца Петра II, португальскаго короля, и прочихъ союзниковъ, дабы отданы и оставлены были вѣчно его королевскому португальскому величеству, такожде изъявъ тѣ, которые прочимъ союзникомъ обѣщаны;

2. Чтобъ его же величеству и будущимъ португальскимъ королямъ отъ Франціи на вѣчность уступлено было право всякое, которое оная Франція имѣть притязуетъ къ землямъ, которыя къ полунощнымъ гористымъ берегамъ, зовомымъ Капутъ-

де-Норте, надлежать и къ Маранской области приписаны, лежащимъ между рѣкъ Амазонской и Винцента Пинсона, несмотря ни на какой учиненный союзъ, на провинціальный или рѣшительный, о владѣніи и правѣ помянутыхъ областей; также, чтобъ уступлено было всякое иное право, которое та же Франція имѣть часть къ прочимъ землямъ, португальской монархіи частямъ.

3. Его же освященное королевское португальское величество оставляетъ себѣ при продолженіи сихъ договоровъ учинить изъясненіе пространнѣе вышепомянутыхъ запросовъ.

4. Такожде домогается, чтобы по силѣ союзовъ дано было правомѣрное и правосудное удовольство друзьямъ отъ пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго короля всехристіаннѣйшаго въ томъ, что̀ отъ оной требуютъ.

5. Напослѣдокъ, чтобы такое же правомѣрное удовольство дано было отъ Франціи пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго короля друзьямъ, которые объявлены будутъ, когда пространнѣе вступлено будетъ въ мирный трактатъ, въ убыткахъ, учиненныхъ отъ оной Франціи.

Данъ въ Утрехтѣ марта въ 5 день 1712 г.

Запросы союзныхъ цесарственныхъ округовъ.

онеже прискорбное искусство свидѣтельствуетъ, что округомъ, пограничнымъ съ Франціею, еще отъ времени мюнстерскаго мира отъ христіаннѣйшаго короля никакой плодъ не оставленъ, но какъ во время мира, такъ и во время войны или непрестаннымъ безпокойствомъ раздвоены, или явными непріятельствы утѣснены были; того ради—къ безопасности оныхъ округовъ, дабы король христіаннѣйшій купно съ награжденіемъ убытковъ, учиненныхъ въ настоящую войну, возвратилъ все то, что̀ ему чрезъ мюнстерскій и послѣдующіе мирные договоры отъ округовъ и отъ дома аустрійскаго уступлено есть. Также возвра-

тить земли обоихъ княжествъ, лотарингскаго и баварскаго, которыя, какъ чрезъ трактаты, такъ и насильствомъ оружія отторгнуты, оставя весьма обязательства помѣстничества и присягъ вѣрности, дабы тѣмъ образомъ претерпѣнныя и впредь опасаемыя обиды чрезъ будущій миръ пресѣчены были, и всенародная тишина между французскимъ и порубежными имперскими округи возставлена, и содержана была, и благоосновательно и твердо осталася. Графъ де-Стадіонъ.

Данъ въ Утрехтѣ марта въ 5 день 1712 г.

Подробные запросы королевы великобританской въ томъ, чтб касается Франціи.

ристіаннѣйшій король признаетъ наслѣдство къ коронѣ великобританской, каково опредѣлено по актамъ парламентовымъ, учиненнымъ во время государствованія короля Вильгельма и ея королевина величества, нынѣ государствующей, и линіи протестантской ганноверской.

Король христіаннѣйшій и его наслѣдственники не признаютъ никакой особы за короля великобританскаго, кромѣ тѣхъ, которыя будутъ наслѣдствовать по силѣ вышепомянутыхъ актовъ парламентовыхъ.

Король христіаннѣйшій обяжется немедленно выслать изъ области своей оную особу, которая претендуетъ короны великобританской. Такожде оный обяжется оставить линію протестантскую въ покойномъ владѣніи Великой Британіи и никакимъ образомъ не помогать тѣмъ, которые похотятъ притязывать или вводить иного короля или королеву.

Полномочные французскіе вступятъ въ негоціацію съ великобританскими для сочиненія трактата о торговлѣ между сими двумя королевствы.

Дюнкирхенъ будетъ разоренъ на проторяхъ короля французскаго въ два мѣсяца со всѣми своими принадлежательствы, и пристань онаго нагружена и никогда не можетъ быть возставлена.

Король дастъ королевѣ великобританской акты достовѣрные въ день размѣны ратификацій объ уступленіи острововъ св. Христофора, Терра-Нова купно съ городомъ, зововымъ де-Плезансъ, и прочія округъ моря лежащія мѣста: Акадія и городъ, зовомый Портъ-Рояль, и все, чтó къ тому надлежитъ.

Король возвратитъ заливъ и узость Гудсонъ и все, чтó къ оному принадлежитъ. Границы междо помянутымъ заливомъ и областьми французскими на рѣкѣ св. Лоренца будутъ расположены, и, сверхъ того, запрещено будетъ, чтобъ оныя не переступать взаимно.

Правомѣрное награжденіе убытковъ компаніи аглинской помянутаго залива Гудсона.

Французскіе жители въ Канадіи не будутъ мѣшать торговлѣ междо агличаны и междо природными жительми въ землѣ Америкѣ; такожде не будутъ обезпокоены пять кантоновъ индѣйскихъ или прочихъ, которые суть подъ послушаніемъ или въ дружбѣ съ Великою Британіею.

Будетъ дана сатисфакція довольная отъ короля христіаннѣйшаго всѣмъ союзникомъ ея величества королевы великобританской.

Хотя за пристойно изобрѣтено, дабы каждый изъ высокихъ аліатовъ учинилъ свои запросы, однакоже, понеже министры его свѣтлости курфюрста ганноверскаго не обрѣтаются здѣсь, того ради и для иныхъ причинъ министры великобританскіе домогаются, дабы Франція признала девятое курфюрство.

Королева предудерживаетъ власть высокимъ союзникомъ, которыхъ министры еще не пріѣхали, чинить свои запросы, которые имѣть будутъ силу равную, яко оные, которые предложены нынѣ.

Для лучшаго содержанія покоя въ имперіи приписаніе, прибавленное къ 4-ому артикулу рисвикскому, будетъ отставлено, и Франція не будетъ прекословить противъ учрежденія дѣлъ, касающихся вѣры въ имперіи, по сходству мира вестфальскаго.

Будетъ впредь изъяснено, чтó ея величество требуетъ въ удовольство убѣгшимъ изъ Франціи, или рефужье, и тѣмъ, которые суть на галерахъ и въ монастыряхъ, съ согласія съ своими аліаты, которые въ томъ примаютъ участіе.

Запросы его королевской свѣтлости савойской, учиненные къ миру генеральному.

Савойскаго дома право къ наслѣдству монархіи гишпанской имѣетъ быть содержано безпрерывно послѣ аустрійскаго, по силѣ объявленія короля Филиппа IV и союзовъ учиненныхъ, такимъ образомъ, чтобы никоторый принцъ третій не возмогъ быть къ тому введенъ въ предосужденіе савойскому.

Его свѣтлость королевская возставлена во владѣніе савойской земли и графства ницейскаго со всѣми къ тому принадлежащими земли, взятыми отъ Франціи.

Франція уступитъ его свѣтлости королевской крѣпости Экзиль и Фенестрелль, а особливо долины, лежащія по той сторонѣ горы Женевры, и прочихъ горъ Альпійскихъ, вмѣщая въ томъ долину замка дофинова, что̀ будетъ принято за награжденіе убытковъ, учиненныхъ въ разоренныхъ его крѣпостяхъ. Такожде будетъ уступлено со стороны піемонтской Дофинъ, Бріансонъ съ своею областью, тако зовомая Вале де-Квіеракъ; со стороны савойской—мѣсто Бару съ своею крѣпостью, малая часть земли междо помянутою линіею, прошедъ пассажъ Роны отъ Женевы даже до Саженисъ, Аостъ въ томъ же числѣ, а со стороны Ниццы — крѣпость Монако. Король христіаннѣйшій будетъ обязанъ наградить убытки принца помянутаго имени.

Уступленія, учиненныя герцогу савойскому чрезъ трактатъ секретный, отъ 8 ноября 1703 г., отъ цесаря Леопольда, будутъ признаны за тверды отъ Франціи, и его королевская свѣтлость не возможетъ быть обезпокоена во владѣніи оныхъ никоимъ образомъ и ни подъ какимъ лицомъ.

Савойскіе могутъ дѣлать крѣпости всюду, гдѣ за пристойно [сочтутъ].

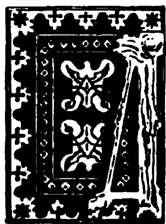
Принцъ де-Монако признаетъ власть его королевской свѣтлости надъ мѣстомъ, зовомымъ де-Ментонъ и де-Роккабруна, и будетъ брать жалованныя грамоты, яко его предки чинили.

Торговля между Италіею и Франціею имѣетъ пребыть по силѣ 6-го артикула трактата туринскаго. Почта будетъ ходить тѣмъ же путёмъ, какъ подъ Кароломъ II, королемъ гишпанскимъ. Корабли будутъ платить старую пошлину, зовомую вильфраншъ. Безъ всякаго противленія впредь отъ Франціи его свѣтлость королевская можетъ отдать свободно земли, которыя имѣетъ во Франціи. Король оставитъ свои претенсіи вѣчно на земли, которыя суть въ Бюжѣ, чтобъ отъ нынѣшняго числа надлежали его свѣтлости королевской.

Трактатъ туринскій, учиненный въ 1696 г., будетъ содержанъ въ томъ, въ чемъ онъ не есть предосудителенъ настоящему.

Его свѣтлость королевская хощетъ изъяснить и подробнѣе изобразить или умножить сіи запросы, сколь пространно разсудитъ себѣ быть потребно, просить за своихъ аліатовъ и друзей равно такъ, какъ королева великобританская.

Подробные запросы Статовъ Генеральныхъ.

а отрещется король христіаннѣйшій за себя и за своихъ наслѣдниковъ, принцевъ и принцессъ, и да исправитъ, чтобы всѣ его союзники отреклися самымъ сильнѣйшимъ видомъ всѣхъ правъ, которыя то величество или принцы, его союзники, къ Гишпанскимъ Нидерляндамъ себѣ притязывать могутъ. И понеже княжество, городъ и крѣпость Люксембургскіе, графство Шини, графство, городъ и замокъ Намбургскіе, также крѣпости Шарлеруа и Ньюпортъ нынѣ во власти французской или его союзниковъ находятся, да будутъ отданы въ настоящемъ состояніи въ 15 дней послѣ размѣны подтвержденій договоровъ со всѣми надлежатостьми, съ пушками, съ воинскими припасы, съ письмами и съ письменными крѣпостьми ихъ высокомочествамъ, которыя потомъ оные княжество, графство и городы, обще съ иными оружіемъ взятыми Гишпанскими Нидерлянды,

его цесарскому и католицкому величеству дадутъ. Сколь скоро тѣ-жъ ихъ высокомочества съ его цесарскимъ величествомъ сойдутся, какимъ видомъ тѣ земли имѣютъ быть барьерою безопасности, или преградою, имъ, Статомъ, отъ Франціи, и сколь скоро его цесарское и католицкое величество по трактату мюнстерскому имъ, Статомъ, уступитъ верхній уѣздъ Гельдріи самодержавнымъ правомъ, принявъ за то равномѣрное удовольство, о которомъ договариваться,—да останутся за Статами Генеральными: городъ Мененъ съ своимъ уѣздомъ, городъ Лилль, то-есть Риссель, съ цитаделью, городъ Дуванъ съ крѣпостью Эскарпою, городъ Оршнесъ, вся каштелянія лилльская со всѣмъ, къ тому надлежащимъ, тутъ же включа землю Лунскую, мѣстечко Горгре, городъ Турнэ, то-есть Дорникъ, съ цитаделью, съ уѣздомъ турнейскимъ, городъ Эръ съ уѣздомъ, крѣпости Франсуа, Теруанъ и Гилерсъ съ уѣздами, также городъ Бушенъ съ уѣздомъ. Все то останется за ихъ высокомочествы со всѣми землями такъ, какъ король христіаннѣйшій ими владѣлъ. И его величество имъ, Статомъ, въ благопріятство всего того отречется самымъ торжественнѣйшимъ видомъ за себя и за всѣхъ своихъ наслѣдниковъ.

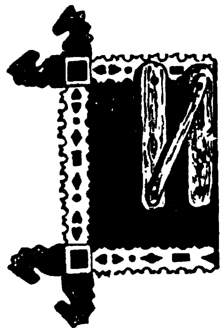
Король христіаннѣйшій да уступитъ самымъ сильнѣйшимъ видомъ ихъ высокомочествамъ въ 15 дней послѣ подтверженія мира городъ Фюрнъ и его уѣздъ, тутъ же включа восемь епархій, крѣпость Кнокъ, городы Луэтъ, Диксмуйденъ съ приписными мѣсты, городъ Ипръ съ каштеляніею, городы и каштеляніи: Баліеулъ, или Беллемеръ, Виле, Виртонъ, Коминъ, Вервикъ, Попорингэ, Кассель со всѣмъ, что́ къ тому надлежитъ, городъ Валансіенъ съ уѣздомъ, городы Кондэ и Мобежъ, такъ властно, какъ самъ король христіаннѣйшій ими владѣлъ, со всѣми крѣпостьми, съ пушками, съ артиллеріею и съ крѣпостными письмами. Да будетъ всегда свободно помянутымъ Господамъ Статамъ о тѣхъ Гишпанскихъ Нидерляндахъ, которыхъ у Франціи запрашиваютъ и которые за собою удержатъ, съ его цесарскимъ и католицкимъ величествомъ и съ его наслѣдники отъ времени до времени договариваться и, какъ

за благо разсудять, опредѣленія чинить. Наипаче же да не возможеть владѣть никогда никоторою провинціею Гишпанскихъ Нидерляндовъ, ни городомъ, ни крѣпостью, уступленными, никоторый принцъ, ни принцесса изъ колѣна французскаго, подъ какимъ притворомъ или правомъ сіе бы ни было. Также Франція да не супротивится пребыванію гарнизоновъ статскихъ въ городѣ, замкѣ и въ крѣпостяхъ Гуйскихъ, и въ цитадели Люикской, и въ городѣ Бонѣ, покамѣстъ о томъ съ цесаремъ и съ цесарствомъ инако не договорятся.

Король христіаннѣйшій да дозволитъ подданнымъ ихъ высокомочествъ всѣхъ пользъ въ торговлѣ и въ морскомъ ходѣ, изображенныхъ въ мирныхъ и въ торговыхъ договорахъ рисвикскихъ, и при послѣдованіи того освободитъ ихъ, подданныхъ голландскихъ, отъ пошлинъ, 50 штиверовъ съ бочки, на чужестранные корабли наложенной, и такъ, какъ то описано въ особой статьѣ договора о торговлѣ.

Король христіаннѣйшій одноконечно и подлинно да дозволитъ ихъ статскимъ подданнымъ тарифъ, въ 1669 г. опредѣленный, не внимая на всѣ иные послѣдующіе, тому вышеписанному противные; также да не будетъ впредь никакой перемѣны, подъ какимъ бы притворомъ то ни было.

Запросы объ изгнанныхъ изъ Франціи, нынѣ подъ державою статскою пребывающихъ.

Ихъ мужьямъ, женамъ, дѣтемъ, отцамъ и матерямъ да будетъ свободно выѣхать изъ Франціи къ своимъ сродственникамъ; да отдадутъ всѣ пожитки, надлежащіе по праву помянутымъ изгнаннымъ и ихъ наслѣдникамъ, которые статскими подданными родилися. Всѣ помянутые изгнанные и ихъ наслѣдники, которые подданными статскими родилися, да будутъ поведены равно, какъ и иные статскіе подданные, и да употребятъ во всей области французской всѣ привилегіи, которыя иные силою договоровъ употребляютъ, безъ всякаго изъятія.

Ихъ высокомочества желаютъ, чтобы король христіаннѣйшій дружбы ради, которая возставлена быть имѣетъ, дозволилъ свободу совѣсти своимъ подданнымъ реформатской вѣры, и чтобъ ихъ велѣлъ освободить изъ монастырей и каторгъ, и изъ иныхъ тюремъ.

Король христіаннѣйшій да отдастъ ихъ высокомочествамъ, яко изслѣдователемъ духовной усопшаго короля Вильгельма великобританскаго, всѣ его области, въ его, короля французскаго, королевствѣ сущія, со всѣми умомъ постигаемыми правами, къ тѣмъ надлежащими, и которыя помянутый король до начатія настоящей войны употреблялъ. А тѣ области Господа Статы отдадутъ тому, кому надлежать будутъ.

Они же, Статы, домогаются разоренія города Дюнкирхена докучнѣе, нежели агличане. Понеже Статы имѣютъ интересъ въ соблюденіи тишины въ цесарствѣ и въ прибавкѣ къ 4-ой статьѣ рисвикскаго мира, которая можетъ причинствовать безпокойству, для того требуютъ, чтобъ его христіаннѣйшее величество согласился, съ своей стороны, на отставку помянутой статьи, и чтобы христіаннѣйшій король не противился, чтобы въ городѣхъ, цесарю отданныхъ или отданными быть имѣющихъ, въ цесарствѣ дѣла, до вѣры касаемыя, были весьма возставлены и пребыли бы въ состояніи по содержанію вестфальскаго мира. Они же, Статы, требуютъ удовольства всѣмъ своимъ союзникамъ такимъ видомъ, чтобы тѣ же Статы были въ безопасеніи о своей республикѣ, и объ интересѣхъ торговли истолковать и умножить при продолженіи сихъ договоровъ, какъ за благо разсудятъ.

Помянутые же Статы Генеральные оставляютъ свободу высокимъ союзникамъ, которыхъ министры еще не прибыли, впредь свои запросы предлагать, которые той же силы будутъ, что́ и нынѣ объявленные. Ихъ высокомочества также себѣ оставляютъ, кромѣ того, свободу въ теченіе сихъ договоровъ способствовать своимъ союзникамъ въ ихъ запросахъ и интересахъ, также и въ интересахъ королей, принцевъ и Статовъ своихъ друзей, и въ интересахъ своихъ подданныхъ.

Заручено было: Иванъ Рандвикъ и прочіе.

Данъ въ Утрехтѣ марта въ 5 день 1712 г.

1712 г. апрѣля 1 (12). Гага.

Имѣли конференцію съ ратпенсіонаріемъ и, противъ указа отъ двора, предлагали. Содержаніе есть того:

„Господинъ Краненбургъ, чрезвычайный посланникъ Господъ Статовъ Соединенныхъ Нидерляндовъ, будучи при дворѣ его царскаго величества, чрезъ поданный меморіалъ предлагалъ, дабы царское величество изволилъ въ пристаняхъ, которыя получены на Балтійскомъ морѣ, торговлѣ свободный ходъ оставить, также и пошлины бы въ Ригѣ, въ Ревелѣ и въ Перновѣ умалить и установить по тому, какъ ихъ высокомочіе слышали, что въ Нарвѣ и въ Петербургѣ введены сходныя противъ архангельской пристани. Того ради царское величество указалъ вамъ за секретъ предложить, что его величество по тому предложенію склонность свою являетъ. И хотя его царскому величеству отъ умаленія пошлинъ въ тѣхъ вышепомянутыхъ городѣхъ съ подданныхъ ихъ высокомочія не малый будетъ въ сборѣ ущербъ, и не безъ трудности есть ту отмѣну учинить, ибо Рига сдалась подъ державу его величества чрезъ капитуляцію, въ которой отъ его царскаго величества обѣщано имъ, что оные во всемъ противъ того содержаны будутъ, какъ ихъ старыя привилежіи,— что̀ уже потомъ и подтвержено,—и тако то премѣнить не безъ трудности; къ тому же, въ тѣхъ городѣхъ товары, вѣсы и мѣры, и во всемъ уставы, и порядки особливые, и бо̀льшая часть въ тѣхъ городѣхъ торговли изъ Польши и изъ Литвы; и за тѣми всѣми обстоятельствы той отмѣны учинить и постановить не безъ трудности; однакожъ его царское величество, по имѣющей своей всегда къ ихъ высокомочію пріязни, не хотя для всѣхъ вышеименованныхъ причинъ того дѣла отлагать вдаль, повелѣлъ тако вамъ предложить.

Понеже отъ такой великой въ тѣхъ во всѣхъ городѣхъ пошлинной уступки подданнымъ ихъ высокомочія можетъ быть великая польза и прибытокъ, того для царское величество желаетъ за такъ великую со стороны своей уступку и за авантажъ подданныхъ ихъ высокомочія, дабы они, Господа Статы Соединенныхъ Нидерляндовъ, обѣщали и обязали себя трактатомъ

его царскому величеству всѣ привращенныя наслѣдныя къ Российскому государству провинціи Ижерскую, Корельскую и завоеванныя въ нынѣшнюю войну отъ короны шведской Лифляндію и Эстляндію, и Выборгъ гарантировать, дабы подъ державою царскаго величества оныя вѣчно пребывали. И ежели они, Господа Статы, тоё гарантію на себя возьмутъ и трактатомъ себя его величеству обяжутъ,—и за то царское величество укажетъ во всѣхъ тѣхъ городѣхъ: въ Ригѣ, въ Ревелѣ, въ Перновѣ, въ Нарвѣ и въ Петербургѣ съ подданныхъ ихъ высокомочія пошлины имать противъ архангелогородской пристани".

На что отвѣтствовалъ, что то все онъ, ратпенсіонарій, взялъ на доношеніе Статомъ Генеральнымъ.

1712 г. мая 7 (18). Гага.

Были позваны датскій и польскій министры въ конференцію собранія статскаго, и при министрахъ цесарскихъ, графѣ Цинцендорфѣ и Консбрукѣ, статскій депутатъ отъ всѣхъ союзниковъ предлагалъ ихъ добрыя средства къ примиренію сѣверной войны.

На то отвѣтствовали помянутые министры равнымъ образомъ, что они прежде по предложенію ихъ отъ того не отрекалися, но желали вѣдать о кондиціяхъ со стороны непріятеля, и о томъ по се число никакого извѣстія не имѣли. И взяли на доношеніе своимъ дворамъ каждый.

1712 г. мая 8 (19).

Такимъ же равнымъ образомъ чрезъ депутата господина Латмара было предложено послу Матвѣеву. И равно отвѣтствовано, что царское величество отъ честнаго и прибыльнаго мира не отрекался и топерь не отречется. А взяли на доношеніе своимъ дворамъ.

Того же дня министру шведскому равно предложено. На то отвѣтствовалъ, что король его на предложеніе въ Бендерѣ чрезъ посланнаго Фабриція отвѣтствовалъ, что потенціи морскія должны, по обязанію своего трактата, помощныя ему

войска дать, также и содержать цѣло провинціи въ имперіи по гарантіи трактата вестфальскаго и травендальскаго. И потомъ взялъ все то на доношеніе своему двору.

Пространно о всемъ явлено въ доношеніи дворовомъ.

1712 г. мая 9 (20). Гага.

Получа вѣдомость о мирѣ турецкомъ, бывъ у ратпенсіонарія, за прилежность ихъ посла и вспоможеніе въ томъ дѣлѣ благодарили.

И при томъ предлагали, что его царское величество далъ намъ указы вновь предложить, что, ежели сходно высокимъ аліатамъ, его величество готовъ вступить въ аліансъ и помощныхъ войскъ своихъ регулярныхъ нѣкоторое число дать подъ кондиціями сходными и прибыльными обѣимъ сторонамъ. Паче же чрезъ сіе его царское величество являетъ весьма въ интересъ себѣ твердо къ интересамъ высокихъ аліатовъ склонность особливую показать.

На то онъ, отмолчась, только желалъ вѣдать, ежели вновь о томъ указъ получили, или собою то предложеніе чинимъ.

На что ему сказалъ, что вновь о томъ указъ получили.

При томъ Матвѣевъ на латинскомъ языкѣ присланныя ремарки всѣ сообщилъ о коммерціи. А каковы на томъ языкѣ, —въ письмахъ дворовыхъ.

При томъ онъ, ратпенсіонарій, говорилъ и увѣщалъ много навѣтками, чтобы нашъ дворъ не былъ склоненъ къ цесарскому величеству. Но интриги отъ того двора не отстанутъ быть.

1712 г. мая 22 числа, каковъ отвѣтъ учинилъ бискупъ бристольскій депутатомъ статскимъ.

Въ конференціи, которую господа полномочные сей державы имѣли въ Утрехтѣ прошедшаго четверга, а именно 20 іюня, поутру рано, въ 10 часу, съ бискупомъ бристольскимъ, онъ, бискупъ, послѣдующее на французскомъ языкѣ объявилъ, которое помянутые полномочные на голландскомъ языкѣ къ

Господамъ Генеральнымъ Статамъ писали. И съ помянутаго письма отъ слова до слова переведено, какъ при семъ слѣдуетъ.

„Понеже ея величество усмотрѣла, что на всѣ ея предложенія, учиненныя Статамъ, такъ зло соотвѣтствовано, и что Статы съ ея величествомъ о дѣлѣ мирномъ весьма соглашаться не хотятъ, — того ради ея величество понуждена будетъ свои дѣла одна отправлять“.

Въ конференціи, послѣ обѣда, господинъ бискупъ послѣдующія слова говорилъ: „Королева чаетъ себя въ состояніи быть и имѣть право по всѣмъ учиненнымъ предложеніямъ миръ, вмѣстѣ съ Статами или безъ Статовъ, учинить, и ея величество не признаваетъ себя никакимъ образомъ къ Статомъ обязанною быть“.

1712 г. мая 23 (іюня 3). Гага.

Указъ присланъ ко мнѣ отъ 25 апрѣля изъ Выборга властныя руки его царскаго величества, чтобъ у Статовъ выпросить пашпортъ на одинъ корабль для прохода въ С.-Петербургъ съ деревьёмъ садовымъ и другими припасы. И о томъ я предлагалъ ратпенсіонарію, бывъ въ конференціи 1712 г. мая 24.

Вѣдѣніе его царскаго величества объ аувсиліарныхъ войскахъ, которыя въ приведшую кампанію имѣютъ быть въ Померанія.

Въ лейбъ-гвардіи служащіе:

Преображенскій	3103
Семеновскій	2105
Итого лейбъ-гвардіи	5208

Въ кавалеріи служащіе же:

Лейбъ-регименть	1000
Ингерманландскій	1000
Кіевскій	1000
Троицкій	1000
Архангелогородскій	1000
Астраханскій	1000

Невскій	1000
Ростовскій	1000
Ярославскій	1000
Ямбургскій	1000
Устюжскій	1000
Новотроицкій	1000
Итого кавалеріи	12000

Инфантеріи:

Ингерманландскій	2120
Астраханскій	1200
Первый гренадерскій	1200
Второй гренадерскій	1200
Бутырскій	1200
Кіевскій	1200
Владимірскій	1200
Новгородскій	1200
Смоленскій	1200
Тверской	1200
Черниговскій	1200
Бѣлогородскій	1200
Ярославскій	1200
Ростовскій	1200
Пермскій	1200
Вятскій	1200
Нарвскій	1200
Каргопольскій	1200
Итого инфантеріи	22520

Всего тридцать девять тысячъ семьсотъ двадцать восемь.

Въ тѣхъ же полкахъ имѣетъ быть неслужащихъ 8800. Итого служащихъ и неслужащихъ сорокъ восемь тысячъ пятьсотъ двадцать восемь.

Вышеписанные полки въ такомъ состояніи будутъ, ежели всѣ будутъ комплектованы; однакоже рекрутовъ въ полный комплектъ прислать велѣно, и шлютъ.

Переводъ рѣчей, каковы королева великобританская правила къ двумъ камерамъ парламента въ пятокъ, 17 Іюня 1712 г.

илорды и мои господа. Хотя безпрекословное право есть коронѣ сочинять миръ или войну, однакожъ истинное надѣяніе, которое я полагаю на васъ, есть такое, что я, при начинаніи сего парламентскаго сѣдѣнія, вамъ объявила, коимъ образомъ началася негоціація къ миру генеральному, и потомъ вамъ обѣщала чрезъ билли, что я вамъ сообщу артикулы мирные прежде, нежели оные будутъ заключены. По сему обѣщанію я пришла нынѣ вамъ объявить, на какихъ кондиціяхъ мочно учинить миръ генеральный.

Непотребно есть мнѣ упоминать о препятіяхъ, которыя явилися въ прямомъ существѣ сего дѣла, ибо весьма подлинно есть, что сіи препятія суть возбуждаемы чрезъ иныя помѣшательства, умышленныя хитростью, дабы воспрепятствовать сему великому дѣлу. Однакоже все то мнѣ не возбранило имѣть впервыхъ непрестанныя тщанія объ истинныхъ интересахъ моихъ собственныхъ королевствъ, и я ничѣмъ не пренебрегла въ томъ, чтó можетъ исходатайствовать всѣмъ нашимъ союзникомъ, еже имъ принадлежитъ по трактатамъ, и чтó потребно къ ихъ безопасности.

На сіе обнадеживаніе*) сумнительное упованіе имѣютъ.

1. Понеже мы паче всего примаемъ къ сердцу обнадеживаніе наслѣдства протестантскаго въ нашихъ королевствахъ, каково возставлено въ домѣ ганноверскомъ; того ради чрезвычайное попеченіе о томъ приложено, дабы не токмо оное признать въ наисильнѣйшихъ изображеніяхъ, но дабы имѣть обнадеживаніе чрезъ высылку изъ королевства французскаго оной персоны, которая трудилася возмутить наше правительство.

Опасеніе, дабы Гишпанія и Индіи не были соединены съ королевствомъ французскимъ, было причиною главною начатія

*) Замѣтки на поляхъ принадлежатъ кн. Борису Ивановичу. Ред.

сей войны, и мѣшаніе сему соединенію было основаніемъ, которое я положила чрезъ начатіе сего трактата.

Разсуждается къ великой власти и повелительству.

2. Прежніе приклады и послѣднія негоціаціи явно показуютъ, сколь трудно найти способы къ исполненію сего дѣла. Я не хочу довольствоваться тѣмъ, чтó уже видимо есть, и чтó токмо зависитъ отъ трактатовъ; но я держуся на фундаментахъ, что имѣю силы въ рукѣ исполнить то, о чемъ договоренось будетъ.

Того ради я вамъ могу объявить, что напослѣдокъ Франція склонилася обѣщать, что дукъ д'Анжу отречется вѣчно отъ всѣхъ своихъ правъ на корону францускую, какъ за себя, такъ и за своихъ наслѣдственниковъ. И дабы сей артикулъ былъ произведенъ въ дѣйство, того ради исполненіе онаго учинено будетъ въ равное время, какъ обѣщаніе. Въ то же время декларовано будетъ, что корона французская имѣетъ надлежать, по смерти нынѣшняго дофина и его дѣтей мужескаго пола, дуку де-Берри и его сыновьямъ, дуку д'Орлеану и его сыновьямъ, а потомъ прочимъ наслѣдственникамъ дома бурбонскаго.

„Оному принцу"— чаютъ, что то наслѣдствіе заключится дуку савойскому.

3. Что же принадлежитъ о Гишпаніи и Индіяхъ, то наслѣдство сихъ королевствъ будетъ надлежать, по смерти дука д'Анжу и его дѣтей, оному принцу, который будетъ назначенъ въ трактатѣ, выключая вѣчно домъ бурбонскій.

Что же принадлежитъ къ обнадеживанію ренунціаціи, или учрежденій вышепомянутыхъ,—обѣщано, что будутъ подтвержены во Франціи и въ Гишпаніи наикрѣпчайшимъ образомъ, и что сіи королевства, такожде и прочія державы, обязанныя въ сей войнѣ, будутъ о томъ гарантами.

Существо сего изображенія есть такое, что само отъ себя исполняется. Интересъ есть Гишпаніи, дабы себя содержать; а оныя персоны во Франціи, которымъ надлежитъ наслѣдство, будутъ готовы и въ довольной силѣ защищать свои собственныя права.

Франція и Гишпанія нынѣ конечно такъ раздѣлены, какъ никогда не бывали. И симъ образомъ будетъ возставлена благословѣніемъ Божіимъ дѣйствительная балянція, или равновѣсіе, междо державъ европскихъ, которая толь мало будетъ подлежать замѣшаніямъ, какъ свейскія дѣла могутъ быть слабы.

Трактатъ о торговлѣ начатъ между сими королевствы и Франціею, но пошлины неумѣренныя на нѣкоторые товары и запрещенія нѣкоторыхъ же товаровъ не допускаютъ сіе дѣло такъ скоро окончать, какъ бы желалося. Межъ тѣмъ стараніе приложено найти способъ къ постановленію сего дѣла. И при томъ воспріято есть попеченіе, дабы равныя преимущества, каковы Францiя позволитъ прочимъ нѣкоторымъ націямъ, такимъ же образомъ и намъ были позволены.

Понеже раздѣленіе острова Санктъ-Христофора между нами и Франціею подало причину къ великому безпокойству и убытку моимъ подданнымъ, того ради я требовала, дабы сей островъ мнѣ весьма былъ отданъ. И на сіе мое требованіе Францiя склонилася.

Сіе къ паденію коммерціи голландской въ Медитерранскомъ морѣ, что Майорка и Минорка во владѣтельствѣ Англіи будуть.

4. Понеже торговля въ Америкѣ намъ есть зѣло нужна, того ради я всѣ возможныя приложила тщанія о семъ артикулѣ договориться полезнѣйшимъ образомъ. Я склонила Францію къ отдачѣ всего залива и канала Гудсона, къ отдачѣ острова Терра-Нова и Платенціи, и чтобъ учинила ренунціацію на Анаполисъ и на остаточныя мѣста Новой Шкоціи и Акадіи. Безопасность нашей торговли внутри государства будетъ въ лучшемъ состояніи чрезъ разореніе Дюнкирхена; торговля моря Медитерранскаго и польза народа британскаго въ сихъ земляхъ будутъ обнадежены чрезъ владѣніе Гибралтара и порта Магона со всѣмъ островомъ Минорки, которые мнѣ обѣщаютъ отдать въ мои руки.

Сей торгъ былъ въ рукахъ однихъ голландцевъ; однакожъ и сами, удовольствуя Англію, уступить хотѣли.

5. Торговля Гишпаніи и Индій Западныхъ можетъ быть возставлена въ обществѣ, какова была во время послѣдняго короля гишпанскаго Карола II. И особливое попеченіе будетъ принято, дабы всѣ преимуще-

ства, права и привилегіи, которыя позволены, или впредь могутъ быть позволены отъ Гишпаніи нѣкоторымъ другимъ націямъ, такимъ же образомъ были позволены подданнымъ великобританскимъ.

Но понеже участіе, которое мы имѣли въ теченіе всей войны, намъ подастъ право нѣкоторой отмѣны въ кондиціяхъ мирныхъ; того ради я требовала и одержала, дабы ассіенто, или договоръ о населеніи негровъ, или араповъ, въ Индіяхъ Гишпанскихъ, съ нами былъ учиненъ на 30 лѣтъ такимъ же образомъ, какъ Франція то имѣла въ послѣднихъ десяти лѣтѣхъ.

Я не воспріяла на себя опредѣлить требованія союзниковъ, но оныя будутъ опредѣлены въ собраніи утрехтскомъ, гдѣ, съ моей стороны, всевозможное стараніе приложено будетъ, какъ и донынѣ то чинили, дабы каждый изъ нихъ имѣлъ сатисфакціи довольныя и правосудныя.

Притомъ же я за благо разсудила вамъ объявить, что Франція обѣщаетъ учинить рѣку Ренъ барьерою, цесарству отдать Бризахъ, крѣпость Кель и Ляндау и разорить всѣ крѣпости какъ по ту сторону, такъ и по рѣкѣ Рену.

Для того о протестантской релижіи упомянулось, что въ рисвикскомъ договорѣ, въ 4-мъ артикулѣ, нарушенъ былъ вестфальскій трактатъ, и сдѣлано было въ интересъ католикомъ.

6. Что же принадлежитъ о протестантахъ въ Германіи, въ томъ препятія не будетъ со стороны Франціи, дабы оныхъ возставить по основанію мира вестфальскаго.

Къ сему такъ малому удовольству цесарю, чаютъ, будетъ и сицильское королевство уступлено, вмѣсто Каталоніи, [для того] что онъ уже есть владѣтелемъ, понеже о Сициліи еще ничего не упомянулося.

7. Нидерлянды Гишпанскіе могутъ надлежать его цесарскому величеству; королевства, неапольское и сардинское, дукатство милянское и мѣста гишпанскія на берегу Москанскомъ могутъ также быть уступлены цесарю чрезъ мирный трактатъ.

Ежели торговля сукны и шпеціями воспрещена будетъ, то къ самому нарушенію всей голланд-

8. Претенсіи Статовъ Генеральныхъ, касающіяся торговли, позволяются такъ, какъ чрезъ ихъ министровъ требова-

ской коммерціи будетъ. А въ барьерѣ, какъ слышно, [что] Франція требуетъ возвращенія Лилля, о Турнэ,—то весьма слабой барьерѣ разсуждается быть.

ны, изъявъ токмо малое число товаровъ; и вся барьера, какова требована отъ Франціи чрезъ Статы въ 1709 г., изъявъ два или три мѣста по высшей мѣрѣ.

Что же принадлежитъ о семъ изъятіи, то о томъ предложены многіе способы. И я не сумнѣваюся, что сія барьера будетъ такъ учреждена, какъ нужно есть сію рѣчь посполитую весьма безопасну сочинить отъ какого предвоспріятія со стороны французской; что́ есть основаніе всѣхъ моихъ обязательствъ въ семъ пунктѣ съ Статами.

Сихъ удовольствованіе оставляетъ въ волю короля Филиппа, которымъ чаютъ на старомъ остаться.

9. Требованія Португаліи записать на опредѣленіяхъ отъ Гишпаніи. Хотя сей артикулъ многое время былъ въ спорѣ, однакоже невозможно было оный много произвести въ дѣло. Но мои полномочные будутъ нынѣ имѣть случай вспомогать королю въ его претенсіяхъ.

Претенсіи короля прусскаго суть такія, что, надѣюся, мало препоны найдутъ со стороны французской; и мои крайнія старанія не будутъ пренебрежены къ показанію всего, что́ мнѣ возможно такому доброму союзнику учинить.

Княжество оранское сему.

10. Споръ между барьерою, требованною отъ дука савойскаго въ 1709 г., и между предъявленіями, учиненными нынѣ отъ Франціи, есть зѣло не великъ. И понеже сей принцъ себя такъ изрядно показалъ къ общей пользѣ, того ради буду стараться оному исходатайствовать еще иные прибытки.

Франція позволила, дабы курфюрстъ палатинскій содержалъ рангъ, который онъ нынѣ имѣетъ междо курфюрсты, и чтобы пребылъ во владѣніи Верхняго Палатината.

Достоинство курфюрстское будетъ признано въ домѣ ганноверскомъ по артикулу, написанному въ моихъ требованіяхъ подробныхъ.

Что же принадлежитъ о прочихъ союзникахъ, я не сумнѣваюся, что оные могутъ утвердить свои различныя претенсіи.

Милорды и мои господа. Я вамъ нынѣ сообщила не токмо кондиціи мирныя, которыя могутъ быть получены чрезъ будущій трактатъ моими собственными подданными, но обѣщанія отъ Франціи къ удовольству всѣхъ союзниковъ.

Первыя кондиціи суть таковы, что я имѣю причину надѣяться, что оныя подадутъ нѣкоторое удовольство моему народу въ семъ великомъ времени, которое они имѣли во все теченіе сей долговременной войны. И я готова уповать, что никто изъ нашихъ союзниковъ, а особливо тѣ, которые получатъ великое приращеніе земель и власти, не будутъ завидовать Великой Британіи и ея участію, которое она имѣетъ въ славѣ и прибыткѣ.

Послѣднія кондиціи не такъ совершенно еще соглашены, какъ бы могли быть по нѣсколькомъ времени. Но понеже минующее время сего года требуетъ окончать сіе сѣдѣніе, того ради я разсудила не умедлить болѣе сообщить вамъ сіе дѣло.

Я не сумнѣваюся, что всѣ вы всемѣрное имѣете доказательство, что съ моей стороны ничего не будетъ пренебрежено въ продолженіе сей негоціаціи, дабы привести миръ къ доброму окончанію, и я полагаюся на ваше надѣяніе ко мнѣ и на усердное ваше сходство со мною.

Таково ко двору отправлено 13 іюня 1712 г.

1712 г. іюля 10 (21). Гага.

Министръ шведскій Пальмквистъ, бывъ у ратпенсіонарія, именемъ короля своего и особливымъ отъ него указомъ предлагалъ, что король его удивляется поступкамъ такимъ министровъ, аглинскаго и ихъ, высокомочныхъ Господъ Статовъ, которые резидуютъ въ Царьградѣ, что оные медіаторами себя объявили, и чрезъ ихъ прилежность миръ между Портою и царемъ московскимъ учиненъ. И надѣется король его, что оный ихъ, Статовъ, министръ въ то дѣло вступалъ безъ указа ихъ. Разсуждая по обстоятельствомъ дѣлъ, что они, Статы,

[не токмо] всегда себя неутральными являли, но еще по трактату обязаны больше королю его вспомоществовать, нежели что противнаго дѣлать,—чтобы тотъ ихъ посолъ конте Колліерсъ былъ жестоко наказанъ, для чего въ то дѣло вступилъ. А ежели оный посолъ ихъ то чинилъ по указомъ отъ нихъ, Статовъ, то желаетъ его король, чтобъ они, Статы, декларовали торжественно, что они медіаторомъ министру своему велѣли быть. То знавъ, его король къ отмщенію всякаго непріятеля приметъ свои мѣры.

Сіи приняты устрастки здѣсь за великую противность. А каковъ отвѣтъ будетъ учиненъ, впредь записано будетъ.

Что нужное, записано съ 1 генваря 1712 года.

1712 г. іюля 15 (26).

Министры польскіе въ апрѣлѣ подъ рукою трудилися, чтобъ аліаты о мирѣ предлагали воюющимъ сѣвернымъ, и по тому ихъ домогательству было предложено. Но когда увѣдомилися о мирѣ турецкомъ, тогда умолчали.

Сіе было къ предосужденію нашему для того, чтобы могъ партикулярный миръ изъ сего сдѣлаться.

Цесарскіе министры являются противъ нашихъ интересовъ, а особливе въ нынѣшнемъ случаѣ, на наши предложенія о помощныхъ войскахъ и о вступленіи въ аліансъ. При разговорѣ Цинцендорфъ явно сказалъ, что имъ войска, обѣщанныя царскимъ величествомъ, не суть нужны; и здѣсь Статомъ предлагаютъ и о вступленіи съ нами войскъ удерживаютъ.

Faute г. Урбиха.

Урбихъ іюля или іюня предлагалъ цесарскому двору письменно, [и сіе] экстрактомъ при семъ объявлено.

Такое предложеніе весьма рано учинено, не знавъ резолюціи Статовъ Голландскихъ къ продолженію войны, чтó [необходимо] было содержать въ карманѣ до времени того, когда бы вступили въ дѣло съ нами, и чтó надлежало выпрашивать у высокихъ союзниковъ въ нашъ интересъ. И ежели была бы трудность въ чемъ, тогда бы надлежало объявить войска на своей заплатѣ, хотя четвертую часть отъ 20 тысячъ. А сіе хотя и обѣщано, токмо царское величество не есть въ состояніи содержать,—что ему будетъ коштовать 50 тысячъ ефимковъ на годъ. Ежели бы кто разсуждалъ, что заранѣе лучше предложеніе такое учинить, чтобы придать охоту аліатомъ къ продолженію войны, и то не въ томъ состоится. И на сіе предложеніе, ежели отъ цесаря будетъ отказано, весьма сіе учинено къ предосужденію, нежели къ пользѣ: намъ интереса нѣтъ изъ сего, токмо цесарю лучше противу турокъ. А на шведа намъ и на поляковъ помогать никогда не будетъ.

Предисловіе. Какъ его царское величество съ начала своего царскаго правительства склонность свою свидѣтельствовалъ, такъ и нынѣшнему цесарю тѣмъ больше предъявляетъ ради новаго свойства.

1. Предъявляетъ взаимный вѣчный союзъ противу всякихъ непріятелей.

Сіе предложеніе всѣмъ въ Европѣ желюзію придало для того, [что] вся имперія не хочетъ того видѣть, чтобы двѣ тѣ потенціи согласилися.

2. Проектъ.....

(То за опискою цыфръ знать нельзя *).

3. Нынѣшнему цесарю и союзникомъ предъявляетъ его царскаго величества помощь, а именно:

Рано предложилъ, какъ выше упомянулъ; а прежде знать [нужно] было намѣреніе, ежели вступятъ; и тогда довольно было четвертую часть объявить.

4. Двадцать тысячъ и больше, когда пожелаютъ, къ Рену или въ Нидерлянды.

5. Безъ субсидіи провіантъ и квартиры дастъ цесарь за

Никогда царское величество не можетъ такое число на своей платѣ содержать.

*) Собственноручное примѣчаніе кн. Б. И. Куракина. Ред.

плату и рекруты царскому величеству. Но въ непріятельской землѣ полки царскаго величества употребятъ равнымъ видомъ съ цесарскими [безъ] заплаты для льготы царской.

Когда искать аліанса съ другими, то надлежитъ себя добра являть, а не безсильна. А съ немощнымъ никто не обязывается. Сія кондиція слаба.

6. Ежели шведа къ миру понудить мочно будетъ, обѣщаетъ царское величество, обще съ королемъ польскимъ и королемъ датскимъ, бо́льшее войско.

Чему? — именовать надлежало-бъ именно; также, въ интересъ аліатовъ своихъ ежели чего не упомянуто, то худое имъ мнѣніе придастъ.

7. Но цесарь и союзники должны будутъ учинить гарантію.

8. Цесарскіе министры должны будутъ сноситься съ царскими и исправить, чтобы Статы Генеральные соизволили.

9. Чтобы сіе ганноверскому курфюрсту сообщено было.

Сіе онъ, Урбихъ, учинилъ властно къ своему предосужденію.

10. Да пошлетъ иного министра цесарь для бо́льшей съ царскимъ величествомъ пересылки.

Чаю, двору нашему не писалъ, каковъ онъ отвѣтъ отъ того двора получилъ, — что ему отказали.

Урбихъ на то не писалъ къ намъ, каковъ отвѣтъ учинилъ [цесарскій дворъ]. Но изъ письма видѣлъ за секретомъ отъ ихъ министра изъ Вѣны: господину Альфельду объявляетъ, что Урбихъ отвѣтъ на свое предложеніе получилъ такой, что цесарь благодаритъ за склонность царское величе-

ство и добрую корришпонденцію съ нимъ содержать готовъ, также и за помощныя войска благодарить, но не имѣетъ въ нихъ нужды.

Также и здѣсь съ нами министры цесарскіе отнюдь не хотятъ ни въ какое дѣло вступать.

И въ томъ же письмѣ объявлено, что онъ, Урбихъ, былъ воспрещенъ сіе предлагать отъ конте Ваккербарта и отъ него, датскаго, однакожъ ихъ не послушалъ, и съ нимъ въ самомъ несогласіи находится.

Ни въ тотъ союзъ вышепомянутый, ни въ другой противъ турка, покамѣстъ война съ шведомъ не окончается, не вступитъ. И больше тотъ дворъ такъ топерь оставитъ.

Отъ двора увѣдомился, что къ нему курьеромъ посланъ Семенъ Нарышкинъ съ инструкціями нарочно и съ полномочною о вступленіи въ союзъ и также въ наступательный союзъ и оборонительный противъ турка.

Топерь дамъ многіе резоны—для чего: желюзію къ намъ имѣютъ, чтобы велики не стали, и претенсію нашу: imperator graecorossiacus, непріятно имъ слышать. Паче всего весьма не допускаютъ, чтобы мы коммерціо великое съ потентаты имѣли, изъ чего дому аустрійскому можетъ быть предосужденіе. Ежели мы обяжемся съ которою потенціею ихъ союза, то не великая такъ будетъ нужда въ домѣ аустрійскомъ. А особливе сей артикулъ отъ голландцевъ, чего для при нынѣшнемъ случаѣ насъ не допускаютъ.

А ежели какимъ образомъ учинится у насъ обязаніе съ Франціею, то наипаче къ бóльшему предосужденію дому аустрійскому.

Надобно знать, для чего несходенъ къ намъ является дворъ цесарскій.

Всѣ его обѣщанія приняты отъ Статовъ къ угодному. А въ Брабантъ больше 25 тысячъ войскъ не позволяютъ, а хотятъ, чтобы деньгами помогъ и чужія войска содержалъ.

Для того Статы опасны, что при мирѣ не въ состояніи будутъ отъ такихъ войскъ свой барьеръ содержать.

Конте Цинцендорфъ предлагалъ и обѣщалъ 120 тысячъ войскъ къ предбудущей кампаніи помощныхъ противъ Франціи и содержаніе въ Каталоніи на своемъ коштѣ, и учинилъ планъ, что цесарь 40 или 50 [тысячъ] войскъ на лѣто въ Брабантъ обѣщаетъ.

Подозрѣніе имѣютъ, еще сверхъ вышепомянутыхъ причинъ: не хотятъ весьма всѣ, чтобы мы въ интересъ ихъ замѣшалися. И когда въ имперію вступимъ своимъ войскомъ, можетъ быть, по премѣнамъ дѣлъ, оставя аліатовъ, съ Франціею обяжемся.

Для чего на наши многія предложенія ни сами Статы не отвѣтствуютъ, ни въ дѣло не вступаютъ, чтобы насъ принять въ аліансъ?

Къ тому-жъ еще разсуждаютъ, что нынѣ Франція намъ нужды не имѣетъ ничѣмъ обязываться. Но когда мы обяжемся въ интересъ аліатовъ, тогда и Франціи будетъ нужда съ нами дружбу искать, чтобъ отлучить отъ аліатовъ. Еще же больше всего: во время войны съ шведомъ весьма насъ въ аліансъ не примутъ, для того что то будетъ противу интересовъ шведскихъ. Также, по вступленіи того аліанса, повинны что въ нашъ интересъ учинить,—гарантіею завоеванныхъ мѣстъ или чѣмъ инымъ. И того аліаты не учинятъ, для того что будетъ противъ ихъ властнаго интереса, чтобъ аліаты норда въ безсиліе шведскую корону привели.

Аліаты опасны при нынѣшнихъ случаяхъ съ нами вступить въ аліансъ для того, что, насупротивъ, шведъ вступитъ съ Англіею и Франціею, и новая война въ имперіи можетъ начаться.

Они же, предусматривая въ дѣлахъ слабость и нѣкоторый непорядокъ у аліатовъ сѣверныхъ, малое надѣяніе разсуждаютъ имѣть при такихъ случаяхъ на нихъ.

Къ тому же смотрятъ, какимъ образомъ дѣла произойдутъ еще при Портѣ турецкой, также и въ проходѣ чрезъ Польшу, а паче всего въ Помераніи. И ежели въ Помераніи сей кампаніи ничего не сдѣлаютъ, впредь надѣянія имѣть неможно, и худому послѣдованію быть. Потому войска изъ Помераніи ретируются на зиму, и тогда транспортъ шведскій умножитъ войска свои и, освободя Померанію, впадетъ въ Саксонію, и потомъ случится въ Польшѣ съ королемъ шведскимъ. Тогда непріятель придетъ въ прежнюю силу, какъ предъ тѣмъ.

Для того весьма польскіе министры мѣшаютъ намъ въ семъ дѣлѣ, не хотя насъ допустить, чтобы мы сами безъ нихъ ко всему путь свой знали. Но знавъ, и когда союзомъ обяжемся со всѣми аліаты, не такъ великую

Министры польскіе, услаждая лукавыми словами и обнадеживая въ нашемъ дѣлѣ о вступленіи въ великій союзъ,

нужду будемъ имѣть въ нихъ, саксонцахъ. Но, хотя насъ содержать въ уздѣ, и чтобы мы ими всегда обязаны были, не допускаютъ для того. Къ тому же мы за то требуемъ, чтобъ аліаты гарантировали завоеванные городы, въ томъ и Ливонія замыкается, —и то имъ весьма въ противность, для того что Ливонія коронѣ польской обѣщана.

сами ни мало не радѣютъ, но еще подъ рукою всему тому мѣшаютъ. Для чего?

Статы воспретили брать корабли, которые въ Ливонію торгуютъ, подъ конвой до Копенгагена.

Взято нѣсколько кораблей голландскихъ шведами,—не протестуютъ.

Аглинскіе хотятъ перенести конгрессъ въ Дюнкирхенъ. Ратпенсіонарію даны полномочныя трактовать о трупахъ съ датскимъ, прусскимъ и польскими.

Датскій министръ говорилъ, что они будутъ въ трактатъ вносить, чтобъ имъ безопасность была отъ шведовъ, также и отъ Англіи, ежели возьметъ что въ интересъ шведа.

Мое мнѣніе. Наши союзные трудятся, какъ возможно, трактаты о трупахъ безъ насъ учинить и въ свой авантажъ партикулярный какъ датскій, такъ и польскій, какъ въ сихъ статьяхъ упомянули. А паче трудятся миръ учинить честный, разсуждая, что они въ продолженіе войны сѣверной не могутъ себѣ больше учинить, въ какомъ состояніи нынѣ есть. Сіе мнѣ придаетъ многое подозрѣніе, чтобы намъ однимъ въ войнѣ не остаться.

При томъ же сказалъ, что они дворамъ своимъ доношенія учинили, чтобы при трактатахъ нынѣшнихъ они, аліаты, обязалися миръ имъ исходатайствовать честный и постоянный, и прибыльный.

А чтобы насъ завязывать въ тѣ трактаты, разсудили, что имъ есть трудность и помѣшаніе ихъ дѣламъ, для того—трудность, что завоеванныя всѣ мѣста гарантировать царскому величеству аліаты не могутъ никоими мѣрами, а помѣшаніе имъ—тѣмъ нашимъ обѣщаніемъ о трупахъ ауксиліарныхъ для того, что, когда насъ допустить,—имъ не будетъ такой нужды о прибавочныхъ ихъ трупахъ трактовать; откуль они себѣ большой прибы-

Они же къ предбудущей кампаніи больше надѣются своихъ войскъ имъ дать для своихъ великихъ прибытковъ.

токъ хотятъ получить и свой кредитъ установить. И здѣшніе лучше ихъ труды возьмутъ, нежели наши.

А что датскій отговариваетъ, чтобы до зимы намъ мѣшкать дѣломъ своимъ—конечно, отводя насъ для помѣшанія своихъ дѣлъ. Девять кораблей уже готовятъ въ Амстердамѣ. И то весьма учинено будетъ: какъ увѣдалъ, и резолюція взята у Статовъ, и тайно указъ адмиралтейству данъ.

Онъ сказалъ, что еще инструкцій не имѣлъ. Но польскіе уже получили, какимъ образомъ въ тѣ надобно вступать.

А здѣсь отъ Статовъ тѣмъ спѣшать къ тому дѣлу. А намъ, съ своей стороны, спѣшить не велитъ. И говоритъ, что зимою все то наше исправлено будетъ.

Баронъ Латмаръ въ конференціи говорилъ, между всѣми словами: „Мы, какъ чаемъ, конечно у Франціи съ Англіею и съ шведомъ аліансъ учиненъ или будетъ, и тогда-бъ, ежели моя была воля, весьма было нужно намъ учинить аліансъ дефенсивъ и оффенсивъ съ аліаты сѣверными“.

При томъ говорилъ о датскомъ интересѣ: „Ежели королева пошлетъ свою шквадру въ Балтическое море, хотя подъ претекстомъ къ безопасности своей коммерціи, тогда Статы возьмутъ резолюцію также свою шквадру послать, для того что Голландія еще больше втрое въ томъ морѣ имѣетъ коммерціи, нежели Англія. И такимъ образомъ будемъ шквадру аглинскую смотрѣть и ни до чего не допускать. А при противномъ случаѣ, хотя-бъ аглинская шквадра и сильнѣе была, но наша, соединясь съ датскою, оную бы превзошла“.

Статы дали инструкцію и полномочную депутатомъ къ чужестраннымъ дѣламъ трактовать со всѣми, съ кѣмъ случай, и аліансы закрѣплять. Сей знакъ есть намъ свободный ко вступленію.

Хотя Статы послѣднюю резолюцію взяли и указъ полномочнымъ своимъ въ Утрехтѣ [дали],—что́ двору уже сообщено,—но то все конечно къ продолженію негоціаціи.

Разговоръ первый при отъѣздѣ въ конференціи съ ратпенсіонаріемъ.

О дѣлахъ здѣшнихъ онъ самъ мнѣ сказалъ, что находится внѣ вѣдомости, для того что Англію имѣютъ наружнымъ видомъ пріятеля, а внутреннимъ—непріятеля. И того для принуждены менажировать и, сколько возможно, продолжать до конца самаго, чтобъ или миръ добрый сдѣлать, или войну продолжать. И уже видятъ, что и сама Англія менажируетъ.

На наши предложенія, онъ бы чаялъ, сходно вступить въ конференціи.

Я ему много предлагалъ съ резонами, кто насъ не допускаетъ съ ними въ то дѣло вступать, а особливе, для партикулярнаго своего интереса, цесарскій дворъ,—короткимъ словомъ, для того, [что], когда Статы будутъ обязаны въ аліансъ съ царскимъ величествомъ, не будутъ такъ нужды имѣть въ другихъ потенціяхъ, какъ топерь.

На сіе мнѣ сказалъ, что я резонъ имѣю, или правду разсуждаю.

Съ ратпенсіонаріемъ другая конференція.

О предложеніи нашемъ о трупахъ и союзѣ чрезъ недѣлю въ собраніи статскомъ будетъ резолюція взята, и, чаю, вступятъ съ Матвѣевымъ въ конференцію.

Чего не чаю. И лучше, чтобы Матвѣевъ ничего не дѣлалъ, прежде нежели прямыя мѣры всему не возьмутся.

Статы желаютъ трактатъ коммерціи окончать, и чрезъ то бы далѣе могли поступить, чтó бы обѣимъ сторонамъ могло быть къ великому интересу. Притомъ Статы рекомендуютъ, чтобы была добрая гармонія у царскаго

О семъ доносить буду. Я чаю конечно именовать пристани, именно Архангельскъ и Петербургъ, въ свой интересъ. А о Ливоніи гораздо слабѣе можно учинить такъ, какъ они хотятъ, ежели нѣтъ намѣренія ее содержать. Сіе можно отъ нихъ скрыть, что сіе раздѣленіе есть кумпаніями - эстляндскою и лифляндскою. И того для розное содержаніе учинено въ трактатѣ.

величества съ его аліаты, а особливе съ польскимъ, понеже несогласіе къ самому предосужденію его царскаго величества можетъ быть и всѣхъ аліатовъ.

О Ливоніи доносить надлежить. Токмо не надлежитъ въ томъ экспликоваться, прежде нежели съ нами или въ аліансѣ обяжутся, или ауксиліарныя войска наши въ службу свою возьмутъ.

При томъ говорилъ, что царское величество о Ливоніи въ прежнемъ намѣреніи состоитъ оную уступить коронѣ польской.

Я сказалъ, что о томъ не могу знать; но, къ случаю, царское величество можетъ свое намѣреніе объявить.

О семъ приказано Фанденбургу, когда будутъ флотъ убирать, чтобы ко мнѣ писалъ.

Сіе надобно субтельно разсуждать, что отъ сей шквадры весьма можетъ съ шведомъ непріятельство быть.

Резолюцію казалъ посылать конвой въ Балтическое море, именно,—туда провожаючи и назадъ бравши подданныхъ голландскихъ во владѣнія царскаго величества, а именно въ пристани Ригу и Ревель; а ежели шведы будутъ визитовать, оборонительно явиться.

Надобно вѣдать, ежели датскому будетъ пріятно.

Въ той же резолюціи молвлено, что будетъ сообщено о семъ королю датскому, чтобъ отъ той шквадры никакой желюзіи не прималъ.

Разговаривая о мирѣ, сказалъ, что ихъ весьма намѣреніе есть войну норда преже своей окончать; но Францiя тому мѣшаетъ.

Я спросилъ: ежели бы вступили они въ то—при поворотѣ короля шведскаго склонять къ миру, надѣялись ли бы конецъ сему получить.

— „Скоро неможно знать“. Я-де говорилъ съ Пальмквистомъ и предложилъ свою медіацію, который сказалъ,— противу народныхъ правъ.

Сіе разсуждай: лучше медіаторми ихъ видѣть, нежели подъ терминомъ добрыхъ средствъ, для того что медіаторы розные и интересами несходные; какъ нынѣ Англія съ здѣшними не могутъ одну партію взять. Къ тому-жъ и Франція медіаторомъ замѣшать себя не можетъ, отчего всегда опасеніе надобно имѣть.

И не могутъ потенціи морскія быть медіаторомъ для того, что обязаны съ шведомъ аліансомъ. На то я ему сказалъ добрыя средства, и отъ того не отрекся.

О новинахъ. Король шведскій поѣхалъ чрезъ Польшу именно. Я просилъ, чтобы подтверждали указы своему министру въ Царьградъ въ интересъ нашъ престерегать. Обѣщали и дѣлаютъ.

Съ аліаты нашими о трупахъ готовы вступать и трактовать,—самъ сказалъ. И притомъ сказалъ: „Ежели война будетъ продолжена, и съ нами недалеко“.

Конечно, властный ихъ интересъ есть, чтобы содержать царскому величеству пристани нѣкоторыя въ Балтическомъ морѣ.

Я при многихъ разговорѣхъ его спросилъ, что́-бъ онъ чаялъ, не могло ли бы быть къ предосужденію интересомъ ихъ, ежели бы Россійское государство имѣло всегда пристани на Балтическомъ морѣ, предъявляя ему многіе резоны,— какъ нынѣ видимо есть раздѣленіе Англіи съ ними и соединеніе съ Франціею и шведомъ.

На то мнѣ сказалъ, что совершенно не можетъ сказать, и они въ то дѣло не мѣшались и не мѣшаются. Однакоже не чаетъ противности никакой, но паче могутъ волю свою явить. И при томъ обнадеживалъ царскому величеству именемъ статскимъ свою добрую дружбу.

Конференція съ польскимъ министромъ конте де-Вертерномъ.

Сказалъ, что они конечно въ дѣла вступаютъ и о трупахъ своихъ трактовать хотятъ. И того для съ датскимъ министромъ, по согласію, написали проектъ, который онъ, конте Вертернъ, мнѣ сообщалъ. Чаю всѣхъ 6 артикуловъ, между которыми, какъ упомню, нужный есть тотъ, чтобы не мѣшались въ дѣла сѣверныя.

Ежели, отъ кого ни есть и какимъ ни будь образомъ, за противность сей союзъ принявъ, будетъ кого изъ аліатовъ сѣверныхъ атаковать, то Статы обязуются оборонять, яко своихъ союзниковъ, и ни до какого разоренія не допустить.

Чтобъ обѣщали исходатайствовать сѣвернымъ союзнымъ миръ добрый, твердый и постоянный у короля шведскаго. А ежели къ тому несходенъ явится, чтобы принудили то учинить.

Ежели похотятъ высокіе союзники сюда обязаться взаимнымъ аліансомъ съ сѣверными воюющими и такой прежде планъ учинить и на томъ основаніи гарантировать,—то не противно нашему интересу будетъ.

Прежде того надлежитъ имъ взять планъ у союзныхъ сѣверныхъ къ миру и остатнія мѣры въ томъ опредѣлить. И по тому плану высокіе союзники, постановя, обязаны будутъ добрый, твердый и постоянный миръ учинить.

Какъ датскому, такъ и польскому воспрещалъ, чтобъ отнюдь безъ насъ въ сіе дѣло не вступать. А ежели вступятъ, то мы весьма будемъ оставлены. И говорилъ. что именно насъ написать.

Мое мнѣніе, что сіе намъ только надѣяніе впредь, а никогда не сдѣлается, ежели нынѣ то безъ насъ сдѣлаютъ при трактатѣ о трупахъ, что на заплатѣ аглинской трактуются въ службу аліатовъ,—для того, ежели зимою учиненъ будетъ миръ, то больше упованія имѣть не надобно.

Къ предбудущей кампаніи высокіе союзники норда могутъ корпо войскъ аліатомъ противъ Франціи дать до 28 тысячъ, а нѣкоторое число и на своей заплатѣ, съ добрыми кондиціи.

Онъ обѣщалъ отъ себя ко мнѣ писать, ежели что чрезвычайное ближе къ миру можетъ сдѣлаться. Говорилъ, что онъ

писалъ ко двору, чтобы при съѣздѣ короля его былъ сей проектъ царскаго величества на столъ положенъ, и также меня просилъ ко двору донести.

Просилъ къ нему отписать, ежели король еще не бывалъ, и какой его министръ, чтобъ онъ о томъ могъ знать. И рекомендуючи другъ другу, разсталися.

Датскаго разговоръ.

Онъ не можетъ мнѣнія двора своего объявить, для того что еще указа не имѣетъ.

Сія мнѣ непріятна спѣшность датскаго къ миру, что весьма, какъ вижу, единодушно уже съ польскимъ трудятся о мирѣ, хотя бы и отлучась отъ насъ, какъ давно того мнѣнія и есть, и впредь буду.

Но когда онъ первое доношеніе учинилъ о трактованіи труповъ, токмо указъ генеральный получилъ, что король его ничего больше топерь не требуетъ, чтобы высокіе союзники сюда исходатайствовали добрыми своими средствы миръ учинить добрый, и твердый, и постоянный. А потомъ говорили о томъ же, что и конте Вертернъ, и о томъ проектѣ.

Партикулярнаго онъ мнѣ молвилъ, что не вѣдаетъ намѣренія своего короля, ежели похочетъ въ наступательный аліансъ съ здѣшними противъ Франціи обще вступить.

Датскій дворъ всегда менажировалъ Францію, и того для сіе говорилъ. Токмо нынѣ не есть время больше тотъ менажъ чинить.

И такъ разсталися, рекомендуя другъ другу.

По всѣмъ словамъ видѣлъ, что польскіе министры не хо-

Не могу понять, для чего противны сему проходу чрезъ Польшу, развѣ

для опасности Саксонія своей, чтобы съ татарами нападенія не учинилъ.

тятъ видѣть прохода короля шведскаго чрезъ Польшу. И самъ конте Вертернъ сказалъ, что министръ ихъ въ Царьградѣ трудится конечно, чтобы король шведскій былъ провоженъ чрезъ венгерскую землю.

Замѣтки кн. Б. И. Куракина для донесенія царю Петру Алексѣевичу.

[1712 г. конецъ іюля].

Когда я получилъ указъ его царскаго величества ѣхать ко двору, тогда объявилъ ратпенсіонарію и предъ отъѣздомъ моимъ имѣлъ съ нимъ двѣ конференціи о дѣлѣхъ, принадлежащихъ къ интересамъ его царскаго величества. Содержаніе оныхъ по семъ слѣдуетъ.

Въ первой конференціи требовалъ я отъ него, ратпенсіонарія, чтобы мнѣ далъ знать подлинное намѣреніе и резолюцію Господъ Статовъ на предложенія, учиненныя напредь сего со стороны его царскаго величества, о вступленіи въ обязательства и о дачѣ помощныхъ войскъ.

И на сіе онъ, ратпенсіонарій, отвѣтствовалъ, что, хотя о томъ доношеніе Господамъ Статомъ тѣхъ же временъ учинилъ, однакоже никакой резолюціи на то еще донынѣ не принято, для того что въ нынѣшнихъ случаяхъ и сами не могутъ опредѣленія учинить въ своихъ дѣлѣхъ, касающихся мира или продолженія войны. Однакоже при томъ обѣщалъ завтрашняго дня повторительное предложеніе о томъ въ статскомъ собраніи учинить и требовать отъ нихъ рѣшенія. Потомъ вступилъ со мною въ партикулярный разговоръ о своихъ собственныхъ дѣ-

лахъ, касающихся нынѣшней негоціаціи генеральнаго мира. О чемъ я уже словесно его царскому величеству доносилъ.

При томъ мнѣ сообщалъ письменную статскую резолюцію, по которой данъ указъ адмиралтейству амстердамскому отправить эскадру отъ 7 до 9 кораблей конвоемъ въ Балтическое море съ торговымъ флотомъ до пристаней царскаго величества, Риги и Ревеля. Въ той же резолюціи упомянуто, ежели бы шведы визитовать начали или удерживать, дабы помянутой эскадрѣ оборонительно поступить. При томъ же словесно мнѣ объявлялъ намѣреніе статское отправить ту эскадру въ Балтическое море. Правда, есть для интереса подданныхъ ихъ въ коммерціи, а паче нужда позвала, чтобы подъ тѣмъ претекстомъ оная эскадра въ Зундѣ въ интересъ датскій при нѣкоторыхъ случаяхъ могла употреблена быть, т.-е. противу намѣреній аглинскихъ, которыя намъ до слуха доходятъ.

Во второй конференціи обнадеживалъ меня вначалѣ о добромъ намѣреніи и склонности Господъ Статовъ къ интересомъ его царскаго величества и его союзниковъ. Потомъ объявилъ мнѣ, что на извѣстныя предложенія его царскаго величества о помощныхъ войскахъ требовалъ рѣшенія отъ Господъ Статовъ; на что оные ему дали указъ объявить мнѣ, что они, Статы, къ тому себя склонна находятъ, токмо до предбудущей недѣли никакой резолюціи нынѣ взять не могутъ, для разъѣзда Статовъ Голландскихъ въ провинціи. Но какое рѣшеніе впредь учинится, о томъ въ отбытность мою объявлено будетъ послу Матвѣеву.

Однакожъ онъ, пенсіонарій, надѣется, что о семъ дѣлѣ позволено будетъ депутатомъ формально въ конференціи вступить. И, сію рѣчь окончавъ, учинилъ мнѣ предложеніе именемъ Господъ Статовъ въ дву пунктахъ.

1. Господа Статы усмотрѣли при нынѣшнихъ случаяхъ быть сходно къ обѣихъ странъ интересамъ, дабы трактатъ о торговлѣ, каковъ уже начатъ, чрезъ извѣстный проектъ былъ приведенъ къ доброму окончанію; и оный бы могъ служить въ основаніе ко взаимнымъ прочимъ обязательствамъ и къ крѣпкому

утвержденію дружбы между обѣими державы, въ чемъ никто потомъ никакого подозрѣнія принять не можетъ.

2. Господа Статы разсудили за благо свое доброе намѣреніе его царскому величеству показать, а именно желали бы, чтобъ его царское величество при нынѣшнихъ состояніи дѣлъ и случаяхъ пребылъ въ добромъ согласіи съ своими высокими союзники, которымъ равнымъ же видомъ такое ихъ, Статовъ, доброжелательное намѣреніе объявлено; понеже, особливо при нынѣшнихъ конъюктурахъ, не малая нужда и польза есть въ согласіи междо сѣверными союзники, на которое въ предбудущихъ случаяхъ нѣкоторое упованіе они, Статы, къ общей пользѣ имѣютъ. И того ради надлежитъ всякія предосторожности и согласныя мѣры принять, дабы никакая завидость или несходство междо сѣверными союзными произойти не могла, а особливо междо его царскимъ величествомъ и короною польскою. И притомъ нынѣ Господа Статы не могутъ знать, въ прежнемъ ли намѣреніи его царское величество находится о Лифляндіи, какъ имъ, Статомъ, напредь сего чрезъ посла Матвѣева было объявлено.

На сіи два предложенные пункта я, съ своей стороны, ему, ратпенсіонарію, отвѣтствовалъ.

На первый. Что приналежитъ о торговлѣ, то отъ насъ были сообщены въ мѣсяцѣ маѣ присланныя отъ двора ремарки на извѣстный проектъ, но по се число на то отвѣта не получили. И ежели въ чемъ есть трудность, то бы желалъ оную вѣдать нынѣ и дать подлинное о томъ извѣстіе двору, дабы могло къ желаемому окончанію приведено быть вскорѣ.

Ратпенсіонарій на то мнѣ объявилъ, что дѣла купечества надлежатъ рѣшенію въ Амстердамѣ, и вышепомянутыя ремарки туда отосланы. Того ради о томъ мнѣ не могъ пространно извѣстія дать, но просилъ въ Амстердамѣ съ тамошнимъ пенсіонаріемъ Басанкуромъ говорить. И я, по пріѣздѣ своемъ въ Амстердамъ, съ нимъ, помянутымъ пенсіонаріемъ, о торговлѣ разговоръ имѣлъ, о чемъ ниже сего буду доносить.

На другой пунктъ я ему, ратпенсіонарію, отвѣтствовалъ, впервыхъ, благодаря за показаніе доброжелательнаго намѣренія Господъ Статовъ къ его царскому величеству и къ его союзникамъ въ напоминаніи къ содержанію междо ими добраго согласія, потомъ, обнадеживая, что его царское величество весьма въ томъ намѣреніи и склонности, дабы съ своими высокими союзники въ непремѣнномъ добромъ согласіи всегда пребыть. А въ какомъ мнѣніи его царское величество нынѣ о Лифляндіи находится по понесенныхъ толь великихъ убыткахъ отъ турецкой войны, возбужденной чрезъ шведскія интриги, о томъ знать не могу.

По окончаніи сей послѣдней конференціи, имѣли мы партикулярный разговоръ. Онъ, пенсіонарій, говорилъ, чтобъ убѣгать сѣвернымъ воюющимъ отъ медіаторства Франціи, что, ежели оная, бывъ при такомъ случаѣ обще съ Англіею, весьма будетъ въ интересъ шведскій, то другія потенціи, хотя бы, противно тому, были въ интересъ его царскаго величества и его союзниковъ намѣрены что учинить, но тогда внѣ силы своей будутъ.

При томъ мнѣ объявлялъ коварный вымыслъ Англіи. Онъ, пенсіонарій, недавно, по совѣту съ цесарскими министры, говорилъ съ милордомъ Страффордомъ, чтобы предложить воюющимъ сѣвернымъ свою медіацію. Но тотъ милордъ отъ него отговаривался и говорилъ, чтобъ объявить добрыя средства, вмѣсто медіаціи.

Потомъ онъ, пенсіонарій, желалъ вѣдать намѣреніе министра шведскаго и имѣлъ съ нимъ конференцію, и, между другими разговоры, намѣреніе Статовъ о медіаціи ему объявилъ.

На что министръ шведскій, безъ всякихъ другихъ отговорокъ, сказалъ, что потенціи морскія такимъ образомъ нарушительми будутъ правамъ народнымъ и за медіаторовъ весьма быть не могутъ, для того что онѣ съ короною шведскою имѣютъ обязательство оборонительнымъ союзомъ и, по окончаніи войны съ Франціею, должны будутъ королю его помогать.

Потомъ онъ, пенсіонарій, ему говорилъ, что оный трактатъ ихъ уже изъ термина вышелъ. И ежели король его медіаторство не приметъ, то они, союзники, объявляютъ ему добрыя свои средства. На то министръ шведскій сказалъ, что, [какъ] онъ чаетъ, король его къ тому сходенъ быть можетъ.

На тѣ слова я съ нимъ, ратпенсіонаріемъ, въ разговоръ вступилъ и желалъ вѣдать ихъ намѣреніе, какимъ образомъ они прибыточный и честный миръ его царскому величеству и его союзникомъ учинить могли-бъ и непріятеля къ тому принудить.

На то мнѣ отвѣтствовалъ въ генеральныхъ терминахъ, [что] намѣреніе ихъ, голландцевъ, есть весьма, чтобы царскому величеству имѣть пристани въ Балтическомъ морѣ. И, не продолжа ту рѣчь, началъ говорить, что онъ, пенсіонарій, уже чрезъ нѣкоторыя недѣли видѣлъ письменное разсужденіе двора шведскаго къ примиренію сѣверной войны, между которыми артикулы упоминалось, что Петербургъ царскому величеству уступленъ имѣетъ быть.

На тѣ его разговоры я кратко отвѣтствовалъ, что его царское величество, ради понесенныхъ великихъ убытковъ и продолженія войны отъ упрямства непріятельскаго, надѣется и право имѣетъ еще больше удовольствованъ быть, нежели что уже въ рукахъ нынѣ есть.

Министры польскіе при отъѣздѣ мнѣ объявляли, что они получили указы отъ двора своего трактовать о трупахъ, которые отлучились отъ службы аглинской, дабы оные были перепущены въ службу голландскую. И къ тому проектъ учинили, и мнѣ сообщили, и обѣщали чрезъ свой дворъ ко двору его царскаго величества сообщить.

Предложеніе, каково учинено въ бытность въ Помераніи, его царскому величеству.

[1712 г. августъ].

Позволилъ писать.	1. Чтобы позволено было о самыхъ нужныхъ дѣлѣхъ временемъ писать.

2. Принцъ кассельскій похочетъ вѣдать,—о которой царевнѣ именемъ объявить?

Принцешу курляндскую или которую похочетъ.

3. О Помераніи и бременской провинціи ежели что будетъ при нынѣшнемъ съѣздѣ упоминаться, я чаю намъ лучше письменно не взяться, а оставить то нашимъ аліатомъ для того, что въ Помераніи войска царскаго величества помощныя, и тотъ интересъ самой имперіи, а не всей сѣверной войны.

Не обязываться письменно, а оставлять нашимъ аліатомъ. А ежели, для подозрѣнія, пожелаютъ декларація, то дать письменную, что его царское величество не будетъ за собою ничего удерживать и претендовать.

4. На стельсово прошеніе указъ учинить. А особливе оный проситъ, чтобы за поташъ и смольчугъ ему платить по цѣнѣ за прошедшіе за три года, по которой цѣнѣ вновь съ другими контрактъ постановленъ.

Указъ, за подписаніемъ властной руки его царскаго величества, посланъ въ Сенатъ, и по прошенію велѣно учинить и къ нему, Стельсу, о томъ писать.

5. Прошу, чтобы не могло мнѣ быть причтено, ежели дѣла не по желанію нашему пойдутъ, а больше для померанскихъ дѣлъ слабыхъ нашихъ аліатовъ.

Чрезъ возможность не можетъ ничего учинено быть.

6. Два чертежа будутъ даны, одинъ отъ 50 пушекъ, а другой отъ 60 пушекъ. Ежели время позоветъ строить,—обоихъ ли чертежей по одному или оба отъ 60 пушекъ?

Беречь со всякимъ охраненіемъ и мастерамъ не отдавать; а чтобы мастера имѣть агличанина. А сдѣлать, когда время будетъ, отъ обоихъ по одному.

7. Ежели по счету явится высокая цѣна, наприкладъ, выше 20 или 30 тысячъ, не опи-

Указалъ царское величество дѣлать, хотя и выше 20 тысячъ будетъ, корпусъ одинъ. А о припасѣхъ зара-

нѣе дать вѣдомость, чтобъ отъ города можно было прислать.

сываючись, начинать ли? А ежели описываться, долгаго времени надобно.

8. Ежели Англія съ Голландіею сойдутся во всемъ и миръ учинятъ, я чаю предлагать всѣмъ воюющимъ въ Европѣ миръ учинить; и будутъ медіаторами, хотя-бъ и турецкая война была, и того примирять, и не похотятъ видѣть огня въ Европѣ для властныхъ своихъ интересовъ.

Ежели турецкая война начнется, тогда весьма самимъ предлагать о мирѣ и искать мира генерально. Притомъ царское величество объявлялъ, что весьма по предложенію мира не убѣгать инструкціи.

9. Ежели кто изъ аліатовъ нашихъ, или оба будутъ чрезъ медіацію потенцій морскихъ миръ дѣлать при нынѣшнемъ съѣздѣ, что̀ въ такомъ случаѣ дѣлать?

При такомъ случаѣ не токмо словесно,—и письменно протестовать.

10. Векселя рижскіе понуждать скорою оттуль присылкою.

Князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ указъ послалъ, и посылкою тѣхъ векселей велѣно спѣшить.

11. Мнѣ отъѣхать въ Ахенъ для лѣченія моей болѣзни.

Тогда, ежели нуждъ великихъ въ дѣлахъ не будетъ.

12. Всѣмъ навигаторомъ указалъ сказать его царское величество своимъ именнымъ указомъ, чтобы посланные въ навигаторское ученіе учились съ самаго матросскаго дѣла и знали бы оснащивать суда сами.

О семъ князь Ивану Борисовичу Львову сказать, чтобы пріѣзжіе являлися ко мнѣ, гдѣ имъ указъ будетъ сказанъ.

13. Трудность будетъ отъ Копенгагена въ наймѣ матросовъ, которымъ весьма надлежитъ означить мѣсто, куда ѣхать.

Указалъ царское величество нанимать въ службу на одну или на двѣ кампаніи и подъ такимъ претекстомъ, что тѣмъ кораблямъ быть на морѣ въ крейсированьи, не упоминая мѣста, и, собравшись, идти января послѣднихъ чиселъ.

Указалъ царское величество уговариваться за припасы, взятые отъ Головина, и, хотя бы потерявъ тысячу или другую ефимковъ, тѣ припасы назадъ купцамъ возвратить.

14. О кораблѣ, что Салтыковъ писалъ вновь платить 3000 пунтовъ.

Словесный указъ царскаго величества о корабельныхъ дѣлахъ и другихъ политическихъ.

1712 г. [августъ].

1. Купить еще кораблей три или четыре, кромѣ купленныхъ пяти, чтобъ учинило нумеро девять.

2. О строеніи вновь кораблей указалъ поступить такимъ образомъ: надлежитъ усматривать время, и ежели война къ продолженію будетъ, тогда начинать корабли дѣлать въ 60 пушекъ и въ 50,—а обоихъ тѣхъ чертежи мнѣ даны; а дѣлать въ Голландіи и въ Альтонѣ, мастеровъ аглинскихъ нанявъ.

О семъ надлежитъ описаться, заложа два; о третьемъ, когда время будетъ.

Дѣлать тѣхъ два или три, смѣтяся по деньгамъ, сколько при себѣ буду имѣть. Строеніе надлежитъ быть только однимъ корпусамъ. Припасы всякіе будутъ отъ города Архангельскаго присланы.

Цѣну клалъ царское величество, напримѣръ, за корпусъ 20 тысячъ ефимковъ. Время разсуждалъ строить въ шесть мѣсяцевъ, и чтобы къ осени могли стать на своемъ мѣстѣ.

О припасѣхъ время усматривать и дать знать двору заранѣе, чтобъ отъ города весною моремъ поставили.

3. Царское величество сказалъ мнѣ, что всю пошлину Архангельскаго города велѣно перевести въ Амстердамъ, которой онъ надѣется быть со 150 тысячъ ефимковъ, да 30 тысячъ четвертей хлѣба; и деньги, по указу, велѣно ко мнѣ перевести.

4. Царское величество указалъ провѣдывать въ адмиралтействѣ вестъ-индской компаніи продажныхъ кораблей, и ежели сыщутся,—сторговать и купить съ такою кондиціею, чтобы

погодно за оные деньги примать у города Архангельскаго изъ пошлинъ. И ставится, напримѣръ: нынѣ заплачена будетъ четверть, а другія три четверти погодно.

А для лучшаго утѣшенія тѣмъ купцамъ ставить платежъ съ процентомъ по 2, или по 3, или по 4. Ежели кредитъ мнѣ такой не можетъ быть, то на имя купцовъ нашей компаніи или Соловьева.

5. Именнымъ своимъ указомъ царское величество указалъ словесно, по пріѣздѣ въ Голландію, писать къ принцу Вильгельму гессенъ-кассельскому, чтобъ онъ прибылъ въ Гагу, и по пріѣздѣ ему предлагать о маріажѣ съ принцешей курляндской. И того для царское величество находитъ за благо, съ своей стороны, предложить искать способъ учинить себя дукомъ курляндскимъ по смерти нынѣ наслѣдственнаго курляндскаго дука, которому ужъ есть лѣтъ 60, и чтобы нынѣ онъ, принцъ, объявя свое намѣреніе, ежели его къ тому маріажу склонность есть, свое мнѣніе объявилъ. И когда сходно, то надлежитъ одного своего подданнаго послать въ Курляндію для избранія къ наслѣдствію, гдѣ царское величество будетъ къ тому дѣлу помощникомъ.

Права того княженія объявлялъ царское величество,—когда колѣно пресѣчется, то надлежитъ всѣмъ избирать, кого похотятъ изъ принцевъ имперскихъ. А ежели не похотятъ князя выбрать, то должны застать однимъ воеводствомъ польскимъ.

6. Сіе дѣло должно начинать и предлагать со словъ и предложеній обѣихъ сторонъ, вмѣняя якобы за извѣстное дѣло, что между ними проходило съ барономъ Урбихомъ.

Ѳедору Салтыкову, по управленіи всѣхъ дѣлъ, возвращаться въ Россію.

7. Царское величество упоминалъ непрестанно, чтобы какъ наивозможно закупить скорѣе корабли и сей зимы ихъ туда поставить.

8. Царское величество указалъ мнѣ къ Стельсу писать, чтобы счета своихъ долговъ прислалъ, также и о поташѣ, и о смольчугѣ всѣ кондиціи, а потомъ мнѣ, съ нимъ снесшися

и взявъ подлинную вѣдомость, писать о всемъ именно Сенату, понеже оный Сенатъ уже указомъ его царскаго величества вѣдаетъ, чтобъ они со мною сносилися въ томъ дѣлѣ и въ счетахъ стельсовыхъ.

1712 г. августа 10 (21).

9. Царское величество указалъ мнѣ все отправленіе вѣдать купленныхъ кораблей отъ Копенгагена до Петербурга, куда отправленъ капитанъ Наумъ, Якимовъ сынъ, Синявинъ, которому указъ именной данъ во всемъ быть мнѣ послушну и по корришпонденціи моей все отправлять. А велѣно ему тамъ нанимать матросовъ и офицеровъ; а только на корабль какого чина опредѣлено, то̀ въ статьяхъ данныхъ покажетъ. А командиромъ быть капитану Реусу надъ двумя тѣми кораблями; а мнѣ усматривая, что̀ къ тому принадлежитъ, посылать къ нему деньги.

Къ сему-жъ объявляю, каковъ указъ данъ послу Долгорукову, которому о семъ дѣлѣ велѣно имѣть со мною корришпонденцію, и нынѣ ему у короля матросовъ и офицеровъ просить. А ежели не дадутъ, тогда офицеровъ велѣно мнѣ въ Голландіи нанимать, а матросовъ—ему, Синявину, въ Копенгагенѣ.

10. У Стельса взять вѣдомость о колоколѣ, и указалъ ему на счетъ поставить, который будетъ на Москвѣ оплаченъ; также и за корабль „Рандольфъ“, нынѣ купленный, счетъ взять и по тому учинить большіе счета,—будетъ все на Москвѣ заплачено.

11. Указалъ царское величество, ежели датскій король матросовъ не дастъ, то въ Голландіи и въ Гамбургѣ нанимать.

12. Указалъ царское величество книгу данную фортификаціи добрыми инженеры засвидѣтельствовать и къ нему прислать.

13. Царское величество на доношеніе мое указалъ, когда къ миру будетъ склонность аліатовъ нашихъ, тогда ихъ министромъ предлагать, чтобы лучше особливому съѣзду для того мира быть, нежели въ Утрехтѣ учинить, а особливе во Гдан-

скѣ, и такимъ внушеніемъ отводить аліатовъ нашихъ къ продолженію того дѣла, а особливе польскихъ, и для того, что безъ министра рѣчи посполитой учинить не могутъ.

14. Также, когда аліаты медіаторами будутъ и обнадеживанія по инструкціи 7-ой статьи дадутъ, надлежитъ трудиться, чтобы въ иномъ мѣстѣ назначенъ былъ съѣздъ, а не нынѣ въ Утрехтѣ.

1712 г. сентября 14 (25).

15. Царское величество, бывъ на обѣдѣ у короля польскаго, мнѣ указалъ, когда статскую склонность увидимъ о вступленіи съ нами въ союзъ или къ нашимъ интересамъ, тогда имъ предлагать, чтобы 5 или 4 корпуса корабельныхъ изъ адмиралтейства царскому величеству перепустили безъ всякихъ припасовъ, только съ артиллеріею. А цѣною уговориться по настоящему; а деньги не въ одинъ годъ платить изъ пошлинъ у города.

16. Объявлять Статомъ къ подтверженію имъ въ обязаніе съ ними въ союзъ, что его царское величество будетъ имѣть флотъ на морѣ; хотя-бъ и союзники его оставили, весьма находитъ себя въ силѣ противу шведа оборонительно и наступательно войну имѣть.

1712 г. сентября 24 (октября 5).

17. Царское величество указалъ пріискивать одного въ министры въ Англію на мѣсто Лита.

1712 г. сентября 25 (октября 6).

18. Царское величество указалъ нанимать морскихъ офицеровъ по примѣру, какъ вице-адмиралъ наймовалъ.

1712 г. сентября 26 (октября 7).

19. Царское величество указалъ искать мастера, кто умѣетъ пушки на корабли лить желѣзныя легкія и крѣпкія, и, сыскавъ такого, подрядить.

1712 г. октября 4 (15).

20. Въ дорогѣ къ Лейпцигу царское величество разсуждалъ о Ливоніи: лучше ее отдать въ руки полякомъ, нежели непріятелю; и для того надлежитъ усматривать время: ежели къ нашему авантажу что пойдетъ, то не слабо къ тому сдаваться, а ежели—къ несчастію, тогда больше объявлять, что Ливонія будетъ уступлена коронѣ польской.

1712 г. октября 6 (17).

21. Указалъ царское величество протекцію дать стельсову аресту,—которое заарестовано у Бранта и Тессинга по челобитью Ивана, Петрова сына, Любса.

1712 г. октября 9 (20).

22. При отъѣздѣ своемъ, въ Лейпцигѣ къ прежнему указу его царское величество мнѣ словесно указалъ Головина Николая въ издержкѣ 13 тысячъ слишкомъ ефимковъ счесть и писать, по какому указу онъ тѣ вещи закупалъ, и по счету то все на немъ доправить.

23. Графу Головкину, великому канцлеру, я говорилъ, которая полномочная мнѣ дана къ съѣзду, ежели въ ней будетъ несходство съ другими, можно ли на латинскомъ языкѣ перемѣнить и поставить сходное противъ другихъ. На то позволилъ. О семъ также вѣдаетъ Василій Степановъ, статскій секретарь.

Каково подавать царскому величеству.

1712 г. августа 17 (28), въ Помераніи.

Хотя союзные на предложеніе наше о помощныхъ войскахъ отвѣтомъ медлятъ, однакоже надлежитъ весьма то доброжелательное намѣреніе царскаго величества союзнымъ внушать и тѣмъ нынѣ установленный кредитъ между обѣихъ потенцій содержать.

Разсуждаю быть оному медленному отвѣту, кромѣ другихъ причинъ, и для того, что союзные, вступя въ несогласіе съ Англіею и смотря на предбудущіе припадки, чаючи къ своему интересу, еще о продолженіи войны резолюціи не взяли.

Но когда склонность и резолюція аліатовъ къ продолженію войны будетъ, также и въ бóльшее несогласіе съ Англіею придутъ или весьма непріятельски другъ другу явятся,—тогда сіе дѣло равнымъ желаніемъ съ обѣихъ сторонъ къ окончанію приведено быть не можетъ. Того для надлежитъ резидующему министру въ Гагѣ имѣть въ запасъ пространныя инструкціи, дабы, усматривая при случаяхъ, не описываясь за дальностью больше ко двору, въ то дѣло вступалъ и къ окончанію приводилъ.

Нынѣ не чаю, чтобы было сходно больше о томъ какія формальныя предложенія чинить, но [слѣдуетъ] весьма въ молчаніи оставить. Однакоже, между тѣмъ, надлежитъ всегда чрезъ третью персону, а не прямо отъ себя, аліатомъ внушать о вступленіи въ союзъ съ царскимъ величествомъ. А о помощныхъ войскахъ,—съ субсидіи и на ихъ заплатѣ часть и безъ заплаты нѣкоторое число, какъ я о томъ прежде доношеніе чинилъ, чтобы на своей заплатѣ обѣщать отъ 5 до 6 тысячъ, о чемъ и указъ уже посланъ,—тó особливе чрезъ другія персоны намѣреніе царскаго величества Господамъ Статомъ внушать.

Мое мнѣніе есть, что нынѣ того весьма не надлежало и не надлежитъ предлагать, прежде не знавъ самаго ихъ намѣренія и склонности къ тому, ежели они въ то дѣло похотятъ вступить, и время самое на то позволитъ ли, понеже такія прибыточныя кондиціи обыкновенно при нужныхъ случаяхъ и къ своему бóльшему интересу на остатокъ объявляютъ, дабы весьма оное дѣло къ окончанію тѣмъ привести.

Предложеніе цесарскому двору о тѣхъ же помощныхъ войскахъ многократно учинено было. Я весьма себя въ томъ противнаго мнѣнія нахожу, чтобъ о помощныхъ войскахъ тому двору предлагать, для многихъ причинъ.

1. Цесарь такъ довольно имѣетъ своихъ войскъ, что отъ недостатка денегъ не можетъ оныя въ добромъ по-

рядкѣ содержать, нежели чужестранныя на свою заплату брать.

2. Цесарь такъ довольно войскъ имѣетъ, что, при нынѣшней негоціаціи въ Гагѣ о продолженіи войны, того двора министры въ предложеніяхъ своихъ Статомъ объявили дать войскъ цесарскихъ въ Брабантъ 50 тысячъ. Но весьма такого числа помянутые Статы войскъ принять и допустить въ тотъ край не хотѣли, для того что имѣютъ не малую желюзію, дабы при окончаніи войны цесарь съ такими войски усилиться не могъ и въ претендуемый отъ нихъ барьеръ свои гарнизоны посадить; но желаютъ, дабы тотъ дворъ, сверхъ половины помянутаго числа войскъ, деньгами вспомогъ. Посему видимо, что есть нужда больше въ помощныхъ войскахъ Статомъ, нежели тому двору.

3. Могу засвидѣтельствовать поступокъ министровъ того двора, резидующихъ въ Гагѣ, что тому нашему дѣлу первые помѣшатели были и явно говорили, что ни они, ни ихъ аліаты не имѣютъ въ тѣхъ войскахъ царскаго величества нужды. Сіе ихъ помѣшательство явно кажетъ [намѣреніе] не допускать чужестранныхъ войскъ въ службу статскую, для чего они принуждены были бы больше изслѣдовать по предложеніямъ цесарскимъ.

4. Изъ помянутаго предложенія о войскахъ въ обоихъ мѣстѣхъ, какъ въ Вѣнѣ, такъ и въ Гагѣ, по се число не могло къ лучшему иного быть, токмо что, отсылая одинъ на другого, продолжали; понеже одни весьма тому помѣшательми были и недостаточны въ деньгахъ, а другіе, знавъ оныхъ слабость и худое деньгами къ тому вспоможеніе, также неохотно въ то дѣло вступали.

Что же принадлежить о вступленіи въ великій союзъ противу Франціи со всѣми аліаты, а съ цесарскимъ дворомъ въ особливый аліансъ,—ежели въ оборонительный, то весьма цесарскій дворъ въ оный принужденъ вступить для своихъ интересовъ чрезъ каналъ голландцевъ, какъ сему явный примѣръ есть дворомъ датскимъ, понеже того двора помощныя войска изъ субсидій и заплаты отданы въ службу голландскую, чрезъ

который трактатъ нѣкоторою частью обязаны оборонительнымъ союзомъ. Того для и цесарь обязанъ чрезъ каналъ Голландіи оборонительно тому двору при нынѣшнемъ случаѣ противу намѣреній Англіи и Франціи вспомогать.

Сверхъ всѣхъ помянутыхъ моихъ доношеній, надлежитъ смотрѣть, при резолюціи къ продолженію войны между цесаремъ и Господами Статы, какимъ образомъ опредѣлять помощныя войска въ свою службу отъ другихъ принцевъ примать [будутъ], и по тому тогда поступать.

О вступленіи партикулярномъ въ союзъ оборонительный съ цесарскимъ дворомъ есть весьма нужда, для безопасности обѣихъ потенцій для предбудущихъ случаевъ, нынѣ, не упуская времени, учинить и сіе за начало доброе примать, чрезъ что можетъ и другимъ аліатомъ къ тому же концу не малую охоту придать.

А что по даннымъ прежнимъ инструкціямъ о дачѣ помощныхъ войскъ взаимно отъ аліатовъ требуется гарантія завоеванныхъ мѣстъ царскому величеству отъ Швеціи,—о семъ я [могъ] признать изъ разсужденія многихъ тамошнихъ господъ, что о возвращенныхъ провинціяхъ не чаю, чтобы такъ трудность могли имѣть, какъ о другихъ, а особливе о Ригѣ. По всѣмъ ихъ изъ словъ мнѣніямъ, гарантіи не учинятъ, но паче оную пристань хотятъ видѣть на такомъ же основаніи, какъ и Гданскъ, для вольныхъ своихъ коммерцій и великихъ прибытковъ.

Топерь доношу: ежели миръ между аліатами и Франціею учиненъ будетъ, по всѣмъ поступкамъ министровъ нашихъ аліатовъ видѣть можемъ, что оныхъ стараніе будетъ, дабы сѣвернымъ воюющимъ примириться. Того для надлежитъ заранѣе взять свои мѣры при такомъ случаѣ, ежели согласно послѣдовать съ ними, или, оставляя ихъ, весьма того мира убѣгать.

Топерь возвращаюсь на мое доношеніе о конференціяхъ съ ратпенсіонаріемъ, который упоминалъ, чтобы весьма убѣгать медіаторства Франціи. Сему мнѣнію я есть сходнымъ. Но при семъ съѣздѣ въ Утрехтѣ, ежели оныя предложенія отъ аліатовъ начнутся, то, конечно, Франція чрезъ Англію въ то же ме-

діаторство приведена будетъ, хотя Англія тѣмъ сама для лучшаго въ интересъ шведскій не похочетъ быть.

При всѣхъ тѣхъ случаяхъ опасность не малая будетъ, чтобъ аліаты отъ его величества не отлучилися: по томъ отлученіи нѣкоторыя потенціи, а особливе имперія, не будутъ имѣть нужды къ примиренію той сѣверной войны, развѣ Голландія и цесарь. Но и тѣ тогда посредники сильными въ интересъ его величества быть не могутъ, понеже отъ Франціи тѣсно сжаты будутъ.

Правда, надѣянія въ интересахъ царскому величеству больше имѣть ни на кого такъ не можемъ, какъ на двѣ помянунутыя потенціи, понеже оныя взаимно больше никакого упованія не имѣютъ къ своимъ интересамъ, какъ на его царское величество. И сіе обязательство дружбы между помянутыми тремя потенціи безъ снисканія учинилося отъ раздѣленія Англіи и соединенія съ Франціею. Особливе, когда Голландія при всѣхъ тѣхъ случаяхъ несходность съ Англіею имѣть будетъ, въ бо́льшее обязательство съ его величествомъ будутъ. А ежели нынѣ несчастливый и безчестный миръ чрезъ насиліе аглинское принуждены будутъ учинить, то неволею интересы оныхъ съ интересы его величества для предбудущихъ дальныхъ дѣлъ обязаны будутъ.

Инструкція господину послу, подполковнику отъ гвардіи князю Куракину въ добавку прежнихъ указовъ, въ которыхъ о слѣдующихъ дѣлѣхъ не было изображено.

1712 г. октября 6. Лейпцигъ.

1. О вспомочныхъ войскахъ Голландіи по прежде посланнымъ его царскаго величества указомъ нынѣ предложеніемъ надлежитъ пообождать, пока явится къ тому удобный случай, при которомъ предлагать отъ пяти до шти тысячъ пѣхоты россійскихъ войскъ на платѣ его царскаго величества, а на ихъ заплатѣ, сколько они пожелаютъ, только выше пятнадцати тысячъ всѣхъ не обѣщать къ вспоможенію имъ и ихъ

аліатомъ. А ежели будутъ желать и больше, то не отказывать, а описываться. Заплаты требовать противъ того, какъ они и другихъ потенцій войскамъ, въ службу къ нимъ перепущеннымъ, платятъ. Между тѣмъ надлежитъ чрезъ третью персону о тѣхъ доброжелательныхъ намѣреніяхъ его царскаго величества имъ, Статомъ, внушать.

2. О семъ же надлежитъ, по усмотрѣнію и по тогдашнимъ конъюктурамъ, и цесарскимъ министромъ, пребывающимъ у Господъ Статовъ Голландскихъ, предлагать, ежели они на то будутъ имѣть отъ двора своего пленипотенціи, чтобъ и они въ тотъ трактатъ купно съ Статы обязались.

3. А за перепускъ тѣхъ войскъ требовать, дабы они въ томъ договорѣ обязались, по окончаніи своей войны нынѣ съ Франціею, привращенныя наслѣдныя земли за его царскимъ величествомъ удержать; такожде и завоеванные городы король шведскій при договорѣхъ мирныхъ уступилъ бы его царскому величеству. А буде конечно того домочься будетъ нельзя, то его величество обязуется, по силѣ трактата, учиненнаго межъ его величествомъ и королевскимъ величествомъ польскимъ, Лифляндію по оному раздѣлу коронѣ польской уступить. Такожъ бы они, союзники, обязались ни при нынѣшнемъ генеральномъ съѣздѣ, ни впредь къ предосужденію его царскаго величества и союзниковъ его ничего не чинить, а особливо въ померанскомъ дѣлѣ его величеству съ его союзниками, съ королями датскимъ и польскимъ, по послѣдней мѣрѣ, не мѣшать, но еще вспоможеніе въ томъ чинить.

4. Сверхъ помянутаго обязательства, чтобы, по заключеніи ихъ мира съ Франціею, обязались противъ новыхъ непріятелей его царскаго величества, кто тогда будетъ явно или тайно шведу помогать, чинить всякое вспоможеніе и тѣхъ непріятелей до того не допускать въ нынѣшней сѣверной войнѣ.

5. Сей союзъ имѣетъ учиненъ быть наступательный или оборонительный, взаимно къ обѣихъ сторонъ интересамъ, какъ они пожелаютъ.

6. Ежели союзники будутъ предлагать свою медіацію о примиреніи сѣверной войны при нынѣшнемъ съѣздѣ, и оную министры датскіе и польскіе примутъ, объявя какія легкія свои къ тому кондиціи, и будутъ требовать, чтобъ и со стороны царскаго величества на то объявленіе чрезъ него учинено было,— то тогда ему объявить, что его царское величество медіаціи ихъ не отрекается, токмо желаетъ прежде отъ нихъ обнадеженъ быть, чтó они при томъ въ благопріятство его царскаго величества хотятъ учинить. И ежели будутъ желать объявить конечное намѣреніе,—его царское величество примаетъ ли ихъ медіацію, то тогда объявить, что, ежели они обнадежатъ, чтобы наслѣдныя земли, которыя шведы, вмѣсто вспоможенія своего, неправедно оторвали, яко за фундаментъ, не вмѣсто награжденія положены были, а остались при своемъ отечествѣ, то его величество ихъ медіацію пріемлетъ, и о прочихъ претенсіяхъ въ награжденіи будетъ объявлено при назначенномъ съѣздѣ.

7. Когда станутъ упоминать о Лифляндахъ и [пожелаютъ] намѣреніе его царскаго величества объ оныхъ вѣдать, тогда надлежитъ объявить въ генеральныхъ терминахъ, что его царское величество по прежней учиненной деклараціи непремѣненъ есть въ своемъ намѣреніи оные уступить коронѣ польской.

8. Трактатъ о коммерціи трудиться въ совершенство привести по прежнимъ указамъ. А что принадлежитъ, по разговорамъ пенсіонарія амстердамскаго Басанкура, о вольной торговлѣ во всей Россійской имперіи, то на сіе его царское величество соизволяетъ онымъ покупать во всѣхъ морскихъ пристаняхъ и на Москвѣ у торговыхъ людей, а не у посполитаго народа. А буде по сему не можетъ трактатъ заключиться, и будутъ требовать, чтобъ имъ покупать во всѣхъ городѣхъ,—и тогда объявить, что позволено будетъ и въ нѣкоторыхъ знатныхъ городѣхъ.

9. Что же онъ, пенсіонарій, говорилъ, дабы всѣ, на откупѣ обрѣтающіеся, товары были вольны, и на то его царское величество соизволяетъ всѣ откупы отставить, выключая

то, когда ради государственной нужды потребно будетъ какіе товары изъ казны продать.

10. О пошлинахъ инако невозможно учинить, какъ о томъ напредь сего уже резоны представлены, для чего то невозможно исполнить, а чтобы платили противъ прежняго. А ежели на которые товары предъ прежнимъ платежемъ какая прибавка учинена отъ тѣхъ лѣтъ, когда безспорно купцы голландскіе платили, то учинено будетъ облегченіе.

11. О свободномъ торгѣ хлѣба въ Россійской имперіи, его царское величество соизволяетъ покупать у торговыхъ людей, противъ 8-ой статьи, когда будетъ средняя и меньшая цѣна. А ежели будетъ выше той цѣны, тогда тотъ торгъ воспрещенъ будетъ, чтобы не оголодить своихъ людей, пока придетъ паки въ ту среднюю и меньшую цѣну. А на примѣръ ставится бóльшая цѣна въ Петербургѣ въ три рубля, средняя въ два рубля, меньшая въ полтора рубля; на Москвѣ—бóльшая въ полтора рубля, средняя въ рубль, меньшая въ полтину. А когда во время мирное хлѣбъ будетъ дешевле, тогда возможно о томъ согласиться.

12. О рижскомъ торгѣ объявить, что оный добрымъ порядкомъ и безъ всякаго помѣшательства отправляется, и комендантъ до того никакого дѣла не имѣетъ, но все магистратъ управляетъ. А для лучшаго въ томъ торговомъ дѣлѣ управленія приданъ къ нимъ президентомъ изъ россійскаго народа Илья Исаевъ, который имѣетъ указъ надзирать, чтобы добрымъ порядкомъ торгъ отправлялся. А для лучшаго управленія своей коммерціи, чтобъ ихъ подданнымъ не было никакой тягости, прислали бы своего агента туда въ Ригу, который бы могъ все то, живучи тамо, видѣть и, чтó къ исправленію надлежитъ, о томъ попеченіе имѣть. И ежели, по заключеніи сего трактата, они, Статы, дѣйствительно зачнутъ отправлять свой торгъ во всѣ пристани на Балтійскомъ морѣ, подъ державою его царскаго величества обрѣтающіяся, то онъ имѣетъ полную мочь постановить, что въ Ригѣ пошлины убавятся и будутъ браны противъ того, какъ у города Архангельскаго.

13. Ежели Франція и Англія будутъ предлагать его царскому величеству и его союзникомъ свою медіацію, тогда министрамъ аглинскимъ надлежитъ объявить въ генеральныхъ терминахъ, что его царское величество отъ принятія того медіаторства съ ихъ высокими союзники не отрекается, но прежде желаетъ обнадеживанія о наслѣдственныхъ провинціяхъ, какъ о томъ объявлено въ 6-мъ артикулѣ.

14. А на предложеніе Франціи министромъ французскимъ говорить по обычномъ благодареніи, что его царское величество имѣетъ не малое подозрѣніе отъ того двора, какъ чрезъ многіе слухи увѣдомленось объ учиненномъ союзѣ между Франціею и Швеціею. Ежели есть то правда, того ради воспрещаетъ право народное такую потенцію за медіатора принять. И когда министры французскіе за неправое наслушаніе обязательство со шведомъ вмѣнять будутъ, тогда надлежитъ имъ, французскимъ министрамъ, объявить, что его царское величество той ихъ медіаціи не отрекается; токмо прежде желаетъ, дабы они, со стороны короля своего, учинили письменную декларацію, что никакого трактата о союзѣ, заключеннаго съ королемъ шведскимъ, не имѣютъ. Притомъ отъ нихъ требовать, чтобъ они съ другими всѣми медіаторы равное же обнадеживаніе о наслѣдственныхъ земляхъ во владѣніе царскаго величества нынѣ учинили противъ того, какъ въ 6-мъ артикулѣ въ сей инструкціи написано. А когда учинятъ такое обнадеживаніе, то ихъ медіацію примать.

15. При такомъ случаѣ, когда Франція съ Англіею предлагать будутъ о медіаціи всѣмъ воюющимъ сѣвернымъ, тогда надлежитъ искусно предлагать Статомъ, также и цесарскимъ министромъ, и ихъ высокимъ аліатомъ, что его царское величество съ своими аліаты желаетъ ихъ медіаціи къ примиренію сѣверной войны, предъявляя съ обстоятельными резоны, что предложенная медіація Франціи и Англіи будетъ къ предосужденію властныхъ ихъ интересовъ.

16. А ежели союзные его царскаго величества министры, польскій и датскій, по предложенію одной стороны,—Франціи и

Англіи, или другой стороны,—всѣхъ аліатовъ, объявять ему, что весьма намѣрены той или другой стороны медіацію принять, а оные медіаторы помянутаго обязательства по инструкціи 6-го артикула не учинять, то безъ такого обнадеживанія за вѣрное основаніе прелиминарій не примать.

17. Когда союзные царскаго величества, датскій и польскій, вмѣстѣ партикулярно, безъ царскаго величества, съ короною шведскою трактовать будутъ, и оное къ окончанію заподлинно приходить будетъ, тогда писать въ Померанію къ генералу князю Репнину, которому указъ при такомъ случаѣ данъ имѣть со всѣми войски ретираду. [Затѣмъ, собственноручно]: Дано въ Лейпцигѣ октября въ 6-ой день 1712 г. Графъ Головкинъ.

Къ подлинной инструкціи приложена красная малая государственная сургучная печать, покоящаяся на двухъ цвѣтныхъ, тонкихъ шелковыхъ витыхъ шнуркахъ.

О своихъ властныхъ нуждахъ.

1712 г. октября 10 (21).

Въ Грибсвальдѣ просилъ я графа Головкина, чтобъ опредѣленную половину къ съѣзду, которая есть у Матвѣева, 4932 ефимка, мнѣ взять.

Сіе впредь надобно намъ всѣмъ напоминать для примѣра.

На то мнѣ сказалъ, что оная останется при Матвѣевѣ на подъемъ и для расплаты долговъ. Я въ томъ не воспрещалъ и такъ оставилъ.

Когда трактатъ о помощныхъ войскахъ постановленъ будетъ, тогда надлежитъ быть генералу командующему. А желаетъ быть князь Василій Долгорукій, a questa cosa bisogna impedire e farmi medesimo come lieutenant-général.

Mettere in libro della mia nascita la causa del'arcivescovo di Riazania.

Записать въ книгу рожденія.

1712 г. 14 (25) сентября въ Грибсвальдѣ въ померанскомъ походѣ пожалованъ я въ генералъ-майоры.

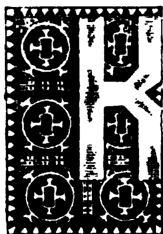
Г. канцлеръ коронный Шембекъ, именемъ короля своего, мнѣ объявилъ, что король его, нинѣ не имѣвъ при себѣ кавалеріи Бѣлаго Орла, обѣщаетъ впредь дать въ награжденіе вѣрныхъ моихъ услугъ къ общимъ интересамъ.

Когда царское величество мнѣ опредѣлилъ на съѣздъ 5 тысячъ ефимковъ, я просилъ, чтобы впредь не былъ оставленъ, ежели негоціація продолжится, или чрезвычайное что будетъ издержано.

И на то царское величество мнѣ обѣщалъ впредь опредѣлить.

О разговорѣхъ секретныхъ съ царскимъ величествомъ о намѣреніяхъ къ предбудущей кампаніи, также о мирѣ, и о продолженіи войны, и о дѣлахъ турецкихъ; къ тому же на предбудущее къ содержанію и правленію своего государства.

1712 г. октября 14 (25).

ъ сему я, съ своей стороны, многія предложенія чинилъ и мнѣнія въ нѣкоторыхъ дѣлѣхъ объявлялъ, что̀ все при семъ слѣдовать будетъ.

1. Въ предбудущую кампанію въ Финляндіи 30 тысячъ человѣкъ операціи военныя будутъ дѣлать, также и флотъ, ежели бы возможно, въ 15 кораблях линейныхъ и со многими судами, транспортъ дѣлать въ Швецію. А судовъ транспортныхъ будетъ хотя на 15 тысячъ въ Финляндіи, впервыхъ, чтобы доставать Або.

2. Армія другая въ 20 тысячъ будетъ оставлена въ Помераніи, ежели случаи позовутъ на то.

3. Третья армія при границахъ Украйны и Польши съ фельдмаршаломъ Шереметевымъ будетъ смотрѣть къ безопасности отъ революцій въ Польшѣ и прохода короля шведскаго, также и отъ турокъ.

4. Ежели бы турецкая война какимъ образомъ началась. то корпо войскъ въ Помераніи повинно ретироваться и, гдѣ случно, случаться съ Шереметевымъ.

5. Проходъ чрезъ Польшу, разсуждали, какимъ образомъ можетъ быть, и положили: [ежели], наприкладъ, чрезъ Польшу, то оный можетъ провоженъ быть турками до Гданска,—всего то способнѣе,—а оттуль моремъ; а ежели похочетъ въ Померанію, то далѣе турки не могутъ быть, какъ до прусскаго короля границъ. А потомъ царское величество сказалъ, что его пропустимъ въ Померанію, въ который городъ онъ похочетъ. А ежели пойдетъ чрезъ владѣнія цесарскихъ земель, тó намъ безъ труда, и оставляемъ въ его волю.

Я при семъ хотя и умолчалъ, токмо несходно будетъ съ [нашимъ] интересомъ его въ Стральзундъ въ соединеніе съ арміей пропустить.

6. Кампанія въ Помераніи внѣ произошла того ради, что несогласіе между аліатами было, какъ короля польскаго съ царскимъ величествомъ, такъ и датскаго, для того [что] учиненный проектъ къ той кампаніи былъ къ нашему предосужденію. Такимъ образомъ положено учинить прежде десантъ на островъ Рюгенъ и добывать Стральзундъ. И на тѣ операціи только суда транспортныя и артиллерію король датскій польскому далъ и адмирала своего Сегештеда прислалъ подъ команду короля польскаго.

Царское величество нашелъ сходно осаживать Штетинъ для многихъ причинъ: впервыхъ, для безопасности своихъ войскъ и лучшей коммуникаціи съ Польшею,—по взятьѣ же того, и прусскій дворъ могъ бы къ лучшему къ намъ прійти; другое, артиллерія на Стральзундъ есть недостаточна, а транспорта чинить невозможно за учиненными на ней крѣпостьми. Подъ тотъ же часъ шведы господами стали на морѣ и

датскій флотъ отогнали, и недостатокъ судовъ къ тому многій былъ.

А король польскій осаживать Штетинъ не похотѣлъ отъ желюзіи къ прусскому двору, а датскій артиллеріи не далъ для той осады. И того для всѣ тѣ дѣла продолжилися ажъ до прихода Штейнбока съ транспортомъ шведскимъ.

7. А потому принята резолюція всѣмъ войскамъ зимовать и ожидать зимы; ежели каналъ замерзнетъ, то идти на островъ и добывать непріятеля.

8. По окончаніи того счастливаго дѣла, будутъ приняты мѣры впредь.

Злого будетъ впредь послѣдованія.

9. А ежели ничего зимою учинено быть не можетъ, или недостатокъ провіанта будетъ, то, конечно, всѣ наши войска изъ Помераніи выйдутъ.

10. Я внушалъ, по возможности, войска въ Помераніи содержать во всю зиму, и хотя промысла учинено быть не можетъ, но для осмотрѣнія дѣлъ аліатскихъ съ Франціею. Къ чему одна или другая сторона лучше о насъ эстиму имѣть будетъ; паче-жъ и транспортъ шведскій взаперти содержанъ будетъ. Но ежели при нынѣшнемъ случаѣ войска изъ Помераніи царскаго величества ретируются, тогда и саксонскія также ретируются, и надлежитъ предусмотрѣть, какое злое послѣдствованіе можетъ изъ сего быть: корпо войскъ шведскихъ впадётъ въ Саксонію или въ Голштенію и принудитъ того или другого изъ аліатовъ къ миру, и тогда въ прежнюю силу такъ войдетъ, что и аліатовъ принудитъ съ Франціею къ миру.

Ежели разсуждать, что въ Голштенію не можетъ учинить [нападенія] для войскъ датскихъ,— но тѣ не есть въ состояніи; а въ Саксонію—для войскъ его, которыя изъ Польши ретируетъ, также изъ Брабанта ретировать можетъ. Къ сему-жъ, ежели, по выходѣ изъ Помераніи, наши войска, бывъ не отдалены, могутъ возвратиться и слѣдствовать въ Саксонію, сіе пріятно не будетъ самому королю польскому, и больше за трудность и за невозможность [слѣдуетъ] принять,

нежели зашедшее войско, хотя не всё, а частью въ Помераніи содержать.

Все сіе осталось въ нерѣшеніи съ молчаніемъ и притомъ со словами противными про своихъ аліатовъ, которое несогласіе, могу сказать, уже внутренно всѣяно.

11. Несогласіе, которое всѣяно между его царскимъ величествомъ и аліаты его, такъ твердо, что больше не могу сказать, но трудъ всякому должно прилагать оныхъ въ доброе согласіе приводить.

12. Разговоръ пространный царскаго величества со мною о морскомъ флотѣ.

Намѣреніе его есть постановить свой флотъ на Балтическомъ морѣ въ нумерѣ 21 корабля линейныхъ да фрегатовъ нѣкоторое число, котораго флота содержаніе со всѣмъ положено въ 600 тысячъ рублевъ. Притомъ объявлялъ опредѣленіе въ пищѣ, что предъ другими краи во всемъ удовольство, кромѣ пива, а вмѣсто того кислыя шти дѣлаютъ.

13. Разсуждалося при отъѣздѣ моемъ изъ Помераніи, чтó бы шведы могли дѣлать, ежели бы разореніе ихъ флота съ провіантомъ отъ датскаго учинилося. И флотъ датскій на морѣ до декабря и долѣе устоитъ, какъ датскаго короля прошено транспорта съ провіантомъ изъ Швеціи не допустить. Тогда, конечно, Штейнбокъ приметъ резолюцію, не поморя людей съ голода, съ острова чрезъ Стральзундъ перебраться и дать баталію съ войски царскаго величества. Сумнѣваюся, ежели бы оныя безъ указа могли то учинить; но больше чаю, что будутъ чрезъ рѣку Пену ретироваться и при тѣхъ мѣстѣхъ себя содержать.

14. Тогда разсуждали, что непріятель вступитъ для прокормленія на квартеръ въ мекленбургское дукатство, и его царское величество князю Меншикову указалъ въ ту землю за нимъ слѣдствовать.

15. Вице-адміралу Сегештеду съ 5-ю кораблями, [какъ] царское величество просилъ датскаго, зимовать въ каналѣ грибсвальдскомъ, а артиллеріи зимовать въ Анкламѣ, для того

[что] тутъ будетъ главный квартеръ и мѣсто, гарнизономъ усаженное.

16. Свиданіе положено быть царскому величеству съ королемъ датскимъ при поворотѣ изъ Карлсбада, гдѣ будутъ опредѣлять о принятіи мѣръ къ предбудущей кампаніи.

17. По всѣмъ причинамъ внутреннимъ двора нашего ожидать вѣдомости скорой, что войска наши изъ Помераніи отъ недостатка провіанта принуждены будутъ ретироваться, чего князь Меншиковъ ищетъ всегда.

18. Ежели турки и поляки коминчіеранно фаре гверра, то его царское величество резолюцію взялъ тутта ля Литуанія меттере инъ руина конъ и казаки, тартары и калмыки.

19. Во многихъ разговорѣхъ царское величество упоминалъ, что надо оставаться однимъ, и посему мнѣ къ миру слабо поступать не надобно.

20. Царскому величеству было о мирѣ предложеніе чрезъ Берчени, и что король шведскій къ сему склоненъ являлся. А сіе дѣло отозвалося чрезъ министра французскаго Фельвиля.

21. Царское величество говорилъ, для чего аліаты на наши предложенія не отвѣтствуютъ. На что я сказалъ, что себя сами рѣшить къ продолженію войны не могутъ; другое, охотнѣе были бы тогда, ежели бы видѣли шведскаго короля вонъ выйти: неопасны бы тогда были.

22. Царское величество мнѣ объявилъ, что, получа наши корабли, десантъ въ апрѣлѣ къ Або учинитъ или въ Швецію.

23. О проводѣ кораблей въ маѣ весьма противится и уже за невозможность считаетъ.

1712 г. октября 27.

Пріѣхалъ въ Гагу изъ Амстердама чрезвычайный посолъ и полномочный министръ, его свѣтлость князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ, гдѣ, по пріѣздѣ своемъ, изволилъ его свѣтлость стать на дворѣ ландграфа де-Гессена. И на завтрашній день, поутру, обослался его свѣтлость къ ратпенсіонарію секретаремъ г. Веселовскимъ.

Того же дня, послѣ обѣда, въ четыре часа былъ его свѣтлость у ратпенсіонарія на разговорѣхъ и того же дня посылалъ съ объявленіемъ пріѣзда своего къ агенту статскому г. Розенбауму.

1712 г. октября 28. Гага.

Статскій агентъ г. Розенбаумъ, сего числа, ввечеру, бывъ, объявлялъ церемоніалъ статскій, какимъ образомъ примаются министры перваго, средняго и меньщаго ранга.

Перваго ранга послы примаются такимъ образомъ.

По прибытіи въ Гагу, должно обослать статскаго агента Розенбаума и оному о своемъ пріѣздѣ объявить, который повиненъ о томъ объявить ратпенсіонарію и недѣльному президенту; въ то же время обеслать ратпенсіонарія и просить у него часа для свиданія, которая конференція идетъ только въ чинахъ поздравленія. А кто имѣетъ нужду, объявляетъ свои дѣла ему же. Тутъ объявляется копія съ кредитива и съ полномочной.

Потомъ посылается чрезъ лакея къ президенту недѣльному просить часа о свиданіи съ нимъ. Когда оный часъ назначенъ будетъ, тогда должно къ нему ѣхать въ домъ, и вручается ему кредитивъ съ копіею. Ежели посолъ не похочетъ брать аудіенцію публичную, то сіе врученіе кредитива въ домѣ президентовѣ считается вмѣсто аудіенціи приватной. А ежели посолъ похочетъ аудіенцію имѣть публичную, то можетъ оную грамоту удержать и отдать на публичной аудіенціи.

А въ публичной аудіенціи провожень бываетъ такимъ порядкомъ: статскаго двора посылается карета о шести лошадяхъ и съ ними два депутата для взятія посла. Когда пріѣзжають на дворъ, тогда президентъ повиненъ встрѣчать у кареты. И, по обыкновенію, такъ церемонія отправляется.

Инымъ образомъ: ежели посолъ похочетъ въѣздъ свой учинить, то, бывъ приватно у недѣльнаго президента, съ кредитива подаётъ одинъ списокъ, а грамоту удерживаетъ до своего въѣзда.

Многіе же дѣлаютъ другимъ образомъ: самую грамоту подаютъ президенту приватно такъ, какъ выше упомянулось, а притомъ объявляютъ, когда публично въѣздъ имѣть будутъ, дабы приняты были за тою же грамотою.

Когда конференцію посолъ похочетъ имѣть, то надлежитъ, прежде меморіалъ написавъ обыкновенный, которымъ просится о конференціи, подавать президенту по установленію здѣшнему. И меморіалы должны поданы быть чрезъ самого посла президенту въ домѣ его; однакожъ экскузу дѣлаетъ,—посылаетъ чрезъ своего секретарія.

Всѣ конференціи бываютъ съ послами въ домѣ ихъ посольскомъ, [такъ] что Господа Статы, выбирая по 8 и 9 человѣкъ, посылаютъ конферовать съ посломъ въ его домъ. А посолъ никогда не будетъ въ конференцію позванъ на дворъ статскій, развѣ токмо тѣ послы, которыхъ обязаны государи съ Статы въ великомъ аліансѣ быть. И тѣ повсянедѣльно въ назначенный день съѣзжаются въ камеру, которая называется де-треве, для того, что въ оной общее собраніе проходитъ безъ церемоніала всѣхъ. Но при всѣхъ объявленіяхъ публичныхъ дѣлъ, напримѣръ, о совокупленіи законнымъ бракомъ, рожденіи или смерти, всегда такъ поздравляютъ, какъ и кондоленцію отдавать водится,—самимъ президентомъ.

Надлежало было выше объявить, однако при семъ объявимъ.

Когда кредитивъ президенту подастся, то для признанія, въ какомъ характерѣ, назавтрее пріѣзжаетъ самъ президентъ къ послу и отдаётъ контровизиту. А ежели второго ранга какъ полномочный министръ, такъ и чрезвычайный посланникъ, то не можетъ получить себѣ контровизиты самимъ президентомъ, токмо обсылаются агентомъ статскимъ Розенбаумомъ.

По принятіи отъ Статовъ, въ томъ характерѣ должно обослаться ко всѣмъ министромъ чужестраннымъ, и потомъ всѣ безъ всякой трудности визиту отдаютъ обыкновенно: когда послу, то даётся правая рука, а посланникамъ правая рука не даётся, также и всѣмъ другимъ.

Надлежитъ вѣдать, даются ли кресла посланникомъ. Надлежитъ вѣдать, даются ли кресла резидентомъ.

Визиты записываются: кто преже отдалъ, тому и отдавать напредь.

Топерь объявляю о церемоніалѣ министровъ второго ранга.

Министръ полномочный во всемъ трактуется, какъ посланникъ чрезвычайный; токмо послы дѣлаютъ дистинкцію и отдаютъ первую визиту ему, министру полномочному; а ежели другимъ, то весьма отдана быть не можетъ.

Посланникъ чрезвычайный примается такимъ порядкомъ: когда подаетъ публично кредитивъ, то будетъ посланъ по него на дворъ агентъ статскій Розенбаумъ съ каретою о четырехъ лошадяхъ, и встрѣча будетъ двумя депутаты на верхнемъ крыльцѣ, и потомъ съ такимъ же почтеніемъ провожается на дворъ. Назавтрее пріѣзжаетъ поздравлять отъ Статовъ агентъ статскій Розенбаумъ.

Конференціи они всѣ повинны имѣть, какъ полномочные. такъ и посланники, на дворѣ статскомъ,—такія съ выпрошеніемъ чрезъ меморіалъ.

Когда обсылается съ министры, тогда всѣ визиты отдаютъ первые, кромѣ пословъ. Есть же, [что] и послы полномочные многіе дѣлаютъ.

1712 г. октября 29.

Его свѣтлость, бывъ у недѣльнаго президента г. Конэ. подалъ кредитивъ въ характерѣ полномочнаго министра, и по обыкновенію принятъ.

1712 г. октября 30.

Изъ Карлсбада указъ присланъ изъ Франціи архитектора привезть.

Отъ того же 30-го писано: велѣно нанять офицеровъ, генераловъ и другихъ прочихъ.

1712 г. ноября 1.

Статскій агентъ г. Розенбаумъ, бывъ на дворѣ у его свѣтлости, подалъ отъ статскаго собранія присланную резолю-

цію, которая при семъ на россійскомъ и голландскомъ языкѣ слѣдуетъ, о принятіи здѣсь его свѣтлости, яко полномочнаго министра при ихъ высокомочествахъ.

Выписка изъ записки рѣшеній высокомочныхъ Господъ Статовъ Генеральныхъ Соединенныхъ Нидерляндовъ.

Въ пятницу, 9 ноября н. ш. 1712 г.

Г. Конинкъ, президующій въ собраніи, доносилъ ихъ высокомочествамъ и объявилъ, что принцъ Куракинъ былъ у него и подалъ ему отъ его царскаго величества грамоту, писанную въ Петербургѣ въ 25 марта сего года, которая содержитъ вѣрющую ему, принцу Куракину, дабы онъ, яко министръ полномочный, со стороны вышепомянутаго его царскаго величества при ихъ высокомочествахъ резидовалъ. И по совѣтованіи о томъ, за благо изобрѣтено и указано симъ объявить, что помянутый г. принцъ Куракинъ въ вышеозначенномъ характерѣ ихъ высокомочествамъ благопріятенъ есть, и что оному аудіенція давана будетъ, или коммиссары имѣютъ присыланы быть, когда онъ о томъ ихъ требовать будетъ. И имѣетъ выписка съ сего рѣшенія ихъ высокомочествъ чрезъ агента Розенбаума помянутому принцу Куракину вручена быть.

Подписано: „Конинкъ", а ниже того: „Согласуется съ вышепомянутою выпискою. Фагель".

Каковъ указъ объявленъ Николаю Головину.

1712 г. декабря 3 (14). Гага.

казалъ его царское величество именнымъ своимъ указомъ у Николая Головина взять вѣдомость подлинную за его рукою о всемъ томъ дѣлѣ, которое учинилось въ Англіи въ отправленіи купленнаго корабля въ Бристолѣ „Венкюра", что нынѣ названъ „Викторія"; понеже, по доносительнымъ письмамъ Федора Салтыкова, его царское величество извѣстился,

что помянутый г. Головинъ обязался ему, Ѳедору Салтыкову, оный корабль управя со всѣми припасы, въ походъ идти съ нимъ самому ему до Копенгагена и поставить его въ цѣлости. А покупка того корабля цѣною есть 1220 пунтовъ, да на отправленіе къ тому и покупку припасовъ онъ, Ѳедоръ Салтыковъ, требовалъ еще 1780 пунтовъ стерлинговъ, — всего учинитъ 3000 пунтовъ. И то число къ нему было переведено.

Но потомъ онъ, г. Ѳедоръ Салтыковъ, доносилъ въ письмѣ своемъ царскому величеству, что помянутый г. Головинъ безъ его вѣдома забралъ всѣ новые припасы въ долгъ и долгу учинилъ всего на 3000 пунтовъ, и за нерасплатою отъ тѣхъ должниковъ оный корабль нынѣ остановленъ и въ путь идти не можетъ. Того для царское величество указалъ къ нему, Ѳедору Салтыкову, писать, чтобы припасы, у кого забраны, всѣ отдать тѣмъ купцамъ назадъ, а въ награжденіе имъ дать ефимковъ тысячи двѣ или три, и тѣмъ бы способомъ избыть отъ всѣхъ такихъ великихъ убытковъ; и о томъ писано. На что отповѣдь отъ него, Ѳедора Салтыкова, получена, что такимъ образомъ учинить невозможно и назадъ всѣ тѣ припасы корабельные отдать, для того что онъ, Николай Головинъ, всѣ старые припасы перерубилъ, и возвратить новые за тѣмъ невозможно.

Того ради его царское величество указалъ къ нему, Ѳедору Салтыкову, на расплату тѣхъ долговъ, которые г. Головинъ учинилъ, 3000 пунтовъ стерлинговъ перевести, которые и переведены; что всего учинитъ по двумъ переводамъ 6000 пунтовъ стерлинговъ за оный въ Бристолѣ корабль.

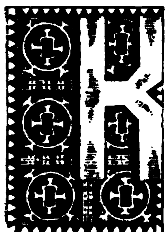
А у г. Головина указалъ взять о всемъ томъ дѣлѣ подробную вѣдомость и счетъ.

Того для требуется на все сіе вышепомянутое, противъ объявленнаго указа, письменное вѣдѣніе за приписаніемъ его руки.

Указъ его царскаго величества, премилостивѣйшаго нашего государя, объявленъ ему, г. Головину, въ Гагѣ 4 (15) декабря 1712 г. Князь Куракинъ.

О церемоніалѣ къ съѣзду утрехтскому, когда примутъ характеръ посольскій. Изъ сего нѣчто нужное выписавъ, ко двору объявлено.

1712 г. декабря 5 (16).

огда съѣздъ въ Утрехтѣ назначили, тогда опредѣлили при той негоціаціи быть всѣмъ министрамъ полномочнымъ для убѣжанія церемоніала, но при заключеніи трактата опредѣлили каждому взять характеръ посольскій. И при такомъ случаѣ что̀ должно въ церемоніалѣ генеральномъ обсервовать, также и партикулярно къ чести своего двора, и что̀ потребно къ тому экипажей,—о всемъ при семъ объявимъ.

Надлежитъ вѣдать, при такомъ случаѣ какъ министры нейтральные свой характеръ объявятъ.

Министры великаго аліанса противъ Франціи въ конгрессѣ опредѣлятъ время принять характеръ посольскій, и тогда будутъ обсылаться другъ къ другу и обвѣщать, что оный характеръ принялъ. И ежели кто кого напредь обошлетъ, тому другой долженъ прежде и визиту отдать.

Визиты церемоніальныя опредѣлены отдаваться такимъ образомъ: когда кто кого обошлетъ напередъ и поздравитъ съ счастливымъ пріѣздомъ, тому надлежитъ отдать визиту напредь.

Церемоніальная визита отдается: просится часъ назначенный, и дается часъ съ десяти часовъ до обѣда и до вечера, но время смотря, чтобы не при свѣчахъ примать. Въ такомъ случаѣ въ церемоніи публичная визита отдается въ каретѣ большой о шести лошадяхъ, въ которой самъ посолъ бываетъ; также и свита за нимъ,—другія двѣ кареты, каждая по шти лошадей, въ которыхъ жентиломы свиты посольской.

Пажи и другіе доместики по препорціи каждаго экипажа его. Однакожъ усматривается, чтобы было равное число: съ которымъ числомъ отдастъ единъ другому, то и другой тому противно повиненъ отдать съ такимъ же числомъ; также усматривается,—и въ равное время. И напримѣръ: доместиковъ

ежели опредѣляется 6 пажей, то надлежитъ быть 16 человѣкамъ лакеевъ; а ежели 4 человѣка пажей, то надлежитъ быть 12 человѣкамъ лакеевъ.

Также властно считается число жентиломовъ: ежели котораго приму съ шестью, властно и другой съ такимъ числомъ долженъ отдавать.

Въ проѣздахъ тѣхъ въ публикѣ весьма смотрѣть надобно, чтобы ранконтра въ улицахъ узкихъ не учинить съ другими кареты и не принудить бы другого, ни самому назадъ каретою отдаваться, изъ чего бываетъ не малый аффронтъ. Того для надлежитъ имѣть знающаго лакея, который долженъ напредь кареты идти заранѣй и осматривать такого ранконтра, и, усмотря, долженъ знакъ давать. Тогда надлежитъ изноравливать возницѣ малымъ движеніемъ кареты, не останавливаючись, давать время тому выѣхать, ежели тамъ уже напредь въ томъ узкомъ пути есть. А ежели твоя карета уже напредь выѣхала, то тому лакею переднему, о которомъ упомянули, надлежитъ дать знать, чтобы не ѣздилъ.

Тотъ же лакей повиненъ давать знакъ и въ широкихъ улицахъ ранконтра публичнаго, [указывая] ѣзду каретъ со свитою. И когда пріѣзжаютъ, другъ друга при томъ случаѣ долженъ смотрѣть декано, или старшій лакей, который при дверяхъ кареты всегда идетъ, и сказать долженъ, кто напреди съѣзжается. Ежели ранконтръ другого посла случится, то ему обсервовать,—буде позволять остановить кареты, чтобъ обѣимъ вдругъ остановиться: и когда между собою будутъ почтеніе дѣлать, то, чтобы кто кого прежде [не] поѣхалъ, смотрѣть, чтобы разомъ однимъ тронуться.

Въ проѣздахъ сзади никакимъ партикулярнымъ каретамъ, ни другимъ объѣзжать того, кто въ публикѣ ѣдетъ, не позволяется. И того для задней кареты два человѣка лакеевъ повинны оное обсервовать.

Также равнымъ образомъ, когда бы случилося ѣхать приватно двѣмя лошадьми самому, не долженъ другого въ публикѣ объѣзжать. И того для декану и возницѣ надобно усматривать

и объѣзжать другими улицами. А гдѣ неможно, то должно такъ ѣхать издали тихо, чтобы не дать знать, что за тою свитою послѣдствовали.

Когда публичная визита отдаётся, то лакей, который напредь послѣдствуетъ, долженъ напредь въ томъ домѣ дать знать, что уже на пути его господинъ обрѣтается, для того, чтобы не могла учиниться трудность въ томъ. Ежели посольская карета пріѣдетъ, и для встрѣчи кавалеровъ, которые еще не въ готовности будутъ, будетъ въ каретѣ своей ожидать долго, то изъ того нѣкоторый аффронтъ есть въ тѣхъ публичныхъ визитахъ.

Въ первой каретѣ посолъ, и кто съ нимъ есть насупротивъ его, о томъ надлежитъ провѣдать. Кругомъ той кареты пажи по обѣ стороны поровну. Лакеи всѣ напередъ передъ каретою. Позади первой кареты конюшій долженъ послѣдствовать верхомъ на лошади, потомъ другая карета съ кавалерами, при которой у дверей одинъ лакей; потомъ третья карета съ кавалерами, при которой также два пальфреньера. У первой кареты пбсторонь лошадей среднихъ цуговыхъ по одному пальфреньеру, т.-е. два, а у другихъ по одному для того, чтобы лошади въ ординѣ шли добромъ; также при поворотахъ заносятъ у переднихъ лошадей постромки.

Надлежитъ подлинно вѣдать, какимъ образомъ кресла, которыя подъ балдахиномъ стоятъ, при томъ случаѣ поставлены, и въ нихъ кто садится ли. А ежели не садятся, то послы въ какихъ сидятъ, и въ какой линіи ставятъ, въ равной ли или нѣтъ, и всѣмъ ли, напримѣръ, посломъ принцевъ имперскихъ, такъ ли, какъ и другихъ коронованныхъ, въ платьѣ какомъ и въ особыхъ ли робахъ.

Пріемъ въ домѣ и провожанье должно дѣлать взаимно. А обычай есть: жентиломы встрѣчаютъ у кареты, и напередъ идутъ молодшіе, а потомъ старшіе. А посолъ самъ встрѣчаетъ у дверей дома, а провожаетъ до кареты. И какъ въ пріемѣ, такъ и въ провожаньи жентиломы домовные должны идти напредь, а пріѣзжимъ дать мѣсто почтеннѣе за ними послѣдствовать. А по нихъ послы идутъ,—хозяинъ дома, давъ правую руку пріѣзжему. И такимъ образомъ равно и въ дверяхъ проходятъ въ камеру аудіенціи подъ балдахинъ, и уже уготованныя кресла двои есть

въ равной линіи, у которыхъ по одному жентилому стоять, и, давъ правую руку пріѣзжему послу, вмѣстѣ садятся. Притомъ оный жентиломъ, который у креселъ пріѣзжаго посла стоитъ, долженъ смотрѣть, чтобы пріѣзжій посолъ не обернулъ креселъ своихъ спиною къ балдахину, и того для тѣ кресла долженъ содержать въ рукахъ крѣпко.

Потомъ оные ретируются, и тогда камердинеръ долженъ стоять у дверей камеры аудіенціи и тѣ двери затворить; а ежели есть завѣса у дверей, то завѣсою задернуть. Тому же камердинеру, стоя при дверяхъ, слушать руморъ движеніемъ креселъ, и когда вставать станутъ, тогда завѣсу или двери тому отдернуть. И потомъ обыкновенно кавалеры по два напредь идутъ, а потомъ послы.

Послу самому принадлежитъ смотрѣть, и ежели оный пріѣзжій посолъ рукавицы на рукахъ имѣетъ, то равнымъ образомъ самому надлежитъ учинить.

Та обсылка бываетъ чрезъ какого человѣка,— надлежитъ вѣдать.

Когда обсылаются послы просить часа дать визиту, то надлежитъ министру церемоніи, съ вѣдома посольскаго, опредѣлить часъ и между однимъ и другимъ разности часъ давать или полчаса, чтобъ одинъ съ другимъ при домѣ не могъ съѣхаться, изъ чего можетъ учиниться всякій дизординъ. Когда всѣ визиты отдадутся, тогда надлежитъ по запискѣ, изъ протокола выписавъ, начинать отдавать контровизиту, начавъ съ того, который тебѣ визиту напредь отдалъ. И у всѣхъ тѣхъ надлежитъ, за день обсылавшись, просить часа и въ назначенный часъ пилновать, чтобы пріѣхать, а не прежде.

Какую рѣчь говорить, на письмѣ прежде опредѣлить.

А по пріѣздѣхъ говорится обыкновенная рѣчь, и обнадеживаютъ другъ друга въ продолженіи коррищпонденціи и дружбы своихъ потентатовъ.

О сей обсылкѣ надлежитъ справиться и вѣдать, что въ такомъ случаѣ дѣлать.

Ежели случай припадетъ такой, [что], когда ты обошлешь перваго просить часа для визиты, оный, не имѣвъ времени того дня или на другой, будетъ отговариваться, то надлежитъ

къ нему обосляться чрезъ жентилома, чтобы не принято было за зло, что, не упуская времени, будешь другому визиту отдавать.

И потомъ обсылать другихъ по́-ряду.

Надлежитъ вѣдать, чрезъ кавалера-ль или чрезъ декана.

Та обсылка для выпрошенія часа бываетъ чрезъ......

Приватныя визиты бываютъ въ каретахъ, купэ о двухъ лошадяхъ, или въ большихъ, однакоже свиты не меньше двухъ пажей и шести человѣкъ лакеевъ; бываетъ временемъ и объ одномъ пажѣ, тогда о четырехъ лакеяхъ.

Надлежитъ подлинно о семъ вѣдать.

А ежели къ конференціямъ съѣзжаются въ назначенную залу, или хотя въ домъ котораго назначатъ, тогда надлежитъ ѣхать цугомъ и со свитою двухъ каретъ обыкновенныхъ, также и со всѣмъ полнымъ числомъ доместиковъ.

Къ столамъ когда зовутъ трактовать, чинится чрезъ пажей или жентиломовъ, и къ тѣмъ столамъ ѣздятъ обыкновенно въ каретахъ о дву лошадяхъ приватнымъ лицомъ. Весьма смотрѣть надлежитъ и вѣдать заранѣе, кто при томъ столѣ будетъ званъ, и ежели который посолъ тебѣ есть равнымъ, изъ чего думаешь быть предосудительному чести твоего характера, то не должно въ оное обязываться и должно отказать заранѣй.

Ежели же самому случится звать, также избирать весьма надобно компанію согласную, чтобъ одинъ другому подлежалъ въ почтеніи.

Надлежитъ о семъ вѣдать.

Ежели посолъ въ характерѣ, то при столѣ такомъ надлежитъ ему взять мѣсто, давъ правую руку другимъ посламъ, а не другимъ партикулярнымъ, которые при томъ столѣ обрѣтаются. Можетъ быть, что посламъ ставятся кресла, а другимъ простые стулы.

Всѣмъ приходящимъ, кромѣ персонъ съ характеромъ, не можетъ дать посолъ мѣста сѣсть по правую руку, того для отправляется стоя. А ежели котораго почтить, то въ откровенности будто себя надлежитъ показать и взять того въ габи-

нетъ, а въ такомъ случаѣ садятся, гдѣ кому случится, безъ церемоніи.

Надлежитъ вѣдать подлинно, ежели посолъ можетъ до кареты провожать или до котораго иного мѣста; а простыхъ— также чрезъ своихъ ли жентиломовъ.

Когда дамъ имѣютъ въ домѣхъ своихъ послы, то посольскихъ примаютъ почтеніемъ бо́льшимъ предъ другими; также и другимъ надлежитъ всякую учтивость учинить.

Балы когда даются, не чаю, чтобъ иное можно что престерегать, кромѣ того, что весьма не надлежитъ танцовать, для того [что] въ томъ есть престорожность, чтобы самому по комъ не послѣдствовать танцуя, или чѣмъ другой дамѣ аффронта не учинить. А ежели случится балъ дать въ своемъ домѣ, то не что иное смотрѣть, токмо то, какимъ образомъ зачать танцовать, чтобы никоторой дамѣ предосужденія не да́ть. И того для способъ изысканъ: начинать танцемъ аглинскимъ для того, что обще всѣ во много паръ, а потомъ начинаютъ, кто хочетъ.

Когда бываютъ конференціи, обще всѣмъ большая трудность есть, которому надлежитъ свое мѣсто подъ которымъ имѣть, а другому и правую руку дать. Того для надлежитъ описываться ко двору и притомъ объявить, выписавъ съ прежнихъ примѣровъ, у которой короны съ которою въ мѣстахъ претенсіи бывали и въ чемъ; также и съ принцевъ имперскихъ послы какъ поступить, объявя примѣръ Франціи, какъ оная съ ними поступаетъ, также и другимъ образомъ, какъ Англія съ ними поступаетъ и Гишпанія. Въ примѣръ сему короны польской не ставлю, для того что мало отъ той пословъ при съѣздахъ бывало. А датской и шведской короны въ примѣръ также не могу ставить, для того что обѣ тѣ обязаны владѣніемъ нѣкоторыхъ провинцій въ имперіи и называются, потому, члены имперіи.

О сихъ противностяхъ другимъ не говорить, но вѣдать примѣрами надлежитъ.

Я разсуждаю наибо́льшей трудности быть съ польскимъ и датскимъ, для того что, ежели, по учиненіи своего мира, аліаты предложатъ свою медіацію и будутъ медіаторы, напри-

кладъ, цесарь, Францiя, Англiя и Статы Голландскiе, то всегда они свое мѣсто медiаторское имѣть будутъ; но алiатовъ сѣверныхъ министры вмѣстѣ будутъ. Того для надлежитъ опредѣлить, какъ поступать въ такомъ случаѣ съ министры, польскимъ и датскимъ.

При семъ же объявляется, въ чемъ надлежитъ имѣть предосторожность къ министромъ шведскимъ и въ какихъ ранконтрахъ. И при такомъ случаѣ что случится, то дворъ долженъ содержать и за зло не принять.

О всемъ церемонiалѣ въ визитахъ и другихъ надлежитъ знать, ежели одинъ съ другимъ письменно тó долженъ постановить или словесно.

Надлежитъ опредѣлить, какимъ образомъ объявляются полномочная въ конгрессѣ и кредитивъ посольскiй; также какимъ образомъ меморiалы подаютъ и протестацiи дѣлаютъ, и акты, и другiя случающiяся дѣла; какимъ образомъ обходиться съ послы гишпанскими и признавать ли Филиппа, дука д'Анжу, за короля гишпанскаго и другихъ: савойскаго—сицильскимъ, баварскаго—сардинскимъ, какъ чаемо есть быть тѣмъ признаннымъ за королей при нынѣшнемъ съѣздѣ утрехтскомъ отъ всѣхъ изъ предложенiй милорда Страффорда.

[Каково] предложенiе словесное учинено ратпенсiонарiю, при семъ слѣдствуетъ.

1712 г. декабря 6 (17). Гага.

отя миръ между Францiею и высокими алiаты чаянiемъ есть уже близъ своего конца, однакоже нѣтъ видовъ, дабы къ удовольствованiю всѣхъ алiатовъ могъ быть, а особливо сей республики. И на предбудущее усматривается, что сiя республика не безъ опасности есть отъ согласiя нынѣ потенцiй: Францiи, Англiи и Швецiи.

Но взаимно сему сiя республика съ другими своими алiаты, надѣюся, будетъ брать противныя мѣры въ осторожность отъ

помянутаго согласія потенцій, и не что иное, [какъ чтобы] престеречь взаимно интересы датскаго короля, какъ помянутые согласны есть престерегать шведскіе. И, не хотя въ дальное разсужденіе о семъ вступать, оставляю тѣмъ, кому властными интересы надлежитъ.

Топерь разсуждаю быть за потребно предложить высокомочнымъ Господамъ Статамъ, что́ принадлежитъ къ властнымъ ихъ интересомъ, о коммерціи въ Балтическомъ морѣ, дабы для свободной навигаціи,—которой нынѣ есть со стороны шведской не малыя прешкоды, какъ уже нѣсколько взятыхъ кораблей подданныхъ Господъ Статовъ еще и донынѣ въ Швеціи за арестомъ удержаны,—высокомочные Господа Статы по прежней своей резолюціи на весну со флотомъ торговымъ одну шкварду военныхъ кораблей для провожанія въ Балтическое море велѣли отправить и тѣмъ къ безопасности коммерцію подданныхъ своихъ уставить.

Собранное все къ вѣдѣнію для вступленія въ негоціацію мирную.

[1712 г.]

Сіе токмо выписано для вѣдѣнія, но иного надписанія не требуется *).

Лифляндія, провинція Сармаціи Европской, надлежала прежде сего королю польскому, но нынѣ, почитай, вся есть подъ владѣніемъ короля шведскаго; раздѣлена на двѣ части—Эстляндію и Летонію. Острова Эзель и Даго сочиняютъ одну долю Лифляндіи, а надлежали прежде сего королю датскому, но потомъ въ 1645 г. шведы оные завоевали, и уступлены имъ чрезъ миръ, учиненный въ Брёмзебро. Также они, шведы, имѣютъ бо́льшую часть во владѣніи, а король польскій—весьма мало, кромѣ города Дюнабурга. Рига есть столичный городъ въ Летоніи, въ которой обрѣтаются города Дюнабургъ, Маріенбургъ, Крейцбургъ и пр. Въ Эстляндіи суть Дерптъ, Вольмаръ, Нарва и пр. Многіе принцы, желая присовокупить себѣ

*) Замѣтки на лѣвой сторонѣ писаны собственноручно кн. Б. И. Куракинымъ. Ред.

сію Лифляндію, начинали войны, но народъ отдался въ владѣніе королю польскому; а шведы и москвитяне чинили во оной завоеванія. Стефанъ Баторій, король польскій, выгналъ изъ оной москвитянъ. А шведы завладѣли оною въ 1617 г. силою и коварствомъ. Москвитяне уступили свои права Владиславу, королю польскому, въ 1604 г. А потомъ, одинъ годъ спустя, тотъ же король учинилъ трактатъ въ Стурсдорфѣ со шведами 12 сентября. По сему трактату учинено перемиріе на 26 лѣтъ, даже до 1661 г. По силѣ онаго шведы имѣли владѣть во все то время всѣмъ, что̀ они получили къ сѣверной сторонѣ Двины; но потомъ все оное имъ весьма уступлено чрезъ миръ оливскій, учиненный въ 1660 г.

Сіе также выписано для вѣдѣнія, но иного надписанія не требуется.

Рига, столичный городъ Лифляндіи, построенъ отъ Альберта, третьяго бискупа лифляндскаго, или, какъ другіе пишутъ, отъ Бертольда, также бискупа лифляндскаго, въ 1186 г., который тамъ же уставилъ престолъ бискупскій. Сія церковь учинена архіепископствомъ въ 1217 г. отъ папы Иннокентія III и учинилась митрополитною церковью всей Лифляндіи, Пруссъ и Курляндіи. Кавалеріи ордена шпадона [sic], а потомъ великій майстеръ ордена тейтоническаго въ Пруссахъ имѣли пополамъ судъ и самодержавство съ архибискупомъ даже до премѣны вѣры. Въ то же время война московская понудила жителей рижскихъ имѣть убѣжище къ королю польскому, которому поддались самоохотно въ 1561 г. Каролъ IX, король шведскій, осадилъ Ригу въ 1605 г., но принужденъ былъ ту осаду оставить. Такимъ же образомъ въ 1609 г. сынъ его Густавъ Адольфъ былъ въ томъ его счастливѣе и взялъ сей городъ въ 1621 г. Съ того времени шведы владѣли онымъ нѣсколько лѣтъ, пока москвитяне хотѣли, было, оный взять, но, по потеряніи нѣкоторой части своихъ войскъ, принуждены были оставить осаду.

Справиться надлежитъ, Деритъ есть въ самой ли Эстляндіи или въ Ливоніи, также Перновъ. Что же принадлежитъ особливе о

Эстляндія, провинція лифляндская, надлежащая нынѣ королю шведскому, содержитъ въ себѣ Эстляндію самую, Гарляндію и Вирляндію и пр. Главные го-

Перновѣ, то по картѣ, и по описанію нѣкоторыхъ новыхъ географовъ, являются два и называются Перновъ Старый и Перновъ Новый,— одинъ въ Эстляндіи, а другой въ Ливоніи. При семъ же надлежитъ, освѣдомившись подлинно, приписать, чѣмъ раздѣляется Эстляндія съ Ливоніею.

рода въ ней суть: Нарва, Ревель, Дерптъ, Перновъ, Гапсаль и пр.

Больше къ сему городу не требуется приписать, какъ приналежитности всего владѣнія той провинціи, которыми разграничиваетъ съ другими.

Ревель, городъ ганзеатическій въ Лифляндіи, столица провинціи эстляндской. Вольдемаръ II, король датскій, оную построилъ въ 1250 г., а въ 1347 г. Вольдемаръ III продалъ оную и съ городами Нарвою и Везенбергомъ великому майстеру ордена тейтоническаго за 19 тысячъ марокъ серебряныхъ. Въ 1565 г. сей городъ поддался подъ протекцію Эрика, короля шведскаго, для обороны противъ москвитянъ, которые осадили безъ всякой удачи въ 1570 и 1577 гг. Городъ Ревель началъ быть пространенъ въ купечествѣ въ 1477 г., и тотъ торгъ содержался въ ономъ до 1550 г., въ которомъ времени взяли москвитяне городъ Нарву и тамъ установили торговлю, которую прежде сего имѣли въ Ревелѣ.

Надлежитъ справиться въ канцеляріи съ гисторіею государственною, ежели съ симъ будетъ сходно. При семъ надлежитъ приписать, какія села или другія земли къ нему прилежатъ, и означить границу самую прежняго владѣнія россійскаго.

Дерптъ, городъ лифляндскій, издревле назывался Дорпатумъ, а отъ москвитянъ именуется Юрьевъ городъ, которые владѣли онымъ до 1230 г., въ которомъ взятъ былъ сей городъ отъ великаго майстера ордена тейтоническаго и учиненъ бискупствомъ, подлежащимъ митрополитству рижскому. Въ 1558 г. великій князь московскій взялъ оный городъ назадъ безъ всякаго супротивленія, понеже жители пришли въ такой великій страхъ, что по первому позыву сдались. Въ 1571 г. Рейнольдъ

Розе, шляхтичъ той земли, умышлялъ тотъ городъ отдать въ руки Магнуса, дука голштейнскаго; но когда то его намѣреніе открылося, тогда взятъ и убитъ былъ отъ москвитянъ. Потомъ сей городъ возвратился подъ корону польскую со всею достальною землею лифляндскою чрезъ миръ, учиненный въ 1582 г. между княземъ московскимъ и королемъ польскимъ. Но въ 1625 г. шведы взяли оный отъ поляковъ во время правительства Густава Адольфа, короля шведскаго.

Сіе токмо выписано для вѣдѣнія, ежели сходно сіе вѣдѣніе съ гисторіею государственною. И ежели за потребно разсудится,—здѣсь приписать всѣ къ ней принадлежитности селъ и земель, которыя разграничиваютъ всю ту провинцію отъ другихъ.

Нарва—городъ лифляндскій, лежащій подлѣ берега гольфа Финляндскаго, провинціи ингерманландской; по ту сторону рѣки лежитъ крѣпость Иванъ-городъ, которую построили москвитяне на каменной горѣ. Рѣка течетъ, почитай, вкругъ всей той крѣпости, такъ что оную крѣпость разсуждали за невозможно взять по тѣхъ мѣстъ, пока Густавъ Адольфъ, король шведскій, оную взялъ въ 1617 г. Внизу сей крѣпости есть мѣсто, зовомое Нарва Россійская, для розности въ называніи другой Нарвы, Тейтонической, или Нѣмецкой, который есть городъ настоящій. Великій князь московскій взялъ Нарву въ 1558 г., а король шведскій возвратилъ оную назадъ въ 1581 г. Съ того времени оная надлежала шведамъ, которые начали владѣть крѣпостью Ивангородскою токмо съ 1617 г.

Ингерманландія, инако зовомая Ижорская земля, надлежала напредь сего къ москвитяномъ, которые оную уступили шведамъ чрезъ трактатъ, учиненный въ 1617 г. Главныя крѣпости въ оной суть: Нотебургъ, Иванъ-городъ, Копорье, Ямы-городъ, Ганъ и пр.

Границъ сей провинціи не нужно вѣдать, понеже другими должна окружена быть; токмо надлежитъ здѣсь приписать о прилежащихъ къ ней островахъ въ Финляндскомъ гольфѣ, которые по прежнему россійскому владѣнію принадлежали. А особливе надлежитъ вѣдать, какъ назывался отъ шведовъ островъ Котлинъ. Объ Иванъ-городѣ надлежитъ подлиннѣе освѣдомиться, ежели въ ингерманландской провинціи есть, или въ другой которой россійскаго же владѣнія; и при семъ приписать, чего для о семъ нужнѣе другихъ вѣдать. Когда придетъ къ прелиминарнымъ статьямъ, то о провинціяхъ наслѣдственныхъ какъ сход-

нѣе тогда изобрѣтется;—или генеральнымъ терминомъ заключено будетъ, или особливо всякій городъ и крѣпость назначена будетъ. Городъ Ганъ, о которомъ я несвѣдомъ, гдѣ оный лежитъ?

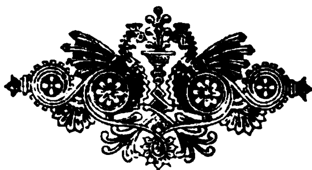
Надлежитъ приписать къ тому городу прежнія принадлежитности земель или уѣздъ, и границы владѣнія россійскаго.

Кексгольмъ — провинція королевства шведскаго въ Финляндіи. Столица оной называется тѣмъ же именемъ, а москвитяне называютъ Карель-городъ. Шведы владѣютъ оною провинціею отъ 1617 г. Главныя мѣста, послѣ города Кексгольма, суть: Тайпала, Поренза.

Сіе выписано токмо для вѣдѣнія. А о Выборгѣ нигдѣ не пріискано, и къ нему иного вѣдѣнія не требуется, какъ о принадлежитностяхъ всей провинціи и о разграничиваніи съ другими, также объ островахъ и пристаняхъ.

Финляндская великая земля шведская приноситъ титулъ герцогства; была давана иногда во временное владѣніе королевскимъ дѣтемъ. Въ оной обрѣтаются шесть провинцій, а именно: Каянія и Финляндія на гольфѣ Ботническомъ, Нюляндія и Карелія на гольфѣ Финляндскомъ, Кексгольмъ при озерахъ Ладожскомъ и Онежскомъ, Саволусъ и Таваст-гусъ въ срединѣ земли.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Томъ V „Собственноручныя сочиненія кн. Б. И. Куракина", стр. 114—179, 299; №№ хронологической описи 1459, 1533. Т. XXVIII „Протоколы посольствъ кн. Б И. Куракина. 1711—1715 гг.", стр. 39—60, 68, 70—72, 78—85, 87—95, 144—179, 107—108; №№ 1193, 1195, 1222, 1234, 1244, 1245, 1315, 1363/а, 1363/б, 1368, 1384, 1388, 1417, 1439, 1455, 1459, 2152. Т. XLVI „Министерскія дѣла кн. Б. И. Куракина. 1712—1716 гг.", стр. 46—54, 81—95, 181—184, 209—221, 239—241; №№ 1511, 1515, 1519, 1521, 1773. Т. LIX „Реляція кн. Б. И. Куракина. 1710—1711 гг.", стр. 237—238; № 1199. Т. LXVII „Проекты и мнѣнія кн. Б. И. Куракина. 1711—1717 гг.", стр. 366—376, 182—192, 225—232, 277—299, 201—207, 261—276; №№ 653, 658, 1474, 1774, 2163, 2167. Т. LXIX „Записки дѣлъ кн. Б. И. Куракина. 1712—1713 гг.", стр. 34—38, 40, 73—74, 134—140, 69—70; №№ 1529, 1541, 1576, 1578, 1587].

ФАМИЛЬНЫЯ БУМАГИ

И ПЕРЕПИСКА СЪ РАЗНЫМИ ЛИЦАМИ

князя

БОРИСА ИВАНОВИЧА КУРАКИНА

1661—1712 гг.

831. Данная на загородный дворъ и огородъ кн. Григорію Семеновичу Куракину.

1661 г. августа 30.

Лѣта 7169 [1661] августа въ 30 день, по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михаиловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, указу думный дворянинъ Прокопій Козьмичъ Елизаровъ, да дьяки Аѳанасій Башмаковъ, да Ѳедоръ Протопоповъ дали данную боярину князю Григорью Семеновичу Куракину на загородный дворъ и огородъ сестры его, боярина князь Юрья Андреевича Сицкаго жены, боярыни вдовы княгини Фетиньи Володимеровны, чтó за Срѣтенскими вороты, за Деревяннымъ городомъ, потому:

Въ нынѣшнемъ во 169 [1661] году іюня въ 5 день билъ челомъ великому государю царю и великому князю Алексѣю Михаиловичу, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, бояринъ князь Григорій Семеновичъ Куракинъ. А въ челобитной его написано: загородный у него огородъ тѣсенъ, капусты посадить негдѣ; а боярина-де князь Юрья Андреевича Сицкаго боярыня вдова княгиня Фетинья Володимеровна, а его сестра, хочетъ по обѣщанію постричься, а у нея-де есть загородный огородъ, и великій государь пожаловалъ бы его тѣмъ сестры его загороднымъ огородомъ.

И въ Земскомъ приказѣ о томъ загородномъ мѣстѣ выписывано въ книгахъ въ дачахъ дворовыхъ. Прошлаго 152 [1644] года августа въ 28 день написано:

По указу великаго государя дано боярина князь Юрьевской женѣ Андреевича Сицкаго, боярынѣ вдовѣ княгинѣ Фетиньѣ Володимеровнѣ мужа ея, боярина князь Юрья Андреевича, загородный дворъ и съ огородомъ за Срѣтенскими вороты, за Деревяннымъ городомъ, у убогихъ домовъ, противъ князь Иванова огорода Татева. А по мѣрной

памяти подьячаго Левонтья Иванова прошлаго 152 [1644] года въ мѣрѣ того князь Юрьевскаго двора и съ огородомъ вдоль по дорогѣ, что ѣздятъ къ убогому дому, до ручья сто саженъ, поперегъ отъ дороги до ручья же пятьдесятъ семь саженъ, позади, поперегъ отъ дороги, по ручей же шестнадцать саженъ; и данная ей изъ Земскаго приказа на то мѣсто дана іюня въ 18 день.

Въ Земскомъ приказѣ боярина князь Юрья Андреевича Сицкаго жены его, боярыни вдовы княгини Фетиньи Володимеровны, человѣкъ Григорій Ярцевъ сказалъ: о которомъ-де загородномъ дворѣ и огородѣ боярыни его, вдовы княгини Фетиньи Володимеровны, бьетъ челомъ великому государю бояринъ князь Григорій Семеновичъ Куракинъ, и тѣмъ-де даннымъ дворомъ и огородомъ боярыня вдова княгиня Фетинья Володимеровна поступилась боярину князю Григорію Семеновичу, и впредь ей до того загороднаго двора и огорода дѣла нѣтъ, и къ той своей сказкѣ руку приложилъ.

И августа во 2 день думный дворянинъ Прокопій Козьмичъ Елизаровъ, да дьяки Аѳанасій Башмаковъ да Ѳедоръ Протопоповъ, слушавъ о томъ загородномъ дворѣ и огородѣ выписки, велѣли тотъ загородный дворъ и огородъ дать боярину князю Григорію Семеновичу Куракину и дать ему на тотъ дворъ и огородъ данную, и по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михаиловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, указу боярину князю Григорію Семеновичу Куракину сестры его, боярыни вдовы княгини Фетиньи Володимеровны, загороднымъ дворомъ и огородомъ владѣть по сей данной.

Къ сей данной думный дворянинъ Прокопій Козьмичъ Елизаровъ печать свою приложилъ.

На оборотѣ столбца скрѣпа такова: Дьякъ Аѳанасій Башмаковъ.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 1372 „Копіи съ купчихъ и съ прошеній и разныя приказныя дѣла", стр. 228—229; № хрон. описи 022].

832. Выпись изъ писцовыхъ и переписныхъ дмитровскихъ книгъ Ларіону [Ѳедору] Аврамовичу Лопухину.

1676 г.

Выпись съ дмитровскихъ книгъ письма и мѣры Андрея Загряжскаго да подьячаго Гаврилы Володимерова 135 и 136 [1627 и 1628] гг. Въ Вышегородскомъ стану въ вотчинахъ написано: За калужаниномъ за Аѳанасьемъ Гречениномъ приданая вотчина, что онъ взялъ за женкою своею, половина сельца Ани-

симова, а другая половина того сельца за свойкомъ его, за калужаниномъ же за Тарасомъ Хитрымъ; а на его половину дворъ вотчинниковъ,—живетъ въ немъ вдова Манька, Андронова дочь, съ братомъ съ Аѳонькою Андроновымъ, да съ сыномъ Куземкою, да крестьянинъ во дворѣ Куземка Рыжковъ съ братомъ Гурькою, да съ пріимышемъ Сенькою Гавриловымъ; пашни пахапныя вотчинниковы худыя земли пять четвертей, да крестьянскія пашни пахапныя три четверти, да перелогомъ семь четвертей, да лѣсомъ поросло десять четвертей въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; сѣна семь копёнъ съ полукопною. Полпустоши, что была деревня Коротнева, да къ полу же пустоши припущено въ пашню полпочинка Молокова, а другая половина тоя пустоши съ полупочинкомъ за Тарасомъ Хитрымъ; а на его половину пашни перелогомъ худыя земли три четверти да лѣсомъ поросло семь четвертей въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; сѣна шесть копенъ, лѣса пашеннаго четверть десятины. Полпустоши Самойкова, а другая половина тоя пустоши за Тарасомъ, Хитрымъ; а на его половину пашни, перелогомъ худыя земли двѣ четверти да лѣсомъ поросло восемь четвертей въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; сѣна шесть копенъ, лѣса пашеннаго полторы десятины, и всего за Аѳанасьемъ полсельца да въ дву пустошахъ по полупустоши; а въ полсельцѣ дворъ вотчинниковъ да дворъ крестьянскій, а людей въ немъ три человѣка; пашни пахапныя вотчинниковы худыя земли пять четвертей, да крестьянскія пашни пахапныя три четверти, да перелогомъ двѣнадцать четвертей, да лѣсомъ поросло двадцать пять четвертей, обоего, пашни паханныя и перелога, и лѣсомъ поросло худыя земли, сорокъ пять четвертей въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; сѣна девятнадцать копенъ съ полукопною, лѣса пашеннаго двѣ десятины безъ четверти, а сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ полъ полъ полъ-трети сохи, и не дошло въ сошное письмо пяти четвертей пашни; а платити имъ съ живущаго съ четверика пашни. А писана за нимъ та вотчина по его, Аѳанасьевой, сказкѣ.

Въ томъ же стану въ вотчинахъ написано: За калужаниномъ за Тарасомъ Хитрымъ приданая вотчина, что онъ взялъ за женою своею, полсельца Анисимова, а другая половина того сельца въ вотчинѣ же за Аѳанасьемъ Гречениновымъ; а на его половину во дворѣ бобыль Андрюшка Игнатьевъ съ Андрюшкою Исаевымъ; пашни паханныя вотчинниковы худыя земли пять четвертей да лѣсомъ поросло двадцать четвертей въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; сѣна семь копенъ съ полукопною. Полпустоши, что была деревня Коротнева, да къ полу же пустоши припущено въ пашню полпочинка Молокова, а другая половина тоя пустоши съ полупочинкомъ за Аѳанасьемъ Гречениновымъ

вымъ; а на его половину пашни, перелогомъ, худыя земли три четверти да лѣсомъ поросло семь четвертей въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; сѣна шесть копенъ, лѣса пашеннаго четверть десятины. Полпустоши Самойкова, а другая половина тоя пустоши въ вотчинѣ же за Аѳанасьемъ Гречениновымъ; а на его половину пашни, перелогомъ, худыя земли двѣ четверти да лѣсомъ поросло восемь четвертей въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; сѣна шесть копенъ, всего за Тарасомъ Хитрымъ полсельца да въ дву пустошахъ по полупустоши; а на его половину дворъ большой, а людей въ немъ два человѣка; пашни паханныя вотчинниковы худыя земли пять четвертей, да перелогомъ пять четвертей, да лѣсомъ поросло тридцать пять четвертей, обоего, пашни паханныя и перелогомъ, и лѣсомъ поросло худыя земли, сорокъ пять четвертей въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; сѣна девятнадцать копенъ съ полукопною, лѣса пашеннаго двѣ десятины безъ четверти, а сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ полъ полъ полъ-трети сохи, и не дошло въ сошное письмо пяти четвертей пашни; а платити ему съ живущаго съ полъ полъ-четверика пашни. А писана за нимъ та вотчина по его, Тарасовой, сказкѣ. Всего за Аѳанасьемъ Гречениновымъ да за Тарасомъ Хитрово въ вотчинѣ сельцо да двѣ пустоши, а въ нихъ пашни девяносто четвертей въ полѣ, а въ дву по тому-жъ.

И во 143 [1635] году Аѳанасьева вотчина Греченинова, его половина, сорокъ пять четвертей, дана въ вотчину же дѣтемъ его, Аѳанасьевымъ, Григорью да Ивану Гречениновымъ, по двадцати по двѣ четверти съ осьминою человѣку.

И во 151 [1643] году Иванъ, Аѳанасьевъ сынъ, Гречениновъ тое свою вотчину, свою половину, четверть сельца Анисимова съ полупустошми, а въ нихъ пашни двадцать двѣ четверти съ осьминою, заложилъ Семену, Петрову сыну, Челюсткину; и во 154 [1646] году та вотчина за Семеномъ Челюсткинымъ по его, Ивановой, закладной въ Помѣстномъ приказѣ въ записныя вотчинныя книги записана, и пошлины взяты.

А въ переписныхъ книгахъ переписи Гаврила Юшкова да подьячаго Кирилла Семенова 154 [1646] года въ Вышегородскомъ стану въ вотчинахъ написано за калужаниномъ за Тарасомъ, Клементьевымъ сыномъ, Хитрово половина деревни Анисимова; а на его половинѣ крестьянинъ во дворѣ Софонтейко, Андреевъ сынъ, Власовъ съ сыномъ съ Ивашкомъ, и всего одинъ дворъ крестьянскій, людей въ немъ два человѣка. Въ томъ же стану въ вотчинахъ написано за калужаниномъ за Григорьемъ, Аѳанасьевымъ сыномъ, Гречениновымъ отца его, Аѳанасьевская, вотчина приданая, четверть деревни Анисимова; а на

его четверть крестьянъ: во дворѣ Куземко, Ивановъ сынъ, Рыжковъ съ сыномъ съ Осипкомъ, у Осипка сынъ Нестерко, да у него же пасынокъ Герасимко, Ѳедоровъ сынъ, Сывороткинъ, во дворѣ Гурько, Ивановъ сынъ, Рыжковъ, да у него же во дворѣ зять Павликъ, Клементьевъ сынъ, Ямской, у Павлика сынъ Степанко, и всего два двора крестьянскихъ, людей въ нихъ семь человѣкъ. Въ томъ же стану въ вотчинахъ написано за Семеномъ, Петровымъ сыномъ, Челюсткинымъ закладная вотчина, четверть деревни Анисимова; а на его четверть крестьянъ: во дворѣ Аѳонька, Андроновъ сынъ, Ермолинъ съ дѣтьми, съ Анкудиномъ, да съ Кирилкомъ, да съ Микифоркомъ, да съ Кипріянкомъ, и всего одинъ дворъ крестьянъ, живущихъ людей въ немъ пять человѣкъ. Всего за Тарасомъ Хитрово, да за Григорьемъ Гречениновымъ, да за Семеномъ Челюсткинымъ въ вотчинѣ деревня, а въ ней четыре двора крестьянскихъ.

А по дачѣ 174 [1666] года Григорьева вотчина Греченинова дана сыну его, Григорьеву, Ивану Греченинову въ вотчину со всѣми угодьи.

И во 174 же [1666] году Иванъ, Григорьевъ сынъ, Гречениновъ тоѣ отца своего вотчину продалъ головѣ московскихъ стрѣльцовъ, Петру, меньшому Аврамову сыну, Лопухину. И та вотчина за нимъ, Петромъ, въ Помѣстномъ приказѣ въ записныя вотчинныя книги записана, и пошлины взяты.

А Тарасову вотчину Хитрово во 174 же [1666] году дѣти его, Тарасовы, Лаврентій да Семенъ Хитрово, половину сельца Анисимова съ пустошми, а въ нихъ пашни сорокъ пять четвертей, продали головѣ московскихъ стрѣльцовъ, Ларіону, Аврамову сыну, Лопухину. И та вотчина въ Помѣстномъ приказѣ за нимъ, Ларіономъ, въ записныя вотчинныя книги записана-жъ, и пошлины взяты.

И во 183 [1675] году Петръ, меньшой Аврамовъ сынъ, Лопухинъ купленною своею вотчиною, что онъ купилъ у Ивана Греченинова, поступился полюбовно брату своему родному, головѣ московскихъ стрѣльцовъ, Ларіону же Лопухину. И та вотчина за нимъ, Ларіономъ, по поступкѣ брата его, въ Помѣстномъ приказѣ въ записныя вотчинныя книги записана, и пошлины взяты.

А Семенова вотчина Челюсткина, что послѣ того была въ вотчинѣ за дьякомъ за Иваномъ Степановымъ, а во 170 [1662] году отписана была на великаго государя, въ нынѣшнемъ во 184 [1676] году, по указу великаго государя и по памяти изъ Приказа великаго государя тайныхъ дѣлъ, дана въ помѣстье головѣ же московскихъ стрѣльцовъ, Ларіону же Лопухину, со всѣми угодьи.

Всего за головою московскихъ стрѣльцовъ, за Ларіономъ, Авраамовымъ сыномъ, Лопухинымъ въ Дмитровскомъ уѣздѣ въ вотчинѣ шестьдесятъ семь четвертей съ осьминою въ полѣ, а въ дву по тому-жъ, да въ помѣстьѣ двадцать двѣ четверти съ осьминою, обоего, помѣстья и вотчины, девяносто четвертей въ полѣ, а въ дву потому-жъ.

А дана ся выпись съ писцовыхъ и съ переписныхъ дмитровскихъ книгъ головѣ московскихъ стрѣльцовъ Ларіону, Авраамову сыну, Лопухину на его помѣстье и вотчину, по его же челобитью и по помѣтѣ на выпискѣ дьяка Ивана Рагозинина, для помѣстнаго и вотчиннаго его владѣнья въ нынѣшнемъ во 184 [1676] году.

У подлинной выписи назади пишетъ тако: „Дьякъ Семенъ Румянцевъ. Писалъ Оська Шпагинъ“.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 1372 „Копіи съ купчихъ и съ прошеній и разныя приказныя дѣла“, стр. 97—104; № хрон. описи 023].

833. Купчая Ларіону [Ѳедору] Авраамовичу Лопухину на помѣстья въ Московскомъ и Дмитровскомъ уѣздахъ.

1678 г. іюля 2.

о указу великаго государя царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, бояринъ князь Иванъ Борисовичъ Репнинъ да дьяки Александръ Алексѣевъ, Иванъ Протопоповъ, Иванъ Казариновъ, Иванъ Рагозининъ, Семенъ Струковъ, Дмитрій Ѳедоровъ продали стольнику и полковнику Ларіону, Авраамову сыну, Лопухину въ Московскомъ уѣздѣ, въ Радонежскомъ стану и въ Бѣляхъ изъ порожжихъ обводныхъ земель пустошь Подвязье на буеракѣ, пустошь Моклочиху на суходолѣ съ пашнею, и съ лѣсы, и съ сѣнными покосы, и со всѣми угодьи, какъ было за помѣщики по старинѣ.

Потому въ нынѣшнемъ во 186 [1678] года іюня въ 4 день посыланъ, по наказу Помѣстнаго приказа, подьячій Иванъ Акуловъ, а велѣно ему въ Московскомъ уѣздѣ, въ Радонежскомъ стану и въ Бѣляхъ про пустошь Подвязье да про пустошь Моклочиху, противъ челобитья Василья Лопухина, сыскать накрѣпко большимъ повальнымъ обыскомъ тутошними и сторонними многими людьми, дворяны и дѣтьми боярскими, прикащики, и старосты, и цѣловальники, и

крестьяны. Да буде въ сыску скажутъ многіе люди, что тѣ пустоши есть и лежатъ порозжи, никому не отданы и ни къ какимъ землямъ не приписаны, и спора не будетъ,—и тѣ пустоши велѣно измѣрить въ десятины, а обыскной списокъ и мѣрныя книги за руками велѣно подать въ Помѣстномъ приказѣ.

И по обыску сорокъ четыре человѣка сказали по той непорочной евангельской заповѣди Господней: Въ Московскомъ уѣздѣ, въ Радонежскомъ стану и въ Бѣляхъ пустошь Подвязье на буеракѣ, пустошь Моклочиха на суходолѣ есть и великаго государя къ дворцовымъ селамъ, и къ чернымъ волостямъ, и къ ямскимъ слободамъ, и къ монастырскимъ, и къ церковнымъ, и къ инымъ никакимъ землямъ не приписаны; а владѣетъ тѣми пустошми стольникъ Семенъ, Ивановъ сынъ, Колычевъ, а по чему онъ тѣми пустошми владѣетъ, того они не вѣдаютъ. А смежна пустошь Подвязье съ землею, Московскаго уѣзда, стольника Семена Колычева съ дву сторонъ пустоши Хлыбовой, а съ дву сторонъ пустошь Подвязье смежна съ землею, Дмитровскаго уѣзда, Ѳедула Судимонтова сельца Ваганова пустоши Чулковой. А пустошь Моклочиха смежна съ землею, Московскаго уѣзда, стольника Семена Колычева пустоши Хлыбовой, а по другую сторону, за рѣчкою за Подмашью, смежна съ землею, Дмитровскаго уѣзда, Ѳедула Судимонтова пустоши Чулковой, а съ дву сторонъ пустоши Моклочихи смежна съ землею, Переяславль-Горицкаго монастыря, пустоши Малой и пустоши Бѣлавиной; а Московскій уѣздъ съ Дмитровскимъ уѣздомъ съ пустошми съ Подвязьемъ и съ Моклочихою землями смежны.

А въ мѣрныхъ книгахъ подьячаго Ивана Акулова нынѣшняго 186 [1678] года іюля въ 5 день написано: Измѣрена въ Московскомъ уѣздѣ, въ Радонежскомъ стану и въ Бѣляхъ пустошь Подвязье на буеракѣ,—пашни перелогомъ десятина, да лѣсомъ поросло пять десятинъ, да непашеннаго лѣса три десятины, сѣна по буераку шестьдесятъ копенъ. Пустошь Моклочиха на суходолѣ, на ней два мѣста дворовыхъ; пашни перелогомъ десятина, да лѣсомъ поросло три десятины, да непашеннаго четыре десятины, сѣна по буераку и по рѣчкѣ по Подмашью шестьдесятъ копенъ. Всего въ тѣхъ дву пустошахъ пашни, перелогомъ и лѣсомъ поросло десять десятинъ, а четьми имѣется двадцать четей въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; сѣна сто двадцать копенъ, лѣса непашеннаго семь десятинъ.

Да іюня же въ 28 день билъ челомъ великому государю стольникъ и полковникъ Ларіонъ, Аврамовъ сынъ, Лопухинъ: Въ Московскомъ же [уѣздѣ], въ стану въ Радонежскомъ и въ Бѣляхъ издавна лежатъ въ порозжихъ земляхъ пустошь Моклочиха да пустошь Под-

вязье, и о тѣхъ-де пустошахъ билъ челомъ великому государю въ подмосковное помѣстье братъ его родной Василій, и, по его-де челобитью, про тѣ пустоши сыскано, и мѣрены, и сыскъ, и мѣрныя книги въ Помѣстномъ приказѣ поданы. А въ сыску-де обыскные люди сказали, что тѣми пустошми владѣлъ Семенъ Колычевъ. И Семенъ-де Колычевъ, и братъ его, Ларіоновъ, Василій Лопухинъ принесли за руками челобитныя, что о тѣхъ пустошахъ нечелобитчики. И великій государь пожаловалъ, велѣлъ тѣ пустоши продать ему, Ларіону, въ вотчину, а деньгами взять по своему, великаго государя, указу противъ пустыхъ земель.

На челобитной его помѣта думнаго дьяка Григорья Богданова: Государь пожаловалъ, велѣлъ о томъ указъ учинить боярину князю Ивану Борисовичу Репнину, противъ своего государева указа и по уложенью.

А по указу великаго государя царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, взято въ его, великаго государя, казну, въ Помѣстный приказъ, у стольника и полковника у Ларіона Лопухина за порозжія пустоши Московскаго уѣзда, за пустошь Подвязье да за пустошь Моклочиху, за двадцать четей, за три чети по рублю, да пошлинъ съ рубля по алтыну, итого денегъ и пошлинъ шесть рублевъ двадцать девять алтынъ, и въ приходную книгу въ нынѣшнемъ во 186 [1678] году іюля во 2 день записаны. И вольно ему, Ларіону, ту вотчину продать, и заложить, и въ приданыя отдать; въ монастырь тоё вотчину не отдавать. А какъ его, Ларіона, не станетъ, и та вотчина женѣ его и дѣтемъ; а буде, послѣ его жены, и дѣтей не останется, и та вотчина въ родъ его; а буде и рода его не останется, и ту вотчину взять на великаго государя царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, въ помѣстныя земли. А деньги за ту вотчину великій государь велитъ дать изъ своей, великаго государя, казны въ монастыри по его душѣ, смотря по строенію, какъ великій государь царь и великій князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, укажетъ.

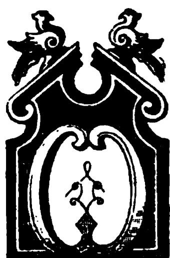
Къ сей купчей великаго государя царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, печать приложена. Лѣта 7186 [1678] іюля во 2 день.

Взяты пошлины съ Семена Колычева да съ Василья Лопухина 16 алтынъ и 2 деньги. Справилъ Ѳедька Васильевъ.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 1372 „Копіи съ купчихъ и съ прошеній и разныя приказныя дѣла“, стр. 32—36; № хрон. описи 024].

834. Выпись князю Михаилу Ивановичу Куракину на подмосковную вотчину село Елдегино.

1685 г. октября 12.

ктября въ 12 день лѣта 7194 [1685] билъ челомъ великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцемъ, стольникъ князь Михайла, княжъ Ивановъ сынъ, Куракинъ.

Въ прошломъ-де во 148 [1640] году, по указу блаженныя памяти дѣда ихъ, государева, великаго государя царя и великаго князя Михаила Θедоровича всея Русіи, продано въ вотчину боярину князь Юрью Андреевичу Сицкому въ Московскомъ уѣздѣ, въ Боховѣ стану приселье, что нынѣ сельцо Елдегино, съ деревнями, и съ пустошми, и со всѣми угодьи, по дозорнымъ книгамъ Елизарья Сабурова 7097 [1589] года да по книгамъ 138 [1630] года Θедора Шишкина, да подьячаго Михея Артемьева. А нынѣ-де та вотчина, сельцо Елдегино, съ деревнями, и съ пустошми, и со всѣми угодьи, за нимъ, князь Михайломъ. А съ дозорныхъ книгъ Елизарья Сабурова, да Θедора Шишкина, и подьячаго Михея Артемьева и съ записныхъ продажныхъ книгъ выписки не дано. А въ писцовыхъ-де и межевыхъ книгахъ 139, 140 и 141 [1631, 1632 и 1633] годовъ та его вотчина, село Елдегино съ деревнями, не написана. И великіе государи пожаловали-бъ его, велѣли съ дозорныхъ книгъ Елизарья Сабурова, и съ книгъ Θедора Шишкина и подьячаго Михея Артемьева, и съ записныхъ продажныхъ книгъ дать ему для вотчиннаго владѣнія выпись.

А въ приказѣ Большого дворца въ дозорныхъ книгахъ Елизарья Сабурова да подьячаго Ивана Яковлева 7097 [1589] года написано Московскаго уѣзда села Митрополичья сельцо Елдегино, а къ тому селу и приселью деревни и пустоши.

Деревня Игнатовская, а въ ней крестьянъ во дворѣ Θедька Ивановъ на полувыти, во дворѣ Нестерко Артемьевъ на получети выти; пашни паханныя середнія земли семь десятинъ безъ чети десятины да перелогомъ десятина съ четвертью въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; сѣна по овражкомъ десять копенъ, лѣса пашеннаго десятина, въ живущемъ выть съ получетвертью выти, впустѣ полчетверти выти. Деревня Суворовская, а въ ней кресть-

янъ: во дворѣ Ивашко Савельевъ на трети выти, во дворѣ Исайко Павловъ на чети выти, во дворѣ вдова Ѳедосьица, Ѳедоровская жена, на чети выти, да дворъ пустъ, а жилецъ Гришка Власьевъ умре; пашни паханныя середнія земли пять десятинъ да перелогомъ четыре десятины въ полѣ, а въ дву потому-жъ; сѣна по овражкомъ сорокъ копенъ, лѣса пашеннаго семь десятинъ, въ живущемъ выть безъ полутрети выти, а впустѣ выть безъ трети выти. Деревня Норкина пуста, а въ ней дворъ пустъ, а жилецъ Первушка Евдокимовъ сшелъ въ деревню Бардакову; пашни пахано наѣздомъ середнія земли десятина, а пахалъ старожилецъ Первушка, перелогомъ три десятины да лѣсомъ поросло двѣ десятины въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; сѣна двадцать копенъ, лѣса пашеннаго четыре десятины, впустѣ выть. Деревня Косарева, а въ ней крестьянъ во дворѣ Панька Косаревъ на полувыти, во дворѣ Сенька Косаревъ на полутрети выти; пашни паханныя середнія земли четыре десятины да лѣсомъ поросло шесть десятинъ въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; сѣна тридцать копенъ да лѣса пашеннаго и непашеннаго семь десятинъ, въ живущемъ выть безъ трети выти, а впустѣ выть. Деревня Струяковскій починокъ на рѣчкѣ на Вязѣ, а въ ней крестьянъ во дворѣ Васька Ширяевъ на трети выти; пашни паханныя середнія земли двѣ десятины да лѣсомъ поросло три десятины въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; лѣса пашеннаго семь десятинъ, въ живущемъ треть выти, а впустѣ полвыти. Деревня Дарьина пуста, а въ ней два двора пусты, да мѣсто дворовое, а жильцы Третьякъ Ѳоминъ, да Артемко, да Исайко, Ивановы дѣти, перешли въ село Елдегино; пашни паханныя наѣздомъ середнія земли три десятины, а пахали тѣ же крестьяне, да лѣсомъ поросло четыре десятины въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; сѣна 15 копенъ, лѣса пашеннаго три десятины, впустѣ выть съ полутретью выти. Деревня Поповская пуста, а въ ней два двора пустыхъ, а жилецъ Куземка Максимовъ сшелъ безвѣстно; пашни паханныя наѣздомъ среднія земли десятина, пахалъ Ѳедька Алексѣевъ изъ деревни изъ Петрова, да лѣсомъ поросло двѣ десятины въ полѣ, а въ дву по тому-жъ. Деревня, что пустошь Медвѣдева, а въ ней крестьянъ во дворѣ Аѳонька Агафоновъ на полтрети выти; пашни паханныя середнія земли десятина съ полутретью десятины, да перелогомъ три десятины, да лѣсомъ поросло пять десятинъ безъ полутрети десятины въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; сѣна три копны, въ живущемъ полтрети выти, а впустѣ полторы выти безъ полутрети выти. Пустошь, что была деревня Мишинская, пашни и лѣсомъ поросло середнія земли шесть десятинъ въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; сѣна пятьдесятъ копенъ, лѣса

пашеннаго пять десятинъ, впустѣ выть. Пустошь, что была деревня Ловеникова, пашни лѣсомъ поросло середнія земли три десятины въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; сѣна пять копенъ, впустѣ полвыти, а сѣно косилъ на той пустоши Третьякъ Ѳоминъ. Пустошь, что была деревня Ракова, пашни паханныя наѣздомъ середнія земли двѣ десятины, а пахалъ Васька Алексѣевъ изъ деревни изъ Петрова да Васька Максимовъ Крынинскій, да перелогомъ пять десятинъ безъ полудесятины, да лѣсомъ поросло полтретьи десятины въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; сѣна шестьдесятъ копенъ, лѣса пашеннаго пять десятинъ, впустѣ полторы выти. Пустошь, что была деревня Егочево, пашни середнія земли лѣсомъ поросло девять десятинъ въ полѣ, а въ дву по тому-жъ, впустѣ полторы выти; а сѣно кошено на той пустоши по пашнѣ пятьдесятъ копенъ, а косили Ивашко Савельевъ съ товарищи изъ деревни изъ Суворова. Пустошь, что была деревня Ушаковская, пашни паханныя наѣздомъ середнія земли двѣ десятины, а пахалъ Михалко Обонѣговъ изъ села изъ Вановскаго, да лѣсомъ поросло семь десятинъ въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; сѣна двѣ копны, впустѣ полторы выти. Пустошь, что была деревня Толстикова, пашни лѣсомъ поросло середнія земли полпяты десятины въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; сѣна одна копна, впустѣ выть безъ чети выти.

Въ дозорныхъ же книгахъ Елизарья Сабурова да подьячаго Ивана Яковлева 7097 [1589] года написано въ Московскомъ уѣздѣ село Семеновское, а къ нему пустоши:

Пустошь, что была деревня Ширяевъ починокъ, а въ ней мѣсто дворовое, а жилецъ Гришка Устиновъ перешелъ въ село Семеновское, а дворъ снесъ съ собою; пашни паханныя наѣздомъ середнія земли двѣ десятины, а пахалъ тотъ же Гришка, да лѣсомъ поросло двѣ десятины съ полудесятиною въ полѣ, а въ дву потому-жъ; сѣна три копны, лѣса пашеннаго десятина, впустѣ выть безъ трети выти. Пустошь Перово, пашни, перелогомъ и лѣсомъ поросло шесть десятинъ въ полѣ, а въ дву по тому-жъ, впустѣ выть.

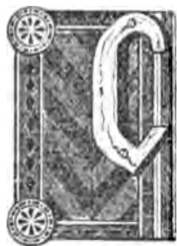
А въ книгѣ продажныхъ земель 7138 [1630] года написано: Іюля въ 9 день, по указу блаженныя памяти великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи и по подписной челобитной, за помѣтою дьяка Ѳедора Лихачева, продано въ вотчину стольнику князь Юрью Андреевичу Сицкому въ Московскомъ уѣздѣ села Митрополичья приселье, сельцо Елдегино, съ пустошми: пустошь Суворовская, пустошь Норкина, пустошь Косарева, пустошь Струяковскій починокъ, пустошь, что была деревня Ракова, пустошь Ладейникова, пустошь, что была деревня Егочева, пустошь Дарьина, пустошь Поповская, пустошь Медвѣдева, пустошь Мишин-

Внизу подъ текстомъ 1, 2 и 3 страницъ подлинника проведена нижеслѣдующая собственноручная припись: Къ симъ отказнымъ книгамъ вичужскій николаевскій попъ Ѳедоръ Ивановъ, вмѣсто крестьянскихъ окольныхъ людей, коихъ въ сихъ книгахъ имена писаны, по ихъ велѣнію руку приложилъ.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 1372 „Копіи съ купчихъ и съ прошеній и разныя приказныя дѣла", стр. 167—170, 174; № хрон. описи 026].

836. Промѣнная запись князю Б. И. Куракину на помѣстье въ Тверскомъ уѣздѣ.

1694 г. сентября 17.

Се азъ, Иванъ, Васильевъ сынъ, Бесковскій, въ нынѣшнемъ 203 [1694] году сентября въ 17 день далъ сію на себя запись стольнику князю Борису Ивановичу Куракину въ томъ, что промѣнялъ я, Иванъ, ему, князь Борису Ивановичу, помѣстье свое въ Тверскомъ уѣздѣ, въ Микулинскомъ стану пустошь Верещагино, по писцовымъ книгамъ и по дачѣ своей съ пашнею, и съ лѣсы, и съ сѣнными покосы, и со всѣми угодьи. А противъ того помѣстья вымѣнялъ я, Иванъ, у него, князя Бориса Ивановича, въ Саранскомъ уѣздѣ, въ Полянахъ по конецъ полпашни полчетверика, и о роспискѣ тоя мѣны принесть мнѣ, Ивану, челобитную за рукою и къ допросу руку приложить нынѣшняго же 203 г., и у допроса тоя мѣны ничѣмъ не спорить, и впредь мнѣ, Ивану, и женѣ моей, и дѣтемъ о поворотѣ того своего промѣннаго помѣстья великимъ государемъ не бить челомъ. А то мое промѣнное помѣстье, опричь сей мѣны, иному никому не промѣнено и ни въ какихъ крѣпостяхъ не укрѣплено. А кто у него, князя Бориса Ивановича, и у жены его, и у дѣтей въ то мое промѣнное помѣстье учнетъ вступаться по какимъ-нибудь крѣпостямъ, и мнѣ, Ивану, и женѣ моей, и дѣтямъ во всемъ очищать и убытковъ никакихъ не доставить. А тою вымѣнною пашнею получетверикомъ женѣ моей и дѣтямъ не владѣть, и никому не промѣнять, и ни въ какія крѣпости не укрѣпить; владѣть тѣмъ получетверикомъ ему же, князю Борису Ивановичу, женѣ его и дѣтямъ попрежнему въ своихъ дачахъ. А будетъ я, Иванъ, противъ сей записи, что писано выше сего, въ чемъ не устою,—и на мнѣ, Иванѣ, и на женѣ моей, и на дѣтяхъ взять ему,

князю Борису Ивановичу, и женѣ его, и дѣтямъ по сей записи за неустойку сто рублевъ денегъ.

А ся запись и впредь запись. А у сей записи послуси: Ларіонъ Елизарьевъ, Евдокимъ Онуфріевъ.

А запись писалъ Ивановскія площади подьячій стольника и полковника Стремянного Сергѣева полка Григорьевича Сергѣева десятникъ Варѳоломейко Сизовъ лѣта 7203 [1694] года сентября въ 17 день.

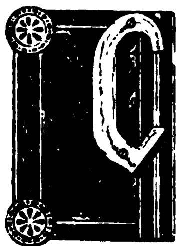
Къ сей записи села Микулина городища архангельскій попъ Григорій Аѳиногеновъ, вмѣсто прихожанина своего Ивана, Васильева сына, Бесковскаго, по его велѣнію руку приложилъ. Послухъ Ларіонъ Елизарьевъ и руку приложилъ. Послухъ Евдокимко руку приложилъ.

Такова подлинная запись послана къ его сіятельству апрѣля въ 18 день 1737 г.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 1372 „Копіи съ купчихъ и съ прошеній и разныя приказныя дѣла", стр. 50—51; № хрон. описи 027].

837. Данная боярина Ѳедора Аврамовича Лопухина на разныя деревни дочери своей, княгинѣ Ксеніи Ѳедоровнѣ Куракиной.

1695 г. ноября 27.

Се азъ, бояринъ Ѳедоръ Аврамовичъ Лопухинъ, съ сыномъ своимъ Аврамомъ въ нынѣшнемъ въ 204 [1695] году ноября въ 27 день далъ я въ приданыя зятю своему, стольнику князю Борису Ивановичу Куракину, за дочерью своею, за княгинею Аксиньею Ѳедоровною, вотчины свои въ Шуйскомъ уѣздѣ, въ Борисоглѣбской волости: сельцо Потанино да деревню Вакинъ Ломъ, деревню Понкино, деревню Мокѣиху со крестьяны, да пустошь Полозово, да пустошь Зайцевъ починокъ; а четвертныя пашни,. и сѣнныхъ покосовъ, и всякихъ угодій въ томъ сельцѣ Потанинѣ, и въ деревняхъ, и въ пустошахъ по писцовымъ и по отказнымъ книгамъ, и по дачамъ сто тринадцать четвертей въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; да въ томъ же сельцѣ Потанинѣ и въ деревняхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ семьдесятъ три двора. Да въ Суздальскомъ уѣздѣ, въ Стародуборяполовскомъ стану сельцо Березкино да деревню Пѣтухово, а въ томъ сельцѣ Березкинѣ и въ деревнѣ Пѣ-

туховѣ крестьянскихъ и бобыльскихъ двадцать восемь дворовъ; да къ тому же сельцу Березкину и къ деревнѣ Пѣтухову пустошей: пустошь, что была деревня Семеново, а Карачарово тожъ, пустошь, что была деревня Голье, пустошь Текутово, пустошь Лукинская, пустошь, что была деревня Ерши, пустошь, что былъ починокъ Ѳедьковъ, а Ѳеднево тожъ, пустошь, что была деревня Пятки, пустошь, что [была] деревня Некрасово, а Некрасцево и Юринское тожъ, пустошь, что была деревня Березовое, пустошь Осѣево, пустошь, что былъ починокъ Семеновъ, Пшеничное тожъ, пустошь Челюсткино, пустошь Горки, Григорово тожъ, пустошь Мекшовка, а Мекшиково и Митино тожъ, пустошь Подвяная, а Левинская тожъ, пустошь Крапивное, Крапивки тожъ; а въ томъ сельцѣ и въ деревнѣ, и въ пустошахъ четвертныя пашни, и сѣнныхъ покосовъ, и всякихъ угодій по писцовымъ книгамъ и по дачамъ худыя земли двѣсти сорокъ четвертей, а добрыя земли сто шестьдесятъ четвертей въ полѣ, а въ дву по тому-жъ.

А тѣ вышеписанныя вотчины, сельцо Потанино и сельцо Березкино съ деревнями, и съ пустошми, и со крестьяны, у меня, боярина Ѳедора Аврамовича, и сына моего Аврама, опричь его, князя Бориса Ивановича, и сей данной, иному никому не проданы, и не заложены, и не поступлены, и ни у кого ни въ чемъ, ни въ какихъ крѣпостяхъ не укрѣплены и не написаны. А кто у него, князя Бориса Ивановича, и у жены его, и у дѣтей въ тѣ вышеписанныя данныя вотчины, и въ пустоши, и во крестьянъ учнетъ вступаться по какимъ крѣпостямъ,—и мнѣ, боярину Ѳедору Аврамовичу, и сыну моему Авраму тѣ вышеписанныя вотчины и со крестьяны, и съ пустошми, и со всѣми угодьи очищать и убытка никакого не доставить; а крѣпки тѣ вышеписанныя вотчины и со крестьяны, и съ пустошми, и со всѣми угодьи ему, князю Борису Ивановичу, и женѣ его, и дѣтямъ по сей данной и по писцовымъ, и по переписнымъ книгамъ, и по дачамъ.

А которые крестьяне у прежнихъ вотчинниковъ и у меня, боярина Ѳедора Аврамовича, до переписныхъ книгъ 186 [1678] года вывезены въ иныя помѣстья и вотчины, которыя крестьянскія жены, вдовы и дочери ихъ, дѣвки, выпущены замужъ въ иныя же вотчины и въ помѣстья съ отпускными у прежнихъ же вотчинниковъ и у меня, боярина Ѳедора Аврамовича, до сей данной,—и до тѣхъ крестьянъ, и вдовъ, и до дѣвокъ ему, князю Борису Ивановичу, и дочери моей, княгинѣ Аксиньѣ Ѳедоровнѣ, дѣла нѣтъ.

А которые крестьяне съ женами и съ дѣтьми гдѣ живутъ въ бѣгахъ и изъ вышеписанныхъ вотчинъ бѣжали до сей данной,—и

тѣ бѣглые крестьяне съ женами и съ дѣтьми крѣпки ему же, князю Борису Ивановичу, и дочери моей, княгинѣ Аксиньѣ Өедоровнѣ, и дѣтямъ ихъ по вышеписаннымъ вотчинамъ и по сей данной и съ пожилыми годами.

И о запискѣ тѣхъ вышеписанныхъ вотчинъ и съ пустошми за нимъ, княземъ Борисомъ Ивановичемъ, въ Помѣстный приказъ принести за руками своими челобитную.

А будетъ вышеписанныя данныя вотчины со крестьяны, и съ пустошми, и со всѣми угодьи нашимъ неочищеніемъ по какимъ крѣпостямъ отъ него, князя Бориса Ивановича, и отъ жены его, и отъ дѣтей отойдутъ,—и ему, князю Борису Ивановичу, и дочери моей, княгинѣ Аксиньѣ Өедоровнѣ, и дѣтямъ ихъ, вмѣсто тѣхъ вышеписанныхъ вотчинъ, взять изъ иныхъ нашихъ вотчинъ, противъ сей данной, столько же дворовъ крестьянскихъ, и пустошей, и земли, и всякихъ угодій.

А что въ прошломъ въ 200 [1692] году я, бояринъ Өедоръ Аврамовичъ, въ рядной записи за дочерью своею, княгинею Аксиньею Өедоровною, написалъ ему, князю Борису Ивановичу, вотчины въ Вяземскомъ уѣздѣ, село Покровское да село Никольское съ деревнями и съ пустошми, и со всѣми угодьи,—и по той рядной записи на мнѣ, бояринѣ Өедорѣ Аврамовичѣ, ему, князю Борису Ивановичу, тѣхъ вотчинъ не спрашивать, потому что, вмѣсто тѣхъ вяземскихъ вотчинъ, я, бояринъ Өедоръ Аврамовичъ, ему, князю Борису Ивановичу, и дочери своей, княгинѣ Аксиньѣ Өедоровнѣ, далъ тѣ свои вышеписанныя вотчины въ Шуйскомъ и въ Суздальскомъ уѣздахъ.

А у сей данной послухи: Яковъ Алексѣевъ, Аксенъ Феоктистовъ, Матеей Воротниковъ, Андронъ Ивановъ, Аврамъ Кирилловъ, Өедоръ Москвинъ. А данную писалъ Ивановскія площади подьячій стольника и полковника Иванова полка Перфильевича Макшеева десятникъ Ромашка Абросимовъ лѣта 7204 [1695] года ноября въ 27 день.

На подлинной данной позади пишетъ: Къ сей данной Өедоръ Лопухинъ руку приложилъ. Къ сей данной Аврамъ Лопухинъ руку приложилъ. Послухъ Якунко Алексѣевъ руку приложилъ. Послухъ Аксенка руку приложилъ. Послухъ Матюшко руку приложилъ. Послухъ Андронка руку приложилъ. Послухъ Аврамка руку приложилъ. Послухъ Өедька руку приложилъ.

204 [1695] года марта въ 19 день въ Помѣстномъ приказѣ боярину Петру Васильевичу Шереметеву съ товарищи сю данную явилъ стольника князя Бориса, княжъ Иванова сына, Куракина

человѣкъ его, который за дѣлы ходитъ, Ѳедоръ Балакиревъ на вотчину. А та вотчина за нимъ, княземъ Борисомъ Куракинымъ, справлена, и пошлины, по указу великаго государя, въ его, великаго государя, казну взяты и въ приходную марта въ 11 день, а ся данная въ записную книгу марта въ 16 день нынѣшняго 204 [1695] года записаны. На подлинной данной припись дьяка Петра Вяземскаго, справа подьячаго Алешки Юрьева.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 1372 „Копіи съ купчихъ и съ прошеній и разныя приказныя дѣла", стр. 17—20; № хрон. описи 028].

838. Заручная челобитная княжны Марьи Михайловны и княжны Прасковьи Михайловны Куракиныхъ на разныя вотчины.

1707 г. марта 14.

Державнѣйшій царь государь милостивѣйшій. Въ прошломъ 205 [1697] году, послѣ смерти отца нашего, комнатнаго стольника князя Михаила Ивановича Куракина, родовыя, и выслуженныя, и купленныя отца его, а нашего дѣда, боярина князя Ивана Григорьевича, дѣда его, а нашего прадѣда, Григорья Семеновича Куракиныхъ вотчины и помѣстья, которыя достались и справлены отцу нашему по полюбовному раздѣлу и по заручнымъ росписямъ съ братьями его, а нашими дядьями, съ князь Борисомъ и съ князь Иваномъ Ивановичи Куракиными, что дали намъ вообще съ матерью нашею, вдовою княгинею Маврою Дмитріевной, пополамъ: въ Московскомъ уѣздѣ, въ Монатьинѣ, и въ Выковѣ, и въ Коровинѣ стану полсельца Чернышева, что была пустошь Чернышева, и со всѣми того сельца пустошми, да жеребій села Терюкова, да въ Ростовской и въ Замыцкой волости половина сельца Одинцова съ деревнями, и со крестьяны, и со всѣми угодьи; въ Тверскомъ уѣздѣ, въ Микулинскомъ стану треть села Микулина городища со крестьяны и со всѣми вотчинами, и помѣстными землями; въ Саранскомъ уѣздѣ село Новотроицкое съ пашнею и со крестьяны, которые переведены изъ приданой вотчины матери нашей, княгини Мавры Дмитріевны, изъ Нижегородскаго уѣзда села Слободки Макарьевской; въ Алатырскомъ уѣздѣ село Гулюшево да деревня Акнеева съ пустошми и со крестьяны; въ Костромскомъ уѣздѣ село Поздѣевское съ деревнями, и съ пустошми, и со крестьяны; въ Суздальскомъ уѣздѣ половина села Дроздова съ деревнями, и съ пустошми, и со крестьяны;

въ Рузскомъ уѣздѣ въ сельцѣ Моревѣ съ деревнями, и съ пустошми, и со крестьяны; въ Орловскомъ уѣздѣ село Архангельское да деревня Прiимково и Поздѣево со крестьяны; въ Шацкомъ уѣздѣ село Бундово да деревня Сабурова, которая дана намъ съ матерью нашею, княгинею Маврою Дмитрiевною, вообще послѣ смерти дяди нашего, князь Ивана Ивановича Куракина, по духовной бабки нашей, а его, дяди нашего, матери, боярыни вдовы княгини Марьи Петровны Куракиной, что написано въ духовной отцу нашему, князь Михаилу Ивановичу; а четвертная пашня и всякiя угодья въ тѣхъ нашихъ вотчинахъ и въ помѣстьяхъ, въ селѣхъ и въ деревняхъ, и въ пустошахъ по писцовымъ и по отказнымъ книгамъ, и по дачамъ, а крестьяне по писцовымъ же, и по переписнымъ, и по отказнымъ книгамъ. И въ тѣхъ вотчинахъ, и въ помѣстьяхъ дано намъ послѣ отца нашего во всѣхъ уѣздѣхъ по жеребьямъ матери нашей, княгинѣ Маврѣ Дмитрiевнѣ, половина, а намъ двумъ, противъ ея, половина-жъ.

И нынѣ мы съ вѣдома матери своей тѣ вышеявленныя вотчины и помѣстья прожиточныя отца своего между себя раздѣлили полюбовно.

Я, княжна Марья, свой жеребiй въ вотчинахъ и въ помѣстьахъ, въ селѣхъ, и въ деревнахъ, и въ пустошахъ, и во крестьянѣхъ: въ Московскомъ уѣздѣ половина сельца Одинцова съ деревнями, и со всѣми пустошми, и со крестьяны; въ Суздальскомъ уѣздѣ въ селѣ Дроздовѣ съ деревнями, и съ пустошми, и со крестьяны; въ Костромскомъ уѣздѣ въ селѣ Поздѣевскомъ съ деревнями, и съ пустошми, и со крестьяны; въ Рузскомъ уѣздѣ въ сельцѣ Моревѣ и въ деревнѣ Глуховѣ съ пустошми и со крестьяны; въ Орловскомъ уѣздѣ въ селѣ Архангельскомъ съ деревнями и со крестьяны; въ Алатырскомъ уѣздѣ въ селѣ Гулюшевѣ [и въ деревнѣ] Акнеевѣ съ пустошми и со крестьяны; да что въ прошлыхъ годѣхъ отецъ нашъ, князь Михайла Ивановичъ, послѣ раздѣла съ братьями своими, а съ нашими дядьями, изъ вышеписанныхъ нашихъ вотчинъ перевелъ крестьянъ въ Ливенскiй уѣздъ и поселилъ на наемной землѣ, что нынѣ сельцо Никольское, да деревня Поздѣева, да деревня Рѣпищи, и что есть къ тѣмъ вотчинамъ,—съ пашнями, и съ лѣсы, и съ сѣнными покосы по дачамъ, и по купчимъ, и по мѣновнымъ записямъ, поступилась сестрѣ своей, дѣвицѣ княжнѣ Парасковьѣ Михайловнѣ.

А я, княжна Парасковья, свой жеребiй въ вышеписанныхъ вотчинахъ и въ помѣстьяхъ, въ Московскомъ уѣздѣ, въ Монатьинѣ, и въ Быковѣ, и въ Коровинѣ стану въ половинѣ сельца Чернышева, что была пустошь Чернышева, и въ селѣ Терюковѣ со всѣми пу-

стошми; въ Тверскомъ уѣздѣ въ трети села Микулина городища съ деревнями, и съ пустошми, и со крестьяны; въ Саранскомъ уѣздѣ, въ селѣ Курскомъ займищѣ, Ладо тожъ, съ приселки и съ деревнями, и съ пустошми, и со крестьяны; въ Саранскомъ же уѣздѣ въ селѣ Новотроицкомъ со крестьяны, и что есть къ тѣмъ вотчинамъ и помѣстьямъ,—съ пашнею, и съ лѣсы, и съ сѣнными покосы по дачамъ, и по купчимъ, и по мѣновнымъ записямъ, поступилась сестрѣ своей, дѣвицѣ княжнѣ Марьѣ Михайловнѣ.

Въ Шацкомъ уѣздѣ село Бундово, деревня Сабурова съ пустошми, и со крестьяны, и со всѣми угодьи мы, княжна Марья и княжна Парасковья, уступили матери своей, княгинѣ Маврѣ Дмитріевнѣ. Да изъ вышеписанныхъ селъ: изъ села Бундова, изъ села Курскаго займища съ деревнями, изъ села Новотроицкаго переведены крестьяне въ Пензенскій уѣздъ, на рѣку Чирчимъ,—и тѣми крестьянами владѣть матери же нашей. А кои изъ крестьянъ взяты во дворъ, и тѣмъ быть во дворѣ у матери же нашей, и которые крестьяне переведены изъ вотчины въ вотчину и поселены во крестьяне, и имъ быть по сей нашей заручной челобитной, и по отказнымъ книгамъ; гдѣ кому кого въ которой вотчинѣ откажутъ, тотъ по той вотчинѣ и по отказу крѣпокъ.

Всемилостивѣйшій государь. Просимъ вашего величества, вели тѣ вышеписанныя вотчины и помѣстья, которыя справлены за нами вообще, по сей нашей заручной челобитной межъ нами расписать. А въ Шацкомъ уѣздѣ село Бундово и деревню Сабурову и чирчимскихъ крестьянъ вели, государь, справить за матерью нашей, княгиней Маврой Дмитріевной; а для саранскихъ и алатырскихъ дачъ въ приказъ Казанскаго дворца изъ Помѣстнаго приказа—послать память.

Вашего величества нижайшія рабы, комнатнаго стольника князь Михайловы дочери Ивановича Куракина, дѣвицы княжна Марья, княжна Парасковья. 1707 г. марта въ „ “.

Къ той челобитной сибирскій царевичъ Василій, вмѣсто племянницъ своихъ, княжны Марьи да княжны Прасковьи, князь Михайловыхъ дочерей Ивановича Куракиныхъ, по ихъ прошенію, руку приложилъ. На той челобитной помѣта: 1707 г. марта въ 14 день выписать. Выписано въ городѣ Москвѣ; не въ переплетѣ связка 51, № 31.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 1372 „Копія съ купчихъ съ прошеній и разныя дѣла“, стр. 21—23; № хрон. описи 031].

839. Б. В. Оладьинъ—кн. Б. И. Куракину.

1711 г. августа 24 (сентября 5). Гага.

Свѣтлѣйшій князь, мой государь. Сынъ вашей свѣтлости, слава Богу, въ добромъ здоровьѣ. На сію почту письма отъ него не прислано. При семъ прилагаю письмо отъ г. Бека, коего содержаніе здѣсь никому не сказалъ, въ коемъ, надѣюсь, угодное найти изволите, чтó есть знакъ великаго почитанія отъ ея величества къ вашей свѣтлости.

О прибытіи сюда Александра Халепскаго и багажа имѣлъ я честь писать преже сего. Сіе прилагаю при кувертѣ, подписанномъ до вице-канцлера великороссійскаго. Въ томъ три персоны, вчерашняго дня изъ Англіи полученныя. Вчерашняго же дня пріѣзжіе изъ Амстердама сказываютъ, что видѣли тамъ г. Ѳедора Степановича Салтыкова, и что онъ ѣдетъ въ Парижъ (за подлинно о семъ не могу донести, покамѣстъ отъ меня или отъ вѣрныхъ увидимъ): будетъ о побитіи турокъ и о мирѣ съ ними слышать изъ постороннихъ писемъ; чему здѣсь многіе не хотятъ вѣрить.

Г. де-Литъ въ Гагѣ и будетъ ожидать отъ двора денегъ. Больше не имѣя что донесть, оканчивая, пребываю всегда вашей свѣтлости, мой государь, покорнѣйшимъ, послушнѣйшимъ, вѣчно облигованнымъ слугою. Б. Оладьинъ.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. XLIII „Министерскія дѣла кн. Б. И. Куракина. 1710—1711 гг.“, стр. 501—503; № хрон. описи 1009].

840. Богданъ Васильевичъ Оладьинъ—кн. Б. И. Куракину.

1711 г. сентября 11 (22). Гага.

Свѣтлѣйшій князь, государь мой милостивый. На два письма вашей свѣтлости, отъ 5 августа изъ Львова, отъ 24 того же изъ Варшавы отправленныя, имѣлъ я честь отвѣтствовать въ 7 (18) сентября. Изъ Ярославля отправленнаго письма еще не получилъ.

Сынъ вашей свѣтлости въ добромъ здоровьѣ, учится прилежно, въ языкахъ латинскомъ и нѣмецкомъ великій профитъ имѣетъ. Письмо его при семъ прилагаю. Географію показываетъ его мастеръ,—звычайно всѣ студенты ее знаютъ и учатъ, какъ и сами учители. Уже съ мѣсяцъ какъ танцовать началъ учиться,—не можетъ быть та экзерциція его наукамъ прешкодою,—а кромѣ той забавы всегда за книгою сидѣть не малый трудъ; только мнится мнѣ, чтобы не допущать до великой охоты къ танцованью, на что времени будетъ довольно. Если ваша свѣтлость изволитъ, когда въ томъ обученіи исполнится два мѣсяца, тогда танцмейстера отставить до времени. Для затверженія русскаго письма тетради письма Рогова списываетъ. Завтрашняго дня я въ Лейденъ поѣду и буду смотрѣть, въ которую-бъ остерію къ столу ходить, какъ въ письмѣ вашемъ упоминается.

Учитель проситъ ему объявить, ежели вѣрно сей осени въ Саксонію при сынѣ вашемъ ему ѣхать. А ежели то не состоится, чтобъ его отпустить; зимовать здѣсь не хочетъ.

Я великую трудность нахожу къ исполненію повелѣнія вашей свѣтлости о пріискѣ гофмейстера; хотя и есть, но или дорогъ, или не годится.

Учитель князей Троекуровыхъ, о коемъ я имѣлъ честь писать, и его письмо до вашей свѣтлости послалъ, желалъ; но нынѣ съ помянутыми господами намѣренъ ѣздить и за тѣмъ отказалъ.

Въ Парижъ г. посолъ писалъ преже сего, также и сегодня. Что́ будетъ, не умедлю донести письмомъ моимъ. Въ Лейденѣ неможно болѣе мѣсяца жить. Господа патріоты съ моря начнутъ сбираться; можетъ быть, нѣкоторые и жить тамъ будутъ. Александръ Халепскій живетъ у француза и учится; ежели будетъ поятенъ, еще знать неможно.

Принятыя изъ Англіи персоны посланы три 24 августа (5 сентября) подъ адресомъ вице-канцлера барона Шафирова, при письмахъ посла г. Матвѣева; прикомандованы въ Берлинъ до графа Головкина. При тѣхъ же персонахъ

кувертъ писемъ, до вашей свѣтлости належащихъ. Здѣсь слышно было, что вице-канцлеръ отъ двора въ отлученіи, для того на кувертѣ подписано, чтобъ изъ него вынуть письма до вашей свѣтлости, а другой удержать до возвращенія вице-канцлера; въ томъ помянутыя персоны.

Стельсу отъ Тессинга деньги заплачены; облигаціи не присланы. Тессингъ о присылкѣ тѣхъ писалъ.

Прилагаю при семъ письмо, принятое отъ агента Фанденбурга; прочихъ два удержу у себя, не чая быть въ нихъ важныхъ дѣлъ,—одно отъ агента московскаго во всей Итали отъ Матія Каретты, второе—отъ консуля Боциса изъ Венеціи.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. XLIII „Министерскія дѣла кн. Б. И. Куракина. 1710—1711 гг.", стр. 495—498; № хрон. описи 1010].

841. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1711 г. ноября 11. Кенигсбергъ.

Получены нынѣ здѣсь письма изъ Гравенгаги отъ г. посла Матвѣева, отъ 23 октября, изъ которыхъ усмотрѣли, что между Англіи и Голландіи по предложеніямъ, отъ короля французскаго учиненнымъ, ихъ склоняютъ союзниковъ къ миру, и сами склонны являются паче другихъ. Чего ради повелѣлъ мнѣ его царское величество къ вашей милости писать, дабы ваша милость нынѣ ближе голландцевъ къ себѣ склонялъ, предъявляя имъ склонность царскаго величества, что онъ во всякихъ имъ нужныхъ случаехъ хочетъ всякую пріязнь и вспоможеніе съ своей стороны явить; ежели они того отъ его величества пожелаютъ, то и союзомъ обяжется съ ними. И во знакъ склонности и пріязни своей къ нимъ благонамѣренъ съ ними договоръ учинить о коммерціи къ пользѣ обоихъ народовъ, по предложенію о томъ ихъ посланника г. Краненбурга, при дворѣ его царскаго величества нынѣ пребывающаго, на которое предложеніе его, посланниково, о той коммерціи царское величество нынѣ резолюцію свою учинить изволилъ и тотъ договоръ повелѣлъ окончать. Но понеже при дворѣ его

царскаго величества здѣсь о состояніи коммерціи подлиннаго извѣстія нѣтъ, то принужденъ то отложить до прибытія его величества въ свое государство, а по прибытіи, увѣдомившись о состояніи оной подлинно, немедленно резолюція на то прислана къ вамъ будетъ; въ чемъ ваша милость изволь ихъ обнадежить и всячески склонять къ пріязни съ его царскимъ величествомъ.

Его царское величество изволилъ сюда прибыть вчерашняго дня, а утре рано изволитъ идти чрезъ Куришгафъ до Мемеля водою, а отъ Мемеля сухимъ путемъ чрезъ Ригу въ С.-Петербургъ.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. X „Корреспонденція ко двору. 1711—1712 гг.", стр. 21—22; № хрон. описи 1064].

842. Князь Б. И. Куракинъ—Г. И. Волкову.

1711 г. ноября 13 (24).

Мой господинъ. Первое ваше писаніе, отъ 21 ноября, изъ Парижа получилъ, на которое, по моемъ благодареніи, отвѣтствую.

Сегодня съ почтою отвѣтъ того двора на два артикула отправилъ; и требуютъ прежде отвѣта на ихъ предложенные пять артикуловъ, на которые я не могу отвѣтствовать, для того что въ мою бытность оныя письма ваши не дошли. И о томъ донынѣ мнѣ никакого сообщенія отъ двора не было, и на то будемъ ожидать указа отъ двора. Между тѣмъ же всѣмъ, ежели они будутъ требовать на то скораго отвѣта, не сумнѣваюсь, чтобы вы, мой господинъ, не продолжили времени только отговоркою дальной къ нашему двору корришпонденціи.

Съ письма вашего списавъ списокъ, къ превосходительнѣйшему графу послалъ.

Я съ вами сходенъ въ мнѣніи, что Англія при мирѣ генеральномъ больше будетъ шведскаго интереса искать, нежели

нашего. О мирѣ хотя тамъ и разглашаютъ, но прошу вдругъ на то не полагаться, для того [что] не токмо Голландія, но вся имперія гораздо сему противны являются, чтобы съ такимъ потеряніемъ тотъ миръ учинить.

Здѣсь я съ посломъ Матвѣевымъ нѣкоторыя предложенія аліатомъ чинили. Прошу навѣдываться всячески, нѣтъ ли какого тамъ слуха о какомъ ни есть нашемъ здѣсь предложеніи. Впредь нѣчто изъ того надобное вамъ не оставлю сообщить.

Вѣдомости получилъ вечёръ, каковы при семъ посылаю на итальянскомъ языкѣ.

Отъ двора еще никакихъ писемъ не получилъ; токмо слышимъ, что его царское величество изъ Торуня пошелъ въ Эльбингъ и тутъ недѣлю промедлитъ.

Ежели будетъ разглашено, что я сюда пріѣхалъ для дѣлъ, то весьма [извольте] отводить и сказывать другимъ какимъ образомъ.

Государь царевичъ изъ Вольфенбюттеля поѣхалъ въ Торунь, гдѣ будетъ зимовать; а по двухъ недѣляхъ и принцеша его будетъ слѣдствовать.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. LXXV „Записки и вѣдомости и всякіе долговые счета князей Б. И. и А. Б. Куракиныхъ. 1711—1729 гг.“, стр. 97—101; № хрон. описи 1073].

843. Принцъ Рагоци—кн. Б. И. Куракину.

1711 г. ноября 17 (28). Данцигъ.

Monsieur. La dernière lettre que vous aurez reçue de moi était écrite d'Elbing. Pendant le séjour que j'y ai fait, le czar n'a pas cessé de me faire espérer qu'avant de me quitter il m'accorderait une conférence, tant au sujet de mes affaires que de celles de la France; mais cette promesse n'a été suivie d'aucun effet, et, par un changement inconcevable à mon égard, Sa Majesté s'est séparée de moi sans rien déterminer sur ces matières, et même sans

les examiner. Elle m'a donné des marques plus sensibles encore de son éloignement pour moi, en réglant la subsistance à une partie de ma cour qui avait suivi la sienne. Cette conduite m'a frappé d'autant plus vivement que, lorsque je m'examine, je ne trouve point y avoir donné lieu, et ce qui m'y rend plus sensible est le peu d'attention qu'on a marqué pour un avis aussi salutaire que celui que j'avais donné, et qui était que, dans la disposition des esprits à la paix générale, son éloignement de ces pays-ci ne manquerait pas de porter préjudice à ses affaires.

J'ai trouvé la chancellerie si remplie des créatures et des partisans des alliés que je me trouve obligé de rompre tout commerce avec elle; on n'a pourtant pas laissé de me promettre qu'on y ferait expédier des ordres en faveur de mes intérêts à tous les ministres de Sa Majesté dans les cours étrangères, et je prie Votre Altesse de me vouloir bien apprendre s' [il] lui est venu quelque chose de semblable. Je suis revenu dans cette ville, où je me tiendrai aussi longtemps que mes intérêts le demanderont.

Les lettres que j'ai reçues de Russie en dernier lieu ne parlent pas de paix conclue avec la Porte comme d'une paix bien ferme; elles m'apprennent, au contraire, que le khan des Tartares et le grand-vizir ont été appelés à Constantinople, et que le roi de Suède a reçu la permission de passer l'hiver à Bender. Le grand seigneur ayant reconnu le roi Auguste pour légitime roi de Pologne, celui-ci a nommé le palatin de Mazovie pour ambassadeur extraordinaire de sa part et de celle de la République à la Porte. Les personnes zélées pour les intérêts du czar croient qu'il pourrait arriver beaucoup de choses qui y seraient contraires, si le roi Auguste trouvait les moyens de faire une paix particulière avec le roi de Suède et de ramener les Turcs à la guerre en leur représentant que, contre la foi du dernier traité, les Moscovites n'ont pas évacué la Pologne; ces gens fondent leur opinion sur le mécontentement que le roi Auguste fait paraître contre le czar.

Quoique la conduite de la cour à mon égard ait beaucoup diminué de l'empressement avec lequel je m'intéressais à elle, vous pouvez néanmoins compter que je ne me relâcherai jamais sur les sentiments d'estime et d'amitié que vous me connaissez pour vous, persuadé que vous voudrez bien y répondre par la continuation de ceux que vous m'avez toujours témoignés. Monsieur, de Votre Altesse le très humble et très obéissant le comte de Saaros.

[Переводъ]. Послѣднее мое письмо, полученное вами, было изъ Эльбинга. Въ продолженіе всего моего пребыванія тамъ его царское величество не переставалъ обнадеживать меня обѣщаніемъ назначить мнѣ передъ отъѣздомъ конференцію, для обсужденія какъ моихъ дѣлъ, такъ и дѣлъ Франціи; но это обѣщаніе осталось неисполненнымъ, и, вслѣдствіе непостижимой перемѣны относительно меня, мы разстались съ его царскимъ величествомъ, ничего не рѣшивъ касательно этихъ вопросовъ и даже не обсудивъ ихъ. Его царское величество выказалъ мнѣ еще сильнѣе свое охлажденіе, ограничивъ содержаніе той части моей свиты, которая послѣдовала за его дворомъ. Это поведеніе поразило меня тѣмъ болѣе, что, провѣряя себя, я не нахожу никакого къ тому повода; но еще болѣе оскорбляетъ меня пренебреженіе, съ которымъ отнеслись къ полезному совѣту, данному мной; я находилъ именно, что въ настоящую минуту при настроеніи умовъ, направленныхъ ко всеобщему миру, удаленіе его царскаго величества изъ этихъ странъ не можетъ не повредить ему въ его дѣлахъ.

Я нашелъ канцелярію наполненной креатурами и приверженцами союзниковъ, такъ что вынужденъ былъ прервать съ ней всякое сношеніе, хотя для огражденія моихъ интересовъ мнѣ и обѣщали послать оттуда указъ всѣмъ министрамъ его величества, находящимся при иностранныхъ дворахъ; и я прошу вашу свѣтлость увѣдомить меня, получили ли вы что-нибудь подобное. Я возвратился въ этотъ городъ, гдѣ и останусь столько времени, сколько потребуютъ мои дѣла.

Изъ послѣднихъ писемъ, полученныхъ мною изъ Россіи, не видно, что бы миръ, заключенный съ Портой, считался достаточно прочнымъ: въ нихъ говорится напротивъ, что татарскій ханъ и великій визирь были вызваны въ Константинополь, а король шведскій получилъ разрѣшеніе зимовать въ Бендерахъ. Такъ какъ турецкій султанъ призналъ Августа законнымъ королемъ Польши, то этотъ послѣдній назначилъ отъ своего имени и отъ имени республики мазовецкаго воеводу чрезвычайнымъ посломъ въ Турцію. Горячіе приверженцы царя опасаются за его интересы въ случаѣ, еслибъ Августъ нашелъ возможность заключить отдѣльный миръ съ шведскимъ королемъ и склонить турокъ вновь къ войнѣ, доказавъ имъ, что, противно условіямъ послѣдняго трактата, русскіе не вышли изъ Польши. Лица эти основываютъ свое мнѣніе на недовольствѣ, высказываемомъ Августомъ противъ царя.

Хотя поведеніе вашего двора относительно меня на многое уменьшило мое расположеніе къ нему, тѣмъ не менѣе вы можете разсчитывать, что я

Уже за нѣсколькія недѣли было разглашеніе о съѣздѣ мирныхъ договоровъ съ Францiею у Англіи, но то отъ времени до времени продолжалося для несогласія аліатовъ, для того что предложеніе первое Францiя Англіи объявила къ тому миру такимъ образомъ, чтобы монархіи гишпанской быть раздѣленной: внуку короля французскаго дуку д'Анжу, или, какъ [его] называютъ, королю гишпанскому Филиппу V,— вся Гишпанія и Индія Гишпанская, а цесарю, или гишпанскому же королю Карлу,—всѣ провинціи въ Италіи, т.-е. королевство неапольское, сицильское, дукатство милянское съ островами Майоркой, Миноркой и Сардиніей, всѣ Фляндры и Брабантъ.

Голландцы хотя были тому противны и съѣзда весьма не хотѣли, однакоже, для великой силы Англіи боясь, чтобъ одна Англія особливе мира не учинила, дали въ волю королевѣ аглинской избраніе мѣста къ тому генеральному съѣзду и пашпорты министрамъ французскимъ дали. И мѣсто назначено въ Утрехтѣ генваря къ двунадесятъ числу.

Министры цесарскіе, видя такую склонность Англіи къ миру и послѣдствованіе худое и предосудительное интересамъ цесарскимъ, по торжественной протестаціи декларовали, что цесарь министровъ своихъ къ тому съѣзду не пришлетъ и тѣ помянутыя предложенія Франціи не пріемлетъ, которыя весьма ему предосудительны, для того [что], ежели нынѣ миръ такимъ образомъ о раздѣленіи монархіи гишпанской учинятъ Англія и Голландія, цесарь, какъ уже сдѣланъ королемъ гишпанскимъ, потеряетъ оное королевство, также и впредь, какъ домъ аустрійскій имѣлъ на ту монархію претенсіи, уже по окончанію такому не будетъ никакихъ имѣть претенсій.

Цесарь и во всю имперію къ принцамъ писалъ, дабы своихъ министровъ къ тому съѣзду удержали. Посему еще видимъ великое несогласіе и будемъ смотрѣть, можетъ ли какимъ образомъ сей миръ учиниться. И когда собраніе французскихъ министровъ и союзничьихъ будетъ, и что́ будетъ дѣлаться, все впредь обстоятельно буду доносить.

Интересомъ сѣвернымъ есть сходнѣе, дабы сіе дѣло въ дальномъ видѣ было, а особливе для лучшаго окончанія желаемаго отъ насъ со стороны Бендеря.

О мирѣ томъ съ Франціею еще неможно сказать, что миръ вѣрно будетъ, для того что всѣ по запросамъ своимъ аліаты отъ Франціи удовольствованы быть не могутъ. Однако со стороны Англіи уже есть виды тѣ, что къ окончанію будетъ приведено, для того что оная, имѣвъ полный мѣшокъ въ рукахъ своихъ денегъ, всѣми повелительствуетъ, а когда откажетъ, то безъ денегъ никто войны имѣть не можетъ; того для и всѣ ей послѣдствовать будутъ.

Здѣсь разглашаютъ, что г. Шафировъ уже съ великимъ везиремъ до Константинополя прибылъ.

Изъ Англіи получена вѣдомость о необыкновенномъ запрещеніи. Тотъ народъ по вся годы сего мѣсяца, въ день рожденія королевы Елисабеты, ввечеру, сдѣлавъ персону папы римскаго и при немъ иныя персоны,—также іезуитовъ и капуциновъ, во всемъ ихъ властномъ одѣяніи, деревянныя, сжигали публично на площадяхъ; но нынѣ то указомъ отъ двора учинить не допущено было, и того для вся гвардія и городовые были въ ружьѣ, опасаяся бунта.

Окончавъ, вручаю себя въ милостивую протекцію вашему царскому высочеству.

P. S. О чемъ изволили приказывать, освѣдомился—и только.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. X „Корреспонденція ко двору кн. Б. И. Куракина. 1711—1712 гг.“, стр. 24—26; № хрон. описи 1101].

847. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1711 г. ноября 29. Рига.

О здѣшнемъ милости вашей объявляю. Его царское величество намѣренъ здѣсь помѣшкать еще съ недѣлю, ожидая зимняго пути, а потомъ отсюда изволитъ идти въ Перновъ, въ Ревель и оттуда чрезъ Нарву въ С.-Петербургъ.

Въ сихъ числѣхъ г. подканцлеръ баронъ Шафировъ писалъ сюда, отъ 16 октября, изъ турецкаго обоза, что̀ объявилъ ему везирь, — что салтанъ прислалъ къ нему указъ короля шведскаго всеконечно выслать изъ области турецкой, ежели не похочетъ инымъ путемъ, то сильно чрезъ земли его царскаго величества съ пашою [и отрядомъ] въ нѣсколькихъ стахъ человѣкахъ турокъ. И требовали въ томъ обнадеживательныхъ писемъ, что оный свободно препровожденъ будетъ до земель его чрезъ земли царскаго величества отъ г. фельдмаршала графа Шереметева и губернатора кіевскаго г. князя Голицына; и они, такія письма написавъ, послали. Посему надѣемся, что его, короля шведскаго, изъ области турецкой вышлютъ. И къ г. генералъ-фельдмаршалу отъ его царскаго величества посланъ указъ, ежели его, короля шведскаго, препроводятъ чрезъ земли его величества, то чтобъ оный его принялъ и проводилъ съ подобающею честью.

Что̀ изволилъ ваша милость писать, чтобъ иноземцу Бранту 6200 ефимковъ, которые ваша милость отъ него принялъ въ опредѣленное себѣ жалованье, заплачены были корришпондентомъ его, брантовымъ, на Москвѣ, то я о томъ въ Посольскій приказъ къ секретарямъ писалъ, чтобы за вышепомянутое число ефимковъ деньги, по принятіи тѣхъ вашихъ векселей, немедленно корреспондентомъ его отдали.

Пятьсотъ ефимковъ, которые вы издержали за портреты государевы, — и оные присланы къ государынѣ царицѣ, — велѣно бригадиру Балку изъ Эльбинга перевести къ вамъ.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. X „Корреспонденція ко двору. 1711—1712 гг.“, стр. 56—57; № хрон. описи 1104].

848. Принцъ Рагоци — кн. Б. И. Куракину.

1711 г. декабря 20 (31). Данцигъ.

Monsieur. J'ai reçu depuis mon retour d'Elbing trois lettres de votre part, à la première desquelles j'ai répondu il y

a quelque temps, et dont les deux dernières, qui me sont venues dans ces jours, étaient du 5 novembre et du 13 décembre, de sorte qu'il en manque une, qui est la réponse à la mienne du 28 novembre. J'ai répondu à celles que vous m'avez écrites de Carlsbad par l'adresse de Dresde que vous m'aviez donnée, ce qui me fait juger que le malheur que vous craigniez pour vos lettres est arrivé aux miennes.

Je vous suis infiniment obligé, Monsieur, des marques que vous me donnez de la continuation de votre amitié par celle de votre commerce, et suis également sensible à l'attention avec laquelle vous avez bien voulu me communiquer la réponse de la cour de France. Comme l'abbé Brenner, chargé à présent de mes affaires à cette cour, aura soin de mes affaires au traité de la paix générale, je lui ordonne aujourd'hui, en cas qu'il se trouve au lieu du congrès, de faire ce que vous me demandez au sujet de l'abbé de Polignac, et le connaissant, comme vous faites, Monsieur, vous pouvez lui écrire conformément à ce que je vous marque. Poussant plus loin là-dessus ma bonne volonté pour Votre Altesse, par le canal du baron Besenval, envoyé de France dans ce pays-ci, je crois pouvoir y réussir et vous assurer que le roi très-chrétien ordonnera non-seulement à l'abbé de Polignac, mais encore à ses autres plénipotentiaires d'avoir des égards tout particuliers pour votre personne. Je suis persuadé que, rendant compte au czar de cette réponse, vous lui aurez fait connaître combien elle était raisonnable, considérant que dans la situation où est la France présentement, par rapport au traité de la paix générale, elle ne pouvait s'engager à rien de nouveau sans être assurée que Sa Majesté Czarienne n'eût voulu se joindre à elle par des liens solides.

Il est bien fâcheux qu'il n'y ait personne à votre cour par qui l'on puisse insinuer de quelle importance il serait dans la conjoncture présente qu'on prît par avance des mesures conformes aux intérêts et à la gloire du maître, en cas que les négociations de la paix générale vinssent à manquer.

Je ne crois pas qu'on ne vous ait [pas] déjà appris que le roi de Suède doit passer en Moscovie. Il semble que cette nouvelle soit certaine, vu qu'elle est venue de monsieur Chérémétev et même de votre cour dans ce pays-ci. Vous jugerez néanmoins, Monsieur, que lorsqu'il s'agit d'un événement de cette nature, il reste toujours quelque doute dont on remet l' éclaircissement au temps. Au reste, la plupart des gens de ce pays-ci sont d'autant plus enclins à ajouter foi au bruit de ce passage, qu'ils le craignent comme une suite d'une paix particulière entre le czar et le roi de Suède. En mon particulier, lorsque j'envisage les intérêts différents qui divisent ces deux princes, je croirais qu'il y aurait plutôt une trêve qu'une paix entre eux. Tout ce que je puis vous dire de positif est que la reine d'Angleterre songe sérieusement à moyenner cette paix et, quoique j'aie appris que monsieur Urbich qui doit passer à la Haye pour remplir la place de monsieur Matvéev sera chargé de cette négociation, je vous prie, néanmoins, de me faire savoir, alors que vous en aurez connaissance, quelles seront les intentions du czar à l'égard de la Livonie, vu que si Sa Majesté ne pouvait pas absolument garder ce pays qu'elle ne veut point rendre au roi de Suède, je pourrais aisément suggérer, mon Prince, entre les mains de qui elle pourrait la remettre sans faire tort à ses intérêts ni donner de la jalousie aux alliés.

L'adresse de mon correspondant de Berlin vous étant inutile, je vous prie de vous servir, sous le couvert d'Andréas Schmidt, marchand à Danzig, de la mienne qui est à Pompejo Cettoni. Votre Altesse sera persuadée, s'il lui plaît, que faisant de son amitié tout le cas qu'elle mérite, je ne souhaite rien [de] plus passionnément que de pouvoir lui donner des preuves réelles de la mienne et de la considération très parfaite avec laquelle je suis votre très humble et très obéissant serviteur. Pompejo Cettoni.

[Переводъ]. По возвращеніи моемъ изъ Эльбинга, я получилъ отъ васъ три письма; на первое изъ нихъ я отвѣтилъ нѣсколько времени тому назадъ, остальныя же два, полученныя мною на этихъ дняхъ, помѣчены 5 ноября и 13 декабря; такимъ образомъ не достаетъ одного письма, а именно отвѣта

на мое письмо, отъ 28 ноября. Отвѣты свои на ваши письма изъ Карлсбада я адресовалъ въ Дрезденъ, какъ вы мнѣ о томъ писали; а это заставляетъ меня опасаться, что и мои письма подверглись той же участи, какъ и ваши.

Обязанъ вамъ безконечно за продолженіе вашихъ сношеній со мной, какъ за доказательство вашего неизмѣннаго расположенія ко мнѣ, а также и за любезное сообщеніе мнѣ объ отвѣтѣ французскаго двора. Такъ какъ аббату Бреннеру поручены теперь мои дѣла при этомъ дворѣ, и онъ же будетъ отстаивать мои интересы при договорѣ о всеобщемъ мирѣ, то я ему приказываю сегодня, въ случаѣ, если онъ будетъ находиться на конгрессѣ, исполнить то, чтó вы желаете по поводу аббата Полиньяка; а разъ вы съ нимъ такъ коротко знакомы, вы можете написать ему сообразно съ тѣмъ, чтó я вамъ сообщаю. Желая еще болѣе угодить вашей свѣтлости въ этомъ дѣлѣ, я думаю, что чрезъ посредство барона Безенваля, здѣшняго французскаго посланника, мнѣ вполнѣ удастся добиться того, чтобы христіаннѣйшій король приказалъ не только аббату Полиньяку, но и всѣмъ своимъ другимъ полномочнымъ министрамъ выказать всевозможное вниманіе къ вашей особѣ. Я вполнѣ убѣжденъ, что, докладывая о вышеупомянутомъ отвѣтѣ царю, вы поставили ему на видъ все благоразуміе этого отвѣта, принявъ въ соображеніе, что въ томъ положеніи, въ которомъ находится нынѣ Франція относительно договора о всеобщемъ мирѣ, она не могла принять на себя какого-нибудь новаго обязательства, не будучи заранѣе увѣренной въ желаніи его царскаго величества соединиться съ ней тѣсными узами.

Очень досадно, что нѣтъ такого лица при вашемъ дворѣ, посредствомъ котораго можно было бы внушить, насколько важно въ данномъ случаѣ принять заранѣе мѣры, касающіяся интересовъ и славы государя, на случай, если бы переговоры о всеобщемъ мирѣ не достигли своей цѣли.

Думаю, что вамъ уже извѣстно о предполагаемомъ проѣздѣ шведскаго короля черезъ Россію. Извѣстіе это должно быть достовѣрнымъ, такъ какъ оно проникло сюда чрезъ г. Шереметева и даже при посредствѣ вашего двора, хотя вы согласитесь съ тѣмъ, что событіе такого рода остается подъ сомнѣніемъ до полнаго его выясненія. Впрочемъ, здѣсь тѣмъ болѣе склонны вѣрить этому слуху, чѣмъ болѣе его боятся, такъ какъ это явилось бы слѣдствіемъ отдѣльнаго мира, заключеннаго между царемъ и шведскимъ королемъ. Принимая въ соображеніе различіе интересовъ этихъ двухъ государей, я лично склоненъ думать, что у нихъ произойдетъ скорѣе перемиріе, чѣмъ миръ. Я могу вамъ сообщить за достовѣрное лишь то, что королева англійская серьезно думаетъ хлопотать объ этомъ мирѣ; и хотя я узналъ, что переговоры будутъ поручены г. Урбиху, который долженъ замѣстить въ Гагѣ г. Матвѣева, тѣмъ не менѣе я васъ прошу извѣстить меня, какъ только вамъ самимъ будетъ извѣстно, каковы будутъ намѣренія царя относительно Ливоніи: если его царскому величеству положительно нельзя будетъ оставить ее за собой, а онъ не захочетъ возвратить ее шведскому королю, то я легко могу надоумить, въ чьи руки можно ее передать, не повредивъ своимъ интересамъ и не возбудивъ зависти въ союзникахъ.

Такъ какъ адресъ моего берлинскаго корреспондента вамъ не нуженъ, то я буду просить васъ писать мнѣ подъ конвертомъ Андрея Шмидта, данцигскаго купца, адресуя на имя Помпея Четтони.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. LXVIII „Министерскія письма. 1711—1727 гг.", стр. 12—16; № хрон. описи 1150].

849. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1711 г. декабря 21. Ревель.

Что изволите ваша милость въ письмѣ своемъ, отъ 23 ноября, ко мнѣ писать, что доношенія о тамошнихъ дѣлѣхъ вамъ отъ себя чинить ли,—и о семъ я вашей милости совѣтую, чтобы вы изволили писать сюда о всѣхъ тамошнихъ состояніяхъ, что́ увѣдаете.

Писалъ ко мнѣ посолъ г. Матвѣевъ неоднократно въ письмахъ своихъ, что королева великобританская, по своей тайной пересылкѣ во Францію, своимъ братомъ принцемъ Галлисомъ сердечно склонилась, что всемѣрно обѣщаетъ ему промыслить по себѣ корону королевства того, уничтожа наслѣдство дома ганноверскаго.

И о томъ его царское величество повелѣлъ мнѣ къ вашей милости писать, дабы вы,—ежели то правда,—внушали о томъ ганноверскимъ министрамъ, что сіе со стороны аглинской чинится къ самому предосужденію ихъ, представляя, что, когда имъ въ томъ надежда малая видится, то зѣло бы высокопотребно, егда-бъ они вступили съ его царскимъ величествомъ и союзники его въ ближайшій и крѣпчайшій союзъ, чрезъ который въ нынѣшней войнѣ могли-бъ участіе и удовольствованіе получить; о семъ его царское величество указалъ къ вамъ писать для того, что вамъ того двора министры знаемы.

Что же изволите писать, что желаютъ французскіе министры резолюціи на объявленные пять пунктовъ отъ нихъ ему, Волкову, и то его царское величество по нынѣшнимъ конжюктурамъ изволилъ поотложить.

Его царское величество изволилъ прибыть сюда сего мѣсяца въ 13 день и остановиться здѣсь за распутицею, понеже зимняго пути еще нѣтъ. А намѣренъ, взявъ здѣсь праздникъ Рождества Христова, попрежнему идти чрезъ Нарву въ С.-Петербургъ.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. X „Корреспонденція ко двору. 1711—1712 гг.", стр. 89—91; № хрон. описи 1131].

850. Принцъ Рагоци—кн. Б. И. Куракину.

1712 г. января 5 (16). Данцигъ.

Monsieur. Celui qui aura l'honneur de rendre la présente à Votre Altesse a été chargé de mes affaires en Angleterre et se tient à présent par mes ordres en Hollande. Je vous prie de vouloir bien lui accorder votre protection, et lui ajouter foi en tout ce qu'il aura l'honneur de vous dire de temps en temps de ma part. Comme je ne doute point que Votre Altesse, par un effet de son amitié ordinaire à mon égard, ne s'ouvre quelquefois à lui sur ce qui pourra concerner mes intérêts, je vous prie, Monsieur, que, considérant qu'il ne les connaît point par rapport à la France, vous ne lui communiquiez que ce qui pourra les regarder par rapport aux alliés.

Je finis en vous souhaitant une année très heureuse, et en vous renouvelant les assurances d'une amitié réciproque et de la considération très parfaite avec laquelle je suis, Monsieur, de Votre Altesse le très humble et très obéissant serviteur. Le comte de Saaros.

[Переводъ]. Тому лицу, которое будетъ имѣть честь передать вашей свѣтлости это письмо, были поручены мои дѣла въ Англіи, а въ настоящую минуту я приказалъ ему находиться въ Голландіи. Прошу васъ оказать ему свое покровительство и вѣрить всему, что онъ будетъ передавать вамъ по временамъ отъ моего имени. Такъ какъ я не сомнѣваюсь, что ваша свѣтлость, по своему обычному расположенію ко мнѣ, будете иногда сообщать ему, что относится къ моимъ интересамъ, то я просилъ бы васъ говорить съ нимъ лишь о томъ, что будетъ касаться союзниковъ, въ виду того, что онъ совсѣмъ не посвященъ въ дѣла относительно Франціи.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. LXVIII „Министерскія письма. 1711—1727 гг.“, стр. 25—27; № хрон. описи 1191].

851. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину.

1712 г. генваря 11 (22). Гага.

Конференція еще между министрами въ Утрехтѣ не была и, какъ чаютъ, будетъ въ началѣ предбудущей недѣли.

По пріѣздѣ министровъ французскихъ, министры аглинскіе первую визиту имъ отдали, и при первой встрѣчѣ маршалъ д'Юкселль, давъ руку бискупу бристольскому, сказалъ, что онъ ему даетъ руку и миръ. И, какъ слышимъ, оные обходятся во всякомъ согласіи.

Топерь находится не малая трудность между всѣми министры къ тому съѣзду, что не имѣютъ никого медіаторомъ. Когда министры чужестранные пріѣзжаютъ къ съѣзду, тогда обсылаются ко всѣмъ, какъ обыкновенно, и объявляютъ свои полномочныя медіатору. Но нынѣ въ томъ трудность находится, кому бы могли напредь объявлять свои полномочныя, также и къ конференціямъ кто бы могъ сзывать и предложенія объявлять всему собранію, для того что французскіе во всемъ томъ не уступятъ аглинскимъ, аглинскіе же начинаютъ претенсіи имѣть.

Однако сіе къ несогласію между ихъ не приведетъ, того для, какъ слышимъ, что агличане трудятся, чтобъ имъ быть при томъ съѣздѣ дѣйствительнымъ въ дѣлѣхъ, какъ медіаторомъ. Но сему всѣ принцы имперскіе уже есть согласно противными и допустить не хотятъ, а какъ чаютъ, посолъ венетскій, котораго вскорѣ сюда ожидаютъ, приметъ то на себя, и хотя за явнаго медіатора не будетъ, но будетъ приватно тѣхъ дѣла отправлять, что надлежитъ медіатору, и предложенія тайныя отъ одного къ другому переносить.

Графъ Цинцендорфъ и Комсбрукъ, министры цесарскіе, сюда пріѣхали.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. X „Корреспонденція ко двору. 1711—1712 гг.", стр. 87—88; № хрон. описи 1183].

852. Принцъ Рагоци—кн. Б. И. Куракину.

1712 г. января 16 (27). Данцигъ.

Monsieur. J'ai reçu la lettre que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire le 15 de ce mois, aussi bien que la précédente dont vous étiez en peine. Je suis bien aise que les ord-

res que j'ai donnés à l'abbé Brenner vous satisfassent; vous pouvez compter, Monsieur, que j'embrasserai toujours avec empressement les occasions de vous marquer mon amitié et le cas que je fais de la vôtre.

Le traité secret entre l'Angleterre et la Hollande, duquel vous me parlez, est un incident que j'ai prévu et fait envisager au czar, et montre assez que ces deux puissances sont résolues de persister dans une parfaite union entre elles, ce qui est un motif à Sa Majesté Czarienne de chercher avec empressement à s'unir étroitement avec la France pour prévenir les suites que leur union pourrait avoir au préjudice de ses intérêts. Malgré le mépris qu' elle a témoigné en dernier lieu tant pour ma personne que pour les liaisons qu'elle avait prises avec moi, je ne laisse pas de persister dans mon attachement ordinaire à ses intérêts; et j'ai été assez heureux pour trouver une occasion de lui en donner des marques, vu que, depuis les bruits d'une nouvelle guerre de la part des Turcs, ayant ordonné au comte Bercheny de faire sonder le roi de Suède sur la paix par les gens que j'ai encore en Turquie, j'ai reçu là-dessus des avis qui m'ont autorisé à marquer à Sa Majesté Czarienne que si elle voulait répondre à la disposition de ce prince, elle pouvait sûrement nommer ses plénipotentiaires et compter que le lieu des conférences serait bientôt nommé, de sorte qu'il ne tiendra qu'à elle de terminer ses affaires avec la Suède. Cela ne me paraît pas devoir être négligé, vu que le bruit court que l'objet des négociations du roi Auguste à la cour de Berlin par le comte Flemming a été d'engager le roi de Prusse à se porter médiateur entre le roi de Suède et lui en vue d'une paix particulière.

Je vous suis bien obligé, Monsieur, de ce que vous me marquez des discours du prince Eugène à mon sujet. La cour de Vienne me fait offrir la même chose ici, mais comme elle ne songe point à me rendre la Transylvanie, toute autre proposition sans cet article ne peut pas me contenter, espérant que tôt ou tard Sa Majesté Czarienne verra

combien il importe à ses intérêts que le traité qu'elle a fait avec moi ne demeure pas sans effet. Je souhaite qu'étant présentement à portée de traiter avec les plénipotentiaires de France, vous puissiez réussir dans le dessein que vous avez d'unir par des liaisons étroites Sa Majesté Czarienne avec leur maître; à quoi de mon côté je contribuerai de tout mon coeur, autant qu'il me sera possible, quand ce ne serait que pour vous marquer avec quelle sincérité et quelle considération je suis, Monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur. Cettoni.

[Переводъ]. Я получилъ письмо, которымъ вы почтили меня отъ 15 текущаго мѣсяца, равно и предыдущее, за участь котораго вы боялись. Я очень радъ, что приказанія, отданныя мною аббату Бреннеру, васъ удовлетворяютъ; вы можете быть увѣрены, что я всегда воспользуюсь всякимъ случаемъ доказать вамъ свою дружбу и то, какъ высоко я цѣню вашу.

Тайный договоръ между Англіей и Голландіей, о которомъ вы говорите, есть инцидентъ, предвидѣнный мною, и на него я обращалъ вниманіе царя, ибо онъ ясно говоритъ о неизмѣнномъ рѣшеніи этихъ двухъ державъ оставаться въ полномъ союзѣ между собой, что можетъ служить поводомъ его царскому величеству усердно искать тѣснаго союза съ Франціей для предупрежденія послѣдствій ихъ договора, могущихъ повредить интересамъ царя. Несмотря на пренебреженіе, выказанное его величествомъ въ послѣднее время не только ко мнѣ лично, но и къ обязательствамъ, имъ принятымъ относительно меня, я продолжаю упорствовать въ моемъ всегдашнемъ усердіи къ его интересамъ. Я былъ такъ счастливъ, что нашелъ случай доказать ему это: по поводу слуховъ о новой войнѣ съ Турціей я отдалъ приказъ графу Берчени позондировать шведскаго короля насчетъ мира чрезъ посредство моихъ агентовъ, находящихся еще въ Турціи, и получилъ оттуда свѣдѣнія, которыя позволили мнѣ сообщить его царскому величеству, что, если ему угодно идти на встрѣчу намѣреніямъ шведскаго короля, то онъ можетъ смѣло назначить своихъ полномочныхъ министровъ и разсчитывать на скорое назначеніе мѣста конференцій, такъ что будетъ всецѣло зависѣть отъ него покончить свои дѣла съ Швеціей. Мнѣ кажется, что этимъ не слѣдуетъ пренебрегать въ виду слуха, что цѣль переговоровъ, веденныхъ графомъ Флеммингомъ при прусскомъ дворѣ отъ имени короля Августа, состоитъ въ томъ, чтобъ уговорить прусскаго короля сдѣлаться посредникомъ между королями Швеціи и Польши съ цѣлью отдѣльнаго мира.

Очень обязанъ вамъ за сообщеніе мнѣ того, что говорилъ на мой счетъ принцъ Евгеній. Вѣнскій дворъ предлагаетъ мнѣ то же самое и здѣсь; но, такъ какъ онъ не думаетъ возвратить мнѣ Трансильванію, всякое другое предложеніе безъ этой статьи не можетъ удовлетворить меня. Надѣюсь, что рано или поздно его величество увидитъ, насколько важно для его интересовъ, чтобы договоръ, заключенный со мной, вошелъ въ силу. Желаю, чтобы вы, рѣшившись въ данную минуту на переговоры съ полномочными министрами

Франціи, успѣли въ вашемъ намѣреніи соединить тѣсными узами его царское величество съ ея государемъ, чему я, съ своей стороны, буду всячески способствовать, насколько это будетъ возможно.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. LXVIII „Министерскія письма. 1711—1727 гг.“, стр. 19—21; № хрон. описи 1201].

853. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину.

1712 г. генваря 22. Гага.

Первая конференція въ Утрехтѣ между союзными министры и французскими была, въ которой изъ союзничьихъ министровъ присутствовали: аглинскіе—бискупъ бристольскій и милордъ Страффордъ, статскихъ депутатовъ пять (а не со всѣхъ еще провинцій), савойскій—марки Дельбурго; а со стороны французской трое, которые уже вамъ извѣстны.

При томъ съѣздѣ бискупъ бристольскій говорилъ рѣчь, вмѣняя себя за перваго и являючись лицомъ медіатора, что́ отъ многихъ принято за противность. Потомъ милордъ Страффордъ говорилъ, что многіе принцы аліанса великаго еще своихъ министровъ не прислали, не хотя примать за основаніе къ миру предложенныхъ семь артикуловъ, учиненныхъ Англіи отъ стороны французской. Того для надѣются, что они, министры французскіе, иныя предложенія пространнѣе свои объявятъ. На что Бойсъ равнымъ же видомъ говорилъ и сказалъ, что въ бытность его въ Англіи все министерство его тѣмъ же обнадежили.

На то всѣмъ имъ отвѣтствовалъ г. Полиньякъ, что они, аліаты, имѣютъ резонъ оныхъ семь артикуловъ, предложенныхъ Англіи, не примать за основаніе къ трактату мирному при нынѣшнемъ съѣздѣ; токмо король ихъ имѣлъ бы причину ихъ содержать. Однакожъ они указомъ короля своего нынѣ декларуютъ, что оные за основаніе приняты не будутъ, и они вновь предложеніе, съ своей стороны, учинятъ такъ кратко и безъ закрытыхъ терминовъ, чтобы могли скорѣе окон-

чать; но что они надѣются равнымъ образомъ и отвѣтъ на тѣ со стороны аліатской получить. И то они, министры французскіе, письменно на нынѣшней недѣлѣ, въ среду или въ субботу, хотѣли объявить.

И по окончаніи тѣхъ рѣчей всѣ сообща другъ другу объявили свои полномочныя, и предлагали каждый, съ своей стороны, къ установленію только нѣкоторыхъ дѣлъ къ сему съѣзду, т.-е. три пункта.

1. Министры французскіе просили паса своимъ курьеромъ. На что Статы сошлись дать на 4 недѣли, для того [что], когда будутъ цесарскіе и португальскіе министры требовать также пасовъ курьерамъ чрезъ Францію, тогда будетъ съ обѣихъ сторонъ равнымъ образомъ опредѣлено.

2. При съѣздѣ нынѣшнемъ медіатора никакого нѣтъ. И когда будутъ пріѣзжать министры неутральныхъ принцевъ, до кого будутъ приносить о своихъ интересахъ, ежели въ чемъ дотыкаться котораго будетъ? На то опредѣлили, чтобъ оному министру, сыскавъ изъ министровъ союзничьихъ кого сходнаго, или своего партикулярнаго аліанса, чрезъ того доносъ дѣлать въ то собраніе аліатское; а сами они допущены быть не могутъ.

3. Министры аглинскіе предложили, чтобъ ихъ секретарію посольства держать протоколъ, къ чему французскіе и савойскій явилися сходными; но депутаты голландскіе сказали, что они тому не позволятъ быть и то взяли на доношеніе своимъ Статомъ. И здѣсь по тому доношенію резолюція взята, чтобы секретарію аглинскому протоколъ не записывать, для того что они, аглинскіе министры, чрезъ всѣ образы ищутъ способа, чтобы могли быть медіаторомъ; но голландцы и всѣ тому противны и не допустятъ николи.

Вчерашняго числа здѣсь Статы союзничьимъ министрамъ о всемъ томъ информе сообщили. Но цесарскій министръ графъ Цинцендорфъ того же дня, ввечеру, имѣлъ конференцію со всѣми министры принцевъ имперскихъ,—когда увидятъ отъ министровъ французскихъ письменное предложеніе инымъ об-

разомъ, нежели упомянутые семь артикуловъ, согласно-ль всѣ имѣютъ указы тогда къ тому съѣзду ѣхать. На что опредѣлили прежде видѣть, съ своей стороны, французскую письменную декларацію, какъ я выше упомянулъ, а не на словахъ,—также и предложеніе. И тогда могутъ каждый свой указъ объявить или указъ требовать.

Но ежели въ такой силѣ письменно будетъ со стороны французской декларація учинена, то слышно, что министры цесарскіе намѣрены на съѣздъ ѣхать.

О пріуготовленіи не малаго числа военныхъ кораблей здѣсь еще тайные слухи подтверждаютъ, о которыхъ уже я прошлаго мѣсяца доносилъ, что въ осторожность они, голландцы, себѣ то чинятъ; однакоже сего еще за вѣрно принять неможно.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. X „Корреспонденція ко двору. 1711—1712 гг.", стр. 102—106; № хрон. описи 1197].

854. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1712 г. генваря 22. С.-Петербургъ.

Имѣемъ мы вѣдомость, что г. баронъ Шафировъ въ Царьградъ пріѣхалъ въ 23 день ноября, и отведенъ имъ дворъ, и содержатъ ихъ честно, безъ всякаго утѣсненія. И понеже по договору Азовъ туркамъ отдать, а Каменный Затонъ разорить велѣно, того ради надѣемся, что отъ нихъ никакой противности показано не будетъ. А ежели чтó вновь явится, о томъ милость вашу не оставлю безъизвѣстна.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. X „Корреспонденція ко двору. 1711—1712 гг.", стр. 148—149; № хрон. описи 1198].

855. Князь Б. И. Куракинъ—Я. В. Брюсу.

1712 г. генваря 27 (февраля 7). Гага.

Увѣдомился чрезъ газеты о пріѣздѣ вашего превосходительства въ Эльбингъ, того для не хотѣлъ оставить симъ моимъ услужить.

Здѣсь конференціи между французскими и союзничьи министры непрестанно есть, токмо заподлинно ни миромъ, ни войною обнадежить невозможно, понеже всѣ смотрятъ на парламенты оба аглинскіе. Оными премѣнами и конецъ сихъ дѣлъ окажетъ; однакожъ уже видъ есть не скораго, но продолжительнаго съѣзда. О турецкомъ дѣлѣ здѣсь намъ есть слухъ непріятный: но больше отъ васъ, мой государь, будемъ ожидать подлиннаго вѣдѣнія.

Напоминаю о посылкѣ своей коробочки въ футлярѣ, ежели оная уже отдана человѣку моему для отвозки къ Москвѣ, чего для отъ него никакого извѣстія не имѣлъ.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. LX „Князя Б. И. Куракина корреспонденція къ министрамъ, при иностранныхъ дворѣхъ резидующимъ. 1711—1712 гг.“, стр. 17—18; № хрон. описи 1203].

856. Князь Б. И. Куракинъ—Г. И. Волкову.

1712 г. генваря 28 (февраля 8). Гага.

Зѣло умно совѣтовали Салтыкову прибыть въ Парижъ и оттуль выправить свой пашпортъ. Того для равнымъ образомъ до него писалъ и просилъ, чтобъ онъ предостороженъ во всемъ былъ. Къ тому-жъ и васъ прошу всякими мѣрами престерегать отъ худыхъ ему припадковъ; а какимъ образомъ увѣдали о его туда поѣздкѣ, знать не могу. Надѣюся, что по вашему благоразумію все оное будетъ произведено безъ предосужденія его персонѣ.

Но ежели онъ пріѣдетъ въ Парижъ, того для пишу въ запасъ, чтобы вы ему мой совѣтъ объявили возвратиться въ Голландію для многихъ трудностей, какъ я уразумѣлъ. Однакожъ, ежели онъ видитъ что сходное съ его намѣреніемъ, то въ волю его и разсужденіе оставляю.

Вексель вашъ до г. Тессинга вскорѣ отправилъ, и еще отъ него отповѣди не имѣлъ, и буду стараться, чтобы прежде срока было заплачено. Однакоже сіе безъ убытка не можетъ быть, какъ уже вы порядки купцовъ знаете.

Министры цесарскіе завтрее въ Утрехтъ отъѣзжаютъ, и другіе многіе союзничьи министры, и тогда всѣ дѣла информе начнутся; однако скораго конца въ томъ еще не знаемъ.

О турецкихъ дѣлѣхъ у насъ вновь никакого подтвержденія нѣтъ; однакоже больше къ слабости нашихъ дѣлъ, нежели къ твердости.

Прошу меня пространно увѣдомить о дѣлахъ г. Салтыкова.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. LXXV „Записки, вѣдомости и всякіе долговые счета о приходѣ и расходѣ князей Б. И. и А. Б. Куракиныхъ. 1711—1729 гг.", стр. 124—126; № хрон. описи 1204].

857. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1712 г. января 29. С.-Петербургъ.

Что принадлежитъ о его величества указѣхъ ради престереженія интересовъ при генеральномъ съѣздѣ, и о томъ уже на присланныя отъ васъ статьи его царскаго величества указъ посланъ еще изъ Ревеля, также съ оныхъ отсюда и дубликатъ отправленъ, и надѣемся оным уже быть дошедшимъ до рукъ вашихъ. Извольте о принятіи тѣхъ писемъ, и что по онымъ будете чинить, насъ увѣдомить; а какову ваша милость отъ высокосоюзныхъ отповѣдь получите на предложеніе свое по данной инструкціи вамъ, о томъ будемъ ожидать отъ васъ извѣстія.

Писалъ нынѣ сюда посолъ г. Матвѣевъ, что датскій министръ баронъ Альфельдъ при разговорѣхъ говорилъ ему, что, по многимъ слухамъ, имѣетъ онъ сомнѣніе, будто между его царскимъ величествомъ и шведомъ о партикулярномъ мирѣ тайные договоры чинятся.

О чемъ къ нему, г. послу, писано, чтобъ онъ, какъ ему, такъ и польскому министру объявилъ, что то неправда, токмо сплетенная ложь, знатно, отъ министровъ шведскихъ; о чемъ и ваша милость изволите ихъ увѣрить, что сія самая сплетенная ложь, знатно, со стороны непріятельской, ибо не токмо отъ самого короля шведскаго, ниже отъ иныхъ ни отъ кого о томъ предложенія не было. А ежели бы хотя малое отъ него, короля, или отъ иныхъ кого о томъ предложеніе здѣсь учинено было, то-бъ его царское величество немедленное извѣстіе о томъ учинилъ ихъ королевскимъ величествамъ, яко союзникомъ своимъ. И могутъ они своихъ королей обнадежить, что его царское величество никогда безъ нихъ мира съ непріятелемъ ихъ общимъ не учинилъ бы, пребывая въ надеждѣ, что и ихъ королевскія величества никакихъ предложеній о партикулярномъ мирѣ, съ своей стороны, принимать не будутъ.

Съ турской стороны здѣсь послѣ прежняго моего, какъ я къ вамъ писалъ, ничего не поновилось. И съ помощію Божіею по всѣмъ обстоятельствамъ [видно], что они учиненный миръ ненарушимо содержатъ; ибо мы вчерашняго дня получили вѣдомость отъ адмирала г. графа Апраксина, что Азовъ 4 числа сего мѣсяца, противъ договора, присланному турецкому Айвасъ-пашѣ отданъ, и онъ, г. адмиралъ, уже выѣхалъ изъ Азова. И о томъ отправлены оттуда изъ Азова съ вѣдомостью отъ нихъ къ салтану и къ нашимъ посломъ нарочно посланные, и чаемъ уже той вѣдомости быть тамо.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. X „Корреспонденція ко двору. 1711—1712 гг.“, стр. 160—162; № хрон. описи 1205].

858. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1712 г. февраля 5. С.-Петербургъ.

Изволили ваша милость въ прежнихъ своихъ письмахъ писать, что говорилъ вамъ аглинскій посолъ, въ Гагѣ пребывающій, г. Страффордъ, еже писалъ къ нему г. посолъ Витвортъ, что онъ такого предложенія, какъ въ вашей инструкціи написано, при дворѣ его царскаго величества не чинилъ, о чемъ совѣтовалъ ваша милость съ нимъ, Витвортомъ, говорить. Но онъ самъ говорилъ, что не такимъ образомъ то предложеніе чинилъ, какъ вы по данной инструкціи объявили, а говорилъ тѣ слова какъ министръ съ министромъ; однакожъ обнадеживалъ, что они никогда въ предосужденіе интересовъ его царскаго величества ничего чинить не будутъ, и ежели добраго мира чрезъ посредство свое не могутъ исходатайствовать, то ни въ чемъ мѣшаться въ дѣла наши не будутъ. Того ради совѣтую вашей милости, чтобы ваша милость не изволили болѣе впредь объ его, витвортовѣ, предложеніи (какъ вы объявили, что отъ него учинилось предложеніе) упоминать. Но токмо то предложеніе чините по указу и данной вамъ инструкціи и требуйте отъ нихъ резолюціи, чтобъ его тѣмъ не озлобить.

Извольте, ваша милость, о сей матеріи пріобщить г. послу Матвѣеву, ибо я о томъ къ нему писать не успѣлъ.

Къ секретарю Григорію Волкову при семъ вложенное извольте отослать; а вексель къ нему на вывозъ архитекта напредь сего посланъ въ 2000 ефимковъ. Сверхъ того, еще нынѣ г. послу Матвѣеву велѣно перевести въ добавку 1000 ефимковъ изъ переведенныхъ къ нему 2000 на вывозъ ландмейстера.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. X „Корреспонденція ко двору. 1711—1712 гг.“, стр. 188—189; № хрон. описи 1216].

859. Баронъ П. П. Шафировъ—графу Г. И. Головкину.

1712 г. февраля 9. Константинополь.

Хотя везирь, и иные министры, и народъ склонны являются къ миру, но салтанъ надутъ отъ хана чрезъ подущеніе

шведовъ, поляковъ и бунтовщиковъ-казаковъ къ войнѣ. А какъ февраля въ 7 день посланный изъ Азова мурза Мегметъ-ага и съ нимъ отъ г. адмирала капитанъ съ вѣдомостью объ отдачѣ Азова, и что и Таганрогъ начали разорять, пріѣхали, и того капитана прислалъ къ нимъ везирь съ письмами адмиральскими немедленно. И назавтрее посылали они переводчика къ везирю съ объявленіемъ, что царское величество, получа обнадеживательное письмо бывшаго везиря Мегметъ-паши о высылкѣ короля шведскаго изъ ихъ области, которое онъ, будучи еще въ обозѣ, при воинскомъ диванѣ далъ, послалъ указъ къ адмиралу, чтобъ Азовъ въ декабрѣ или въ генварѣ отданъ былъ по договору немедленно; что̀ и учинено, и все со стороны его царскаго величества по договору исполнено, и постановленный миръ безъ нарушенія содержать и съ нимъ подтвердить изволитъ.

На что онъ, везирь, отвѣтствовалъ, что о томъ, донеся салтану, учинитъ отвѣтъ, и явилъ себя не несклонна. И сколько они провѣдать могли, народъ зѣло доволенъ отдачею, и почитаютъ за исполненіе по договору, и несклонны къ войнѣ и походу; только еще смотрѣть будутъ того, салтанъ какія мѣры воспріиметъ, понеже онъ назначилъ еще быть дивану и совѣту. А бунчуковъ, которые по обыкновенію ихъ выставливаются во знакъ войны, еще не выставливали.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. X „Корреспонденція ко двору. 1711—1712 гг.“, стр. 263; № хрон. описи 1171].

860. Витвортъ—кн. Б. И. Куракину.

1712 г. февраля 12 (23). С.-Петербургъ.

Monsieur le Prince. Je suis bien obligé à Votre Altesse pour l'honneur de sa lettre du 9 (20) décembre et les marques engageantes qu'elle m'y a données de son souvenir et de son amitié; j'en aurai toujours la reconnaissance que je dois, et je tâcherai d'en donner des preuves dans toutes les occasions.

Il est vrai que je n'ai pu voir sans quelque surprise de quelle manière on m'a voulu faire l'auteur d'une ouverture

qui ne m'est jamais entrée dans la pensée et qui est bien contraire à mes instructions, et je fus d'autant plus étonné qu'on l'a voulu faire passer par vos mains.

Dans cette occasion, j'étais obligé de m'en plaindre à Son Excellence Monseigneur le comte de Strafford, comme [je] l'ai fait aussi à Son Excellence Monsieur le grand chancelier Golovkine; il est vrai que ce dernier a voulu faire semblant comme si l'on n'avait pas bien entendu ses instructions, mais ces excuses ont été faites de [telle] sorte que j'ai bien pu remarquer d'où ce tort m'est venu. Je vous en avais même acquitté dans ma pensée auparavant, ayant eu la commodité de remarquer votre droiture aussi bien que votre amitié pour moi dans d'autres rencontres, et étant pleinement persuadé que vous avez trop de zèle pour le service de Sa Majesté Czarienne et trop de jugement pour avancer une chose qui ne pouvait manquer d'être réfutée en peu de temps, et qui a fait plus de tort aux véritables intérêts de Sa Majesté Czarienne que je ne puisse [le] dire, et personne ne saurait bien [le] comprendre, à moins qu'on était informé des propositions qu'on m'avait faites ici en même temps. Mais ils sont les maîtres de gâter leurs affaires comme ils veulent; je vous prie cependant d'être assuré que je suis, avec tout l'estime possible, Monsieur, de Votre Altesse le très humble et très obéissant serviteur. Whitworth.

[Переводъ]. Я весьма благодаренъ вашей свѣтлости за письмо, отъ 9 декабря, которымъ вамъ угодно было меня почтить, и за выраженныя въ немъ чувства дружбы и памяти; я никогда ихъ не забуду и воспользуюсь первымъ подходящимъ случаемъ, чтобы доказать вамъ это.

Правда, я былъ нѣсколько удивленъ, видя, что меня хотѣли выдать за автора такого предложенія, какого у меня и въ мысляхъ никогда не было, и которое совершенно противно полученнымъ мною инструкціямъ; но я былъ еще болѣе пораженъ, узнавъ, что васъ хотѣли сдѣлать виновникомъ этого. Въ такомъ случаѣ я былъ вынужденъ принести жалобу его сіятельству графу Страффорду, какъ равно и его сіятельству великому канцлеру Головкину. Правда, что этотъ послѣдній хотѣлъ сдѣлать видъ, какъ будто не поняли его инструкцій; но извиненія его были такого рода, что я тотчасъ могъ замѣтить, кто желалъ мнѣ повредить. Васъ я еще ранѣе оправдалъ мысленно, имѣвъ не разъ случай убѣдиться въ вашей прямотѣ, какъ и въ вашемъ расположеніи ко мнѣ въ другихъ случаяхъ. Я вполнѣ убѣжденъ, что вы

слишкомъ ревностно относитесь къ интересамъ его царскаго величества и слишкомъ разумны, чтобъ утверждать вещь, которая не могла не быть опровергнутой въ самомъ непродолжительномъ времени, и которая столь сильно повредила интересамъ его царскаго величества, что я не могу этого передать; притомъ никто не въ состояніи понять этого, развѣ только тотъ, кому были извѣстны предложенія, сдѣланныя мнѣ здѣсь. Но они властны портить свои дѣла, какъ имъ угодно, а я прошу васъ быть увѣреннымъ въ совершенномъ моемъ почтеніи, съ каковымъ остаюсь, милостивый государь, вашей свѣтлости всенижайшій и всепокорнѣйшій слуга. Витвортъ.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. XCVIII „Старыя письма отъ разныхъ особъ. 1707—1728 гг.“, стр. 10–11; № хрон. описи 1124].

861. Князь Б. И. Куракинъ—Г. И. Волкову.

1712 г. февраля 19 (марта 1). Гага.

Министры французскіе каковы предложенія учинили, о томъ уже, чаю, вамъ вѣдомо, что не есть пріятными, а особливе дому аустрійскому. На тѣ еще отвѣта не учинено, и хотя 5 числа опредѣлено отвѣтствовать, однакоже, какъ слышимъ, будетъ еще то отвѣтство на нѣкоторые дни отложено.

Здѣсь увѣдали, — токмо еще не подлинно, — будто дукъ Доргайль изъ Барцелоны въ Англію съ одною шквадрою поворотился, оставя Барцелону. Сіе не малое отъ здѣшнихъ другимъ подозрѣніе подаетъ, что безъ совѣта общаго то учинено.

И къ тому слышно намѣреніе ту Барцелону въ скорыхъ недѣляхъ осадить; также пріуготовленія флота въ Тулонѣ и въ Брестѣ здѣсь слышимъ не малаго.

Я воистину благодаренъ за ваши оныя сообщенія и ежели бы что имѣлъ вновь о какихъ дѣлѣхъ отъ двора, что принадлежитъ къ вашей резиденціи, то бы не умедля вамъ сообщилъ; но ничего не имѣю.

Сіе мнѣ вельми пріятно, что г. де-Торсій при разговорѣхъ васъ спрашивалъ объ отвѣтѣ на тѣ предложенія. Но при нашемъ дворѣ, какъ чаю, всѣ тѣ дѣла упущены до окончанія дѣлъ въ Утрехтѣ.

А что дѣла ихъ упреждаются въ Утрехтѣ, о томъ сказать не могу; но надобно видѣть еще намѣреніе голландцевъ, которыхъ еще признать не можемъ ни къ сторонѣ Англіи, ни къ цесарю.

Здѣсь отвѣтъ со стороны аліатовъ на предложенія французскія еще не учиненъ, и, чаю, за 5 марта на нѣсколько дней будетъ отложенъ для обожданія почты изъ Англіи.

Что же упомянуто объ аббатѣ Броннерѣ, то, конечно, и я за того пріемлю, что извѣстенъ о нашемъ дѣлѣ; однакоже вовсе вѣрить нельзя, что былъ бы нашей партіи. Но принцъ его, какъ я могъ видѣть, нынѣ въ Польшѣ былъ во всякой пріемности у царскаго величества. И сей аббатъ меня довольно знаетъ и былъ мнѣ добрымъ пріятелемъ. Прошу впредь, какова его присмотрите, ко мнѣ отписать.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. LXXV „Записки и вѣдомости и всякіе долговые счета князей Б. И. и А. Б. Куракиныхъ. 1711—1729 гг.", стр. 131—134; № хрон. описи 1231].

862. Принцъ Рагоци—кн. Б. И. Куракину.

1711 г. февраля 24 (марта 5). Данцигъ.

Monsieur. J'ai reçu la lettre que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire le 12 du mois dernier; je vous suis très humblement obligé, Monsieur, de la continuation de votre souvenir et de la confiance que vous avez bien voulu marquer au sieur Clément. Je puis vous assurer que je vous ai frayé le chemin auprès des plénipotentiaires de France, et selon ce qu'a mandé monsieur de Torcy à votre sujet, vous pouvez tellement compter sur son estime à votre égard, qu'il entrera avec plaisir en correspondance avec vous, dès que vous voudrez lui écrire; vous trouverez les ambassadeurs de France dans les mêmes dispositions, vu qu'ils doivent déjà avoir reçu des ordres et des informations là-dessus.

Les nouvelles que nous avons ici touchant la guerre des Turcs sont si diverses, que je ne puis vous mander rien de positif au sujet de cet événement. Tout ce que je crois pouvoir vous dire avec quelque certitude sur les lettres de mes ministres qui sont encore en Turquie, est qu'il ne tiendra qu'au czar de prolonger la paix en exécutant les articles du traité. Le roi de Suède me paraît persister toujours dans les mêmes

sentiments dont je vous ai informé par ma précédente. Mais votre Cour semble si assoupie sur ses intérêts que je ne puis rien me promettre de sa part pour le succès de cette grande affaire, malgré l'attachement que vous me connaissez, Monsieur, pour tout ce qui la regarde. Elle le néglige entièrement, contrevient à toutes les promesses qu'elle m'a faites et a si peu d'égards pour moi, qu'elle a refusé à ma cour des quartiers en Oukraïne. Je ne vous parlerai pas des mécontentements qu'elle s'attire en Pologne en continuant ses impositions sur la nation: cela ne me regarde point, et vous en serez mieux instruit par la copie ci-jointe de l'instruction que le conseil ou l'assemblée de Radome a donnée à ce sujet à ses députés au czarévitch.

Selon l'avis que vous me donnez, Monsieur, que les ministres assemblés à Utrecht cherchent des médiateurs, vous conviendrez sans doute que rien ne pourrait être plus avantageux ni plus glorieux pour le czar, votre maître, que de faire tomber l'honneur de la médiation sur sa personne. Ne sachant point quelles peuvent être les intentions de votre Cour là-dessus, je ne puis vous rien dire ni rien faire qui [ait] du rapport à cette vue. Je ne saurais vous dire non plus s'il est vrai que la France ait offert sa médiation pour la paix entre les Turcs et Sa Majesté Czarienne, vu que les derniers ordres des ministres de cette couronne ne regardaient, ce me semble, que l'observation d'une exacte neutralité, surtout depuis que votre Cour ne s'est pas expliquée clairement sur les propositions qui ont été faites.

Je vous prie, Monsieur, de me continuer l'honneur de votre correspondance et de votre amitié, et de me croire toujours, avec la considération la plus parfaite, ... François, prince.

[Переводъ]. Милостивый государь. Я получилъ письмо, которымъ вы почтили меня, отъ 12-го прошлаго мѣсяца; премного обязанъ вамъ за вашу память и за довѣріе, оказанное вами г. Клеманъ. Могу васъ увѣрить, что я очистилъ вамъ путь къ полномочнымъ министрамъ Франціи, и судя по тому, что́ сообщилъ о васъ г. де-Торси, вы можете смѣло разсчитывать на его уваженіе къ вашей особѣ и вступить съ нимъ въ переписку, какъ только

вамъ это будетъ угодно. Такую же готовность вы найдете и у французскихъ пословъ, такъ какъ они уже, вѣроятно, получили на этотъ счетъ указы и свѣдѣнія.

Извѣстія, полученныя нами здѣсь, касательно турецкой войны такъ разнорѣчивы, что я не могу сказать вамъ ничего вѣрнаго по этому поводу. Все, чтó я могу сообщить вамъ за достовѣрное, судя по письмамъ моихъ министровъ, находящихся еще въ Турціи, это то, что отъ царя будетъ зависѣть продолжить миръ, выполнивъ статьи договора. Шведскій король, какъ мнѣ кажется, остается при своемъ мнѣніи, о чемъ я вамъ сообщалъ въ предыдущемъ письмѣ. Но вашъ дворъ такъ мало печется о своихъ интересахъ, что я не предвижу никакихъ успѣховъ съ его стороны въ этомъ великомъ дѣлѣ, несмотря на всю мою извѣстную вамъ преданность ко всему, относящемуся до него, которой, впрочемъ, онъ пренебрегаетъ окончательно, не исполняя ни одного изъ своихъ обѣщаній и такъ мало церемонясь со мной, что отказалъ моей свитѣ въ квартирахъ на Украйнѣ. Я не стану вамъ говорить о недовольствѣ, возбуждаемомъ вашимъ дворомъ въ Польшѣ продолженіемъ своихъ поборовъ съ народа; это меня не касается, и вы лучше это узнаете изъ прилагаемой копіи инструкціи, которую совѣтъ, или собраніе, въ Радомѣ далъ по этому поводу депутатамъ къ царевичу.

Что касается извѣстія, сообщеннаго вами, милостивый государь, о томъ, что собравшіеся въ Утрехтѣ министры ищутъ посредниковъ, то вы, конечно, согласитесь, что ничто бы не могло быть выгодное и доблестнѣе для царя, вашего государя, какъ принять это посредничество на себя. Не зная вовсе намѣреній вашего двора относительно этого, я не могу ничего ни сказать, ни сдѣлать въ данномъ случаѣ. Не умѣю вамъ также сказать, правда ли, что Франція предлагала свое посредничество для примиренія Турціи съ его величествомъ, такъ какъ послѣднія приказанія министрамъ этого двора касались только, какъ мнѣ кажется, сохраненія полнѣйшаго нейтралитета, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ вашъ дворъ не далъ точнаго отвѣта насчетъ сдѣланныхъ ему предложеній.

Прошу васъ, милостивый государь, не отказать мнѣ и впредь въ присылкѣ своихъ писемъ и въ своемъ расположеніи, равно какъ считать меня неизмѣнно уважающимъ васъ. Францискъ, принцъ.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. LXVIII „Министерскія письма. 1711—1727 гг.“, стр. 35—41; № хрон. описи 1250].

863. Князь А. Д. Меншиковъ—кн. Б. И. Куракину.

1712 г. февраля 26. С.-Петербургъ.

Сіятельный князь, мой присный благодѣтель. Не могли мы оставить вашему сіятельству возвѣстить, коимъ образомъ его царское величество, нашъ всемилостивѣйшій государь, соизволилъ намъ надъ всѣми россійскими войски, обрѣтающимися въ Польшѣ и въ Помераніи, команду опредѣлить; чего ради къ тѣмъ войскамъ на сихъ дняхъ мы съ Божіею помощію отъѣзжаемъ.

Трактъ же нашъ имѣетъ быть отсюда на Ригу, Эльбингъ, Торунь и Познань, а оттуда до Помераніи. И того ради предлагаемъ вашему сіятельству, дабы о всякихъ обстоятельствахъ, о чемъ намъ вѣдать принадлежитъ, изволили вы намъ письменно сообщать, а о важныхъ дѣлѣхъ имѣющеюся цыфирью; ибо мы такой ключъ, которымъ его царскому величеству доносите, при себѣ имѣемъ. Иного къ извѣстію не имѣемъ, но пребываемъ всегда вашего сіятельства доброжелательный и къ службѣ охотный. Александръ Меншиковъ.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. X „Корреспонденція ко двору. 1711—1712 гг.", стр. 229; № хрон. описи 1240].

864. Принцъ Рагоци—кн. Б. И. Куракину.

1712 г. марта 8 (19). Данцигъ.

La lettre que vous avez bien voulu m'écrire le 5 de ce mois m'a été d'autant plus agréable qu'il y avait longtemps que je n'en avais reçue et que j'attendais de vos nouvelles. Je vous suis fort obligé, Monsieur, de la peine que vous vous êtes donnée de me tirer de l'incertitude où j'étais au sujet de la guerre des Turcs, malgré les nouvelles que nous avions de Constantinople là-dessus. Je ne pouvais pas croire que les Turcs demandassent autre chose que l'exécution du traité conclu avec eux l'été dernier, et je vois, par la lettre dont vous m'avez envoyé la copie, que, le czar ne trouvant pas de son intérêt de leur accorder leur demande, les affaires pourraient en venir à une rupture. Mais, d'un autre côté, ayant appris, de science certaine, que Sa Majesté Czarienne a fait faire le dégât de toute l'Oukraïne qui est située en deçà du Boristhène, je suppose qu'elle ne voudra agir offensivement contre les Turcs, par où elle pourra se garantir des inconvénients où elle tomba l'année dernière.

Je n'ai point reçu de réponse à la lettre que j'ai eu l'honneur de lui écrire au sujet du traité auquel le roi de Suède paraît disposé, et je vois avec beaucoup de douleur que je

suis aussi négligé à votre Cour que si je n'avais jamais eu aucune relation avec elle, quoique je puisse me flatter que je serais encore en état de lui rendre service. L'inclination très sincère que je conserve toujours pour ses intérêts augmente mon chagrin par la vue des influences que les conseils de la Cour de Vienne ont sur les négociations. Il me paraît que la démarche que monsieur de Chafirov a faite de rechercher la médiation des puissances maritimes doit me faire désespérer de voir jamais votre Cour bien unie avec celle de France. Et d'ailleurs, je ne sais pas ce que le czar peut espérer de la médiation de ces puissances qui, par les maximes de leurs véritables intérêts, doivent souhaiter la diminution de sa grandeur. Je trouve que les siens ne sont pas mieux ménagés en Pologne qu'ailleurs, et comme on est dans ce pays-ci à la veille d'une diète générale, il y a à craindre qu'on y prenne des résolutions qui lui seront contraires; ce que la Cour de Vienne ne manquera pas de fomenter, selon les raisons que j'ai expliquées dans le mémoire où j'ai expliqué les raisons d'Etat de Sa Majesté Czarienne. Le bruit commun est qu'elle est attendue à Elbing.

[Переводъ]. Письмо отъ 5-го текущаго мѣсяца, которымъ вы удостоили меня, было мнѣ тѣмъ болѣе пріятно, что я уже давно не получалъ отъ васъ извѣстій и ожидалъ ихъ. Премного обязанъ вамъ за то, что вы потрудились вывести меня изъ неизвѣстности, въ которой я находился касательно турецкой войны, несмотря на свѣдѣнія изъ Константинополя. Я не могъ себѣ представить, чтобы турки могли требовать чего-либо иного, кромѣ выполненія договора, заключеннаго съ ними прошлымъ лѣтомъ; а между тѣмъ я вижу изъ присланной вами копіи письма, что, такъ какъ его царское величество не находитъ для себя выгоднымъ удовлетворить ихъ требованіямъ, это можетъ повести къ раздору. Но, съ другой стороны, узнавъ изъ достовѣрнаго источника, что царь приказалъ произвести полное опустошеніе Украйны по сю сторону Днѣпра, я предполагаю, что онъ не рѣшится дѣйствовать наступательно противъ турокъ, чѣмъ можетъ избѣгнуть тѣхъ затрудненій, въ которыя онъ впалъ въ прошедшемъ году.

Я еще не получилъ отвѣта на письмо, которое имѣлъ честь ему написать по поводу трактата, желаемаго, какъ кажется, шведскимъ королемъ; и съ глубокимъ сожалѣніемъ замѣчаю, что вашъ дворъ такъ пренебрегаетъ мною, какъ будто я никогда не имѣлъ сношеній съ нимъ, а между тѣмъ,—смѣю надѣяться,—я могъ бы еще оказать ему услуги. Всегда сохраняемое мною искреннее расположеніе къ его интересамъ увеличиваетъ мое горе при видѣ того вліянія, какое оказываютъ совѣты вѣнскаго двора на переговоры. Мнѣ кажется, что заискиваніе г. Шафировымъ посредничества морскихъ дер-

жавъ должно меня навсегда лишить надежды видѣть когда бы то ни было вашъ дворъ тѣсно соединеннымъ съ Франціей. Къ тому же я не знаю, чего можетъ ожидать его царское величество отъ посредничества тѣхъ державъ, которыя, въ силу своихъ собственныхъ интересовъ, должны желать умаленія его могущества. Я нахожу, что личные интересы царя такъ же мало охраняются въ Польшѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ; и такъ какъ здѣсь готовятся къ генеральному сейму, то есть основаніе опасаться, чтобы на немъ не приняли противныхъ ему рѣшеній, которыя вѣнскій дворъ не преминетъ раздуть по причинамъ, объясненнымъ мною въ моей запискѣ, гдѣ я также говорилъ о государственной пользѣ его царскаго величества. Всеобщая молва гласитъ, что царя ожидаютъ въ Эльбингъ.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. LXVIII „Министерскія письма. 1711—1727 гг.“, стр. 52—53; № хрон. описи 1289].

865. Князь Б. И. Куракинъ—Г. И. Волкову.

1712 г. марта 11 (22). Гага.

Умедлилъ я къ вамъ писать двѣ почты, за отлученіемъ отсель въ Амстердамъ, но нынѣ по пріѣздѣ не оставляю сей оказіи.

Письмо получилъ чрезъ курьера, присланнаго въ Померанію властнымъ указомъ его царскаго величества, премилостивѣйшаго моего государя, о нѣкоторыхъ дѣлѣхъ. Что же принадлежитъ къ вашему извѣстію, то въ партикулярныхъ являютъ, что при отдачѣ Азова адмиралъ Апраксинъ за строенье деревянное за городомъ и за сады, которое было хотѣлъ жечь, взялъ на счетъ 90 тысячъ ефимковъ, кромѣ той суммы, которая за малыя суда же взята.

Вѣрно не могу писать, но въ тѣхъ же партикулярныхъ являютъ, что свѣтлѣйшій князь Меншиковъ будетъ вскорѣ въ Померанію командировать, въ четыре или въ пять недѣль.

О дѣлахъ турецкихъ не могу вамъ инаково писать, что есть еще все то непостоянно. И нынѣ послѣднія вѣдомости лучше въ нашъ интересъ приносятъ.

О съѣздѣ въ Утрехтѣ не надобно думать, чтобы тѣ дѣла такъ вскорѣ окончалися; но есть видъ не малаго продолженія.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. LXXV „Записки и вѣдомости и всякіе долговые счета князей Б. И. и А. Б. Куракиныхъ. 1711—1729 гг.“, стр. 137—139; № хрон. описи 1264].

866. Принцъ Рагоци—кн. Б. И. Куракину.

1712 г. марта 15 (26). Данцигъ.

J'ai reçu la lettre qu'il vous a plu [de] m'écrire le 11 de ce mois; je vous rends mille grâces de la connaissance que vous me donnez du discours que le pensionnaire vous a tenu à mon sujet. Plût à Dieu que ce que ces messieurs pensent de la confiance du czar pour moi fût véritable! Les avis que je pourrais donner à Sa Majesté et ceux que j'ai déjà eu l'honneur de lui donner, venant d'une personne qui lui est entièrement dévouée, lui seraient beaucoup plus utiles que les conseils de quelques puissances qui ont des intérêts opposés aux siens. Je vois que c'est là une intrigue du comte de Zinzendorf, qui fait jouer cette mine contre ceux qui négocient de ma part en Hollande.

Je ne m'étonne pas que votre Cour ait oublié mes intérêts, voyant qu'elle néglige entièrement les siens propres. Je n'ai point encore eu de réponse à la lettre dont je vous ai parlé au sujet de la paix, et, selon toutes les apparences, je dois m'attendre qu'elle viendra bientôt à la connaissance des Suédois et des autres que cette paix n'accommodera pas. Tout cela ne tend qu'à disposer Sa Majesté Czarienne à m'abandonner encore plus qu'elle n'a fait jusqu'à présent. Mais est-il possible que les Hollandais et quelques autres puissances puissent régler à qui elle doit donner ou refuser son amitié? La guerre des Turcs n'est qu'un expédient concerté pour lui ôter les facilités de prendre part aux affaires de l'Europe. On rend la France coupable de ce que font les autres pour porter les Turcs à feindre les desseins d'une guerre arrêtée. Ils emploient tout ce qui dépend d'eux pour détourner le roi de Suède de consentir à traiter, afin que, la paix générale étant conclue, ils puissent être les arbitres de celle du Nord.

Je ne saurais douter qu'entrant de vous-même dans toutes ces considérations, vous ne les fassiez envisager à votre Cour. Je vous prie, Monsieur, de vous y employer et en même temps

d'appuyer mes intérêts, prenant pour prétexte que je vous ai écrit dans la pensée que vous auriez reçu des ordres pour favoriser mes affaires à la paix générale, et demandant en même temps ce que vous devez faire là-dessus. Marquez aussi, je vous supplie, combien mon mémoire au czar a déplu aux Hollandais, à cause que leurs vues et leurs sentiments étaient marqués très clairement.

Quelles précautions ne faudrait-il pas que je prenne à l'avenir lorsque j'écrirai à votre Cour! Vous seriez le seul, Monsieur, sur qui je puisse compter; aussi êtes-vous le seul dont l'amitié me paraisse digne de mes soins.

[Переводъ]. Я получилъ письмо, которое вамъ угодно было написать мнѣ, отъ 11-го текущаго мѣсяца; тысячу разъ благодарю васъ за ваше сообщенiе о томъ, что́ говорилъ обо мнѣ пенсiонарiй. Дай Богъ, чтобъ оправдалось мнѣнiе этихъ господъ касательно довѣрiя царя ко мнѣ. Совѣты, которые я могъ бы дать его величеству, какъ и тѣ, которые я уже имѣлъ честь давать прежде, исходя отъ вполнѣ преданнаго ему лица, могли-бъ ему быть гораздо полезнѣе совѣтовъ нѣкоторыхъ державъ, интересы которыхъ не сходятся съ его интересами. Я вижу въ этомъ интригу графа Цинцендорфа, подкапывающагося подъ тѣхъ, кто ведетъ отъ моего имени переговоры въ Голландiи, и не удивляюсь, что вашъ дворъ позабылъ о моихъ интересахъ, видя, какъ онъ пренебрегаетъ своими собственными.

Я еще не получалъ отвѣта на письмо, о которомъ вамъ сообщалъ, по поводу мира, и, по всей вѣроятности, долженъ ожидать, что оно сдѣлается извѣстнымъ шведамъ и другимъ, которымъ миръ придется не по вкусу. Все это ведетъ только къ тому, чтобъ его царское величество болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, позабылъ обо мнѣ. Но возможно ли, чтобы голландцы и нѣкоторыя другiя державы могли предписывать царю, кому онъ обязанъ дарить свое расположенiе и кому отказывать въ немъ. Турецкая война есть только заранѣе условленный способъ отнять у него возможность принимать участiе въ европейскихъ дѣлахъ. Францiю обвиняютъ въ томъ, что́ дѣлаютъ другiя державы, чтобы заставить турокъ показать видъ, что война у нихъ рѣшена. Онѣ пускаютъ въ ходъ все, отъ нихъ зависящее, чтобъ отклонить шведскаго короля отъ переговоровъ, такъ какъ, разъ всеобщiй миръ будетъ заключенъ, онѣ могутъ сдѣлаться посредниками въ сѣверномъ мирѣ.

Я твердо увѣренъ въ томъ, что, вникнувъ во всѣ эти соображенiя, вы укажете на нихъ и своему двору. Прошу васъ, милостивый государь, исполнить это и поддерживать въ то же время мои интересы, выставивъ причиной моего письма предположенiе, что вы уже получили приказъ способствовать моимъ дѣламъ къ достиженiю всеобщаго мира, и испрашивая въ то же время, какъ вы должны дѣйствовать. Покорнѣйше прошу васъ также поставить на видъ, насколько мой докладъ царю не понравился голландцамъ вслѣдствiе того, что въ немъ очень ясно были обозначены ихъ виды и симпатiи.

Сколько предосторожностей мнѣ надо будетъ принять въ будущемъ, когда я стану писать вашему двору! Вы единственный человѣкъ, милостивый государь, на кого я могу разсчитывать, и дружбы котораго стоитъ добиваться.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. LXVIII „Министерскія письма. 1711—1727 гг.“, стр. 48—51, 54—55; № хрон. описи 1305].

867. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1712 г. марта 18. С.-Петербургъ.

Писалъ сюда изъ Лондона его царскаго величества чрезвычайный посланникъ г. де-Литъ, что ученики, которые обучаются навигаціи, многіе отъ своевольствъ и непорядочнаго житія одолжали, такъ что никто ужъ имъ и денегъ не даетъ; и Стельсъ, который имъ давалъ прежде сего деньги, въ оныхъ отказываетъ и опасается того, чтобъ они не были посажены въ тюрьму, и народу нашему не было бы безчестія.

Того ради царское величество повелѣлъ мнѣ къ милости вашей писать, чтобы вы тѣмъ ученикамъ, которые обрѣтаются въ Голландіи и въ Англіи, словесно и письменно объявили, дабы они жили порядочно и не своевольно, и во всемъ слушали г. князя Львова, и поступали по его повелѣнію, которому объ ихъ обученіи и содержаніи полная коммиссія дана.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. X „Корреспонденція ко двору. 1711—1712 гг.“, стр. 246-247; № хрон. описи 1286].

868. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1712 г. марта 22. С.-Петербургъ.

По посланнымъ къ милости вашей его царскаго величества указамъ изъ Ревеля и отсюда объ объявленіи цесарскимъ министрамъ и Голландскимъ Статомъ о склонности его царскаго величества въ союзъ,—которые вы уже, какъ пишете, получили,—чтó у милости вашей чинится, и предлагали-ль о томъ кому изъ нихъ, извольте писать, ибо въ полученномъ нынѣ отъ васъ, отъ 22 февраля, о томъ не упомянуто. А его

царское величество изволилъ о томъ спрашивать,—объявляли ли вы то по тому указу.

Его царское величество повелѣлъ послу г. Матвѣеву, чтобы, по скончаніи утрехтскаго съѣзда между союзными и королемъ французскимъ, ѣхалъ немедленно въ Эльбингъ и ожидалъ тамо прибытія туда его царскаго величества; ибо его величество изволилъ опредѣлить его милости быть при дворѣ его королевскаго величества польскаго и рѣчи посполитой, вмѣсто посла г. князя Долгорукова, а вашей милости, вмѣсто него, быть въ Голландіи. О чемъ я къ нему нынѣ указомъ его царскаго величества писалъ, и чтобъ онъ при отъѣздѣ своемъ всѣ дѣла свои, касающіяся для извѣстія вашей милости, оставилъ. И когда онъ, г. посолъ, поѣдетъ изъ Голландіи, и тогда милость ваша, дѣла у него принявъ, извольте управлять и къ намъ обо всемъ, чтó чиниться будетъ у Господъ Статовъ, писать. А о бытіи вашемъ у нихъ, Господъ Статовъ, вмѣсто г. Матвѣева, къ милости вашей грамота его царскаго величества посылается.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. X „Корреспонденція ко двору. 1711—1712 гг.", стр. 252—253; № хрон. описи 1292].

869. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1712 г. марта 26. С.-Петербургъ.

Изъ пришедшихъ нынѣ писемъ вашихъ, отъ 22 февраля, увѣдомились, что подканцлеръ г. баронъ Шафировъ писалъ въ письмѣ своемъ къ агенту Фанденбургу, объявляя объ аглинскомъ и голландскомъ послѣхъ, что оныхъ въ медіаторы употребилъ; и что вы, видѣвшись съ ратпенсіонаріемъ, говорили ему о посылкѣ указовъ къ ихъ министру, чтобы въ томъ нашимъ посломъ чинилъ вспоможеніе, а о посредствѣ, не имѣя указа отсюда, не объявили. И мы получили нынѣ письма отъ него, г. барона Шафирова, отъ 10 генваря изъ Константинополя (которыя секретно прислалъ чрезъ пріятелей), и въ оныхъ о томъ пишетъ, что тѣхъ пословъ, не яко медіаторовъ, но яко

пріятелей просилъ о вспоможеніи, и довольствуется ихъ вспоможеніемъ. И совѣтуетъ писать къ ихъ принципаломъ, прося ихъ о посылкѣ указовъ къ нимъ, дабы и впредь вспомогали чрезъ посредство свое, для того что имъ салтанъ велѣлъ ѣхать за собою въ походъ, ибо намѣренъ былъ самъ идти съ войскомъ.

И хотя всѣ сіи письма—еще до полученія вѣдомости объ отдачѣ Азова и разореніи Таганрога, однакоже по ихъ зѣло тяжкимъ вновь запросамъ, сверхъ договора, небезопасность отъ нихъ войны. Того ради его царское величество повелѣлъ мнѣ къ милости вашей указомъ своимъ писать, дабы вы Господъ Статовъ вначалѣ возблагодарили за вспоможеніе ихъ посла въ дѣлѣхъ его царскаго величества нашимъ посломъ, обрѣтающимся въ Константинополѣ, и притомъ просили, чтобъ они, Господа Статы, тому своему послу подтвердили указомъ своимъ, дабы онъ въ удержаніи турковъ отъ войны вспоможеніе посломъ нашимъ чинилъ, представляя Портѣ, что со стороны его царскаго величества по договору все исполнено, и постановленный вѣчный миръ, какъ оный гласитъ, содержать непремѣнно изволитъ; въ чемъ бы они ихъ, турковъ, увѣрили и трудились, чтобъ они отъ излишнихъ и весьма неправедныхъ, сверхъ договора, своихъ претенсій отстали. За сіе его царское величество взаимно имъ, Господамъ Статамъ, всякіе опыты дружбы и пріязни своей къ ихъ интересу являть изволитъ.

А буде станутъ они говорить, его царское величество пріемлетъ ли ихъ за медіаторовъ,—и ваша милость изволите объявить, что его царское величество ихъ медіацію въ успокоеніи и примиреніи происшедшихъ нынѣ несогласій съ турками пріемлетъ и хощетъ такъ содержать, какъ трактатъ гласитъ; и чтобъ они послали къ своему министру, что ежели турки будутъ говорить и о королѣ шведскомъ при томъ, чтобъ ихъ медіація была въ примиреніи, то того чинить невозможно; ибо ежели они хотятъ въ примиреніи съ королемъ шведскимъ въ медіацію вступить, то могутъ прямо, съ своей стороны, то чинить. А тамъ бы посламъ своимъ конечно то чинить заказали,

но только бы приказали трудиться объ одномъ посредствѣ съ турками. Какой вы отвѣтъ на сіе получите, о томъ извольте немедленно ко мнѣ писать.

[Надеждинскій архивъ кн. Θ. А. Куракина. Т. X „Корреспонденція ко двору. 1711—1712 гг.", стр. 249—251; № хрон. описи 1804].

870. Князь Б. И. Куракинъ—кн. А. Д. Меншикову.

1712 г. апрѣля 8 (19). Гага.

Отправленное вашей свѣтлости, моего государя, отъ 26 февраля изъ С.-Петербурга, получилъ, которымъ изволили объявить о командѣ вашей свѣтлости надъ войски россійскими въ Помераніи и повелѣли мнѣ доносить обстоятельне о всѣхъ дѣлѣхъ здѣшнихъ; того для доношу.

При съѣздѣ въ Утрехтѣ министры французскіе еще отвѣта письменнаго не учинили на запросы всѣхъ аліатовъ, но тотъ отвѣтъ ожидается въ предбудущую субботу; между тѣмъ трудятся армистицію сдѣлать на нѣсколько мѣсяцевъ. Но Статы здѣсь въ не малой опасности находятся, оттого что уже Англію видятъ весьма къ тому склонной; однакожъ еще оная такого предложенія не чинила. Но впредь что будетъ, не оставлю донести. А ежели армистиція учинена будетъ, то Англія весьма медіаторство тогда на себя возьметъ.

Правда, хотя слышимъ о твердомъ согласіи у Англіи съ Франціею, но токмо еще наружнаго несогласія и Статамъ не показали. И вчерашняго дня милордъ Страффордъ въ публичной конференціи, при поданіи от[вѣт]ной грамоты отъ королевы, именемъ ея ихъ обнадеживалъ, что королева его рекрутовъ довольныхъ во Фляндрію переслала, также и сумму не малую денегъ къ содержанію войскъ, и командирующій генералъ дукъ д'Ормондъ вскорѣ прибудетъ, и указъ имѣетъ кампанію продолжать по всей возможности.

Принцъ Евженій еще не отъѣхалъ въ Брабантъ, но будетъ отвѣта министровъ французскихъ ожидать.

Вчерашняго числа я получилъ письма отъ Поппа. Пишетъ ко мнѣ, что отправленный отъ меня капитанъ и съ матросы съ пасомъ голландскимъ прибылъ, и притомъ мнѣ объявилъ, что указомъ вашимъ ему переведено 7000 марокъ, а о достальныхъ онъ обнадеженъ; посему я признаъ, что тотъ платежъ будетъ отъ вашей свѣтлости. Но не знавъ того, уже 5000 ефимковъ къ нему, Поппу, перевелъ изъ тѣхъ, которые мнѣ 8000 ефимковъ изъ Эльбинга переведены. И тѣ помянутые изволите приказать зачесть ему.

Интересы нашихъ аліатовъ, какъ датскаго, такъ и польскаго, въ томъ состоятъ, что весьма оба мира ищутъ; но отдальность короля шведскаго къ окончанію того дѣла не допускаетъ. И министры ихъ, польскій и датскій, къ намъ пріѣзжая, другъ отъ друга подозрительными себя являютъ; а оба одного намѣренія.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. X „Корреспонденція ко двору. 1711—1712 гг.", стр. 222—225; № хрон. описи 1322].

871. Баронъ П. П. Шафировъ—кн. Б. И. Куракину.

1712 г. апрѣля 10. Царьградъ.

Въ какомъ состояніи мы здѣсь обрѣтались, и какія опасности въ трактованіи о мирѣ межъ его царскимъ величествомъ, государемъ нашимъ всемилостивѣйшимъ, и его салтановымъ величествомъ турскимъ были, о томъ я писалъ къ вашему сіятельству напредь сего, апрѣля отъ 2, и уповаю, что оное до рукъ вашихъ достигло.

Нынѣ же симъ вашему сіятельству доношу, что съ помощію Божіею, хотя съ превеликимъ трудомъ и препятствомъ отъ непріятелей нашихъ, а именно отъ французскаго посла, который намъ вредителенъ больше шведовъ и измѣнниковъ, поляковъ и казаковъ, трудами посредствующихъ господъ пословъ, великобританскаго и голландскаго, оный миръ, весьма уже нечаянный и до разорванія пришедшій, заключился, и трактатами онаго размѣнялись съ крайнимъ везиремъ при нихъ, госпо-

дахъ послахъ, апрѣля въ 5 день; и при томъ, по обычаю ихъ, на насъ и на служителей, при насъ сущихъ, кафтаны надѣты. А на какихъ кондиціяхъ оный состоялся, о томъ изволите увѣдомиться изъ посланной копіи къ Андрею Артамоновичу, понеже къ вашему сіятельству за краткостью времени послать не успѣлъ. И хотя отъ непріятелей нашихъ: французовъ, шведовъ, поляковъ, казаковъ и другихъ по внушеніямъ самому салтану извнутрь двора его при послѣднемъ часѣ заключенія вмѣшали многія вновь непотребности, о которыхъ напредь и не говорено, —артикулы 2-ой и 6-ой, —а оные по многимъ спорамъ были отставлены, но потомъ паки вмѣщены, чтобы тѣмъ конечно трактатъ разорвать и войну объявить, къ чему салтанъ и дворовые его весьма были склонны, — и какъ мы оныхъ принять не хотѣли, и въ томъ наотсѣчь, было, отказали; то сказано было намъ отъ всего собранія ихъ, что ежели не позволимъ на оныя кондиціи, то въ 5 день апрѣля конечно выставятъ хвосты и объявятъ войну, и чтобы мы и послы изъ конференціи ѣхали по домамъ. Чтó мы усмотря и увѣдавъ отъ непріятелей своихъ, что то—ихъ подлинное намѣреніе, а не угрозы, и разсудя состояніе конжюктуръ, и имѣя прежніе отъ его царскаго величества указы всякимъ образомъ не допускать до войны и не спорить въ высылкѣ короля шведскаго, а вновь декабря послѣ 31 прошлаго года отъ двора писемъ никакихъ не имѣя, —принуждены позволить на тѣ кондиціи.

О трудѣхъ же вышепомянутыхъ господъ пословъ посредствующихъ доношу, что оные денно и нощно трудились, сами ѣзживали, къ кому потребно, и секретарей своихъ, и переводчиковъ посылали непрестанно, словами и письмами турковъ къ миру склоняли, и о всемъ насъ увѣдомляли; однимъ словомъ, вашему сіятельству доношу, что невозможно и изъ природныхъ рабовъ своему государю болѣе того служить. За что изволите, кому надлежитъ, обще съ Андреемъ Артамоновичемъ возблагодарить, аще за потребно разсудите. Токмо прошу, мой государь, дабы оныя кондиціи до своего времени

содержаны были секретно. Также прошу ваше сіятельство, дабы изволили приказать съ приложеннаго трактата при письмѣ Андрея Артамоновича, сочиня переводъ на нѣмецкій или другой языкъ, сообщить г. Литу, ибо мы того учинить здѣсь за скоростью отпуска сего не могли; такожъ и некому перевести: никого при себѣ къ тому потребнаго не имѣемъ, о чемъ я и къ нему, Андрею Артамоновичу, писалъ.

Я на ваше сіятельство, яко на своего милостиваго благодѣтеля, надѣюсь, что не изволишь мнѣ того причесть за зло, что особливо не вложенъ вамъ экземпляръ трактата постановленнаго, ибо истинно не было къ тому времени; но сообщить просилъ то вашему сіятельству его превосходительство Андрея Артамоновича.

При томъ же письмѣ приписано отъ Петра Толстого:

„Мой милостивый государь князь Борисъ Ивановичъ. Униженный мой поклонъ посылаю, сего числа освободясь изъ заключенія милостивымъ предстательствомъ моего милостиваго благодѣтеля Петра Павловича. Слуга покорный Петръ Толстой".

Получено мая 14 (25) 1712 г.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. XXVIII „Протоколъ посольствъ кн. Б. И. Куракина. 1711—1715 г.", стр. 72—74; № хрон. описи 1336].

872. Принцъ Рагоци—кн. Б. И. Куракину.

1712 г. апрѣля 12 (23). Данцигъ.

J'ai reçu la lettre que vous m'avez bien voulu écrire le 8 de ce mois. Je vous suis bien obligé de la continuation de votre correspondance et de ce qu'il vous a plu d'écrire à la Cour en ma faveur. On nous fait espérer que le czar viendra bientôt dans ce pays-ci, et mon dessein est de m'aboucher avec ce prince, après m'être informé auparavant si je serai reçu de lui plus agréablement que je ne l'ai été à Elbing, où le prince de Menchikov, que je tâcherai de voir, est arrivé. Je ne puis

envisager qu'avec beaucoup de chagrin le peu d'attention qu'on apporte à ménager les intérêts de Sa Majesté Czarienne; à quoi je conviens avec vous que l'absence du baron Chafirov contribue beaucoup.

Les lettres de Valachie et de Turquie confirment que la Porte, malgré l'exécution du traité, est résolue à la guerre, mais vos officiers généraux méprisent cette nouvelle. Les Polonais font paraître beaucoup d'aigreur à la Diète et pressent le roi de publier des universaux pour faire monter la noblesse à cheval contre les Moscovites, s'ils ne font cesser leurs exactions et même ne sortent du pays. Les troupes du palatin de Xiovie ont fait une course jusqu'à sept lieues de Léopol et ont attiré dans leur partie et sous leurs drapeaux quelques compagnies de la République, en sorte que ce mécontentement général de toute la nation me fait craindre pour les affaires du czar, surtout si ces troupes ne sont pas bientôt chassées. On continue en même temps à menacer cette ville, qui fait de grands préparatifs pour une vigoureuse défense, et qui déclare ouvertement qu'elle aime mieux s'assujettir au roi de Prusse que de s'exposer à être réduite par les armes. En cas de quelque entreprise contre elle, je m'en éloignerai.

Je sais de très bonne main que les Hollandais et les Anglais ont donné des assurances à la régence de Suède qu'après la conclusion de la paix, ils travailleront à réduire la puissance du czar dans ses anciennes bornes; à quoi la Cour de Vienne ne sera certainement pas contraire, de sorte que rien ne serait si efficace, pour mettre les intérêts de votre maître à couvert, que s'il s'alliait avec la France et se déclarait médiateur de la paix, conjointement avec la reine d'Angleterre, prenant la résolution de soutenir, s'il est nécessaire, sa déclaration par la voie des armes; mais c'est une proposition que je n'oserais pas faire, étant convaincu que le secret n'est pas dans son centre à votre Cour, depuis que j'ai reconnu que le secret d'Urbich et de la cabale autrichienne a été assez puissant pour détourner le czar de la confiance qu'il avait en moi. Je

n'ai pas trouvé à propos de tenir un ministre auprès de ce prince, de sorte que je ne pourrai être informé qu'à son arrivée dans ce pays-ci, de ses intentions à mon égard.

Voilà, Monsieur, un détail un peu court, mais succint et véritable de ce qui regarde les affaires de votre maître, qui sont exposées à de grands changements, si l'on ne prend pas des mesures bien justes pour les prévenir.

[Переводъ]. Я получилъ письмо, которое вы соблаговолили написать мнѣ, отъ 8-го текущаго мѣсяца. Очень благодаренъ вамъ за продолженіе вашей корреспонденціи и за лестный отзывъ обо мнѣ при вашемъ дворѣ. Намъ подаютъ надежду, что его царское величество скоро пріѣдетъ сюда; я имѣю намѣреніе переговорить съ нимъ, справившись заранѣе о томъ, лучше-ль я буду принятъ имъ теперь, чѣмъ тогда въ Эльбингѣ, куда пріѣхалъ князь Меншиковъ, котораго я постараюсь увидать. Я съ грустью замѣчаю тотъ недостатокъ вниманія, съ которымъ относятся къ интересамъ его царскаго величества, и соглашаюсь съ вами въ томъ, что отсутствіе барона Шафирова много тому способствуетъ.

Письма изъ Валахіи и Турціи подтверждаютъ слухъ, что, несмотря на выполненіе статей трактата, Порта рѣшилась воевать; но ваше военное начальство пренебрегаетъ этимъ извѣстіемъ. Поляки высказываютъ большое недовольство на сеймѣ и побуждаютъ короля обнародовать универсалы, чтобы заставить шляхту идти противъ русскихъ, если послѣдніе не прекратятъ своихъ поборовъ и, кромѣ того, не выйдутъ изъ страны. Войска кіевскаго воеводы передвинулись на семь миль отъ Львова и завербовали въ свою партію и подъ свои знамена нѣсколько отрядовъ рѣчи посполитой, такъ что это всеобщее народное недовольство заставляетъ меня опасаться за интересы его царскаго величества, въ особенности, если помянутыя войска не будутъ скоро разсѣяны. Въ то же время продолжаютъ грозить нашему городу, который усердно приготовляется къ сильной оборонѣ и открыто заявляетъ, что согласенъ лучше покориться прусскому королю, нежели быть усмиреннымъ оружіемъ. Въ случаѣ какого бы то ни было насилія противъ этого города, я удаляюсь изъ него.

Я знаю изъ хорошаго источника: голландцы и англичане увѣрили шведское правительство, что, по заключеніи мира, они постараются низвести могущество царя до его прежнихъ размѣровъ, противъ чего, конечно, вѣнскій дворъ ничего не будетъ имѣть. По моему мнѣнію, ничто не могло бы лучше послужить охраненію интересовъ вашего государя, какъ то, если-бъ онъ заключилъ союзъ съ Франціей и объявилъ себя вмѣстѣ съ англійской королевой посредникомъ, принявъ рѣшеніе поддержать свое заявленіе путемъ оружія, если это будетъ нужно. Но такого предложенія я не осмѣлюсь сдѣлать, зная, что секреты не у мѣста при вашемъ дворѣ; я понялъ это съ тѣхъ поръ, какъ узналъ, что тайна Урбиха и вѣнскія интриги лишили меня довѣрія, которымъ я пользовался у его царскаго величества. Я не счелъ нужнымъ имѣть при этомъ государѣ министра, такъ что могу быть увѣдомленнымъ объ его намѣреніяхъ относительно меня только по пріѣздѣ его сюда.

Вотъ, милостивый государь, нѣсколько краткій, но точный отчетъ о дѣлахъ вашего государя, положеніе которыхъ подвержено большимъ случайностямъ, если не будутъ приняты заранѣе надлежащія мѣры.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. LXVIII „Министерскія письма. 1711–1727 гг.“, стр. 56—62; № хрон. описи 1344].

873. Принцъ Рагоци—кн. Б. И. Куракину.

1712 г. апрѣля 19 (30). Данцигъ.

La lettre que vous m'avez bien voulu écrire le 15 de ce mois m'est une nouvelle preuve de votre amitié à mon égard par le souvenir que vous avez eu de mes intérêts. Je vous en remercie, Monsieur, et suis fort satisfait du tour que vous avez donné à ce que vous avez écrit à mon sujet à la Cour, mais j'ai toujours lieu de craindre que le crédit de monsieur Urbich et la faction autrichienne ne soient des obstacles à vos bonnes intentions pour moi. Je leur attribue le silence du prince Menchikov à une lettre que je lui ai écrite, aussitôt que je l'ai su à Elbing. Quoiqu'on veuille me persuader que des affaires imprévues, qui l'ont obligé de partir avec précipitation pour Thorn, peuvent lui avoir ôtét le loisir de me faire réponse, je persiste pourtant toujours dans la résolution de voir le czar, s'il vient dans ce pays-ci, et si, comme je vous l'ai marqué dans ma dernière, je trouve qu'il est disposé un peu favorablement pour moi.

La Diète de Pologne a été remise au 31 décembre et s'est séparée avec des démonstrations réitérées du mécontentement de la nation contre les Moscovites et de la résolution de s'opposer à leurs exactions. Il faudra, comme je vous l'ai déjà marqué, que votre Cour prenne des mesures bien justes pour détourner les suites de cette agitation, si elle veut y réussir, d'autant plus que toutes les lettres continuent à parler constamment de la guerre des Turcs. Ce que vous m'apprenez des dispositions à une paix entre Sa Majesté Czarienne et la Porte me fait suspendre mon jugement sur cet événement jusqu'à ce que j'aie reçu des nouvelles de mes gens qui sont en Turquie.

[Переводъ]. Письмо, которое вамъ было угодно написать мнѣ, отъ 15-го текущаго мѣсяца, есть новое доказательство вашего расположенія ко мнѣ, выразившагося въ видѣ вниманія къ моимъ интересамъ. Я весьма благодаренъ вамъ за это и доволенъ тѣмъ оборотомъ, который вы придали тому, что̀ написали обо мнѣ своему двору, хотя все-таки имѣю основанія бояться, что кредитъ г. Урбиха и сторонники Австріи помѣшаютъ вашимъ добрымъ намѣреніямъ относительно меня. Имъ же я приписываю молчаніе князя Меншикова на письмо, написанное ему мною тотчасъ, какъ я узналъ объ его пріѣздѣ въ Эльбингъ; хотя меня и желаютъ убѣдить въ томъ, что непредвидѣнныя дѣла, заставившія его поспѣшно уѣхать въ Торунь, могли отнять у него возможность дать мнѣ отвѣтъ. Я остаюсь при своемъ намѣреніи видѣть царя, если онъ сюда прибудетъ, и если я узнаю,—какъ вамъ уже писалъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ,—что онъ нѣсколько благопріятнѣе расположенъ ко мнѣ теперь.

Сеймъ въ Польшѣ отложенъ до 31 декабря и разошелся при неоднократныхъ заявленіяхъ народнаго недовольства противъ русскихъ и при рѣшеніи сопротивляться ихъ поборамъ. Необходимо, какъ я уже вамъ писалъ, чтобы вашъ дворъ принялъ должныя мѣры успѣшно отвратить послѣдствія этого волненія, тѣмъ болѣе, что всѣ письма продолжаютъ постоянно говорить о турецкой войнѣ. То, что̀ вы мнѣ сообщаете касательно миролюбивыхъ стремленій его царскаго величества и Порты, заставляетъ меня молчать по этому поводу до тѣхъ поръ, пока не получу извѣстій отъ своихъ агентовъ, находящихся въ Турціи.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. LXVIII „Министерскія письма. 1711—1727 гг.“, стр. 63--66; № хрон. описи 1357].

874. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину.

1712 г. апрѣля 25 (мая 6). Гага.

Въ письмѣ, отъ № 11, указомъ царскаго величества мнѣ объявлено быть на мѣсто г. посла Матвѣева, и грамота къ Статомъ прислана. Я беру смѣлость вашему превосходительству о всемъ пространно доносить и просить о вспоможеніи на сіе мое прошеніе и о пространномъ доношеніи всемилостивѣйшему государю.

Сія мнѣ бытность, опредѣленная здѣсь, неспокойна для многихъ причинъ, а впервыхъ, весьма паденіе моего малаго кредита здѣшнею бытностью и отлученіемъ моего настоящаго чина, гдѣ я отъ малыхъ лѣтъ своихъ былъ; и уже, хотя за недостоинство, чиномъ до нѣкотораго градуса превосшелъ. И нынѣ покорне прошу, чтобы къ тому мѣсту возвратиться, и при окон-

чаніи войны быть, и лучшее свое счастье находить, нежели остаться такъ спертому; еще себя нахожу годнымъ службу показать.

И во всѣхъ случаяхъ какъ въ тамошнихъ, такъ и въ здѣшнихъ краяхъ со всякимъ прилежаніемъ все безпорочно исправлялъ, и впредь къ тому позываетъ должность моя. И уже всѣмъ извѣстно, что многія коммиссіи имѣлъ въ здѣшнихъ краяхъ, отъ которыхъ къ пользѣ своей ничего не получилъ, кромѣ разоренія дома моего. Того-жъ отъ времени до времени, ежели отсель взятъ не буду, къ послѣднему разоренію ожидать мнѣ надобно, понеже всѣмъ одиночество мое извѣстно, что призрѣнія ни отъ кого заочно имѣть не могу.

А ежели весьма будетъ опредѣлено здѣсь жить, то прошу, чѣмъ бы возможно было жить и характеръ свой содержать. И не извольте сумнѣваться, чтобы можно безъ характера тѣми 6 тысячами прожить; но посланникомъ по 10 тысячъ даютъ. Коротко сказать, что тѣми опредѣленными прожить невозможно.

Правда, г. посолъ [Матвѣевъ], характеръ имѣвъ, принужденъ неволею по тому въ расходахъ поступать. Токмо ежели изволили видѣть онаго отъ того скруху и въ томъ дѣлѣ трудность, воистину сболѣзновали бы. Сему, какъ вижу, ежели не опредѣлено будетъ, буду и я послѣдствовать.

Прекращая все то, прошу чрезъ ваше доношеніе милостиваго опредѣленія отъ его царскаго величества на сіе мое прошеніе.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. X „Корреспонденція ко двору. 1711—1712 гг.“, стр. 255—257; № хрон. описи 1350].

875. Князь А. Д. Меншиковъ—кн. Б. И. Куракину.

1712 г. мая 10. Гарцъ.

Вашему сіятельству не могли мы оставить, не объявя, что мы съ Божіею помощію прибыли сюда въ прошлый вторникъ, т.-е. въ 6-ой день сего мѣсяца, и здѣсь изобрѣли все въ благомъ состояніи. Помощныя его царскаго величества войска

вскорѣ начнуть сюда приходить, ибо и послѣднія чрезъ Вислу на сихъ дняхъ перепраавятся.

Вчерашняго дня получили мы изъ Вѣны отъ г. Урбиха зѣло пріятную вѣдомость, понеже миръ между его царскимъ величествомъ, государемъ нашимъ премилостивѣйшимъ, и Портою Оттоманскою помощію Божіею утвердился; о чемъ писалъ къ нему, Урбиху, вице-канцлеръ баронъ Шафировъ.

Желаемъ, дабы ваше сіятельство при сихъ обстояніяхъ, изволили насъ о тамошнихъ поведеніяхъ почасту увѣдомлять, а наипаче о чемъ прежде сего изволили къ намъ писать, а именно о нашихъ аліатахъ, якобы оные ищутъ партикулярнаго мира.

И понеже, какъ сами можете разсудить, сіе нашему интересу зѣло къ превеликому есть предосужденію, того ради предлагаю вашему сіятельству, дабы, по силѣ своего характера, какъ возможно изволили сіе престерегать, и накрѣпко провѣдывать, и стараться доставать подлинный документъ, и къ намъ о томъ какъ наискорѣе сообщать.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. X „Корреспонденція ко двору. 1711—1712 гг.“, стр. 295; № хрон. описи 1371].

876. Принцъ Рагоци—кн. Б. И. Куракину.

1712 г. мая 21 (іюня 1). Данцигъ.

Vos deux lettres du 16 et du 20 mai m'ont fait un sensible plaisir par les témoignages qu'elles contiennent de la continuation de votre amitié à mon égard. Je vous en remercie, Monsieur, et vous prie de compter toujours tant sur ma discrétion que sur l'envie que j'ai de répondre à vos sentiments par tout ce qui pourra dépendre de moi.

Je vous suis fort obligé des nouvelles que vous m'apprenez; celle de la paix des Turcs me donne une véritable joie, vu que, si elle se trouve contraire à l'opinion que j'en avais ci-devant, elle se trouve entièrement conforme à l'inclination que je conserve toujours pour tout ce qui regarde les intérêts de Sa Majesté Czarienne. Mais j'ai de la peine à me persuader

que les ministres d'Angleterre et de Hollande aient travaillé aussi sérieusement et avec autant d'empressement à cette paix que monsieur de Chafirov veut nous faire croire, vu qu'il est certain que ces puissances, suivant les maximes de leurs véritables intérêts, doivent avoir plus d'inclination pour le roi de Suède que l'on n'en attribue à la France. Les desseins que l'on impute à la France par rapport aux prétendues intrigues du comte de la Verne sont d'une nature à faire sentir qu'il y a toujours beaucoup à dire dans les vues dont on charge cette couronne. Y a-t-il quelque raison de croire que la France, dont l'intérêt à présent est de faire la paix et qui a besoin de toutes ses ressources pour défendre ses frontières, veuille songer à une entreprise qui la jetterait dans de nouveaux embarras et l'engagerait dans un pays étranger à l'entretien de vingt mille hommes? Et de plus, ne voit-on pas qu'il n'y a aucune proportion entre un corps de troupes si modique et les vastes projets qu'on lui impute? Votre prudence vous fera voir, sans doute, par ces raisons la fausseté des négociations qu'on a attribuées au comte de la Verne et qu'on ne les a imaginées que pour détourner Sa Majesté Czarienne contre ses intérêts de prendre des liaisons avec la France.

Je vous remercie, Monsieur, de ce que vous me marquez la réponse faite par la Cour à monsieur l'ambassadeur. Le czar m'a fait dire quelque chose de semblable, fondé sur la nécessité que la guerre des Turcs lui imposait d'avoir des ménagements pour la Cour de Vienne, et me faisant assurer de la continuation de sa protection; ainsi je me flatte que la paix remettra les choses sur le premier pied à mon égard, et que, quand Sa Majesté arrivera dans ce pays-ci, je pourrai avoir l'honneur de m'aboucher avec elle.

Comme votre inclination et votre zèle pour ses véritables intérêts vous ont toujours fait envisager la France comme, de toutes les puissances de l'Europe, celle dont l'amitié lui convenait le plus, je suis persuadé que vous n'oublierez rien de ce qui dépendra de vous pour prévenir les impressions que les

impostures qu'on répand contre cette Cour pourraient faire sur son esprit. Vous contribuerez par là à y rappeler les idées que je lui ai données ci-devant à cet égard, et dont la solidité pourra se faire mieux sentir à présent que par le passé.

Je vous ai bien des obligations, Monsieur, des avances qu'il vous a plu de faire à la personne connue; faites-moi savoir, s'il vous plait, à qui j'en dois remettre la valeur, et je le ferai incessamment.

[Переводъ]. Оба ваши письма, отъ 16 и 20 мая, доставили мнѣ большое удовольствіе, какъ доказательства вашего продолжающагося ко мнѣ расположенія. Благодарю васъ за него и прошу постоянно разсчитывать какъ на мою скромность, такъ и на желаніе мое отвѣчать на ваше расположеніе всѣми зависящими отъ меня средствами.

Премного вамъ обязанъ за сообщенныя извѣстія. Миръ съ турками сильно меня обрадовалъ, такъ какъ, если онъ и состоялся вопреки моему прежнему о немъ мнѣнію, то теперь онъ совершенно сообразуется съ тѣмъ участіемъ, которое я до сихъ поръ сохраняю ко всему, относящемуся до интересовъ его царскаго величества. Но мнѣ трудно вѣрить, чтобъ англійскій и голландскій министры принимали такое серьезное и усердное участіе въ заключеніи этого мира, въ какомъ г. Шафировъ хочетъ насъ убѣдить; такъ какъ извѣстно, что эти державы, преслѣдуя свои дѣйствительные интересы, должны болѣе склоняться на сторону шведскаго короля, чѣмъ Франція, которой это приписываютъ напрасно. Намѣренія, въ которыхъ обвиняютъ Францію касательно мнимыхъ интригъ графа де-ля-Вернъ, заставляютъ предполагать, что всегда найдется что сказать противъ цѣлей, навязываемыхъ этому государству. Возможно ли повѣрить, чтобы Франція, интересы которой требуютъ въ данную минуту мира,—Франція, нуждающаяся во всѣхъ своихъ силахъ для укрѣпленія своихъ границъ, задумала предпріятіе, которое поставило-бъ ее въ новыя затрудненія и вынудило-бъ ее содержать въ чужой странѣ 20 тысячъ войска? Къ тому же нѣтъ ничего общаго между скромнымъ корпусомъ арміи и обширнымъ замысломъ, въ которомъ ее обвиняютъ. При своемъ благоразуміи вы увѣритесь, конечно, этими доводами въ ложности слуховъ о переговорахъ, приписываемыхъ графу де-ля-Вернъ и вымышленныхъ только ради того, чтобы, вопреки интересамъ его царскаго величества, отклонить его отъ союза съ Франціей.

Благодарю васъ за сообщенный мнѣ отвѣтъ двора г. посланнику. Царь велѣлъ мнѣ передать что-то въ этомъ же родѣ, ссылаясь на необходимость, вызванную турецкой войной, щадить вѣнскій дворъ, и приказалъ меня увѣрить въ продолженіи его милости. Итакъ я льщу себя надеждой, что миръ возстановитъ наши прежнія отношенія, и что, когда его величество пріѣдетъ сюда, я буду имѣть честь говорить съ нимъ. Такъ какъ ваше усердіе къ его дѣйствительнымъ интересамъ заставляло васъ всегда смотрѣть на Францію, какъ на такую изъ всѣхъ европейскихъ державъ, дружба съ которой болѣе всего ему бы подходила, то я убѣжденъ, что вы не забудете ничего отъ васъ зависящаго, чтобы предупредить впечатлѣніе, которое могутъ произвести на

него клеветы, распространяемыя насчетъ этого двора. Этимъ вы поможете напомнить ему о тѣхъ совѣтахъ, которые я давалъ ему прежде по этому поводу, и прочность которыхъ будетъ очевиднѣе теперь, чѣмъ тогда.

Премного вамъ обязанъ за деньги, выданныя вами извѣстной особѣ; будьте добры сообщить мнѣ, кому передать эту сумму, чтó я немедленно сдѣлаю.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. LXVIII „Министерскія письма. 1711—1727 гг.“, стр. 67—71; № хрон. описи 1400].

877. Князь Б. И. Куракинъ—кн. А. Д. Меншикову.

1712 г. мая 23. Гага.

Нынѣшняя вѣдомость о мирѣ съ туркомъ многихъ дворовъ мнѣніе премѣнитъ, а особливе нашихъ аліатовъ. Однакоже, какъ я прежде былъ опасенъ отъ датскаго, нынѣ вдвое того опасаюся отъ польскаго, чтó я прежними доносилъ; уже подлинно мы увѣдомились, что аліаты нынѣ по исходатайствованію министровъ польскихъ о медіаціи такое предложеніе учинили и впредь весьма будутъ трудиться.

Еще того больше опасаюся при проходѣ въ Польшѣ короля шведскаго, чтобы сей дворъ больше интригъ не сдѣлалъ, и надѣюся, что ваша свѣтлость за благо сіе изобрѣсть изволите, чтобы нынѣ быть безотступно одному при королѣ Августѣ и смотрѣть его всѣ пасы. Здѣсь, что принадлежитъ при съѣздѣ нынѣшнемъ, будемъ, по всей возможности, смотрѣть и престерегать.

О дѣлахъ здѣшнихъ не имѣю что донести, понеже оныя въ самомъ молчаніи до возвращенія милорда Страффорда изъ Англіи, откуль безъ фундамента слухи приходятъ двоякіе: одни объявляютъ къ миру, а другіе къ продолженію войны; токмо первое можетъ, хотя не скоро, состоятельнѣе быть.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. X „Корреспонденція ко двору. 1711—1712 гг.“, стр 300--301; № хрон. описи 1385].

878. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину.

1712 г. іюня 6 (17). Гага.

По послѣднимъ вѣдомостямъ изъ Англіи, королева обѣщала въ прошедшую среду сообщить парламенту планъ мира съ

Франціею; здѣсь надѣемся съ первою почтою о томъ вѣдать. Но уже сіе мирное дѣло между Англіею и Франціею конечно къ концу своему приведено; и остатняго парламента какъ въ нижнемъ, такъ и въ верхнемъ согласились адресъ подать королевѣ и все, что принадлежитъ къ миру, въ волю ея отдать.

Новинъ изъ Брабанта получили, что принцъ Евженій отправилъ не малую партію кавалеріи, отобравъ легкихъ лошадей, подъ командою двухъ генераловъ-майоровъ внутрь Франціи, и ежели могутъ до самаго Парижа, чтобы все въ проходѣ жечь и разорять. Но еще никакой вѣдомости уже по семи дняхъ оттуль не имѣли, и надѣются, что отъ оныхъ чрезвычайное нѣчто учинено быть можетъ.

Министръ ганноверскій г. баронъ Ботмаръ, бывъ у меня, сообщалъ мнѣ все то равно о вѣнскомъ дѣлѣ, какъ г. послу Матвѣеву. И о семъ пространно не объявляю того для, что г. посолъ Матвѣевъ пространно на сей почтѣ своимъ письмомъ доносилъ.

Но что принадлежитъ ко мнѣ, я надѣюся, что ваше превосходительство милостиво разсудить изволите, когда уже отъ многихъ лѣтъ при томъ дворѣ будучи, и такъ искусный министръ г. баронъ Урбихъ не могъ ничего сдѣлать,—какъ возможно вновь кому пріѣхавшему, не знавъ состоянія того двора, что учинить? Воистину отъ многихъ слышу, что многіе министры, бывшіе тамъ, неблагодарно отъ поступковъ такъ спесивыхъ и уничтоживательныхъ себя находили. Но кому ни быть, равно съ тѣмъ же на конецъ разъѣхаться, какъ и другіе.

Воистину, ваше превосходительство, могу засвидѣтельствовать вѣрно, что здѣсь отъ министровъ цесарскихъ не видимъ никакой склонности къ нашимъ интересамъ, и во всѣхъ своихъ поступкахъ съ нами уничтоживательны. Но ежели бы тотъ дворъ вѣнскій намѣреніе доброе къ интересамъ царскаго величества имѣлъ, того бы для долженъ своимъ министрамъ здѣсь указъ дать, и съ нами доброе обхожденіе имѣть, и къ интересамъ царскаго величества себя показать; чего для уже многія

дѣла отъ насъ имъ были предложены, но на все молчаніемъ своимъ безотвѣтно отходятъ.

Еще же къ тому больше объявляю, что тотъ дворъ вѣнскій самъ въ себѣ одинъ не можетъ ничего сдѣлать и по желанію нашему безъ здѣшнихъ Статовъ въ аліансъ обязаться; а хотя-бъ одинъ и хотѣлъ, но намъ безъ здѣшней потенціи не есть нужно.

Но ежели прямое намѣреніе къ союзу съ царскимъ величествомъ имѣютъ, то, конечно, тому двору здѣсь министрамъ своимъ надлежитъ дать указы съ нами трактовать, чтó, безъ продолженія времени для переписокъ, скорѣе можетъ быть окончено. А несогласіе нѣкоторое ежели проходитъ между дворомъ царскаго величества и тѣмъ вѣнскимъ, то къ согласію оныя розности приводятъ прежде чрезъ посторонніе дворы, а не чрезъ своего посланнаго вновь министра, для того [что] изъ сего предусматривается къ чести своего потентата. Но ежели-бъ и вновь посланный не могъ учинить, паче было бы къ предосужденію.

Также обыкновенно между всѣми дворами взаимно и равныхъ характеровъ имѣть своихъ министровъ. Но отъ двора вѣнскаго при дворѣ царскаго величества ни во время тамъ бытности князя Голицына, ни барона Урбиха, никто изъ министровъ присланъ не былъ, кромѣ графа Вильчека, который, бывъ малое время, не взявъ отпускъ, уѣхалъ. И такой поступокъ того Вильчека, не чаю, чтобы можно принять къ согласію, но развѣ больше къ нарушенію доброй коррипшонденціи.

И по всѣмъ симъ моимъ доношеніямъ изволите милостиво разсудить, что не есть конечно нужда имѣть иного министра, какъ резидента, который уже и есть тамъ, взаимно противъ ихъ, ежели г. баронъ Урбихъ будетъ отозванъ. А особе прошу ваше превосходительство весьма избавить меня той погибельной коммиссіи и, по нуждѣ, съ тягостью готовъ здѣсь все нести по прежнему опредѣленію, нежели тамъ быть.

Вчерашняго числа изъ Франціи получили вѣдомость, что король Филиппъ ренунціацію учинилъ письменно отъ короны,

отъ одной или отъ другой, подъ такою кондиціею, что, по смерти короля французскаго, дѣда его, оставить въ его волю, и ежели онъ похочетъ короны французской, то брату его, дуку де-Берри, надслѣдствовать гишпанскую, а дѣтемъ его, Филиппа, и всей той его линіи быть по немъ наслѣдникомъ одной короны, а къ другой претенсіи никогда не имѣть.

Министры, польскіе и датскій, на извѣстныя предложенія о добрыхъ средствахъ намъ еще ничего не отвѣтствовали.

Изъ Польши письмами подтвердили о побѣгѣ короля шведскаго изъ Бендеря безъ позволенія турецкаго и безъ провожатыхъ. Но слышимъ, что путь будетъ имѣть на Слезію, а оттуль куда, — здѣсь дознать не могутъ, развѣ въ Голландію.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. X „Корреспонденція ко двору. 1711—1712 гг.", стр. 325—330; № хрон. описи 1404].

879. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1712 г. іюня 11. Петербургъ.

Получена здѣсь вѣдомость изъ Амстердама отъ князя Львова, что отъ русскихъ навигаторовъ, обрѣтающихся въ Англіи, чинятся многія бѣдства, и отъ своевольствъ и непостоянствъ одолжали многими долгами, за что сажаютъ ихъ въ тюрьму; а иные почали бѣгать. Того ради, по указу его царскаго величества, писано въ Лондонъ нынѣ къ г. Литу, чтобъ онъ испросилъ у ея королевина величества, дабы такихъ своевольниковъ повелѣла прислать на корабляхъ къ городу Архангельскому. О чемъ здѣсь и послу великобританскому г. Витворту на письмѣ сообщено, чтобъ онъ о томъ двору своему донесъ, дабы по предложенію литову въ томъ удовольство показано было.

И ваша милость изволите его, Лита, чрезъ письма свои побуждать, дабы онъ о томъ трудился всемѣрно, чтобы тѣхъ своевольниковъ навигаторовъ изъ Англіи на корабляхъ къ городу сего лѣта всеконечно выслать, несмотря ни на какія ихъ отговорки, насильно.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. XI „Корреспонденція ко двору. 1712—1713 гг.", стр. 136—137; № хрон. описи 1409].

880. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину.

1712 г. 20 іюня (іюля 1). Гага.

Когда увѣдомились здѣсь, что Англія дала указъ послу своему въ Константинополѣ весьма трудиться въ интересъ Швеціи и учиненный миръ съ его царскимъ величествомъ нарушить, тогда, напротивъ сему, Господа Статы указъ дали своему послу весьма въ интересъ царскаго величества престерегать и оный миръ содержать. Но вчерашняго числа, о семъ же имѣвъ разговоръ съ ратпенсіонаріемъ, его въ подтверженіе просили, и еще подтвердительные указы посылать къ послу своему будутъ. И разсуждалъ, что уже Англія опоздала также свои мѣры принять, и надѣется, что до прихода того указа уже король шведскій высланъ будетъ, и тогда, въ его отбытіи, всѣ тѣ дѣла будутъ бездѣйствительны. О всемъ томъ дали знать г. барону Шафирову.

Г. Урбихъ писалъ о непорядкахъ во всѣхъ поступкахъ къ нему того двора цесарскаго. Того для съ г. посломъ Матвѣевымъ говорили о всемъ томъ ганноверскому министру барону Ботмару, чтобы цесарскимъ министрамъ далъ знать о семъ, и чтобъ имѣли попеченіе къ лучшему продолженію корриспонденціи и установленію дружбы между обоихъ дворовъ, нежели въ бо́льшее несогласіе приводить. О всемъ томъ обѣщалъ говорить имъ.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. XI „Корреспонденція ко двору. 1712—1713 гг.“, стр. 119—120; № хрон. описи 1424].

881. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1712 г. іюня 30. Рига.

Изъ послѣдняго вашего письма изъ Гаги, отъ 17 дня сего іюня подъ № 55 отправленнаго, усмотрѣли мы, что цесарскіе министры, въ Гагѣ пребывающіе, наслушаютъ, что цесарь будетъ инкогнито въ Франкфортъ, куда электоры сами прибудутъ для свиданія съ нимъ. И царское величество указалъ мнѣ къ вамъ писать, когда вы увѣдаете, что его цесарское величество въ Франкфортъ прибудетъ, тогда вы пріѣдете къ его царскому величеству въ Померанію на почтѣ, какъ возможно скоро, оставя всѣ свои вещи въ Голландіи.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. XI „Корреспонденція ко двору. 1712—1713 гг.“, стр. 166; № хрон. описи 1432].

БУМАГИ

князя

АЛЕКСАНДРА БОРИСОВИЧА КУРАКИНА

1763—1772 гг.

Фамильные документы и переписка князя А. Б. Куракина съ разными лицами; его записки объ университетской жизни въ Лейденѣ и путешествіяхъ по Голландіи и Англіи.

882. Князь Б. А. Куракинъ—сыну кн. Александру Борисовичу.

1763 г. іюня 23. Москва.

J'espère, mon cher fils, que vous vous souviendrez bien de toutes vos promesses pour remplir votre devoir en vous séparant de nous. Je ne puis douter aucunement pour elles, me persuadant que vous tâcherez de réunir ce qui pourra faire honneur à la famille et vous être utile. Je vous réitère tout cela, en vous priant de remplir entièrement par là mes vues qui ne sont que pour votre bien. Pour y parvenir, tâchez, mon cher fils, d'avoir pleine confiance en ceux à qui je vous ai remis. Prouvez-la par votre attachement et obéissance, laquelle produira déjà l'application désirée, qui vous fera goûter ensuite les fruits qui sont si nécessaires pour soulager les peines de la vie.

Je ne manquerai pas [de] vous envoyer le détail que je me propose d'arranger pour vous, sitôt que j'aurai reçu avis de M. de Stroube, à qui, l'assurant de mon estime, vous ressouviendrez et [que vous] prierez de me [le] faire parvenir au plus tôt. Jusqu'à ce temps, quant aux études, tâchez de continuer ce que vous aviez commencé ici, avec application et plus d'attention que j'ai connue, ne pardonnant pas la distraction. Vous tâcherez, de plus, de vous appliquer surtout aux différentes traductions, et de commencer les différents styles des langues que vous parlez. Toutes les semaines régulièrement, vous m'enverrez un journal détaillé de toute la semaine, marquant les occupations journalières; vous prierez M. de Stroube qu'il marque sa satisfaction sur chaque article. Indépendamment de

ce journal, vous m'écrirez de petites lettres raisonnées, surtout en russe; vous prierez M. Stroube qu'il vous procure aussitôt un maître pour ce style. Il ne faut pas en même temps négliger les caractères de l'écriture. Toutes ces lettres doivent être composées par vous; les brouillons que vous garderez avec les réparations qu'on vous fera doivent être gardés date sous date, que vous m'enverrez tous les mois pour voir les progrès. Au reste, mon cher fils, tâchez de dompter vos passions qu'on vous fera connaître. Surtout, évitez d'être emporté; épurez votre cœur pour goûter la vraie satisfaction du monde. Vous me ferez savoir aussi de la santé et des progrès de votre frère, qui doit m'écrire aussi, sitôt qu'il le pourra lui-même.

Mes compliments à M. Köhler. Quant à nous tous, nous nous portons, grâce à Dieu, assez bien, et soyez persuadé que les bonnes nouvelles de votre bonne conduite et des progrès peuvent seules nous donner la satisfaction; tâchez donc de nous en donner de fréquentes. Adieu, mon cher ami, répondez à mes désirs. Que le bon Dieu vous bénisse!

Tâchez de marquer ma reconnaissance à M. Köhler pour les peines qu'il s'est données pour vous conduire en voyage, et marquez-moi comment vous avez supporté les fatigues. Excusez-moi auprès de M. Stroube que je ne lui écrive pas. J'attends de ses nouvelles. Faites-moi un détail de ma maison de campagne, en quel état vous la trouverez.

На оборотѣ написано: Князь Александру Борисовичу Куракину. Въ С.-Петербургъ.

[Переводъ]. Надѣюсь, милый сынъ, что вы не забудете ни одного изъ своихъ обѣщаній, данныхъ вами при нашемъ разставаніи, касательно своихъ обязанностей. Я нисколько не сомнѣваюсь въ этомъ, полагая, что вы постараетесь какъ для чести своей фамиліи, такъ и для собственной пользы. Напоминаю вамъ объ этомъ, прося васъ вполнѣ оправдать мои виды на васъ, цѣль которыхъ—ваше благо. Старайтесь, прежде всего, выказывать полное довѣріе тѣмъ, кому я васъ поручилъ, доказательствомъ чего можетъ быть ваша привязанность къ нимъ и послушаніе; а прямымъ слѣдствіемъ этого послѣдняго явится желанное прилежаніе, которое доставитъ вамъ въ будущемъ плоды, столь необходимые для услажденія горестныхъ минутъ жизни.

Я непремѣнно пришлю вамъ подробный планъ вашихъ занятій, какъ только получу увѣдомленіе отъ г. Штрубе; прошу васъ передать ему поклонъ и напомнить о скорѣйшей присылкѣ мнѣ отвѣта. До тѣхъ поръ продолжайте учить то, что вы здѣсь начали, только съ большимъ усердіемъ и вниманіемъ, чѣмъ я видѣлъ здѣсь, и не прощайте себѣ разсѣянности. Кромѣ того, старайтесь заняться различными переводами, а также начните изучать слогъ тѣхъ языковъ, на которыхъ вы говорите. Каждую недѣлю аккуратно вы будете присылать мнѣ подробный журналъ своихъ каждодневныхъ занятій; попросите г. Штрубе выставлять отмѣтки по каждому предмету. Независимо отъ этого журнала вы будете присылать мнѣ короткія, но толковыя письма, въ особенности по-русски; попросите г. Штрубе, чтобъ онъ вамъ тотчасъ нашелъ преподавателя русскаго языка. Въ то же время надо помнить и о каллиграфіи. Всѣ эти письма должны быть сочинены самими вами; черновики со всѣми исправленіями, которыя вамъ сдѣлаютъ, должны быть сохраняемы подъ числами; вы будете ихъ присылать мнѣ каждый мѣсяцъ, чтобъ я могъ слѣдить за успѣхами. Затѣмъ старайтесь исправлять тѣ свои недостатки, которые вамъ укажутъ; въ особенности избѣгайте вспыльчивости, стремитесь очистить ваше сердце, чтобы заслужить уваженіе свѣта. Вы меня будете также извѣщать о здоровьѣ и успѣхахъ вашего брата, который долженъ будетъ мнѣ тоже писать, какъ только онъ это сможетъ.

Передайте мой поклонъ г. Кёлеру.

Что касается насъ, мы, слава Богу, здоровы; будьте увѣрены, что только извѣстія о вашемъ хорошемъ поведеніи и вашихъ успѣхахъ могутъ намъ доставить удовольствіе; присылайте же намъ ихъ почаще. Прощайте, милый другъ; надѣюсь, что вы исполните мои желанія. Да благословитъ васъ Богъ.

Поблагодарите отъ меня г. Кёлера за принятый имъ на себя трудъ отвезти васъ и напишите мнѣ, какъ вы перенесли усталости дороги. Извинитесь за меня передъ г. Штрубе въ томъ, что я ему не пишу: я выжидаю извѣстій отъ него. Сообщите мнѣ подробно, въ какомъ видѣ вы найдете мою дачу.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 364 „Lettres de feu mon père. 1763—1764 гг.", стр. 1—7; № хрон. описи 11690].

883. Князь Б. А. Куракинъ—сыну кн. Александру Борисовичу.

1763 г. іюля 3. Москва.

Хотя, любезный другъ, къ удовольствію получилъ твое о себѣ увѣдомленіе, отъ 26-го прошлаго, но [и] съ сожалѣніемъ: въ немъ было ни мало не упомянуто о твоемъ упражненіи, о коемъ всегда съ нетерпѣніемъ знать хочу: ты знаешь, сколь мнѣ твое благосостояніе надобно. Происходить оно отъ иного не можетъ, какъ пріобрѣтеніемъ отъ

употребляемаго упражненія, и для того такъ, какъ и вслѣдствіе моихъ тебѣ приказаній, при всякой почтѣ давай знать, какъ свое время располагалъ, объясняя, что́ имѣлъ въ свободное время для чтенія, изъ коего матеріи подаваться тебѣ будутъ къ наполненію нашей переписки, препровождая ихъ своимъ разсужденіемъ.

Довольно, любезный мой, примѣтить ты могъ, сколь я для тебя драгоцѣнное время, стремительно протекающее, употреблять въ пользу твою старался къ открытію врожденнаго твоего смысла. При моемъ наблюденіи начиналъ льститься малаго начала; топерь остается тебѣ, мой другъ, памятовать признанное мое попеченіе и своимъ прилежаніемъ то дополнять, чрезъ что бы могъ къ отрадѣ моей удовольствіемъ и утѣшеніемъ награжденъ быть. Знаешь же и то, мой другъ, что наше каждаго бытіе одолжаетъ по мѣрѣ своей стремиться достигать возможнаго просвѣщенія для употребленія всего того къ услугѣ и пользѣ отечества, къ чему ты наиболѣе одолженъ, носящій имя предковъ своихъ, всегда счастливо употребляемыхъ въономъ. Итакъ, мой другъ, по симъ причинамъ ничѣмъ инымъ своей должности исполнить не можешь, какъ употреблять все свое время на полезное чтеніе, къ просвѣщенію служащее, убѣгая всѣ романы, истребляющіе и уводящіе драгоцѣнное время; о чемъ меня всепочтно увѣдомлять, какъ и о состояніи, и прилежаніи брата твоего.

По пріѣздѣ каждаго изъ нашихъ ближайшихъ свойственниковъ, при свободномъ времени г. совѣтника, старайся ихъ почтенно видѣть. А, впрочемъ, частые и пустые выѣзды отнюдь не дѣлать, служащіе къ моему неудовольствію, и не пресѣкать того времени, что̀ выше довольно изъяснено.

Чрезъ почту ко мнѣ по-французски и по-русски пиши. Упроси г. Штруба, чтобы для русскаго слога и познанія языка пригласилъ знающаго и прилежнаго человѣка, съ коимъ читать съ объясненіемъ и церковныя книги нѣкоторыя, потребныя для того.

По прилежности иного столько не наблюдать, какъ преодолѣвать свои склонности. Будь снисходителенъ, человѣколю-

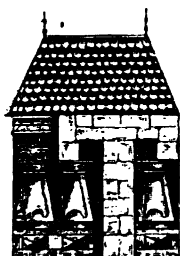
бивъ, учтивъ и терпѣливъ; будешь счастливъ и [будешь] имѣть мою дружбу. Боже, благослови.

Мы всѣ—слава Богу. Отпиши, какъ увидишь сестру мою Репнину и супруга ея.

[Надеждинскій архивъ кн. Θ. А. Куракина. Т. 364 „Lettres de feu mon père. 1763—1764 гг.", стр. 8—11; № хрон. описи 11691].

884. Князь Б. А. Куракинъ—сыну кн. Александру Борисовичу.

1763 г. іюля 14. Москва.

вои письма, двѣ почты сряду полученныя, меня обрадовали, о васъ узнавъ, что здоровы; но притомъ сожалѣю, что все еще настоящія свои ученія отлагаете. Я уже предъ симъ довольно, любезный другъ, о семъ распложался, а топерь краткость времени до того не допускаетъ, чего ради удовольствуюсь только тѣмъ, чтобы напомнить тебѣ должность твою, обязующую всѣ силы употреблять свои въ полезное къ доставленію всѣмъ намъ, пріемлющимся въ тебѣ, соучастія должнаго удовольствія, а къ собственному своему воспользованію пріобрѣтенія и просвѣщенія; того ради прошу не примышлять къ извиненію себѣ ничего, якобы отъ прибирки вашихъ покоевъ остановка была. Старайся самымъ дѣломъ время свое наполнять полезнымъ, продолжая притомъ съ должнымъ раченіемъ и прилежаніемъ все начатое, что̀ съ самою справедливостью, за свидѣтельствомъ г. Штруба, въ журналъ вносить. Ты знаешь, мой другъ, что не чрезъ что иное по топерешнему своему состоянію привлечешь мою къ тебѣ любовь, какъ прилежаніемъ и сходнымъ съ твоимъ рожденіемъ снисходительнымъ поведеніемъ, которое, старайся, чтобы всякому видимо было, чрезъ что бы свободнѣе до меня доходило. Къ отрадѣ своей всего онаго ожидаю. Боже, тебя благослови.

По свободности времени дядѣ Никитѣ Ивановичу свое почтеніе свидѣтельствуй, давая отчетъ своему пріобрѣтенію.

Г. Штрубу мой поклонъ и проси, чтобы скорѣе о твоихъ наукахъ и о содержаніи дома расположеніе прислалъ, чтобъ я могъ деньги на годовую вашу трату опредѣлить.

Федору Ивановичу Кёлеру мой поклонъ и благодареніе за учрежденіе его и за заплату денегъ, кои изъ той опредѣленной суммы вычтены будутъ. Извиняюся недосугомъ, что самъ не пишу.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 364 „Lettres de feu mon père. 1763—1764 гг.", стр. 12—15; № хрон. описи 11692].

885. Князь Б. А. Куракинъ—сыну кн. Александру Борисовичу.

[1763 г. конецъ іюля или начало августа]. Москва.

Нѣсколько почтъ полученныя отъ тебя письма, возвратясь изъ деревни, здѣсь нашелъ къ удовольствію моему, что ты здоровъ, между коими и нѣсколько журналовъ было. Я съ сожалѣніемъ въ оныхъ видѣлъ, мой другъ, что много времени тратится на вашу ко мнѣ переписку: по цѣлому утру или послѣ обѣда употреблялось. А какъ я время проходящее для васъ уважаю, то прошу отмѣнить и писать ко мнѣ въ праздничные дни, или обыкновенно по воскресеньямъ, а можешь оныя посылать въ понедѣльникъ. Итакъ то время, что́ употреблялъ на почты, опредѣли по учрежденію съ г. Штрубомъ въ полезное. Я о тебѣ освѣдомленіе всегда имѣть буду.

Хотя не сомнѣваюся, чтобы тратили вы свое время напрасно, но мнѣ нѣсколько непріятно, что часто со двора ѣздишь: довольно еще суета міра сего знаема и скучна будетъ. Топерь все время въ пользу употребляй; тѣмъ заслужишь мою милость.

Увѣдомь меня, кто именами учители, назначенные тебя обучать. Прости, мой другъ; прилежаніе и употребленіе въ пользу времени тебѣ желаю.

[Надеждинскій архивъ кн. Θ. А. Куракина. Т. 364 „Lettres de feu mon père. 1763—1764 гг.“, стр. 16—17; № хрон. описи 11686].

886. Князь Б. А. Куракинъ—сыну кн. Александру Борисовичу.

1763 г. августа 21. Москва.

же нѣсколько времени отъ тебя, мой другъ, писемъ не имѣю, но уповаю, что не иное причиною было, какъ твое отсутствіе изъ города; при томъ должно было бы къ моему спокойствію дать знать. Хотя, правда, я тебя отъ каждой почты и освобождаю, но то въ разсужденіи, чтобы ты на полезнѣйшее употреблялъ то время, чтó прежде для писемъ жертвовалъ, а для меня праздничные дни-бъ употреблять.

У тебя я требовалъ знать, кто именно мастерá, которые ходятъ къ тебѣ, и есть ли достаточный къ наученію россійскаго штиля. Если еще нѣтъ, то проси г. Штруба, чтобы тебѣ такого доставилъ, о чемъ я къ нему нынѣ же писалъ; и старайся съ продолженіемъ что полезное переводить, чтобы могъ къ чести напечатать твоей.

Любезный другъ, пользуйся временемъ: упущеніе ничѣмъ возвращено быть не можетъ. Укрывательство твое въ томъ,—коего не ожидаю,—къ твоему вреду и безславію обратится. Будь прилеженъ, будешь способенъ тогда и счастливъ, и намъ всѣмъ въ пользу и въ утѣшеніе. Въ такомъ случаѣ, Боже, тебя благослови.

Прошу отъ меня графу Петру Григорьевичу Чернышёву и фамиліи его мое почтеніе засвидѣтельствовать.

[Надеждинскій архивъ кн. Θ. А. Куракина. Т. 364 „Lettres de feu mon père. 1763—1764 гг.“, стр. 20—21; № хрон. описи 11694].

887. Князь Б. А. Куракинъ—сыну кн. Александру Борисовичу.

1763 г. октября 9. Москва.

ъ удовольствію моему, мой другъ, твои два письма получилъ съ приложеніемъ журнала вашего ученія. Я не сомнѣваюся, что ты, мой другъ, помнишь мои наставленія, такъ и свой долгъ, для собственной пользы, чтобы не соотвѣтствовать прилежаніемъ препровожденію вашего ученія, ибо единственно отъ онаго успѣхи и ожидаются. Съ увѣреніемъ о томъ вспоминаю и твое обѣщаніе; да къ тому же не могу сумниться, чтобы ты восхотѣлъ своимъ нерадѣніемъ и неприлежностью предать порицанію свое имя, счастливо нашими предками безъ наималѣйшаго порицанія, а отъ многихъ и службою въ отличіе постановленное. Итакъ, посему ожидаю твоего наиприлежнѣйшаго соотвѣтствія моему попеченію, и помни, что безъ приготовленія, т.-е. наученія, не можешь снисходительно согласовать моему желанію.

Прошу г. совѣтнику мой поклонъ объявить и признаніе [за то], что онъ восхотѣлъ принять на себя трудъ наученія тебя латинскому языку. Прошу съ прилежностью его трудами пользоваться; а притомъ мнѣ дать знать, кто съ тобою математику трактуетъ, и сколь далеко въ ней обращаешься, равномѣрно, какъ я уже и требовалъ знать, россійскій штиль начатъ ли и съ кѣмъ. Я бы желалъ, чтобы съ онымъ для познанія россійскаго языка, съ объясненіемъ вашего предводителя, читали вы чаще и, со вразумленіемъ записывая слова, псалтырь, къ оному знанію лучшее чтеніе. А потомъ можно будетъ присоединить другія къ чтенію, но полезныя.

Я бы желалъ, чтобы вы нѣкоторое время отдѣлили на ученіе нашей россійской исторіи. Помнится мнѣ, что г. совѣтнику друженъ г. Полетика, о знаніи котораго, особливо по его прилежанію въ оной части, я удостовѣрился. Если бы

можно было его къ тому упросить! А ты, мой другъ, ласкайся признаніемъ потомъ привлекать достойныхъ и просвѣщенныхъ людей къ своему воспользованію.

Ничто въ свѣтѣ, мой другъ, спокойства въ жизни не доставляетъ, какъ просвѣщеніе разума къ преодолѣнію нашихъ слабостей; ничто же нашу добродѣтель не подкрѣпляетъ, какъ признаніе. Безъ сихъ правилъ не будешь человѣкъ и не будешь спокоенъ. Слѣдуй тому,—отъ сердца желаю. Будь Богомъ хранимъ.

Прошу свои письма съ разсужденіемъ писать, а притомъ дать мнѣ знать, самъ ли ты ихъ пишешь или съ чьею помощью. А мою руку читать можешь ли?

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 364 „Lettres de feu mon père. 1763—1764 гг.", стр. 22—25; № хрон. описи 11695].

888. Князь Б. А. Куракинъ—сыну кн. Александру Борисовичу.

1763 г. октября 16. Москва.

Любезный мой сынъ. Благодарствую за ваше письмо, отъ 6 октября, которое я получилъ исправно. Оно мнѣ столь чувствительно, сколь пріятно слышать родителю о здоровьѣ своего сына и видѣть его знаки искренности и вѣрности, съ должнымъ повиновеніемъ соединенной; только жалѣю, что письмо свое сокращаешь отговоркою, будто не можешь мнѣ никакими вѣстьми причинить удовольствія. А я, съ моей стороны, ничего такъ не желаю, какъ частыя получать извѣстія о вашихъ упражненіяхъ, и изъясненіемъ своихъ успѣховъ въ оныхъ дѣйствительно всегда обрадуете мое сердце. Симъ и письма ваши дополнять не отрекайтесь. Того же требуетъ и любовь моя къ вамъ, вмѣсто знаковъ вашей натуральной преданности и чувствительнаго сердца за всю на васъ изливаемую нами доброжелательную и попечительную склонность; тѣмъ же всю дружбу

... и отеческую къ себѣ горячность, а не инымъ, сохранять ...жины и оказывать успѣхи можете прилежными о вещахъ, въ жизни достопамятныхъ, нравоучительныхъ и прочихъ достойныхъ понятія, разсужденіями, сообщеніемъ коихъ мнѣ совершенно принесете утѣшеніе. Я, по мѣрѣ моего желанія вамъ пользы, совѣтую снискивать достаточное знаніе въ математикѣ и въ латинскомъ языкѣ, какъ въ наукахъ, несказанно вспомоществующихъ въ вашемъ просвѣщеніи разума и ведущихъ къ благоуспѣшному воспитанію. Также увѣдомьте меня, какъ далеко уже трактуете математику и латинскій языкъ, и кто вамъ предводительствуетъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ. Впрочемъ, знавъ всѣ правила, коими я требую отъ васъ привлеканія моей горячности, надѣюсь, что ихъ исполнять не престанешь, чрезъ что, несумнѣнно, найдешь меня въ желаемой искренности и горячности. Боже, тебя благослови. Куракинъ.

Извѣстите меня: руку мою читать можете ли, а братъ вашъ какіе имѣетъ успѣхи въ своемъ ученіи, а особливо можетъ ли свободно читать по-русски.

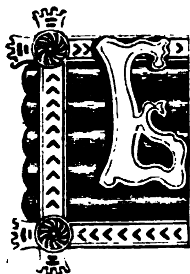
Я писалъ объ увѣдомленіи меня о продолженіи упражненія въ россійскомъ языкѣ, но вы мнѣ въ томъ не отвѣтствовали. Нынѣ, къ моему удовольствію, узналъ, что вы пригласили къ себѣ руководителемъ въ немъ г. Модраха, котораго искусство въ семъ мнѣ извѣстно. Однако, поколику время ему, надѣюсь, не дозволяетъ въ подробное его вступить изъясненіе, кромѣ толкованія правилъ генеральныхъ, то я совѣтую пригласить другого, или изъ кадетскаго корпуса, или изъ Академіи наукъ, человѣка добронравнаго, съ помощью котораго бы два раза въ недѣлю вы упражнялись въ чтеніи книгъ церковныхъ, особливо псалтыри, для познанія россійскаго краснорѣчія, какъ природнаго языка, а потому нужнаго и употребительнѣйшаго, разбирая при томъ смыслъ онаго писанія и замѣчая слова, еще неизвѣстныя, особливо которыя къ великолѣпному изображенію рѣчи способны. Не оставляйте переводы съ языковъ иностранныхъ на природный; а въ семъ требуй вспомоществованія обоихъ, наипаче же перваго. Я чрезъ сіе, мой другъ, не разрушаю

г. Модраха, но разумѣю другого для вспомоществованія и толкованія чтенія, требующаго того по неупотребительному слогу, каковой находится въ церковныхъ книгахъ.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 364 „Lettres de feu mon père. 1763—1764 гг.“, стр. 26—28; № хрон. описи 11696].

889. Князь Б. А. Куракинъ—супругѣ своей княгинѣ Еленѣ Степановнѣ.

1763 г. декабря 28. Москва.

Боже, дай, мой другъ, чтобы при возобновленіи сего года возобновилось твое здоровье и утвердилось наше общее спокойство. Я топерь, ослабѣвъ отъ многаго писанія приложеннаго, о дѣлѣ симъ распространить не могу, какъ только то, чтобы тебя, мой свѣтъ, просить, какъ возможно и на какихъ кондиціяхъ обстоятельно допустить, только конечно домъ продать. Я увѣренъ, что Лукьянъ Ивановичъ для меня все употребитъ; съ нимъ только искреннѣе будь. Въ прочемъ всѣ распоряженія домовыя оставь представлять,—полезныя изъ оныхъ я самъ знаю. Но, прежде предпріятія оныхъ, надо получить сумму, что́ продажею дома и сдѣлать надо.

Произведеніе Штруба и его учрежденіе меня крайне убѣдили, и признаю къ себѣ дядину истинную милость. По чувству ея я бы, конечно, не оставилъ ему сегодня же изъявить мою благодарность, но, зная его упражненія, пресѣкать ихъ не осмѣлился. Прошу тебя, мой свѣтъ, сколь возможно, [дать ему] знать мое всекрайнее за оное признаніе. А притомъ его упроси, чтобы, хотя по свободности, отъ Штруба требовалъ знать о прилежности и успѣхѣ сына нашего; а при томъ его единое слово Штрубу по уваженію воздѣйствовать много можетъ, чего ради и проси, чтобы дядя Штрубу рекомендовалъ прилежное наблюденіе за сыномъ. Въ прочемъ, что до ихъ учрежденія касается, оставь безъ наималѣйшаго нарушенія до моего прі-

ѳиди, прекращая, если ссора междоусобная будетъ. А я надѣюся конечно въ генварѣ быть. О мнѣ, хотя я ничего не знаю,—надѣюся, что ты не упустишь возможнаго. Прошу только извѣдать, къ чему болѣе сходство есть получить.

Прошу увѣдомить,—Балашёвъ во что произведенъ, и скажи ему, чтобъ онъ ко мнѣ самъ написалъ, чѣмъ онъ и хочетъ ли быть у меня. Нынѣ я учреждаю въ Петербургѣ контору, его сдѣлать могу совѣтникомъ и ему въ главное попеченіе препоручить.

Прости, мой свѣтъ. Если что до публичныхъ учрежденій свѣдаешь, и я во что включенъ буду, хотя стафету, только съ обстоятельствами, пришли.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 364 „Lettres de feu mon père. 1763—1764 гг.“, стр. 80—83; № хрон. описи 11701].

890. Князь Б. А. Куракинъ—сыну кн. Александру Борисовичу.

1763 г. декабря 28. Москва.

Мою искренность возобновляетъ наступленіе новаго года пожеланіемъ, тебя, мой другъ, касающимся. Сколь я сердечно желаю, чтобы препровожденіе многихъ было къ твоему счастью, столь же и желаю, чтобы ты, мой другъ, возможное употреблялъ къ поспѣшествованію въ пріобрѣтеніи себѣ просвѣщенія по всѣмъ продолжающимся о тебѣ попеченіямъ, безъ чего тѣмъ наслажденіемъ воспользоваться и не можешь. Возобновленіе же года приближаетъ насъ къ совершенству, почему уже и ты, мой другъ, разсудные годы получаешь. Съ онаго побуди свое прилежаніе: уже въ скорости будешь съ настоящимъ успѣхомъ всѣмъ пользоваться. Чѣмъ болѣе оное употреблять станешь, тѣмъ скорѣе себя приготовишь къ полезному въ обществѣ обращенію, въ которомъ единое къ подкрѣпленію и предпочтенію имѣемъ преимущество предъ обыкновенными

—просвѣщеніе. И для того не можешь довольно къ тому прилежанія употребить; старайся его не упускать, а упущенное не возвращается. Нынѣ уже, кромѣ вновь наученія, старайся, мой другъ, свободные часы употреблять на полезное чтеніе, но и то по выбору г. совѣтника, которое не только со вниманіемъ должно производить, но и примѣченное всегда записывать, отъ чего наибо́льшую себѣ пользу получишь. Не меньше-жъ онаго старайся усугубить себя въ наученіи въ разныхъ тебѣ уже знаемыхъ языковъ штилѣ, ибо не можешь довольно къ сему нужному пріобрѣтенію прилежать, но, чѣмъ болѣе станешь въ ономъ обращаться, свободность получать будешь. Сія же способность при всякомъ употребленіи за первѣйшую почесться должна.

О всѣхъ же прочихъ наученіяхъ не въ одно только то время, или тѣ часы, въ которыхъ упражняешься, помышлять, но всегда должно о нихъ размышлять и разговаривать изъяснительно, ибо онымъ однимъ въ памяти сохраняться могутъ.

Я надѣюсь, что, хотя многихъ подробностей за краткостью времени нынѣ не описалъ, ты, мой другъ, самъ не оставишь помнить, что каждый изъ насъ созданъ для полезнаго времяупотребленія, тѣмъ паче, что ты счастливо имя носишь таковыхъ, кои между предками никого не имѣли къ порицанію своему, а, напротивъ того, каждый изъ нихъ счастливо обращался съ вѣрностью къ государю и съ попечностью къ своему отечеству и въ пользу онаго, и что тѣмъ наипаче ты долженъ стараніе всевозможно употреблять къ своему пріуготовленію. Къ тому всѣ способы я тебѣ преподалъ: остается тебѣ тѣмъ воспользоваться. Однимъ симъ пріобрѣтешь мою къ себѣ милость. Препоручаю тебя Всевышнему въ покровительство. Куракинъ.

Со вниманіемъ прочти сіе и сообщи г. совѣтнику, отъ коего ожидаю бо́льшаго въ ономъ подкрѣпленія, къ чему ты долженъ своимъ признаніемъ.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 364 „Lettres de feu mon père. 1763—1764 гг.“, стр. 30—33; № хрон. описи 11700].

891. Приказъ П. И. Панина Ивану Соловьеву.

1764 г. декабря 20.

го высокопревосходительство Петръ Ивановичъ изволилъ приказать чтецамъ за чтеніе въ домѣ по покойникѣ князь Борисѣ Александровичѣ псалтыри, выдать теперь то только число, сколько они уже изъ договорнаго двадцатирублеваго числа зачли, а достальныя по окончаніи шестинедѣльнаго времени. Флигель-адъютантъ Иванъ Рогожинъ.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина: Т. 1370 „Копія съ долговаго генеральнаго реестра и опекунскіе протоколы. 1765—1768 гг.“, стр. 62; № хрон. описи 11725].

892. Описаніе, въ какомъ состояніи настоящее положеніе дома осталось послѣ кончины князь Бориса Александровича съ положеніемъ по существительному того состоянія примѣрнаго о немъ расположенія какъ для заплаты долговъ, такъ и для всегдашняго фамильнаго спокойствія.

[1765 г.].

1. Послѣ покойнаго отца его пришло за него деревень въ разныхъ уѣздахъ, въ томъ числѣ въ мызѣ и въ украинской слободѣ, всего 10736, а продалъ онъ материнскую деревню 84 души.

2. Во время владѣнія его пришло собственно къ нему, покойнику, отъ Салтыковой, [урожденной] княжны Куракиной, 1845 душъ и въ приданое за княгиней 591 душа, но сія приданая въ нынѣшнее нижеписанное расположеніе не вносится.

3. Итакъ послѣ его, покойника, осталось за всѣмъ домомъ вышеписанныхъ всѣхъ деревень, кромѣ приданой, 12580 душъ.

4. По вѣдомостямъ домовой канцеляріи счисляется со всѣхъ ихъ годового обыкновеннаго дохода, кромѣ мызы, о коей въ той канцеляріи извѣстія нѣтъ, денежнаго,—11767 рублевъ, хлѣбнаго сѣва по 2185 ½ четвертей въ полѣ, а прилагая, хотя примѣрно, съ мызы годового денежнаго обыкновеннаго дохода по 1000 рублевъ, то всего денежнаго обыкновеннаго дохода теперь состоитъ токмо 12767 рублевъ, кромѣ какъ хлѣбнаго вышеписаннаго сѣва, такъ и за всякіе

столовые припасы, и другіе по хлѣбному урожаю промыслы, коихъ, какъ бываютъ временные и неравные, невозможно въ обыкновенное основаніе теперешняго домовнаго расположенія включить; за тѣмъ же остаются, а не на вспоможеніе, только уже изъ слѣдующаго обыкновеннаго денежнаго дохода расположенія.

5. По домовнымъ же вѣдомостямъ показано, что, въ бытность покойника въ Москвѣ, издерживалось въ годъ денегъ на содержаніе стола и на мелочные, единственно для домовнаго содержанія, расходы слишкомъ 8000 рублевъ, людямъ по окладамъ на годовое жалованье 1098 рублевъ, на содержаніе шпиталя 324 рубля, а всего 9422 рубля.

6. Присовокупляя къ оному годовому расходу, употребляемому на единое только внутреннее домовное содержаніе, требующійся, сверхъ того, расходъ на собственное господское и людское платье, на ученіе дѣтей, на экипажи и прочіе, чрезвычайно приключающіеся, необходимые по состоянію дома, расходы, то уже съ справедливостью можно заключить, что изъ всего обыкновеннаго годового вышеписаннаго денежнаго прихода, котораго отъ внутренняго расхода оставалось, какъ выше значитъ, только уже по 3345 рублевъ, всеконечно выходилось.

7. По найденнымъ реестрамъ оказалось, что покойникъ оставилъ долга на домѣ всего 194647 рублевъ, изъ котораго теперь заплатиться имѣетъ получаемыми за домъ 45000 рублевъ; затѣмъ останется еще долга 149647 рублевъ, съ котораго указного по шести процентовъ надобно будетъ платить по 8979 рублевъ въ годъ. Присовокупляя сей на проценты расходъ къ вышеписанному обыкновенному годовому домовному расходу, ясно видно, что съ домовныхъ доходовъ и со всѣми удобовозможными отъ урожаевъ хлѣба и по прочему промыслами, особливо въ разсужденіи, какова въ томъ экономія при нынѣшнемъ домовномъ обстоятельствѣ быть можетъ, не толико онаго долга уплатить невозможно, но весьма опасно, чтобы, по недостатку доходовъ на платежъ процентовъ съ присовокупленіемъ необходимо потребнаго расхода на собственное домовное содержаніе, не умножился долгъ до превосходства всего домовнаго капитала. Почему кровнымъ усердіемъ разсуждая о томъ, чтобы вывесть изъ-подъ такого бремени и сохранить домъ отъ онаго угрожающаго бѣдствія, не предвидится къ тому лучшаго и ближайшаго средства, какъ сіе токмо, чтобы, безъ продолженія времени и хотя уступными цѣнами, продать нѣсколько деревень взамѣнъ тѣхъ прибавочныхъ, которыя въ домъ покойника, сверхъ отцовскихъ деревень, вступили, полагая къ тому слѣдующее расположеніе:

а. Весь оный долгъ по справедливости долженъ теперь лечь на капиталы и деревни, дѣтемъ только принадлежащіе, потому что оный сдѣланъ домомъ ихъ отца; а хотя нѣкоторый считается и по дому матери покойнаго, только тотъ ей присвоить нельзя, оставляя и образъ ея жизни въ разсужденіе всѣхъ мужа ея домовныхъ годовыхъ доходовъ, и что она ни мало тѣми удовольствіями не пользовалась, отъ которыхъ долгъ произошелъ, но и по тому единому, что она какъ оставшія, по смерти мужа своего, на собственномъ ея имѣніи знатныя суммы денегъ въ чужихъ краяхъ, такъ и возвращенные въ процентахъ ея приданые 27000 рублевъ, равнымъ образомъ и всѣ части, принадлежащія ей въ недвижимомъ мужа ея имѣніи. отдала и оставила безвозвратно въ рукахъ и домѣ покойнаго своего сына, которое все несравненно превосходитъ тотъ долгъ, кой теперь на ея имени и по собственному ея житью считается.

б. Княжна, сестра покойника, толь больше еще справедливости имѣетъ въ долгахъ никакого участія не брать, потому что она не толико имъ ничѣмъ не причинствовала, но, превосходя уже давно лѣта совершеннаго своего возраста, ничего и понынѣ собственнаго не имѣла и не имѣетъ; а какъ по государственнымъ законамъ, такъ и по естественной справедливости, принадлежатъ ей во всемъ отцовскомъ имѣніи, съ самой кончины ея отца, указныя части,—въ недвижимомъ четвертаянадесятъ, а въ движимомъ осьмая.

в. Въ таковыхъ затрудненныхъ обстоятельствахъ какъ естественная же справедливость, такъ и истинное фамильное спокойствіе теперь главнѣе всего требуютъ полюбовно разверстаться всѣмъ между собою на указныя части для владѣнія и содержанія себя каждому со своего собственнаго, а изъ частей, дѣтямъ принадлежащихъ, нѣчто придавая для ихъ содержанія, а съ достальнаго, собирая доходы, выплатить всѣ отцовскіе долги. Къ таковому же расположенію, кажется, приличнѣе всего можетъ быть принято нижеписанное основаніе.

г. Дѣдовскаго имѣнія къ таковому разверстанію теперь состоитъ, какъ выше значитъ, всего 10011 душъ. Изъ того слѣдуетъ на седьмую часть бабушкѣ 1501 душа, да, вмѣсто проданной ея собственной деревни, 84 души, а потому всѣхъ ей принадлежитъ 1585 душъ; дочери ея, а сестрѣ покойнаго, противъ матери вполы, 750 душъ, да, вмѣсто принадлежащей ей части изъ дворовъ и всего движимаго имѣнія, которое послѣ отца ея осталось, дворъ со всѣми потребными снабженіями или на покупку онаго довольную сумму денегъ; но какъ по состоянію оставшаго на домѣ долга знатную сумму дать трудно, то разсуждается способнѣе ей дать лубянскій домъ съ присовокупленіемъ на перестройку онаго 3000 рублевъ денегъ.

д. За исключеніемъ объявленныхъ двухъ частей, останется принадлежащихъ дому покойника старинныхъ 7676, вновь вступившихъ 1845, а всего 9521 душа, изъ которыхъ молодой княгинѣ на седьмую часть принадлежитъ 1428 душъ, а съ ея приданой будетъ по тому за нею состоять 2019 душъ; то и разсуждается, что какъ ей, такъ старой княгинѣ и княжнѣ, владѣя всякій своею объявленною частью, самимъ себя во всемъ съ доходовъ оныхъ и содержать, оставляя уже затѣмъ части малолѣтнихъ дѣтей до ихъ совершеннаго возраста на заплату съ нихъ отцовскаго долга и на нѣкоторое съ оныхъ опредѣленное вспоможеніе къ ихъ собственному только воспитанію и содержанію.

е. Какъ по сему расположенію остается на раздѣлъ дѣтямъ всего еще 8718 душъ, то разсуждается изъ оныхъ продать на скорѣйшую заплату 2000 душъ, затѣмъ останется на всѣхъ ихъ 6718, а будетъ приходить на каждаго сына по 1343 души, съ которыхъ изъ доходовъ разсуждается положить употреблять на ученіе 500 рублевъ, на платье каждому по 130 рублевъ да на столъ имъ, въ прибавокъ умѣренныхъ столовыхъ припасовъ, денежнаго оброка съ украинской слободы 600 рублевъ, которая для того въ семъ расположеніи на выдѣленныя отъ нихъ части и не вмѣщена; оное все до возраста ихъ отдавать въ диспозицію ихъ матушки, а, сверхъ того, изъ собираемыхъ съ частей ихъ доходовъ платить оставшій отъ распродажи деревень долгъ; когда же оный весь уплатится, то обращать тѣ деньги до возраста въ капиталы каждому сыну.

ж. Таковымъ расположеніемъ, кажется, какъ спокойствіе фамильное можетъ на всегдашнее время сохраниться, такъ и молодые князья не токмо избавятся несноснаго долговъ бремени, но почти удержатся въ таковыхъ капиталахъ, каковые имъ слѣдовали по наслѣдству изъ дома своего дѣда; особливо, если они, какъ и несумнѣнно, сохранятъ себя въ принадлежащемъ имъ по роду своему достоинствѣ и въ должномъ почтеніи и любви къ своимъ бабушкѣ, матушкѣ и теткѣ, то и послѣ всѣхъ ихъ отдѣляемыя теперь части къ нимъ же возвратятся, и капиталы ихъ умножатся.

з. Но понеже по государственнымъ правамъ не толико къ таковому раздѣленію, ниже къ настоящему всѣмъ имѣніемъ владѣнію приступить ни бабушкѣ, ни женѣ невозможно при дѣтяхъ умершаго, недостигшихъ указного возраста, паче же нельзя въ долгахъ не токмо ничего продавать, ниже крѣпостей переписывать, то потому теперь прежде всего и потребно бабкѣ и матери какъ для полюбовнаго между собою разверстанія, такъ и для продажи и переписки крѣпостей, равнымъ образомъ и для собиранія доходовъ съ

деревень, принадлежащихъ малолѣтнимъ дѣтямъ, и для заплаты оными отца ихъ долга, избрать по своему соизволенію опекуновъ и просить ея величество, чтобъ они для вышеписаннаго, по малолѣтству оставшихъ послѣ покойника дѣтей, къ дому ихъ указомъ опредѣлены были.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 1370 „Копія съ долгового генеральнаго реестра и опекунскіе протоколы. 1765—1768 гг.", стр. 173—180; № хрон. описи 11747].

893. Раздѣльный актъ княгини Александры Ивановны, княжны Аграфены Александровны и княгини Елены Степановны Куракиныхъ съ малолѣтними князьями Куракиными.

1765 г. января 5.

1765 г. генваря 5 дня, мы, нижеподписавшіеся, княгини Александра Ивановна, Алена Степановна и княжна Аграфена Александровна Куракины, будучи теперь, послѣ кончины любезнаго нашего князя Бориса Александровича Куракина, въ общемъ нераздѣльномъ домѣ, [принимая во вниманіе], что отъ него, покойника, остались долги, нажитые во время его всѣмъ нашимъ домомъ владѣнія, по разнымъ крѣпостямъ и векселямъ, о которыхъ нонынѣ въ трехъ разныхъ запискахъ явилось численіемъ уже болѣе двухсотъ четырехъ тысячъ девятисотъ рублевъ, и переговоря между собою полюбовно о средствахъ, какимъ удобнѣе образомъ осиротѣвшихъ отъ него во младенчествѣ пяти сыновей не допустить по такому долгу до совершеннаго разоренія и, сколько возможно, ихъ отъ онаго освободить, при нижеподписавшихся свидѣтеляхъ, нашихъ тѣхъ кровныхъ свойственникахъ и родственникахъ, которыхъ мы добровольно избрали къ опекунству оставшихъ во младенчествѣ объявленныхъ дѣтей, согласились и утвердились на нижеписанное о нашемъ общемъ домѣ положеніе:

1. Намъ всѣмъ трёмъ раздѣлиться и взять изъ недвижимаго имѣнія указныя части къ однимъ мѣстамъ, а княжнѣ Аграфенѣ Александровнѣ, сверхъ того, вмѣсто всей слѣдующей изъ движимаго имѣнія части, дать лубянскій домъ да на перестройку онаго три тысячи рублевъ денегъ и нѣсколько изъ приготовленнаго въ подмосковномъ селѣ Елдегинѣ кирпича и извести. Людей же каждой себѣ на часть взять по подписанному нами именному имъ у сего особливому реестру, а которые въ томъ реестрѣ вписаны не будутъ, тѣмъ остаться въ части молодыхъ князей.

2. Какъ мнѣ, княгинѣ Александрѣ Ивановнѣ, состоящую на имя мое деревню не только въ указную часть не вчислять, но и вмѣсто проданной таковой же моей деревни имъ, покойникомъ, сдѣлать дополненіе къ указной моей части, такъ равномѣрно и мнѣ, княгинѣ Аленѣ Степановнѣ, моей приданой деревни въ указную же часть не вмѣщать, но, сверхъ того, оставить въ полную мою волю и диспозицію всѣ состоящія теперь въ моихъ рукахъ брилліантовыя и золотыя вещи, какъ собственныя мои приданыя, такъ и старинныя дѣдовскія, и нажитыя въ общемъ домѣ съ покойникомъ мужемъ моимъ, равнымъ образомъ и въ обоихъ гардеробахъ нашихъ съ покойнымъ мужемъ наличное все платье, да къ тому еще оставить во владѣніи моемъ съ дѣтьми по смерть или замужество дворы московскій, что на Мясницкой, да въ Петербургѣ новостроящійся и одну приморскую дачу. Насупротиву чего по моей подписной отъ покойнаго мужа моего рядной ни при какомъ случаѣ впередъ отъ дѣтей нашихъ ни я, ни наслѣдники мои, требованія имѣть не будемъ для того, что я вышеобъявленными брилліантовыми и золотыми вещами и вышеписаннымъ платьемъ по той моей рядной во всемъ удовольствована. Но понеже петербургскій объявленный домъ не совсѣмъ еще отстроенъ, то оный по плану покойнаго отстроить тѣми доходами и заготовленными на приморской дачѣ матеріалами, какъ онъ при жизни своей опредѣлялъ, съ прибавкою къ тому изъ денежныхъ годовыхъ доходовъ съ Гатчинской мызы. А ежели оный домъ я за способнѣе найду недостроивши продать, а вмѣсто его другой на общее съ дѣтьми имя за такую же цѣну, сколько за тотъ взято будетъ, купить, то въ томъ мнѣ имѣть, по согласію съ опекунами, свободную волю.

3. Состоящее въ домѣ нашемъ все серебро свѣсить, а сдѣлавъ опись и подписавъ опекунами, оное между нами во владѣніе по смерть только нашу раздѣлить подъ наши росписки таковымъ образомъ: мнѣ, княгинѣ Аленѣ Степановнѣ, отдать большой и дорожный сервизы и всѣ тѣ столовые и прочіе приборы, которые къ онымъ сервизамъ принадлежатъ; а намъ, княгинѣ Александрѣ Ивановнѣ и княжнѣ Аграфенѣ Александровнѣ, взять тотъ сервизъ съ принадлежащими къ оному столовыми и прочими приборами, который въ Москвѣ вседневно употребляемъ былъ.

4. На объявленныя намъ указныя изъ недвижимаго имѣнія части согласилися мы добровольно взять въ вѣчное и потомственное наше владѣніе: я, княгиня Александра Ивановна, изъ старинныхъ покойнаго мужа моего деревень въ Ростовскомъ уѣздѣ село Пріимково, въ немъ тысяча триста семнадцать душъ, сельцо Васильково,—

сорокъ восемь душъ, подмосковное сельцо Одинцово,—сто двадцать душъ, въ Ярославскомъ уѣздѣ деревню Иванково,—тридцать семь душъ, а всего тысяча пятьсотъ двадцать двѣ души. Я, княгиня Алена Степановна, изъ доставшихъ мужу моему по закладнымъ отъ княжны Куракиной въ Орловскомъ уѣздѣ село Богородское, въ немъ восемьсотъ сорокъ семь душъ, отъ Салтыковой въ Суздальскомъ уѣздѣ село Богородское же,—двѣсти семьдесятъ одна душа, въ Коломенскомъ уѣздѣ сельцо Суварово,—триста восемьдесятъ двѣ души, а всего тысяча пятьсотъ душъ. А я, княжна Аграфена Александровна, изъ старинныхъ же родителя моего деревень въ Суздальскомъ уѣздѣ село Петровское, въ немъ шестьсотъ десять душъ, въ Ярославскомъ уѣздѣ деревню Добраново,—сто сорокъ восемь душъ, а всего семьсотъ пятьдесятъ восемь душъ, со всѣми принадлежащими къ онымъ вотчинамъ всякими угодьями, земляными дачами и со всѣмъ прочимъ такъ. какъ они за прежними своими владѣльцами до владѣнія покойнаго князь Бориса Александровича состояли, кромѣ единственно дворовыхъ людей, которымъ быть за тѣми, кто за кого по подписному нами реестру отданъ или кто при прежнихъ вотчинахъ, безъ отдачи въ другія мѣста, оставленъ будетъ, кромѣ переселенныхъ и выданныхъ въ замужество вдовъ и дѣвокъ во время общаго тѣми всѣми деревнями владѣнія, которымъ всѣмъ быть безповоротно въ тѣхъ деревняхъ, кто гдѣ теперь житьемъ своимъ до сего раздѣла состоитъ; а подушныя деньги до будущей ревизіи платить отъ тѣхъ деревень, кто гдѣ написанъ. И хотя въ вышеписанныхъ взятыхъ нами по собственному нашему соизволенію указныхъ частяхъ мнѣ. княгинѣ Александрѣ Ивановнѣ, не достаетъ, съ дополненіемъ проданной покойнымъ сыномъ моимъ моей собственной деревни,—шестидесяти трехъ душъ, а у меня, княгини Алены Степановны, превосходитъ на семьдесятъ двѣ души, у меня же, княжны Аграфены Александровны, превосходитъ же на восемь душъ; но мы въ томъ самоизвольно по состоянію тѣхъ деревень согласились и никогда о томъ спорить и челобитья производить не будемъ.

5. За вышеписаннымъ взятымъ нами по сему раздѣлу себѣ на части недвижимымъ и движимымъ имѣніемъ прочему всему, оставшему послѣ покойнаго князь Бориса Александровича и отца его. недвижимому и движимому имѣнію остаться, кромѣ экипажей, безъ всякаго впредь отъ насъ спора, за пятью оставшими послѣ его малолѣтними сыновьями, съ котораго имѣнія платить и весь оставшій отъ покойнаго отца ихъ долгъ, какъ нынѣ по найденнымъ запискамъ, внесенный въ генеральный реестръ, такъ, если и еще ока-

заться могутъ, сверхъ того, долги по крѣпостямъ, векселямъ или справедливымъ счетамъ, но подписаннымъ собственною только его, покойнаго, рукою. Намъ же, обѣимъ княгинямъ и княжнѣ, въ оныхъ долгахъ какъ нынѣ, такъ и впередъ никакого участія не имѣть, а если впередъ какіе долги отъ именъ нашихъ явятся, тѣ платить намъ самимъ со своихъ частей и въ томъ имъ, молодымъ князьямъ, участія никакого не имѣть же. Что же касается экипажей, то каждой изъ насъ взять по себѣ тѣ, которые кто донынѣ изъ оныхъ употреблялъ.

6. Понеже они, молодые князья, теперь состоятъ не въ совершенномъ и во младенческомъ возрастѣ, то мы, по общему нашему согласію, добровольно избрали въ опекунство къ нимъ дядей ихъ родныхъ: Никиту и Петра Ивановичей Панинныхъ, да Александра Федоровича Талызина, и родственника моего, княгини Алены Степановны, графа Өедора Алексѣевича Апраксина, которымъ опекунамъ имѣть полную волю въ смотрѣніи и собираніи всѣхъ доходовъ съ принадлежащаго имъ, князьямъ молодымъ, всего имѣнія, а намъ уже онаго ничѣмъ, безъ согласія съ ними, не касаться, но токмо изъ доходовъ ихъ ежегодно давать княгинѣ Аленѣ Степановнѣ на содержаніе ихъ, дѣтей ея, платьемъ на каждаго по сту по тридцати рублевъ, на столъ весь денежный оброкъ съ украинской слободы, на ихъ ученіе пятьсотъ рублевъ да изъ ихъ же доходовъ содержать шпиталь и всѣхъ людей, имъ собственно принадлежащихъ, а, сверхъ того, доходами съ сихъ деревень платить означенные отца ихъ долги. Но какъ всѣхъ тѣхъ долговъ заплатить одними доходами невозможно, то положили мы, по разсмотрѣнію оныхъ опекуновъ, продать, смотря по обстоятельствамъ, изъ недвижимаго отцовскаго имѣнія хотя до двухъ тысячъ душъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ опекуны заблагоразсудятъ.

7. Сей нашъ полюбовный раздѣлъ мы теперь нашими собственными руками, при свидѣтельствѣ нижеподписавшихся опекуновъ, утверждаемъ съ тѣмъ, что какъ скоро на оное опекунство соизволеніе воспослѣдуетъ, то намъ во всей сей точности учинить раздѣлъ на основаніи указовъ и по надлежащему приказному во всемъ порядку, не споря по сему ни въ чемъ.

8. Понеже по сему расположенію совсѣмъ раздѣлиться и въ надлежащее по тому точное владѣніе каждой намъ вступить прежде будущаго 1766 г. генваря 1 числа способа не предвидится, того ради мы на нынѣ наступившій годъ владѣніе по нашему теперь добровольному согласію полагаемъ имѣть изъ общаго нашего дома слѣдующимъ образомъ:

а. Всякаго званія доходы со всѣхъ деревень, кромѣ приданой княгини Алены Степановны, ожидаемые по расположенію, сдѣланному еще покойнымъ князь Борисомъ Александровичемъ на сей наступившій 1765 г., собрать въ общую сумму, равнымъ образомъ всякому въ домѣ хлѣбу, фуражу и прочимъ столовымъ припасамъ сдѣлавъ нарядъ на весь оный годъ равно такой же, какой въ прошломъ году при покойникѣ былъ, и взять въ общій же домъ, а изъ онаго всѣхъ дворовыхъ людей повсемѣстно годовымъ окладомъ и жалованьемъ на цѣлый годъ во всемъ такъ удовольствовать, какъ они при покойникѣ содержались.

б. Сверхъ того, изъ годового обыкновеннаго оброчнаго дохода и изъ собираемыхъ денегъ за продаваемый, по его же, покойника, расположенію, всякій въ нынѣшнемъ году хлѣбъ, какъ нѣкоторые долги заплатить, такъ и на разные назначенные расходы опредѣленныя суммы употребить точно такъ, какъ въ приложенномъ у сего за руками нашими реестрѣ написано.

в. За тѣмъ годовымъ на общій домъ употребленіемъ остающихся изъ всего годового на нынѣшній 1765 г. денежнаго прихода раздѣлить на три части поровну, то-есть, одну часть старой княгинѣ, двѣ части молодой княгинѣ съ дѣтьми, а половину противъ одной изъ тѣхъ частей княжнѣ, которую по исчисленію и выдѣлить изъ тѣхъ трехъ частей поровну, а оныя четыре денежныя части и получить намъ, княгинямъ и княжнѣ, на нынѣшній 1765 г. изъ общаго годового всѣхъ имѣній дохода. А какъ по вышеписанному расположенію во весь сей годъ во всемъ прочемъ домъ на прежнемъ основаніи, кромѣ стола, содержанъ уже будетъ, то столъ содержаться имѣетъ по сему:

г. Всякіе столовые обыкновенные припасы и живность, прежде получаемые изъ деревень, и заготовленную уже на сей годъ виномъ и прочимъ провизію употреблять во всемъ такъ, какъ при покойникѣ было,—къ столу вообще, а, сверхъ того, дать намъ на содержаніе общаго же стола изъ объявленныхъ нашихъ денежныхъ частей мнѣ, княгинѣ Александрѣ Ивановнѣ, по одному рублю, а мнѣ, княгинѣ Аленѣ Степановнѣ, съ дѣтьми по два рубля, мнѣ же, княжнѣ Аграфенѣ Александровнѣ, по полтинѣ, на каждый день, итого отъ всѣхъ на каждый день по три рубля съ полтиною, которую столовую сумму и отдать въ общій расходъ дворецкому.

д. Хотя по сему и положено на нынѣшній 1765 г. со всѣхъ нашихъ указныхъ частей годовой доходъ собрать въ общую сумму, однакоже, кромѣ того сбора, каждой намъ во владѣніе своихъ частей вступить еще въ нынѣшнемъ году съ того времени, какъ

надлежащій приказный раздѣлъ учиненъ будетъ, для чего въ тѣ принадлежащія намъ деревни дать на основаніи онаго о томъ общія повелѣнія.

У подлиннаго подписано тако:

Кн. А. Куракина. Княгиня Алена Куракина. Княжна А. Куракина.

Свидѣтельствуютъ по сему: Петръ Панинъ. Александръ Талызинъ. Графъ Ѳедоръ Апраксинъ.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 1370 „Копія съ долгового генеральнаго реестра и опекунскіе протоколы. 1765—1768 гг.", стр. 29—34, и другая копія, стр. 35—42; № хрон. описи 11753].

894. Опекунскій протоколъ № 1 по дому малолѣтнихъ князей Куракиныхъ.

1765 г. января 5.

Вслѣдствіе того, что мы, нижеподписавшіеся, приняли на себя быть опекунами при оставшихъ послѣ покойнаго князя Бориса Александровича Куракина въ великихъ долгахъ пяти малолѣтнихъ его сыновьяхъ до указныхъ лѣтъ возраста самаго меньшого сына къ собственному имѣніемъ владѣнію, нынѣ мы, при вступленіи въ оное опекунство, имѣя наирадѣтельнѣйшее разсужденіе объ удобнѣйшихъ и ближайшихъ средствахъ какъ къ заплатѣ всѣхъ отца ихъ долговъ, такъ и къ удобовозможному соблюденію во всемъ домѣ ихъ интересовъ, согласно положили, чтобы всякое о домѣ ихъ, по разсужденію нашему, положеніе и опредѣленіе всегда записывать съ подпискою нашихъ рукъ, кто налицо когда состоять будетъ, въ сей протоколъ, и чтобы въ послѣдованіе теперь учиненнаго между обѣими княгинями и княжною съ князьями полюбовнаго раздѣла учинить слѣдующее:

1. Объ оставшихъ послѣ покойнаго князь Бориса Александровича долгахъ сочиненный реестръ изъ записокъ, какъ полученныхъ отъ молодой княгини и найденныхъ въ письмахъ покойнаго князя, такъ и взятыхъ отъ домовой канцеляріи, и изъ другихъ найденныхъ разныхъ счетовъ и записокъ, намъ, подписавъ своими руками и сошнуровавъ въ одну тетрадь со всѣми тѣми записками и счетами, припечатать своими печатьми и отдать въ домовую управителю канцелярію для справокъ и заплаты по немъ долговъ изъ имѣній молодыхъ князей.

2. Такой же другой реестръ подписавъ своими руками, положить какъ нынѣ на немъ, такъ и впередъ класть отмѣтки, которые долги и съ какого прихода денегъ заплатить нами опредѣлится.

3. Сдѣлавъ приходную и расходную въ переплетѣ за шнуромъ и печатьми нашими книгу, отдать управителю для записыванія въ приходъ и расходъ денегъ, принадлежащихъ молодымъ только князьямъ,* какъ по приказамъ нашимъ, такъ и собираемыхъ съ нихъ только по нынѣшнему раздѣлу частей.

4. Со сдѣланнаго между княгинями и княжною раздѣла снявъ копію за рукою нашею, отдать къ домовнымъ дѣламъ управителю, приложа при томъ росписаніе, откуда сколько какихъ денежныхъ доходовъ и хлѣбныхъ всякихъ припасовъ на нынѣ слѣдующій годъ по основанію того раздѣла въ общій домъ собрать и какимъ образомъ куда изъ онаго въ расходъ въ семъ году произвесть, давъ притомъ приказъ о надлежащемъ во всемъ домѣ послушаніи по основанію-жъ онаго раздѣла.

5. Что̀ въ серебряныхъ сервизахъ не перевѣшано, оное перевѣся, на каждой вещи въ удобныхъ мѣстахъ вѣсъ начертить, а всѣ три сервиза раздѣля на принадлежности по основанію полюбовнаго договора, сдѣлать всякому особь реестры, которые по надлежностямъ представить для подписки обѣимъ княгинямъ, и по онымъ подписнымъ реестрамъ тѣ сервизы, кому онѣ прикажутъ, отдать, а тѣ реестры взять для храненія къ домовымъ дѣламъ.

6. Изъ находящихся здѣсь лошадей карій молодой цугъ жеребцовъ и вороной мериновъ, на которомъ княжна ѣзжала, за что возможно, продать и деньги въ приходъ молодыхъ князей записать; а. вмѣсто тѣхъ лошадей, привести для молодой княгини лучшихъ молодыхъ вороныхъ жеребцовъ семь, выбравъ какъ изъ тверского, такъ и орловскаго заводовъ, а для княжны изъ тверскихъ молодыхъ восемь мериновъ. Прочихъ же, затѣмъ, лошадей въ обоихъ тѣхъ и въ пензенскихъ заводахъ, которыя подоспѣли къ ѣздѣ, а для завода не употреблены, распродать удобными цѣнами и деньги взять въ приходъ молодыхъ князей; а съ тѣми подъемными меринами, на которыхъ покойникъ ѣзжалъ, учинить то, что̀ княгини прикажутъ.

7. Какъ изъ полученныхъ за проданный петербургскій дворъ въ число сорока пяти тысячъ изъ двадцати тысячъ рублевъ десять тысячъ заплачены по векселю графа Петра Өедоровича Апраксина, который вексель съ надписью къ домовымъ дѣламъ отданъ, да двѣсти двадцать рублевъ употреблены на обмѣнъ тѣхъ десяти тысячъ рублевъ въ серебряныя деньги, и заплачена же тысяча рублевъ въ сумму его императорскаго высочества, изъ которой молодой княгинѣ на возвращеніе изъ С.-Петербурга сюда то число въ заемъ дано было, то за тѣмъ оставшія и сюда уже переведенныя изъ Московской мѣдной экспедиціи принявъ, дать къ домовымъ дѣламъ приказъ,

чтобъ оную всю двадцатитысячную сумму записать въ вышеобъявленную данную книгу въ приходъ, а изъ того объявленное одиннадцать тысячъ двѣсти рублевъ—въ вышеписанный расходъ.

8. Изъ оставшей объявленной, получаемой теперь изъ мѣдной экспедиціи за дворъ, суммы выдать одну тысячу рублевъ княжнѣ въ число опредѣленной ей на перестройку двора, по полюбовному договору, суммы, для закупки теперь матеріаловъ и подряда работниковъ, и заплатить по долговому реестру всѣ принадлежащіе годовые проценты съ тѣхъ долговъ, которымъ сроки миновали, и кои пересрочены быть могутъ; а изъ оставшихъ за тѣмъ заплатить долги, во-первыхъ, камардинеру Терешкѣ, а потомъ тѣмъ должникамъ, которымъ сроки скорѣе наступятъ, не оставливая изъ той суммы, за вышеписаннымъ расходомъ, ни въ какое употребленіе ничего.

9. Которыя оброчныя деревни, доставшіяся на части какъ молодымъ князьямъ, такъ старой княгинѣ и княжнѣ, нынѣ по окладомъ платятъ менѣе дву рублевъ съ души, тѣ всѣ переоброчить, чтобы съ будущаго 1766 г. платили непремѣнно съ каждой души по два рубля, по послѣднимъ сказкамъ о ревизіи; а что касается новаго оклада и учрежденія доставшейся части молодой княгинѣ, то о томъ всѣмъ онымъ деревнямъ велѣть повелѣнія принимать и по нимъ точно исполнять отъ нея, княгини самой, или отъ кого она прикажетъ.

10. Всѣ тѣ деревни, которыя по нынѣшнему раздѣлу не принадлежатъ молодымъ князьямъ, а нынѣ состоятъ въ закладѣ по долгамъ ихъ отца, изъ тѣхъ закладовъ, при миновании сроковъ, высвободить какъ заплатою долговъ изъ получаемыхъ за продажу двора послѣднихъ денегъ, такъ и перезаложеніемъ, вмѣсто нихъ, деревень изъ части, принадлежащей молодымъ князьямъ.

11. Изъ приготовленнаго въ селѣ Елдегинѣ кирпича и извести, сколько по численію архитектора потребно быть можетъ для сдѣланія на лубянскомъ дворѣ новыхъ надъ погребами сводовъ, приказать вывезти послѣднимъ нынѣшнимъ зимнимъ путемъ.

12. Приложить стараніе пріискать надежнаго и удобнаго отставного офицера и принять съ денежнымъ годовымъ окладомъ, хотя до трехсотъ рублевъ, и съ нѣсколькимъ столовымъ припасомъ для управленія и для надзиранія собственными ежегодными наѣздами всѣхъ деревень, молодымъ князьямъ принадлежащихъ, къ изысканію по удобнѣйшей экономіи способнѣйшихъ средствъ для умноженія доходовъ и къ скорѣйшей заплатѣ отца ихъ долговъ.

13. По извѣстной волѣ покойнаго дать вѣчныя отпускныя камардинерамъ Терентью Ворошнину и Чубарову, да лакею Зайцеву.

14. По основанію полюбовнаго договора, на уплату вдругъ знатной части столь великаго долга, публиковать къ продажѣ Гатчинскую мызу и пензенскія вотчины, а изъ оныхъ, смотря по даваемымъ цѣнамъ, продать тѣ и столько, чтобы не меньше семидесяти тысячъ рублевъ за продажныя получить было можно. А въ томъ случаѣ, если о заплатѣ долговъ посторонняя помощь получена быть можетъ, то въ той продажѣ, какъ полезнѣе, сообразиться съ тою помощью.

Петръ Панинъ. Александръ Талызинъ. Графъ Федоръ Апраксинъ.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 1370 „Копія съ долгового генеральнаго реестра и опекунскіе протоколы. 1765—1768 гг.", стр. 25—28 и копія, стр. 43—46; № хрон. описи 11752].

895. Приказъ П. И. Панина Ивану Соловьеву.

1765 г. января 8.

На сдѣланіе надъ покойнымъ князь Борисомъ Александровичемъ гробницы по учиненнымъ архитекторомъ Яковлевымъ договорамъ, кои у сего къ тебѣ посылаются, на покупку матеріаловъ слѣдующее на задатки число, 55 р., выдать теперь подъ росписку присланному отъ него архитекторскому ученику Ивану Петрову, и когда подлежащее покойнику жалованье принято будетъ, то какъ тѣ деньги изъ онаго возвратить, такъ и въ число достальныхъ по тѣмъ договорамъ производить по стольку, по скольку онъ, архитекторъ, требовать станетъ. Петръ Панинъ.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 1370 „Копія съ долгового генеральнаго реестра и опекунскіе протоколы. 1765—1768 гг.", стр. 64; № хрон. описи 11755].

896. Приказъ П. И. Панина Ивану Соловьеву.

1765 г. января 13.

Какъ по теперешнему въ домѣ расходу невозможно однѣми тѣми деньгами, которыя на столовые припасы положены, исправиться, то тебѣ въ прибавокъ къ тѣмъ опредѣленнымъ на столъ деньгамъ выдать нынѣ опредѣленные же, по данному тебѣ росписанію, изъ принятыхъ жалованныхъ, заслуженныхъ покойнымъ князь Борисомъ Александровичемъ денегъ, на покупку къ столу припасовъ

дворецкому Исакову 100 р. да изъ тѣхъ же денегъ оставить у себя на всякіе по дому мелочные расходы 50 р. и произвести на сдѣланіе покойному гробницы, по показанію архитектора Яковлева, 160 р., причитая въ то число и данные уже на задатокъ 55 р., а за тѣмъ уже оставшіе 250 р. 87 к. взнести молодой княгинѣ. Петръ Панинъ.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 1370 „Копія съ долгового генеральнаго реестра и опекунскіе протоколы. 1765—1768 гг.". стр. 67; № хрон. описи 11758].

897. Приказъ П. И. Панина Егору Исакову, Ивану Соловьеву и всѣмъ людямъ, принадлежащимъ старой княгинѣ съ княжною и молодымъ князьямъ.

1765 г. января 20.

Во время моей бытности здѣсь я съ сожалѣніемъ усмотрѣлъ, что въ домѣ многіе изъ молодыхъ дворовыхъ людей обращаются въ пьянствахъ, своевольствахъ, невѣжествахъ и грубіянствахъ не только одинъ противъ другого и старѣе себя, но даже противъ своихъ госпожъ и молодыхъ князей, а всякій отъ дома своего по своей только волѣ отлучается, когда и куда хочетъ; пьянство же, которое—корень всякому злу, дотого уже распространилось, что, во время моей въ домѣ шестинедѣльной только жизни, двѣ въ верху покражи произошли, что̀ нынѣ уже и въ самыхъ мелкихъ домѣхъ, не толико въ такъ знатныхъ, весьма рѣдко бываетъ. Того ради я симъ впослѣдніе и съ такою строгостью подтверждаю, что если впередъ такіе въ домѣ непорядки происходить отъ людей будутъ, а пьянство, воровство и невѣжество противъ своихъ господъ и стороннихъ людей совсѣмъ искоренено и пресѣчено не будетъ, то нами, поистинѣ, не только настояще въ томъ виноватые безъ всякой пощады публично будутъ сѣчены и сосланы въ сибирскія поселенія, но за всякое домовное воровство велимъ весь домъ и съ управительми всегда сѣчь, не изыскивая уже виноватыхъ, для того, что не только начальнымъ въ домѣ людямъ, но и каждому доброму слугѣ есть должность всегда примѣчать, кто изъ людей оказывается въ издержкахъ больше прихода своего денегъ, въ играхъ, въ пьянствахъ и самовольномъ отъ дома отлученіи, и о нихъ тотчасъ объявлять для изслѣдованія, чѣмъ они, кромѣ кражей, такія излишества производятъ. Если же всякій того въ домѣ наблюдать ста-

нетъ, то, конечно, никакъ ни отъ кого воровства дѣлано быть не можетъ. Когда же и добрые люди тѣхъ злодѣйствъ за другими не наблюдаютъ, то они всѣ безъ разбора подлежать съ тѣми злодѣями всегда быть и наказаны; а тó конечно, при всякомъ домовномъ воровствѣ, если вы онаго симъ средствомъ совсѣмъ не искорените, со всѣми вами приказано будетъ исполнять. А ежели пьянство и невѣжество не только противъ господъ, но и молодыхъ людей противу старыхъ, совсѣмъ истреблено не будетъ, то принужденными мы найдемся, не пожалѣя никого, всѣхъ верхòвыхъ людей съ жестокимъ наказаніемъ истребить и вдругъ всё новыхъ на мѣста ихъ завести. Къ предупрежденію же сей послѣдней крайности подтверждаю вамъ:

1. Всѣмъ быть въ совершенномъ и безмолвственномъ послушаніи и учтивости не только противу своихъ господъ и постороннихъ помѣщиковъ, но и противъ учрежденныхъ въ домѣ своихъ начальниковъ, да и всѣмъ молодымъ людямъ, по состоянію каждаго званія. противъ людей того же своего званія старѣе себя.

2. Вамъ, Егоръ Исаковъ и Соловьевъ, до тѣхъ поръ, пока отъ старой княгини кто особливый въ начальство къ людямъ своимъ опредѣленъ не будетъ, имѣть оное какъ надъ всѣми ея съ княжною, такъ и молодыхъ князей людьми полное во всемъ начальство. Если кто изъ нихъ въ вышеписанныхъ и другихъ продерзостяхъ и непорядкахъ или въ своевольномъ отлученіи отъ дома кѣмъ изъ васъ усмотрѣнъ будетъ, тѣхъ, кромѣ верхòвыхъ людей, тотчасъ безъ упущенія и по своему разсмотрѣнію, безъ доклада, наказывать; а ежели кто изъ верхòвыхъ въ томъ когда окажется, того въ то же время посадя подъ домовый караулъ, тотчасъ докладывать, чтò съ нимъ сдѣлать приказано будетъ. о людяхъ старой княгини—княжнѣ. а о людяхъ молодыхъ князей—молодой княгинѣ.

3. Затѣмъ, чтобы никто отнюдь, особливо по ночамъ и рано по утрамъ, да и никогда безъ позволенія и посылокъ отъ дома не отлучались, и ни въ какія зерни не играли,—накрѣпко вамъ смотрѣть; а кто въ томъ найдется, того тотчасъ слѣдовать, какими деньгами тѣ излишества онъ дѣлаетъ; тѣмъ же и доходить всячески до искорененія домашнихъ воровъ.

4. За всякое невѣжество, производимое въ верху, и верхòвыхъ людей палками безъ доклада вамъ же наказывать и крайне то наблюдать, чтобы всякій благопристройно чинъ и учтивость во всемъ домѣ, а паче еще въ верху, весьма свято сохранялъ, и дневальные безотлучны при своихъ мѣстахъ всегда были, и какъ чистоту въ покояхъ, такъ и все тамъ отъ покражъ сохраняли.

5. Ежели же, паче чаянія, кто по сему противу васъ въ чемъ ослушанъ окажется, изъ тѣхъ—о людяхъ князей молодыхъ тотчасъ доносить графу Ѳедору Алексѣевичу Апраксину, а о людяхъ старой княгини и княжны Михаилу Ѳедоровичу Аргамакову, въ небытность же того въ Москвѣ—Лукьяну Ивановичу Камынину.

6. Присланнаго изъ орловскихъ вотчинъ Политова и бывшаго въ тверскихъ Барсукова опредѣлить къ строенію лубянскаго для княжны двора, коихъ отдать въ вѣдомство архитектора Яковлева.

Петръ Панинъ.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 1370 „Копія съ долгового генеральнаго реестра и опекунскіе протоколы. 1765—1768 гг.“, стр. 53—56; № хрон. описи 11769].

898. К. И. Остенъ-Сакенъ—кн. Александру Борисовичу Куракину.

1766 г. марта 10. С.-Петербургъ.

J'ai été très sensible, mon cher Prince, au souvenir et à l'amitié que vous avez bien voulu me marquer, par votre lettre de Krasnacabak. Continuez, je vous prie, de m'en donner souvent de nouvelles assurances, et soyez persuadé que je ne manquerai jamais de vous convaincre en toute occasion de toute l'étendue de mes sentiments. Vous les connaissez déjà et vous savez que mon cœur est incapable de flatterie. Ne doutant pas que vous ne soyez déjà heureusement arrivé à Varsovie, je vous en fais mes sincères compliments et vous souhaite en tout la meilleure satisfaction. Donnez-nous quelquefois de vos nouvelles, mon cher Prince. Vous nous devez cette attention, car nous parlons souvent de vous, en regrettant sincèrement votre absence. Son Altesse Impériale, qui suit de ses yeux ce que je vous écris, m'ordonne de vous faire ses tendres compliments et de vous dire qu'Elle vous a déjà fait souvenir par M. Porochine de lui écrire. M. Ostervald, le prince Bariatinski et M. Pastoukhov sont très charmés de votre souvenir et vous font leurs très humbles compliments.

L'on s'est beaucoup amusé aux dernières mascarades à la Cour et chez Locatelli. Le 4 de ce mois, Monseigneur fut le

matin à la mascarade chez Locatelli, où Sa Majesté Impériale se trouva aussi, ainsi que toute la Cour et la première noblesse, et où l'on se divertissait très-bien. L'après-dîner, Son Altesse Impériale alla à Kamenny-Ostrov, où toute la ville était. Présentement, il règne ici une tranquillité parfaite. Son Excellence Monseigneur votre oncle a été indisposé depuis quelques jours, mais cela va déjà mieux, Dieu merci.

Je serai toute ma vie votre fidèle ami et serviteur. Sacken.

P. S. Faites mes très humbles compliments à M. le baron During et à M. Teplov.

[Переводъ]. Я былъ очень тронутъ, любезный князь, вашей памятью о мнѣ и дружескимъ расположеніемъ, выраженнымъ вами въ вашемъ письмѣ изъ Краснокабака. Продолжайте, пожалуйста, какъ можно чаще напоминать о своей дружбѣ и будьте увѣрены, что я не отстану въ желаніи убѣдить васъ при каждомъ удобномъ случаѣ въ искренности моихъ чувствъ; они вамъ уже извѣстны, а также и то, что я неспособенъ льстить. Не сомнѣваяся въ томъ, что вы уже благополучно прибыли въ Варшаву, шлю вамъ по этому поводу свои пожеланія всего хорошаго. Давайте намъ по временамъ извѣстія о себѣ: это вашъ долгъ относительно тѣхъ, которые такъ часто говорятъ о васъ и жалѣютъ о вашемъ отсутствіи. Его императорское высочество слѣдитъ глазами за тѣмъ, чтó я вамъ пишу, и приказываетъ мнѣ послать вамъ нѣжный привѣтъ отъ его имени; онъ уже просилъ Порошина напомнить вамъ, что ждетъ отъ васъ письма. Г. Остервальдъ, князь Барятинскій и Пастуховъ благодарятъ васъ за память и шлютъ свои поклоны.

На послѣднихъ придворныхъ маскарадахъ и у Локателли очень много веселились. 4-го текущаго мѣсяца его высочество былъ на утреннемъ маскарадѣ у Локателли, гдѣ присутствовала также ея императорское величество съ дворомъ и всею знатью, и гдѣ было очень весело. Послѣ полудня его императорское высочество посѣтилъ Каменный Островъ, гдѣ былъ весь городъ. Въ настоящее время здѣсь царствуетъ полное затишье. Его свѣтлость вашъ дядюшка занемогъ нѣсколько дней тому назадъ, но, слава Богу, ему уже лучше.

Остаюсь вѣчно вашъ вѣрный другъ и покорный слуга. Сакенъ.

Передайте мое глубочайшее почтеніе барону Дюрингу и Теплову.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 427 „Lettres de M. de Sacken et de Bezborodko. 1766—1780 гг.“, стр. 17—18; № хрон. описи 11884].

899. К. И. Остенъ-Сакенъ—кн. Александру Борисовичу Куракину.

1766 г. марта 31. С.-Петербургъ.

J'espère, mon cher Prince, que vous êtes déjà heureusement arrivé à Varsovie et que vous avez reçu ma réponse à votre

première lettre. Celle que vous avez bien voulu m'écrire de Memel m'a fait un plaisir infini, puisqu'elle me prouve la continuation de votre amitié, que je tâcherai toujours de me conserver par les sentiments sincères que vous me connaissez pour tout ce qui vous regarde. Me fondant sur ce principe, je me flatte, mon cher Prince, que vous me permettrez toujours d'être franc et sincère avec vous, pour ne pas perdre par votre absence la liaison amicale dans laquelle nous vivions ici. Je commencerai donc d'abord à vous reprocher que vous ne me dites rien de l'état de santé de Son Excellence M. Saldern, à qui je m'intéresse tant, encore moins de sa satisfaction sur votre conduite. Comme je ne doute pas qu'elle soit parfaite, je vous assure que je m'en réjouis d'avance et vous en fais mes sincères compliments, vu que, par une bonne conduite, l'on gagne l'amitié et l'estime des personnes de mérite, sans avoir besoin d'un éclat étranger, comme, par exemple, la naissance, le parentage, etc.

Je me suis acquitté de votre commission auprès de Son Altesse Impériale. Elle en est très satisfaite et vous souhaite toutes sortes de prospérités. M.M. Ostervald, Bariatinski, Porochine et Pastoukhov sont très sensibles à votre souvenir et m'ont chargé de vous faire mille compliments de leur part. Assurez, je vous prie, son Excellence M. de Saldern de mon profond respect, en me recommandant à sa gracieuse bienveillance. Tous vos parents se portent bien. Il n'y a rien de nouveau que je puisse vous marquer. Adieu, mon cher Prince, portez vous bien et conservez toujours une petite place dans votre cœur pour votre très humble et très obéissant serviteur et fidèle ami. Sacken.

[Переводъ]. Надѣюся, дорогой князь, что вы уже благополучно добрались до Варшавы и получили мой отвѣтъ на ваше первое письмо. То, которое вы мнѣ написали изъ Мемеля, доставило мнѣ несказанное удовольствіе, такъ какъ оно служитъ доказательствомъ продолженія вашей дружбы ко мнѣ; я постараюсь ее сохранить навсегда своимъ искреннимъ расположеніемъ ко всему, васъ касающемуся. Исходя изъ этого основного положенія, дорогой мой князь, я льщу себя надеждой, что вы позволите мнѣ быть съ

вами всегда откровеннымъ и чистосердечнымъ, чтобы за время вашего отсутствія не утратить той дружеской связи, которая соединяла насъ здѣсь. Итакъ я начинаю съ упрека вамъ за то, что вы ничего не сообщаете мнѣ о здоровьѣ его превосходительства г. Сальдерна, которымъ я такъ интересуюсь, и еще менѣе о томъ, доволенъ ли онъ вашимъ поведеніемъ. Не сомнѣваяся въ безупречности послѣдняго, я радуюсь ему заранѣе и поздравляю васъ, такъ какъ добрымъ поведеніемъ достигаютъ дружбы и уваженія достойныхъ людей, не нуждаясь въ постороннемъ блескѣ такихъ преимуществъ, какъ происхожденіе, родство и т. п.

Я исполнилъ ваше порученіе къ его императорскому высочеству; онъ былъ имъ очень доволенъ и желаетъ вамъ всякаго благополучія. Гг. Остервальдъ, Барятинскій, Порошинъ и Пастуховъ очень тронуты вашей памятью о нихъ и поручили мнѣ передать вамъ свой привѣтъ. Засвидѣтельствуйте, прошу васъ, мою глубочайшую преданность его превосходительству г. Сальдерну и скажите ему, что я поручаю себя его милостивому вниманію. Всѣ ваши родные здоровы. Нѣтъ ничего новаго, что́ я могъ бы вамъ сообщить. Прощайте, дорогой князь, будьте здоровы и сохраните маленькій уголокъ въ своемъ сердцѣ для вашего нижайшаго и покорнѣйшаго слуги и вѣрнаго друга. Сакенъ.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 427 „Lettres de M. de Sacken et de Bezborodko. 1766—1780 гг.“, стр. 3—4; № хрон. описи 11890].

900. Н. И. Панинъ—кн. Александру Борисовичу Куракину.

1766 г. апрѣля 18. С.-Петербургъ.

Другъ мой Але[кса]ша, здравствуй. Я твои письма читаю съ сердечнымъ удовольствіемъ; не забывай и впредь, пожалуй, что я тебя душевно люблю и желаю вѣдать о тебѣ во всемъ пространствѣ, и что вы ничѣмъ надежнѣе и тверже не сохраните моихъ къ себѣ сентиментовъ, какъ любовью, искреннимъ повиновеніемъ и послушаніемъ г. Сальдерну. Не льсти себя, мой любезный другъ, чтобы ты не имѣлъ въ себѣ погрѣшностей: небреженіе времени твоего дѣтства, а потомъ молодость допустили ихъ внѣдриться, острота же твоя природная можетъ тебя побуждать ихъ закрывать, вмѣсто прямого исправленія. Но повѣрь моей въ свѣтѣ практикѣ, что никому того не удавалось, и все въ томъ бывало съ вредомъ своими собственными дюпами. Такъ, пожалуй, не допускай тѣмъ брать порокамъ въ тебѣ корня и, покамѣстъ по лѣтамъ твоимъ мысли

и сердце гнутся, пользуйся исправленіями и совѣтомъ разумнаго вашего попечителя, а моего искренняго друга, г. Сальдерна; и вѣрьте, что ваше будущее истинное и твердое благополучіе единственно зависитъ отъ настоящаго вашего положенія какъ по вашимъ лѣтамъ, такъ и по состоянію. Когда же вы оное пренебрежёте, то, ей-ей, все будетъ поздно.

Прости, мой другъ сердечный. Мать ваша, бабушка, братья и всѣ,—Богу благодареніе,—въ добромъ здоровьѣ. Я васъ душевно обнимаю. Н. Панинъ.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 952 „Lettres de mon second père. 1766—1782 гг.“, стр. 6—7; № хрон. описи 11892].

901. К. И. Остенъ-Сакенъ—кн. Александру Борисовичу Куракину.

1766 г. мая 9. С.-Петербургъ.

Je suis très charmé que votre séjour à Varsovie vous ait procuré tant de satisfaction, et j'espère que vous aurez le même plaisir partout où vous serez. J'y prendrais une part réelle, si toutes les distinctions que vous recevez ne se faisaient tant en considération du parentage de Votre Altesse qu'à cause de votre bonne conduite et de votre mérite personnel. Réfléchissez vous-même, mon cher Prince, sur la satisfaction que vous en ressentirez alors intérieurement, sans craindre les moqueries des autres.

Mais que fais-je? Il n'est pas à moi de vous parler de réflexions si sérieuses. Vous êtes entre de trop bonnes mains, et votre esprit ainsi que votre bon naturel travailleront à l'envi à se défaire de tous les préjugés et défauts si nuisibles à un seigneur d'une telle naissance que l'est Votre Altesse. Dans cette espérance, je cesserai dès aujourd'hui à mêler de tels badinages dans mes lettres, en commençant d'abord à vous faire mille compliments de la part de Son Altesse Impériale. Elle a toujours les mêmes bontés pour vous et attend avec

impatience les relations que vous lui promettez de vos voyages et de ce que vous y avez trouvé de remarquable.

Ne regrettez pas tant votre séjour à la cour, ni le temps que vous y avez perdu, puisqu'à votre âge, où l'on n'est pas encore beaucoup en état de faire des réflexions sérieuses, il ne vous aurait servi qu'à vous gâter davantage. Soyez plutôt content d'en être délivré, et tâchez de revenir dans votre pays avec un gros fond de dignes sentiments; et soyez sûr, pour lors, que vous trouverez toute la facilité possible de faire votre fortune avec approbation.

Nous n'avons pas vu les vers dont vous me parlez. L'absence de M. Porochine, dont vous êtes sans doute instruit, en sera bien la raison. Ne seriez-vous pas vous-même la personne qui les a faits? Envoyez-m'en une copie pour pouvoir vous dire ce qu'on en pensera ici. Je prends tout ce que vous me dites d'obligeant au sujet de mon frère pour une marque de votre bon cœur, pour laquelle lui et moi vous serons toujours très obligés et dont je ne manquerai pas de l'informer.

Mlle Stackelberg est depuis quelques jours à Czarskoié-Sélo avec sa Majesté Impériale. La Sasz et la Tchoglokov vous sont bien obligées de votre souvenir et vous font bien des compliments. Les intrigues amoureuses avec la dernière ont tout-à-fait cessé depuis les mascarades. Nous ne pensons présentement qu'au manège, aux promenades et à monter à cheval. M.M. Ostervald, Bariatinski et Pastoukhov vous souhaitent beaucoup de bien et vous font leurs tendres compliments. Les deux nains que j'ai embrassés de votre part étaient en extase de votre souvenir et m'ont prié de vous présenter leurs respects. Faites, je vous prie, mes très humbles compliments à M. le baron During et M. Teplov. Sergueï Vassiliévitch Saltikov est arrivé ici, sans qu'on sache encore ce qu'il deviendra. Le carrousel sera le 15 juin, à ce que l'on croit. Le comte Volodimir Grigoriévitch Orlov a été fait à Pâques gentilhomme de chambre. Vous savez sans doute déjà les décès du vieux Bestoujev, du général en chef Korf

et du père de notre Kroock. Il n'y a plus de nouvelles. Adieu, mon cher Prince, vivez content et heureux, soyez toujours fidèle à l'amitié que vous me témoignez et croyez que je vous paye d'un parfait retour, étant toute ma vie votre fidèle ami et très humble serviteur. Sacken.

На обратной сторонѣ письма адресъ: A Monsieur le Prince de Kourakin, Lieutenant dans le régiment des Gardes à cheval au service de Sa Majesté Impériale de toutes les Russies. A Berlin.

[Переводъ]. Я весьма радъ тому, что ваше пребываніе въ Варшавѣ доставило вамъ столько удовольствія, и надѣюсь, что вы будете также удовлетворены повсюду. Я принялъ бы въ этомъ еще больше участія, если бы всѣ получаемые вами знаки почтенія относились не столько къ родству вашей свѣтлости, сколько къ вашему доброму поведенію и вашимъ личнымъ заслугамъ. Подумайте сами, дорогой мой князь, какъ вы были бы внутренно этимъ довольны, не боясь притомъ ничьихъ насмѣшекъ.

Но что я дѣлаю? Не мнѣ наводить васъ на такія серьезныя размышленія: вы находитесь въ слишкомъ хорошихъ рукахъ, а вашъ умъ и добрый нравъ будутъ работать наперерывъ, чтобъ отдѣлаться отъ всѣхъ предразсудковъ и недостатковъ, столь вредящихъ дворянину такого происхожденія, какъ ваша свѣтлость. Уповая на это, я перестану съ нынѣшняго дня примѣшивать такія шутки къ своимъ письмамъ и начну съ того, что передамъ вамъ тысячу привѣтствій со стороны его императорскаго высочества. Онъ относится къ вамъ съ той же добротой и ждетъ съ нетерпѣніемъ обѣщанныхъ вами описаній вашихъ путешествій и всего, что вы встрѣтите примѣчательнаго.

Не жалѣйте особенно ни о томъ, что покинули дворъ, ни о потерянномъ времени: въ ваши годы, когда человѣкъ еще не въ состояніи серьезно размышлять, дворъ только испортилъ бы васъ еще болѣе. Напротивъ, радуйтесь тому, что вы отъ него избавились, и постарайтесь возвратиться въ отечество съ большимъ запасомъ достойныхъ чувствъ; будьте увѣрены, что вы найдете тогда полную возможность сдѣлать хорошую карьеру.

Мы не видали стиховъ, о которыхъ вы мнѣ пишете. Извѣстное вамъ, безъ сомнѣнія, отсутствіе Порошина, вѣроятно, тому причиной. Не вы ли сами то лицо, которое ихъ написало? Пришлите мнѣ копію, чтобъ я могъ вамъ сообщить, какое впечатлѣніе они произведутъ здѣсь. Я принимаю вашъ снисходительный отзывъ о моемъ братѣ за проявленіе вашего добраго сердца, за что онъ и я будемъ вамъ всегда благодарны; объ этомъ я сообщу ему немедленно.

M-elle Штаккельбергъ находится вотъ уже нѣсколько дней при ея императорскомъ величествѣ въ Царскомъ селѣ. Зассъ и Чоглокова очень благодарны вамъ за память и посылаютъ вамъ свой привѣтъ. Любовная интрига съ послѣдней совершенно прекратилась по окончаніи маскарадовъ. Въ настоящее время мы заняты только манежемъ, прогулками и верховой ѣздой. Гг. Остервальдъ, Барятинскій и Пастуховъ желаютъ вамъ всего хорошаго и посылаютъ вамъ низкій поклонъ. Оба кар-

лика, которыхъ я поцѣловалъ отъ васъ, были въ восторгѣ и просили меня засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе. Передайте, прошу васъ, мой нижайшій поклонъ барону Дюрингу и Теплову. Сергѣй Васильевичъ Салтыковъ пріѣхалъ сюда, хотя не знаютъ еще, какое назначеніе онъ получитъ. Думаютъ, что карусель будетъ 15 іюня. Графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ произведенъ на Пасху въ камеръ-юнкеры. Вы уже, конечно, знаете о смерти старика Бестужева, генералъ-аншефа Корфа и отца нашего Крука. Больше нѣтъ ничего новаго. До свиданья, любезный князь; будьте довольны и счастливы, оставайтесь вѣрны своей дружбѣ ко мнѣ и вѣрьте, что я вполнѣ ее раздѣляю, пребывая на всю свою жизнь вашимъ вѣрнымъ другомъ и покорнѣйшимъ слугою. Сакенъ.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 427 „Lettres de M. Sacken et de Bezborodko. 1766—1780 гг.“, стр. 5—6; № хрон. описи 11901].

902. Графъ Сальдернъ—кн. Александру Борисовичу Куракину.

[1766 г.] мая 11 (22). Ширензе.

on Prince. Je me flatte que vous êtes persuadé que chaque lettre qui me vient de votre part m'est toujours agréable. Vos lettres me sont d'un grand prix; elles renferment une espèce de consolation pour moi pendant notre séparation. Elles m'assurent de votre souvenir, et il me paraît de lire dans votre cœur quand je lis vos lettres. Le cœur de l'homme est, à ce qu'on dit, impénétrable, mais, mon cher Prince, on y lit pourtant. Ah! que votre cœur soit toujours si vertueux, si pur, si innocent et si juste envers Dieu et envers les hommes qu'on y puisse lire à tout moment! Voilà ce que je souhaite, et voilà la seule chose à laquelle un homme bien né et un homme de probité et d'honneur se doit appliquer. Pensez-y, mon Prince, mon ami, mon fils. Pensez-y, je vous en supplie. Tout est rien dans ce monde sans la vertu et sans la conviction intérieure d'une bonne conscience. N'oubliez jamais que je vous l'ai dit, et rendez-moi si heureux (la seule grâce que je vous demande en gage de votre amitié), que je puisse avoir la consolation de vous avoir convaincu d'une vérité, laquelle, comme il me paraît, vous ignorez jusqu'ici.

Je ne vous parle plus sur cette matière. Te sine teste time. C'est du latin et du bon latin. Je vous prie de vous le faire expliquer par le sieur Lengercken. C'est une grande vérité en peu de mots.

Je me flatte, au reste, que vous vous appliquerez beaucoup à vos études. Vous possédez des talents et des dispositions. Il serait cruel si vous laissiez échapper le temps pour former et pour orner les qualités que la nature vous a si largement données. Croyez-moi, mon Prince, que c'est un grand avantage pour vous que mon frère soit avec vous. Il est mon frère et je n'ose pas chanter ses louanges. Mais c'est un cosmopolite, c'est un honnête homme, et c'est un homme dont vous pouvez toujours profiter, et beaucoup profiter, si vous voulez. J'espère que vous en serez persuadé, et je souhaite que vous soyez content de lui; mais assurément je voudrais encore plus que vous fussiez contents l'un de l'autre. C'est absolument nécessaire pour mon repos. J'attends donc assurément que mon frère me donne des assurances là-dessus.

Au reste, mon Prince, je me fais un devoir de faire pour vous tout ce qu'un père pourrait faire pour un fils bien aimé. Et je me fais un sensible plaisir de faire pour vous tout ce que l'ami le plus tendre pourrait faire pour l'ami que son cœur a choisi.

Adieu, le temps me presse de finir. Donnez-moi tous les quinze jours de vos nouvelles, et si c'est possible, de bonnes. Je suis, au delà de mes faibles expressions, votre très fidèle ami et serviteur. Saldern.

[Переводъ]. Вамъ извѣстно, надѣюсь, что всякое извѣстіе отъ васъ мнѣ пріятно. Я очень дорожу вашими письмами, утѣшающими меня нѣсколько въ нашей разлукѣ: они служатъ доказательствомъ, что вы меня не забыли, и, читая ихъ, мнѣ кажется, я читаю въ вашемъ сердцѣ. Говорятъ, что тайники человѣческаго сердца недоступны, а все-таки въ нихъ можно проникнуть. Пусть ваше сердце останется навсегда такимъ добродѣтельнымъ, чистымъ, невиннымъ и справедливымъ относительно Бога и людей, чтобы въ немъ всегда можно было читать. Вотъ чего я желаю, и вотъ единственная цѣль, къ которой долженъ стремиться человѣкъ хорошаго происхожденія, прямодушный и честный. Подумайте объ этомъ, князь, мой другъ, мой сынъ!

Подумайте объ этомъ, я прошу васъ. Все ничто въ этомъ свѣтѣ внѣ добродѣтели и внутренняго сознанія спокойной совѣсти. Помните, что я вамъ это говорилъ, и доставьте мнѣ счастье знать, что я убѣдилъ васъ въ истинѣ, которая, какъ кажется, до сихъ поръ вамъ неизвѣстна. Это моя единственная къ вамъ просьба ради нашей дружбы.

Оставляю этотъ предметъ. Te sine teste time. Это латынь и хорошая латынь. Это великая истина въ немногихъ словахъ.

Надѣюсь, что вы очень усердно отнесетесь къ своимъ занятіямъ: вы талантливы и способны. Было бы жестоко упустить время для образованія и развитія способностей, которыми природа васъ такъ щедро наградила. Повѣрьте мнѣ, князь, что вы очень счастливы, имѣя при себѣ моего брата. Какъ брата, я не смѣю его хвалить; но онъ космополитъ, честный человѣкъ, и вы можете воспользоваться многими изъ его знаній, если только захотите. Надѣюсь, что вы въ этомъ убѣдитесь и будете имъ довольны; но было-бъ еще лучше, если бы вы взаимно остались довольны другъ другомъ,—оно необходимо для моего спокойствія. Жду отъ брата достовѣрныхъ извѣстій объ этомъ.

Въ прочемъ, князь, я считаю своимъ долгомъ сдѣлать для васъ все, что могъ бы сдѣлать отецъ для любимаго сына, и оставляю за собою пріятную обязанность поступать относительно васъ, какъ нѣжный другъ относительно избраннаго имъ друга.

До свиданія. Я долженъ кончить. Пишите мнѣ черезъ каждыя двѣ недѣли и, по возможности, присылайте хорошія извѣстія. Вашъ вѣрный другъ и слуга. Сальдернъ.

[Надеждинскій архивъ кн. Θ. А. Куракина. Т. 956 „Lettres du comte de Saldern. 1766—1773 гг.“, стр. 2—3; № хрон. описи 11907].

903. Leges, studiosis in Academia Christian-Albertina, quae Kilonii Holsatorum est, praescriptae et ad continuam officii sui commonefactionem editae.

Lex I.

um quilibet hominum ipsaque haec Academia a serenissimo fundatore ad gloriam Dei primario sit condita, vestri cumprimis est officii Deum Patrem, Filium et Spiritum Sanctum adorare, colere ac revereri, pietati studere, verbum Eius, Sacris Bibliis revelatum, et priscae Ecclesiae symbola in summo pretio habere, Sabbatum diesque festos alios rite observare et ad eundem finem, Dei gloriam, studia, vitam moresque vestros sedulo componere atque dirigere.

II.

Proinde nemo esto Divini nominis temerator, sanioris doctrinae, protestantibus professae, contemptor aut insectator. Nemo improbis moribus, temulentia atque inhumanitate sua Deum hominesve offendito. Religionem iuramenti quisque sanctissime observato ac grave periurii crimen, quod ipsum praecipue Deum ultorem habet, quanta potest diligentia, evitato.

III.

Serenissimo Academiae fundatori eiusque successoribus, ceu supremo Academiae magistratui atque rectori, obedientiam atque humillimam subiectionem praestate, nil unquam iniqui noxiive in eorum personas, ditiones ac provincias, dignitatem aut iura, ipsamque hanc Academiam eiusque salutem, incrementum ac incolumitatem aut in hanc civitatem quicquam seditiosi aut improbi moliminor.

IV.

Magnifico Academiae prorectori, senatui academico, omnibus et singulis professoribus, aeque ac parentibus vestris, obedientiam, reventiam, obsequium et observantiam exhibete.

V.

Quisque vestrum intra octiduum, ex quo civitatem hanc fuerit ingressus, nomen suum apud magnificum prorectorem profitetor seque iurisdictioni Academiae subiicito omnibusque edictis ac decretis, deinceps forte subsecuturis, non minus, ac his legibus, sine exceptione aut tergiversatione, libenter pareto.

VI.

Quod auctoritate magnifici prorectoris aut senatus academici publice propositum promulgatumve fuerit, nemo refugito, corrumpito aut ludibrio habeto: secus qui fecerit, gravissime punietur.

VII.

Citatus in iudicium venito et sententiae modeste pareto nec vadimonium, sive arrestum, sine prorectoris expresso consensu. deserito: hoc enim si quis violaverit, in periurii crimen se incidisse scito.

VIII.

Exclusus ab hac Academia per relegationem, intra milliare ab hac civitate, defectu pecuniae aliusve causae obtentu ne subsistito: ni ita fecerit, sibi imputet, si quid acerbius aut ignominiosius ipsi evenerit.

IX.

Pacis, concordiae et tranquillitatis estote amantissimi, sive cum commilitonibus vestris, sive cum civibus oppidanis aliisque sitis. Cedat maiori minor, parcat minori maior, pares aequo iure utantur.

X.

Qui infamem pennalismum, ab omnibus bonis cordatisque damnatum ac proscriptum, hic excitare ac instaurare, aut seditiosa conventicula cogere, aut coetus nationales instituere, pecuniarum comesationumque exactione aliisve iniquis modis nuper Academiam ingressos studiosos divexare ausus fuerit, tanquam Academiae hostis ac perduellis, arbitaria eaque gravissima poena coërcitus, exterminabitur.

XI.

Duella civibus nostris, albo academico inscriptis, penitus interdicta sunt.

XII.

A vi quoque publica et privata prorsus abstinete, veluti aedium effractione, fenestrarum elisione, hominum innoxiorum pulsatione similibusque aliis facinoribus. Vis enim publica ad minimum relegatione publica, privata—aut carcere vel multa erit compensanda.

XIII.

Si quis vigiles aliosque, securitatis publicae gratia excubias agentes, adortus fuerit, pulsatus vulneratusque non audietur, sed pro conditione facti insuper poena afficietur. Si vero illorum aliquem occiderit, ordinaria homicidii poena reo irrogabitur; si illorum quempiam vulneraverit aut vim cuiquam fecerit, publica relegatione eiicietur.

XIV.

Quisquis armis suis abusus fuerit, in qualicunque congressu, facinore aut proposito, praeter poenam, arma protinus caduca sunto et magnifico prorectori sine mora aut tergiversatione exacta traduntor.

XV.

Ignem neque serio neque ioco intra moenia quis iacito.

XVI.

Qui faces in plateis aut domibus circumtulerint, aut ad domicilia eorumve antipagmenta aliserint, circumspecte hoc agant; alias graviter punientur.

XVII.

Nocturnae grassationes, vociferationes, telorum strepitus tumultusque arbitraria poena, quanta remedio esse possit, punientur.

XVIII.

Mendacia, calumnias, obtrectationes, convicia, contemptum et oppressionem pauperum omnis generis fugite. Nam, si quis homo privatus sibi potestatem aliorum mores ignominia notandi sumpserit, aut innocentium existimationem falsis criminibus, sicophantiis, vel libellis cantilenisve famosis laceraverit, is deprehensus infami exclusione ex Academia eiicietur.

XIX.

Quod delictum puer aut famulus commiserit, eius dominus quoque reus esto, si nequitiae ministrum non prohibuit, cum prohibere potuit.

XX.

Castitatem, sobrietatem, temperantiam et modestiam in omni vita sectemini, occasiones libidinum et intemperantiae, ganeas, popinas et cauponas publicas fugite. Qui contra fecerit, legitimae poenae se obnoxium reddet.

XXI.

Nemo in domos, ubi celebrantur nuptiae, non vocatus irrumpat nec sacri connubialis chorearumve festivitatem turbet.

XXII.

Nemo in aedes alienas, vel alterius musaeum, invito inhabitatore, introito nec invitum inde evocato vel abstrahito.

XXIII.

Nemo larvatus sive personatus neque diurno, neque nocturno tempore prodito.

XXIV.

Ex mutuo, vel ex emto, vel conducto, vel alio contractu quod debetis, eius solutionem ultra diem, quo promisistis, invito creditore non differte.

XXV.

Pro victu et potu vel pecuniam representate, vel quovis trimestri sine mora solvite. Quumque locationes et conductiones musaeorum et lectorum, nisi expressis verbis aliter convenerit, festo Paschatis et Michaëlis, adeoque semestri tempore definiantur; si mutare sit animus, sex hebdomades ante hos praefinitos terminos contractui renuntiandum est. Conductor, qui id neglexerit, etiamsi hinc discedens, dimidium semestris locarii persolvito.

XXVI.

Invitis creditoribus, nemo hinc se subducito.

XXVII.

Denique modum ponite cupiditatibus et affectibus vestris: coërcete voluptates, refrenate iram et vindictae cupiditatem:

fugite luxum, superbiam, ambitionem ceterasque animorum pestes, moresque vestros ad normam legum componite. Praemio morigeris et obsequentibus praebebuntur, in refractarios et immorigeros, pro re nata, magistratus animadvertet. Si qui vero crediderint se fallere magistratum posse meritaeque poenae se subduxerint aut spe impunitatis liberius peccatis indulserint, Deum habebunt vindicem. Ille enim pro sua Providentia pro bonis bona, pro malis mala reddet.

На титульномъ листкѣ изображена печать Кильскаго университета, изображающая женщину съ рогомъ изобилія въ лѣвой рукѣ и пальмовою вѣтвью въ правой. Тамъ же девизъ: Pax optima rerum. Кругомъ печати надпись: Sigillum Academiae Holsatorum Chiloniensis. Въ низу заглавнаго листа обозначенъ годъ и мѣсто печатанія слѣдующимъ образомъ: Kilonii, litteris Gottfr. Bartschii, Acad. typogr. MDCCLXV.

Правила для студентовъ Христіанъ-Альбертинской академіи, изданныя для постояннаго напоминанія имъ о своихъ обязанностяхъ.

I.

[Переводъ]. Какъ каждый человѣкъ обязанъ жить для славы Божіей, такъ и сама наша академія установлена высокимъ основателемъ своимъ, прежде всего, для этой цѣли. Поэтому, да будетъ вашей первой обязанностью почитать Бога Отца, Сына и Святаго Духа, страшиться Его, ревностно стремиться къ благочестію, высоко ставить Его слова, открытыя намъ въ священномъ писаніи, и символъ вѣры, соблюдать воскресный день и праздники и къ той же цѣли, а именно во славу Божію, направлять свои стремленія, жизнь и нравы.

II.

Итакъ, да не оскверняете имени Божьяго и да не явитесь хулителями или преслѣдователями св. ученія, исповѣдуемаго протестантами. Не оскорбляйте Бога и людей дурными нравами, пьянствомъ и грубостью. Пусть каждый изъ васъ строжайше соблюдаетъ святость клятвы, избѣгая усерднѣйшимъ образомъ клятвопреступленія, потому что за него получитъ возмездіе отъ самого Бога.

III.

Высокому основателю академіи, какъ ректору и главному ея начальнику, а также его преемникамъ нижайше повинуйтесь. Противъ ихъ особъ, владѣній, достоинства или правъ, равно какъ противъ возрастанія и цѣлости нашей академіи, да не осмѣлитесь замышлять чего-либо мятежнаго или безчестнаго.

IV.

Проректору, сенату академіи, профессорамъ и родителямъ своимъ оказывайте послушаніе, почтеніе и угожденіе.

V.

Каждый изъ васъ въ теченіе восьми дней, по пріѣздѣ въ нашу страну, долженъ записаться у проректора и подчиниться юрисдикціи академіи, всѣмъ ея распоряженіямъ и постановленіямъ, какъ настоящимъ, такъ и имѣющимъ воспослѣдовать, безъ всякихъ неудовольствій, возраженій или отговорокъ.

VI.

Никто не долженъ избѣгать, перетолковывать или осмѣивать того, что проректоръ или академическій сенатъ, въ силу своей власти, объявитъ обязательнымъ: ослушникъ будетъ подвергнутъ тяжкому наказанію.

VII.

Студентъ, привлеченный къ академическому суду, долженъ немедленно явиться въ оный и безропотно подчиниться его рѣшенію, не имѣя права уклоняться отъ явки въ судъ или отъ ареста безъ согласія на то проректора; а кто сіе нарушитъ, будетъ судиться, какъ за клятвопреступленіе.

VIII.

Исключенный изъ нашей академіи не можетъ оставаться болѣе въ городѣ ни по недостатку денегъ, ни подъ другимъ какимъ-либо предлогомъ; иначе пусть пеняетъ на себя, если съ нимъ случится что-либо болѣе суровое или болѣе позорное.

IX.

Сохраняйте миръ, согласіе и спокойствіе съ своими товарищами и вообще гражданами; пусть старшему уступаетъ младшій, первый снисходитъ ко второму, а сверстники пользуются полнымъ равенствомъ.

X.

Кто осмѣлится подстрекать къ поступкамъ, осуждаемымъ въ порядочномъ обществѣ; кто будетъ собирать мятежныя сходки или народныя сборища при помощи денежныхъ раздачъ или угощеній; кто станетъ развращать студентовъ-новичковъ, тотъ подвергнется тягчайшему наказанію и будетъ изгнанъ, какъ врагъ академіи и государственный преступникъ.

XI.

Нашимъ гражданамъ, занесеннымъ въ академическій списокъ, дуэли запрещены окончательно.

XII.

Воздерживайтесь отъ всякаго рода насилій какъ въ публичной, такъ и въ частной жизни; не сокрушайте зданій, не колотите стеколъ, не бейте невинныхъ людей и удерживайтесь отъ всѣхъ подобныхъ проступковъ: всякое публичное насиліе будетъ наказано по меньшей мѣрѣ публичнымъ арестомъ, а частное—карцеромъ или штрафомъ.

XIII.

Если кто-либо учинитъ нападеніе на полицію или вообще на охранителей общественной безопасности, то отъ него не будетъ приниматься жалобъ, хо-

тя-бъ онъ былъ побитъ или раненъ. Напротивъ того, онъ подвергнется наказанію сообразно съ свойствомъ проступка: буде онъ убьетъ кого-либо изъ помянутыхъ лицъ, то къ нему приложится кара, какъ къ простому убійцѣ; если же онъ кого-либо изъ нихъ поранитъ или нанесетъ кому-либо насиліе, то будетъ изгнанъ изъ страны.

XIV.

Буде кто станетъ въ какомъ-либо собраніи, съ умысломъ или безъ онаго, злоупотреблять своимъ оружіемъ, таковое будетъ тотчасъ же отобрано у него и передано проректору безъ промедленія или отговорокъ.

XV.

Ни въ шутку, ни серьезно не бросайте въ зданіяхъ огня.

XVI.

Тѣ, которые обходятъ улицы или дома съ факелами, или подносятъ ихъ къ жилищамъ, пусть дѣлаютъ это осмотрительно; иначе они будутъ строго наказаны.

XVII.

Ночныя гулянки, крики, стукъ оружія и всякій безпорядокъ будутъ преслѣдоваться соотвѣтственными взысканіями.

XVIII.

Избѣгайте лжи, клеветъ, недоброжелательства, злословія, презрѣнія къ бѣднымъ и всякаго рода гоненій на нихъ, ибо, если частное лицо присвоитъ себѣ власть безславить нравы другихъ или лживыми обвиненіями, доносами и пасквилями нанесетъ ущербъ доброму имени невинныхъ людей, оно будетъ схвачено и изгнано изъ академіи.

XIX.

За каждый проступокъ слуги отвѣчаетъ его господинъ, если послѣдній, имѣя возможность воспрепятствовать его злой волѣ, не сдѣлалъ этого.

XX.

Соблюдайте въ жизни цѣломудріе, трезвость, умѣренность и скромность, избѣгайте поводовъ къ распутству или невоздержанности, а также посѣщенія трактировъ и шинковъ; въ противномъ случаѣ вы подвергнетесь законной отвѣтственности.

XXI.

Да не врывается никто незваннымъ въ дома, гдѣ празднуется свадьба, и да не осмѣлится прерывать брачной церемоніи или церковнаго пѣнія.

XXII.

Никто не имѣетъ права входить въ чужой домъ безъ воли хозяина и не долженъ насильственно вызывать его или вытаскивать оттуда.

XXIII.

Запрещается ходить какъ днемъ, такъ и ночью замаскированными.

XXIV.

Безъ согласія кредитора не откладывайте далѣе срока уплаты должной суммы за все, что берете взаймы, покупаете, нанимаете, и вообще по всякимъ обязательствамъ.

XXV.

За столъ платите или тотчасъ наличными деньгами, или за каждые три мѣсяца, безъ всякихъ отлагательствъ. За квартиру, прокатъ учебныхъ пособій и постелей, если не было предварительно особаго договора, платится за шесть мѣсяцевъ,—на Пасху и Михайловъ день; а при желаніи измѣнить эти сроки, слѣдуетъ объявить объ этомъ за шесть недѣль. Наниматель, не сдѣлавшій этого, долженъ внести половину шестимѣсячной платы, хотя-бъ онъ совсѣмъ оставлялъ городъ.

XXVI.

Никто не можетъ выѣхать отсюда противъ воли своихъ кредиторовъ.

XXVII.

Въ заключеніе, обуздывайте свои страсти, смиряйте гнѣвъ и чувство мести, избѣгайте роскоши, надменности, тщеславія и прочихъ язвъ душевныхъ; вообще же направляйте свою нравственность согласно съ закономъ. Исполнительнымъ и послушнымъ студентамъ будутъ выдаваться награды: строптивые и непокорные будутъ наказываться сообразно съ ихъ проступками. Если же кто въ увѣренности, что можно провести начальство, избѣгнетъ заслуженнаго наказанія или, въ надеждѣ остаться безнаказаннымъ, не будетъ обращать должнаго вниманія на свои поступки, то такого постигнетъ кара Божія, ибо Богъ по промыслу своему воздаетъ за добро добромъ и за зло зломъ.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. I „Полномочныя грамоты и патенты кн. Б. И. Куракина“, стр. 381—384; № хрон. описи 11904].

904. Juramentum, quo cives litterati Academiae Holsaticae Kiloniensis obstringuntur.

1766 іюля 6 (17).

go, princeps Alexander Borissovitch Kurakin, juro et sancte promitto domino prorectori hujus Academiae ejusque in hoc magistratu et officio succesoribus ac reliquis professoribus debitam obedientiam, reverentiam et modestiam, neque ulla dictorum factorumve contumelia illos me affecturum esse recipio.

Academiae hujus utilitatem et commodum omni tempore et occasione promovebo ejusque detrimentum pro viribus cavebo et avertam.

Leges etiam, studiosis in hac Academia praescriptas et ad continuam officii commonefactionem editas, servabo.

Speciatim et sancte promitto me omni studio enixeque duella eorumque occasiones varii generis atque injurias vitaturum et alios quoque ab iisdem pro virili ac sedulo dehortaturum esse.

In judicium jussu prorectoris aut successorum ejus vocatus, comparebo, vel propter delictum aliquod (quod tamen Deus clementer avertat) ex hac civitate intra certum tempus discedere jussus sententiae ejus et senatus academici parebo.

Quod si post discessum ex hac Academia in ducatibus, serenissimo principi nostro subjectis, vivere contingat, vel apud nobiles, vel apud alios liberorum institutioni admovear, in causis, quibus forte hic loci implicitus fuero, Academiae jurisdictioni me non subducturum, sed sententiae pariturum promitto.

Nec arresti vinculum, si quando eo me obligari contingat, ignorante aut non concedente prorectore, deseram.

Neque hinc discedam prius, quam creditoribus meis satisfecerim aut eorum expressum consensum obtinuerim.

Haec omnia et quaecunque alia statuta, quae in hac Academia vel jam obtinent, vel posthac sancientur, religiose servabo, aut si reus peragar et convincar, poenae me submittam.

Ita me Deus adjuvet!

Praestito hoc juramento, ordini studiosorum in hac Christian-Albertina die XVII Julii, anno MDCCLXVI adscriptum esse testor [далѣе собственноручно] Ego, Joannes-Guilielmus Gadendam, D. Caesar. Celsitud. a consiliis Justitiae, Pand. et Jur. can. P. P. O., qua Academiae h. t. prorector.

На подлинномъ приложена университетская восковая печать подъ кустодіею, совершенно такого же вида, какъ на предыдущемъ документѣ.

Присяга для студентовъ Кильской Христіанъ-Альбертинской академіи.

[Переводъ]. Я, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, обѣщаю и клянусь оказывать должное послушаніе и почтеніе г. проректору названной

академіи, его замѣстителямъ и прочимъ профессорамъ, стараясь не позорить ихъ ни словомъ, ни дѣломъ.

Я буду заботиться о благѣ академіи во всякое время и при всякомъ случаѣ, предупреждая и отвращая по мѣрѣ силъ все, что́ можетъ случиться во вредъ ей.

Я буду также соблюдать правила, предписанныя студентамъ этой академіи и напечатанныя для постояннаго напоминанія имъ о своихъ обязанностяхъ.

Особливо и торжественно обѣщаю тщательно избѣгать дуэлей и всякихъ поводовъ къ нимъ, отговаривая также другихъ отъ этого.

Въ случаѣ вызова въ судъ, по приказу проректора или его замѣстителей, обѣщаю повиноваться; буде же за какое-либо преступленіе,—чего, Боже, избави,—мнѣ будетъ повелѣно выѣхать въ назначенный срокъ изъ этой страны, я не явлюсь ослушникомъ.

Если мнѣ, по выходѣ изъ академіи, придется жить въ областяхъ, подвластныхъ нашему государю, и заниматься педагогіей, то, не подчиняясь болѣе юрисдикціи академіи, я, тѣмъ не менѣе, обѣщаю повиноваться ея постановленіямъ въ дѣлахъ, касающихся моихъ служебныхъ обязанностей.

Безъ вѣдома или согласія проректора я не буду уклоняться отъ ареста, если мнѣ придется когда-либо подвергнуться ему.

Я не выѣду отсюда раньше, чѣмъ расплачусь съ своими кредиторами или получу ихъ согласіе на выѣздъ.

Я буду свято соблюдать правила, какъ существующія теперь въ академіи, такъ и тѣ, которыя будутъ изданы впослѣдствіи; если же окажусь виновнымъ въ чемъ-либо, то буду безропотно подчиняться наказаніямъ.

Да поможетъ мнѣ въ этомъ Богъ.

По приведеніи къ означенной присягѣ, вышепомянутое лицо сопричислено къ корпораціи студентовъ Христіанъ-Альбертинской академіи сего 17 іюля 1766 г., что́ и свидѣтельствую я, Іоганнъ-Вильгельмъ Г а д е н д а м ъ, его высочества юстицъ-совѣтникъ, профессоръ панд. и кан. права, проректоръ академіи.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. I „Полномочныя грамоты и патенты кн. Б. И. Куракина", стр. 385; № хрон. описи 11908].

905. Дипломъ кн. Александра Борисовича Куракина объ окончаніи имъ курса Кильскаго университета.

[1766 г.].

n illustri Academia Kiloniensi, auspicio Caesareae Celsitudinis, serenissimi principis ac domini, dn. P a u l i, imperatorii principis heredis imperiique successoris designati, magni ducis totius imperii Russorum, heredis Norvagiae, supremi ducis Slesvici, ducis Holsatiae, Stormariae ac Dithmarsiae, comitis Ol-

denburgi et Delmenhorsti etc., rectoris magnificentissimi, prorectore viro illustri, consultissimo doctissimoque d. Iohanne-Wilhelmo Gadendam, Caesareae Celsitudinis consiliario justitiae, juris professore et juriscons. ordinis decano; facultatis philosophicae h. t. decanus, M. Io. Henricus Toennies, log. et moral. prof. p. o., hocce testimonio publico significat post examen et alios initiationis academicae decoros ritus de honestate vitae, morum elegantium cultu diligentiaque in studiis admonitum, numero Musis addictorum adscriptum esse principem Alexandrum Borisovitch Kurakin, Russum.

Utque in pietate, honestis moribus, liberalibus disciplinis excolendis studiose versetur, ex animo eidem adprecatur.

P. P. sub sigillo Facultatis philosophicae.

Die mens. An. MDCCLXVI.

На подлинномъ приложена попорченная отъ сырости факультетская печать.

[Переводъ]. Въ славной Кильской академіи, подъ счастливымъ управленіемъ его царскаго высочества великаго князя Павла, наслѣдника всероссійскаго и норвежскаго, герцога шлезвигъ-голштинскаго, стормарскаго и дитмарсскаго, графа ольденбургскаго и дельменхорстскаго, блистательнаго ректора, при проректорѣ Іоганнѣ-Вильгельмѣ Гадендамъ, мужѣ славномъ, опытномъ и ученѣйшемъ, его высочества юстицъ-совѣтникѣ, професcорѣ права и деканѣ юридическаго факультета, деканъ философскаго факультета Іоганъ-Генрихъ Тэнній, профессоръ логики и морали, симъ свидѣтельствуетъ во всеобщее свѣдѣніе, что по надлежащемъ испытаніи признанъ достаточно твердымъ въ правилахъ благородной жизни, добрыхъ нравахъ и прилежаніи къ наукамъ и сопричисленъ къ числу лицъ, преданныхъ музамъ, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, русскій по происхожденію.

Просятъ его отъ души заботиться усердно о благочестіи, чистотѣ нравовъ и прилежаніи къ наукамъ.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. I „Полномочныя грамоты и патенты кн. Б. И. Куракина“, стр. 386; № хрон. описи 11915].

906. К. И. Остенъ-Сакенъ—кн. Александру Борисовичу Куракину.

1766 г. іюля 26. Петергофъ.

Que pensez-vous, mon cher Prince, de moi, qui vous laisse si longtemps sans vous écrire? Ne l'attribuerez-vous pas peut-

être à quelques raisons qui feraient tort à l'amitié que j'ai pour vous? Je le croirais si je vous connaissais moins, mais je sais que vous êtes trop juste pour m'accuser de quelque oubli envers vous, dont je ne serai jamais capable; ainsi, sans vous ennuyer par mes excuses, je vous dirai que j'ai reçu avec un plaisir infini vos deux lettres de Berlin le 19 mai et de Schirense le 18 juin, puisqu'elles m'assurent la santé parfaite dont vous jouissez, et dont je vous souhaite la meilleure continuation. Je suis très sensible, mon cher Prince, à votre souvenir amical. Vous ne sauriez me faire de plus grand plaisir qu'en m'en donnant, aussi souvent qu'il vous est possible, des marques par vos chères lettres, et soyez assuré que vous trouverez toujours en moi un ami fidèle, rempli des sentiments sincères que vous me connaissez. Les réflexions sérieuses que vous faites sur votre état présent et sur celui de l'avenir vous aideront facilement à surmonter le penchant que vous avez de revenir si tôt dans votre patrie. Vous avez actuellement les meilleurs moyens d'amasser un grand fond de connaissances utiles et propres pour en cueillir après les fruits dans votre pays. Cela doit être votre unique but. Ne vous en impatientez pas, et rendez grâce à Dieu de votre situation, qui est assurément la plus heureuse, par les soins qu'on se donne pour votre éducation. Combien de personnes ne souhaiteraient pas votre sort!

Le révérend père Platone a été fait nouvellement archimandrite de Troïtsky.

Son Altesse Impériale a pour vous toujours les mêmes bontés et se réjouit chaque fois que nous recevons de vos nouvelles. Cependant je ne saurais vous cacher sa sensibilité sur ce que vous ne lui écrivez point, malgré les assurances que vous en avez fait tant de fois. Les autres messieurs de sa Cour réitèrent vos compliments de la meilleure façon et vous souhaitent toutes sortes de prospérités. Le petit Savélii Danilovitch ne se possède pas de joie du souvenir dont vous l'honorez. Sa modestie ne lui permet pas de vous dire ce qu'il sent pour vous.

Je vous envoie une relation imprimée du premier carrousel, en vous priant de la communiquer à Son Excellence M. de Saldern, en cas qu'on ne lui en ait pas envoyé d'ici, et de lui présenter mes très humbles respects, en le suppliant de vouloir bien m'honorer toujours de sa gracieuse bienveillance.

Le 18 juin, Sa Majesté Impériale partit pour Péterhof où Son Altesse Impériale la suivit le 21. Le 28, il y a eu grande table et bal à la Cour. Le comte Alexis Grigoriévitch Orlov fut fait adjudant-général de Sa Majesté Impériale, un certain colonel Orlov, chambellan, et M. Balk, gentilhomme de chambre. Le 29, il y eut de même grande table, et le soir, mascarade. Tous les deux jardins étaient illuminés; mais l'illumination de la grande cascade était superbe et attirait l'attention de tous les masques, dont le jardin fut rempli jusqu'à 2 heures du matin. Son Altesse Impériale se promena en compagnie de la petite autrefois nommée „mouton", présentement „cousine", et se divertit aussi bien que son âge le lui permettait. Ce jour, le comte André Pétrovitch reçut le cordon de Ste-Anne. Le jeune comte Chérémétev est toujours dans de telles occasions avec son Altesse Impériale; il est toujours le même et il n'y a guère d'apparence qu'il vous fera tort. M. Villeneuve n'est plus chez lui; c'est présentement M. Vassian qui était ci-devant chez Mme Bekhtéev. Il ne fait que se promener, monter à cheval et a toutes les libertés imaginables, de façon qu'il n'avancera guère dans ses études. Son Altesse Impériale est très contente, et nous autres aussi, du séjour de Péterhof. L'été est excellent; nous montons presque tous les jours à cheval, le soir nous allons chez l'impératrice à Monplaisir, et le reste du jour, nous l'employons à nous entretenir avec les freuleins. Je parie que vous souhaiteriez d'en être. Non, mon cher Prince, cela ne vaudrait présentement rien pour vous. Attendez encore, votre tour viendra aussi, et assez à temps.

Le 5 de ce mois, Sa Majesté Impériale retourna en ville, et nous, le 6. Le second carrousel était le 11, et le 12, il y eut l'opéra italien. Je vous envoie la description du second carrou-

sel en russe, ne l'ayant pas ici en allemand; si Son Excellence M. de Saldern ne l'a pas reçue d'ici, vous lui ferez bien le plaisir de la traduire. Toutes les deux relations sont de la plume de M. Teplov. Le 14, Sa Majesté Impériale revint à Péterhof et nous le 17, où nous sommes encore sans savoir quand nous en partirons. J'ai pris cet été le petit lait et les eaux de Spa. Le 19, je fus avec M. Krook chez Mme de Taubert qui demeure pendant l'été sur sa terre nommée Neuhof, à 4 verstes de Gostilitz. Elle se porte présentement assez bien, et comptait retourner dans 8 jours en ville.

Le général Philosophov a pris congé il y a 8 jours, et je crois qu'il est déjà parti pour Copenhague. Notre ami Stackelberg est encore en Livonie pour arranger ses affaires domestiques, mais il ne tardera pas à se mettre en chemin. Toute votre famille se porte bien. Je ne me souviens plus de rien pour vous mander. Aimez-moi toujours, mon cher Prince, écrivez-moi souvent et soyez assuré de l'attachement sincère avec lequel je serai toute ma vie votre fidèle ami et très humble serviteur. Sacken.

Il y a eu nouvellement une sortie au Corps des cadets de plus de 200 hommes.

[Переводъ]. Что думаете вы, любезный князь, о мнѣ, оставляющемъ васъ такъ долго безъ отвѣта? Не приписываете ли вы это молчаніе охлажденію моей дружбы къ вамъ? Я бы этому повѣрилъ, если бы зналъ васъ меньше, но я убѣжденъ, что вы справедливы и не обвините меня въ забвеніи, на которое я никогда неспособенъ. Итакъ, не надоѣдая вамъ болѣе своими извиненіями, скажу, что былъ несказанно доволенъ, получивъ ваши письма, изъ Берлина отъ 19 мая и изъ Ширензе отъ 18 іюня, такъ какъ они оба извѣщаютъ меня о вашемъ добромъ здравіи, продолженія котораго я вамъ отъ души желаю. Меня очень трогаетъ ваша память о мнѣ, дорогой мой князь. Вы не можете доставить мнѣ бо́льшаго удовольствія, какъ присылая, сколь возможно часто, доказательства своего расположенія; будьте увѣрены, что всегда найдете во мнѣ вѣрнаго друга, полнаго извѣстной вамъ искренней привязанности. Серьезныя размышленія, которымъ вы предаетесь насчетъ своего настоящаго положенія и будущаго, помогутъ вамъ скоро подавить ваше желаніе такъ быстро возвратиться на родину. Въ данную минуту вы имѣете наилучшія средства къ тому, чтобы сдѣлать большой запасъ полезныхъ и подходящихъ свѣдѣній, плодами которыхъ вы воспользуетесь по возвращеніи своемъ въ отечество. Это должно

быть вашей единственной цѣлью. Будьте терпѣливы и благодарите Бога за ваше положеніе, которое очень счастливо по прилагаемымъ заботамъ о вашемъ образованіи. Сколько бы людей пожелало быть на вашемъ мѣстѣ!

Преподобный отецъ Платонъ назначенъ недавно архимандритомъ въ Троицкую лавру.

Его императорское высочество продолжаетъ быть къ вамъ попрежнему расположеннымъ и радуется всякій разъ, когда мы получаемъ отъ васъ извѣстія. Но не скрою отъ васъ его недовольства по поводу того, что вы ему не пишете, несмотря на то, что не разъ ему обѣщали это. Остальныя лица его свиты искренно отвѣчаютъ на вашъ привѣтъ и желаютъ вамъ всякаго благополучія. Карликъ Савелій Даниловичъ не помнитъ себя отъ радости, что вы не забыли о немъ; его скромность не позволяетъ ему высказать вамъ свои чувства.

Посылаю вамъ печатное описаніе первой карусели и прошу васъ передать его г. Сальдерну въ случаѣ, если ему не выслали отсюда; передайте его превосходительству также мое глубочайшее почтеніе и просьбу о продолженіи его милостиваго ко мнѣ вниманія.

18 іюня ея императорское величество отправилась въ Петергофъ, куда цесаревичъ послѣдовалъ за ней 21. 28 былъ большой обѣдъ и балъ при дворѣ. Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ произведенъ въ генералъ-адъютанты ея императорскаго величества, нѣкій полковникъ Орловъ въ камергеры, а г. Балкъ въ камеръ-юнкеры. 29 былъ также большой обѣдъ, а вечеромъ маскарадъ. Оба сада были иллюминованы; освѣщеніе большого каскада было великолѣпно и привлекало вниманіе всѣхъ масокъ, которыми садъ былъ наполненъ до двухъ часовъ утра. Его императорское высочество гулялъ съ маленькой барышней, которую звали прежде „барашкомъ", а теперь зовутъ „кузиной", и забавлялся съ ней сообразно своему возрасту. Графъ Андрей Петровичъ получилъ въ этотъ день Аннинскую ленту. Молодой графъ Шереметевъ находится въ подобныхъ случаяхъ всегда при его императорскомъ высочествѣ; онъ все такой же, и нѣтъ никакого повода думать, что онъ могъ бы вамъ повредить. Г. Вильнева при немъ болѣе нѣтъ, а живетъ у него въ настоящую минуту г. Вассіанъ, бывшій прежде у г-жи Бехтеевой. Графъ только и знаетъ, что гуляетъ, ѣздитъ верхомъ и пользуется всевозможной свободой, такъ что не сдѣлаетъ никакихъ успѣховъ въ наукахъ.

Цесаревичъ очень доволенъ и мы также своимъ пребываніемъ въ Петергофѣ. Лѣто превосходно; мы почти каждый день ѣздимъ верхомъ, вечеромъ отправляемся къ императрицѣ въ Монплезиръ, а остатокъ дня проходитъ у насъ въ разговорахъ съ фрейлинами. Держу пари, что вы бы желали быть съ нами. Нѣтъ, дорогой князь, это совсѣмъ не годилось бы для васъ теперь. Подождите еще, въ свое время настанетъ и ваша очередь.

5 текущаго мѣсяца ея императорское величество возвратилась въ городъ, а 6 мы. Вторая карусель состоялась 11, а 12 была итальянская опера. Посылаю вамъ описаніе второй карусели на русскомъ языкѣ, не имѣя подъ рукой нѣмецкаго экземпляра; если его превосходительство г. Сальдернъ не получилъ описанія отсюда, вы будете такъ добры перевести ему мое. И то, и другое сдѣланы Тепловымъ. 14 ея императорское величество возвратилась въ Петергофъ, куда мы пріѣхали 17 и гдѣ до сихъ поръ находимся, не зная, когда выѣдемъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ я пилъ сыворотку и воды Спа.

19-го я былъ съ г. Крукомъ у г-жи Тауберть, которая живетъ лѣтомъ въ своей деревнѣ, называемой Нейгофъ, въ 4-хъ верстахъ отъ Гостилицъ. Она чувствуетъ себя теперь довольно хорошо и разсчитываетъ возвратиться въ городъ черезъ недѣлю.

Генералъ Философовъ взялъ отпускъ недѣлю тому назадъ, и я думаю, что онъ уже уѣхалъ въ Копенгагенъ. Нашъ другъ Штакельбергъ еще въ Ливоніи, гдѣ устраиваетъ свои домашнія дѣла, но вскорѣ онъ отправится въ обратный путь. Всѣ ваши родственники здоровы. Больше ничего не могу вспомнить для сообщенія вамъ. Любите меня попрежнему, любезный князь, пишите часто и будьте увѣрены въ моей искренней привязанности, съ которой я останусь на всю жизнь вашъ вѣрный другъ и всенижайшій слуга. Сакенъ.

Недавно былъ выпускъ въ 200 человѣкъ въ кадетскомъ корпусѣ.

[Надеждинскій архивъ кн. Θ. А. Куракина. Т. 427 „Lettres de M. de Sacken et de Bezborodko. 1766—1780 гг.“, стр. 7—9; № хрон. описи 11926].

907. Графъ Сальдернъ—кн. Александру Борисовичу Куракину.

1766 г. сентября 6 (17). Неймюнстеръ.

Monsieur mon Prince. J'espère que vous vous portez bien et que votre conduite est irréprochable. Vous savez que vous irez avec mon fils, M. de During et M. de Teplov à Eutin pour faire votre cour à Monseigneur l'évêque à l'occasion de son jour de naissance. Je vous conjure, mon Prince, d'être sage et circonspect dans votre conduite et dans tout ce que vous faites. Au moins, je vous en prie tendrement. Soyez sûr que je serai informé de chaque folie que vous commettrez à la honte de votre âge et de votre état. Je [ne] vous pardonne rien, car il est temps que vous quittiez vos préjugés et vos erreurs qui vous environnent. Au reste, je vous avertis que vous ne resterez à Eutin que deux jours. Vous reviendrez le lundi à Schirense. Si Monseigneur l'évêque vous fait l'honneur de vous prier, par manière d'acquit, de rester plus longtemps, vous aurez la bonté de lui répondre que vos ordres sont très précis de retourner le lundi. Car j'espère que vous croyez que vous vous trouvez réellement sous mes ordres, [aus]si longtemps que j'ai l'honneur de

vous avoir à mes trousses et jusqu'à ce que vous soyez un jour prince régnant par la grâce de Dieu. Je vous prie de faire mes compliments à M. le baron de During et à M. de Teplov. Chargez-vous, mon Prince, je vous prie, de leur conduite. Vous savez combien de confiance j'ai en votre sagesse, étant votre très-humble serviteur. Comte de Saldern.

N'oubliez [pas] mes compliments et l'assurance de mes amitiés à Mlle votre grande gouvernante et à votre cousine la princesse de Pirlepomp [*sic*].

На оборотѣ письма адресъ: A Monsieur le Prince Kourakin à Schirense. Franco. Rotenhahn.

[Переводъ]. Надѣюсь, князь, что вы здоровы, и что ваше поведеніе безукоризненно. Вы знаете, что вамъ предстоитъ ѣхать въ Этинъ съ сыномъ моимъ, Дюрингомъ и Тепловымъ, чтобы поздравить со днемъ рожденія тамошняго епископа. Ради Бога, князь, будьте благоразумны и осмотрительны въ своемъ поведеніи и во всемъ остальномъ; покорнѣйше прошу васъ объ этомъ. Будьте увѣрены, что меня извѣстятъ о всякой совершонной вами шалости къ стыду вашего возраста и вашего положенія. Не ждите отъ меня пощады, такъ какъ уже пора вамъ оставить свои предразсудки и заблужденія. Впрочемъ, я васъ предупреждаю, что въ Этинѣ вы пробудете только два дня и въ понедѣльникъ воротитесь въ Ширензе. Если-бъ епископъ изъ вѣжливости сталъ васъ просить остаться долѣе, вы отвѣтите ему, что имѣете положительное приказаніе возвратиться въ понедѣльникъ домой. Надѣюсь,—вы увѣровали теперь, что дѣйствительно находитесь подъ моимъ надзоромъ до тѣхъ поръ, пока я обязанъ возиться съ вами, и пока вы Божіей милостью не сдѣлаетесь въ одинъ прекрасный день владѣтельнымъ княземъ.

Прошу передать мой привѣтъ барону Дюрингу и Теплову. Слѣдите за ихъ поведеніемъ; вы знаете, какъ я вѣрю въ ваше благоразуміе. Остаюсь вашъ покорный слуга графъ Сальдернъ.

Не забудьте поклониться отъ меня и передать мой дружескій привѣтъ вашей старшей гувернанткѣ и вашей кузинѣ княжнѣ де-Пирльпомпъ.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 956 „Lettres du comte de Saldern. 1766—1773 гг.“, стр. 4; № хрон. описи 11940].

908. Графъ Н. И. Панинъ—кн. Александру Борисовичу Куракину.

1766 г. сентября 7. С.-Петербургъ.

съ крайнимъ удовольствіемъ получаю письма ваши, мой любезный князь Александръ Борисовичъ. Меня чувствительно радуютъ продолжаемыя ваши обнадеживанія и желанія исправлять въ себѣ оставшіяся сѣмена къ нѣкоторымъ порокамъ, угрожающимъ многими оскорбленіями и препятствіями будущему вашему благосостоянію, которое единственно зависѣть должно отъ внутреннихъ вашихъ добрыхъ, любимыхъ и полезныхъ обществу качествъ. Мое совершенное удостовѣреніе въ успѣхѣ моего попеченія объ обнадеженіи вамъ твердаго счастія въ жизни вашей тогда будетъ, когда я прямымъ дѣломъ увижу въ васъ отвращеніе отъ гордости, слѣдовательно, отъ желанія быть почитаему въ свѣтѣ пустымъ именемъ своего рожденія. Презрѣніе сущее ко лжи, и, наконецъ, ненависть и совершенное отчаяніе въ возможности употреблять свое остроуміе къ закрытію въ себѣ пороковъ и худыхъ привычекъ, вотъ, мой другъ,—непоколебимыя правила благополучной и отъ всѣхъ любимой жизни.

Ваше разоренное состояніе дѣлаетъ васъ зависимымъ отъ общей любви и почтенія, а я васъ богатымъ, слѣдовательно, независимымъ отъ того, сдѣлать не могу. Въ моей только возможности показать и открыть вамъ дорогу, по которой вы можете разумъ и дарованія ваши обратить къ добродѣтелямъ, чтобъ онѣ въ васъ утверждались, а не только закрывали пороки. Вы не можете свободнѣе сего достигнуть и себя существительно пріуготовить, какъ совершеннымъ повиновеніемъ и принятіемъ на сердце всѣхъ наималѣйшихъ увѣщаваній, примѣчаній и поправленій того, который вамъ теперь служитъ отцомъ, другомъ и воспитателемъ, и противъ котораго ваше наималѣйшее неповиновеніе меня можетъ оскорблять чувствительнѣйшимъ образомъ.

Прости, мой любезный, дай мнѣ удовольствіе свѣдать чрезъ искреннее признаніе моего вѣрнаго и почтеннѣйшаго друга г. Сальдерна, что мое сердечное о тебѣ попеченіе не втунѣ, а что ты совершенно самымъ дѣломъ и всѣмъ своимъ разумомъ стараешься быть такимъ, каковá я тебя душевно желаю. Живи съ Богомъ и вѣрь, что я васъ люблю сердцемъ и душою.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 952 „Lettres de mon second père. 1766—1782 гг.“, стр. 2—4; № хрон. описи 11941].

909. Графъ П. И. Панинъ—кн. Александру Борисовичу Куракину.

1766 г. сентября 15. С.-Петербургъ.

еликое вы мнѣ, дорогой князь Александръ Борисовичъ, удовольствіе показали всѣми вашими изъявленіями въ любезномъ ко мнѣ нѣмецкомъ письмѣ, за которое я, душевно васъ обнимая, благодарствую. И праведно вы заключаете, что ничѣмъ столько не можете соотвѣтствовать моей къ вамъ кровной любви, истинному, наиусерднѣйшему попеченію и всѣмъ многотруднымъ теперешнимъ моимъ заботамъ и вспомоществованіямъ объ извлеченіи вашего, вверженнаго въ бѣдственное состояніе, всего дома и о вашемъ собственномъ на будущее время благосостояніи, какъ тѣмъ, когда вы совершеннымъ прилежаніемъ къ наукамъ и ко всякому благоповеденію составите въ себѣ прямое достоинство, оживотворяющее въ васъ имена всѣхъ вашихъ предковъ и наши собственныя, которыя, конечно, по счастливому всѣхъ насъ въ свѣтѣ происхожденію, могутъ служить довольнымъ къ тому вамъ руководствомъ, если только,—отъ чего вышняя десница да сохранитъ,—не произойдетъ вашего собственнаго къ тому пренебреженія. А въ томъ случаѣ можете уже себя всеконечно безотвѣтнымъ предъ цѣлымъ свѣтомъ и предъ всѣмъ вашимъ родствомъ сдѣлать, чего я никакъ себѣ и представить по природнымъ вашимъ дарованіямъ не дозволяю. А какъ

[Переводъ]. Дорогой князь. Меня весьма трогаетъ, что вы придаете такую цѣну моимъ письмамъ. Не сомнѣвайтесь никогда въ моей дружбѣ и вѣрьте, что только недостатокъ времени мѣшаетъ мнѣ заявлять вамъ о ней такъ часто, какъ я бы того желалъ. Ваше письмо отъ 1 сентября доставило мнѣ большое удовольствіе. Какъ я радъ вашему рѣшенію идти по пути добродѣтели, которая ведетъ къ честности и исправляетъ всѣ наши недостатки! Путь этотъ усѣянъ терніями, и къ сожалѣнію я вижу по замѣткамъ его превосходительства г. Сальдерна, что вы еще очень неустойчивы, любезный князь, и эти терніи задерживаютъ васъ на немъ. Надѣюсь, что вы будете болѣе тверды и постоянны въ будущемъ, чего я вамъ отъ всего сердца желаю. Слѣдуйте, ради Бога, добрымъ и полезнымъ совѣтамъ его превосходительства г. Сальдерна и передайте ему мое нижайшее почтеніе съ благодарностью за тѣ нѣсколько строчекъ, которыя онъ мнѣ лично написалъ въ вашемъ письмѣ. Хотя въ настоящемъ случаѣ я обязанъ этимъ вамъ, любезный князь, тѣмъ не менѣе, увѣряю васъ, не желалъ бы покупать эти строчки цѣною дурныхъ вѣстей о вашемъ поведеніи.

Его превосходительство г. Панинъ задержалъ ваше письмо къ его высочеству долѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Цесаревичъ получилъ теперь ваше второе письмо, также и письма гг. Сальдерна и Теплова, на которыя онъ вскорѣ отвѣтитъ. Отецъ Платонъ благодаритъ васъ за ваше поздравленіе по поводу его новаго назначенія. Въ день рожденія его императорскаго высочества не было производствъ, но въ день коронаціи майоры князь Голицынъ, конногвардеецъ, и Текутьевъ, преображенецъ, произведены въ генералъ-майоры, а генералъ-лейтенанты отъ артиллеріи Внуковъ и Фёлькерзамъ, равно какъ кабинетъ-секретарь Кузьминъ, получили Аннинскія ленты. Свадьба фрейлины Паниной съ Лопухинымъ, только что произведеннымъ въ офицеры конно-гвардейскаго полка, будетъ отпразднована 11 текущаго мѣсяца. Что же касается свадьбы Остервальда съ фрейлиной Зассъ, то она, можетъ быть, состоится въ ноябрѣ. Поговариваютъ еще о свадьбѣ фрейлины княжны Меншиковой съ Степаномъ Степановичемъ Зиновьевымъ. Маскарады начались уже съ 29 сентября. У насъ два раза въ недѣлю комедія при дворѣ и одинъ разъ комическая опера въ старомъ зимнемъ дворцѣ. Вотъ все, что я имѣю вамъ сказать на этотъ разъ.

Пребываніе въ Копенгагенѣ заставитъ васъ скоро позабыть о вашемъ кильскомъ студенчествѣ.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 427 „Lettres de M. de Sacken et de Bezborodko. 1766—1780 гг.“, стр. 11; № хрон. описи 11956].

911. К. И. Остенъ-Сакенъ—кн. Александру Борисовичу Куракину.

1766 г. ноября 24. Петербургъ.

La freulein Sasz, ainsi que M. Ostervald, vous sont bien obligés de la part que vous prenez à leur union. L'on ne sait pas encore le jour du mariage. Son Altesse Impériale vous

assure de son affection. Les mascarades ont déjà cessé à cause du carême. La „cousine“ se porte bien et tout va comme du temps de votre départ. Le comte Chérémétev ne vous fera pas de tort, puisque je crois que vous ne voudriez plaire que par le [côté] solide. Vous n'êtes pas oublié à notre Cour, mais si nous parlons de vous, ce n'est jamais de votre conduite passée, qui, comme vous le savez vous-même, n'était pas toujours à votre avantage, mais de celle que vous aurez à votre retour, dont nous nous flattons d'être tous contents, par les progrès que vous avez occasion de faire pendant votre séjour dans les pays étrangers.

Tous vos compliments ont été bien reçus, et chacun vous rend la pareille, excepté le prince Bariatinski, qui est à Moscou pour convenir avec la princesse de Holstein de la dot qu'elle donnera à sa fille, promise du prince, car vous savez déjà sans doute la fortune qu'il fait en épousant la princesse, qui est à Rével. C'est l'homme le plus heureux, mais aussi le moins à être envié par les bonnes qualités qu'il possède.

Toutes les freuleins se portent bien, excepté la pauvre Anna Alexéïevna, qui vient d'être exilée à cause de ses amours avec аглицкимъ посланникомъ, dont cependant je vous prie de ne rien dire à personne, excepté à Son Excellence M. de Saldern, à qui je vous prie de présenter mes très humbles respects.

Le bruit du rappel des prince Lobkovitch et comte Sacken est faux. Voilà la réponse à votre lettre. Voyons ce que j'ai encore à vous dire. Les noces de la comtesse Natalie Tchernichov avec le colonel prince Galitzine se célébrèrent le 30 octobre, et celles de la freulein Panine avec le lieutenant des gardes à cheval M. Lapoukhine, le 1er novembre, à la Cour. Le comte Vladimir Grigoriévitch a eu la direction de l'Académie, et l'on a nommé une commission qui a soin des affaires intérieures de l'Académie, dont M. Taubert, qui était ci-devant le chef de la chancellerie, est exclu, ce qui lui fait bien de la peine. Il est à plaindre, mais il paraît qu'on n'y saurait plus remédier, vu l'oukase de la souveraine concernant l'aboli-

tion de la chancellerie. Le 11 de ce mois, Sa Majesté Impériale alla à Czarskoé-Sélo, dont elle revint le 20, pour célébrer la fête de la garde de Sémionovski.

Faites mes très humbles compliments à Son Excellence M. de Philosophov et aux autres messieurs de l'ambassade, particulièrement à M. Lisakévitch, en lui disant que dans ce moment je viens de recevoir sa lettre du 24 octobre, pour laquelle je lui suis bien obligé, à cause des sentiments qu'il a pour moi. Je souhaite au baron Fersen un prompt rétablissement. La fête d'aujourd'hui s'est passée sans avancements.

[Переводъ]. Фрейлина Зассъ и г. Остервальдъ очень благодарятъ васъ за участіе, принимаемое вами въ ихъ союзѣ. День свадьбы еще не назначенъ. Его императорское высочество увѣряетъ васъ въ своемъ расположеніи. Маскарады уже окончились по случаю поста. „Кузина" здорова, и все идетъ своимъ чередомъ, какъ и до вашего отъѣзда. Графъ Шереметевъ не можетъ вамъ повредить, такъ какъ, думаю, вы захотите нравиться одними серьезными достоинствами. Вы не забыты при дворѣ, но когда мы бесѣдуемъ о васъ, то никогда не вспоминаемъ вашего прошлаго поведенія, которое, какъ вы сами знаете, не всегда было въ вашу пользу, но говоримъ о томъ, какимъ оно будетъ по вашемъ возвращеніи, и льстимъ себя надеждою, что оно насъ удовлетворитъ, благодаря успѣхамъ, которые вы имѣете полную возможность сдѣлать во время своего пребыванія въ чужихъ краяхъ.

Ваши привѣтствія благосклонно приняты, и всѣ отвѣчаютъ вамъ тѣмъ же, исключая князя Барятинскаго, который находится въ Москвѣ для переговоровъ съ принцессой Гольштейнъ о приданомъ, которое она дастъ своей дочери, невѣстѣ князя; вамъ уже, конечно, извѣстно о постигшемъ его благополучіи этой женитьбой на княжнѣ, находящейся нынѣ въ Ревелѣ. Это самый счастливый человѣкъ, но съ другой стороны ему не слѣдуетъ завидовать, зная его хорошія качества.

Всѣ фрейлины здоровы за исключеніемъ бѣдной Анны Алексѣевны, которую только что удалили за ея романъ съ англійскимъ посланникомъ. Объ этомъ впрочемъ прошу васъ никому не говорить, исключая его превосходительства г. Сальдерна, которому передайте мое нижайшее почтеніе.

Слухъ объ отозваніи князя Лобковича и графа Сакена ложенъ. Вотъ отвѣты на ваше письмо. Что мнѣ еще сказать вамъ? Свадьба графини Натальи Чернышовой съ полковникомъ княземъ Голицынымъ состоялась 30 октября, а свадьба фрейлины Паниной съ кавалергардскимъ поручикомъ Лопухинымъ 1 ноября, обѣ—при дворѣ. Графъ Владиміръ Григорьевичъ назначенъ президентомъ Академіи; для дѣлопроизводства этого учрежденія теперь назначена коммиссія, а бывшій правитель канцеляріи г. Таубертъ отрѣшенъ отъ своей должности, чѣмъ онъ очень огорчился. Жаль его, но, кажется, это непоправимо, судя по указу государыни объ упраздненіи канцеляріи. 11-го текущаго мѣсяца ея импера-

торское величество ѣздила въ Царское Село, откуда возвратилась 20-го на праздникъ Семеновскаго полка.

Передайте мой привѣтъ его превосходительству г. Философову и остальнымъ членамъ нашего посольства, въ особенности г. Лизакевичу. Скажите ему, что я только что получилъ его письмо отъ 24 октября и очень признателенъ за выраженное въ немъ расположеніе ко мнѣ. Желаю барону Ферзену скорѣйшаго выздоровленія. Сегодняшній праздникъ прошелъ безъ производствъ.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 427 „Lettres de M. de Sacken et de Bezborodko. 1766—1780 гг.“, стр. 12—14; № хрон. описи 11961].

912. К. И. Остенъ-Сакенъ—кн. Александру Борисовичу Куракину.

1766 г. декабря 13. С.-Петербургъ.

Depuis ma dernière lettre, je n'ai pas grand'chose à vous dire, sinon que le prince Bariatinski est parti pour Révei pour célébrer ses noces. Sa belle-mère lui a donné 4000 paysans et la maison de bois où loge le général Panine.

Le lieutenant-général Brandt a été fait directeur du Corps des cadets. Tout le monde dit qu'il est digne du choix.

Avant-hier, Sa Majesté Impériale fut à souper chez le comte Ivane Grigoriévitch Tchernichov dans sa nouvelle maison, où elle a fait présent d'un pain rempli de 1000 [ducats], d'une salière d'or garnie de brillants et d'une aigrette de brillants pour madame la comtesse, le tout environ du prix de 6000 roubles. Après-demain, Son Altesse Impériale y sera et, je crois, les freuleins aussi, pour y danser. Que vous voudriez bien en être aussi! Mais il n'est pas encore temps, mon cher Prince.

M. d'Assebourg m'a remis, de la part de M. le chambellan Firks, une médaille frappée en mémoire du feu baron Korf. Je vous prie, mon cher Prince, de présenter à M. de Firks mes très humbles remercîments, en l'assurant que j'y suis très sensible, d'autant plus que je conserverai un souvenir éternel d'une personne d'aussi grand mérite et qui m'honorait de ses bontés.

На обратной сторонѣ письма адресъ: A Monsieur le Prince de Kourakin, Lieutenant des gardes à cheval au service de Sa Majesté Impériale de toutes les Russies. A Copenhague.

[Переводъ.] Со времени своего послѣдняго письма я мало имѣю сказать вамъ, развѣ только то, что князь Барятинскій уѣхалъ жениться въ Ревель. Его теща дала ему 4000 душъ и деревянный домъ, гдѣ квартируетъ генералъ Панинъ.

Генералъ-лейтенантъ Брандтъ назначенъ директоромъ кадетскаго корпуса. Всѣ говорятъ, что онъ достойно выбранъ.

Третьяго дня ея императорское величество была на ужинѣ у графа Ивана Григорьевича Чернышова въ его новомъ домѣ; она подарила ему хлѣбъ, наполненный 1000 червонцевъ, золотую солонку, украшенную брильянтами, и брильянтовую эгретку для графини, все вмѣстѣ стоимостью въ 6000 червонцевъ. Послѣ завтра его императорское высочество тамъ будетъ; кажется, и фрейлины приглашены на танцы. Какъ бы вамъ хотѣлось также быть тамъ! Но еще не время, дорогой князь.

Г. д'Ассебургъ передалъ мнѣ отъ имени камергера Фиркса медаль, выбитую въ память покойнаго барона Корфа. Прошу васъ, любезный князь, передать мою глубокую благодарность г. Фирксу и увѣрить его, что я очень тронутъ такой любезностью тѣмъ болѣе, что всегда буду уважать память столь достойной особы, которая дарила меня къ тому же своею благосклонностью.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 427 „Lettres de M. de Sacken et de Bezborodko. 1766—1780 гг.“, стр. 15—16; № хрон. описи 11963].

913. К. И. Остенъ-Сакенъ—кн. Александру Борисовичу Куракину.

1767 г. марта 15. Москва.

Elisabeth Ivanovna vous remercie des compliments que vous lui faites. Elle a reçu votre lettre et ne manquera pas d'y répondre. Son Altesse Impériale vient de vous écrire il y a quelque temps. Sans doute vous l'avez déjà reçue. Elle est écrite dans les termes qui vous assureront parfaitement de son affection pour vous. Il ne me reste rien à y ajouter.

Parlons présentement de notre voyage et de ce qui se passe ici. Nous partîmes le 2 février et arrivâmes le 16. Une petite indisposition de Son Altesse Impériale était la cause de notre retardement. Le général en chef Ivane Féodorovitch Glébov

a reçu, au départ de Sa Majesté Impériale, le cordon de St-André, et le comte Sievers est congédié avec les appointements pendant sa vie. Le 15 février, le comte Vorontzov mourut. Le 20, la fille du sénateur Protassov a été nommée freulein de la Cour, et, le 3 de ce mois, le chambellan Grigorii Nikititch Orlov, pour faire les fonctions de maréchal de la Cour. Les noces de M.M. Piotre Ivanovitch Panine et Ostervald seront d'abord après Pâques. Sa Majesté Impériale partira à la fin du mois prochain pour Kazan. Voilà tout. Les actions de la „cousine“ ont extrêmement baissé. Nous nous amusons de toutes sortes de choses, et nous allons bientôt au manège. Stépane Stépanovitch Zinoviev est conseiller de cour du Collège des affaires étrangères. Il n'a plus affaire avec le spectacle depuis que M. Elaguine s'en mêle. On dit que la danseuse Mlle Fousi est mariée avec M. Bernardi, qui est actuellement à Vienne; du moins elle est grosse depuis 7 mois. Toute votre famille se porte bien. La princesse Répnine est arrivée ici.

[Переводъ.] Елизавета Ивановна благодаритъ васъ за поклонъ. Она получила ваше письмо и не преминетъ отвѣчать вамъ. Его императорское высочество недавно писалъ вамъ; вы уже, конечно, получили его письмо; оно написано въ выраженіяхъ, которыя увѣрятъ васъ въ его расположеніи къ вамъ. Мнѣ нечего болѣе къ нему прибавлять.

Поговоримъ теперь о нашемъ путешествіи и о томъ, что здѣсь происходитъ. Мы выѣхали 2 февраля и прибыли 16-го. Легкое нездоровье его высочества задержало насъ въ пути. Генералъ-аншефъ Иванъ Федоровичъ Глѣбовъ получилъ при отъѣздѣ ея императорскаго величества Андреевскую ленту, а графъ Сиверсъ—отставку съ пожизненнымъ жалованіемъ. 15 февраля умеръ графъ Воронцовъ. 20-го сдѣлана фрейлиной двора дочь сенатора Протасова, а 3-го текущаго мѣсяца камергеръ Григорій Никитичъ Орловъ назначенъ маршаломъ двора. Свадьба Петра Ивановича Панина и Остервальда состоится тотчасъ послѣ Пасхи. Въ концѣ будущаго мѣсяца ея императорское величество отправится въ Казань. Вотъ и все. Акціи „кузины„ сильно понизились. Насъ забавляетъ всякая всячина, а теперь мы скоро отправимся въ манежъ. Степанъ Степановичъ Зиновьевъ произведенъ въ надворные совѣтники иностранной коллегіи. Ему нечего болѣе дѣлать съ театромъ, съ тѣхъ поръ какъ имъ завѣдуетъ Елагинъ. Говорятъ, что танцовщица г-жа Фузи замужемъ за Бернарди, который въ настоящую минуту находится въ Вѣнѣ; по крайней мѣрѣ она беременна вотъ уже 7-ой мѣсяцъ. Всѣ ваши родные здоровы. Сюда пріѣхала княгиня Репнина.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 427 „Lettres de M. de Sacken el de Bezborodko. 1766—1780 гг.,“ стр. 19—20; № хрон. описи 11989].

914. Н. И. Остенъ-Сакенъ—кн. Александру Борисовичу Куракину.

1767 г. апрѣля 23. Москва.

Voici les nouvelles d'ici depuis ma lettre précédente. Le Ier de ce mois, M. Krook fut fait conseiller de chancellerie, avec 1200 roubles, et M. Oubril, conseiller de cour, avec 1500 roubles d'appointements. Le 8, jour de Pâques, Sa Majesté Impériale fit présent à Son Altesse Impériale d'une broderie de brillants sur une veste, à Son Excellence Nikita Ivanovitch Panine d'une garniture de boucles de brillants et au comte Zakhar Tchernichov d'une tabatière garnie de brillants. La dame d'honneur Aliona Alexandrovna Narichkine se couche, le 11, en parfaite santé, et, le lendemain, on la trouve morte dans son lit, apparemment d'un coup d'apoplexie. Le 17, arriva ici le comte Krachinski, en qualité d'envoyé de la confédération des dissidents polonais. Il a eu aujourd'hui son audience. C'est le même qui a été auparavant à Pétersbourg. Le métropolite de Moscou mourut le 18, et, le même jour, on célébra à la Cour les noces du général Panine avec Mlle Wédel, qui vous est bien obligée des compliments que vous lui faites, en vous assurant de son amitié. Ces noces, ainsi que celles de M. Ostervald avec Mlle Sasz, furent célébrées sans aucune cérémonie le 19, excepté qu'ils soupèrent à la table de Sa Majesté Impériale, et, le lendemain, ils dînèrent à celle de Son Altesse Impériale. La bénédiction nuptiale des derniers se fit dans l'église allemande. Anna Pavlovna y fut conduite par la comtesse Roumiantzev et le comte Grigorii Orlov et suivie des maréchaux de la Cour, des freuleins et des cavaliers de service. M. Ostervald fut accompagné par le comte Munnich et Rebinder. Le 20, Sa Majesté Impériale partit pour Taninsky [à] 16 verstes d'ici pour y célébrer sa fête.

Le 21, il y eut chez Monseigneur une table de 30 couverts. C'est là que madame votre mère m'a ordonné de vous dire que vous deviez lui écrire plus souvent. Elle ne veut pas de vous

de grandes lettres, mais seulement quelques lignes qui l'assurent de votre santé. Elle m'a dit aussi que vous paraissiez extrêmement curieux de savoir tout ce qui se passe ici, même les moindres bagatelles; que cette inquiétude pourrait vous distraire de vos occupations sérieuses. A propos de cela, mon cher Prince, celui qui vous aura écrit la nouvelle de la querelle des deux dames vous les aura nommées aussi sans doute. Pardonnez ma curiosité de vouloir bien connaître votre correspondant, mais excusez-moi en même temps si je ne vous les nomme pas, ne voulant pas contrevenir aux intentions de madame votre mère qui ne croit pas nécessaire que vous sachiez de telles petitesses.

Sa Majesté Impériale revint hier au soir. L'on dit qu'elle partira en quelques jours pour Kazan. Faites mes compliments à M. Lisakévitch et mes excuses de ce que je ne réponde pas à sa lettre. Dites-lui que j'ai parlé à M. Panine de son affaire et qu'il m'a dit qu'il pourrait être tranquille là-dessus, étant recommandé par leurs Excellences M.M. Saldern et Philosophov; qu'il faudrait cependant avoir un peu de patience. Je ne manquerai pas d'en souvenir M. Panine de temps en temps, ce dont M. Lisakévitch peut être assuré, puisque je lui souhaite tout le bien imaginable.

M. Fersen vient de recevoir la permission de s'absenter pour quelque temps. Le séjour de Moscou est pour moi bien ennuyant.

[Переводъ]. Вотъ здѣшнія новости со времени моего послѣдняго письма. 1-го текущаго мѣсяца произведены: Крукъ въ совѣтники канцеляріи съ окладомъ въ 1200 руб. и Убри въ надворные совѣтники съ окладомъ въ 1500 руб. 8-го, въ день Пасхи, императрица подарила его высочеству брильянтовую вышивку на камзолъ, его превосходительству Никитѣ Ивановичу Панину брильянтовыя пряжки, а графу Захару Чернышову табакерку, осыпанную брильянтами. 11-го числа статсъ-дама Алёна Александровна Нарышкина ложится спать совсѣмъ здоровая, а на утро ее нашли въ постели мертвой, вѣроятно, вслѣдствіе апоплексическаго удара. 17-го пріѣхалъ сюда графъ Крашинскій въ качествѣ посла отъ конфедераціи польскихъ диссидентовъ. Сегодня онъ имѣлъ аудіенцію. Это тотъ самый, который былъ прежде въ Петербургѣ. 18-го умеръ московскій митрополитъ, и въ тотъ же день состоялась свадьба генерала Панина съ дѣвицей Ве-

дель, которая благодаритъ васъ за память и шлетъ вамъ свой привѣтъ. Эта свадьба, равно какъ и свадьба Остервальда съ дѣвицей Зассъ, были отпразднованы безъ всякихъ торжествъ за исключеніемъ того, что 19-го они ужинали за столомъ ея императорскаго величества, а на другой день обѣдали у его императорскаго высочества. Вѣнчаніе послѣдней пары происходило въ лютеранской церкви. Анну Павловну сопровождали туда графиня Румянцева и графъ Григорій Орловъ, затѣмъ маршалы двора и дежурныя фрейлины и кавалеры. Остервальда сопровождалъ графъ Минихъ и Ребиндеръ. 20-го ея императорское величество отправилась въ Танинское, въ 16-ти верстахъ отсюда, чтобы праздновать тамъ свои именины.

21-го былъ обѣдъ у цесаревича на 30 приборовъ. И тутъ-то ваша матушка приказала мнѣ передать вамъ, чтобы вы ей чаще писали. Она не требуетъ длинныхъ писемъ, но хотя нѣсколько строчекъ о вашемъ здоровьѣ. Она также мнѣ сообщала, что вы чрезвычайно интересуетесь всѣмъ, что происходитъ здѣсь, до малѣйшихъ пустяковъ, и что это любопытство можетъ помѣшать вамъ въ вашихъ серьезныхъ занятіяхъ. Кстати, дорогой князь, тотъ, кто сообщилъ вамъ извѣстіе о ссорѣ двухъ дамъ, вѣроятно, сообщилъ вамъ и ихъ имена? Простите мою нескромность, но мнѣ очень хотѣлось бы знать, кто вашъ корреспондентъ, и извините меня въ тоже время, если я не назову вамъ этихъ дамъ, не желая идти противъ намѣреній вашей матушки, которая находитъ излишнимъ, чтобы вы знали о такихъ мелочахъ.

Ея императорское величество возвратилась вчера вечеромъ. Говорятъ, что черезъ нѣсколько дней она ѣдетъ въ Казань. Передайте мой поклонъ г. Лизакевичу и извинитесь передъ нимъ за мое молчаніе въ отвѣтъ на его письмо. Сообщите ему, что я говорилъ объ его дѣлѣ съ г. Панинымъ и получилъ отвѣтъ, что онъ можетъ быть спокоенъ, будучи рекомендованъ ихъ превосходительствами г. Сальдерномъ и Философовымъ, но что слѣдуетъ подождать немного. Я не премину напоминать объ этомъ Панину время отъ времени, въ чемъ г. Лизакевичъ можетъ быть увѣренъ, такъ какъ я желаю ему всякаго благополучія.

Г. Ферзенъ недавно получилъ позволеніе отлучиться на нѣкоторое время. Жизнь въ Москвѣ кажется мнѣ очень скучной.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 427 „Lettres de M. de Sacken el de Bezborodko. 1766—1770 гг.“, стр. 21—23; № хрон. описи 11996].

915. Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ—цесаревичу Павлу Петровичу.

[1767 г. май].

gréez mes très humbles remercîments pour la gracieuse lettre du 21 février dont Votre Altesse Impériale a bien voulu m'honorer. Je ne saurais lui exprimer la joie que j'ai ressentie en la recevant. Qu'il m'est doux de voir que Votre Altesse Impériale daigne m'honorer encore de ses bontés! J'en suis pénétré de la plus vive reconnaissance et elle ne finira qu'avec ma vie.

Quoique, Monseigneur, vous soyez déjà suffisamment instruit des cérémonies du sacre du roi, permettez pourtant que je vous en fasse aujourd'hui une petite description.

Le 1er du mois de mai ayant été fixé pour cette cérémonie, on s'assembla à la Cour à dix heures du matin, les cavaliers dans l'antichambre du roi et les dames dans celle de la reine. La marche commença à midi. Elle fut ouverte par la livrée de la Cour qui était suivie des conseillers, des gentilshommes de la chambre, des chambellans, des généraux et des chevaliers des ordres de Danebrog et de l'Eléphant. Le prince Frédéric de Hesse, le prince de Beveren, le prince Emile de Holstein-Augustenbourg, le duc de Holstein-Glucksbourg et le frère du roi précédaient le dais sous lequel était le roi. Il était dans tous les ornements royaux. Le comte Daneskiold-Samsœe, vice-grand-amiral, portait la queue du manteau royal et M. de Reventlau, grand-chambellan, portait celle du talar. La reine venait immédiatement après le roi, menée par le prince Charles de Hesse. Elle avait aussi la couronne sur la tête. La queue de son manteau était portée par la maréchale de St-Germain, et celle de sa robe par sa grande gouvernante, Mme de Plessen. Le dais du roi était porté par quatre chevaliers de l'ordre de l'Eléphant et celui de la reine par quatre chevaliers de Danebroge. Les dames terminaient la marche, ce qui faisait un beau coup d'œil. Le service divin dura près de quatre heures. L'évêque de Zélande officia. Il était assisté des évêques de Christiania et de Fionie. Lorsque le temps de l'onction fut venu, le roi s'approcha de l'autel et, s'étant mis à genoux, l'évêque de Zélande l'oignit au front, à la poitrine et au poignet droit. La reine ne fut ointe qu'au front et à la poitrine. Le Te Deum étant chanté, on retourna au château dans le même ordre qu'on était venu, où le roi, s'étant reposé pendant une demi-heure, se mit à table avec la famille royale. Il avait à sa droite la reine régnante et à sa gauche la reine grand' mère. Le prince Frédéric était assis entre la reine régnante et la grand' tante du roi, la princesse Charlotte-Amélie.

La princesse de Hesse était à côté de la reine grand'mère. Les princesses du sang dinèrent avec les chevaliers de l'ordre de l'Eléphant à la première table du maréchal. Il y avait encore plusieurs autres tables, auxquelles tous ceux qui avaient assisté à la cérémonie furent invités. Le roi s'étant levé de table, on jeta de l'argent au peuple, et on voitura sur la grande place devant le château un bœuf rôti qu'on donna au peuple, et deux fontaines de vin coulèrent fort avant dans la nuit. Le lendemain, il y eut spectacle français, et, deux jours après, bal masqué, par où finirent toutes les fêtes.

L'extrême bonté qui porte Votre Altesse Impériale à prendre intérêt à ce qui me regarde semble me permettre de lui faire un petit détail de mes études. Le principal but de mes voyages étant de faire quelques progrès dans les sciences nécessaires à mon futur bien-être, j'emploie mon temps le plus utilement que je puis. Je me lève tous les jours à 6 heures du matin. J'apprends la morale, depuis 7 jusqu'à 8; depuis 8 jusqu'à 9, la langue latine; depuis 9 jusqu'à 10, les mathématiques; depuis 10 jusqu'à 11, je m'exerce à traduire du latin en allemand et de l'allemand en latin, et, de 11 heures jusqu'à midi, je l'emploie à ma toilette. A midi vient le maître de la langue française. Les après-midi, j'apprends, trois jours de la semaine, depuis 4 heures jusqu'à 5, à jouer du clavecin et, les autres trois jours, à faire des armes. Mon heure d'histoire et de géographie est de 5 à 6. Je monte aussi trois fois par semaine à cheval, au manège du roi, depuis 7 heures du matin jusqu'à 9. Notre colonie est assez grande, car outre M. Teplov qui est venu avec nous, M. de Saldern a permis que deux gentilshommes russes, M.M. de Kochelev et de Bibikov, que M. de Philosophov avait amenés avec lui, profitent aussi de nos leçons. Cela nous est à tous d'une très grande utilité, car cela nous donne de l'émulation et de l'envie de nous surpasser les uns les autres par notre application aux études et notre bonne conduite. Mais ce qui contribue le plus à nous rendre diligents, c'est qu'on nous examine chaque mois

dans toutes les sciences ci-dessus nommées, et, outre cela, chacun de nos maîtres donne à M. de Saldern, tous les huit jours, un rapport où est détaillée notre conduite et notre application pendant la semaine. M.M. de Saldern et de Philosophov sont partis pour le Holstein, où ils prendront les eaux, en attendant l'arrivée du roi, qui partira d'ici le 10 du mois prochain. M. de Saldern a eu la bonté de nous laisser pendant son absence monsieur son frère, qui se donnè toutes les peines du monde pour former notre cœur et orner notre esprit. Copenhague me plaît passablement, et je jouirais d'un contentement parfait, si tous mes désirs ne tendaient qu'à revoir ma chère patrie et pouvoir assurer de vive voix Votre Altesse Impériale du très profond respect, avec lequel j'ai l'honneur d'être......

[Переводъ]. Примите изъявленія моей всеподданнѣйшей благодарности за милостивое письмо отъ 21 февраля, которымъ ваше императорское высочество меня удостоили. Не сумѣю вамъ выразить своей радости при полученіи этого письма. Какъ мнѣ пріятно видѣть, что ваше императорское высочество удостоиваетъ меня еще своими милостями! Я проникнутъ живѣйшей благодарностью, которую буду чувствовать всю свою жизнь.

Хотя вашему высочеству уже достаточно извѣстны церемоніи, сопровождавшія коронованіе короля, тѣмъ не менѣе позвольте мнѣ послать вамъ сегодня маленькое описаніе ихъ.

Въ назначенный для этой церемоніи день, 1 мая, собрались при дворѣ въ 10 часовъ утра придворные кавалеры въ пріемной короля, а дамы въ пріемной королевы. Шествіе началось въ 12 часовъ. Оно открылось низшими придворными чинами, за которыми слѣдовали совѣтники, камеръ-юнкеры, камергеры, генералы и кавалеры орденовъ Данброга и Слона. Принцы Фридрихъ гессенскій, беверенскій, Эмилій гольштейнъ-аугустенбургскій, герцогъ гольштейнъ-глюксбургскій и братъ короля предшествовали балдахину, подъ которымъ шелъ король. На немъ были всѣ знаки королевскаго достоинства. Графъ Данскіольдъ-Самсоэ, вице-генералъ-адмиралъ, несъ шлейфъ королевской мантіи, а г. Ревентлау, великій камергеръ, несъ шлейфъ талара. Королева слѣдовала непосредственно за королемъ подъ руку съ принцемъ Карломъ гессенскимъ. Она была также въ коронѣ. Шлейфъ ея мантіи несла супруга гофмаршала Сентъ-Жерменъ, а шлейфъ платья старшая ея гувернантка m-me Плэсcенъ. Балдахинъ короля несли четыре кавалера ордена Слона, а балдахинъ королевы—четыре кавалера ордена Данброга. Дамы заключали шествіе, чтó представляло красивое зрѣлище. Церковная служба продолжалась около 4-хъ часовъ. Служилъ епископъ зеландскій съ двумя епископами: Христіаніи и Фіоніи. Когда настало время помазанія, король приблизился къ алтарю и, ставъ на колѣна, принялъ помазаніе отъ епископа зеландскаго; ему помазали лобъ, грудь и правую руку, королевѣ—только лобъ

и грудь. Послѣ молебна тѣмъ же порядкомъ возвратились въ замокъ, гдѣ, отдохнувъ съ полчаса, король сѣлъ за столъ съ членами королевской семьи. По правую руку отъ него сидѣла царствующая королева, а по лѣвую—королева-бабушка. Принцъ Фридрихъ сидѣлъ между царствующей королевой и бабушкой короля, принцессой Шарлотой-Амаліей. Принцеса гессенская сидѣла возлѣ королевы-бабушки. Принцессы крови обѣдали съ кавалерами ордена Слона за первымъ столомъ гофмаршала. Было и еще нѣсколько столовъ, за которые были приглашены всѣ присутствовавшіе при церемоніи. Когда король всталъ изъ-за стола, народу стали бросать деньги и привезли на большую площадь передъ замкомъ жаренаго быка, который отдали народу, при чемъ два фонтана вина били далеко за полночь. На другой день былъ французскій спектакль, а два дня спустя костюмированный балъ, чѣмъ и закончились всѣ празднества.

Чрезмѣрная доброта, побуждающая ваше императорское высочество интересоваться тѣмъ, чтó меня касается, какъ бы разрѣшаетъ мнѣ дать вамъ краткій обзоръ моихъ занятій.

Такъ какъ главнѣйшая цѣль моего путешествія заключается въ пріобрѣтеніи познаній въ наукахъ, необходимыхъ для моего будущаго благосостоянія, то я стараюсь, какъ возможно полезнѣе, употреблять свое время. Я встаю ежедневно въ 6 часовъ утра, отъ 7 до 8 занимаюсь правомъ, съ 8 до 9 латинскимъ языкомъ, съ 9 до 10 математикой; съ 10 до 11 упражняюсь въ переводахъ съ латинскаго на нѣмецкій языкъ и обратно, а часъ, отъ 11 до 12, употребляю на свой туалетъ. Въ 12 часовъ приходитъ учитель французскаго языка. Послѣ обѣда съ 4 часовъ до 5 я три раза въ недѣлю беру уроки на клавикордахъ и 3 раза уроки фехтованія. Урокъ исторіи и географіи назначенъ отъ 5 до 6. Три раза въ недѣлю я ѣзжу верхомъ въ королевскомъ манежѣ съ 7 до 9 часовъ утра. Наша колонія довольно велика, такъ какъ, не считая пріѣхавшаго съ нами Теплова, г. де-Сальдернъ позволилъ двумъ русскимъ дворянамъ, Кошелеву и Бибикову, привезеннымъ съ собой г. Философовымъ, принять участіе въ нашихъ урокахъ. Это намъ всѣмъ очень полезно, возбуждая наше соревнованіе и желаніе превзойти другъ друга прилежаніемъ въ наукахъ и добромъ поведеніи. Но чтó особенно способствуетъ нашему усердію, это то, что насъ каждый мѣсяцъ экзаменуютъ изъ всѣхъ вышепоименованныхъ предметовъ, и, кромѣ того, каждый изъ нашихъ учителей подаетъ г. де-Сальдерну еженедѣльный подробный отчетъ о нашемъ поведеніи и прилежаніи въ продолженіе недѣли. Гг. де-Сальдернъ и Философовъ уѣхали въ Голштинію, гдѣ будутъ пить воды въ ожиданіи короля, который выѣдетъ отсюда 10 будущаго мѣсяца. Г. де-Сальдернъ былъ такъ добръ, что оставилъ намъ въ свое отсутствіе своего брата, который прилагаетъ всѣ усилія, чтобы образовать наше сердце и умъ.

Копенгагенъ мнѣ до извѣстной степени нравится, и я былъ былъ бы совершенно доволенъ, если бы всѣ мои желанія не клонились лишь къ тому, чтобъ увидѣть вновь дорогое отечество и лично засвидѣтельствовать вашему императорскому высочеству мою наиглубочайшую преданность.

[Надеждинскій архивъ кн. Θ. А. Куракина. Т. 110 „Brouillons de quelques-unes de mes lettres. 1767—1773 гг.“, стр. 7—14; № хрон. описи 11897].

916. Контрактъ о починкѣ надъ гробницами князей Куракиныхъ въ Чудовѣ монастырѣ желѣзной крыши.

1767 г. мая 2.

1767 г. мая 2 дня Московской главной артиллеріи кузнецъ Иванъ Ильинъ договорился я дома ихъ сіятельствъ малолѣтнихъ князь Александръ Борисовича Куракина съ братьями съ служителемъ Иваномъ Соловьевымъ въ томъ, что въ Чудовѣ монастырѣ надъ гробами ихъ сіятельствъ имѣвшую желѣзную крышку, которую нынѣшнею весною съ церковной Архангела Михаила крышки снѣгомъ попортило, то мѣста всѣ, обрешетя желѣзными стропилами, листовымъ желѣзомъ покрыть, а вмѣсто старыхъ нецѣльныхъ мѣстъ новыми цѣлыми листами покрыть все изъ своего матеріала, и ту крышку сдѣлать по указанію архитектора г. Плюскова, а за означенную работу получить изъ дома ихъ сіятельствъ денегъ 16 рублевъ; въ то число напередъ получилъ я 10 рублевъ. А достальные получить мнѣ по заработѣ. Въ чемъ сіе договорное письмо ему, Соловьеву, я, Ильинъ, далъ.

Къ сему договорному письму вмѣсто означеннаго кузнеца Ивана Ильина въ томъ, что онъ вышеписанную работу сдѣлать подрядился и денегъ въ задатокъ 10 рублевъ принялъ, шуринъ его Сергѣй Петровъ руку приложилъ.

По сему договору достальные 6 рублевъ я, Ильинъ, принялъ и росписался шуринъ его Сергѣй Петровъ.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 1369 „Контракты, договоры и условія съ 1765 г. по 1795 г.“, стр. 43; № хрон. описи 11999].

917. К. И Остенъ-Сакенъ—кн. Александру Борисовичу Куракину.

1767 г. іюня 7. Москва.

Le séjour de Moscou n'a absolument rien d'attrayant pour moi, et je désire avec impatience le temps destiné à notre départ. Il n'est pas difficile de faire ici des connaissances, mais il faut être tout-à-fait libre pour pouvoir courir partout. M. Ruben et le marquis Maruzzi trouvent Moscou plus amusant que Pétersbourg. Ils sont connus dans plusieurs maisons

et partout bien reçus. Il paraît par ce que vous me dites de Moscou que vous aimez encore beaucoup l'air natal et que vous seriez diablement tenté d'y être. Serait-ce pour abandonner tout ce que vous avez si bien commencé dans les pays étrangers, et pour vous laisser maîtriser de nouveau par les bons principes de vos chers compatriotes mal élevés? Non, mon cher Prince, je n'en crois rien: vous pensez mieux.

Le comte Rasoumovski n'est pas revenu avec son père. C'est M. Teplov qui s'est chargé de votre lettre pour la lui envoyer. Je crois qu'il est à Turin. Quel intérêt avez-vous dans la maison du comte Chérémétev? Sa fille cadette sera longtemps mariée avant que vous reveniez. Vous trouverez bien une femme, s'il faut se marier absolument. Son Altesse Impériale vous aime toujours. Mais d'où vient que vous ne me dites pas si vous avez reçu la lettre qu'elle vous a fait la grâce de vous écrire? Mme et M. Ostervald vous font bien des compliments, ainsi que nos autres messieurs. Ils logent dans le jardin, dans une maison à part, contents et s'aimant beaucoup. Bariatinski est à la campagne [à] 12 v. d'ici avec la princesse. Il vit bien et a grande raison de le faire. Il est mon ami, et j'y vais quelquefois. Faites à M. Firks mes très humbles compliments et félicitations sur la nouvelle marque de distinction que sa Majesté Royale vient de lui donner.

Le 24 avril, arriva ici le ministre résident de Pologne, M. Psarsky. Le 25, mourut ici la maréchale comtesse de Saltikov. Le 28, Sa Majesté Impériale partit pour Tver et, de là, sur la Volga pour Kazan. Voici sa suite: des dames il n'y a que les deux freuleins Stackelberg et Polianski; les comtes Grigorii et Vladimir Orlov (le comte Alexis devait en être, mais il tomba malade et n'est pas encore tout-à-fait rétabli), le comte Zakhar Tchernichov, Elaguine, Kouzmine, Volkov, le grand maître de la police Tchitchérine, le lieutenant-général Bibikov, les chambellans comte Chouvalov et Boudlanski, le maréchal de la Cour Orlov, le gentilhomme de chambre Serguéi

Vsévolojski, le capitaine-lieutenant des gardes Nolken. Sa Majesté Impériale ainsi que sa suite s'occupent à traduire en russe *Bélizaire,* livre qui traite du gouvernement, de la religion, de la tolérance, etc., et qui est défendu en France. Chacun a pris un chapitre: le IXe est traduit par Sa Majesté Impériale. Ce livre sera dédié à l'archevêque de Tver, homme d'esprit, et, au lieu des noms des traducteurs, on mettra: *Traduit sur la Volga.* Le 2 mai, les ministres étrangers partirent pour Iaroslavl, pour faire leur cour à sa Majesté Impériale. Ils eurent l'honneur de l'accompagner jusqu'à la ville de Kostroma; ils revinrent le 18, contents et chantant les éloges de la souveraine. Le 9, M. Teplov partit pour ses terres en Oukraïne. Il sera de retour avec sa famille, à l'arrivée de sa Majesté Impériale, qui sera entre le 15 et le 20 de ce mois. Le 14, arrivèrent ici le chambellan Keyzerling, comme député de la confédération des dissidents de Pologne, et le secrétaire Weichman, des villes de Dantzick, Elbing et Thorn. Il y a, deux fois par semaine, opéra-comique et comédie russe et, une fois, comédie française; deux fois par semaine, promenade publique au jardin de la Cour. Son Altesse Impériale monte quelquefois à cheval. C'est tout, mon cher Prince, ce que j'ai à vous dire. Qui sont les beautés que vous ne voulez pas me nommer? Est-ce qu'elles vous intéressent? En ce cas-là, je voudrais bien les connaître, et vous avez tort de me les cacher.

[Переводъ]. Пребываніе въ Москвѣ рѣшительно не имѣетъ ничего привлекательнаго для меня, и я съ нетерпѣніемъ ожидаю время, назначенное для нашего отъѣзда. Здѣсь нетрудно пріобрѣсти знакомства, но надо быть совершенно свободнымъ, чтобы бѣгать повсюду. Г. Робенъ и маркизъ Маруцци находятъ, что въ Москвѣ гораздо веселѣе, чѣмъ въ Петербургѣ. Они знакомы со многими домами и вездѣ хорошо приняты. По тому, что вы мнѣ пишете о Москвѣ, надо предполагать, что вамъ еще очень пріятенъ дымъ отечества, и что вамъ бы дьявольски хотѣлось быть здѣсь. Неужели вы способны бросить все то, что вы такъ хорошо начали въ чужихъ краяхъ, и опять подпасть подъ вліяніе добрыхъ совѣтовъ вашихъ милыхъ соотечественниковъ, столь плохо воспитанныхъ? Нѣтъ, дорогой князь, я этому не вѣрю; вы должны лучше разсуждать.

Графъ Разумовскій не воротился съ своимъ отцомъ, такъ что Тепловъ взялся переслать ему ваше письмо. Кажется, онъ въ Туринѣ. Что васъ

притягиваетъ въ семействѣ графа Шереметева? Его младшая дочь выйдетъ замужъ гораздо ранѣе вашего возвращенія сюда. Вамъ будетъ весьма нетрудно достать себѣ жену, если уже надо непремѣнно жениться. Его императорское высочество по прежнему къ вамъ расположенъ, но почему не увѣдомляете вы меня, получили ли вы письмо, которое онъ соблаговолилъ вамъ написать? Остервальды, мужъ и жена, усердно вамъ кланяются, равно какъ и остальные. Они живутъ въ отдѣльномъ домѣ, въ саду; они счастливы и очень любятъ другъ друга. Барятинскій съ женою въ деревнѣ, въ 12-ти верстахъ отсюда. Ему живется хорошо, и не мудрено. Онъ изъ числа моихъ друзей, и я иногда ѣзжу къ нему. Поздравьте отъ меня г. Фиркса по поводу новаго отличія, пожалованнаго ему его королевскимъ величествомъ.

24-го апрѣля прибылъ сюда польскій министръ-резидентъ Псарскій. 25-го умерла жена фельдмаршала графиня Салтыкова. 28-го ея императорское величество отбыла въ Тверь, а оттуда по Волгѣ въ Казань. Вотъ лица ея свиты: изъ дамъ только двѣ фрейлины, Штакельбергъ и Полянская, затѣмъ графы Григорій и Владиміръ Орловы (графъ Алексѣй долженъ былъ тоже находиться въ этомъ числѣ, но заболѣлъ и до сихъ поръ еще не поправился), графъ Захаръ Чернышовъ, Елагинъ, Кузьминъ и Волковъ, оберъ-полицеймейстеръ Чичеринъ, генералъ-лейтенантъ Бибиковъ, камергеры графъ Шуваловъ и Будлянскій, маршалъ двора Орловъ, камеръ-юнкеръ Сергѣй Всеволожскій и капитанъ-лейтенантъ конно-гвардейскаго полка Нолькенъ. Императрица съ своей свитой занимаются переводомъ на русскій языкъ „Велизарія",—книги, трактующей о правленіи, религіи, вѣротерпимости и т. п. и запрещенной во Франціи. Каждый взялъ себѣ по главѣ; 9-ую переводитъ ея императорское величество. Эта книга будетъ посвящена тверскому епископу, человѣку большого ума, а вмѣсто именъ переводчиковъ поставятъ: „Переведена на Волгѣ". 2-го мая иностранные министры отправились въ Ярославль, чтобы привѣтствовать ея величество. Они имѣли честь сопровождать ее до Костромы и возвратились 18-го числа, довольные и восхваляя государыню. 9-го Тепловъ уѣхалъ въ свои малороссійскія помѣстья. Онъ возвратится съ семействомъ къ пріѣзду ея величества, который назначенъ между 15-мъ и 20-мъ числами этого мѣсяца. 14-го пріѣхали сюда камергеръ Кейзерлингъ въ качествѣ депутата отъ польскихъ диссидентовъ и секретарь Вейхманъ отъ городовъ Данцига, Эльбинга и Торуни. Здѣсь два раза въ недѣлю даются комическая опера и русская комедія и одинъ разъ французская. Два раза въ недѣлю бываетъ общественное гуляніе въ дворцовомъ саду. Его высочество катается иногда верхомъ.

Кто эти красавицы, которыхъ вы не хотите мнѣ назвать? Развѣ вы ими интересуетесь? Въ такомъ случаѣ мнѣ очень бы хотѣлось ихъ узнать, и вы напрасно отъ меня это скрываете.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 427 „Lettres de M. de Sacken et de Bezborodko. 1766—1780 гг.", стр. 26—27; № хрон. описи 12013].

918. Н. И. Остенъ-Сакенъ—кн. Александру Борисовичу Куракину.

1767 г. ноября 8. Москва.

on intention n'a jamais été, mon cher Prince, de vous causer la moindre gêne par notre correspondance. Je ne la demandè pas si exacte de votre part, je suis content de savoir que vous vous portez bien et que vous avez de l'amitié pour moi. Voilà ce qui m'intéresse. Vous en êtes persuadé, mon cher Prince, par les sentiments que vous me connaissez, et je me flatte de vous en convaincre davantage à votre retour, qui, dès le premier moment, n'a pas été un mystère pour nous. Nous en sommes tous charmés, d'autant plus que vos bonnes qualités vous ont déjà devancé ici. On ne parle que de votre application. Jugez de la joie que vos vrais amis en ressentent. Je n'ai pas besoin de me nommer, mais il faut que, pour votre grande satisfaction, je vous nomme une personne dont l'amitié vous fait tant d'honneur: c'est Son Altesse Impériale, qui s'est beaucoup réjouie de votre prochain retour, persuadée de vous revoir entièrement changé à votre avantage. Je ne crains plus pour vous, mon cher Prince, étant sûr que vous surpasserez notre attente. Voyez quelle opinion j'ai de vous! Revenez donc bien vite, et faites en sorte que vous soyez à Pétersbourg au mois de février, temps dans lequel nous y serons aussi.

Il faut bien que je vous dise quelques nouvelles qui vous intéressent pour rendre ma lettre plus agréable. Das gnädige Fräulein Stackelberg empfiehlt sich Ihnen; ihre jüngste Schwester ist auch Hoffräulein. Vous savez déjà sans doute la mort de Mme la comtesse Chérémétev, celle de la comtesse Maria Pétrovna .....chev, morte de la petite vérole; la mort des maréchaux prince Troubetskoï et comte Munnich, celle de la vicomtesse de la Herreria, après une perte de sang et une fausse couche. Le conseiller privé Soba-

kine a été fait sénateur. Baron Pahlen vous aura dit toutes nos nouvelles. Le 4 de ce mois, furent célébrées à la Cour les noces de la Hoffräulein Elisabeth Nicolaévna Tchoglokov avec le lieutenant des gardes M. Zagriajski. Dimanche prochain, Mlle Téplov sera mariée.

[Переводъ]. Дорогой князь. Я никогда не имѣлъ ни малѣйшаго желанья досадить вамъ нашей перепиской. Я и не требую отъ васъ аккуратности; я бываю доволенъ, когда узнаю, что вы здоровы и любите меня. Вотъ, что меня интересуетъ. Вы должны быть убѣждены въ этомъ, зная мои чувства, и я льщу себя надеждой, что докажу вамъ это на дѣлѣ по вашемъ возвращеніи, которое ни на минуту не было тайной для насъ. Мы всѣ въ восторгѣ отъ него, тѣмъ болѣе, что слухъ о вашихъ достоинствахъ опередилъ васъ сюда. Только и разговору, что о вашемъ прилежаніи. Судите о радости, испытываемой вашими истинными друзьями. Мнѣ нечего указывать вамъ на себя, но ради вашего полнѣйшаго довольства я долженъ назвать одно лицо, дружба котораго приноситъ вамъ столько чести. Это его императорское высочество, который очень радуется вашему скорому возвращенію, будучи убѣжденъ, что вы совершенно измѣнились къ лучшему. Я болѣе не боюсь за васъ, любезный князь, и увѣренъ, что вы превзойдете наши ожиданія. Видите ли вы, какого мнѣнія я о васъ! Возвращайтесь же скорѣе и постарайтесь такъ устроить, чтобы попасть въ Петербургъ въ февралѣ, когда и мы тамъ будемъ.

Однако мнѣ слѣдуетъ сообщить вамъ нѣсколько новостей, чтобы сдѣлать мое письмо болѣе пріятнымъ. Фрейлина Штакельбергъ кланяется вамъ; ея младшая сестра также назначена фрейлиной. Вы уже, конечно, знаете о смерти графини Шереметевой и графини Марьи Петровны .....шевой, умершей отъ оспы. Умерли фельдмаршалы князь Трубецкой и графъ Минихъ, а также виконтесса де-ля-Херреріа отъ потери крови при неудачныхъ родахъ. Тайный совѣтникъ Собакинъ произведенъ въ сенаторы. Баронъ Паленъ, вѣроятно, сообщилъ вамъ всѣ наши новости. 4-го текущаго мѣсяца была отпразднована свадьба фрейлины Елизаветы Николаевны Чоглоковой съ поручикомъ гвардіи Загряжскимъ. Будущее воскресенье обвѣнчается дѣвица Теплова.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 427 „Lettres de M. de Sacken et de Bezborodko. 1766–1780 гг.,“ стр. 28—30; № хрон. описи 12053].

919. Протокольная записка опредѣленныхъ къ молодымъ князьямъ Куракинымъ опекуновъ вслѣдствіе сдѣланнаго ими сего ноября 22-го дня общаго протокола о денежномъ доходѣ и расходѣ по дому тѣхъ князей съ начала опекунства и вступленія къ управленію ихъ имѣніемъ, а равнымъ образомъ и о долгахъ, оставшихъ на нихъ, князьяхъ, послѣ ихъ отца, и о всѣхъ послѣдовавшихъ по сему дому сего ноября по 1-ое число обстоятельствахъ, касательно имѣнія оныхъ князей.

1767 г. ноября 22.

1. Въ какомъ состояніи тотъ домъ по кончинѣ ихъ родителя остался, и какой опекуны раздѣлъ съ бабкою, теткою и матерью ихъ

въ недвижимомъ и движимомъ имѣніи сдѣлали, о томъ въ сочиненномъ опекунскомъ протоколѣ генваря 5-го числа 1765 г. и общемъ раздѣлѣ обстоятельно описано. А по тому досталось тѣмъ князьямъ недвижимаго имѣнія въ великороссійскихъ уѣздѣхъ—6913, въ Ингерманландіи—1163, итого—8076 душъ, да въ украинскихъ валуйскихъ слободахъ 625 хатъ черкасъ. Съ нихъ со всѣхъ, по тогдашнему положенію, было обыкновеннаго денежнаго окладного годового прихода, съ примѣрнымъ включеніемъ съ ингерманландскихъ крестьянъ 1000 р., всего только 7513 р. 38 к.

2. Всѣхъ долговъ, по сочиненному тогда реестру изъ найденныхъ въ домѣ записокъ и изъ настоящихъ документовъ, оказалось 208577 р. $86^1/_2$ к., да послѣ онаго явилось 11898 р. 35 к., а всего 220476 р. $21^1/_2$ к., но, по сдѣланнымъ выправкамъ, найдено въ томъ числѣ при жизни родителя ихъ заплаченныхъ и вдвойнѣ написанныхъ 2444 р. 20 к., да такихъ 11000 р., которыхъ и донынѣ требованія о платежѣ ни отъ кого не было, и кои изъ долга выключены. Затѣмъ же, дѣйствительно, состояло того долга 207032 р. $1^1/_2$ к.; съ нихъ ежегодно должно было указныхъ платить процентовъ по 12421 р. 92 к.; слѣдовательно, и на оные обыкновенныхъ годовыхъ доходовъ недоставало 4908 р. 54 к.; кромѣ же сего требовалось содержаніе самихъ тѣхъ молодыхъ князей и собственныхъ ихъ людей.

3. Опекуны, видя сихъ осиротѣвшихъ въ малолѣтствѣ дѣтей въ столь чрезвычайномъ и превосходящемъ одними только процентами ихъ годовой доходъ долгѣ и стараясь скорѣе ихъ избавить изъ онаго, изыскивали средства ко вспоможенію, но кромѣ того, чтобы не отдѣлить часть изъ ихъ недвижимаго имѣнія на продажу, другого способа не находили, для чего и принуждены были назначить въ продажу состоявшій за ними въ С.-Петербургѣ на Невѣрѣкѣ каменный домъ, который и самъ ихъ покойный отецъ намѣреніе имѣлъ продать, въ Ингерманландіи—Гатчинскую мызу, какъ совсѣмъ тогда безполезную, по случаю худого и бѣднаго состоянія тамошнихъ крестьянъ, и нѣкоторыя деревни въ великороссійскихъ уѣздѣхъ. А потому и продали изъ нихъ за такія сходныя цѣны, какихъ больше ни отъ кого получить было не можно: домъ въ С.-Петербургѣ за 45000 р., Гатчинскую мызу за 44000 р., въ Рузскомъ уѣздѣ сельцо Морево за 14000 р.; загородное, въ Москвѣ, самарское мѣсто за 320 р., итого на 103320 р.; да, сверхъ того, исходатайствовали за взятый въ вѣдомство главной полицеймейстерской канцеляріи для ломки на назначенную вновь по плану улицу каменный домъ, застроенный въ С.-Петербургѣ на пожарищѣ близъ Ма-

дой Морской улицы, такое число, во что онъ построенiемъ сталъ,— 2612 р. 44 к. Итакъ, за тѣ вотчины и домы вступило въ 1765 г. 89000 р., въ 1766 г.—17632 р. да въ нынѣшнемъ году—320 р., а всего 106952 р. 44 к.

4. Графъ Никита Ивановичъ и графъ Петръ Ивановичъ Панины, примѣтя, что ни сею суммою, ни вступаемыми доходами не можно было скорѣйшимъ образомъ знатнаго числа долга уплатить и тѣмъ уменьшить платимые ежегодно проценты, дали сами собственныхъ своихъ денегъ въ заемъ въ 1765 г.: графъ Никита Ивановичъ безъ всякихъ процентовъ—20000 р., а графъ Петръ Ивановичъ—18000 р., изъ нѣкоторыхъ только процентовъ. Сверхъ же того, съ общаго всѣхъ опекуновъ согласiя, заняли у генералъ-поручика Брандта въ 1766 г. 5000 р. и умножили съ того же года на крестьянъ оброчныя деньги, которыхъ съ оставшихъ за продажею вотчинъ исчислялось до 10000 р. на годъ. Къ тому еще старанiемъ ихъ же, опекуновъ, доставили изъ рода Салтыковыхъ принадлежащихъ тѣмъ князьямъ родовыхъ послѣ прабабки ихъ въ разныхъ уѣздахъ 681 душу и умножили въ пензенскихъ деревняхъ винокуренный заводъ до 6000 ведръ, которыя и обязались ставить въ Саратовъ по 55 к. за ведро.

5. Таковымъ распоряженiемъ, кромѣ вышеписанныхъ суммъ и тѣхъ денегъ, кои въ вотчинахъ на разные расходы употреблены, было еще въ приходѣ: въ 1765 г. какъ съ вотчинъ молодыхъ князей, такъ и съ тѣхъ деревень, кои по раздѣлу бабкѣ, теткѣ и матери ихъ отдѣлены (по тому случаю, что оный годъ вообще весь ихъ домъ былъ содержанъ), оброчныхъ со крестьянъ и съ мельницы 10940 р. 92 к., неокладныхъ за проданный хлѣбъ и лошадей, за поставленное въ казну вино и другихъ званiй доходовъ 11297 р. 35¼ к. да остаточныхъ отъ 1764 г. 359 р. 16¼ к., итого 22597 р. 43½ к.; въ 1766 г. съ однихъ только князей вотчинъ: оброчныхъ 8323 р. 22½ к., неокладныхъ 6724 р. 15 к., итого 15047 р. 37½ к.; въ нынѣшнемъ, 1767 г., ноября по 1-ое число окладныхъ 10768 р. 15 к., неокладныхъ 9750 р. 6½ к., итого 20518 р. 21½ к., а во всѣхъ годахъ всего съ вотчинъ было дохода 58163 р. 2½ к.; съ вышеписанными же занятыми и полученными за проданное имѣнiе суммами—208115 р. 46½ к.

6. Изъ тѣхъ вступившихъ суммъ заплачено во все объявленное время настоящихъ долговъ 165687 р. 46½ к., процентовъ 9049 р. 69¾ к.; издержано на самихъ тѣхъ князей, ихъ бабку, мать и тетку и на построенiе дома бабкѣ и теткѣ 26420 р. 87 к.; употреблено на жалованье дворовымъ людямъ, священникамъ съ причтомъ.

на содержаніе въ Москвѣ шпиталя и на разные мелочные расходы 6265 р. $96^3/_4$ к., а всего 207427 р.

7. За симъ платежомъ осталось на оныхъ князьяхъ долга ноября къ 1-му числу и съ тѣми, что вновь на заплату занаты, 83983 р. 55 к., а кому сколько на какіе сроки, о томъ при сей запискѣ сообщается вѣдомость. Съ нихъ ежегодно нынѣ платить процентовъ слѣдуетъ только 3047 р. 30 к. Недвижимаго имѣнія теперь за ними состоитъ 7239 душъ, да въ валуйскихъ слободахъ черкасъ до 700 хатъ. А какъ со всѣхъ ихъ денежнаго окладного годового дохода по нынѣшнему положенію вступаетъ еще только по 12230 р. 79 к., изъ нихъ же ежегодно употреблять должно на содержаніе самихъ князей, по теперешнему ихъ состоянію, по 2650 р., нынѣ принятому къ управленію дома подполковнику князю Назарову 350 р., людямъ и священникамъ съ причетниками 656 р. 50 к., а всего по 3306 р. 50 к., съ процентными же деньгами по 6360 р. 80 к., то затѣмъ обыкновенныхъ денежныхъ окладныхъ доходовъ безъ другихъ къ умноженію съ деревень промысловъ будетъ только оставаться на платежъ долга по 5879 р. 99 к., которою суммою и невозможно еще до возраста молодыхъ князей, при которомъ они болѣе на себя содержанія востребуютъ, оный оставшій весь долгъ заплатить, а потому опекунскій совѣтъ въ необходимости еще состоитъ всѣми силами стараться какъ удобовозможными промыслами съ деревень доходы умножать, такъ, въ случаѣ непредуспѣнія въ оныхъ, и приступить къ продажѣ еще хотя бы деревень, вновь доставленныхъ имъ изъ рода Салтыковыхъ, разсуждая и наблюдая то, сколько возможно, чтобы хотя сохранить имъ въ капиталъ такое же число недвижимаго имѣнія, сколько за ихъ дѣдомъ было, съ тѣми вотчинами, кои къ нимъ возвратиться имѣютъ послѣ ихъ бабки, матери и тетки, если они только достойное къ нимъ почтеніе сохранятъ.

Графъ Никита Панинъ. Графъ Петръ Панинъ. Александръ Талызинъ. Графъ Федоръ Апраксинъ.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 1370 „Копія съ долгового генеральнаго реестра и опекунскіе протоколы. 1765—1768 гг.", стр. 403—406 и копія стр. 453—457; № хрон. описи 12057].

920. Принцъ мекленбургскій Эрнестъ—кн. Александру Борисовичу Куракину.

1768 г. 11 часовъ вечера. Гамельнъ.

Cher Prince et ami. Si je suivais les sentiments et le mouvement de mon cœur, ma lettre serait remplie de plaintes contre

mon sort et destin qui m'a obligé de quitter le plus cher de mes amis que j'aime au delà de toute expression; mais je sais que les plaintes ne sont que pour ceux qui souffrent et ne peuvent qu'être désagréables au lecteur, et comme je ne cherche qu'à vous amuser en vous faisant penser à moi, je me tais sur ce chapitre, qui, d'ailleurs, serait inépuisable pour moi.

Notre voyage a été des plus heureux; les chemins sont passables. Depuis que j'ai perdu Pyrmont de vue, je ne respire que poudre à canon, mortiers, bombes et fortifications. Toute la journée a été employée à voir ces sortes de choses; les moments que j'ai eus pour moi ont été employés à penser à vous. En avez-vous fait autant? je l'espère ou, du moins, je m'en flatte.

Adieu, il est temps que je me couche; aimez-moi toujours un peu. Je suis à jamais de cœur et d'âme votre fidèle et tendrement attaché ami. Ernest, prince de Mecklembourg.

P. S. Ne montrez ma lettre à personne, excusez mon griffonnage; mes compliments à Saldern. Adieu, cher ami.

[Переводъ]. Дорогой князь и другъ. Если-бъ я слѣдовалъ чувству и влеченію своего сердца, мое письмо было бы наполнено жалобами на мой жребій, заставившій меня покинуть самаго дорогого друга, котораго я люблю несказанно. Но знаю, что жалобы удѣлъ страдающихъ и могутъ быть только непріятны читателю, а такъ какъ я желаю васъ занять, напоминая вамъ о себѣ, то и умалчиваю на этотъ счетъ, тѣмъ болѣе, что эта тема была бы неистощима для меня.

Путешествіе наше было изъ самыхъ счастливыхъ: дороги оказались порядочными; съ тѣхъ поръ, какъ я потерялъ изъ виду Пирмонтъ, я вступилъ въ царство пороха, мортиръ, бомбъ и фортификацій. Весь день былъ употребленъ на то, чтобъ осмотрѣть эти предметы. Въ минуты, которыми я могъ воспользоваться, я думалъ о васъ. Такъ ли и вы поступаете? Надѣюсь или по крайней мѣрѣ льщу себя надеждой, что такъ.

Прощайте: мнѣ пора спать; продолжайте любить меня, хотя немного. Преданный вамъ сердцемъ и душой вѣрный другъ вашъ Эрнестъ, принцъ мекленбургскій.

Не показывайте никому моего письма, простите за мараніе и поклонитесь отъ меня Сальдерну. До свиданія, дорогой другъ.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 972 „Lettres du prince Ernest de Mecklembourg. 1768—1771 гг.", стр. 2; № хрон. описи 12072].

921. Н. И. Остенъ-Сакенъ—кн. Александру Борисовичу Куракину.

1768 г. февраля 1. Москва.

Vous voulez que je vous fasse une petite idée de notre Cour. Que veut dire cette demande? A ce trait je reconnais mon cher prince Kourakin, c'est-à-dire celui de 1765. Vous connaissez les personnes, elles sont les mêmes et n'ont pas changé de sentiments: également prêtes à louer les bonnes actions et à blâmer les mauvaises. M. Stroube est resté à Pétersbourg; c'est tout ce que j'en sais. Le général-major comte Ostermann a reçu le cordon de St-Alexandre, qu'il a eu déjà une fois, et le gouverneur de Kazan Samarine et un président Maslov celui de Ste-Anne. Sa Majesté Impériale partit d'ici le 19 janvier, et est heureusement arrivée, le 23, à Czarskoé-Sélo. Son Altesse Impériale partira d'ici le 5 de ce mois. Je n'ai plus d'autres nouvelles à vous donner.

[Переводъ]. Вы хотите, чтобъ я вамъ далъ маленькое понятіе о нашемъ дворѣ. Что значитъ эта просьба? Узнаю по этой чертѣ своего прежняго милаго князя Куракина, т.-е. Куракина 1765 года. Вы знаете всѣхъ нашимъ придворныхъ; они остались тѣми же и нисколько не измѣнились въ своихъ воззрѣніяхъ, готовые хвалить добрые поступки и порицать дурные. Г. Штрубе остался въ Петербургѣ; вотъ все, что я о немъ знаю. Генералъ-майоръ графъ Остерманъ получилъ ленту Александра Невскаго, которую онъ уже имѣлъ однажды, а губернаторъ Казани Самаринъ и какой-то предсѣдатель Масловъ получили Аннинскія ленты. Ея императорское величество выѣхала отсюда 19 января и счастливо прибыла 23-го въ Царское Село. Его высочество выѣдетъ отсюда 5-го текущаго мѣсяца. Мнѣ нечего вамъ болѣе сообщать.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 427 „Lettres de M. de Sacken et de Bezborodko. 1766—1780 гг.," стр. 31—32; № хрон. описи 12084].

922. Герцогъ мекленбургскій Эрнестъ—кн. Александру Борисовичу Куракину.

1768 г. іюля 7 (18). Ганноверъ.

Cher Prince et ami. J'espère que vous aurez reçu la lettre que je vous ai adressée de Hameln. Je dois encore vous faire

mes excuses de ce qu'elle était si barbouillée et griffonnée: j'étais si fatigué des promenades, et les plumes étaient si mal taillées qu'il n'y a pas, ma foi, de ma faute; je me promets d'ailleurs que vous faites plus d'attention à mon souvenir qu'au style de mes lettres.

Hier, à midi, nous sommes arrivés ici. Mon premier soin a été de faire venir le peintre; le portrait vient d'être commencé, j'ai été assis pendant trois heures, et il réussit merveilleusement bien. Je me fais un sensible plaisir de vous l'offrir vendredi prochain; que ne l'avez-vous déjà actuellement! il vous ferait peut-être penser à moi plus souvent que vous ne [le] faites. Je crains toujours que la belle compagnie de Pyrmont vous fera oublier un ami qui ne respire que pour vous. Pardonnez-moi ce doute, il est l'effet de ma vive amitié et [de mon] tendre attachement pour vous. Je ne puis me refuser de vous répéter sans cesse que je vous aime bien et que je suis de cœur et d'âme votre fidèle et tendrement attaché ami et serviteur. Ernest, duc de Mecklembourg.

P. S. Mes compliments à tous ceux qui se ressouviennent de moi, surtout à Saldern et à la générale Zastrow.

На оборотѣ письма адресъ: A Monsieur le Prince Kourakin. A Pyrmont.

[Переводъ]. Дорогой князь и другъ. Надѣюсь, что вы уже получили мое письмо, посланное мною изъ Гамельна. Я долженъ извиниться передъ вами въ томъ, что оно было такъ нацарапано, но я тогда усталъ отъ прогулокъ, и перья были дурно очинены, такъ что, право, я не очень виноватъ. Къ тому же надѣюсь, что васъ болѣе интересуетъ моя память, нежели слогъ моихъ писемъ.

Вчера въ полдень мы прибыли сюда. Первой моей заботой было послать за живописцемъ: портретъ начатъ и выходитъ поразительно хорошъ; я сидѣлъ болѣе 3-хъ часовъ. Съ большимъ удовольствіемъ представлю его вамъ въ будущую пятницу. Зачѣмъ онъ теперь еще не у васъ, онъ, можетъ быть, заставилъ бы васъ чаще думать о мнѣ! Я все боюсь, что пирмонтское блестящее общество заставитъ васъ забыть друга, который только и дышетъ вами. Простите мнѣ это сомнѣніе: оно есть слѣдствіе моей горячей дружбы и нѣжной привязанности къ вамъ. Не могу отказать себѣ въ желаніи безпрестанно повторять вамъ, что я васъ люблю, и что я сердцемъ и душой искренно преданный вамъ вѣрный другъ и слуга. Эрнестъ, герцогъ мекленбургскій.

Поклонитесь отъ меня всѣмъ, кто помнитъ меня, въ особенности Сальдерну и генеральшѣ Зайтроу.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 972 „Lettres du prince Ernest de Mecklembourg. 1768—1771 гг.“, стр. 8; № хрон. описи 12111].

923. Герцогъ мекленбургскій Эрнестъ—кн. Александру Борисовичу Куракину.

1768 г. іюля 21 (августа 1).

Il n'y avait qu'une lettre de votre part qui pouvait me consoler du chagrin que m'a causé notre séparation: on me l'apporte dans ce moment. Jugez, cher ami, combien je suis pénétré de plaisir et de reconnaissance! Vous m'assurez une satisfaction charmante en me promettant la continuation de votre tendre amitié pour moi, adorable ami; j'en fais autant de bon cœur et je vous proteste que ces sentiments ne finiront qu'avec ma vie.

J'ai joué de malheur le jour de votre départ d'ici; j'étais éveillé, et, au moment que je sortais de ma chambre pour vous dire adieu, l'abominable postillon vous fit partir. Je criais comme un aigle pour l'arrêter, mais l'inhumain ne m'entendait point.

Le prince de Waldeck a passé trois jours à Hanovre; je n'y ai point été, j'étais trop affligé de la perte d'un ami pour avoir pu goûter les amusements bruyants. Je m'amuse à m'entretenir de vous avec mon ami Sprengel, qui vous présente ses respects.

Faites-moi le plaisir de m'écrire si vous resterez encore quelque temps dans le Holstein, et si vous voulez que je vous écrive pendant le grand voyage que vous allez faire, ou si je dois attendre premièrement de vos lettres de Pétersbourg. J'aurais souhaité que vous eussiez fait un petit séjour à Hambourg, vous auriez pu vous faire peindre pour moi; n'oubliez point que vous m'avez fait cette promesse, accomplissez la aussitôt que vous pourrez.

Adieu, aimable Prince, aimez-moi toujours un peu; je suis de cœur et d'âme, avec l'attachement le plus sincère, votre fidèle ami et très humble serviteur. Ernest, duc de Mecklembourg.

P. S. Mes compliments à Saldern. Je vous embrasse mille fois en pensée.

[Переводъ]. Только письмо отъ васъ могло утѣшить меня въ горѣ, причиненномъ мнѣ нашей разлукой. Мнѣ его только что принесли; предоставляю вамъ судить, милый другъ, объ удовольствіи и благодарности, которыя я испытываю; вы даете мнѣ обѣщаніе въ продолженіи своей дружбы ко мнѣ, обожаемый другъ; я отвѣчаю тѣмъ же и увѣряю васъ, что мое чувство къ вамъ покинетъ меня только съ жизнью.

Меня преслѣдовало несчастіе въ день вашего отъѣзда отсюда; я уже проснулся, и въ ту минуту, когда выходилъ изъ своей комнаты, чтобы проститься съ вами, противный почтальонъ васъ увезъ. Я кричалъ, какъ орелъ, чтобъ остановить его, но жестокій не слыхалъ меня. Принцъ вальдекскій провелъ три дня въ Ганноверѣ, но я тамъ не былъ: слишкомъ огорченный потерею друга, я чуствовалъ себя не въ состояніи наслаждаться шумными празднествами и развлекаюсь лишь разговорами о васъ съ своимъ другомъ Шпренгелемъ, который свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе.

Будьте добры сообщить мнѣ, останетесь ли вы еще нѣсколько времени въ Голштиніи и желаете ли, чтобъ я писалъ вамъ въ продолженіе вашего большого путешествія, или мнѣ ждать вашихъ писемъ только изъ Петербурга. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы остановились въ Гамбургѣ: тамъ могли бы нарисовать вашъ портретъ для меня; не забудьте, что вы мнѣ дали это обѣщаніе, и исполните его при первой возможности.

До свиданія, любезный князь, продолжайте любить меня немножко. Остаюсь искренно преданный вамъ сердцемъ и душой вашъ вѣрный другъ и слуга. Эрнестъ, герцогъ мекленбургскій.

Поклонитесь отъ меня Сальдерну. Цѣлую васъ мысленно тысячу разъ.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 972 „Lettres du prince Ernest de Mecklembourg. 1768—1771 гг.“, стр. 4—5; № хрон. описи 12114].

924. Герцогъ мекленбургскій Эрнестъ—кн. Александру Борисовичу Куракину.

1768 г. іюля 29 (августа 9).

Cher Prince et ami. Que je me trouve heureux de ne point mériter les reproches que vous me faites dans votre seconde lettre que je reçois dans ce moment! Je vous ai écrit il y a plus de 8 jours; je maudis de tout mon cœur votre commissionnaire à Hambourg, car je suppose qu'il n'est pas fort expéditif.

Comment pourrais-je être aussi ingrat pour ne point répondre à vos chères lettres, qui me comblent de plaisir? Non, cher ami, je vous aime trop pour laisser passer une occasion de m'entretenir avec vous, pendant que vous êtes encore dans mon voisinage. Hélas! ce temps ne viendra que trop tôt, où nous serons à attendre de vos lettres, car le trajet de Pétersbourg jusqu'à Lille ne sera que trop long pour moi. Je n'aime point à penser à la distance qui sera entre nous, mais qui ne changera pas, j'espère, les sentiments d'amitié que nous avons l'un pour l'autre et dont nous nous sommes juré réciproquement la continuation. Que j'aime à remplir mon engagement! car je vous suis attaché au delà de l'expression, je le sens de jour en jour plus. Vous êtes à la campagne, cher et aimable ami, que n'êtes-vous chez moi? Cela me désole; revenez, je vous tends les bras, contribuez par votre présence à mon contentement. Vains souhaits! peut-être quittez-vous l'Allemagne au moment que vous recevez ma lettre. Je vous conjure, cher ami, ne quittez point avec ce pays les sentiments que vous m'avez marqués. Mais c'est un doute qui doit vous offenser; vous avez le cœur trop bon pour oser le démentir; je suis persuadé que vous vous ressouviendrez de moi. C'est une douce consolation pour moi après vous avoir perdu de vue.

Je pars demain pour la campagne pour voir M. de Grote. Je m'arrêterai quelques jours chez eux pour profiter du beau temps, si jamais nous osons espérer d'en avoir, car, depuis Pyrmont, on ne peut plus sortir de la maison à cause de la pluie qui continue encore.

Mon frère Charles vous fait bien des compliments; je viens de recevoir une lettre de sa part: ses noces se feront en peu de semaines. Beaulieu et sa famille sont, à la fin, de retour; tout se porte bien chez eux, il me fait souvent la cour pour me parler de vous.

Adieu cher et aimable ami, souvenez-vous souvent de moi, comme d'un ami qui ne changera qu'avec sa vie à vous être attaché. Je suis de cœur et d'âme votre fidèle ami et serviteur. Ernest, duc de Mecklembourg.

P. S. Mes compliments à M.M. de Saldern. J'espère que vous ne montrez mes lettres à personne.

[Переводъ]. Дорогой князь и другъ. Какъ я счастливъ, что не заслуживаю упрековъ, которые вы посылаете мнѣ въ своемъ второмъ письмѣ, только что мною полученномъ. Я писалъ вамъ недѣлю тому назадъ и отъ всего сердца проклинаю вашего гамбургскаго комиссіонера, подозрѣвая его въ недостаточной расторопности. Могу ли я быть такимъ неблагодарнымъ, чтобы не отвѣчать на ваши дорогія письма, доставляющія мнѣ столько удовольствія. Дорогой другъ мой, я васъ слишкомъ люблю, чтобы пропустить случай поговорить съ вами, пока вы еще находитесь въ моемъ сосѣдствѣ. Увы, скоро настанетъ то время, когда мы будемъ долго ждать вашихъ писемъ, такъ какъ путь отъ Петербурга до Лилля будетъ мнѣ казаться слишкомъ долгимъ. Мнѣ непріятно думать о разстояніи, которое будетъ между нами, но оно, надѣюсь, не измѣнитъ чувствъ нашей обоюдной дружбы, въ чемъ мы другъ другу поклялись. Какъ мнѣ пріятно исполнять свое обѣщаніе! Я такъ къ вамъ привязанъ, и чувство это ростетъ во мнѣ съ каждымъ днемъ. Вы въ деревнѣ, дорогой другъ. Почему вы не у меня? Это приводитъ меня въ отчаяніе; возвратитесь, я простираю къ вамъ руки, довершите мое удовольствіе своимъ присутствіемъ; напрасныя желанія! Можетъ быть, вы ужё оставляете Германію въ ту минуту, когда получите это письмо. Заклинаю васъ, дорогой другъ, не покинуть вмѣстѣ съ этой страной тѣхъ чувствъ, которыя вы мнѣ высказали. Впрочемъ подобное сомнѣніе можетъ васъ оскорбить: у васъ слишкомъ доброе сердце, и оно не можетъ лгать. Я убѣжденъ, что вы не забудете меня, и это служитъ мнѣ сладкимъ утѣшеніемъ въ томъ, что я потерялъ васъ изъ виду.

Я уѣзжаю завтра въ деревню повидаться съ г. Гротомъ. Я останусь у нихъ нѣсколько дней, чтобы воспользоваться прекрасной погодой, если только мы смѣемъ когда-нибудь надѣяться на это, такъ какъ съ самаго Пирмонта нельзя выйти изъ дома по причинѣ продолжающагося и до сихъ поръ дождя.

Братъ Карлъ вамъ усердно кланяется, я только что получилъ отъ него письмо, его свадьба состоится въ непродолжительномъ времени. Больё съ семьей, наконецъ, воротился. У нихъ всѣ здоровы; онъ часто является ко мнѣ поговорить о васъ.

До свиданья, дорогой другъ, вспоминайте чаще о мнѣ, какъ о другѣ, привязанность котораго останется къ вамъ на всю жизнь. Душой и сердцемъ преданный вамъ вѣрный другъ и слуга Эрнестъ, герцогъ меклембургскій.

Мой привѣтъ гг. Сальдернъ. Надѣюсь, что вы никому не показываете моихъ писемъ.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 972 „Lettres du prince Ernest de Mecklembourg. 1768—1771 гг.", стр. 12—14; № хрон. описи 12115].

925. Герцогъ меклембургскій Эрнестъ — кн. Александру Борисовичу Куракину.

1768 г. августа 9 (20).

Cher Prince et ami. Vous partez donc, vous quittez l'Allemagne, et cela avec regret? Quelle satisfaction pour moi, cher

ami, de vous entendre dire que c'est moi qui vous ai fait aimer ma patrie! C'est le langage de l'amitié et non de la flatterie, j'y reconnais votre noble façon de penser. Que je suis heureux de vous avoir pour ami! quelle douce satisfaction de ne m'avoir point trompé dans mon choix! Vous me rendez le souvenir du séjour de Pyrmont plus cher, c'était le commencement de notre liaison; la mort en sera la fin, pour sûr, de mon côté. Mes souhaits et mes vœux vous accompagnent, je vous suis en idée, et je répète sans cesse que je vous aime; pensez de temps en temps à moi, regardez mon portrait et lisez surtout ce que j'ai écrit dans les tablettes: ces peu de mots sont les règles que je me suis prescrites à votre sujet. Les Grotens ont mille compliments à mon aimable ami. Je suis depuis huit jours chez eux à la campagne; la Schenken y est aussi, nous parlons souvent de vous; ils vous connaissent comme un aimable prince, mais leur estime pour vous s'est accrue depuis que je leur dis que vous savez être ami; quelle belle prérogative que celle-là! il y a peu de monde qui la possède. Adieu, je vous embrasse mille fois en pensée. Souvenez-vous de moi et soyez persuadé que je suis de cœur et d'âme votre fidèle, tendrement attaché ami et serviteur. Ernest, duc de Mecklembourg.

[Переводъ]. Дорогой князь и другъ. Итакъ, вы уѣзжаете, вы покидаете Германію,—и съ сожалѣніемъ. Какъ я доволенъ слышать отъ васъ, что именно я заставилъ васъ полюбить мое отечество. Это рѣчь дружбы, а не лести, и я узнаю въ ней вашъ благородный образъ мыслей. Какъ я счастливъ имѣть васъ другомъ! какъ доволенъ, что не ошибся въ своемъ выборѣ! Вы дѣлаете мнѣ дорогимъ воспоминаніе о моемъ пребываніи въ Пирмонтѣ: оно было началомъ нашей связи, смерть будетъ ея концомъ, по крайней мѣрѣ съ моей стороны. Мои пожеланія сопровождаютъ васъ, я слѣдую за вами мысленно и повторяю безпрестанно, что васъ люблю. Вспоминайте о мнѣ иногда, смотря на мой портретъ и читая то, что я написалъ въ памятной книжкѣ: эти немногія слова заключаютъ въ себѣ тѣ правила, которыми я буду руководствоваться въ своихъ отношеніяхъ въ вамъ.

Семейство Гротъ посылаетъ тысячу привѣтствій моему любезному другу. Вотъ уже недѣля, какъ я у нихъ гощу; г-жа Шенкенъ также тамъ; мы часто говоримъ о васъ; они васъ знаютъ за любезнаго князя, но ихъ уваженіе къ вамъ возросло съ тѣхъ поръ, какъ я имъ сказалъ, что вы умѣете быть другомъ. Какое это чудное преимущество! немногіе изъ людей обладаютъ имъ.

Прощайте, цѣлую васъ мысленно тысячу разъ. Не забывайте меня и будьте увѣрены, что я преданъ вамъ всѣмъ сердцемъ и душой. Искренно привязанный къ вамъ другъ вашъ и слуга Эрнестъ, герцогъ мекленбургскій.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 972 „Lettres du prince Ernest de Mecklembourg. 1768—1771 гг.", стр. 16—17; № хрон. описи 12118].

926. Герцогъ мекленбургскій Эрнестъ—кн. Александру Борисовичу Куракину.

1768 г. сентября 6 (17).

Cher Prince et ami. Je viens de recevoir votre chère lettre de Kœnigsberg; vous êtes bien aimable de me sacrifier les moments de relâche que votre long et pénible voyage vous laisse; je sens tout le prix de cette marque de votre amitié pour moi et vous en fais mes remerciments.

Votre passage de Lille m'a désolé. Aurais-je jamais pu m'y attendre? pourquoi ne m'avez-vous point averti? je serais volé à votre rencontre. Que de regrets pour moi de vous avoir manqué! il y a de la cruauté de votre part, il ne tenait qu'à vous de me rendre heureux; j'ai toujours quelque chose à vous dire, cher ami; l'amitié est à mon avis inépuisable, en fait de conversation, surtout la mienne vis-à-vis de vous: je vous aurais réitéré les sentiments de tendresse que je vous porte, cher Prince, j'aurais été heureux en vous voyant, mais je resterai à faire des plaintes inutiles, le mal est sans remède, consolez-moi par votre cher et précieux souvenir.

Vous me demandez des nouvelles d'Hanovre: mon frère n'y est point encore, ses noces se feront le 20 de ce mois; la société y est très petite, vu que la plupart de la noblesse est à la campagne. Je viens d'y passer quelques jours, à cause d'une belle fête que le comte Plate a donnée; la famille de Kilmansegge est aussi à la campagne, la belle comtesse ne reverra ses adorateurs qu'à la St-Michel. La comtesse Ochnhauren a eu un très beau cheval du prince de Waldeck. La famille de Grote, que j'ai quittée il y a quelques jours, m'a chargé de compliments pour vous. N'oubliez pas, cher ami, de

m'envoyer votre portrait d'abord après votre arrivée. J'espère que le grand monde de Pétersbourg ne vous fera point oublier un ami qui se fait gloire d'être à jamais, avec un attachement inviolable, cher Prince, votre fidèle ami et très humble serviteur. Ernest, duc de Mecklembourg.

P. S. Le colonel Sprengel vous présente ses respects. Rathmann, l'abominable bête, vit toujours et conserve son poste de favori déclaré.

[Переводъ] Дорогой князь и другъ. Я только что получилъ ваше милое письмо изъ Кёнигсберга. Вы очень любезны, что жертвуете мнѣ минутами остановокъ во время вашего длиннаго и тяжелаго путешествія; я вполнѣ цѣню это доказательство вашей дружбы и благодарю васъ за него.

Вашъ проѣздъ чрезъ Лилль привелъ меня въ отчаяніе. Могъ ли я его ожидать? Зачѣмъ вы не дали мнѣ знать? Я полетѣлъ бы къ вамъ на встрѣчу. Это жестоко съ вашей стороны, тогда какъ отъ васъ зависѣло сдѣлать меня счастливымъ. Я всегда имѣю, что вамъ сказать, дорогой другъ; дружба, по моему, неистощима на счетъ разговоровъ, въ особенности моя къ вамъ. Я бы повторилъ вамъ увѣренія въ нѣжныхъ чувствахъ, питаемыхъ мною къ вамъ, и былъ бы счастливъ, видя васъ; но я безполезно жалуюсь: зло непоправимо; утѣшьте меня своею дорогою памятью о мнѣ.

Вы спрашиваете меня объ извѣстіяхъ изъ Ганновера. Моего брата еще тамъ нѣтъ; свадьба его состоится 20-го этого мѣсяца; общество весьма небольшое, такъ какъ большая часть дворянства въ деревнѣ. Я провелъ тамъ нѣсколько дней по случаю великолѣпнаго праздника, даннаго графомъ Плятъ. Семейство Кильмансеггъ также въ деревнѣ; прекрасная графиня увидитъ своихъ поклонниковъ только къ Михайлову дню. Графиня Ошгауренъ получила чудную лошадь отъ принца вальдекскаго. Семейство Гротъ, которое я оставилъ нѣсколько дней тому назадъ, поручило мнѣ кланяться вамъ. Не забудьте, милый другъ, прислать мнѣ свой портретъ тотчасъ по своемъ пріѣздѣ. Надѣюсь, что петербургскій высшій свѣтъ не заставитъ васъ забыть друга, который гордится тѣмъ, что останется навсегда вашимъ вѣрнымъ другомъ и покорнымъ слугой. Эрнестъ, герцогъ мекленбургскій.

Полковникъ Шпренгель свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе. Ратманъ, ужасное животное, все еще живъ и удерживаетъ за собою постъ всѣми признаннаго любимца.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 972 „Lettres du prince Ernest de Mecklembourg. 1768—1771 гг.", стр. 32—34; № хрон. описи 12124].

927. Герцогъ мекленбургскій Эрнестъ—кн. Александру Борисовичу Куракину.

1768 г. ноября 11 (22). Лондонъ.

Cher Prince et ami. Nous voilà bien loin l'un de l'autre! cependant suis-je toujours avec vous en pensée; je vous vois

dans le grand monde, où tout le monde doit vous trouver aimable; je tremble, quand je pense que la variété des plaisirs peut vous faire oublier un ami qui vous aime bien tendrement; donnez-moi donc bientôt la nouvelle que vous pensez encore à moi et aux moments agréables que j'ai passés avec vous.

Je suis depuis trois semaines à Londres. Cher ami, permettez que je vous raconte une disgrâce qui m'est arrivée: en passant la mer, nous avions un vent contraire et si violent qu'on ne pouvait se tenir debout et sans s'accrocher des mains. J'étais donc dans le même cas que les autres, mais j'eus le malheur, cher Prince, aimable ami, de casser en deux la bague que vous m'aviez donnée et où était gravé le jour heureux qui m'avait procuré un ami tel que vous. Si vous m'aimez encore, vous devez m'envoyer d'abord une autre bague, mais n'oubliez pas d'y faire graver le 4 juillet; n'oubliez [pas], non plus, votre portrait que vous m'avez promis, je languis après son arrivée.

Je reste encore deux ou trois mois ici, vous aurez toutes les semaines de mes nouvelles, si je ne vous incommode point. J'ai trouvé ici quelques messieurs russes de votre connaissance. Quel plaisir pour moi de pouvoir m'entretenir avec eux de vous, cher Prince! Je vous réitère, cher ami, les assurances de mon amitié et estime parfaite, et suis de cœur et d'âme votre fidèle ami et serviteur. Ernest, prince de Mecklembourg.

[Переводъ]. Дорогой князь и другъ. Вотъ мы и далеко другъ отъ друга, но въ мысляхъ я всегда съ вами. Я вижу васъ въ большомъ свѣтѣ, гдѣ всѣ должны васъ находить любезнымъ; я дрожу при мысли, что разнообразіе удовольствій можетъ заставить васъ позабыть нѣжно любящаго васъ друга; пришлите же мнѣ поскорѣе вѣсточку о томъ, что вы еще помните меня и тѣ пріятныя минуты, которыя я проводилъ съ вами.

Уже три недѣли, какъ я въ Лондонѣ. Позвольте мнѣ разсказать вамъ, дорогой другъ, о маленькомъ несчастіи, случившемся со мною. Во время нашего переѣзда по морю поднялся такой сильный противный вѣтеръ, что нельзя было устоять на ногахъ, не придерживаясь руками. Я находился въ такомъ же положеніи, какъ и прочіе, но сверхъ того имѣлъ несчастіе, дорогой князь, сломать пополамъ подаренное вами кольцо, въ которомъ былъ выгравированъ счастливый день, доставившій мнѣ такого друга, какъ вы. Если вы меня еще любите, то должны мнѣ прежде всего прислать другое кольцо; но

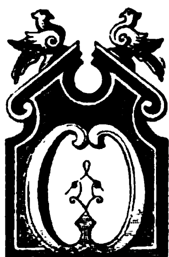
не забудьте велѣть вырѣзать на немъ 4 іюля. Не забудьте также обѣщаннаго вами портрета: я такъ томлюсь въ ожиданіи его.

Я останусь здѣсь еще на два или на три мѣсяца; вы будете получать еженедѣльно извѣстія о мнѣ, если я васъ этимъ не обезпокою. Я нашелъ здѣсь нѣсколько человѣкъ русскихъ, которые васъ знаютъ; какое удовольствіе для меня говорить съ ними о васъ, милый князь! Повторяю вамъ изъявленія своей дружбы и совершеннаго почтенія и остаюсь сердцемъ и душой преданный вамъ другъ и слуга. Эрнестъ, принцъ мекленбургскій.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 972 „Lettres du prince Ernest de Mecklembourg. 1768—1771 гг.“, стр. 20—21; № хрон. описи 12131].

928. Герцогъ мекленбургскій Эрнестъ—кн. Александру Борисовичу Куракину.

1769 г. апрѣля 7 (18). Лондонъ.

n m'apporte dans ce moment une lettre de vous. Quel plaisir pour moi de savoir que mon ami m'aime et se ressouvient de moi! Soyez bien persuadé que je vous paye de retour et que je ne mérite pas les reproches que vous me faites: je vous suis toujours attaché, cher Prince et ami. Mon long silence ne vous surprendrait point, si vous saviez combien peu de temps il me reste dans la semaine pour ma correspondance; le séjour de cette grande ville est si bruyant qu'à peine a-t-on le temps de dormir.

Je passerai tout l'été à la campagne avec le roi et la reine. Remettez votre voyage à l'automne; je serais au désespoir si vous passiez par l'Allemagne sans que j'eusse le plaisir de vous voir et de vous embrasser. Mon cher ami, ne me jouez pas ce tour: ce serait faire injure à l'amitié que je vous porte. Je vous ai déjà manqué une fois, j'en ai encore des regrets; n'allez pas les augmenter, venez l'année prochaine ou à la fin de celle-ci, afin que je puisse jouir de votre compagnie que j'aime tant; le souvenir des moments agréables que j'ai passés avec vous à Pyrmont m'est toujours bien cher, je me les rappelle constamment. J'attends votre portrait avec impatience; le manchon que vous

voulez bien y ajouter me fera beaucoup de plaisir parce qu'il me vient de vous.

Je pourrais vous entretenir longtemps de ma façon de vivre ici, mais cela vous ennuierait; contentez-vous de savoir que les dissipations ne me font point oublier un ami que j'aime, et que je suis à jamais votre fidèle ami et serviteur. Ernest, duc de Mecklembourg.

[Переводъ]. Мнѣ сейчасъ принесли ваше письмо. Какъ я доволенъ знать, что мой другъ меня любитъ и помнитъ! Будьте увѣрены, что я плачу вамъ тѣмъ же и не заслуживаю вашихъ упрековъ; я всегда привязанъ къ вамъ, дорогой князь и другъ. Мое долгое молчаніе не удивило бы васъ, если бы вы знали, какъ мало времени въ продолженіе недѣли остается у меня для моей переписки; пребываніе въ этомъ большомъ городѣ такъ шумно, что едва хватаетъ времени для сна.

Я проведу все лѣто въ деревнѣ съ королемъ и королевой. Отложите свою поѣздку до осени; я былъ бы въ отчаяніи, если бы вы проѣхали черезъ Германію, не доставивъ мнѣ удовольствія васъ видѣть и обнять. Это было бы плохою шуткой съ вашей стороны и оскорбило бы чувство моей дружбы къ вамъ. Я уже пропустилъ одинъ случай васъ видѣть и до сихъ поръ сожалѣю объ этомъ, не прибавляйте же мнѣ огорченій, пріѣзжайте на будущій годъ или въ концѣ этого, чтобъ я могъ насладиться вашимъ обществомъ, которое я такъ люблю. Воспоминаніе о пріятныхъ минутахъ, проведенныхъ съ вами въ Пирмонтѣ, до сихъ поръ мнѣ дорого, и я постоянно о нихъ думаю. Ожидаю съ нетерпѣніемъ вашего портрета; муфта, которую вы собираетесь прислать мнѣ съ нимъ, доставитъ мнѣ большое удовольствіе, какъ подарокъ отъ васъ.

Я могъ бы многое сообщить вамъ о своемъ здѣшнемъ образѣ жизни, но это показалось бы вамъ скучнымъ; довольствуйтесь знать, что, несмотря на развлеченія, я не забываю друга, котораго люблю. Остаюсь на вѣки вѣрный вашъ другъ и слуга. Эрнестъ, герцогъ мекленбургскій.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 972 „Lettres du prince Ernest de Mecklembourg. 1768—1771 гг.“, стр. 24—25; № хрон. описи 12165].

929. Графъ П. И. Панинъ—кн. Александру Борисовичу Куракину.

[177..... г.]

Если вы, мой любезный другъ князь Александръ Борисовичъ, прочли уже взятую отъ меня французскую книгу, то пожалуйте, возвратите её ко мнѣ съ симъ вручателемъ. А ежели еще ея не прочли, то хотя и оставьте у себя, только пожа-

луйте, не кажите ее другимъ никому, а особливо и не отзывайтеся о ней у двора, пачеже у молодыхъ господъ.

Вашъ искренній другъ и слуга готовый Петръ Панинъ.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Томъ 441 „Письма отъ разныхъ особъ. 1771 г.", стр. 116; № хрон. описи 11858].

930. Княжна А. А. Куракина—кн. Александру Борисовичу Куракину.

1770 г. января 6. Москва.

ослѣ 30 сентября я къ вамъ, мой любезный князь Александръ Борисовичъ, три письма писала, будучи въ крайнемъ безпокойствіи, что очень долгое время о васъ извѣстія никакого не имѣла. На послѣднее еще отповѣди ждать не могу, а о тѣхъ сумнѣваюсь, что они до васъ дошли.

Пріятное ваше ко мнѣ приписаніе несказанное мнѣ удовольствіе сдѣлало: во-первыхъ, свѣдала, что вы въ добромъ здоровьѣ и уже привыкли къ своимъ упражненіямъ. Не сумнѣваюсь, чтобы вы ихъ не предпочли прошедшей вашей пышности, узнавъ, сколь они вамъ полезнѣе.

Что же касается князь Степана, я удивляюсь, какія газеты его такъ прославили: до насъ онѣ не дошли. Я вамъ уже сообщала объ этомъ, что, по взятіи Бендеръ, онъ былъ присыланъ съ трофеями, за что никакого награжденія не получилъ, а въ послѣднихъ числахъ прошедшаго мѣсяца выпустили его въ армейскіе капитаны; и топерь порученъ князь Николаю Васильевичу, съ которымъ и въ армію поѣдетъ. Я бы очень желала, чтобы, по окончаніи кампаніи, подумали нѣсколько объ его воспитаніи: кажется, героемъ сдѣлаться ему время не ушло бы, а къ наукамъ привыкать не всегда равно способно, особливо ему, который жестоко неглижированъ. А въ егорьевскихъ кавалерахъ вы не только его не найдете, но и множества тѣхъ, которые дѣйствительно его заслужили во время бендерскаго штурма и, будучи очень хорошо рекомендованы, большей частью ничего не полу-

чили, что до тѣхъ поръ дядю огорчило, что онъ пошелъ въ отставку, чѣмъ, можно сказать, весь свой родъ безпримѣрно огорчилъ. И на дняхъ мы его ожидаемъ сюда на вѣчное житье, не зная притомъ, какъ они здѣсь станутъ привыкать, особливо она со своей нестерпимой спѣсью.

За новое вамъ скажу, что принцъ Генрихъ прусскій сюда на четыре дня пріѣзжалъ, для котораго даны были здѣсь разныя забавы, чѣмъ онъ очень былъ доволенъ, какъ и всѣмъ здѣшнимъ обхожденіемъ.

Въ удовольствіе ваше и о Марьѣ Р[одіоновнѣ] не умолчу тѣмъ, что она не такъ сотворена, чтобы быть чѣмъ-нибудь въ свѣтѣ довольной; для чего всѣ способы употребила его принудить свое состояніе перемѣнить, о чемъ топерь, можетъ, и сожалѣетъ. Только это уже слишкомъ поздно.

Съ наступающимъ днемъ вашего рожденія, любезный другъ, отъ всего сердца поздравляю, желая, какъ нынѣшній, и несчетные годы, впредь идущіе, праздновать этотъ день въ добромъ здоровьѣ и въ совершенномъ благополучіи.

Больше писать топерь время не имѣю: гости мѣшаютъ. Между тѣмъ, вѣрьте, что во мнѣ имѣете себѣ совершеннаго друга и истинную слугу. Княжна Куракина.

Календарей армейскихъ здѣсь прежде лѣта не бываетъ. Когда выйдутъ, стану стараться вамъ его прислать.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 365 „Письма кн. А. Куракиной. 1769—1774 гг.“, стр. 3-6; № хрон. описи 12202].

931. Княжна А. А. Куракина—кн. Александру Борисовичу Куракину.

1770 г. января 28. Москва.

Не знаю, другъ мой сердечный князь Александръ Борисовичъ, застанетъ ли васъ это письмо. Однако на удачу пишу, сказывая вамъ, что нетерпѣливо ожидаю вашего къ намъ пріѣзда. Сердечно жалѣю, что онъ будетъ на такое короткое время.

За стараніе ваше о пересылкѣ къ намъ серебра, любезный другъ, покорно благодарствую. Только мы ничего не получили.

какъ и матушка табакерки съ вашимъ портретомъ не имѣетъ. Жалѣю, что вы этихъ посылокъ не поручили знакомымъ отъ васъ ѣздокамъ, которые завѣрно до насъ ихъ доставили-бъ, а сестра, какъ очень упражнена разными заботами, время не имѣла этого исполнить. Топерь вамъ сказать ничего больше не могу. Люди ваши сегодня пріѣхали. Признаюсь, что они меня очень растрогали и возобновили во мнѣ горесть воображеніемъ, что на вѣкъ лишилася сердечнаго друга. Я же на вѣкъ вамъ истиннымъ есть и буду, какъ и вѣрная слуга. Княжна А. Куракина.

Пожалуйте, увѣдомьте меня на первой почтѣ, какъ назначенъ вашъ отъѣздъ.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 365 „Письма кн. А. Куракиной. 1769—1774 гг.“, стр. 8—9; № хрон. описи 12205].

932. Графъ П. И. Панинъ—кн. Александру Борисовичу Куракину.

1770 г. апрѣля 18. Харьковъ.

асъ, любезный и дорогой князь Александръ Борисовичъ, на теперешнемъ продолженіи пути, хотя заочно и симъ, но всею душою и съ признаніемъ вашей драгоцѣнной къ намъ души, изъявленной особливо въ нынѣшнее со мной разлученіе и чрезъ поѣздку ко мнѣ, обнимая за оное, благодарю. Обнадеживая о всеискреннѣйшемъ моемъ къ себѣ привязаніи, поручаю вамъ въ любовь, дружбу и въ случайное будущее призрѣніе вчерась родившагося моего сына, а вамъ дядю Никиту, желая душевно, чтобы съ возращеніемъ его возросли всѣ тѣ къ вамъ и ко всему вашему дому въ немъ усердія и обязательства, кои онъ отъ меня вмѣстѣ съ жизнью непремѣнно долженъ былъ заимствовать, и чтобы вы, благополучно свидѣвшись въ Москвѣ и въ Петербургѣ со всѣми нашими ближними, оставались во всякомъ мѣстѣ о томъ увѣренными, что никто истиннѣе быть не можетъ, какъ я, на весь вѣкъ чистосердечно вашъ вѣрный другъ. Графъ Петръ Панинъ.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 441 „Письма отъ разныхъ особъ. 1771 г.“, стр. 111; № хрон. описи 12215].

933. Князь Н. В. Репнинъ—кн. Александру Борисовичу Куракину.

1770 г. апрѣля 22. Фокшаны.

мой любезный князь Александръ Борисовичъ. имѣлъ удовольствіе получить на сихъ дняхъ пріятное и мнѣ особливо лестное ваше письмо изъ Харькова, отъ 27 марта. Изъясненія вашей ко мнѣ любови мнѣ были и всегда будутъ сердечнымъ утѣшеніемъ, и можете, конечно, считать, что во мнѣ найдете навсегда и друга себѣ, и истиннаго слугу. Кромѣ свойства и кромѣ той пріязни, которыми вы уже мою къ себѣ искренность пріобрѣтаете, не забуду я николи дружбы покойнаго вашего отца, коею я съ нимъ столь тѣсно связанъ былъ. Слѣдственно, можете вы совершенно увѣрены быть, что, гдѣ бы вы ни были, забвеніе о васъ ни въ моихъ мысляхъ, ни въ моемъ сердцѣ николи мѣста имѣть не можетъ.

Желаю вамъ, мой любезный пріятель, всякаго благополучія и пользы отъ вторичнаго вашего путешествія. Однако, прошу мнѣ дать знать, куда вы точно поѣдете и на какомъ основаніи.

Я, было, слышалъ, что вы волонтёромъ служить станете при графѣ Петрѣ Ивановичѣ, чему я порадовался, было, для того только, что льстился симъ образомъ васъ увидать. Прощайте, мой любезный князь Александръ Борисовичъ. Богъ васъ да сохранитъ, чтобы вы были, уподобляясь вашимъ предкамъ, достойны и Его милости, и полученія отъ отечества всякихъ отмѣнностей.

Въ прочемъ несумнѣнно вѣрьте, что я навсегда пребуду вамъ истиннымъ другомъ и покорнѣйшимъ слугою. Князь Николай Репнинъ.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 432 „Lettres du prince et de la princesse Repnine. 1770—1785 гг.“, стр. 2—4; № хрон. описи 12216].

934. Княжна А. А. Куракина—кн. Александру Борисовичу Куракину.

1770 г. мая 17. Москва.

ругъ мой сердечный князь Александръ Борисовичъ. Не сумнѣваюсь, что вы захотите о моемъ состоянiи знать, о которомъ имѣю вамъ сказать, что противъ прежняго сегодня мнѣ, слава Богу, гораздо легче, и пластырь со спины только что сняла; боль въ головѣ хотя продолжается, только сноснѣе прежняго, и еще очень слаба.

Топерь вамъ скажу, какую тревогу сдѣлали у насъ въ домѣ въ ту ночь, что́ вы поѣхали. Въ два часа за полночь кирпичемъ кинули въ окошко къ Александру Политову, цѣля въ него, чтобъ убить до смерти. Однако Богъ его спасъ; только окошко все выбили. Можете себѣ представить, что онъ, будучи со сна, не вдругъ опомнился; послѣ чего, хотя выйти, чтобъ узнать злодѣя, насилу могли двери отворить затѣмъ, что закладены были бревнами, какъ и подъѣзды, съ тѣмъ намѣренiемъ, чтобъ, ежели онъ выйдетъ, его конечно убить. Однако Богъ ихъ такъ ослѣпилъ, что до этого не допустилъ. И такъ на дворѣ никого не нашли. Я столько была этимъ потревожена, что описать не могу. Иного средства не нашла, что людей вести на съѣзжую, гдѣ по счастью перваго бездѣльника начали съ показанiемъ допрашивать, который съ большимъ упрямствомъ, наконецъ, признался. Именно это былъ кузнецкiй ученикъ и съ нимъ въ комплотѣ коровницынъ мужъ и хлѣбникъ, вашего Горшкова братъ.

Представьте, любезный другъ, какое мнѣ это сдѣлало огорченiе, особливо въ нонѣшнемъ моемъ состоянiи: по сихъ поръ справиться не могу. Еще сегодня цѣлое утро хлопотала и кончила тѣмъ, что двухъ первыхъ отдала на поселенiе, а Горшкова, по его молодости, пожалѣла и въ наказанiе отдала его къ вамъ на Полатовскiй заводъ. Тѣмъ все и кончилось.

Вчерась къ большому себѣ удовольствiю увидѣла я любезнаго Степашу, который къ намъ прiѣхалъ къ самому обѣду. Признаюсь, что онъ мнѣ очень полюбился: нахожу его очень хорошаго сердца, также и нрава, чѣмъ еще больше къ себѣ привлекаетъ. Съ большимъ удовольствiемъ разсказывалъ свое свиданiе съ вами; жалѣетъ очень, что оно было не долго. Удивляюсь, какъ онъ перемѣнился, и похожъ на сестру княгиню Н[аталiю] А[лександровну] не только однимъ лицомъ, но и многими ея рѣзвостями. Пребыванiе ихъ здѣсь, можетъ быть, противъ нашего желанiя продлится нѣсколько дней больше по причинѣ болѣзни сестры княгини Е[катерины] А[лександровны], которая очень неможетъ рожею на ногѣ. Къ тому же и матушка желаетъ, чтобъ они дождались прiѣзда г. Кампфа, который ихъ лучше проводитъ, чѣмъ трактъ ихъ предписанъ. Васъ прошу, чтобы постарались для нихъ съ нимъ подорожную прислать, которая была бы точно по той дорогѣ, которая слѣдуетъ во вторую армiю. Безъ того они большую часть времени будутъ въ дорогѣ безъ всякаго успѣха. Подорожная имъ дана на Кiевъ, куда никакой дороги для нихъ нѣтъ, сверхъ того около 600 верстъ лишка. Итакъ, они могутъ быть все лѣто въ дорогѣ, не доѣхавъ до мѣста.

Ивану Николаевичу прошу сказать мой поклонъ и желанiе, чтобъ его скорѣе отправили, чѣмъ бы наши воины могли пользоваться, а вамъ сердечно желаю, чтобы были здоровы и веселы, а мнѣ вѣрьте, что я на вѣкъ вамъ истинный другъ и слуга. Княжна Куракина.

Маврутка Степашу лучше васъ полюбила за то, что не такъ часто цѣлуется.

[Надеждинскiй архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 365 „Письма кн. А. Куракиной. 1769—1774 гг.“, стр. 10—13; № хрон. описи 12221].

936. Княгиня А. И. Куракина—кн. Александру Борисовичу Куракину.

1770 г. мая 31. Москва.

Князь Александръ Борисовичъ, другъ мой. Считая уже васъ въ дорогѣ, на память мою, по вашему желанiю, посылаю вамъ

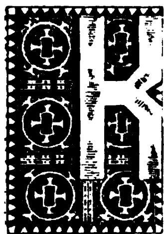
свой портретъ. Кажется, довольно похожъ. Прости, другъ мой, что не обдѣланъ: поспѣшила къ вамъ послать.

Боже, управи путь вашъ, чтобы вы свое отсутствіе въ пользу употребили, что будетъ намъ всѣмъ въ великое утѣшеніе, особливо мнѣ. Поручаю васъ Богу.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 365 „Письма кн. А. Куракиной. 1769—1774 гг.“, стр. 15; № хрон. описи 12224].

937. Княжна А. А. Куракина—кн. Александру Борисовичу Куракину.

1770 г. мая 31. Москва.

ъ большому себѣ удовольствію получила я, дорогой мой князь Александръ Борисовичъ, ваше пріятнѣйшее письмо, въ которомъ выражаете свою горячую ко мнѣ любовь, за что чувствительно вамъ благодарна, и никогда въ ней не сумнѣвалась, въ доказательство чего стараюсь во всякомъ случаѣ вамъ съ своей стороны не только ею платить, но быть совершеннымъ другомъ.

Жалѣю, что вы моего перваго письма не получили: я конечно его, по полученіи вашего, къ вамъ писала. Удивляюсь, какъ оно не дошло. Думаю, что это васъ уже въ пути застанетъ. Отъ всего сердца желаю вамъ, любезный другъ, его благополучно продолжить и окончить. Признаюсь, что отъѣздъ вашъ мнѣ очень чувствителенъ. Утѣшаю себя тѣмъ, что онъ вамъ въ совершенную пользу, и не сумнѣваюсь, что вы совершенно будете прилежать ко всему, что будетъ вамъ предписано.

Знаете, что я васъ сердечно люблю и такъ говорю, какъ съ собою. Пожалуй, старайтесь, какъ возможно, свою вспыльчивость преодолѣть, чѣмъ сдѣлаете себя еще всѣмъ любезнѣе.

Топерь много меня безпокоитъ, что отъ васъ долго не буду имѣть извѣстія; знаю, что часто никогда имѣть его не могу; только прошу васъ, по малой мѣрѣ, хотя всякій мѣсяцъ

пооднова къ намъ писать: знаете, какое это удовольствіе въ отсутствіи, особливо тѣмъ, которые сердечно къ вамъ привязаны.

За увѣдомленіе объ Юшѣ чувствительно вамъ благодарна, еще тѣмъ болѣе, что вы его любите, чѣмъ я много утѣшена.

Хотя я еще вашего подарка не получила, только не могу оставить, чтобы васъ за него не благодарить, что принимаю за особливый знакъ вашей ко мнѣ любви. Хотя и не знаю еще, что такое, только вѣрьте, что, пока жива, всегда при себѣ его имѣть буду.

Степаша вамъ кланяется, совсѣмъ уже собранъ и завтра неотмѣнно отправится.

Топерь время не имѣю больше писать: крайнюю нужду имѣю со двора ѣхать.

Поручая себя въ вашу память, пребываю на вѣкъ вамъ вѣрный другъ и истинная слуга. Княжна Куракина.

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 365 „Письма кн. А. Куракиной. 1769–1774 гг.“, стр. 16–18; № хрон. описи 12223].

SOUVENIRS

DE VOYAGE

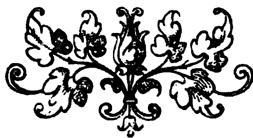
EN HOLLANDE ET EN ANGLETERRE

PAR

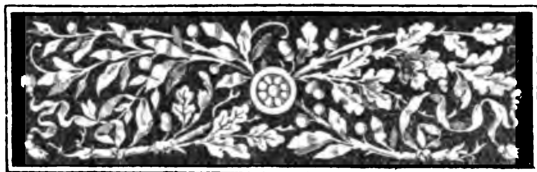
LE PRINCE ALEXANDRE KOURAKIN

à sa sortie de l'Université de Leyde durant les années

1770—1772.

938. SOUVENIRS DE VOYAGE DU PRINCE ALEXANDRE KOURAKIN.

Le 29 mai (10 juin) 1770, je partis de St-Pétersbourg. C'était la seconde fois que je quittais cette ville pour les pays étrangers. Je devais aller à Leyde et y rester une année pour faire mes études.

Je pris ma route par Riga, Mitau, Mémel, Tilsitt, Kœnigsberg, Pillau, Dantzig, Stargardt, Spandau, Brandebourg, Magdebourg, Halberstadt, Brunswick et Hildesheim. Arrivé à Hameln, le 22 juin (4 juillet), j'envoyai d'abord un exprès à M. de Saldern qui m'attendait à Pyrmont depuis six semaines. Il vint me trouver le lendemain, et nous continuâmes notre route pour Leyde, dès le même jour, par Rinteln, Minden, Osnabrück, Bentheim, Delten, Deventer et Utrecht.

Nous arrivâmes à Leyde, le 30 juin (11 juillet), et nous descendîmes à l'*Hôtel de Hollande*. Notre premier soin fut d'écrire à St-Pétersbourg pour y donner avis de notre heureuse arrivée. Le lendemain, M. de Saldern alla faire la connaissance du recteur de l'Université, M. de Vanrogen, et du professeur en droit, M. Pestell, homme très renommé pour sa vaste érudition, et qu'il me fit connaître dès le soir même. Le 3 (15) juillet, je fus inscrit au nombre des étudiants de Leyde par M. Vanrogen. Nous lui donnâmes six ducats pour sa peine et deux au pedell.

Le professeur Pestell, profitant du temps des vacances qui avait commencé le 1er juillet et devait durer jusqu'à la fin d'août, partit pour l'Angleterre deux jours après notre arrivée. Il nous

fit faire la connaissance de M. la Pierre, négociant français réfugié, vieillard très aimable et qui nous fut d'une grande utilité dans nos arrangements domestiques. Il nous combla de politesses et fut notre guide dans les jolies promenades qui environnent la ville.

M. de Saldern, connaissant le professeur Pestell de réputation, s'en rapporta à lui et suivit ses conseils dans le choix de mes maîtres. Je fis ma philosophie avec le professeur Allamand, à raison de 100 ducats ou de 525 florins. Le professeur Pestell m'apprit le droit naturel, moyennant une même somme, et l'histoire, également à raison de 100 ducats. J'étudiai les mathématiques avec le lecteur Fass, à qui je payais 250 fl.. M. Kerroux m'enseigna les langues latine et française: la latine, à raison de 8 fl. pour vingt leçons; et la française, de 7 fl. pour un nombre égal de leçons. L'écuyer Œlmann m'apprit à monter à cheval, à raison de 40 fl. pour le premier mois et de 20 pour les suivants. Le maître de danse Bax m'enseigna son art à raison de 12 fl. pour vingt leçons. M. Clermont. lieutenant au service de la République, m'apprit à faire les armes pour une pistole par semaine. M. Colici m'enseigna l'italien, moyennant 2 ducats pour vingt leçons.

Entre autres particularités que j'ai pu remarquer à Leyde, l'hôpital des pestiférés, nommé dans la langue du pays *Pest-Haus* et construit à l'une des portes de la ville, m'a le plus frappé. Cet édifice très vaste et bâti en carré est dans une situation charmante. Plusieurs allées d'arbres l'environnent et l'ombragent de tous côtés. L'hôpital renferme huit grandes salles attenantes les unes aux autres et meublées de lits tout prêts à recevoir les malades. Au milieu du bâtiment se trouvent un grand péristyle et un petit jardin à l'usage de ces derniers.

Cet établissement si beau et qui fait tant honneur à l'humanité a des régents et des régentes qui veillent soigneusement à ce que tout y soit propre et bien entretenu. Dans la chambre d'assemblée se trouve un tableau de la plus grande beauté: il représente une femme attaquée de la peste et en-

vironnée de peuple. Cet établissement a un capital considérable, formé par différents legs. Pour exciter le monde à la générosité, on a suspendu dans le vestibule, près de la porte d'entrée, une table noire sur laquelle sont inscrits les noms des légataires et les sommes qu'ils ont léguées, ainsi que l'année où s'est faite chaque donation.

On voit au milieu de Leyde une petite élévation, ce qui est très rare dans un pays aussi plat que la Hollande. Ce monticule est regardé comme un prodige; on y a planté un petit jardin que l'on a entouré de murailles à l'antique, sur le haut desquelles se trouve une plate-forme d'où l'on peut découvrir fort avant dans la campagne. Pour parvenir à ce jardin, il faut monter environ quatre-vingts marches. En bas, on trouve une fort jolie auberge. On appelle cet endroit *le Bourg*. Il est regardé comme une des curiosités de la ville.

Le 28 août 1770, je fus à Rotterdam pour y voir la foire. Je puis dire que cette ville m'a infiniment plû. Elle est belle, commerçante et est très peuplée à proportion de sa grandeur. De toute la Hollande, c'est la ville la plus riche et la plus opulente après Amsterdam; du moins, est-ce une opinion généralement reçue. Sa situation est des plus favorables pour le commerce, entrecoupée de canaux tous navigables. Les négociants ont le rare avantage de pouvoir faire venir les vaisseaux jusque devant leurs portes et d'y faire charger leurs marchandises.

La Meuse côtoie la ville; elle y est large et d'une profondeur suffisante pour que les plus gros navires puissent y entrer. Les Rotterdamois tirent plus d'une utilité de cette rivière, qui embellit leur ville et contribue beaucoup à y faire fleurir le commerce. La rue située sur la Meuse est, à mon avis, la plus belle de Rotterdam. Bordée, d'un côté, de maisons superbes, elle présente, de l'autre, une vue charmante. De cette rue, nommée *Boomtses*, on découvre une partie du Brabant et des campagnes ravissantes. Il ne faut pas que j'omette la Maison de ville, qui est digne de la curiosité d'un étranger. Elle est construite en pierres de taille et présente un carré parfait; l'archi-

tecture en est des plus modernes et offre un coup d'œil très agréable. La foire s'y tient pendant huit jours. La quantité de monde qui y vient est incalculable; il faut y avoir été pour en juger. La grande place où se trouve la statue du fameux Erasme est remplie de tentes rangées en allées. C'est là que les trafiquants étalent des marchandises de toute espèce et de toute qualité. Cette foire est réputée une des plus belles de la Hollande. Les Anglais contribuent à la rendre florissante par l'exportation du produit de leurs fabriques.

Le 26 août 1771, j'ai été derechef à la foire de Rotterdam avec M. de Saldern et le comte de Chérémétev. Le but de ce petit voyage était de passer agréablement notre journée avec le baron Alexandre Nicolaïévitch Stroganov, qui s'y était arrêté pour quelques jours. Nous lui devions, en quelque façon, une contre-visite: il avait dîné deux fois chez nous à Leyde. De Spa, il était venu faire une tournée en Hollande, avec sa femme, la charmante Elisabeth Alexandrovna, et avec Ivan Alexéïévitch Vorontzov, qui, voyageant avec sa cousine la princesse Daschkov, l'avait accompagné par amitié en Hollande comme dans un pays qu'il connaissait et dans lequel il pouvait lui servir de guide. Cette journée passa comme un éclair. Pouvait-on s'ennuyer avec une femme aussi aimable, aussi belle que la baronne Stroganov? Elle fit tout son possible pour nous engager à venir à Spa; mais, dépendant des ordres d'autrui, nous ne pûmes qu'être inexorables.

On compte de Leyde à Rotterdam six heures ou lieues: je les ai pourtant faites en carosse en quatre heures de temps. Ce chemin est des plus agréables: on rencontre à chaque instant des maisons, des campagnes ou des villages qui, par leur aspect, forment une charmante variété d'objets.

Nous allâmes à Rotterdam avec M. la Pierre et sa femme, qui nous firent mille contes, tous analogues à leur caractère. M. la Pierre était bavard et sa femme capricieuse et vaine. Nous descendîmes à Rotterdam, à la *Huse*, sur la grande place d'Erasme.

Comme je n'avais jamais dîné à table d'hôte, j'eus cette curiosité, et M. de Saldern ne se fit pas scrupule de la contenter. Rien de plus plaisant que cette cohue. Je me trouvais dans une compagnie de trente à quarante personnes, inconnues pour la plupart les unes aux autres, de différentes nations, de différents caractères et de métiers différents. D'abord, chacun se livra en silence à son appétit, ne proférant que quelques syllabes de temps à autre pour se faire servir ce qu'il souhaitait. Le premier besoin satisfait, la conversation devint générale, et elle finit par être plus que bruyante. La table était très-bien servie, à un florin par tête; on pouvait demander tel vin qu'on voulait, mais en le payant à part. Pendant le repas, plusieurs musiciennes firent entendre leurs voix, tandis que d'autres les accompagnaient en jouant de divers instruments à cordes. La clôture de ce concert à peine tolérable fut une quête générale. Parmi les convives, je remarquai un jeune nègre en habit européen, vêtu de satin cramoisi richement brodé d'or. Il était assis au milieu de deux femmes très proprement mises. Ma curiosité ne put être satisfaite d'abord; mais j'appris ensuite que c'était le guide d'un éléphant que l'empereur du Maroc venait d'envoyer au stathouder. Qu'on juge si je m'étais attendu à une société si bien choisie!

Le 5 (16) déc. 1770, le comte Chérémétev, accompagné de M. de Sacken, arriva à Leyde pour y faire ses études et pour voyager avec moi. Cette arrivée me fut d'autant plus agréable que j'étais déjà cinq mois à l'attendre. Il avait quitté son nom pour prendre celui de Méchtchérinov, selon la volonté du comte Panine. Il devait traiter les mêmes études que moi, avec cette différence qu'au lieu du latin il devait apprendre l'allemand.

Un dimanche que je passais ma soirée chez le professeur Pestell, un domestique annonça, sous le plus grand secret, à M. de Saldern l'arrivée de M. Méchtchérinov. Une palpitation de cœur involontaire m'apprit à l'instant de quoi il était question. J'avais déjà fermement conçu l'idée que, le mauvais

temps et les pluies l'ayant surpris et dégouté des chemins qui dans ces contrées sont véritablement impraticables en automne, il s'était décidé à passer le carnaval à Berlin pour attendre la gelée. Peut-être aurait-il pris volontiers cette résolution, mais les ordres de Pétersbourg étaient trop précis et M. de Sacken trop pressant. Ils ne restèrent à Berlin que cinq jours: la maison du prince Dolgoroukov fut la seule qu'ils fréquentèrent. L'incognito qui avait été recommandé à M. de Sacken lui parut, à ce que l'on m'a assuré, d'une telle importance qu'il évita scrupuleusement de faire des connaissances étrangères; il ne put même se résoudre à passer par Postdam, de peur qu'on ne découvrît son véritable nom. Croyant qu'il était contre toute bienséance à un Russe d'avoir des liaisons avec un Français, par la considération profonde de la froideur qui régnait entre les deux Cours, il fit tout son possible pour détourner M. Méchtchérinov de fréquenter M. des Auvrais, chargé d'affaires de France, qui, en reconnaissance des bontés qu'il avait reçues de son père, durant le séjour qu'il avait fait en Russie à la suite du marquis de Beausset, lui avait préparé un petit bal. Il l'accompagnait partout et s'empressait de lui témoigner toutes sortes d'attentions.

M. de Woesian, qui avait eu soin de l'éducation de M. Méchtchérinov depuis 1766, ne l'accompagna pas à Leyde, parce qu'il y aurait été d'une entière inutilité. Telles étaient les intentions de son père et de mon oncle. On lui accorda, sa vie durant, une pension de 300 roubles, et il se sépara de son pupile à Berlin. Un an avant de quitter la Russie, soit par intérêt, soit par étourderie, il fit l'impardonnable folie de se marier avec Mme Perle, femme perdue de réputation, qui avait été publiquement entretenue par le vice-chancelier, et dont elle avait trois enfants. La croyant riche, il se laissa entraîner aux conseils de Rossignol, consul de France. Ce mariage resta caché par les soins et les menaces du prince Galitzine qui ne voulait point paraître dupe dans l'affaire, jusqu'à ce que Woesian, attendri par les instances continuelles de sa femme,

la vint chercher pour la conduire au Languedoc où se trouvait sa famille. Ils s'arrêtèrent à Paris. Mais au bout de quelques mois, la Perle, accoutumée à filer dans l'abondance et la dissipation des jours oisifs, ne put se familiariser avec le train de vie qu'elle devait mener à l'avenir. Ses dépenses bornées, ses revenus qui ne coulaient plus d'une source aussi féconde, les devoirs nouveaux qu'elle allait connaître, tout lui était odieux, et elle ne songea plus qu'à abandonner son mari. Larmes, prières, soins redoublés, assurances d'une tendresse éternelle, elle n'épargna rien pour arracher de son débonnaire époux le consentement désiré. Elle voulait retourner en Russie, sous prétexte de chercher ses enfants. Woesian eut la faiblesse de la conduire à Berlin; mais dès qu'elle fut arrivée à Pétersbourg, elle cessa de lui écrire, et elle eut même la cruauté de mander à son banquier de ne plus lui compter aucun argent. Telle fut la punition de Woesian.

M. de Sacken, après s'être arrêté quinze jours avec nous, alla faire un tour à Amsterdam. A son retour, voyant que le coffre qui contenait ses hardes n'était pas encore arrivé de Brunswick, où il avait été expédié de Berlin par le marchand Heissler, il partit, en attendant, pour la Haye, espérant toujours que ce coffre, qui retardait son départ pour Montpellier, arriverait dans les entrefaites. Mais son attente fut vaine; il resta à la Haye quatre semaines, ayant tout le temps d'exercer sa patience. Le maudit coffre arriva enfin à Zwoll; on fut obligé d'y envoyer François, chasseur de Méchtchérinov, pour le faire venir, attendu que la glace des canaux empêchait toute communication par eau. François mit fin à l'impatience de Sacken, qui, ayant reçu ses hardes, partit le 31 janv. 1771.

Le 19 déc. 1770, nous allâmes voir le cabinet d'histoire naturelle du professeur Allamand. Il mérite, sans contredit, toute l'attention d'un amateur. Il offre une collection des plus rares en son espèce. Le professeur Allamand a travaillé le premier à la rassembler, et ses relations avec les gouverneurs des possessions hollandaises, tant dans les Indes

orientales qu'occidentales, lui ont beaucoup facilité ses travaux à cet égard.

Nous visitâmes aussi le beau cabinet de peinture du bourgmestre Van der Mark. J'y vis de très beaux tableaux de l'école flamande. Celui qui m'a le plus frappé est un hermite agenouillé devant un crucifix. Le bourgmestre l'avait acheté dans un encan pour 5000 florins. A l'occasion de cet achat. il eut un procès à soutenir contre M. Mossel, qui prétendait avoir offert la même somme avant lui et qui accusait l'auctionniste d'avoir favorisé M. Van der Mark,

Il faut que je dise un mot des sociétés de Leyde. Nous y allions régulièrement deux fois par semaine: les lundis, ce n'était que pour faire une partie de jeu, et les mercredis pour souper. Les maisons de Changuion et de Lamsing faisaient alors le plus d'honneur à la ville. Les étrangers y étaient bien reçus. Elles donnaient tour-à-tour leur souper du mercredi; on y était parfaitement bien; pas de faste, pas d'éclat; on y goûtait tous les plaisirs d'une société tranquille et agréable.

Parmi toutes les personnes que j'ai eu l'occasion de connaître à Leyde, M. de Raye de Brenkelwarth mérite, à mon avis. une mention particulière. C'est un homme d'un mérite solide. qui, par ses diverses connaissances, a fait l'ornement de nos sociétés. Il a beaucoup voyagé, non comme la plupart le font, mais avec l'œil exercé d'un observateur. Il a fait le voyage de Constantinople avec l'ambassadeur Devel, et il est revenu par l'Italie et la France. Ses voyages ont duré plus de quatre ans; il en a rapporté plusieurs curiosités, des marbres, des tableaux, des dessins, etc., et comme il possède lui-même en perfection l'art du crayon, il a dessiné les principales antiquités qui se trouvent encore dans la Grèce et dans l'Archipel.

Le 11 mai 1771, nous allâmes à Harlem pour y admirer les belles fleurs qu'on y cultive. On prétend qu'en nul autre endroit de l'Europe on n'en peut voir de pareilles. Les jardiniers y sont habiles, avec un sol et sous un ciel uniques pour

la culture. Les sieurs Van Kampen et Vorhelm sont les mieux fournis de tous les jardiniers de Harlem. La fleur la plus belle et la plus estimée est la jacinthe. On a vu des oignons se payer jusqu'à trois mille florins. Les jardins sont d'une étendue très considérable; on n'y voit presque point d'allées; ce ne sont que des couches de différentes espèces. Le coup d'œil en est si beau qu'il est impossible de le dépeindre. Sans l'avoir vu, on ne peut s'en former une juste idée. La jacinthe la plus rare est la jaune. Je n'en ai vu qu'une seule, qui se trouvait dans le jardin de Van Kampen. Tous ces fleuristes demeurent dans les environs du bois de Harlem. On dit ce bois très beau; et, à en juger par le plan que j'ai vu, il l'est effectivement. Je ne m'y suis point promené, faute de temps.

Nous avons été à Harlem en barque de trait, avec le professeur Pestell et M. Lapierre. Le trajet depuis Leyde est de quatre heures. On passe devant des plaines charmantes. Entre autres campagnes qui bordent le canal, j'ai particulièrement remarqué celles de MM. George Clifford et Abraham Dédel. Nous avons dîné à Harlem deux fois à deux auberges différentes, au *Lion d'or* et au *Raisin*, toutes deux assez mauvaises. C'est là que nous rencontrâmes le prince Ivane Tufiakine, qui voyageait, sous le nom de Baïev, par ordre de l'impératrice, pour se perfectionner dans l'architecture et dans la distribution des jardins. Il avait reçu pour son voyage une gratification de 10 mille roubles. Il était accompagné d'un jeune architecte, appartenant à M. Demidov, qui lui servait de domestique.

Harlem est une ville assez grande, très propre, passablement bâtie et commerçante; ses fabriques de soie et de toile contribuent beaucoup à y entretenir l'aisance. La toile qu'on y fait est la plus renommée de toute l'Europe. Dans nul autre endroit de la Hollande on ne blanchit si bien qu'à Harlem.

L'orgue qui se trouve dans la grande église mérite toute l'attention des étrangers. C'est la régence de la ville qui l'a fait construire. L'habile ouvrier à qui l'on doit ce chef-d'œuvre est

un Allemand, nommé Muller. Cet orgue est composé de plus de huit mille tuyaux et a coûté 150 mille florins. Il imite tous les instruments possibles; la voix humaine y est assez bien rendue. Quand on l'entend, on croit assister à un concert des plus complets. Qu'on se représente que les deux tuyaux latéraux sont d'une longueur de 32 pieds sur 16 pouces de diamètre, et l'on se fera une idée des sons qu'il produit.

En parlant de Harlem, on ne peut omettre l'imprimerie et la fonderie de lettres de M. Enschede, qui est réputée une des plus belles de la Hollande. Les Harlemois prétendent que l'art d'imprimer a été inventé parmi eux par Laurent Coster, un de leurs compatriotes, et que c'est injustement que l'on attribue cet honneur à Guttenberg, natif de Mayence. M. Enschede possède chez lui un grand nombre de feuilles imprimées avec différents caractères pour suivre l'imprimerie dans la gradation progressive de son perfectionnement depuis son enfance jusqu'à nos jours. On voit aussi dans son salon le premier tableau que, selon la tradition, Van Eyck peignit à l'huile.

J'ai omis de dire, en parlant de Leyde, que la salle d'anatomie et la bibliothèque de l'Académie se trouvent dans un même bâtiment, qui servait autrefois d'église. La salle d'anatomie ne mérite pas qu'on en parle; on n'y voit rien de rare ni de curieux, si l'on en excepte une très belle momie. Elle est d'une bonne grandeur et est parfaitement bien conservée. On prétend qu'elle est du temps des Pharaons. Quant à la bibliothèque, les connaisseurs y attachent un très grand prix. Elle est surtout renommée pour ses manuscrits, au nombre de 20 mille. On en a acquis la plus grande partie après la mort de Vossius, qui les avait achetés par ordre de la reine Christine. Mais les finances de cette princesse se trouvant pour l'ordinaire délabrées, après son abdication elle ne put payer à Vossius la somme fixée pour ces manuscrits, et il les garda. Je ne puis déterminer le nombre des livres de la bibliothèque: on garde là-dessus un profond silence: mais je ne crois pas qu'il excède 30 mille volumes, dont une bonne partie sont

grecs, arabes, hébraïques, latins; on en trouve peu de français. Le bibliothécaire est M. Gronsvius, fils du fameux commentateur; l'Académie lui a donné pour adjoint, à cause de son grand âge, M. Runckenins, professeur de belles-lettres.

La sphère qui se trouve placée dans la bibliothèque est digne d'être notée. C'est un ouvrage accompli et qui honorera éternellement son habile auteur. Tout le système planétaire y fait son cours ordinaire. Cette sphère a coûté, dit-on, 70 mille florins.

Au mois de mai 1771, nous eûmes à diner le général Lefort, jadis maître des cérémonies de notre Cour, que j'avais beaucoup connu en Russie et avec qui j'avais renouvelé connaissance à Cassel et à Pyrmont, en 1768. Son esprit liant, souple et orné de plusieurs connaissances, et surtout de celle du grand monde, le met à même de faire l'agrément des sociétés qu'il fréquente, et l'on ne peut que regretter vivement que, malgré ses qualités, trop de légèreté peut-être dans sa façon de penser l'ait précipité d'une aisance honnête dans la misère où il se trouve. Son accident avec la loterie impériale établie à St-Pétersbourg par l'impératrice Elisabeth est assez connu. Il quitta la Russie, en 1765, avec son congé et une modique pension. Depuis il passe sa vie dans les petites Cours d'Allemagne, voisines de Francfort-sur-le-Mein, tantôt dans l'une, tantôt dans l'autre, attendant toujours un meilleur sort, et ayant plus de patience que de bonheur. Lorsque je le vis à Leyde, il venait de la Haye. Alors fixé chez le comte de Neuwied, qui voulait faire prospérer une nouvelle fabrique de creusets, nécessaires dans la chimie, le but de son voyage en Hollande était de lui procurer un emprunt suffisant pour ce premier essai.

Au mois d'août de la même année, M. de Zinoviev vint aussi à Leyde pour consulter M. Gaubius. Avant son départ, le comte Panine lui avait promis que la première place d'envoyé qui viendrait à vaquer dans les Cours étrangères lui serait accordée. Il eut deux années d'attente vaine. Il passait les étés à Spa et les hivers à la Haye ou à Bruxelles. Enfin, en 1773, il fut nommé au poste de Madrid, avec 10 mille roubles

d'appointements. Il se trouvait en Angleterre, lors de sa nomination. Il vint d'abord à Paris pour y entreprendre ses arrangements économiques et pour y attendre sa femme, née princesse Menchikov, qui avait été le principal instrument de sa fortune. A l'occasion de son mariage, il fut nommé, en 1767. gentilhomme de la chambre, tandis qu'il n'était encore que conseiller de cour et directeur de la Comédie française. Il avait commencé par servir dans les Gardes, où il était parvenu au grade d'officier. Ce fut en cette qualité qu'il fut envoyé comme courrier à Paris en 1763. Il fut toujours un des partisans les plus zélés du prince Orlov; sa femme surtout avait su se concilier sa confiance. On crut pendant un certain temps que notre Cour et celle de Lisbonne, engagées par des vues de commerce, étaient intentionnées de s'envoyer mutuellement des ministres, et que M. de Zinoviev devait être revêtu de ce caractère de notre part; je ne sais à quoi il tint que cette supposition ne tournât en réalité; quoi qu'il en fût, l'événement ne la confirma point.

Le 23 août 1771, je finis entièrement mes études à Leyde. Comme le plan de nos voyages et l'argent que nous attendions n'étaient pas encore venus, et que M. de Saldern, qui se reposait sur les arrangements primitifs de M. l'ambassadeur son frère, comptait que nous quitterions Leyde vers la fin de septembre, il résolut d'employer cet intervalle à voir les plus belles villes, et, en général, ce qu'il y a de plus remarquable dans le pays. A cet effet, le 28 août, nous partîmes de Leyde pour nous rendre en barque à Utrecht. M. Lapierre, vieillard aimable et d'un cœur excellent, fut notre compagnon de voyage. Je rencontrai dans la barque le comte de Hompesch, bailli de Wœrden. Son esprit orné et le sel de ses plaisanteries contribuèrent à nous faire passer très agréablement les neuf heures et demie que nous mîmes à faire le trajet de Leyde à Utrecht et qui sans lui auraient été assommantes.

Le *Château d'Anvers*, auberge tenue par un Français. nommé Oblet, est la meilleure d'Utrecht: c'est là que nous lo-

geâmes. La beauté des chambres et la bonté de la table ne nous laissèrent rien à désirer.

Utrecht est une ville belle, bien percée et assez peuplée; mais ses rues ne sont pas longues et ses canaux ne sont pas beaux; ils sont étroits et sinueux et présentent un aspect désagréable. L'Université tombe en décadence; c'est ce qui empêche les jeunes gens de distinction et les étrangers d'y venir faire leurs études. On y compte fort peu d'étudiants. Les sociétés d'Utrecht m'ont paru montées sur un fort bon ton. La noblesse y est nombreuse et l'on y voit beaucoup de gens riches. Les édifices publics les plus remarquables sont: la Maison de ville, la poste et la cathédrale. Ce dernier bâtiment est d'une structure tout-à-fait gothique. Il n'en reste plus que le chœur, dont on a fait une église protestante; quant à la nef, un ouragan furieux l'a, dit-on, renversée en 1676. Le fait approche du miracle et pourra paraître incroyable à ceux qui n'ont pas été sur les lieux. Rien de plus vrai pourtant; les traditions des habitants et les décombres encore existant le prouvent assez.

Il ne faut pas que j'omette le fameux mail d'Utrecht. On le dit le plus beau de tous les mails possibles. Louis XIV, en le voyant, ne put s'empêcher de former le désir de le transporter en France. Le jardin de Van Moll, dans l'un des faubourgs d'Utrecht, attenant à la fabrique où l'on prépare la soie, mérite d'être vu; sa grotte est belle, et, en général, la distribution en est bien entendue.

Une juste curiosité nous porta, un après-dîner, à aller à Zeist, terre appartenant au comte de Dohna et située à une heure et demie d'Utrecht, pour voir la fameuse communauté des Herrnhutters. La communauté a fait avec le comte de Dohna un contrat de louage perpétuel pour l'emplacement où se trouvent bâties les maisons. Jamais surprise n'égala la mienne. Arrivé à Zeist, je me trouvai au milieu d'une place carrée environnée de six grandes et belles maisons, bâties toutes les six à trois étages et d'une même architecture. Elles offrent un coup d'œil ravissant. Derrière ces bâtiments

est planté un fort beau jardin dont les allées charmantes contribuent à faire de Zeist un endroit de délices. La communauté n'est composée que de 320 personnes, tant hommes que femmes, qui passent leur vie sous les auspices du bon ordre et de la tranquillité la plus parfaite. Presque tous artisans, ils gagnent par eux-mêmes leur subsistance. Non scrupuleux ni sur la religion ni sur la nationalité, ils reçoivent tous ceux qui se présentent pour être admis dans leur communauté; ce n'est pas cependant sans un mûr examen de leur conduite passée et sans une parfaite conviction que leur vocation est sincère. Chacun peut quitter la communauté dès que sa volonté l'y porte.

Tout ce qu'on dit de la communauté des biens parmi les Herrnhutters est faux. Chacun d'eux possède son bien propre; mais il règne entre eux une parfaite égalité, et ils s'appellent tous «frères». Les récits que l'on fait de leurs mariages sont également faux. Voici de quelle manière ils se comportent à cet égard: dès qu'un frère veut se marier, il le dit aux anciens, qui alors lui font le portrait de plusieurs filles de la communauté, et ce n'est que sur ces seuls rapports et après des informations réitérées sur le caractère de la fille que le frère doit se décider. Ils ne peuvent se parler qu'en présence de gens mariés, et il reste libre à chacun d'eux de préférer le célibat au mariage, si, ne se plaisant pas mutuellement, ils croient pouvoir faire un meilleur choix. Les deux sexes vivent dans une continuelle séparation. Les filles logent dans une maison et les garçons dans une autre. Ils ne se voient que dans l'église, où le service commence tous les jours à sept heures du soir, et encore ne peuvent ils se parler. Tout le monde est assis sur des bancs, les hommes d'un côté et les femmes de l'autre. Le silence le plus profond règne dans cette assemblée. Le service divin se célébre sans aucune cérémonie. On commence par chanter des cantiques; c'est le ministre qui les entonne et qui les recommence au bout de certains intervalles, après des repos fixés; enfin un autre ministre, assis devant une longue table,

couverte d'un linge blanc et placée au haut bout de l'église, finit par une courte oraison.

Dès qu'un frère se marie, il est obligé de quitter la maison des célibataires et va demeurer alors dans une des autres maisons qui sont sur la place. Ce n'est pas gratis que les frères sont logés dans ces maisons; chacun d'eux est obligé de payer un certain loyer, moyennant lequel ils peuvent avoir une chambre à part, où ils logent plusieurs dans la même. Les célibataires dînent à midi, tous à la même table. Ils soupent à six heures et demie. On ne va guère voir que l'église, les promenades et les boutiques qui sont en assez grande quantité, vu le nombre des frères. Chaque maître-artisan a sa boutique à part. Les marchandises y sont étalées en ordre et avec beaucoup de propreté. En général, elles ne sont pas d'un grand prix: elles consistent en ouvrages d'acier, de fer-blanc, de menuiserie, de charpenterie, de cordonnerie, de nippes en or et en argent, etc. Ils ne diminuent jamais du premier prix qu'ils demandent, et ils ont cela de commun avec les mennonites. Quelquefois, le dimanche, un des anciens relève le ministre pour prêcher devant toute la communauté.

A l'occasion des Herrnhutters, je me rappelle içi avec reconnaissance un de leurs membres les plus zélés, M. Köhler, conseiller de cour au service de l'impératrice et ancien chirurgien du régiment des gardes de Sémionovski. Attaché pendant une vingtaine d'années à la personne de mon grand-père Apraxine et lui devant sa première fortune, il continua, après sa mort, à témoigner le même attachement à sa famille. Il était le médecin d'habitude et de confiance de ma mère, et mon père avait pour lui beaucoup d'amitié. Lorsque la Cour quitta Moscou en 1763, M. de Stroube, conseiller de chancellerie au Çollège des affaires étrangères, qui s'était chargé du soin de mon instruction, se vit obligé de la suivre. Il fut question de m'envoyer aussi à Pétersbourg; mais comme notre maison sur la Néva venait d'être louée au vieux chancelier Bestoujev pour 2500 roubles, mon père engagea M. Köhler

à me prendre en pension chez lui avec M. de Stroube. Ils convinrent de mille roubles par an pour la table et le logement. qui consistait en quatre grandes chambres, écurie, remises. etc. La maison de M. Köhler était située sur le petit canal. derrière l'atelier de chanvre de l'Amirauté. Il devint conseiller de cour en 1762, quand on résolut de l'envoyer en Allemagne pour y rassembler des colons. Il mourut, ainsi que sa femme, durant mon premier voyage. C'était le plus digne couple qu'on pût voir. Ils laissèrent après eux un fils élevé à Herrnhut et deux petites filles.

D'Utrecht nous partîmes en barque pour nous rendre à Amsterdam. Ce trajet est de huit heures. Pour nous donner le plaisir de nous arrêter aux beaux jardins qui bordent cette route, nous louâmes une barque que nous payâmes 15 florins. La contrée de Maesen, village appartenant à Mme de Lockhorst, est délicieuse. C'est là que se trouvent les jardins les mieux ornés ou, si l'on peut s'exprimer ainsi, les plus colifichets du pays. Termeyer, campagne appartenant à la même personne, et Elsenbourg, campagne de M. de Witt, bourgmestre d'Amsterdam, se distinguent parmi toutes les autres par leur étendue et par la beauté et la diversité de leurs ornements. Ce M. de Witt est un descendant du célèbre pensionnaire Jean de Witt. Mais les vertus de ce grand homme ont dégénéré dans sa postérité. Il n'a de commun avec son arrière petit-fils que le nom. Autant l'un eut de courage et d'élévation dans l'esprit, autant l'autre a de pusillanimité et de faiblesse. Celui-là fut l'ornement et le premier citoyen de sa patrie, celui-ci n'a pour se distinguer de la foule que son titre de bourgmestre et la réputation de ses ancêtres. Son père est mort curateur de l'Université de Leyde. Il se fit remarquer par la bassesse qu'il développa, lors de la révolution de 1748, qui déféra à la maison d'Orange le stathouderat héréditaire. Il n'eut pas honte de contredire publiquement par sa conduite les principes républicains de son aïeul.

Le peintre le plus habile aurait peine à imiter la fraîcheur et la variété de l'aspect enchanteur des lieux que la vue

découvre, depuis le moment où l'on quitte Utrecht jusqu'à celui où l'on arrive à Amsterdam: ce ne sont que campagnes ravissantes, que prairies émaillées, où bondissent des troupeaux sans nombre; ce ne sont que moulins, que villages, qui, par leur propreté, annoncent l'aisance de leurs habitants. Etant à Nieu...., il faut absolument faire un détour pour aller à Lunnen. Les belles campagnes qui sont aux environs de ce village méritent d'être vues. On ne peut disputer aux Hollandais l'honneur d'avoir porté l'art du jardinage au plus haut degré de perfection. Le premier coup d'œil décide en leur faveur: on est enchanté de la manière dont ils ont su décorer des choses aussi peu susceptibles de décoration que le sont des arbres. Cependant l'œil s'accoutume à tout; ce n'est que la variété qui peut maintenir et fixer son attention. Une certaine uniformité règne dans les jardins hollandais; elle ennuie et excède même à la longue, quelque amateur que l'on soit de la promenade: preuve incontestable de l'avantage éminent de la nature sur tout ce qui n'est qu'art.

Dans les environs de Lunnen est la campagne du comte de Hompesch, chambellan de l'électeur palatin, qui a épousé une des riches héritières d'Amsterdam. Mme de Hompesch est une femme fort aimable. Je fis sa connaissance à la foire de Leyde en 1771. Elle y soupa chez M. Testard. Ce dernier était le premier élégant de la ville. Pour avoir fait deux voyages à Paris, il se conformait entièrement aux modes et aux usages des Français, mais avec tout le persiflage et le ridicule d'un petit-maître manqué. Sans être riche, il vivait fort bien. Sa maison était meublée avec assez de goût, et sa table proprement servie. Visant à devenir, à l'âge prescrit de 28 ans, Vroot-Schap, c'est-à-dire conseiller de la régence de Leyde, il avait obtenu le titre de capitaine d'une des compagnies de la bourgeoisie. Son père, après avoir été bourgmestre de Leyde, quitta cette charge si éminente dans la République pour un emploi plus lucratif qui rapportait par an six mille florins et peut-être plus: il devint secrétaire des bourgmestres régents d'Amsterdam, emploi qu'on possède à vie.

Que dirai-je d'Amsterdam? La grandeur, l'opulence, le commerce et l'industrie de cette puissante ville sont assez connus et offrent un champ si vaste aux observations qu'il n'est guère possible que de hasarder quelques réflexions sur son ensemble. Après un séjour de quatorze mois dans une ville aussi peu peuplée que Leyde, on ne peut qu'être frappé du mouvement presque continuel des rues d'Amsterdam. Ces rues ne se ressemblent pas toutes en beauté et en propreté. Celles qui aboutissent à la Maison de ville et à la Bourse sont étroites, malpropres et bâties à l'antique. Il n'en est pas de même des autres, non plus que des quais de Heeren-Gracht, de Keisers-Gracht, de Prinzen-Gracht, qui sont de toute beauté. Le grand nombre des habitants de cette capitale, renchérissant le prix des emplacements, fait que toutes les maisons sont peu larges; mais ce qu'elles perdent en largeur, elles le gagnent en élévation et en profondeur. Une architecture surchargée d'ornements n'est pas du goût des Amsterdamois; la plus simple est celle qu'ils préfèrent, et cette simplicité, jointe à l'extrême propreté dans laquelle ils entretiennent leurs maisons, est un nouvel attrait pour les étrangers. La meilleure auberge d'Amsterdam, quant à la table, est celle de Thiébaut, à l'enseigne de *La première Bible,* dans le Warmes-Strat. Nous y habitâmes. Mais, sous le rapport du logement, la meilleure est celle que feu Branckamp a fait bâtir et dont l'enseigne est: *Aux armes d'Amsterdam.*

Le plus fameux comptoir d'Amsterdam est celui des frères Hoop. Ils ont, dit-on, dans le négoce plus de 13 millions de florins et au delà de 60 mille florins de rente. Leur crédit est encore plus considérable que leur fortune qu'il double presque. Vingt-quatre commis travaillent dans leur comptoir. Leurs maisons d'Amsterdam et leurs campagnes dans les environs sont belles et vastes. C'est à eux que nous remîmes toutes nos lettres de change pour notre voyage et ils nous donnèrent des lettres de crédit pour les principaux endroits de notre route: à Londres, pour MM. Thomas Walpole et Elison; à Calais, pour M.

Leveau, beau-frère des sieurs Caffieri; à Paris, pour MM. Van den Yvar frères et Cie; à Strasbourg, pour le baron Diederich.

M. Adrien Hoop, grand amateur de peinture, a rassemblé, avec beaucoup de soins et à grands frais, un cabinet de tableaux qui me parait devoir devenir un des plus riches et des plus beaux de la Hollande. Les Hoop ont pour vrais chefs de leur maison Adrien et son frère, qui, aidés de leurs trois neveux, dirigent les comptoirs d'Amsterdam et de Rotterdam. Ils ne se bornent pas au négoce du change, ils spéculent encore sur les marchandises, et ce dernier négoce a été la source principale de l'accroissement rapide de leur fortune. Malgré leur opulence, l'esprit d'ordre et d'économie est la base de toutes leurs affaires. Hoop, échevin d'Amsterdam, a épousé une Van der Houff de Rotterdam, sœur de Mme Changuion, de Leyde.

Je ne puis que me taire sur les sociétés d'Amsterdam et en général sur la façon d'y vivre. Ce n'est qu'en hiver qu'on peut en juger; alors seulement le monde est rassemblé. Mais dès le commencement de l'été jusqu'à la fin de l'automne chacun se trouve à la campagne. Comme c'est pendant cette dernière saison que j'y ai été, je n'ai pu employer mon temps qu'à voir ce que cette ville a de plus curieux. Le premier objet qui frappe mon regard, c'est la Maison de ville, bâtiment vaste et qui réunit presque toutes les beautés de l'architecture: il n'est défectueux, selon les connaisseurs, que dans son entrée qui consiste en sept portes trop basses et trop étroites en proportion du reste de l'édifice. Le marbre n'y a pas été épargné; les péristyles du premier étage et la salle où s'assemblent ceux qui ont affaire aux magistrats en sont revêtus. On y trouve des bas-reliefs d'une beauté achevée. La chambre des bourgmestres, celle des échevins et des conseillers, ainsi que la salle de la bourgeoisie, contiennent des tableaux rares et d'un grand prix. Les meilleurs sont de Rembrandt. Dans l'étage du haut on voit un magasin d'armes de toutes espèces pour

un corps de 22 mille hommes. Il ne doit être entamé que dans le cas de nécessité urgente, comme celui d'une révolte du peuple ou bien d'un siège. La fameuse banque se trouve dans les souterrains. L'abord en est inaccessible à tout autre qu'aux quatre bourgmestres régents. Les prisons où sont enfermés les malfaiteurs et ceux qui sont arrêtés pour dettes se trouvent, les unes dans une partie des souterrains, les autres dans le rez-de-chaussée.

Un étranger ne doit pas manquer d'aller voir l'assemblée des marchands; elle se tient tous les jours entre midi et deux heures à la Bourse. Ce spectacle est nouveau; pour le mieux contempler, il faut monter aux galeries du bâtiment. On n'aperçoit que des têtes, et l'on est frappé d'un bruit confus qu'on ne saurait mieux comparer qu'au murmure de la mer. La Bourse est un bâtiment très antique: elle existe depuis le commencement du siècle passé; l'architecture est entièrement dans le goût gothique.

La maison de l'Amirauté et celle de la Compagnie des Indes se font remarquer par l'ordre et la propreté dans lesquels se trouvent rangés tous les objets nécessaires à l'appareillement d'une flotte. Dans la maison de la Compagnie des Indes, on voit aussi ce qu'on ne peut voir nulle part ailleurs, c'est le magasin des différentes épiceries qu'apportent les vaisseaux de la Compagnie. Souvent les marchandises sont en telle abondance que les directeurs, pour n'en point avilir le prix, sont obligés d'en faire brûler une grande quantité. On ne peut déterminer le nombre des vaisseaux de guerre de l'Amirauté ni de ceux de la Compagnie. Leur nombre varie suivant les circonstances où se trouve la République. Ordinairement, les magasins de la Compagnie des Indes orientales renferment la cargaison de 25 vaisseaux. La porcelaine de la Chine se fait d'après les modèles que l'on y envoie de Hollande. Ces magasins contiennent du poivre blanc et noir en grande quantité. On en fait le balast. Le café se trouve souvent mêlé avec le poivre, quand les sacs se rompent. On les sépare dans les heures de loisir, et cette séparation se

fait facilemènt à cause de la pesanteur du poivre; mais ce café coûte peu de chose. Les épiceries sont mises à part dans des magasins, dont les directeurs gardent les clefs. Il est curieux de voir la manière dont on fait les cordes. 150 ouvriers travaillent tous les jours dans le grand chantier de la Compagnie. Chaque vaisseau a besoin de cinq cordes d'ancre, mais on en donne sept pour que, en cas de malheur, on en ait de reste; il contient 125 *faden*; le *faden* a 750 pieds. Chaque corde d'ancre coûte à la Compagnie 1500 florins. Quatorze cents hommes sont employés tous les jours dans le magasin et dans le chantier de la Compagnie.

La vue du port d'Amsterdam excite un mouvement d'admiration mêlé d'extase. C'est une forêt de mâts. On assure qu'en hiver on y compte, sans exagération, plus de mille vaisseaux; en été, il est aisé de comprendre qu'il n'y en a pas autant, mais toujours leur nombre surpasse de beaucoup celui de tous les autres ports de l'Europe. Pour mieux contempler ce beau spectacle, il faut se rendre à une auberge qui s'avance au milieu du port et d'où on le découvre entièrement. On appelle cette auberge dans la langue du pays *Nieve-Stadts-Herberge*. A l'auberge dite le *Blau-Jahn* on voit une petite ménagerie composée de ce qu'il y a de plus rare en bêtes et en oiseaux dans les quatre parties du monde. L'hôte en fait un trafic fort lucratif.

La tolérance qui protège à Amsterdam toutes les religions procure aux étrangers la facilité d'assister aux services de leurs différents cultes. Le vendredi soir, on va d'ordinaire aux synagogues. On en compte trois: une portugaise et deux allemandes. Là, on entend avec plaisir trois frères juifs, dont le chant produit une cacophonie singulière. Le dimanche matin, on parcourt les autres églises, dont il y a un bon nombre. Comme on ne pourrait faire cette course à pied, vu l'étendue de la ville, on prend pour toute la journée un carrosse de louage, ce qui coûte 6 florins 6 sols.

L'après-dîner du dimanche, on va d'ordinaire à une promenade publique, située près de la porte de Mayden et qu'on

nomme le *Plantage*. Cette promenade consiste en plusieurs belles allées d'arbres. On y trouve une foule de monde, composée de bons bourgeois et de leurs familles, car les gens de première distinction préfèrent être dans leurs campagnes. Mayane, marchand bijoutier à Amsterdam, y possède une boutique si bien fournie de tout ce que l'on peut désirer en objets de luxe qu'elle mérite la peine qu'on allât exprès pour la voir. Mlle Braem, vis-à-vis la maison de correction, a la boutique la mieux fournie en marchandises des Indes. Ses mousselines surtout tirent un nouveau prix de la délicatesse et du goût de leurs broderies faites en Suisse, pays très renommé pour ces sortes d'ouvrages. Mlle Braem a aussi des perses différemment colorées, des étoffes d'or et d'argent, etc.

A la grande louange des Hollandais, il faut dire qu'on ne trouve en aucun autre pays de si beaux établissements pour les vieilles gens et les orphelins. A Amsterdam surtout, on voit plusieurs édifices qui font également honneur à la ville par leur magnificence et par le but qu'on s'est proposé en les faisant élever. Dans les uns, on soigne la vieillesse; dans les autres, on veille à l'éducation de cette quantité d'innocents, qui, privés de leurs parents dans leur enfance, périraient indubitablement sans ce secours. Par là, on satisfait à la fois aux devoirs de l'humanité et l'on rend à l'Etat un service essentiel, en inspirant à ces enfants le goût du travail et en en faisant des membres utiles à la société.

Dans une des galeries du rez-de-chaussée de l'hôpital des vieillards, je remarquai plusieurs boutiques de bijouterie assez bien fournies, et principalement celle de la Leroy. Dans la maison de l'horloger Creps, à côté de la Bourse, je vis plusieurs pendules de son invention qui me parurent très curieuses.

M. Goll de Frankenberg, banquier fameux, qui a toujours eu soin des affaires de l'impératrice-reine et qui a reçu d'elle, en reconnaissance, le titre de baron, possède un des plus beaux cabinets de dessins, non seulement de la Hollande, mais, s'il est permis de le dire, de toute l'Europe. Sa collection ren-

ferme des dessins de plus de huit cents maîtres, dont la plupart de l'école flamande. Il a très peu de dessins italiens, vu que les Italiens ont toujours donné la préférence à la peinture. M. de Goll est un homme très poli, très aimable et qui, en qualité de connaisseur, fait de savantes recherches sur l'origine et les progrès de la peinture.

M. Lublin, marchand de tabac, après avoir amassé un million dans son négoce, a commençé à satisfaire sa passion pour les tableaux. Sa collection n'est pas nombreuse, mais choisie. Tous ses tableaux sont de maîtres flamands. J'ai vu chez lui quatre ou cinq *Wouwerman* d'une beauté achevée, parmi lesquels je distinguai *la Foire*, la *Victoire des paysans sur les soldats* et son pendant qui représente la *Victoire des soldats sur les paysans*, etc.

M. Oldecop, agent de notre Cour, homme poli et très serviable, nous témoigna beaucoup d'attention pendant les huit jours que nous restâmes à Amsterdam et nous procura un yacht qui appartenait à ses amis pour aller à Saardam, où il nous accompagna.

Saardam, plutôt ville que village, mérite la curiosité et l'admiration des étrangers. On y compte plus de 20 mille habitants et près de 3000 maisons, qui sont toutes très jolies. La propreté qui y règne plaît et enchante. Les Saardamois sont, pour la plupart, des charpentiers; d'autres s'adonnent au commerce de bois ou de blé. Saardam n'est point l'asile de la pauvreté ni celui de l'opulence, mais les paysans qui l'habitent jouissent tous d'une honnête aisance. On ne voit nulle part une aussi grande quantité de moulins à vent: les uns sont destinés à scier le bois, les autres à faire de l'huile, du papier, etc.

Le 20 sept. 1771, nous allâmes de Leyde à la Haye. C'était la première fois que je visitais cette ville, quoique je fusse en Hollande depuis quinze mois. La crainte de nous distraire de nos études nous avait jusqu'alors empêchés de faire ce petit voyage. La Haye est une fort jolie ville, bien située

et bien bâtie, mais d'une médiocre étendue. Elle renferme assez d'habitants, et cependant l'on ne s'en aperçoit guère. Le flegme qui fait le fond du caractère des Hollandais les empêche de se livrer à cette gaîté, à cette bonne humeur qui distingue les Français. Ils préfèrent la solitude de leurs chambres et les plaisirs à la sourdine à ceux qui peuvent avoir quelque relation avec le public. Ils se concentrent dans le cercle de leurs parents ou bien d'un certain nombre d'amis, et ils n'existent point pour le reste de la société.

Le *Vorhoot* est une promenade charmante, au milieu de la Haye: c'est une longue allée, ombragée par trois ou quatre rangées d'arbres et bordée des plus belles maisons. Le *Plein* est une place carrée, environnée d'arbres, où se fait tous les matins la parade. La promenade le long du vivier n'est pas moins agréable. Quant aux sociétés de la Haye, je ne puis en juger que par ouï-dire. On dit qu'elles y sont généralement uniformes. Des intrigues, des querelles de femmes y divisent le public, de sorte que chacun se borne presqu'à sa coterie. On se loue beaucoup de M. d'Yorck, ambassadeur d'Angleterre, qui, faisant de grandes dépenses, contribue aux plaisirs de l'hiver en donnant des bals tous les quinze jours. Mme de Boezlarrs donne des assemblées chaque mercredi, et Melle Heninor, tous les jours. Mais il faut savoir ce que c'est que ces assemblées: on n'y vient que pour y faire une partie de jeu, et l'on s'assemble à huit heures et demie du soir pour se séparer aussitôt après 11 heures. La marquise de Cordon, femme de l'envoyé de Sardaigne, est on ne peut plus aimable. J'eus l'occasion de faire sa connaissance chez le prince Galitzine. Sans être belle, elle enchante par son maintien, sa conversation et ses saillies. M. Lestevenon de Berkenrode Drossart de Breda, fils de l'ambassadeur de la République à Paris, est encore un jeune homme d'une société très aimable.

La promenade de la Haye à Scheveningen, village sur le bord de la mer, est délicieuse. C'est une allée d'une lieue de long,

qui va toujours en ligne droite. Elle est pavée de petites briques. Au commencement de cette allée se trouve le beau jardin qui avait appartenu à l'aîné Harting, qui le vendit à un juif portugais lors de sa banqueroute et de son voyage en France. Au milieu de l'allée, à gauche, est *Sorgenfrey*, campagne appartenant au comte de Bentinck. Elle est absolument dans le goût anglais; on en fait de grands éloges.

Le cabinet d'histoire naturelle du prince d'Orange mérite à tous égards d'être vu; il est beau, mais l'arrangement en est surtout admirable.

La vieille Cour est un bâtiment assez grand, mais dont l'architecture n'a rien d'attrayant. La collection des tableaux du prince d'Orange s'y trouve placée; elle n'est pas fort nombreuse, mais cependant assez belle.

Le théâtre français est bâti sur le Casuoristrat; il est petit, peu orné, mais, du reste, l'arrangement en est assez mignon.

La troupe des comédiens français est passable; Mlle Andas est la première actrice et M. Dimoncel le premier acteur. Les gens de distinction se placent ordinairement au balcon, où une place abonnée coûte 4 ducats par mois et une place non abonnée 3 florins 3 sols, pour une soirée.

Les meilleures auberges de la Haye sont le *Maréchal de Turenne* et le *Parlement d'Angleterre*.

Nous quittâmes tout-à-fait Leyde le 2 oct. 1771. Nous arrivâmes le même jour à Rotterdam, où nous descendîmes à l'enseigne: *Au grand Maréchal de Turenne*. Là, on nous dit que les pluies continuelles de l'été avaient rendu impraticables les chemins jusqu'au Moordyck, et qu'il ne nous restait pas de meilleur parti à prendre que de nous embarquer nous-mêmes sur un yacht, en envoyant nos équipages sur un autre bâtiment directement à Anvers. Ce conseil nous parut l'unique à suivre, aussi l'exécutâmes-nous à la lettre. Le fret du yacht, de Rotterdam au Moordyck, ne nous coûta que 3 ducats. Le ducat vaut ici 5 florins 5 sols ou 105 sols. Dans les Pays-Bas il vaut 6 florins, mais lorsqu'on en fait le change, on n'en reçoit que 17 escalins.

Arrivés au Moordick, nous y rencontrâmes une voiture de louage qui nous mena jusqu'à Anvers. Nous comptions rester dans cette ville tout au plus deux jours, mais le ciel en avait ordonné autrement. La négligence de M. Blondel, banquier de Rotterdam, qui était notre expéditeur, fut cause qu'au lieu d'y rester deux jours nous y séjournâmes deux semaines. En expédiant nos équipages, il avait oublié de les munir d'un passeport de la Zélande, ne leur en ayant fourni que de la Hollande. M. de Routebulle, qui avait un pressentiment secret de ce qui devait nous arriver, l'en avertit; mais sa réponse fut que notre crainte était mal fondée, et que sur cinquante navires qui partaient pour Anvers quarante-neuf passaient sans être arrêtés aux postes de la Zélande. Il n'y avait rien à répliquer. cependant le malheur voulut que notre vaisseau devînt justement ce cinquantième. A Lille, les commissaires zélandais demandèrent au capitaine s'il avait un passeport de leur province. Sur sa réponse négative, ils ajoutèrent qu'ils n'osaient le laisser passer outre, mais qu'ils allaient en donner avis à leurs supérieurs à Middelbourg. Nous languissions depuis deux jours à Anvers dans une attente continuelle de nos équipages, lorsqu'un domestique vint nous annoncer cette désagréable nouvelle. On peut aisément se représenter combien elle devait paraître pénible à des voyageurs qu'elle arrêtait au milieu de leur route et qui devenaient, par un hasard fatal, les victimes innocentes de cet esprit de jalousie et de dissension qui régnait entre les deux provinces. Il fallut bien nous résigner et prendre patience. La réponse que nous attendions de Middelbourg vint au bout d'une semaine. Elle nous était favorable, mais nous eûmes à essuyer un autre revers. Un vent contraire s'éleva avec fureur. Durant plusieurs jours, nous n'osâmes lever l'ancre; enfin, le vent tomba et notre vaisseau aborda, après avoir été visité par les douaniers autrichiens, au port Philippe: puis nous partîmes sitôt après le 18 oct., à 7 $^1/_2$ heures du matin.

Nous eûmes tout le loisir de connaître Anvers et de visiter les curiosités qu'elle renferme. Cette ville n'est plus qu'une

faible ombre de ce qu'elle était jadis, alors cité riche, florissante, peuplée, entrepôt du commerce de toute l'Europe. Différentes causes ont concouru d'un pas égal à sa décadence. Elles proviennent de l'époque fatale où les sept provinces, poussées à bout par les rigueurs du gouvernement de Philippe II, prince cruel et inexorable, arborèrent l'étendard de la liberté et commencèrent à s'ériger en république. On connaît les moyens dont elles se servirent pour se maintenir dans cet état d'indépendance que la nature des choses leur fit envisager comme infiniment préférable à l'état de sujétion, pour étendre leur commerce et pour faire fleurir leur petit pays en y attirant les étrangers. Les Hollandais, en agissant conformément à des principes sages et prudents, ont sappé les fondements de la félicité des autres provinces des Pays-Bas, qui restèrent sous la domination espagnole. Tout leur réussit à souhait, et bientôt on vit Amsterdam s'élever sur les ruines d'Anvers. Une superstition stupide, digne de l'ignorance de ce temps, un fanatisme odieux aveuglait à Madrid le roi catholique et son conseil. Des arrêts fulminants en émanaient et, loin de rétablir la tranquillité, ne faisaient que bouleverser les esprits et leur inspirer de plus en plus une haine décidée contre le joug odieux qu'on voulait leur imposer. Les calamités et les horreurs, suites inséparables d'une guerre de 80 ans, pesaient sur ces malheureux habitants, qu'aucun espoir ne soutenait plus. D'un côté, en butte aux perquisitions tyranniques du Saint-Office, de l'autre, exposés au glaive du soldat effréné, le désespoir agit si fortement sur eux qu'ils détestèrent les lieux qui les avaient vus naître. Pour échapper à des traitements aussi inouïs, ils allèrent chercher sous un autre ciel un asile où le gouvernement, dépouillé de ces préjugés destructeurs, laissât à chacun la faculté de jouir paisiblement de tous les agréments de la vie, de ses biens et surtout de sa conscience, ce don précieux de la divinité, cette chose sacrée que des hommes, emportés par un faux zèle, prétendirent toujours asservir à leurs erreurs.

C'est au sein de ces orages que se formait cette république, qui, n'ayant d'autres ressources que celles qu'inspire l'amour de la liberté, résista avec efficacité aux efforts réitérés des maîtres du Nouveau-Monde; et dans la suite, cette même république eut la gloire d'être réclamée hautement pour raffermir le trône chancelant de ces monarques qui avaient voulu lui faire éprouver toutes les duretés du despotisme. Elle tendit les bras à tous ceux qui voulurent établir leurs demeures dans ses états et accueillit surtout les colons qui apportaient avec eux des talents ou de l'industrie. La tolérance, cette vertu d'Etat, qui établit la félicité générale en réunissant tous les intérêts particuliers, fonda la prospérité de ce pays. On peut voir dans l'histoire, ce tableau fidèle des vices et des vertus de nos pères, que les maximes contraires à la tolérance concourent à la chûte des empires. Qu'on considère avec impartialité les causes primitives de la décadence des Etats les plus florissants et on verra que les véritables causes en ont été la corruption qui se glisse dans les mœurs et ensuite l'ambition peu patriotique d'un seul, qui, pour s'élever ou pour étendre les limites de son pouvoir, fait gémir sous une dure oppression ses autres concitoyens. Qu'est-ce qui constitue en effet la force et la prospérité d'un Etat, si ce n'est cette élévation qui doit se trouver dans l'âme de ses concitoyens? Elle fortifie en eux l'amour de la patrie et celui de son souverain; elle les aiguillonne aux grandes actions, elle leur fait envisager d'un front serein les dangers les plus imminents et la mort même.

L'œil du voyageur se plaît à admirer, à Anvers, les belles peintures d'un Rubens ou d'un Van Dyck, tandis que l'esprit de l'homme raisonnable se révolte à l'aspect de l'oisiveté et de la fainéantise d'un tas de ces êtres inutiles qui, ordinairement, ne se servent du voile sacré de la religion que pour induire en erreur le vulgaire et quelquefois pour cacher ce que les passions mondaines ont de plus humiliant: cette ville fourmille de moines; c'est à eux qu'elle doit en grande partie l'anéantissement de son commerce; ce sont eux qui, par des principes

fondés sur un enthousiasme destructeur, ont miné la puissance dont elle a joui.

La situation d'Anvers est très favorable pour le commerce, bâtie dans le voisinage de la mer et baignée par l'Escaut, rivière large et profonde: les plus gros vaisseaux pouvaient autrefois y aborder. Mais les Hollandais, jaloux, à juste titre, des avantages d'une telle situation, ont su les rendre nuls par d'anciens traités faits avec les monarques espagnols. Il y fut stipulé que tout gros vaisseau, faisant voile pour Anvers, ne pourrait débarquer ses marchandises que sur le territoire de la république, d'où l'on pourrait les transporter sur des barques à Anvers. On sent combien ces clauses onéreuses ont dû contribuer au dépérissement des affaires de cette ville, dont le commerce actuel ne consiste plus qu'en dentelles qu'on y fabrique et qu'on appelle communément «point de Malines».

Quoique le commerce d'Anvers soit dans la plus grande décadence, cependant cette ville renferme encore de grandes richesses, presque toutes au pouvoir des moines ou entre les mains de quelques familles qui préfèrent jouir tranquillement de leurs rentes à l'avantage de faire circuler leur argent dans le commerce. Il faut ajouter que ce mal provient d'une cause très ruineuse, c'est que ces richards se sont laissés entraîner au torrent des préjugés du siècle. Ils ont acheté des titres de noblesse et, sans réussir à se faire considérer du côté de la naissance, ils ne sont parvenus qu'à s'attirer un grand ridicule par leurs dépenses et les airs qu'ils affectent de se donner, les croyant nécessaires à des personnes de qualité. Quelle folie! aussi en pâtissent-ils les premiers.

Nous avons logé dans une très bonne auberge à l'enseigne du *Grand laboureur*. Elle est située sur une grande place, appelée la place de la Mer, laquelle est spacieuse et entourée d'assez beaux bâtiments. C'est là que les dames de la ville viennent se promener en carrosse vers les sept heures du soir. Sur cette place demeure M. Lapierre, banquier, pour qui nous avions une lettre de recommandation. M. Blondel de Rotter-

dam nous en avait aussi donné une pour la veuve Smetz qui remplit les fonctions de facteur. C'est par ses bons offices que nous avons reçu nos équipages plus tôt que nous ne pouvions l'espérer. Rue des Tannelers se trouve le marchand Van Merlen chez qui nous achetâmes des dentelles.

Des couvents, des églises, des tableaux, voilà les objets qui fixent principalement l'attention d'un étranger à Anvers. La cathédrale, d'architecture gothique, est très belle; sa tour, surtout, qui est très élevée, est d'un travail très artistique: de son sommet, l'on découvre tous les environs et plusieurs villes avoisinantes. Sans parler de *la Descente de croix* de Rubens, il y a dans cette église de fort beaux tableaux. Ce n'est pas le même homme qui les montre tous: chaque tableau de prix est fermé par un rideau et a son gardien particulier. Cette méthode est excellente pour escamoter l'argent des curieux. Les personnes qui vous montrent des églises, des couvents ou de certains tableaux se contentent de deux escalins. Le salaire des domestiques de louage est fixé dans toutes les villes des Pays-Bas: on leur donne quatre escalins par jour.

La paroisse St-Jacques est belle et surtout bien éclairée. On y voit beaucoup de marbre. Rubens a été enterré dans la chapelle qui est derrière le chœur.

Le prince de la peinture avait ordinairement la fantaisie de choisir pour modèle, dans ses différents chefs-d'œuvre, une de ses trois femmes. Elles étaient toutes trois d'une beauté achevée. Ainsi, à l'envisager de ce côté, il n'avait pas tort, mais de l'autre, ne paraît-il pas ridicule de trouver à l'église le portrait d'une pauvre pécheresse dans une image de la Sainte Vierge? La plupart des ouvrages de Rubens sont considérés avec raison comme des chefs-d'œuvre, mais les Brabançons poussent cet enthousiasme jusqu'à conserver ses plus faibles esquisses aussi précieusement que les reliques de leurs saints.

La paroisse de Ste-Walburge a, dit-on, anciennement servi de temple au dieu Odin, qui était chez ce peuple le dieu de la guerre; elle a été érigée en église lors de l'introduction du

christianisme. Il n'y a de remarquable que la singularité de son origine et un tableau de R u b e n s placé au dessus du maître-autel et représentant l'*Elévation de la croix*.

Le couvent des Dominicains, celui des Augustins et le collège des Jésuites sont dignes d'être visités. On voit chez les Dominicains un très beau calvaire qui est une copie fidèle de celui de Jérusalem. Deux pères ont fait expressément le voyage de la Terre-Sainte pour en prendre le dessin. C'est là qu'un tas de monde vient se flageller pendant la semaine sainte, guidé par la superstition et fermement persuadé qu'il peut expier ses péchés par les rigueurs d'une telle pénitence. Comment concilier l'idée que nous devons avoir de l'Etre des êtres avec celle que ces bonnes gens s'en forment, à leur propre honte et à l'humiliation du genre humain!

Durant notre séjour à Anvers, les Dominicains célébrèrent un grand jubilé, auquel nous assistâmes. Cette cérémonie excita en nous un double mouvement, celui de l'admiration qu'attirait la magnificence qui éclatait de tous côtés et celui de la pitié qu'inspirait la façon ridicule dont les moines traitent les choses les plus sacrées de la religion. La procession qui défila par les principales rues était plus capable d'exciter le scandale que d'imposer le respect. La Sainte Vierge était représentée par une poupée qu'on portait sur de riches brancards d'argent massif. Cette poupée, richement coiffée et habillée de drap d'or, était précédée de musiciens qui jouaient une marche très gaie sur des instruments à vent. Ensuite, venait un chanoine de la cathédrale qui portait le Saint-Sacrement. Il marchait sous un riche dais; il était également précédé de musiciens et d'enfants qui agitaient des sonnettes pour avertir les spectateurs et les passants de se mettre à genoux. On m'a assuré que cette procession était encore très tolérable en comparaison de tant d'autres, où le ridicule et l'indécence même sont poussés à l'extrême.

Je visitai à Anvers plusieurs cabinets particuliers qui renferment de jolies collections de tableaux. On n'a qu'à s'annon-

cer chez les maîtres de ces cabinets pour y être introduit. Les collections les plus remarquables, à mon avis, sont celles du bourgmestre Schoseel, du chanoine Kneif, du consul portugais Filar et de M. Kock. On y voit par-ci par-là de belles peintures, mais généralement elles ne sont aucunement comparables à celles qu'on trouve à Amsterdam.

Le rempart de la ville est une promenade très agréable. La Bourse est un beau bâtiment gothique. Construite au temps où la ville florissait par son commerce, elle ne sert plus à présent que d'ornement. Cependant le second étage est utilement employé: c'est là que s'assemble l'Académie de peinture et que l'on donne les instructions nécessaires aux jeunes élèves qui veulent s'adonner à cet art sublime où l'imagination n'a pas moins de part que la délicatesse du pinceau. Rubens a montré qu'il était un de ces génies rares qui paraissent comme des phénomènes. Aucun de ses compatriotes n'a pu jusqu'ici l'égaler. Il a transmis son art, mais non ses talents.

Arrêtés à Anvers par l'accident ci-dessus mentionné, nous ne pûmes quitter cette ville que le 18 octobre. Nous partîmes pour Bruxelles en prenant notre route par Malines.

Malines n'est connue que par son archevêché et par ses dentelles. La ville n'est pas bien bâtie, les maisons sont construites à l'antique et les rues étroites et malpropres. Cependant Malines a la réputation d'être la ville des Pays-Bas la plus propre; aussi en porte-t-elle le surnom. La cathédrale est vaste et somptueuse. Le palais de l'archevêque est un beau bâtiment dans le goût moderne. La ville est entourée d'un rempart qui sert plutôt de promenade publique que de défense. Elle se trouve précisément à mi-chemin entre Anvers et Bruxelles.

Bruxelles est bâtie sur plusieurs collines, ce qui offre à chaque pas de nouveaux points de vue, plus beaux les uns que les autres. Cette ville est assez grande et paraît très peuplée, à en juger par le monde que l'on voit dans les rues. La noblesse du pays, qui est très nombreuse, y séjourne d'ordinaire. Les maisons, toutes en pierre, présentent une architecture passa-

ble. On y voit de fort beaux hôtels. La façon de vivre à Bruxelles doit être charmante, surtout en hiver. Il y a quantité de maisons ouvertes, où les étrangers sont accueillis au mieux, pourvu que leur conduite réponde à leur naissance. Ces maisons ouvertes sont, entre autres, celles du duc d'Aremberg, du prince de Ligne, du prince de Stahremberg et de la comtesse de Mérode. Nous ne nous sommes arrêtés à Bruxelles que quatre jours. Nous logions chez Morin, à l'enseigne du *Parlement d'Angleterre*. Cette auberge n'est plus comme autrefois la meilleure; elle n'a pour elle que sa situation qui est fort agréable. *L'hôtel de Hollande* commence à devenir très en vogue.

Le général de Grovestein, pour qui nous avions une lettre de recommandation du prince Galitzine, nous introduisit chez le prince de Stahremberg, que nous allâmes voir un dimanche matin, pendant qu'il donnait audience aux gens du pays qui venaient lui faire leur cour. Il nous reçut très poliment, ainsi que la princesse, femme très aimable quoique déjà sur le retour. Ils nous invitèrent à diner pour le lendemain. Le général Saltikov s'y trouva aussi.

Il y a spectacle quatre fois par semaine. Les premières pièces, toujours des tragédies ou des comédies, sont suivies d'opéras-comiques. Les acteurs sont excellents. Mme de Verteuil est la première actrice et M. Doisemont le premier acteur pour le comique et pour le tragique; Suzette et Angélique jouent le mieux dans les opérettes. Le carnaval doit être très animé.

Outre les bals et les assemblées que donnent les particuliers, il y a encore des redoutes à la salle de spectacle. Alors on élève le parterre de niveau avec le théâtre, et on danse au milieu tandis qu'on joue et qu'on jase dans les loges.

Nous avons eu le malheur de ne pouvoir être présentés au prince Charles: il se trouvait à Mariemont, un de ses châteaux de chasse, à neuf lieues de la ville. Il est aussi très souvent à Tervüren, autre château, situé à deux lieues de Bruxelles. Onc-

le de l'empereur, beau-frère de l'impératrice-reine, il reçoit tous les honneurs dûs à un archiduc, et sa maison est montée sur le même pied. Il y règne la même étiquette. Les mêmes grands-officiers et tous les chambellans de la Cour impériale qui se trouvent à Bruxelles doivent faire chez lui leur service comme ils le font à Vienne. On dit beaucoup de bien de ce prince. Si la fortune ne l'a pas toujours favorisé dans ses expéditions militaires, il n'en est pas moins respectable par la bonté de son cœur: uniforme dans ses manières, doux, affable, il fait oublier à ceux qui l'approchent l'élévation de son rang. Quoique, par sa charge de gouverneur général, il puisse avoir la plus grande influence sur les affaires du pays, cependant l'on m'a assuré qu'il ne s'en mêle pas beaucoup. Le ministre plénipotentiaire qui lui est adjoint pour l'aider de ses conseils est celui sur qui roule tout. Aussi le remarque-t-on bien à la conduite respectueuse qu'on observe à son égard.

La forme du gouvernement de ces provinces s'est conservée, du moins pour le dehors, dans le même état de liberté où il se trouvait sous les anciens ducs. Les états de chaque province s'assemblent, à l'ordinaire, deux fois par an. C'est dans ces assemblées qu'on délibère sur les propositions de la Cour, et le résultat ordinaire de ces délibérations est de tout accorder. Les états de Brabant, par exemple, sont composés du clergé mitré, du corps de la noblesse et de trois villes, à savoir: Louvain, Bruxelles et Anvers. L'abbé comte de Gemblours, par un ancien privilège, est le premier noble de la province; il a, entre autres, le singulier droit de dire la messe, botté et éperonné.

Le prince Charles s'est acheté la maison qui a appartenu autrefois aux princes d'Orange. Il a fait réparer l'ancien édifice, en y ajoutant une aile qui forme un très beau bâtiment à la moderne. La façade qui donne sur le jardin ressemble assez à celle de Versailles, mais en miniature. Il y a deux appartements principaux, l'un qu'habite le prince et l'autre qui est destiné à sa sœur, Madame royale. Tous deux également bien

ornés, ils possèdent des meubles d'un goût très riche et de la dernière mode. Le cabinet du prince est tout revêtu de laque de Chine et décoré de porcelaines et de pagodes du même pays. La salle à manger est ornée d'assez beaux tableaux. Le grand escalier est superbe: il est précédé d'un passage pour les voitures, en forme de rotonde. La balustrade, dont le milieu est tout en fer, est remarquable par la finesse de son travail; elle est enrichie de plusieurs figures de différents animaux en cuivre doré. Le palais occupe une très belle situation: il est bâti sur le lieu le plus élevé de la ville, d'où l'on découvre une vue délicieuse. Devant la façade se trouve un petit jardin. Après avoir descendu quelques terrasses, on parvient à une petite ménagerie où l'ou voit quantité d'oiseaux de toute espèce.

Au rez-de-chaussée se trouve le cabinet d'histoire naturelle, qui renferme beaucoup de raretés. Ce qui m'y a plu davantage, c'est une armoire portative, toute incrustée en antiques, achetée à la succession de la reine Christine, et une collection de modèles en petit de tous les arts et métiers connus.

La cathédrale est un grand et bel édifice. Elle est dédiée à Sainte Gudule, dont on raconte beaucoup de miracles.

Le collège des Jésuites mérite d'être vu. Il est vaste. La sacristie renferme de grandes richesses en pierreries, en argent massif et en broderies. La bibliothèque est assez nombreuse, mais le choix des livres ne m'a guère plu: ce ne sont, pour la plupart, que des ouvrages de piété ou des auteurs classiques. Les tableaux de la sodalité, quoique peints par un nouveau maître, sont assez jolis.

Les fabriques de Bruxelles, en haute et basse lisse, étaient autrefois très renommées et d'un rapport considérable, mais elles ne jouissent plus de la même réputation.

Au milieu de la ville se trouve un parc assez vaste et rempli de daims et de cerfs. Il est situé près des décombres de l'ancien château des ducs de Brabant, qu'un incendie terrible consuma au commencement de ce siècle, sous le gouvernement de l'archiduchesse Léopoldine. Ce parc est la promenade

la plus agréable et la plus fréquentée de la ville: tout le beau monde s'y rend en carrosse ou à cheval. C'est là que les dames brabançonnes, traînées dans leurs plus beaux équipages, viennent étaler leurs attraits ainsi que leur fierté. Je n'avais encore jusqu'ici jamais vu de noblesse qui fût plus entichée de ses vieux parchemins, bien qu'un grand nombre de ces familles titrées se trouvât quelquefois hors d'état de soutenir leur rang vu le mauvais état de leurs finances. Cette quantité de familles nobles qu'on rencontre dans le Brabant est encore un reste de la domination espagnole.

Il est à conseiller à un étranger de ne point quitter Bruxelles sans avoir vu la promenade des remparts. On y découvre, d'un côté, des environs délicieux, et la ville présente, de l'autre, une perspective admirable.

La Maison de ville est remarquable par son étendue et par la beauté de son architecture gothique. La salle dans laquelle s'assemblent les états de Brabant est à noter pour la beauté de ses tentures en haute lisse; elles représentent l'abdication de Charles-Quint, l'installation de Charles VI et l'entrée solennelle de Philippe le Bon. Au milieu de cette salle se trouve une longue table couverte de velours cramoisi, au haut de laquelle préside le chancelier de la province au nom de l'impératrice-reine. Le portrait de cette princesse est suspendu sous un dais, derrière son fauteuil. Dix-huit sièges, également en velours, sont rangés de chaque côté de la table, à droite pour les nobles, à gauche pour le clergé. Le duc d'Ursel, gouverneur de la ville et beau-frère du prince Lobkovitz occupe la seconde place, comme étant le plus ancien dans le serment, car autrement cette place appartiendrait au duc d'Aremberg, qui joint à l'avantage d'être membre de l'illustre corps germanique celui d'être issu d'une des plus anciennes familles du pays.

Lorsque la foire se tient à Bruxelles, ce qui arrive ordinairement vers la fin d'octobre, les boutiques les plus belles sont placées dans le rez-de-chaussée de la Maison de ville. La

foire dure quinze jours; elle est assez brillante et infiniment plus riche que celle des villes de la Hollande.

Je ne puis quitter Bruxelles, sans dire un mot du plus grand original qu'on ait jamais vu entre ciel et terre. On s'imagine bien que c'est du chevalier Verelst que je veux parler. C'est un animal très singulier. Non content d'une seule manie, il en a plusieurs, plus ridicules les unes que les autres. Malade imaginaire depuis trente ans, il se plaint continuellement tantôt de maux de tête furieux, tantôt de douleurs violentes dans l'estomac, lequel, prétend-il, se refuse à remplir ses fonctions naturelles. Il est sujet, à l'entendre, à de fréquents évanouissements provenant d'un relâchement total dans le système nerveux. Il est persuadé que le grand air lui est nuisible, au point qu'il se croit dans la nécessité de garder continuellement la chambre, bien persuadé qu'il deviendrait la victime d'une mort certaine, s'il venait à enfreindre les lois gênantes qu'il s'est imposées. Quelqu'absurdes et quelque ridicules que soient de pareilles idées, l'âge, loin de l'en défaire, n'a fait que les graver plus profondément dans son cerveau, lequel se trouve réellement dans le dérangement qu'il suppose aux autres parties de son corps.

Pour se distraire dans sa prison volontaire, il a fixé son goût sur les tableaux. Il en a une collection, qui tapisse quatre grandes chambres. Etant très à son aise, il n'a rien négligé pour se procurer des pièces des meilleurs maîtres. Il est très poli avec les étrangers. On n'a qu'à demander la permission de voir son cabinet pour être sûr de l'obtenir. Il fait conduire les curieux dans ses appartements par un de ses valets de chambre, qui, après avoir tout montré et fait un long exposé de toutes les peines que son maître a prises pour rassembler tant de belles peintures, finit par leur proposer d'aller voir le chevalier lui-même dans sa chambre. Il se montre pour la bonne bouche, et cela dans l'attirail le plus baroque. Ses prétendues maladies ne lui permettant point de s'habiller, on le trouve toujours dans le plus grand négligé. Qu'on se représente

un homme d'environ cinquante-cinq ans, avec un teint frais et vermeil, couvert d'une vaste robe de chambre d'une très belle étoffe, avec des manchettes et des points à la chemise, un énorme bonnet de fine mousseline, garni en dentelles et attaché avec une cocarde de rubans de la même couleur que la robe de chambre, des bagues de grand prix aux deux mains et une canne enrichie de diamants, et l'on aura le portrait de ce fantasque personnage. Après les premiers compliments d'usage, il commence par louer sa collection avec exagération. La politesse veut qu'on soit de son avis. Il fait ensuite la longue et ennuyeuse énumération de ses maux et il s'avoue le plus malheureux des hommes. La chambre où il se trouve est le sanctuaire où l'on admire ses objets les plus rares, entre autres un très beau Rubens qui a servi de décoration à un maître-autel dans une église de Malines, et qu'il eut occasion d'acheter pour 24 mille livres.

Gand est la capitale de la Flandre et en même temps, à prendre son circuit, la plus grande ville de cette contrée. Elle n'est pas peuplée à proportion de son étendue. On ne compte qu'environ 60 mille habitants. Il s'y trouve des gens très riches, surtout parmi les marchands de toiles: on le remarque aux belles maisons qu'ils font bâtir et à la manière dont on dit qu'ils vivent.

Lorsqu'on a vu une ville des Pays-Bas, on peut se dispenser de visiter les autres: elles sont dans une exacte similitude, sous le rapport des bâtiments.

Arrivé à Gand, un étranger doit d'abord visiter la cathédrale, dont l'intérieur est remarquable par la quantité de marbre qui le décore: c'est l'effet de la générosité d'un ancien évêque, qui légua au chapitre une certaine somme dont les intérêts devaient être employés à une décoration annuelle de la cathédrale. Ce qu'il y a ensuite de plus curieux, c'est l'abbaye de St-Pierre, vaste et bel édifice, dont le maître-autel est revêtu d'argent massif. On y voit le tombeau de la reine Isabelle de Danemarck, sœur de Charles V. L'abbé de St-Pierre

passe pour être le primat de la Flandre. Il possède le droit de ceindre l'épée au souverain du pays, le jour de son installation. Il a, en outre, le grand privilège d'exercer, dans toutes les dépendances de l'abbaye, la juridiction temporelle et spirituelle; il peut condamner à mort, et ses sentences sont légalement exécutées.

La bibliothèque de l'abbaye mérite d'être citée pour le choix et l'arrangement des livres. Un trumeau immense fait face à la porte d'entrée et augmente par la réflexion la beauté du coup d'œil.

Nous logeâmes à Gand à l'enseigne de *Saint Sébastien*. C'est une auberge excellente; nous y fûmes bien logés et parfaitement bien nourris. Sa situation est charmante: elle se trouve sur *la parade*, place environnée d'arbres, qui sert également de promenade.

Autant que j'ai pu le remarquer pendant mon court séjour à Bruxelles et dans les Pays-Bas, le gouvernement autrichien y est assez doux. Ce n'est qu'en matière de religion que l'impératrice-reine, d'après les principes destructeurs qu'on lui a inculqués dans son enfance, ne suit que ce que lui dicte une croyance élevée sur le fanatisme et la superstition et conservée par l'ignorance du vulgaire. Du reste, cette princesse ménage, autant que possible, ses sujets flamands, et son exemple est suivie par ses ministres.

Les Pays-Bas forment, sans contredit, un beau domaine au souverain qui les possède. De grandes richesses sont concentrées dans ces provinces, et la situation favorable du pays, jointe à l'industrie des habitants, sont autant de causes qui concourent à les augmenter annuellement. De là cette coutume de la Cour de Vienne de les considérer comme une ressource en cas de nécessité urgente. Aussi des exemples très fréquents montrent assez avec quel empressement on a eu recours à cette assistance des Pays-Bas, non par la voie des impositions, toujours odieuse au peuple, mais par celle des emprunts, qui, infiniment plus douce, offre aux sujets pour placer leur argent un fond aussi sûr que la parole sacrée du souverain.

Le Flamand (je comprends ici sous le nom de Flamand tous les sujets de l'impératrice-reine, quoique improprement, mais je ne le fais que pour être plus laconique), quoique habitant le même pays que le Hollandais, en diffère cependant d'une manière très sensible dans son humeur, et, en général, dans son caractère. Il ne se ressent pas de l'influence flegmatique d'un air trop aqueux: il est plus leste, plus sociable, aussi laborieux, aussi industrieux et serait capable de tout, si les moines, cette partie inutile du genre humain, et le bandeau illusoire d'une religion superstitieuse n'étouffaient en lui le germe d'un heureux naturel dont le développement produirait des avantages d'une solidité réelle.

Les douanes, qui forment une partie considérable des revenus de S. M. l'impératrice-reine, ont une police très rigoureuse à l'égard des étrangers, mais quelquefois, moyennant trois ou quatre florins, on peut s'éviter l'embarras qu'entraîne une visite aussi désagréable que celle de messieurs les douaniers. Il arrive cependant qu'on rencontre des impertinents qui refusent votre argent et n'en poursuivent leurs recherches qu'avec plus de rigueur. Le plus prudent est de n'emporter avec soi aucun objet de contrebande; sans quoi l'on s'expose à mille désagréments, dont l'un des moindres est de se voir tout confisqué.

A huit heures de Gand, on entre dans la Flandre française. Le premier coup d'œil suffit pour faire connaître qu'elle est traitée en province conquise. Le paysan n'y est pas, à beaucoup près, aussi à son aise que celui qui est resté sous la domination autrichienne. Lille, qui en est la capitale, est une très belle ville et, s'il est permis de le dire, la plus belle des Pays-Bas catholiques après Bruxelles. Ses fortifications passent pour un chef-d'œuvre: aussi sont-elles entretenues avec le plus grand soin. L'entrée de la citadelle n'est permise à aucun étranger, et la promenade des remparts à personne, de crainte qu'on n'en levât le plan. La garnison de Lille est très nombreuse: elle consiste en cinq régiments. Un lieutenant-général y commande.

et comme elle est une place-frontière, les portes en sont scrupuleusement fermées à une heure déterminée selon les saisons. A l'heure fixée, on porte les clefs chez le commandant, qui, sans égard pour personne, de quelque considération qu'on puisse être, ne change à l'ordre établi; ce qui ne laisse pas que d'être fort désagréable pour les voyageurs qui peuvent se trouver arrêtés hors de la ville ou retenus dans son enceinte.

La société me paraît devoir y être montée sur un bon pied; il y a peu de noblesse, mais beaucoup de négociants. Les officiers, qui s'y trouvent en grand nombre, y donnent le ton. Il y a spectacle tous les jours. La troupe me parait tout au plus passable; elle donne à l'ordinaire des opérettes, secondées d'un très mauvais orchestre. Les premières places ne coûtent que trois livres.

Lille est joliment bâtie. Les maisons de l'ancienne ville sont grandes et élevées, mais l'architecure en est moins régulière que celle des bâtiments de la nouvelle ville. Dans cette dernière, toutes les rues sont tirées au cordeau. C'est là que se trouvent les plus beaux hôtels et édifices publics. Un des principaux bâtiments est l'*Hôpital des enfants trouvés*.

En entrant dans la Picardie, on n'aperçoit que trop facilement les suites funestes d'un gouvernement qui, sans veiller à la prospérité des sujets, n'a pour but que de pourvoir aux plaisirs et de satisfaire aux fantaisies d'un maître voluptueux et indolent. En Picardie, le citadin et l'agricole gémissent sous le poids des impôts. La misère y est profonde et l'abattement des esprits général. Ces provinces perdent beaucoup à être vues immédiatement après la Hollande. L'imagination, encore frappée des beautés qu'on y a vues, a peine à s'habituer à la tristesse qui règne partout, à mesure que l'on avance de ce côté.

Les chaussées tant vantées des Pays-Bas et de la France, du moins depuis Anvers jusqu'à Calais, ne répondent aucunement, selon moi, à l'idée avantageuse qu'on s'en forme. Il est vrai que les allées qui les bordent sont belles, mais les pierres dont elles sont pavées s'enfoncent ou se dérangent trop facile-

Ici mon cœur ordonne, et ma plume obéit avec joie: quelle satisfaction de rappeler à ma mémoire des instants aussi délicieux! Il y avait sur le même paquebot une jeune fille charmante. C'était miss John, dont la mère était marchande de dentelles de la reine. Dans les commencements, miss me fit oublier où j'étais: je me croyais à Cythère. Mes yeux ne pouvaient se lasser de la contempler: un teint de lis et de rose annonçait l'âge innocent de quinze ans; deux sourcils noirs comme du jais augmentaient la douce vivacité de son regard; un nez retroussé et un sourire malin achevaient de rendre son minois un des plus intéressants que j'aie jamaís vus. Sa taille, sans être élevée, était fine et svelte. Elle savait donner à tout ce qu'elle faisait un air dégagé et vif, qui, à en juger par ce que j'ai éprouvé, devait lui enchaîner tous les cœurs. J'étais sur les bords du précipice, et il ne me restait plus, pour achever de m'enflammer, qu'à pouvoir m'entretenir avec elle. Mais mon guignon ou mon bonheur voulut qu'elle ne comprenait aucune autre langue que l'anglais. Cet obstacle fut l'antidote qui extirpa promptement le feu ardent qui commençait à me consumer.

Nous logeâmes à Douvres à l'enseigne de *La tête du roi.* Nous ne partîmes pour Londres que le lendemain. La matinée fut employée à faire visiter nos malles par les douaniers. Ces messieurs confisquaient tout ce qui était prohibé d'après le tarif de leurs ordonnances, et ils poussaient même la rigueur jusqu'à brûler certains objets.

On compte de Douvres à Londres 71 milles, chemin qu'on fait généralement en 18 ou 20 heures. On passe par Canterbury, Rochester, Dartford, etc. Nous nous arrêtâmes à Canterbury, intimidés par les discours qu'on nous avait tenus à Calais sur le chapitre des voleurs, qu'on disait être en grand nombre sur cette route. Nous allâmes voir la cathédrale, édifice très vaste et d'une architecture gothique: c'est la plus grande église d'Angleterre après la cathédrale d'York. On y voit plusieurs tombeaux, entre autres ceux du roi Henri IV et de sa femme, du cardinal Polus, etc.

C'est dans cette cathédrale que s'est commis le meurtre de Thomas Becket, par ordre de Henri II. Son sang a rejailli sur les pierres et s'y est imprimé. On montre encore aujourd'hui avec vénération ces pierres, ainsi que la chapelle basse où l'archevêque, déjà blessé, s'était réfugié et dans laquelle il expira sous les coups de ses assassins. Du temps que l'Angleterre était catholique, Becket était vénéré comme un saint, mais la réforme ayant éclairé les esprits, on coupa court à ces œuvres de superstition. Becket perdit en Angleterre son rang de saint, et maintenant il n'est plus connu dans l'histoire que par l'éclatante fortune où le plaça la faveur de Henri II, par son opiniâtreté à s'opposer aux volontés de ce prince et par son ingratitude envers son bienfaiteur, qui lui valut six années d'expatriation et, enfin, la mort, qui, bien que méritée, comble pourtant d'ignominie celui qui l'a ordonnée. La cathédrale de Canterbury est le seul bâtiment entre Douvres et Londres digne d'être remarqué.

Cette contrée est montagneuse et offre rarement de beaux points de vue. Le pays s'embellit à mesure que l'on approche de la capitale. Les vaisseaux dont la Tamise est couverte, des fermes où règne une séduisante propreté, et un grand nombre de maisons de campagne, avec leurs parcs ou leurs jardins, voilà les objets qui occupent les yeux. L'idée que l'on s'était déjà faite de la grandeur et de la richesse de Londres, jointe à tout ce que l'on voit, excite en vous un mouvement qu'il est difficile d'exprimer, mais qu'il est délicieux de sentir. Quelque accoutumé que l'on soit à la vie des capitales, on ne peut se défendre d'une extase indéfinissable à l'approche de cette belle ville. On se fait aisément une idée de la population de Londres par celle des environs. La fumée du charbon qu'on y brûle forme un nuage épais qui se tient continuellement suspendu au dessus de la ville. Cet aspect, vu de loin, est assez désagréable et fait tort à la beauté du tableau.

Le 30 octobre—nouveau style—1771 fut le jour de notre arrivée à Londres. La nuit commençait à peine à étendre ses voiles lorsque nous y fîmes notre entrée. L'obscurité nous priva

presqu'entièrement du beau spectacle qu'offrent les rues, mais, d'un autre côté, nous fûmes agréablement surpris par la clarté des belles lanternes qui les éclairent et qui sont placées si près l'une de l'autre qu'un étranger qui ne serait pas prévenu pourrait prendre cet arrangement admirable pour une illumination extraordinaire.

C'est aussi ce qui est arrivé. Le prince de Monaco entre à Londres. La Cour s'empresse de le combler de politesses, en reconnaissance des honneurs funèbres qu'il avait rendus au feu duc d'York, mort en son château. Le roi lui envoie même le comte d'Hereford, son grand chambellan, pour le complimenter de son arrivée. Le prince s'étale en remerciements et témoigne dans les termes les plus vifs combien il est sensible à l'acceuil plus que distingué qu'il reçoit et auquel il n'avait pas eu lieu de s'attendre. Milord Hereford, étonné de toute cette tirade, demande enfin de quoi il s'agit. «Mais, c'est de cette superbe illumination qu'on a faite à l'occasion de mon arrivée que je veux parler», réplique le prince. A la place de milord, je l'aurais laissé dans cette agréable illusion, mais il eut la cruauté de le détromper.

Il est étonnant que dans une ville aussi opulente que Londres il ne se trouve pas un seul hôtel où un étranger puisse demeurer pendant le temps qu'il veut y passer. On y voit une infinité de tavernes, où l'on ne va que pour manger ou se divertir. On est obligé de se loger dans des chambres louées chez des particuliers. Pour la table, on fait comme on peut. C'est pourquoi il est bon d'écrire d'avance à un ami ou à un commissionnaire, si l'on veut avoir un logement convenable. Etant encore à Leyde, nons fîmes arrêter par le banquier Simon les chambres que le prince d'Eutin avait occupées chez le sieur Stockton, marchand de vins, dans le Leicester-street, proche du Leicester-square. Nous en fûmes très contents: chacun de nous avait son antichambre et sa chambre à coucher, et, outre cela, il y avait un grand salon, où nous nous assemblions pour prendre nos repas. Nos domestiques occupaient trois

chambres et logeaient deux à deux. Nous avions encore l'agrément d'avoir notre demeure aux environs de St-James et des spectacles.

Un carosse de remise coûte à Londres, y compris l'étrenne pour le cocher, 14 guinées par mois. Je n'ai vu nulle part tant et de si beaux fiacres que dans cette capitale. Ils sont rangés en longues files dans les principales rues.

Il n'y avait absolument rien à faire pour un étranger à Londres lorsque nous y arrivâmes: la Cour était à Richmond et la principale noblesse à la campagne, où elle reste, selon la coutume, jusqu'au 18 janvier, jour de naissance de la reine. Alors elle rentre en ville et les divertissements reprennent leur cours. M. de Moussine-Pouchkine, notre ministre, demeure à Richmond, dans une assez jolie maison qu'il a louée 150 pièces par an.

Heureusement pour nous, M. de Saldern rencontra un de ses amis intimes qu'il avait connu à Copenhague. C'était M. de Mello, envoyé du Portugal. Il alla de suite chez lui, et M. de Mello, en son honneur, nous invita tous, le même jour, à dîner. Il poussa l'attention jusqu'à inviter M. Pouchkine, et MM. Thomas Walpole et Robert Elisson, nos banquiers, pour nous faire faire connaissance avec eux. Au premier abord, M. de Mello ne prévient pas en sa faveur: il est froid et même brusque dans ses manières, mais il gagne beaucoup à être connu et joint à une grande finesse d'esprit de profondes connaissances. Il a, de plus, cette qualité excellente de prendre autant que possible des informations relatives au pays où il se trouve. Je n'ai guère connu de compatriotes plus aimables que M. de Moussine-Pouchkine. Ses manières sont pleines de politesse, et il a un air de franchise qui n'exclue jamais le bon ton ni les convenances. Sa femme, née comtesse de Wechmeister, est aussi très aimable.

Nous avions l'intention, conformément aux ordres de Pétersbourg, de garder durant tout notre voyage nos noms empruntés, mais MM. Pouchkine et Mello firent sentir à M. de Saldern

le ridicule qu'il y aurait à le faire dans un pays où les titres ne sont rien. Il fut donc résolu que nous paraîtrions dans le grand monde sous nos véritables noms. La saison étant déjà avancée, tout le monde nous conseilla de profiter du mois de novembre pour faire notre excursion dans les provinces. La durée de notre voyage en Angleterre étant fixée à quatre mois, il nous parut plus agréable de faire cette tournée à la fin de l'automne qu'en hiver et nous suivîmes ce conseil.

Le 3 novembre, il y avait une course de chevaux à Epsom; nous nous y rendîmes. Ce fut un spectacle nouveau pour nous. Epsom est à 18 milles de Londres, et comme Richmond est à mi-chemin, nous allâmes diner chez Pouchkine. Nous passâmes la nuit à Richmond, et, le lendemain, j'allai voir le prince Ernest de Mecklembourg-Strélitz. Je puis dire que j'y volai. Avec quel ravissement n'embrassai-je pas ce tendre ami! Une absence de trois ans nous avait séparés, et cependant je le trouvai toujours le même. Je m'étais rendu très coupable à son égard. En le quittant à Zell, en 1768, je lui avais juré une amitié éternelle. Une correspondance régulière s'était établie entre nous par l'intermédiaire de Paul Bielfeld, conseiller de commerce et agent de Holstein à Hambourg, mais à peine fus-je resté quelques mois dans ma patrie que les distractions multipliées qui m'environnèrent me firent oublier ce que je lui devais. J'interrompis cette correspondance et je laissai s'écouler près de deux années sans donner signe de vie à ce fidèle ami. Durant mon séjour à Leyde, j'eus tout le temps de me repentir de ma négligence. Pour expier en quelque façon cette faute, je résolus de faire au cher Ernest l'aveu ingénu de mes torts. Il était alors auprès de la reine, sa sœur, à Londres. Ma lettre partit le 2 avril 1771. Je devais m'attendre à une juste punition, et je l'avais bien méritée. J'étais convaincu qu'il me payerait de la même monnaie. Plus j'en étais persuadé et plus ma joie fut grande lorsque, recevant au bout de quinze jours une réponse, j'y trouvai les expressions les plus énergiques d'une amitié non équivoque. Cette nouvelle preuve de la bonté

de cœur de mon ami ne fit que resserrer les liens de l'attachement que j'avais pour lui. Il désira avoir mon portrait; je le lui envoyai ainsi qu'une petite bague que j'avais portée et au dedans de laquelle je fis graver la date du 4 juillet 1768, jour où nous fîmes connaissance à Pyrmont. Au bout de deux mois, il eut l'attention de m'envoyer une bague avec son chiffre et ses cheveux.

Le prince héréditaire de Hesse-Darmstadt, accompagné du baron de Bathsamhausen et de M. de Grimm, ci-devant secrétaire du duc d'Orléans, se trouvait à Londres, lors de notre arrivée. Il avait étudié à Leyde en même temps que moi. Il ne manque pas de connaissances, et s'il avait un peu plus l'usage du monde et un peu moins de timidité, il passerait pour un prince d'esprit. M. de Pellissary de Salcomay, autrefois chargé de l'éducation du prince de Nassau-Siegen, avait été son gouverneur à Leyde. C'était un homme très aimable et très capable de guider son élève avec honneur dans la carrière épineuse du grand monde, mais le mauvais état de sa santé ne lui ayant point permis de l'accompagner dans ses voyages, il se retira dans sa ville natale. On prétendait qu'il épouserait une comtesse de Hompesch, de la Haye, sœur du bailli de Wœrden. Le prince héréditaire était colonel au service des Etats généraux. Je l'ai connu à Darmstadt, en 1768, et depuis lors, il s'est toujours montré fort poli à mon égard.

Le 6 novembre, nous partîmes de Londres pour notre tournée dans les provinces. Nous prîmes conseil du jeune Matty, fils du docteur de même nom, qui était garde du *Museum Britanicum*. M. Moussine-Pouchkine nous donna aussi un plan de route, mais il n'était pas assez étendu. Le baron de Rathsamhausen eut aussi la complaisance de nous communiquer la route qu'il avait prise avec le prince de Hesse, à commencer par Cambridge et à continuer par York, Leeds, Manchester, Castelton, Derby, Birmingham, Bristol, Bath, Plymouth, Portshmouth, Oxford et Windsor. Des raisons très valables et que j'indiquerai en leur place nous ont empêchés d'aller à York

et à Plymouth. Ces deux villes exceptées, nous avons visité tous les endroits ci-dessus mentionnés, sans parler d'un grand nombre de belles campagnes qui se trouvent aux environs.

On compte de Londres à Cambridge 54 milles. C'est l'affaire d'une petite journée.

La ville de Cambridge tire son lustre et sa gloire de la célèbre Université qui porte son nom. On y compte à peu près 1500 étudiants. Cette Université n'est pas sur le même pied que celles d'Allemagne. Elle en diffère absolument dans son arrangement. Elle comprend 16 différents collèges qui doivent leur existence et leur soutien à différents fondateurs et qui entre eux n'ont aucune connexion. Chaque collège est dans un bâtiment séparé. Il a ses professeurs et ses étudiants à part, ainsi que les fonds destinés à son entretien. En un mot, ces collèges n'ont de commun que le nom qu'ils portent. Quant aux sciences, on n'y enseigne que celles que le fondateur a désignées. Selon moi, c'est une manière d'employer ses richesses bien digne d'un bon patriote que de fonder ces institutions où les jeunes citoyens viennent se former aux lettres et aux sciences, et de là vont répandre dans la société les fruits de leurs lumières diverses.

Les plus remarquables de ces collèges, quant à la beauté du bâtiment, sont:

1°. Le *Collège de la Trinité*, fondé par le roi Henri VIII. Ce collège se glorifie d'avoir compté parmi ses élèves le célèbre Newton, ce philosophe sublime, ce mathématicien profond, qui, par l'étendue de son génie, semble avoir prescrit à l'esprit humain des limites infranchissables. Les professeurs, jaloux de conserver à la postérité la mémoire d'un titre si glorieux pour eux, ont élevé à ce grand homme une statue, qui est placée au milieu de la nef de la chapelle de ce collège. Newton est représenté debout, tenant un prisme à la main comme pour rappeler les découvertes qu'il a faites sur la lumière. Une inscription latine porte son nom et son éloge.

2°. Le *Collège*, appelé, dans la langue du pays, *Clare-Hall*. Une femme le fonda dans le XIIIe siècle, temps où l'ignorance et la superstition foulaient aux pieds la science et la sagesse. Cet édifice est superbe. On y voit la bibliothèque et la chapelle, qui est jolie quoique petite. Des promenades charmantes environnent le bâtiment. C'est là que les étudiants viennent se délasser de leurs travaux et fortifier leur corps par différents exercices.

3°. Le *Collège royal*, où l'on remarque la maison du sénat, qui n'est autre chose qu'une vaste salle décorée d'une très artistique menuiserie. On y voit aussi les statues de marbre de George I, de George II et du duc de Sommerset, qui a été chancelier de l'Université pendant quarante ans. L'architecture de cette maison est dans le goût italien. La colonnade et l'entablement annoncent quelque chose de grand. La bibliothèque occupe une autre maison attenante. George Ier l'a de beaucoup augmentée. On y compte 100 mille volumes et plusieurs manuscrits assez rares. La chapelle royale, commencée par Henri VI et achevée par Henri VIII, mérite d'être vue. Elle est construite en parallélogramme. Les peintures des vitrages se sont assez bien conservées. Dans une petite chapelle contigüe on voit le tombeau du marquis de Blanford, fils du fameux duc de Malborough, qui mourut à Cambridge, pendant qu'il y faisait ses études.

A un mille de Hampford est Burleigh, terre appartenant au comte d'Exeter. Ce comte est un Cécil, descendant de lord Burleigh, trésorier d'Angleterre, sous le règne de la reine Elisabeth. A l'avénement au trône de Jacques Ier, il fut créé comte d'Exeter. Robert Cécil, un de ses cousins, qui avait été secrétaire d'Etat sous la même reine, fut créé en même temps comte de Salisbury. Sa postérité subsiste encore. Il arrive rarement que les ministres d'un monarque mort puissent se soutenir dans toute leur autorité sous son successeur. Le cas a cependant existé en faveur des Cécils. Jacques Ier les honora de la même confiance qu'Elisabeth. Un motif de recon-

naissance y eut une grand part. Les Cécils, non contents d'avoir toujours été Ecossais de cœur, allèrent jusqu'à avoir une correspondance intime avec Jacques durant les dernières années du règne de leur bienfaitrice.

Le château de Burleigh, comme le porte l'inscription du frontispice, a été bâti en 1585. Il est vaste et, bien que d'une architecture analogue au temps reculé de sa construction, ne laisse pas cependant de plaire à la vue par la noblesse de toutes ses parties. Les appartements sont décorés de tableaux qui représentent pour la plupart des portraits de famille. La chapelle est remarquable par son imposante simplicité.

De Stamford nous allâmes à Barnbymore, en passant par Grantham, Newark et Tuxford. Nous visitâmes Clumberparc, Thoursby, Welbeck, Worsop-manor, campagnes appartenant au duc de Newcastle, de Kingston, de Portland et de Norfolk. Toutes ces campagnes sont magnifiques. Il est bon de savoir que c'est dans leurs terres que les seigneurs anglais font le plus de dépenses. C'est là qu'ils vivent conformément à leur rang et à leurs richesses et qu'ils restent pendant huit mois de l'année. (Je parle de ceux qui n'ont aucun emploi dans le ministère ou à la Cour). La chasse et la promenade sont leurs principaux amusements. Certains jours de la semaine, ils tiennent table ouverte. Alors toute la noblesse des environs est la bienvenue chez eux. Ils ne se contentent pas de vivre avec leur famille, ils aiment encore à s'entourer d'un cercle d'amis choisis. En outre, ils ont toujours, en cas de visites étrangères, un grand nombre de chambres toutes prêtes à recevoir les personnes qui pourraient venir à l'improviste. Ils regardent l'hospitalité comme une grande vertu, et elle n'est nulle part plus en honneur que chez eux. Ils l'exercent non-seulement à l'égard de leurs compatriotes, mais encore vis-à-vis des étrangers qui se rendent en foule chez eux, poussés par le double motif et de satisfaire leur curiosité et de connaître d'une manière approfondie les mœurs et les usages du pays, connaissance que les livres ne peuvent donner qu'imparfaite-

ment et qui ne peut s'acquérir qu'en observant sur les lieux mêmes.

J'ai eu à me convaincre, par ma propre expérience, que les Anglais sont au dessus de leur réputation. Ce n'est pas seulement dans la classe de la haute noblesse, où l'éducation a tant d'influence sur le caractère, que se rencontrent cette franchise et cette humanité qui font la base du caractère anglais, on retrouve ces qualités dans toutes les classes de la société. L'Anglais est loin d'être aussi brutal qu'on le dépeint ordinairement, et, si l'on parvient à gagner son estime, on trouve alors en lui un ami à toute épreuve. Ennemi de toute affectation, il est incapable d'agir d'une façon s'il pense d'une autre. En lui tout est nature et candeur. Mais ces belles qualités sont souvent ternies par de grands défauts. Ses passions sont violentes, et la raison a rarement de l'empire sur elles. De là une infinité de conséquences funestes, dont les exemples ne sont que trop fréquents.

En Angleterre le beau sexe est charmant. Ma naïveté ne me permet pas de me taire. J'épanche volontiers mon cœur sur un sujet dont il est trop pénétré. Les femmes y ont, sans contredit, toutes les qualités qui constituent la beauté. Leur teint ressemble à de l'albâtre, leurs joues vermeilles et leurs yeux pétillants annoncent la vivacité de leur tempérament, leurs lèvres de corail appellent le baiser. Ajoutez-y beaucoup d'entrain dans le caractère, de la gaieté dans la conversation et un grand penchant au plaisir. Peu d'entre elles parlent le français et même, lorsqu'elles le comprennent, elles affectent de s'en tenir à l'idiome de leur pays. C'est un conseil à donner à ceux qui veulent aller en Angleterre de s'appliquer premièrement à l'étude de l'anglais: j'ai malheureusement éprouvé combien il est désagréable de ne pouvoir se faire entendre qu'au moyen d'un interprète, ce qui fait languir l'entretien et perdre le sel de la conversation.

A Clumber-parc on poursuit les travaux que le duc de Newcastle dirige depuis quelques années. Le parc n'existe pas encore, le jardin potager est à peine tracé et, quant au châ-

teau, il n'est achevé que dans son massif. Il a quatre façades principales qui diffèrent toutes l'une de l'autre. L'architecture en est dans le goût moderne. Les appartements très bien distribués ne sont meublés *qu'ad interim*. Le duc fut très poli avec nous. Il nous fit offrir de déjeuner avec sa famille, se faisant excuser de ne pouvoir nous recevoir lui-même, sous prétexte d'indisposition, mais au fond pour ne point nous gêner. Il n'a que trois fils, dont l'aîné, milord Lincoln, se trouve en Italie. Le duc avait hérité de ce titre de son cousin M. Pelham, qui, après avoir été de longues années premier lord de la trésorerie sous George II, fut créé par ce prince duc de Newcastle, en 1756, en récompense de ses services. Une branche des Cavendish a été en possession du titre de duc de Newcastle, mais le dernier duc étant mort sans héritier mâle, le roi en disposa en faveur de M. de Pelham.

A Thursby, propriété du duc de Kingston, on remarque le parc qui est fort beau et dans lequel on voit un beau canal, des allées ombragées d'un épais feuillage, des chutes d'eau dont le doux murmure invite à la rêverie, des prairies tapissées du plus beau gazon, des daims, des cerfs, etc.

Le château, sans être vaste, présente un aspect fort agréable. Ce qu'il y a de plus curieux, c'est l'escalier principal qui reçoit le jour d'en haut et qui est construit à l'italienne. Les appartements sont meublés avec une élégante simplicité. A la propreté et à l'ordre qui règnent dans cette campagne, on reconnaît l'esprit entendu de la duchesse. Elle avait passé sa jeunesse auprès de la princesse douairière de Galles, ensuite elle quitta son pays pour voyager. Elle s'arrêta longtemps à Dresde. C'est dans ses voyages qu'elle avait appris quels sont les égards que l'on doit aux étrangers. Il faut avoir voyagé soi-même pour comprendre combien est flatteur un accueil obligeant de la part d'une personne qui n'a aucun intérêt à le faire. C'est dans ce retour de sentiments et dans ces preuves mutuelles de considération et d'estime que nous faisons consister une grande partie de notre bien-être moral, et

peut-être est-ce encore dans ce même sentiment, qui est, pour ainsi dire, la mesure de ce que nous valons, que nous trouvons l'aiguillon qui nous porte à toutes nos bonnes actions. Tel est un des fruits que l'on tire des voyages lorsqu'on les fait en observateur. La comparaison des objets sert à nous les montrer tels qu'ils sont. Au contraire, celui qui ne voyage que pour son plaisir s'aperçoit bientôt que les amusements n'ont rien de solide et de durable et que la jouissance est promptement suivie de la satiété et du dégoût. L'esprit de l'homme est de nature à ne devoir être occupé que d'objets sérieux. Les divertissements ne doivent être considérés que comme un délassement qu'il est bon de se donner quelquefois; on ne peut se défendre, lorsqu'on les recherche exclusivement, d'un vide prodigieux qui vous poursuit au milieu des fêtes les plus bruyantes et qui agit tellement sur l'humeur qu'on finit par devenir aussi insupportable aux autres qu'on l'est à soi-même. L'homme raisonnable n'a qu'à vouloir et il ne trouvera que trop d'objets susceptibles d'être profondement médités, tels que l'étude de nous-mêmes, celle des caractères, qui diffèrent à l'infini, les merveilles multipliées de la nature, la situation physique et morale des empires, les intérêts des princes, ceux de leurs peuples, etc. Ce n'est qu'à l'étranger que l'on trouve l'application de ces principes chez des individus appartenant à toutes les classes de la société. C'est là qu'on apprend à secouer le joug de l'erreur et du préjugé et qu'on peut s'apprécier à sa juste valeur. Si l'on ne quitte pas son pays, le nom qu'on porte, les liaisons qu'on a contractées, les relations habituelles qu'on y a sont autant d'obstacles qui empêchent la vérité de nous parvenir. Mais je m'arrête: à quoi bon toutes ces réflexions? Elles partent de la plume d'un jeune homme de dix-neuf ans: c'est tout dire. Je reviens à mon sujet, dont cette digression m'a trop écarté.

La duchesse de Kingston nous prouva par ses manières qu'elle avait été dans le grand monde. Elle en avait rapporté ce bon ton et cet usage qu'on ne rencontre que dans la bonne compagnie. Nous arrivâmes un dimanche à Thursby. Le duc

et la duchesse étaient allés à l'église. Leur absence fut cause que nous fûmes obligés d'attendre deux heures avant de pouvoir être introduits dans le château, les domestiques n'osant nous en permettre l'accès sans la permission du maître. Au sortir de l'église, le duc et la duchesse, non contents de nous faire mille excuses de ce que nous avions été obligés d'attendre si longtemps, nous envoyèrent leur équipage, afin qu'on arrangeât la maison pendant notre promenade. Après avoir parcouru les appartements, on nous introduisit dans un salon, où une table magnifiquement garnie de toutes sortes de rafraîchissements s'offrit à nos regards. C'était une surprise fort agréable, surtout pour des voyageurs qui n'étaient connus de personne. Je dois faire mention d'une marque de politesse encore plus grande. Pendant que nous étions occupés à visiter les appartements, dès que nous entrions dans une pièce, le duc avec sa compagnie se retirait dans une autre et se gênait volontairement de peur de gêner des inconnus. Je suis convaincu qu'on rencontrera rarement une telle politesse dans un autre pays. Qu'on dise ensuite que les Anglais sont grossiers et fiers!

Les ducs de Kingston ont été créés par George Ier en 1715. Le duc actuel ne se mêle d'aucune affaire relative au gouvernement. Il aime le repos et son bon plaisir, et il ne s'écarte aucunement du plan de vie qu'il s'est fixé.

Worsopp-Manor est une campagne appartenant au duc de Norfolk. C'est, sans contredit, la plus belle de toutes celles que j'ai vues. La maison est nouvellement bâtie et d'un goût antique accommodé à celui de nos jours. Qu'on juge de son immensité: le principal corps de logis, sans compter les ailes où se trouvent les offices et les écuries, contient seul 140 chambres à coucher. Si cette campagne eut été achevée d'après son premier plan, peu de maisons royales l'auraient surpassée en magnificence. Le corps de logis qui subsiste n'en est que la quatrième partie. Le duc eut le malheur d'y voir mourir son neveu, qui était en même temps son unique héritier, et cet événement le dégoûta entièrement de Worsopp-Manor et lui fit

abandonner les beaux ouvrages qu'il y avait commencés. Je m'attendais à la somptuosité des appartements, mais ce qui me frappa le plus, c'est la métairie attenante. Elle est toute revêtue de jolies plaques de faïence. J'y admirai des tables de marbre et des seaux d'une très belle porcelaine destinés à recevoir le lait. La simplicité qui règne dans la chapelle du château m'a surpris. Le duc a mieux aimé ménager l'esprit de ses compatriotes protestants que d'y étaler la magnificence qui règne dans les temples catholiques.

Les ducs de Norfolk ont été créés par Richard III en 1483. On voit dans l'histoire d'Angleterre une longue liste des grands hommes que la famille des Howard a produits, et l'on y fait mention de l'influence qu'ils eurent toujours dans les affaires du gouvernement. Plusieurs ducs de ce nom ont péri sur l'échafaud. Les opinions généralement reçues dans le continent pourraient faire considérer ces accidents comme un déshonneur, mais celles qui règnent en Angleterre sont directement opposées. Plus on compte d'ancêtres qui ont péri par la hache du bourreau et mieux on prouve l'antiquité de sa noblesse, car on ne décapite que les gentilshommes. Les ducs de Norfolk sont restés fidèles à la religion de leurs pères. L'un d'eux en fut le martyr sous Henri VIII. Ce prince bizarre et cruel, indigné de ce que son exemple ne pouvait l'ébranler dans sa foi, le fit charger de fausses accusations, à la suite desquelles il signa son arrêt de mort en 1548. Mais l'innocente victime se trouva bientôt vengée: les remords tourmentèrent le roi et avancèrent même son trépas.

Le duc, en persistant dans le catholicisme, au lieu d'adopter la religion dominante, clause nécessaire pour occuper un emploi, s'est condamné à ne régir que ses fermiers, tandis qu'il aurait pu aspirer aux charges les plus éminentes. Il est le premier pair séculier et en même temps grand maréchal héréditaire du royaume d'Angleterre. La religion lui retire encore le droit de siéger au parlement. Il est obligé de choisir un des autres pairs pour le représenter. Il est censé être le protecteur

de ses compatriotes catholiques, qui se trouvent en assez grand nombre, malgré l'oppression sous laquelle ils gémissent. Privés de l'espérance de parvenir aux emplois et de la liberté d'exercer publiquement leur culte, ils doivent encore payer, à ce que l'on m'a assuré, une contribution annuelle de trente pour cent. Il y a trente ou quarante ans, les catholiques étaient en beaucoup plus grand nombre, mais leurs yeux commencent à se dessiller petit à petit. Ils s'aperçoivent qu'une messe ne vaut pas la peine de passer toute sa vie dans une oiseuse mollesse et ignorés du reste du genre humain. On ne peut que les féliciter d'adopter des sentiments aussi raisonnables, car quelle plus grande satisfaction pour l'homme qui pense que celle de coopérer au bien-être de sa patrie!

Elisabeth mena à sa perfection le grand ouvrage de la réforme dont son père Henri VIII avait tracé la première ébauche. Il l'avait commencé par une impatience amoureuse. elle l'acheva par politique. La sanguinaire Marie, sa sœur. avait révolté les cœurs de tous ses sujets par une conduite odieuse, dont l'atrocité contrastait avec les vertus pacifiques que prêche la religion qu'elle voulait établir et à laquelle son frère Edouard VI porta des coups d'autant plus sûrs qu'ils étaient dirigés avec plus de réflexion.

Elisabeth succéda à Marie. Elle avait à gagner la confiance de ses sujets, et elle crut ne pouvoir mieux y parvenir qu'en faisant disparaître le glaive vindicatif du catholicisme. D'ailleurs. une raison plus grande et plus forte la porta encore à maintenir la nouvelle doctrine: elle lui devait sa couronne. La validité du mariage d'Anna Boleyn n'était fondée que sur celle de la réforme. Elle fut tolérante, tant que la tolérance put être compatible avec ses propres intérêts. Les catholiques ne lui pardonnèrent jamais d'avoir trompé leur attente. Ils s'étaient flattés qu'elle se déclarerait en leur faveur. Ils tramèrent à diverses reprises des complots pour faire descendre cette princesse d'un trône qu'elle couvrait d'une nouvelle gloire. Des prétextes assez plausibles expliquaient leurs démarches. Ils faisaient valoir les

droits de la malheureuse Marie d'Ecosse au trône d'Angleterre. Un duc de Norfolk, fils de celui qui avait été décapité en 1548, entreprit d'en faire sa souveraine au prix de son cœur et de sa main, mais il échoua et il paya de sa tête son ambitieuse témérité. Le double diadème qui avait ceint le front de Marie ne la garantit point du triste sort qui l'attendait. Quoique emprisonnée, elle servait toujours de prétexte à différentes conspirations qui toutes étaient prévues et déjouées par la sagesse d' Elisabeth.

Ici cette grande princesse ternit la réputation brillante qu'elle s'était acquise à si juste titre. Sans avoir égard à l'indépendance de Marie en sa qualité de reine, ni aux liens du sang qui les unissait, elle viola les droits de l'hospitalité et sacrifia à sa jalousie et à sa sûreté une princesse fugitive qui avait réclamé sa protection. Elle sentit bientôt l'énormité de son crime, et ce fut inutilement qu'elle espéra donner le change au public en masquant l'atrocité de son action. Cependant, c'est de ces deux morts illustres qu'on peut dater l'abolition totale du catholicisme en Angleterre, dont il n'a pu se relever, malgré les différentes tentatives qu'il a faites pour y arriver et qui n'ont réussi qu'à empirer le mal.

Jacques Ier avait été élevé dans les sentiments de Zwingle et de Calvin. La religion qui favorisait le plus ses intérêts était la sienne. Entêté de ses favoris et de sa prérogative royale, il laissa, à sa mort, les choses dans le même état où elles étaient sous Elisabeth. Avec son éloquence cicéronienne il ne parvint qu'à enfanter de beaux projets dont il n'exécuta aucun.

Son fils Charles Ier, imbu des mêmes maximes et plus imprudent que coupable, entreprit de mettre à exécution ce qui jusque là n'avait été qu'un objet de spéculation de cabinet. Les désordres auxquels la nation anglaise se livra sont assez connus, et je n'entreprendrai pas de les retracer ici. Les Anglais, séduits par l'espérance de la liberté, s'aveuglèrent sur le plus essentiel de leurs devoirs et osèrent porter une main

criminelle sur la personne sacrée de leur souverain légitime. Olivier Cromwell, ce génie extraordinaire qui s'était élevé par l'imposture et le fanatisme, non content d'avoir imprimé à son pays une si violente secousse, porta aussi atteinte à la religion dominante, mais il y procéda d'une manière plus modérée. L'épiscopat fut aboli et le presbytérianisme triompha. Sous Cromwell, les catholiques éprouvèrent toutes les duretés auxquelles on est en droit de s'attendre, lorsqu'on se trouve sous la dépendance d'un ennemi qui a la force en main.

Les Anglais sont nés pour être républicains: il leur faut une puissance intermédiaire qui puisse concilier les vœux de la nation avec ce qui regarde son intérêt et sa gloire et qui puisse donner aux affaires ce poids requis pour contenir la multitude indocile dans des bornes légales. Quelque compliquée que soit une machine, celui qui l'a inventée en connaît tous les ressorts et peut toujours empêcher qu'elle ne se dérange. Il en a été ainsi de Cromwell. Inventeur du nouveau gouvernement soi-disant républicain, il le maintint dans toute sa vigueur tant qu'il vécut. Mais à sa mort, Richard, son fils, qui lui succéda dans le protectorat, était loin d'avoir les mêmes talents que son père et il ne tarda pas à s'apercevoir qu'il s'était chargé d'un fardeau dont le poids l'accablait. Il préféra à l'éclat des grandeurs les douceurs d'une vie privée.

Les Anglais, rendus à eux-mêmes, entrevirent qu'il était de leur honneur de faire oublier aux nations le régicide dont ils s'étaient rendus coupables. Ils crurent l'expier en quelque façon en restituant à Charles II le trône de ses ancêtres. Celui-ci, intimidé par la catastrophe qui avait entraîné la chute de son père, attaché à ses plaisirs et indifférent à tout ce qui avait rapport à la religion, laissa les choses dans la situation où il les avait trouvées à son avénement à la couronne. Elevé publiquement dans la croyance romaine, il gardait une haine innée contre les protestants, auxquels il attribuait et la mort de son père et celle de son aïeule. Son attachement pour la religion qu'il professait allait jusqu'à un enthousiasme persé-

cuteur. Intolérant par principe et par conviction, il prétendit que tous ses sujets devaient adopter les principes de sa croyance et abandonner ceux qu'ils avaient suivis jusqu'alors. Les flatteurs qui l'entouraient l'entretenaient dans ces idées de réforme. Il s'aveugla au point de pousser à bout son peuple, dans ses plus chères croyances, sans tenir compte des désordres que l'esprit d'intolérance avait introduits dans le royaume. Il ne prétendait à rien moins qu'à renverser le protestantisme et à bouleverser la forme de gouvernement alors existante. Un seul de ces projets aurait suffi pour le culbuter de son trône encore mal affermi. C'était attaquer la liberté nationale dans son principe. Le prince d'Orange fut appelé par les mécontents pour détourner de l'Angleterre l'orage terrible qui la menaçait. Jacques II démontra la vérité de ce vers:

«Tel brille au second rang qui s'éclipse au premier».

Etant duc d'York, il s'acquit dans le métier des armes une réputation éclatante. Devenu roi, ses projets pernicieux détournèrent son attention de tant d'objets qui auraient dû la fixer. Quoiqu'il eût pu s'attendre aux mouvements de son peuple et à tout ce qui arriva, il ne sut rien prévoir et, par conséquent, ne sut remédier à rien. N'ayant fait aucun arrangement nécessaire pour la sûreté de sa couronne, il se vit forcé de fuir devant son gendre et de s'expatrier. Alors Guillaume III et son épouse Marie furent proclamés roi et reine, aux vœux unanimes des Anglais. Cette révolution mémorable arriva en 1688. C'est l'époque où toutes les espérances des catholiques furent anéanties pour toujours.

Wolbeck appartient au duc de Portland. Sa mère en a hérité du duc de Newcastle, de la branche de Cavendisch. Le château a une belle apparence. Les appartements n'ont d'autre décoration qu'un grand nombre de tableaux représentant des portraits de famille. Le parc est assez vaste. Ce que l'on y voit de plus curieux est un chêne au travers duquel une voiture à six chevaux peut passer commodément.

Le duc de Portland est Gueldrois d'origine. Son vrai nom de famille est Bentinck. Son grand-père passa en Angleterre avec le prince d'Orange, lors de la fameuse révolution qui priva à jamais les Stuarts du trône, dont ils avaient hérité des Tudors. Bentinck était le favori de Guillaume III, qui le créa d'abord comte de Portland. Leur amitié était fondée sur un motif de reconnaissance. Guillaume III, dans sa jeunesse, avait été sur le point de mourir de la petite vérole. La violence de sa maladie rendait nuls tous les remèdes qu'on y apportait. Comme dernière ressource, les médecins conseillèrent de chercher un jeune homme qui n'eût pas encore été attaqué de cette maladie, afin de la lui faire gagner du prince, qui peut-être s'en trouverait soulagé. Bentinck, alors page à la Cour du stathouder, fit preuve d'assez de dévouement et de courage pour s'offrir à cette rude épreuve. Il en fut malade à l'extrémité, mais la fortune le conserva pour le faire jouir ensuite de tous les dons qu'elle lui destinait. Pendant tout le règne de Guillaume III, il eut beaucoup de part à l'administration des affaires politiques. Sous la reine Anne, il fut un des chefs des antijacobites, et lorsque George Ier monta sur le trône, il fut récompensé de l'attachement qu'il avait témoigné pour la maison de Hanovre, en recevant la dignité de duc. Le duc actuel a une trentaine d'années; il est marié à la sœur du duc de Devonshire. Des raisons, qui me sont inconnues, l'ont jeté dans le parti de l'opposition, et il en est même un des plus acharnés. Milord Charles Bentinck, qui a séjourné longtemps à Paris, est le frère cadet du duc de Portland.

En quittant le Nottinghamshire, nous entrâmes dans le Yorkshire. Nous allâmes voir les campagnes du marquis de Rockingham et du comte de Stafford. Elles sont toutes deux assez vastes. Celle de milord Stafford surtout m'a beaucoup plu par la singularité qui y règne. Milord fut très poli avec nous. Il nous conduisit lui-même dans son parc et dans les appartements de sa maison. Notre intention était de pousser jusqu'à York et même jusqu'à Beverley, mais il nous dé-

conseilla de le faire, en nous assurant qu'il n'y avait rien de particulier à y voir et que les mauvais chemins nous feraient à coup sûr regretter d'avoir entrepris de faire cette route.

Ici je hasarderai quelques réflexions sur le goût des Anglais quant au jardinage. Ce goût ne laisse pas que de paraître fort singulier, surtout aux étrangers. Les Anglais aiment à se distinguer des autres nations; ils ne les imitent que quand ils ne peuvent faire autrement. Les Européens, pour varier le plaisir de la promenade, ont fait de l'arrangement des arbres un art assez difficile. Chaque pays manifeste un goût divers. Les Hollandais ont poussé l'originalité plus loin que tous les autres. Au commencement, les Anglais, entraînés par l'ascendant de la mode, eurent des jardins réguliers, mais bientôt, ennuyés de la monotonie d'un tel spectacle, ils déracinèrent leurs arbres pour les replanter à leur manière. Ils alléguèrent des raisons sans nombre pour justifier cette fantaisie: l'uniformité qui régnait dans leurs jardins, les grandes sommes que coûtait leur entretien, le peu d'étendue, etc., etc.

Dès lors ils s'avisèrent de n'avoir plus autour de leurs maisons de campagne que des parcs dont l'étendue varie et desquels la régularité est bannie. Tout y est bizarre et conforme au goût étrange qu'ils ont adopté. Ce ne sont partout que de vastes prairies où se trouvent parsemés des collines, des bosquets, des parterres de fleurs, des champs, des groupes d'arbres, des arbres isolés ou, quelquefois, des monuments en pierre d'une architecture antique. Lorsque l'on parcourt ces promenades, on est frappé sans contredit de la nouveauté du spectacle. A chaque pas, la scène varie. Tout est contraste. La verdure même étonne la vue par la diversité de ses nuances. Mais, selon moi, ces parcs ont un grand défaut. L'ombre y est trop rare et les arbres se trouvent trop éloignés les uns des autres, de sorte qu'on ne peut se mettre à l'abri de la chaleur du jour. On dit que l'économie a été le principal but de la réforme dans les jardins, cependant il est certain que les dépenses qu'ils y font sont exorbitantes, et il faut une bourse aussi

…nie que celle des Anglais pour pouvoir y suffire. Qu'on …sente quels sont les frais que doivent entraîner des … tels que ceux d'élever des collines ou des montagnes … n'y avait que des plaines. Les Anglais, outre le plaisir … promenade, ont encore dans leurs parcs celui de la chasse; … entretiennent à cet effet une grande quantité de daims, … cerfs, etc. On trouve dans ces campagnes tout ce que la nature aidée par l'art peut offrir de plus agréable, et ce qui est un effet de l'art y paraît être celui de la nature.

L'état d'opulence et de splendeur où se trouve actuellement l'Angleterre, loin d'exciter la jalousie des autres puissances, ne devrait produire en elles qu'une juste admiration. On ne peut mieux reconnaître les véritables causes de cette opulence qu'en parcourant les différentes provinces de ce royaume. Le travail existe dans toutes les classes. Le seigneur considère qu'il est de son devoir de coopérer au bien physique et moral de sa patrie. Le négociant s'occupe de tous les moyens qui tendent à faire fleurir le commerce; ses spéculations lui font établir dans l'Etat une circulation d'espèces, signe d'aisance et de sécurité; il établit des manufactures et des fabriques et emploie des gens dont l'oisiveté et la misère seraient à craindre; en un mot, il élève sa fortune en travaillant à celle des autres. Le villageois, de son côté, travaille au bonheur commun, en répandant l'abondance dans le royaume. Ainsi ces trois classes, dont les travaux particuliers paraissent avoir des buts différents, concourent cependant à un même résultat qui est la félicité publique; de telle sorte que l'intérêt général n'est qu'une heureuse combinaison des intérêts particuliers. C'est cet esprit national qui développe le germe du mérite dans tous les genres et c'est dans la sagesse des lois que réside le principe de la félicité des Anglais. La sévérité de ces lois arrête le crime et leur justice fait disparaître jusqu'à l'ombre de l'oppression. Elles sont suivies à la lettre et ne souffrent aucune interprétation.

En Angleterre, le roi est le distributeur de toutes les grâces. Ceux qui rendent la justice tiennent également de lui

tous leurs emplois et il a le pouvoir de les en priver quand bon lui semble. Cette dépendance où ils se trouvent à l'égard de sa Majesté a fait craindre au parlement que si elle accordait aux juges ou au ministre la liberté d'interpréter le sens des lois, elles le seraient toujours d'une manière conforme aux intérêts de la Cour et non à ceux du peuple. C'est pour obvier à cet inconvénient que les lois doivent être suivies littéralement. Souvent le juge aperçoit des vices dans leur énoncé: quelquefois, suivant le délit, elles sont trop indulgentes ou trop sévères. Mais, esclave de l'ordonnance, il ne peut les interpréter selon son sens. Cependant le parlement sentit les inconvénients qui résultaient de la gêne où se trouvaient les juges. Pour y remédier autant que possible, on forma une nouvelle chambre de justice, à laquelle préside le chancelier, dont le principal emploi doit consister à chercher le sens du législateur, s'il peut être applicable au cas existant, sinon à le réformer. Les décisions doivent se faire à la pluralité des voix. Si je ne me trompe, cette chambre porte le nom de *Conseil de conscience*.

Ce concours compliqué de causes offre un vrai labyrinthe de recherches. Une étude réfléchie de tous ces dédales de la jurisprudence est le fil qui aide à en sortir. Elle exige une patience à toute épreuve et un jugement déjà mûr.

Plus on approfondit ces principes et moins on a lieu de s'étonner des grandes choses dont les Anglais sont capables. Un patriotisme sincère ou quelquefois l'appât d'un grand bénéfice les porte à des entreprises dont la perfection est admirable.

Leeds, petite ville dans l'Yorckshire, est remarquable par ses fabriques en laineries. Le bon marché des vivres y a fixé les fabricants. On y tisse de gros draps de toutes les couleurs et le débit qui s'en fait est immense. Chaque mardi se tient le marché qu'on dit être le plus considérable non-seulement de la province, mais encore de toute l'Angleterre. Nous n'y avons pas assisté; nous n'avons vu que la vaste galerie de

pierre où se trouvent étalées toutes les marchandises. La quantité en est incroyable. Il y a à Leeds des gens très opulents. Les habitants sont pour la plupart fabricants ou employés par ceux-ci. On m'a assuré que leur nombre se montait à 30 mille.

A huit milles de Leeds, on va admirer la maison de M. de Lesselles-Esq. Elle est belle, grande et bien bâtie. Elle a coûté, dit-on, cent mille livres sterling. Cette somme peut donner une idée de la fortune du propriétaire. L'extérieur de cette maison n'est pas ce qui m'a plu davantage. Elle est construite dans un goût singulier; mais la vue des appartements m'a fait oublier le dehors: la distribution en est aussi commode que les ornements en sont élégants. J'ai vu dans quelques pièces de très belles tables de marqueterie. La maison n'a encore ni parc ni jardin; elle est isolée au milieu de la campagne.

De Leeds nous allâmes à Manchester par Bradford, Halifax et Rochdale. Ces contrées sont très montagneuses.

Manchester, ainsi que Leeds, est remarquable par les fabriques qui s'y trouvent. On y travaille du fort beau velours de coton, qui à l'étranger porte le nom de Manchester. On y fabrique aussi de grosses toiles croisées, à l'usage des nègres d'Amérique, des chapeaux de différentes qualités, des étoffes de coton et d'autres mi-coton et mi-soie, des mouchoirs en soie et en toile peinte, des jarretières, des harnais pour les chevaux, etc., etc.

Toutes ces fabriques font de Manchester une cité riche et bien peuplée. La ville est jolie et régulièrement bâtie. Les bâtiments que les riches fabricants se font construire contribuent à l'embellir de jour en jour. Nous y fîmes par hasard la connaissance de M. Edmund Radcliffe, qui était à la tête d'une manufacture de velours et d'étoffes de coton. Avec toute sa politesse c'était vraiment un homme ennuyeux. Il s'offrit de lui-même à nous faire voir ce qu'il y a de plus remarquable dans la ville. Il poussa le zèle jusqu'à l'indiscrétion, car, sans avoir égard à la pluie ni au mauvais temps, il nous fit trot-

ter cinq heures consécutives. Quelque portés que nous fussions à admirer l'industrie anglaise, nous ne pûmes cependant nous empêcher de souhaiter d'être débarrassés de la présence de cet importun.

Le commerce le plus considérable de Manchester est celui qui se fait avec les colonies américaines. Les Américains sont absolument accoutumés à la façon de vivre européenne et, par conséquent, sujets à tous les besoins qu'elle fait naître. Leur industrie n'est pas encore assez raffinée pour tirer tout le parti qu'ils pourraient de la bonté de leur climat et de la fertilité de leur terre, avantages qui pourraient les affranchir de la dépendance où ils sont à l'égard de leur mère-patrie. L'Angleterre connaît tout le profit d'une telle situation, aussi tâche-t-elle de la maintenir autant qu'il lui est possible, comme nécessaire à l'extension de son commerce et à l'accroissement de son opulence. Manchester n'est pas un port de mer. Les marchandises qui sont destinées pour l'Amérique sont envoyées à Liverpool. C'est aussi de là que l'on s'embarque pour l'Irlande. Les vaisseaux qui doivent faire voile pour les autres Etats de l'Europe partent de Hull, port de la Mer Germanique.

Aux environs de Manchester est le fameux canal que le duc de Bridgewater fit creuser à ses dépens et dont le rapport lui fut d'un bénéfice immense. Le but du duc en faisant construire ce canal était d'établir par ce moyen une communication facile pour le transport des charbons de terre, dont il se fait une grande consommation à Manchester et aux environs. Il avait à Worseley, à neuf milles de la ville, des carrières de charbon qui lui appartenaient. Ce fut de cet endroit qu'il fit commencer son canal. Un simple paysan suggéra le premier au duc cette merveilleuse idée. Quoique âgé seulement de 21 ans, il sentit toute l'utilité d'un tel projet et il en confia l'exécution à celui qui avait imaginé de l'entreprendre. Ce fut sous la conduite de cet homme rare que cet ouvrage unique fut conduit à son entière perfection. Ce travail est vraiment digne des anciens Romains. Depuis longtemps j'en avais entendu parler com-

me d'un chef-d'œuvre. Je refusais d'ajouter foi aux éloges qu'on m'en faisait, mais je cessais d'être incrédule dès que j'eus vu de mes propre yeux. Je fus même convaincu que, loin d'exagérer, on n'avait rendu que faiblement les différentes beautés qui sont à observer. Que dira-t-on d'un canal à de certains endroits suspendu, pour ainsi dire, au milieu des airs? Entre Manchester et Worseley, il passe au dessus d'une voûte, au bas de laquelle sont une rivière et deux grands chemins. Sur la voûte le canal est d'une profondeur de 4 pieds. Notre curiosité était irritée. Nous prîmes une barque de trait et nous remontâmes le canal jusqu'à Worseley. J'ai vu passer au dessous de moi des navires avec d'assez gros mâts, des voitures de charge, etc. La vue de ce magnifique ouvrage a fait une telle impression sur moi que je conseille à tout étranger de ne point quitter l'Angleterre sans l'aller voir. Je n'en ai parlé que d'une manière très abrégée. Peut-être aurai-je l'occasion de le faire un jour plus au long.

De Manchester nous allâmes à Stockport. On y voit une belle fabrique pour tordre la soie qu'on apporte du Bengale et de la Chine. Les machines employées à cet effet sont imitées de celles d'Italie. Elles occupent trois étages d'une maison assez vaste. Les Anglais ont surpassé les Italiens dans la précision et la vitesse de leurs machines, qu'ils font mouvoir au moyen de moulins à eau. Ce procédé est très économique. J'en ai vu dirigées par un seul homme et pour lesquelles dans tout autre pays on emploierait trente ou quarante bras. Il y a aussi à Stockport une fabrique de boutons de laine de toutes couleurs.

Les bains de Buxton sont assez renommés. Ils se trouvent dans la maison de poste, laquelle, d'ailleurs, est très joliment bâtie. Près de Castelton est la fameuse caverne appelée dans le pays *le trou du diable*. Cette caverne existe depuis un temps immémorial. On dit qu'elle s'est creusée par l'exploitation des mines de plomb qui se trouvent dans les environs en grande abondance. Quelquefois inondée par les sources vives qui y passent,

l'entrée n'en est pas toujours permise; mais il faut y descendre pour se former une juste idée des beautés souterraines qu'elle renferme. La nature est aussi variée dans ces lieux ténébreux que dans les sites les plus enchanteurs. On y voit des cristallisations charmantes, des sources vives, et l'on y entend un écho auquel le guide fait répéter tous les mots d'un cantique qui vous écorche les oreilles. La caverne est divisée en trois grottes principales. Leurs voûtes paraissent plutôt, au premier aspect, un effet de l'art qu'un simple jeu de la nature. Les deux premières grottes sont séparées par un ruisseau d'eau coulante, qu'il faut passer dans une petite barque. L'horreur des lieux, jointe à la faible clarté des flambeaux, produit une sensation singulière. Les fictions des poètes me revinrent à l'esprit. Je pris le ruisseau pour le Styx et l'homme qui conduisait la barque pour l'impitoyable Caron. A de certains endroits, on est obligé de monter sur le dos du guide pour passer l'eau qui se trouve souvent dans le chemin. Quelquefois il faut prendre des postures très gênantes, de peur de se heurter contre les rochers qui vous environnent et qui semblent menacer de s'écrouler. On emploie au moins trois quarts d'heure à visiter ce souterrain. Le tableau devient plus riant à mesure que l'on approche de l'ouverture de la caverne. Les yeux encore habitués aux ténèbres ont peine à supporter la lueur brillante du soleil et sont agréablement frappés du contraste.

Chatsworth est une campagne appartenant au duc de Devonshire. Elle est remarquable à plusieurs égards. L'architecture du château est assez belle. Les meubles ne sont pas modernes. Le parc, situé sur deux montagnes, présente un agréable aspect. Il diffère des autres parcs de l'Angleterre en ce qu'on y trouve plusieurs jets d'eau et une grande cascade qui en fait le principal ornement. A l'endroit le plus sauvage s'élève un arbre artificiel dont les branches forment autant de fontaines. Le duc de Devonshire est un Cavendish. Cette famille a été élevée à la dignité ducale par Guillaume III en 1694.

Derby est une petite ville assez jolie. On y voit une fabrique de porcelaine. Quoique tout s'y payât très chèrement, les Anglais achètent là plutôt qu'ailleurs, et, grâce au point d'honneur qu'ils se font de la soutenir, elle trouve un débit suffisant dans le pays. Elle est loin d'égaler celle que j'avais vue à Meissen et, quant à la peinture, il n'y a aucune comparaison à faire avec celle de Sèvres.

A quatre milles de Derby est la belle maison de campagne de lord Scarsdale, bâtie dans le style romain. La cuisine m'a beaucoup plu par sa propreté. Milord, pour se donner le plaisir de voir préparer les mets, a fait pratiquer dans le haut une galerie qui donne dans ses appartements. Cette idée, toute singulière qu'elle est, me plût, et je me promis de la mettre en œuvre lorsqu'un jour je bâtirai à ma fantaisie. «Amicis et sibi», telle est l'inscription que lord Scarsdale a fait mettre sur le frontispice.

De Derby nous allâmes à Birmingham en passant par Lichfield. Il y a vingt ans, ce n'était qu'un petit bourg, et à présent c'est déjà une ville assez considérable. L'industrie y a, pour ainsi dire, établi son siège: telle est la véritable cause de son agrandissement subit. Presqu'au centre de l'Angleterre et située sur une rivière, elle a vu augmenter sa population par un grand nombre de personnes aisées qui y étaient attirées par le prix modique des denrées de première nécessité ou par le désir d'augmenter leurs biens en y établissant des fabriques. Nous y vîmes le canal *the Navigation*, la machine pour couper le fer, ainsi que l'atelier du principal vernisseur. Le vernis qu'il fait, quoique de beaucoup inférieur à celui de Paris, ne laisse pas que d'être assez beau. Il vernit principalement sur le laiton. Il peint aussi de la même façon d'assez jolis tableaux, dont le comte Chérémétev acheta quelques-uns. Nous allâmes aussi voir la fabrique de fouets. Chaque fouet se tisse sur une machine à part; l'ouvrage se fabrique avec une vitesse incroyable. Un grand fouet se fait en deux heures et un petit en une heure et demie.

A deux milles de Birmingham est la grande fabrique des sirs Bolton et Tothergill. On travaille dans cette fabrique à toutes sortes d'ouvrages de quincaillerie, de mercerie, de bronze doré, or moulu, etc. Il n'y a pas vingt ans qu'elle est établie. Le bâtiment est très vaste et, sans être surchargé d'ornements, il plaît par l'élégante simplicité de son ordonnance. Au dire de M. Tothergill, on y compte près de 300 chambres, qui contiennent plus de 700 ouvriers, tant hommes que femmes et enfants. La somme qu'ils reçoivent chaque semaine monte à 300 livres sterling. C'est à M. Bolton qu'appartient le mérite de l'établissement de sa fabrique et c'est encore à lui qu'on est redevable de l'ordre admirable dans lequel elle est entretenue. Il s'est beaucoup appliqué à la mécanique, science qui lui a été de la plus grande utilité pour la construction de ses machines et possède aussi de grandes connaissances en chimie. Les bronzes qu'on travaille dans cette fabrique n'approchent pas de ceux de France ni pour le dessin, ni pour le fini de l'ouvrage, mais ce qu'on y travaille le mieux, ce sont les objets de cuivre plaqués en argent. La marchandise dont on fait le principal débit consiste en boutons de cuivre et d'acier; on en fait chaque jour par milliers. Avant qu'un bouton soit terminé, il doit passer au moins par une vingtaine de mains, et cependant l'ouvrage s'achève avec une célérité prodigieuse. On y fabrique aussi différents ouvrages en acier travaillé, tels que chaînes de montre, boucles de souliers, mouchettes, etc. Ils prennent de la Russie le fer dont ils font leur acier.

Qu'on réfléchisse un instant sur le profit immense qu'un Etat tire de l'industrie de ses habitants. Prenons, par exemple, un morceau de fer brut que l'Anglais achète en Russie tout au plus 5 ou 6 sols. Il le polit, le travaille et le rapporte dans le même pays où il l'a acheté pour l'y revendre 5, 6 et quelquefois jusqu'à 15 roubles. Il est aisé de voir de quel côté est l'avantage dans un tel commerce. Doublement industrieux, l'Anglais affronte mille périls pour aller chercher les produits d'un autre pays, tandis que le Russe, avec moitié moins de peine, pour-

rait atteindre le même but. Si le règne de notre immortelle souveraine dure selon les vœux de ses sujets, la Russie obtiendra indubitablement ce point de perfection qui lui manque encore; l'esprit de ses habitants s'éclairera; il s'affranchira du joug des préjugés, et l'on verra alors s'élever de tous côtés des fabriques, des manufactures, en un mot, tout ce que l'industrie a inventé pour l'aisance et l'agrément de la vie.

A 12 milles de Birmingham est Hagley, campagne appartenant au lord Littelton. La maison est meublée avec une grande simplicité, mais ce qui fixe particulièrement l'attention, c'est le jardin. Il ne ressemble point aux autres parcs que j'ai vus dans cette tournée. On y trouve des allées sablées qui n'ont point l'inconvénient de l'humidité de l'herbe. On y voit aussi des cascades, des petits temples, des chaumières, etc.

De là nous nous rendîmes à Bristol par Worcester et Glocester. Bristol est après Londres la ville la plus peuplée et la plus opulente de l'Angleterre. Située à l'embouchure de la Saverne, elle entretient un commerce très étendu qui contribue à l'aisance des habitants. Le genre de vie et la dissipation des capitales leur sont inconnus. Il n'est pas, selon eux, de plaisir comparable à celui d'accumuler richesses sur richesses. Ils règlent leur conduite en conséquence, et la plus stricte économie leur prescrit des bornes qu'ils n'osent franchir. La ville, quoique vaste, est détestablement bâtie. A en juger par leur aspect désagréable, les maisons doivent être très anciennes. Les rues sont étroites, inégales et malpropres. Les faubourgs sont mieux bâtis. J'ai particulièrement admiré celui qui conduit à la fontaine de cette eau, si vantée à l'étranger: cette fontaine se trouve au milieu d'une grande salle, avantage qu'on ne rencontre ni en France ni en Allemagne. C'est au cœur de l'été qu'on va prendre les eaux de Bristol. L'eau est fort claire et n'a presque aucun goût minéral; elle est réputée excellente pour les maladies de poitrine et des poumons.

Autrefois le commerce de Bristol était infiniment plus brillant. Celui de Liverpool, autre port de mer d'où l'on s'embarque pour l'Irlande, le ruine insensiblement. A Liverpool on est moins obligé de se régler sur le reflux, et c'est aussi de là que partent les navigateurs qui sont en relations de commerce avec les colonies de l'Amérique.

De Bristol à Bath on ne compte que 12 à 14 milles. Bath est très renommée pour la salubrité de ses eaux. La saison commence vers les premiers jours de novembre et dure jusqu'au printemps. La société y est toujours fort nombreuse, mais la plus brillante s'y rassemble, à l'ordinaire, vers les fêtes de Noël. Il est même de bon ton à Londres d'y aller passer quelques semaines vers ce temps. On n'y va pas seulement par raison de santé; le peu de cérémonial qui y règne et les plaisirs variés qu'on y trouve sont les principaux motifs qui y attirent une telle affluence de monde.

Bath n'a aucun commerce particulier; cette ville tire toute sa subsistance du monde prodigieux qui y vient pour ses eaux. Sa situation est charmante: après Londres elle passe pour la plus belle ville d'Angleterre. La Ville Neuve surtout est bien bâtie: ses rues sont larges, bien pavées et tirées au cordeau. On y voit la Place ovale, celle appelée dans la langue du pays *Lucans-Square*, les deux parades du Sud et du Nord, la *Demi-lune*, etc.

Il y a à Bath trois maisons où se donnent tour à tour des bals et des concerts publics. La Nouvelle Maison est la plus grande, la plus belle et la plus fréquentée. Elle fut construite aux frais de 70 souscripteurs, qui donnèrent chacun 300 pièces. Cette somme de 21 mille pièces fut entièrement employée à la construction de cet édifice, qui n'est composé que de quatre appartements, d'un vestibule en rotonde et de trois salles: dans l'une se donnent les bals, dans l'autre les concerts et dans la troisième les repas.

Nous passâmes cinq jours à Bath. Le lendemain de notre arrivée, nous allâmes voir *la Pompe* et, le soir, nous fûmes à la comédie.

La salle de spectacle est bâtie en rotonde; l'ordonnance m'en a beaucoup plu. Le second jour, nous assistâmes à un concert assez mal exécuté, mais où nous eûmes le plaisir d'entendre sir Fischer, excellent hautbois de l'orchestre de Manheim. Les trois dernier jours, nous allâmes à des bals qui se donnaient dans les différentes salles. On y comptait pour le moins cinq ou six cents personnes. Je n'ai pas été satisfait de la manière de danser des Anglais, ni pour les danses nationales, ni pour les menuets. Malgré cela, je m'y suis parfaitement bien amusé et j'ai été charmé de la politesse prévenante que j'ai rencontrée dans le sexe. L'étiquette qui règne dans ces bals m'a paru extrêmement ridicule. Le maître de cérémonies, établi pour maintenir l'ordre dans ces assemblées durant toute la saison, doit avoir une liste de toutes les dames qui se trouvent au bal. A l'instant où le bal s'ouvre, il va chercher la plus distinguée, qu'il mène en grande pompe au milieu de la salle pour lui faire ouvrir le bal avec le cavalier le plus distingué. Chacun trouve cette coutume ridicule, et cependant personne n'ose y contrevenir d'une façon directe. L'étiquette devrait être bannie d'un tel lieu, vu le nombre et la différence des conditions des personnes qui s'y trouvent.

Si un étranger a l'intention d'aller à Bath, il doit avant tout se munir de lettres de recommandation: sans cette précaution, il se trouvera malheureux pendant les premiers temps de son séjour. Pour nous, nous n'en avions que trop. Le prince Ernest de Mecklembourg nous avait donné une lettre pour la comtesse douairière d'Effingham, dame d'honneur de la reine. M. de Moussine-Pouchkine avait aussi écrit à M. de Luders, ancien secrétaire d'ambassade de notre Cour à Londres et à présent retiré à Bath avec une pension de six cents roubles. Notre ministre eut encore l'attention de nous procurer des lettres de son ami M. de Porter pour le cavalier George Osborne, qui se trouvait à Bath pour suivre un traitement, et pour M. Crispin, un vieux garçon fort aimable qui vivait retiré, loin du bruit et des plaisirs.

Nous quittâmes Bath le 1er décembre 1771. Nous vîmes sur la route de Salisbury trois campagnes superbes, dont les jardins étaient dans un goût tout différent de ceux du Nottinghamshire. C'était celle de M. de Hoare; Fount-Hill, appartenant à Mme de Beckford, veuve de ce fameux lord-maire qui soutint avec tant de fermeté les privilèges du peuple contre les attentats du ministère et auquel on a érigé dans la Maison de ville de Londres une statue de marbre, comme témoignage de la reconnaissance de ses concitoyens; et, enfin, Wilton, autrefois couvent, mais érigé en château, lors de la réforme, par la reine Elisabeth, qui en fit présent au comte de Pembroke. Les descendants en sont encore en possession. On y voit une quantité prodigieuse de statues antiques: une journée entière ne peut suffire pour les contempler séparément. Le nom de famille du comte de Pembroke est Herbert. Ils sont de la création d'Edouard VI.

A Salisbury, on va voir la cathédrale, qui est très grande et d'une belle architecture gothique.

A Southampton, il n'y a de remarquable que les bains de mer.

Portsmouth est le principal port du royaume. C'est là que se trouve la plus grande partie des vaisseaux de guerre et c'est aussi là qu'est le chantier le plus considérable de l'Amirauté. Nous n'aurions jamais pu parvenir à le voir sans une recommandation particulière de milord Sandwich, premier lord de l'Amirauté. L'accès en est défendu à tout étranger, depuis le malheureux accident arrivé en 1770: un incendie qu'on suppose avoir été prémédité en consuma une grande partie et causa un dommage qui n'était pas encore réparé lorsque je le visitai.

Huit à neuf cents charpentiers travaillent journellement dans ce chantier, sans compter les matelots, dont on ne se sert que dans les occasions extraordinaires. Nous vîmes sur le chantier trois vaisseaux de guerre qui devaient être lancés au printemps prochain. On compte actuellement dans cette rade de 70 à 80 vaisseaux de guerre, tant appareillés que non appareillés.

La ville est joliment bâtie et assez peuplée. Presque toutes les rues y sont tirées au cordeau. De bonnes batteries défendent l'entrée de son port, et elle est également bien fortifiée du côté de la campagne. La promenade du rempart est la plus fréquentée de la ville.

De Portsmouth à Oxford on compte près de 90 milles. On est obligé de prendre souvent des chemins de traverse assez incommodes.

Oxford doit sa richesse et sa réputation à l'Université à laquelle elle a donné son nom et qui fait remonter l'époque de son établissement au temps où les Romains étaient encore maîtres de l'Albion; mais cette opinion est dépourvue de preuves. Ce qu'il y a de sûr, c'est que le roi Alfred le Grand y a fondé le premier collège. Le nombre des collèges va jusqu'à 25 et tous doivent leur institution à différents fondateurs.

Ceux qui sont principalement remarquables par la beauté de leurs bâtiments sont le *Collège de la reine* et le collège qu'on nomme *Corpus Christi*, que le cardinal Wolsey fonda et que Henri VIII augmenta et dota encore plus considérablement. La bibliothèque y est assez belle et l'on y voit de beaux tableaux de l'école italienne. Ce collège est le plus renommé; c'est aussi celui qui compte parmi ses étudiants le plus grand nombre de jeunes gens de distinction.

Dans le collège attenant, on peut voir une fort belle collection de statues antiques, ainsi que les fameux marbres d'Arundel. Non loin de là est la grande salle où se font les promotions de docteurs. Construite en amphithéâtre, elle est ornée d'un très beau plafond où l'on remarque des peintures allégoriques. On montre encore avec vénération la chaire où le docte et pédant Jacques Ier venait souvent soutenir des thèses contre les professeurs de l'Université.

Oxford a beaucoup perdu de son ancienne célébrité. On m'a assuré qu'au XIIIe siècle elle comptait jusqu'à 30 mille étudiants. Dès le XVe, ce nombre avait déjà diminué de moitié. et enfin aujourd'hui l'on en compte à peine 3000 sur les

registres académiques tandis qu'en réalité il y en a tout au plus cinq ou six cents.

A six milles d'Oxford, près de Woodstock, bourg renommé pour sa belle fabrique d'acier, est le château de Bleinheim, que le parlement fit bâtir à ses dépens pour servir de demeure aux fameux ducs de Malborough, còmme marque de la reconnaissance publique et pour perpétuer la victoire signalée que ce général remporta sur les Français en 1704 et dans laquelle le maréchal Tallart fut fait prisonnier. Cet édifice est un des plus vastes et des plus beaux du royaume. Il manque à ce palais une grande salle. En été, on remédie à cet inconvénient en faisant servir à cet usage le vestibule qui est magnifique. Les appartements sont décorés de fort beaux tableaux de l'école italienne, dont le dernier duc a fait l'acquisition, ainsi que de hautes lisses qui représentent les exploits militaires du grand Malborough. On voit dans la chapelle le mausolée de ce héros, exécuté par le fameux John Clarchil.

Windsor est situé sur une hauteur, à une petite distance de la Tamise, à 20 ou 25 milles de Londres. La vue des campagnes environnantes est ravissante. Ce qui rend Windsor célèbre, c'est l'ancien château, situé sur la montagne, et la chapelle de St-George, où se fait l'installation des chevaliers de l'Ordre de la Jarretière. Il n'y a rien de certain touchant la fondation de ce château. Les uns disent qu'il fut construit par Henri VIII; d'autres prétendent que Guillaume le Conquérant, charmé de la situation du lieu, en jeta les premiers fondements et fit planter à l'entour, pour s'y donner le plaisir de la chasse, cette immense forêt qui a 30 milles de circuit. Ce qu'il y a de certain, c'est qu'Edouard III a fait bâtir le palais qu'on voit encore aujourd'hui et que, depuis ce temps, plusieurs princes l'ont embelli par des travaux considérables, particulièrement la reine Elisabeth et Charles II.

En entrant dans la chapelle de St-George, on voit dans le chœur, à droite, le siège, les enseignés et les marques de dignité du souverain de l'Ordre. Le siège du prince de Galles est

à gauche, ainsi que les enseignes et les marques d'honneur de tous les chevaliers de l'Ordre. Le long des sièges sont gravés sur des tables de cuivre les noms et les titres de tous les chevaliers depuis l'institution de cet Ordre, dont le roi Edouard III fut le fondateur en 1350. On connaît l'aventure de la comtesse de Salisbury, qui, paraît-il, a donné lieu à la création de cette institution. Dans cette chapelle sont enterrés Henri VI, Edouard IV, Henri VIII et Charles Ier.

Dans le château il n'y a de remarquable que la salle de St-George, à laquelle on monte par un escalier très bien peint. C'est là que se donne le festin des chevaliers de la Jarretière, le jour de l'anniversaire de leur installation. Elle est très riche en peinture. On y voit représenté Edouard, prince de Galles, surnommé le Prince Noir, amenant en triomphe à son père Edouard III Jean, roi de France, et David, roi d'Ecosse. Quant au reste, les appartements ne sont pas dignes d'attention: tout y est délabré et d'un goût antique.

Nous revînmes à Londres le 9 décembre, après une absence d'environ cinq semaines. Le 16 décembre, nous allâmes voir le Westminster-abbey. Cette abbaye est célèbre par son antiquité. Sibert Ier, roi saxon d'Essex qui embrassa le christianisme, en fut le fondateur et la dédia à St-Pierre, en 612. Edouard le Confesseur l'agrandit ensuite considérablement, et enfin Henri III, en 1220, fit bâtir l'édifice qu'on voit aujourd'hui. Cet édifice, d'une belle structure, sert de sépulture aux rois de la Grande-Bretagne. C'est aussi là que se fait la cérémonie de leur couronnement.

L'église est ornée de plusieurs mausolées. Ceux qui m'ont frappé davantage sont ceux de deux ducs de Newcastle, du duc d'Argile, d'Isaac Newton, du comte de Stafford, etc.

Dans la chapelle d'Edouard le Confesseur on voit une grande châsse où sont conservées les reliques de ce prince, ainsi qu'une chaise de bois fort ancienne qui sert au couronnement des rois et des reines depuis Edouard. Dessous cette chaise est une pierre qu'on prétend être la même que

celle qui servait d'oreiller au patriarche Jacob, lorsqu'il vit en songe l'échelle sur laquelle les anges montaient au ciel et en descendaient. Edouard Ier rapporta cette pierre d'Ecosse en 1298. On voit encore dans cette chapelle les tombeaux de plusieurs rois d'Angleterre. On remarque aussi l'énorme épée et le bouclier dont Edouard III se servit dans les guerres contre les Français. De là on va visiter la célèbre chapelle de Henri VII, très remarquable par les ornements qui la décorent. Le plafond qui est de pierre est très délicatement sculpté. Les murailles sont ornées de figures qui représentent les différents habillements des deux sexes dans tous les ordres monastiques de l'église romaine. Au dessous des sièges sont les enseignes et les marques d'honneur des chevaliers de l'Ordre du Bain, restauré par George Ier en 1725, et dont le nombre, y compris le grand-maître, est fixé à 38. Au haut bout de la chapelle est le monument de marbre de George Villers, duc de Buckingham, favori de Jacques Ier et de Charles Ier. Dans une petite chapelle attenante on voit le corps de don Pedro Ronquillo, ci-devant ambassadeur d'Espagne auprès de Guillaume III, et celui du comte de Briançon, ministre de Savoie près la reine Anne. Ils sont dans leurs cercueils sans être enterrés parce qu'ils n'avaient pas payé leurs dettes.

Le Westminster-hall est un vaste édifice, d'un goût gothique, bâti par Guillaume II, surnommé le Roux, et rebâti tel qu'on le voit aujourd'hui par Richard II, en 1397. Cet édifice a 72 pieds de large sur 270 de long. Son dôme est le plus beau de l'Europe, et ce qu'il y a de plus remarquable, c'est qu'il se soutient sans piliers. Comme cette salle sert de passage ordinaire pour se rendre au parlement, quand il y a séance, elle contient toutes sortes de boutiques. C'est dans cette salle que se donne le festin le jour du couronnement et c'est encore là que s'érige un échafaud pour le jugement d'un pair du royaume par les autres pairs et par le grand steward, créé pour ce procès seulement.

Temple-Bar est la porte la plus moderne de Londres. Elle est d'une assez belle structure. C'est elle qui sépare le Westminster de la cité. On a coutume d'y exposer les quartiers des criminels de lèse-majesté. On y voit les têtes de deux lords. exécutés lors de la dernière rébellion de 1745.

Le 20 décembre, nous allâmes voir avec le prince Ernest la belle collection de M. Hamilton. Elle est composée de vases étrusques et d'autres antiquités, tirées de différents endroits et, principalement, de Pompeïes, d'Herculanum et de Sicile. Cette collection est des plus belles en son genre. On peut même avancer qu'aucun particulier ne peut se flatter d'en avoir une pareille, et M. Hamilton ne serait jamais parvenu à la rassembler sans les circonstances qui l'ont favorisé. Il fallait avoir un goût aussi décidé pour les antiquités et en même temps une constance à toute épreuve pour ne pas s'être laissé rebuter par les travaux infinis et les soins dispendieux que lui coûta cette entreprise. Il usa d'un moyen qui l'aida de beaucoup dans ses recherches. Il avait su engager, moyennant quelque salaire, tous les paysans des environs de Naples à lui apporter indifféremment tout ce qu'ils pourraient trouver. Etant grand connaisseur lui-même, il gardait les objets précieux et se défaisait des autres. Il eut encore, en rassemblant cette collection, un autre but que celui de satisfaire son goût. Il avait résolu de se servir de ce moyen pour améliorer sa fortune qui était peu considérable, étant fils d'un cadet de famille. Il vendit toute sa collection pour le prix de 7 mille livres sterling. J'ai aussi vu chez lui un fort beau Corrège qu'il prétendait être l'unique en Angleterre: c'est une Vénus jouant avec Cupidon. Ce tableau avait jadis appartenu à la reine Christine de Suède; depuis il avait passé à un Napolitain, auquel M. Hamilton l'avait acheté par occasion.

Le même jour, nous allâmes voir la fameuse cathédrale de St-Paul. C'est, d'un aveu commun, la plus belle église de l'Europe après celle de St-Pierre de Rome, sur le modèle de laquelle elle a été bâtie. Les choses les plus remarquables sont:

le dôme, d'où l'on découvre une vue délicieuse et d'où l'on voit la ville dans toute son étendue, la Tamise, couverte de bateaux et de vaisseaux, et les environs, qui présentent une perspective admirable; le frontispice du côté de l'Ouest, sur lequel est sculptée la conversion de St-Paul; le pavé de l'église qui est de marbre; un endroit où, en mettant l'oreille contre la muraille, on peut entendre tout ce qui se dit dans la galerie, quelqu'éloigné que l'on soit et quelque bas que l'on puisse parler.

Cette église fut fondée par le roi Ethelbert l'an 610, mais elle fut presque entièrement consumée par l'incendie de 1666, et l'on abattit ce qui n'avait pas été la proie des flammes. On commença à la rebâtir en 1675, et l'on porte à un million de livres sterling les sommes qu'on y a employées. Il est à remarquer que l'on fut 40 ans à bâtir cette église et qu'elle fut commencée et terminée par le même architecte Wren et par le même maître-maçon Strong.

Le *Guild-hall* est un bâtiment très ancien et très spacieux. C'est dans ce lieu que s'assemblent les bourgeois jurés, qui ont seuls le droit de donner leurs suffrages dans les élections du lord-maire, des échevins, des shériffs, des membres du parlement, etc. Plusieurs cours de justice s'y tiennent. On y donne aussi les festins publics de la magistrature et c'est encore là que se tire la loterie. Le lord-maire est le chef de la police. Il s'élit parmi les 26 échevins chaque année le 29 septembre et il entre en fonctions le 29 octobre suivant.

On compte à Londres 62 compagnies ou sociétés, qui sont autant de corps politiques, jouissant de grands privilèges qui leur ont été accordés par différents rois. Parmi ces compagnies, les principales sont les suivantes: épiciers, merciers, drapiers, poissonniers, orfèvres, pelletiers, tailleurs, chapeliers, fabricants de soie, quincailliers, marchands de vins, ouvriers en drap.

Chaque compagnie a un maître ou chef, qui s'élit parmi ses membres, ainsi que d'autres gouverneurs et officiers subalternes, nommés gardiens et assistants. Ces élections se font chaque

[illegible]

la Flandre part de Douvres pour Newport, dont le trajet est de 20 lieues, le mardi et le samedi au soir. Celui pour la Hollande va de Harwich à Hellevœstluis le mardi et le samedi soir. La distance entre ces deux ports est de 30 lieues.

La poste part de Londres pour la Flandre, la France, l'Italie et l'Espagne, le lundi et le jeudi au soir; le mardi et le vendredi, pour la Hollande, l'Allemagne, le Danemarck, la Suède, la Russie, etc. Les lettres doivent être remises dans les différents bureaux établis à Londres avant huit heures du soir. Après cette heure, on paye un sol de plus par lettre, et après onze heures sonnés, on est obligé de les porter à la Poste générale dans le Lombard-street.

Le « penny-post » offre une commodité qu'on ne rencontre en aucune ville de l'Europe. Au moyen de cette poste, on envoie des lettres et des paquets pesant une livre et de la valeur de dix guinées dans tous les quartiers de Londres et aux environs, à dix milles à la ronde.

Le « penny-post » est sous la direction de cinq commissaires. Les lettres partent jusqu'à sept fois par jour et, moyennant un sol, elles sont remises à leur adresse; ce qui forme un revenu annuel de plusieurs milliers de livres sterling. Dans le cas où un paquet ou une lettre vient à se perdre, le bureau en répond au propriétaire. Il y à Londres et aux environs près de 500 cafés et boutiques pour la réception des lettres. De là on va les porter aux bureaux.

Ce qu'on appelle le *Monument* est une colonne qui a été érigée pour perpétuer le souvenir du terrible incendie de Londres, qui commença le 2 septembre 1666, dans la maison d'un boulanger, près de l'endroit où l'on a élevé cette colonne. Les flammes ne cessèrent qu'au bout de trois jours, après avoir consumé 13 mille maisons, l'église cathédrale de St-Paul, 87 églises paroissiales, plusieurs chapelles, la douane, la Bourse, la Maison de ville et plusieurs autres édifices publics. Il n'y eut cependant que huit personnes qui périrent par le feu. Le dommage, causé par ce terrible incendie, est incalculable. On l'évalue à 9 millions de livres sterling.

Le *Monument* est une colonne ronde d'ordre dorique, qui passe pour une œuvre d'architecture extrêmement hardie. Bâtie en pierre de taille, sa hauteur est de 202 pieds et son piédestal a 40 pieds de haut et 21 pieds carrés. Dans l'intérieur est un escalier à vis qui conduit jusqu'au sommet de la tour, à un belvédère, d'où l'on découvre une vue magnifique. Du côté du Nord et du Sud, on lit quelques inscriptions latines qui expliquent la désolation de la ville réduite en cendres et son rétablissement.

La haine que les habitants portent aux catholiques les a fait accuser d'avoir mis à dessein le feu à la ville. Pour les rendre encore plus odieux, on a consacré à la postérité, dans l'inscription suivante, le souvenir de l'action criminelle qu'on leur imputait: «Cette colonne a été érigée en mémoire du terrible incendie de cette ville protestante, prémédité et exécuté par la malice et la perfidie des papistes, au commencement de septembre, l'an de grâce 1666, dans l'intention d'exécuter leur exécrable complot dont le but était l'extirpation de la religion protestante et de l'ancienne liberté anglaise pour introduire à leur place le papisme et l'esclavage».

Cette inscription fut effacée par ordre de Jacques II et remise après la grande révolution.

Il est à remarquer que cet incendie fut accompagné de deux autres calamités, d'une peste affreuse et d'une guerre onéreuse, et l'on ne peut que s'étonner que Londres ait été rebâtie, peu d'années après, avec plus de régularité et de magnificence qu'auparavant.

Le bâtiment appelé la *Tour de Londres* est ainsi nommé à cause de la grande tour carrée qui est au milieu. Elle fut bâtie par Guillaume le Conquérant. C'est une forteresse qui a environ un mille anglais de circonférence. Elle est entourée d'un vieux mur et d'un fossé assez large. Elle domine sur la cité et la rivière. Cette forteresse, défendue par une garnison perpétuelle, servait autrefois de retraite aux rois, dans les guerres intestines et dans les soulèvements du peuple. On y voit plusieurs

batteries de canon, qu'on tire les jours de réjouissance publique. Tous les vaisseaux qui s'approchent de la tour sont obligés de la saluer de leur artillerie. C'est encore la prison ordinaire des personnes de condition, accusées de malversation ou de crime de lèse-majesté.

En entrant dans la tour, il faut quitter son épée, qu'on laisse entre les mains d'un garde qui vous fait voir tout ce qu'il y a de curieux. On visite, en premier lieu, la cour des monnaies, où se frappent toutes les monnaies d'or, d'argent, de cuivre, etc., en second lieu, la chambre où l'on voit la couronne qui a servi au couronnement de tous les rois d'Angleterre depuis Edouard le Confesseur et la couronne d'Etat que le roi porte quand il siège au parlement et qui est infiniment plus riche que la première. On y remarque encore le globe, le sceptre royal, le sceptre de paix, la crosse de St-Edouard et les ornements royaux destinés au couronnement des reines. En Angleterre l'habit royal est de velours violet, chamarré d'or et bordé d'hermine. Le fond de la couronne est aussi de velours de la même couleur. Ensuite on va voir *la salle des cuirassiers*, où se trouvent les statues de quinze rois d'Angleterre, qui ont régné depuis Guillaume le Conquérant. Ils sont représentés cuirassés et accompagnés de gardes. Henri VIII, entre autres, est très reconnaissable à sa large face et à ses yeux hagards.

On termine la visite par l'arsenal des petites armes, qui est très curieux à voir. Il contient un grand nombre d'armes blanches de toute espèce dont on peut armer, à ce que l'on prétend, jusqu'à 100 mille hommes. Elles sont rangées dans un ordre admirable et parfaitement bien travaillées. On y trouve encore les trophées qui furent pris sur l'invincible *Armada* que Philippe II envoya contre la reine Elisabeth en 1588, ainsi que la hache qui servit à décapiter la malheureuse Anne de Boleyn.

L'hôpital des enfants trouvés n'a rien de fort remarquable. Il se soutient par les legs et les libéralités de plusieurs particuliers. On y entretient 600 enfants des deux sexes. Le nom-

bre en est beaucoup plus considérable. mais ils sont dispersés dans les provinces, où leur entretien est moins coûteux. vu le bon marché des vivres.

Le fameux hôpital de Greenwich, destiné à servir de retraite aux pauvres matelots invalides, est un bâtiment vaste et magnifique. On y entretient plus de mille invalides, qui y trouvent, en récompense de leurs services, une existence douce et agréable. L'architecture de cet édifice est majestueuse et toutes les parties en sont parfaitement proportionnées. Charles I. séduit par la beauté du site, y fit bâtir un château de plaisance. Depuis, Guillaume III changea la destination de ce palais et l'érigea en hôpital de marine. Etranger en Angleterre. quoique roi, il avait à se concilier l'affection de ses nouveaux sujets. Il dota très généreusement son nouvel établissement, qu'il augmenta de nouveaux bâtiments. La reine Anne, qui lui succéda, marcha sur ses traces, et les donations des particuliers vinrent se joindre à celles des monarques. C'est ainsi que Greenwich parvint à ce point de grandeur ou on le voit aujourd'hui.

Le *Museum Britannicum* offre un des cabinets les plus beaux de l'Europe. Son emplacement est dans le vaste hôtel de Montagu. C'est aux frais du parlement que le Museum a été formé. On a destiné à son entretien un fonds de 30 mille livres sterling. Cette somme est bien loin d'être suffisante. et c'est autant la libéralité des particuliers que la munificence des rois qui a contribué à son embellissement. Il est divisé en trois parties: 1° les antiquités et l'histoire. 2° tout ce qui a rapport à l'histoire naturelle (ces objets occupent le premier étage), 3° la bibliothèque. qui occupe le rez-de-chaussée.

On voit dans les salles des antiquités plusieurs manuscrits fort rares. L'original de la *Grande Charte*, accordée par Jean sans Terre en 1215, y a été déposé, par ordre du parlement. On y voit aussi un manuscrit original de la reine Elisabeth. dont elle fit présent, dans son enfance. à son père Henri VIII. Ce sont des prières en trois langues: en latin, en français et en italien. Les antiquités chinoises et égyptiennes tiennent les

premières places; ensuite viennent celles qui ont été trouvées en Grèce, en Etrurie et à Rome, et enfin les antiquités des anciens peuples du Nord et celles du Nouveau-Monde. Ce qu'il y a de plus remarquable, c'est une momie très bien conservée, avec des ornements en verre colorié. Les autres momies n'ont ces ornements qu'en peinture, ce qui fait présumer qu'on n'accordait cette distinction qu'aux plus considérables de l'Etat. On y voit aussi une très belle collection de pierres antiques gravées et de médailles modernes de tous les pays.

Quant au cabinet d'histoire naturelle, la multiplicité des objets curieux qu'il renferme ne me permet pas d'en parler avec détail. Coquilles, minéraux, plantes marines, pierres précieuses, insectes rares, oiseaux, etc., tout y est classé avec ordre et discernement. Une grande partie des objets de curiosité qu'on voit au Museum Britannicum a appartenu au fameux M. Hans Sloane qui, à sa mort, les légua à ce bel établissement.

La bibliothèque consiste en 100 mille volumes. Elle s'est accrue peu à peu par les donations de différents rois. L'usage n'en est permis qu'à ceux qui ont l'autorisation des directeurs du Museum. On trouve dans les salles, qui sont ouvertes deux fois par semaine, de l'encre, du papier et tout ce qui est nécessaire pour l'étude.

Le docteur Matty, savant profond et en même temps homme du monde, est le conservateur du musée.

La coutume que j'ai le plus admirée en Angleterre, c'est celle établie pour les jugements criminels. La douceur et l'humanité y règnent et tempèrent la rigoureuse justice des lois. C'est dans un lieu appelé *Old-Bayley* que se tiennent les assises, chaque six semaines, en présence du lord-maire qui y préside, accompagné de deux ou trois juges, du grand shériff de la cité, etc. Ils ne font qu'examiner les délits selon la teneur des lois, mais ils n'ont point voix décisive. Le droit de décision est remis à douze bourgeois de bonne réputation, qu'on nomme les jurés: ils sont ainsi appelés parce qu'ils sont obligés de prêter serment de rendre justice. Le juge leur fait un exposé des raisons qui

existent pour et contre, et l'accusé est relâché si les jurés le trouvent innocent, ou puni suivant la loi s'ils le déclarent coupable. Les jurés ne peuvent décider qu'à l'unanimité: dès qu'une seule voix s'oppose au sentiment des onze autres, les jurés sont forcés de rester enfermés sans boire ni manger jusqu'à ce qu'ils soient d'accord. Ce qu'il y a de plus louable dans cette institution, c'est que le parti de la rigueur est le moins généralement suivi. On proportionne les peines à la faiblesse humaine, et les punitions sévères ne sont infligées que pour des actions atroces. Il est vrai que, de cette manière, bien des coupables restent impunis, mais l'innocence ne peut être la victime d'un jugement inique. Lorsque l'avocat ou le juge interroge l'accusé, il lui fournit tous les moyens possibles de se justifier. Les meurtres, ainsi que les vols avec effraction, de quelque petite valeur qu'ils puissent être, sont toujours punis de mort. Le coupable est condamné à la potence. S'il n'y a point effraction, on se contente de bannir le voleur à perpétuité de l'Angleterre et de le transporter dans une des iles du Nouveau-Monde appartenant à cette couronne.

Si l'accusé est étranger, on lui permet d'avoir six jurés de sa nation, qui, joints à six Anglais, complètent le nombre de douze. Si l'accusé n'est pas jugé coupable, le jugement est cassé et il est absous. Souvent, lorsque c'est la première faute que le coupable ait commise et que le délit n'est point contre le statut, il peut réclamer *l'indulgence du clergé*, loi qui subsiste depuis longtemps et en vertu de laquelle le criminel, convaincu de félonie, dans de certains cas, s'il sait lire, est seulement marqué à la main. Si on ne lui accorde point cette grâce, la sentence de mort est conçue en termes dont voici une faible traduction: «La loi t'ordonne de retourner à la prison d'où tu es sorti. Tu iras de là à la place d'exécution, où tu seras pendu par le cou, jusqu'à ce que mort s'ensuive. Le Seigneur veuille avoir pitié de ton âme».

Ensuite le shériff est chargé de l'exécution du criminel, qui, en vertu de la loi, doit mourir dans l'espace de vingt-

quatre heures; mais l'indulgence de la législature lui accorde deux semaines entières pour le préparer à la mort.

Dans le cas où une personne a commis un meurtre, de propos délibéré, elle est pendue selon la coutume, et son corps est exposé à un gibet, sur le grand chemin ou près de l'endroit où le meurtre s'est commis, afin que le supplice serve d'exemple.

Cependant, si les jurés ne trouvent point. l'accusé coupable, ils en font le rapport au juge qui l'absout. Il peut même, dans certains cas, avoir recours à la loi et poursuivre son délateur.

En Angleterre il n'y a point d'autre punition que la potence pour les gens condamnés à mort. On ne tranche la tête qu'aux personnes de distinction. On n' y veut point connaître le supplice cruel de la roue, non plus que l'usage abominable des tortures. On ne tranche la tête que pour crime de lèse-majesté, encore n'est-ce, comme nous venons de le dire, qu'à des gens de condition. Aussi les Anglais peuvent-ils démontrer leur noblesse, en prouvant qu'un de leurs ancêtres a été décapité dans un temps reculé.

Le jour de l'exécution, la cloche de l'église du St-Sépulcre, proche de Newgate, commence à sonner vers les neuf heures du matin, afin qu'on prie pour les pauvres patients. Sur les onze heures, on conduit le prisonnier dans une charrette à la potence, qui est dans le quartier appelée Tyburn. Il est accompagné d'un prêtre, qui l'exhorte au repentir. On lui met la corde au cou, on l'attache à la potence et l'on chante des hymnes. Lorsqu'il a fini ses prières, la charrette se retire et il reste ainsi suspendu environ une demi-heure, la tête couverte d'un bonnet. Il est enterré dans les champs, proche du lieu de son exécution, ou dans un cimetière, s'il a des amis. Quelquefois le corps est livré à la compagnie des chirurgiens pour servir à leurs expériences anatomiques.

Les *Petites maisons*, qu'on nomme l'hôpital de Bedlam, méritent d'être vues. C'est un vaste et bel édifice, qui doit son existence aux libéralités des citoyens de Londres. On

y renferme les fous des deux sexes dans des cellules séparées. Le nombre des malheureux qu'on y traite monte ordinairement à 150. On a considérablement augmenté ces édifices et l'on a logé les incurables dans les bâtiments nouvellement construits. Ils y sont parfaitement bien traités. On nous a menés dans la cuisine, dans le garde-manger, ainsi que dans le magasin où sont les habillements de ces malheureux. Nous fûmes charmés de la propreté et de l'ordre qui y régnaient. Cet hôpital est richement doté: il a ses revenus, ses médecins, ses apothicaires, etc.

Un autre établissement qui ne fait pas moins honneur à la façon de penser noble et généreuse des Anglais, c'est l'hôpital de la Madeleine. Il est destiné à recevoir les filles publiques qui viennent y faire pénitence de leurs désordres et abjurer les fautes de leur vie passée. Le nombre des ces filles monte à 200. Elles ne peuvent entrer dans cet hôpital que dans le cas où il y a des places vacantes. Elles travaillent à différents ouvrages d'aiguille ou bien elles filent. Le dimanche, elles s'assemblent dans leur chapelle et chantent des hymnes en l'honneur du Dieu qui les a tirées de la voie de perdition. On peut, en obtenant un billet des directeurs, voir leur chapelle et assister à ce service, qui ne peut être que très édifiant.

Ce qu'il y a de plus admirable dans ces établissements, c'est qu'ils doivent presque tous leur fondation à la généreuse humanité des particuliers: ils n'épargnent rien quand il s'agit du bien public.

Le 24 février 1772, nous allâmes voir un hôpital destiné à servir d'asile aux femmes des bourgeois indigents, afin qu'elles puissent y faire leurs couches. Elles y sont bien soignées et bien entretenues. Cet hôpital, nouvellement fondé, ne contient que cinquante lits. Les malades n'y sont reçues que moyennant un certificat de bonne conduite qu'elles doivent produire.

Londres a environ sept milles de long et 18 milles de circonférence. On y compte au delà d'un million d'habitants, surtout en hiver. Cette ville a été fondée entre les règnes de

Jules César et de Néron. Tacite rapporte que c'était déjà une ville de commerce considérable du temps de Néron. Elle fut entourée de murs par Constantin le Grand. Le même empereur en fit un siège épiscopal, puisqu'il paraît que l'évêque de Londres assista au concile d'Arles, l'an 314. Il y établit aussi une cour de monnaie. Outre la cathédrale de St-Paul et l'abbaye collégiale de Westminster, il y a 102 églises paroissiales et 69 chapelles de la religion dominante, 21 chapelles françaises protestantes, 11 autres pour les Allemands, les Hollandais et les Danois, 33 d'anabaptistes, 26 d'indépendants, 28 de presbytériens, 19 chapelles catholiques-romaines pour les ambassadeurs et ministres étrangers de cette communion, et 3 synagogues de juifs, ce qui fait 326 lieux consacrés aux différents cultes religieux dans l'enceinte de la ville, indépendamment de 21 paroisses qui sont hors de l'enceinte de la cité. On compte aussi à Londres et aux environs 100 maisons de charité, 20 hôpitaux et infirmeries, 3 collèges, 8 écoles de fondation royale et 131 écoles de charité où l'on pourvoit à l'entretien et à l'éducation de 5000 enfants, 15 tribunaux de judicature. Il y a aussi à Londres 10 prisons, 15 boucheries, un marché à bestiaux, 2 marchés à légumes et 23 autres pour le blé, le foin, le charbon, etc., 49 halles de corps de métiers, 27 places publiques, 3 ponts de pierre, 207 hôtelleries, 447 tavernes, 551 cafés, 5975 cabarets, 1000 fiacres, 400 chaises à porteurs. La ville est composée de 8000 rues, ruelles, cours, allées, etc., qui composent ensemble 130 mille maisons habitées par une population évaluée, comme nous l'avons dit ci-dessus, à un million d'âmes.

La partie orientale de Londres est principalement habitée par des gens de mer et par ceux dont les travaux ont rapport à la navigation. Le milieu de la ville, ou la cité proprement dite, est habité par les négociants et artisans, Westminster par la haute et petite noblesse et par des marchands en détail.

Les rues de Londres sont extrêmement commodes pour les piétons: elles sont pavées, des deux côtés, de larges pierres de

taille. Des bornes, également en pierre, sont placées de distance en distance et garantissent les trottoirs des charrettes et des voitures. Les rues les plus spacieuses et les plus belles sont: le Piccadilly, le Pall-Mall, l'Oxford-street et le Strand, dans Westminster. Les rues de Cornhill, Fleet-street, etc. ont chacune plus d'un mille de longueur.

Les places les plus remarquables sont: Lincoln's-Inn-Field, Blomsburg, Portman, Kings-square, Golden-square, St-James-square, Leicester-field, Covent-garden, Queen's-square, Grosvenor, Berkeley et Cavendish-square. Lincoln's-Inn-Field est la plus grande, celle de Grosvenor la plus belle et celle de St-James la plus riante et la plus agréable. On prétend que l'étendue du Lincoln's-Inn-Field est précisément celle de la base d'une des pyramides d'Egypte. Au milieu de la place St-James on voit une grande pièce d'eau.

La plus grande partie de la noblesse et des gens riches habite dans le quartier appelé *les Bâtiments neufs*. Il a été construit, il y a environ trente ans, dans le Westminster. L'air y est plus pur et plus sain que celui de la ville. Toutes les maisons de Londres se ressemblent par la forme et la structure. On y voit fort peu de bâtiments qui soient à citer pour la beauté de leur architecture. Comme le terrain y est fort cher, l'emplacement des maisons est petit, mais elles gagnent en hauteur ce qui leur manque en étendue: elles sont presque toutes à trois ou quatre étages, mais aussi n'ont-elles tout au plus que quatre croisées de face. On ne connait point à Londres les longues enfilades d'appartements. Les chambres sont basses pour la plupart. Les portes n'ont qu'un seul battant et sont en mahagoni chez les gens riches, ce qui ajoute encore à la tristesse des appartements, qui sont décorés en papier pour la plus grande partie. On n'y voit presque point de dorures ni de tentures en soie, parce que la fumée du charbon de terre les noircirait en peu de temps. Au lieu de parquets, les Anglais décorent leurs planchers d'assez jolis tapis fabriqués en Ecosse. Les glaces de France sont prohibées. On les remplace par de vilains petits miroirs du pays.

Les plus beaux hôtels de Londres sont ceux du duc de Montagu, du duc de Bedford, de milord Povis, dans Osmond-street, où logeait de mon temps l'ambassadeur d'Espagne, le prince de Masserau, ceux du duc de Newcastle, du marquis de Lindsey dans Lincoln's-Inn-Field, de milord Burlington et du duc de Devonshire, dans Piccadilly, ainsi que ceux des ducs de Buckingham et de Malborough, dans le parc, ceux du duc de Queensbury et du feu général Wade, derrière le jardin de Burlington.

Londres est abondamment fourni d'eau, qui se distribue, à un prix modique, dans les différents quartiers de la ville, au moyen de tuyaux en bois et en plomb. Le charbon de terre est tiré de Newcastle. On pourrait se le procurer plus facilement en le tirant de Blackheath, dans la province de Kent, mais le gouvernement ne juge pas à propos de permettre l'exploitation de ces mines, qui annulerait en peu de temps le commerce de transport, fort considérable *).

[Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 973 „Journal de mon voyage 1770—1772“ гг., стр. 1—153; № хрон. описи 12223].

*) Продолженіе появится въ VI кн. „Архива кн. Ѳ. А. Куракина“.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

ВЪ ПЯТОЙ КНИГѢ

„АРХИВА КНЯЗЯ Ѳ. А. КУРАКИНА“.

А.

Г.

Д.

Е.

З.

И.

І.

К.

истребленіи конфедератовъ; 1773 г. іюня 6 взятъ былъ ген.-анш. Бибиковымъ въ генеральсъ-адъютанты и съ нимъ находился при освобожденіи Оренбурга отъ Пугачова; 1774 г. апрѣля 21 переименованъ въ Ново-Троицкій кирасирскій полкъ премьеръ-майоромъ; 1775—1780 гг. служилъ въ его импер. высочества государя цесаревича и великаго князя Павла Петровича кирасирскомъ полку; 1777 г. іюня 9 произведенъ въ Днѣпровскій пикинёрный полкъ подполковникомъ для формированія онаго; въ октябрѣ того же года переведенъ попрежнему въ вышереченный кирасирскій полкъ, а 1780 г.—въ Ростовскій карабинерный полкъ, 1783 г. января 1—въ Изюмскій гусарскій полкъ, съ двумя эскадронами котораго командированъ въ Крымъ для усмиренія бунтующихъ татаръ; въ іюлѣ того же года, по приказу ген.-фельдмаршала, свѣтл. князя Потемкина-Таврическаго, назначенъ командиромъ Ахтырскаго гусарскаго полка и находился съ нимъ въ обсерваціонномъ корпусѣ на польской границѣ подъ командою генералъ-поручика Текеллія; 1784 г. апрѣля 21 пожалованъ въ полковники и возвратился съ полкомъ въ гор. Ахтырку; 1787 г. въ іюнѣ былъ съ полкомъ для встрѣчи Екатерины въ Кременчугѣ, а въ іюлѣ находился подъ Полтавой въ корпусномъ лагерѣ ген.-анш. кн. Долгорукова на маневрахъ въ присутствіи императрицы; августа 16, по объявленіи Портою войны, выступилъ съ полкомъ въ походъ и находился въ корпусѣ ген.-анш. кн. Долгорукова противъ турецкой границы, при р. Бугѣ, а 1788 г. іюня 16 въ кордонѣ при осадѣ Очаковской крѣпости; ноября 9 отпущенъ на зимнія квартиры и затѣмъ, по приказу ген.-фельдмаршала, направился въ гор. Ахтырку, куда и прибылъ съ полкомъ 24 дек.; 1789 г. янв. 1 дня для излѣченія болѣзни уволенъ на годъ въ Москву; того же года апр. 21 пожалованъ бригадиромъ; жен. а) на Натальѣ Петровнѣ Нарышкиной, б) на Екатеринѣ Дмитріевнѣ Измайловой; д. т. с., сенаторъ, бездѣтенъ; † 1805 г. іюля 8, погребенъ въ Новоспасскомъ монастырѣ. 323, 328, 330.

Л.

Латмаръ, голл. коммиссаръ воинскихъ дѣлъ. 33, 80, 96.

Ленгеркенъ, вѣроятно, учитель кн. Александра Борисовича въ Килѣ. 265.

Леопольдъ I, р. 1640 г.; 1658 г. императоръ германскій; 1679 г. послѣ пятилѣтней войны съ Людовикомъ XIV принужденъ заключить Нимвегенскій миръ; 1684 г. вмѣстѣ съ Испаніей, Баваріей и Саксоніей составилъ противъ Франціи знаменитую аугсбургскую лигу, но опять неудачно, и въ 1697 г. заключилъ миръ въ Рисвикѣ. При немъ возстала Венгрія подъ предводительствомъ Текели; а Турки 1683 г. дошли до стѣнъ Вѣны, но были отбиты Яномъ Собѣскимъ, польскимъ королемъ. Война съ турками закончилась въ 1699 г. миромъ въ Карловицахъ. По смерти Карла II, испанскаго короля, Леопольдъ желалъ посадить на испанскій престолъ своего сына, впослѣдствіи Карла VI, и для этой цѣли въ 1700 г., вмѣстѣ съ Англіей и Голландіей, началъ войну противъ Людовика XIV, стремившагося доставить испанскую корону своему внуку Филиппу V. Отсюда война за испанское наслѣдство. † 1705 г. 74.

Лещинскій Станиславъ, р. 1677 г., польскій посолъ при шведскомъ

О.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

X.

Ц.

Ч.

Ш.

Э.

Ю.

Примѣчанія къ V книгѣ „Архива кн. Ѳ. А. Куракина".

№ 824, стр. 6. „Вивандеръ" (фр. vivandier)—маркитантъ.

№ 824, стр. 7. „Уморъ" (итал. umore) — расположеніе духа, характеръ.

№ 824, стр. 11 и слѣд. Здѣсь разъясняется положеніе Россіи, по овладѣніи Балтійскимъ поморьемъ, и неудачи французовъ, нѣмцевъ и англичанъ въ подущеніи на насъ турокъ. Вмѣшательство Петра въ самую сущность европейской политики не давало покоя и аліатамъ, и тѣмъ, съ кѣмъ аліаты вели войну. Политическая прозорливость нашего Петра еще не оцѣнена исторіей. Той же Австріи онъ грозитъ въ 1717 г., что войско его можетъ двинуться въ Чехію, и тамъ вся „подлая чернь возстанетъ" (см. Устрялова, т. VI). Понятно, почему кн. Борисъ Ивановичъ былъ назначенъ впослѣдствіи посломъ во Францію: узелъ дѣлъ былъ издавна ему знакомъ. П. Б.

№ 824, стр. 12. „Монархомъ застать", т.-е. сдѣлаться. „Лучше надежная и прибыточная любовь и обязаніе дружбы съ Франціею, нежели съ потенціями морскими"—и для нашихъ дней эта политика пригодна. П. Б.

№ 824, стр. 15. Итакъ, турецкой войны могло бы и не быть, если бы совѣты кн. Куракина дошли до царя во-время. П. Б.

№ 824, стр. 17. „Скявита всѣхъ подъ Англіею и Голландіею", т.-е. зависимость всѣхъ отъ Англіи и Голландіи (итал. schiavitú—рабство).

№ 824, стр. 17. Переводъ итал. текста. „Продолжая свой разговоръ, принцъ Рагоци (сказалъ)".

№ 824, стр. 18. Рагоци, замѣчая, что „подъ владѣніемъ цесарскимъ есть не мало націй, не токмо релижіею, и языкомъ сходныхъ" съ Россіею, разумѣетъ австрійскія славянскія народности, расположенныя къ русскимъ. П. Б.

№ 824, стр. 18. „Флотировать" (фр. flotter)—колебаться, носиться.

№ 824, стр. 19. Устами современника картинно отмѣчена подкупность Польши и Турціи. П. Б.

№ 824, стр. 21. Переводъ итал. текста: „Какъ я могъ провѣдать, польскій король весьма ревниво относится къ военнымъ успѣхамъ царя и его могуществу, а по этой причинѣ.....".

№ 827, стр. 28 и 29. Садовый архитекторъ (угожденіе Петра Екатеринѣ) получаетъ жалованье 10 тыс. талеровъ, а кн. Куракинъ 6200 ефимковъ. П. Б.

№ 827, стр. 38. „Крузадо"—золотая и серебряная монета въ Португаліи.

№ 827, стр. 39. „Дофинъ", т.-е. внукъ Людовика XIV, герцогъ Людовикъ бургундскій, старшій братъ Филиппа V испанскаго;

онъ скончался въ 1712 г. вскорѣ послѣ смерти своего отца, т.-е. великаго дофина. Оба старшіе сына герцога бургундскаго, правнуки Людовика XIV, умерли еще ранѣе отца, и, такимъ образомъ, единственнымъ наслѣдникомъ по прямой линіи франц. короны оставался двухлѣтній ребенокъ, впослѣдствіи Людовикъ XV, въ случаѣ смерти котораго Филиппъ V, король испанскій, какъ старшій братъ покойнаго герцога бургундскаго, долженъ былъ сдѣлаться также французскимъ королемъ. Противъ этой опасной случайности и хлопотали другія государства, обязывая Филиппа уступить Испанію младшему брату своему, герцогу беррійскому, если самъ онъ вступитъ на французскій престолъ. Мы знаемъ, что опасенія эти не оправдались, и малолѣтній сынъ герцога бургундскаго дожилъ спокойно до 64-хъ лѣтъ.

№ 827, стр. 40. Портъ-Магонъ или портъ Магона находится на о—вѣ Миноркѣ и впервые былъ укрѣпленъ Магономъ, братомъ Ганнибала.

№ 827, стр. 42. „Шкода" (пол szkoda)—уронъ, убытокъ, вредъ, ущербъ, потеря.

№ 827, стр. 45. По дѣлу о сатисфакціи англійскаго посла Витвора, за оскорбленіе въ Москвѣ его служителей см. стр. 344—345 т. II, 279—288 т. III, 203—210, 230, 352—355 т. IV „Архива кн. Ѳ. А. Куракина".

№ 827, стр. 48. „Барьера" и „барьеръ" (франц. une barrière) употреблено здѣсь въ значеніи прочной границы.

№ 829, стр. 56. Образцовая характеристика королей датскаго и польскаго напоминаетъ собою допетровскіе статейные списки нашихъ предковъ. П. Б.

№ 829, стр. 57. „Писалъ я къ вашей милости",—т.-е. Головкинъ—кн. Борису Ивановичу.

№ 829, стр. 58. Прекрасное выраженіе „привращенные города" про Юрьевъ. П. Б.

№ 829, стр. 62. „И посылаются къ вамъ полномочныя".—Полномочныя грамоты напечатаны на стр. 55 — 60 т. II „Архива кн. Ѳ. А. Куракина".

№ 830, стр. 63. Кн. Борисъ Ивановичъ былъ очень недоволенъ предложеніемъ Матвѣева ратпенсіонарію и подъ тѣмъ же числомъ занесъ въ свой дневникъ по-итальянски: „Это было сдѣлано совершенно противъ нашихъ интересовъ, безъ моего согласія и въ мое отсутствіе, а именно, когда я былъ въ Амстердамѣ". [Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. XXVIII „Протоколы посольствъ кн. Б. И. Куракина. 1711—1715 гг.", стр. 39].

№ 830, стр. 65. „Принадлежательства"—переводъ франц. слова dépendance, что значитъ угодья. „Вержа" (фр. verge)—употреблено въ томъ же смыслѣ, какъ и „принадлежательства".

№ 830, стр. 65. Право ловли и сушенія рыбы *кальяву*—во франц. подлинникѣ сказано: „le droit de pêcher et sécher la morue", т.-е. право ловли и сушенія трески. [Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 411 „Министерскія дѣла кн. Б. И. Куракина", стр. 846].

№ 830, стр. 69. „Чтобъ оная монархія гишпанская дому аустрійскому одному [и его] наслѣдникамъ по учрежденію, изображенному

въ духовной Филиппа, бывшаго короля гишпанскаго, безпресѣкаемо вѣчно осталася". Мѣсто это въ латинскомъ подлинникѣ значится такъ: „Tota reliqua Monarchia Hispanica.... penes eandem domum Austriacam, ejusdem heredes et successores juxta ordinem, in testamento Philippi IV, Hispaniarum quondam regis, expressum, sine interruptione perpetuo permansura". [Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. LXX „Резолюціи и меморіалы кн. Б. И. Куракина. 1712—1717 гг.", стр. 629].

№ 830, стр. 73. „Рефужье" (франц.—réfugié)—бѣглецъ, эмигрантъ, особенно о кальвинистахъ, удалившихся изъ Франціи.

№ 830, стр. 74. „Женева" здѣсь не городъ, а гора „Женевра" (Genèvre, у римлянъ Janus mons) въ Альпахъ; по преданію, здѣсь именно переходилъ ихъ Ганнибалъ. „Саженисъ"—слово, несомнѣнно искаженное подъ перомъ подьячаго.

№ 830, стр. 74. Фенестрелль—незначительный городъ въ Пьемонтѣ; крѣпость его упразднена въ 1796 г.

№ 830, стр. 74. „Чтобы никоторый принцъ *третій* (вмѣсто „наслѣдственный") не возмогъ быть къ тому введенъ въ предосужденіе савойскому".—Любопытная погрѣшность подьячаго-переводчика, вслѣдствіе ошибки во французскомъ подлинникѣ, гдѣ фразу мы читаемъ такъ: „la déclaration.... soit maintenue d'une manière qu'aucun prince t i e r (конечно, héritier) ne pourra pas être introduit". [Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. LXX. „Резолюціи и меморіалы кн. Б. И. Куракина. 1712—1717 гг.", стр. 633].

№ 830, стр. 74. Роккабруна—прежде городъ монакскаго княжества, но въ 1861 г. монакскій принцъ уступилъ Франціи свои права на Ментону и Роккабруну за четыре милліона франковъ.

№ 830, стр. 75. Ньюпортъ—крѣпость и городъ на Нѣмецкомъ морѣ; основанъ въ XIII в.; нынѣ принадлежитъ Бельгіи.

№ 830, стр. 82. Слѣдуетъ обратить вниманіе на малый составъ нашихъ полковъ при Петрѣ Великомъ. П. Б.

№ 830, стр. 83. Важное свѣдѣніе о числѣ царскихъ войскъ въ Помераніи—48528 ч., могущихъ явиться на помощь союзнымъ державамъ противъ Франціи. П. Б.

№ 830, стр. 84—89. Замѣчательно гладокъ переводъ парламентской рѣчи королевы Анны. П. Б.

№ 830, стр. 84. „Персона, которая трудилася возмутить наше правительство", — не кто иной, какъ нѣжно любимый братъ королевы Анны, Яковъ III, т.-н. претендентъ: королева втайнѣ желала видѣть его своимъ наслѣдникомъ. Однако партія виговъ принудила ее не только отказаться отъ этого плана, но даже назначить премію въ 5 тыс. фунтовъ стерлинговъ, кто поймаетъ ея брата, въ случаѣ, если онъ высадится въ Англію. (См. о Яковѣ III также алфавитный указатель).

№ 830, стр. 90. „Faute г. Урбиха" находитъ себѣ объясненіе въ письмѣ кн. Б. И. Куракина кн—В. Л. Долгорукову, отъ 1712 г. іюля 5: „Урбихъ письменно двору цесарскому предложилъ о вступленіи въ аліансъ и обѣщалъ на заплатѣ царскаго величества двадцать тысячъ войскъ дать въ помощь противъ Франціи, хотя на Ре-

ну или въ Брабантъ. Такъ сіе скоромышленно учинено, что, короткимъ словомъ сказать, начатое здѣсь все испорчено".—Кн. II „Архива кн. Ѳ. А. Куракина", стр. 387.

№ 830, стр. 91. „Ради новаго свойства", т.-е. ради брака царевича Алексѣя Петровича съ сестрою австрійской императрицы. П. Б.

№ 830, стр. 97—99. Въ конференціяхъ кн. Бориса Ивановича съ ратпенсіонаріемъ, передъ отъѣздомъ его въ Померанію на свиданіе съ Петромъ В., 26 іюля 1712 г., мы опустили все, что касалось торговаго договора между Голландіей и Россіей, такъ-какъ это напечатано въ статьѣ В. А. Уляницкаго „Историческій очеркъ русскихъ консульствъ за границей". Сборникъ Московскаго главнаго архива М-ва ин. дѣлъ. (Вып. V, М.1893 г., стр. XXI—XXIV).

№ 830, стр. 100. „Высокіе союзники сюда",—т.-е. юга (фр. sud).

№ 830, стр. 102. Все, что намѣчено здѣсь кн. Борисомъ Ивановичемъ, было доложено имъ царю 1712 г. авг. 17 въ Вольгастѣ. [Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. LXIX „Записки дѣлъ кн. Б. И. Куракина. 1712—1713 гг.", стр. 2—6].

№ 830, стр. 103. „О чемъ я уже словесно его царскому величеству доносилъ",—видимо, позднѣйшая приписка.

№ 830, стр. 102—103. Слѣдуетъ обратить вниманіе на важность замѣтокъ кн. Бориса Ивановича и особенно „словеснаго указа царскаго величества о корабельныхъ дѣлахъ и др. политическихъ". П. Б.

№ 830, стр. 103. „О томъ въ отбытность мою объявлено будетъ послу Матвѣеву".—Князь вернулся въ Гагу чрезъ Амстердамъ 29 октября 1712 г., пробывъ почти три мѣсяца въ отсутствіи.

№ 830, стр. 104. „О чемъ ниже сего буду доносить."—Разговоръ о торговлѣ съ пенсіонаріемъ амстердамскимъ Басанкуромъ не помѣщается здѣсь, такъ-какъ онъ напечатанъ въ вышепомянутой статьѣ В. А. Уляницкаго.

№ 830, стр. 107. Стало быть, и кассельскаго принца имѣлось въ виду привлечь въ русскіе подручники, какъ курляндскаго и мекленбургскаго. П. Б.

№ 830, стр. 109—113. Словесный указъ Петра I былъ уже помѣщенъ въ кн. III „Архива кн. Ѳ. А. Куракина", стр. 10—13, но мы не сочли нужнымъ исключить его изъ дипломатическихъ мемуаровъ кн. Бориса Ивановича, такъ-какъ онъ тѣсно связанъ съ содержаніемъ ихъ и, кромѣ того, печатается здѣсь съ собственноручной и болѣе подробной рукописи.

№ 830, стр. 111. „Къ сему-жъ объявляю, каковъ указъ данъ послу Долгорукову".—Помянутаго указа въ подлинномъ томѣ не оказалось.

№ 830, стр. 113—118. Любопытно, что еще въ 1712 г. Петръ не былъ увѣренъ, останется ли въ его рукахъ Ливонія, за два слишкомъ года передъ тѣмъ пріобрѣтенная имъ. П. Б.

№ 830, стр. 120. Хлѣбъ въ Петербургѣ стоилъ втрое дороже, чѣмъ въ Москвѣ! П. Б.

№ 830, стр. 122. Переводъ итал. текста: „...но этому слѣдуетъ воспрепятствовать и самому сдѣлаться генераломъ, коман-

дующимъ [русскими вспомогательными войсками]". Замѣтимъ, какъ часто князь желалъ вернуться къ своей военной карьерѣ.

№ 830, стр. 122. „Записать въ книгу рожденія дѣло рязанскаго архіерея". Автобіографія князя, помѣщенная въ I т. „Архива кн. Θ. А. Куракина", стр. 241—147, кончается 20-мъ іюля 1709 г., и, слѣдовательно, о дѣлѣ рязанскаго архіепископа мы не имѣемъ его записи.

№ 830, стр. 126. Анкламъ нынѣ прусскій портъ въ Помераніи,—на р. Пенѣ (Peene), недалеко отъ устья Одера; 9 т. жителей.

№ 830, стр. 127. Въ случаѣ объявленія войны Россіи турками и поляками Петръ, такимъ образомъ, рѣшилъ разорить всю Ливонію. П. Б.

№ 830, стр. 131. „Резолюцію, которая при семъ на россійскомъ и голландскомъ языкѣ слѣдуетъ".—Напечатавъ рѣшеніе Генеральныхъ Штатовъ на русскомъ языкѣ, мы не сочли нужнымъ помѣщать таковое же по-голландски.

№ 830, стр. 136. „Пильновать" (по-польски pilnowac)—смотрѣть за кѣмъ или за чѣмъ, заниматься, стараться.

№ 830, стр. 140. „Собранное все къ вѣдѣнію для вступленія въ негоціацію мирную"—очевидно, что это переводъ. П. Б.

№ 830, стр. 141. „Москвитяне уступили свои права. Владиславу, королю польскому въ 1604 г. „Здѣсь, вѣроятно, ошибка, такъ-какъ Владиславъ VI царствовалъ въ 1434—1444 гг., а Владиславъ VII, сынъ Сигизмунда III, вступилъ на престолъ въ 1632 г.

Что касается Риги, большинство историковъ полагаетъ, что она основана епископомъ Альбертомъ въ 1200 году.

Инпокентій III † 1216 г.; слѣдовательно, въ текстѣ ошибка.

№ 830, стр. 142. Не Вальдемаръ II продалъ Ревель гросмейстеру ливонскаго ордена, а Вальдемаръ IV, такъ-какъ первый умеръ въ 1241 г.

№ 830, стр. 147. „И великій государь пожаловалъ бы его тѣмъ сестры его загороднымъ огородомъ".—Огородами назывались въ старину сады. П. Б.

№ 830, стр. 147. Въ „Историческомъ описаніи Воскресенскаго (новый Іерусалимъ) монастыря", сост. архимандритомъ Леонидомъ (М. 1876 г., стр. 620—624), напечатанъ списокъ съ духовной 1655 г. боярина княжъ Юрьевой жены Андреевича Сицкаго, вдовы Фетиньи, по которой она оставляла царевнѣ Евдокіи Алексѣевнѣ, между прочимъ, купленную свою подмосковную вотчину, село Елдегино съ деревнями, а патріарху Никону—родственную свою старинную вотчину въ Ростовскомъ у., село Пріимково. Замѣтимъ, что эти оба села принадлежали впослѣдствіи до самаго конца XVIII стол. кн. Куракинымъ.

№ 831, стр 147. Напомнимъ, что въ кн. IV „Архива кн. Θ. А. Куракина", стр. 61—73, помѣщены царскія грамоты къ кн. Григорію Семеновичу Куракину 1661—1676 гг. Кромѣ того, въ нашей исторической литературѣ не мало разсѣяно писемъ помянутаго князя. Намъ извѣстны, напримѣръ, нижеслѣдующія:

1) Отписка кн. Григорія Семеновича Куракина, боярина и намѣстника новгородскаго, царю Алексѣю Михайловичу 1655 г. о пріемѣ по царскому порученію венеціанскихъ пословъ. „Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными". Т. X. Спб. 1871 г., стлб. 847—849. (Та же отписка повто-

ряется на столбцахъ 866—867 и далѣе, въ сокращенномъ видѣ, на столбцѣ 882). 2) 5 апрѣля 1657 г.—митрополичьему Судному приказу въ бытность его бояриномъ и воеводою новгородскимъ. „Акты историческіе, собранные и изданные Археографическою Коммиссіею". Т. IV. Спб. 1842 г., стр. 249. 3) Архимандриту Иверскаго монастыря Діонисію, отъ октября 1657 г., чтобы монастырскіе крестьяне, привозящіе свои товары на продажу въ Новгородъ, предъявляли въ таможенной избѣ выписи на нихъ за руками приказныхъ старцевъ и за казенными печатями. 4) Тому же, отъ ноября 1657 г., о сборѣ съ монастырскихъ крестьянскихъ дворовъ за даточныхъ конныхъ служивыхъ людей денегъ за 1656 г. и объ отсылкѣ этихъ денегъ въ Новгородъ. 5) Тому же, отъ ноября 1657 г., о принятіи отъ стряпчаго Иверскаго монастыря посадскаго человѣка Василія Горбунова съ украденною имъ рухлядью. Русская Историческая Библіотека, издав. Археографическою Коммиссіею. Т. V. Спб. 1878 г. „Акты Иверскаго Святоозерскаго монастыря (1582—1706 гг.), собранные о. архимандритомъ Леонидомъ", стлб. 282—286. 6) Тому же, отъ декабря 1657 г., о посылкѣ княземъ въ Иверскій монастырь для подъема колоколовъ двухъ канатовъ и четырехъ векшъ, стлб. 301—302. 7) Тому же, отъ 9 января 1658 г., въ которой благодаритъ за посланныя сельди, стлб. 303—304. 8) Тому же, отъ февраля 1658 г., при которой князь посылаетъ въ монастырь рубль на молебенъ о здравіи своихъ дѣтей „объ Ивашечкѣ" (кн. Иванъ Григорьевичъ Куракинъ, бояринъ, воевода и намѣстникъ смоленскій, † 1682 г., родитель знаменитаго дипломата кн. Бориса Ивановича), да „объ Анюткѣ" и 5 руб. на столъ братіи, стлб. 308—309. 9) Тому же, отъ 22 февраля 1658 г., о полученіи изъ монастыря щуки, судака и 3/т. сельдей, стлб. 310—311. 10) Память, данная приставу Арефью Иванову, о сыскѣ бѣглыхъ крестьянъ Иверскаго монастыря, отъ 13 марта 1658 г., стлб. 312—314. 11) Архимандриту Діонисію, отъ марта 1658 г., съ просьбою объ увѣдомленіи, за кѣмъ именно числится купленная патріархомъ Никономъ у дворянина Аничкова вотчина въ Вельскомъ погостѣ, стлб. 314—315. 12) Тому же, отъ апрѣля 1658 г., съ просьбою о приказаніи монастырскимъ спущикамъ на великомъ порогѣ рѣки Мсты спускать казенное вино „съ береженеьмъ, чтобы тому государеву вину въ порогахъ порухи не учинить", стлб. 822—823. 13) Тому же, отъ 14 мая 1658 г., о посылкѣ въ Иверскій монастырь котельнаго мастера, стлб. 326. 14) Тому же, мая 1658 г., объ отсылкѣ въ монастырь серебряника Артюшки Воронкова, стлб. 329—330. 15) Тому же, отъ 14 іюня 1658 г., съ просьбою сдѣлать три печи муравленыя для московскаго дома, стлб. 380. Объ этомъ письмѣ упом. также въ сообщеніи А. Н. Труворова въ засѣданіи Археографической Коммиссіи 1876 г. апрѣля 15; см. „Лѣтопись занятій Археогр. Комм.". Вып. VII. Спб. 1884 г. 16) Тихвинскаго монастыря архимандриту Никону, отъ 11 января 1659 г., о поставленіи заставы въ Тихвинскомъ посадѣ по случаю оказавшагося въ Юрьевѣ Ливонскомъ моровего повѣтрія. „Акты историческіе, собранные и изданные Археографическою Коммиссіею". Т. IV дополненій. Спб.

1851 г., стр. 98—99. 17) Тому же, отъ февраля 1659 г., объ обмѣнѣ серебряныхъ ефимковъ и четвертинъ съ признаками на мѣдную монету. Письмо это запечатано черною восковою печатью государства новгородскаго и было найдено въ архивѣ Тихвинскаго Успенскаго монастыря. „Акты, собранные Археографическою Экспедиціею". Т. IV. Спб. 1836 г., стр. 151. 18) Отъ 5 апрѣля 1663 г., въ бытность воеводою казанскимъ, о распоряженіяхъ касательно закупки судовыхъ припасовъ для посольскаго отпуска. „Акты историческіе, собранные и изданные Археографическою Коммиссіею". Т. IV дополненій. Спб. 1851 г., стр. 314—315. 19) Отъ 22 ноября 1663 г., наказъ сотенному головѣ Димитрію Аристову о наблюденіи за дѣйствіями взбунтовавшихся уфимскихъ башкирцевъ и ихъ сообщниковъ, чтобъ они не перешли чрезъ Каму на казанскую сторону. Тамъ-же. Спб. Т. IV. 1842 г., стр. 335—336. 20) Кн. Василію Васильевичу Голицыну, отъ 22 іюня (годъ не обозначенъ), изъ Москвы. „Временникъ Императорскаго Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ". Кн. XIII, стр. 26—27. 21) Ему же, отъ іюля (годъ не обозначенъ). Тамъ же. Кн. XII. М. 1852 г. Смѣсь, стр. 36.

№ 831, стр. 147. Кн. Григорію Семеновичу Куракину, личности весьма замѣчательной, принадлежитъ очень не много документовъ Надеждинскаго архива, и потому считаемъ тѣмъ болѣе необходимымъ помѣщать тамъ, гдѣ это умѣстно, печатныя извѣстія о немъ. Такъ, въ № 20 „Сѣвернаго Архива" 1825 г. приведены характеристики бояръ царя Алексѣя Михайловича, принадлежащія перу неизвѣстнаго автора, вѣроятно, поляка, жившаго съ какимъ-либо дипломатическимъ порученіемъ на Москвѣ. Рукопись эта носитъ латинское заглавіе: „Proceres maioris subsellii, vulgo sclavonica lingua *boiare dumnoi* appellati, quasi palatini". Вотъ что мы читаемъ въ ней о кн. Григоріи Семеновичѣ: „Dux Gregorius Semianovicius Coraccinus—отрасль великихъ князей литовскихъ Гедимина и Ольгерда, какъ то показываетъ и самое прозваніе, сходное по звуку съ именемъ кн. Корецкихъ. Я полагаю, что многія поколѣнія литовскихъ князей переселились въ предѣлы великороссійскіе въ то время, когда при Казимирѣ III Ягеллонѣ министръ, долженствовавшій пещись о благосостояніи королевскаго дома, строгостью, достойною сожалѣнія, удалилъ не только отъ двора, но даже изъ предѣловъ отечества принцевъ крови, окружавшихъ престолъ. Князь Григорій въ глубокой старости бодръ, чело имѣетъ гордое и пасмурное".

Кн. Куракины, дѣйствительно, происходятъ отъ литовскихъ владѣтельныхъ князей; но авторъ ошибается, сближая ихъ фамилію съ таковою же князей Корецкихъ, ибо это сходство получилось лишь отъ искаженія именъ по-латыни (Coraccinus и Coreccius).

№ 836, стр. 160. Микулино Городище, перешедшее недавно отъ Н. Н. Пономарева къ г. Бухмейеръ, принадлежитъ къ древнѣйшимъ куракинскимъ имѣніямъ и было пожаловано имъ еще въ концѣ XV в., послѣ покоренія въ 1486 г. тверского княжества. Оно находится въ Старицкомъ у., Тверской губ., на р. Шошѣ, въ 25 верстахъ отъ имѣнія Елисаветы Алексѣевны Нарышкиной, ур. княжны Куракиной, села Степановскаго, Волосово тожъ. Въ XIV в. это былъ одинъ

изъ населеннѣйшихъ городовъ тверского княжества. Въ 1375 г., во время войны великаго князя тверского Михаила Александровича съ великимъ княземъ московскимъ Димитріемъ Ивановичемъ, Микулинъ былъ взятъ послѣднимъ. Въ 1398 г. онъ достался кн. Ивану Михайловичу. Въ старину въ немъ было до 18 церквей, стоялъ княжескій дворецъ, и самый городъ былъ обнесенъ высокимъ валомъ, слѣды котораго замѣтны до сихъ поръ. Въ соборѣ, сооруженномъ въ 1389 г., еще въ 1822 г. существовало восемь княжескихъ гробницъ. При посѣщеніи нашемъ Микулина Городища въ 1891 г., любезный владѣлецъ его Н. Н. Пономаревъ, женатый на Ольгѣ Николаевнѣ, ур. Головиной,—дочери извѣстнаго археолога и возобновителя микулинскаго храма Николая Гавриловича,—показывалъ намъ любопытный синодикъ владѣльцевъ Микулина, хранящійся въ домовой церкви огромнаго помѣщичьяго дома. Вотъ что̀ записано въ немъ.

Родъ князей Куракиныхъ. „Помяни, Господи, князя Григорія Семеновича Куракина и жену его Марію Борисовну, кн. Ивана Григорьевича и жену его Ѳеодосію Алексѣевну Одоевскую, княгиню Марію Петровну Куракину, рожденную Прозоровскую, кн. Бориса Ивановича Куракина и жену его Ксенію Ѳедоровну Лопухину, и сестру ея, государыню императрицу Евдокію Ѳеодоровну, и отца ея Ѳедора Иларіоновича Лопухина, кн. Михаила Ивановича Куракина и жену его Марѳу Дмитріевну, рожденную Голицыну, и дочь ихъ графиню Марію Михайловну Апраксину, кн. Александра Борисовича Куракина и жену его Александру Ивановну, рожденную Панину, кн. Бориса Александровича Куракина и жену его Елену Степановну Апраксину, кн. Ивана Борисовича Куракина, кн. Алексѣя Борисовича Куракина и жену его Наталью Ивановну Головину, и отца ея Ивана Сергѣевича Головина“.

Родъ бояръ Апраксиныхъ и Нарышкиныхъ. „Помяни, Господи, кн. Михаила Ивановича Куракина и дочь его графиню Марью Михайловну Апраксину, и мужа ея графа Александра Петровича Апраксина, и внуку его Елену Александровну Нарышкину, рожденную графиню Апраксину, и мужа ея Александра Львовича Нарышкина, и жену его Анну Никитичну; Льва Александровича Нарышкина, Александра и Дмитрія Львовичей Нарышкиныхъ“.

Затѣмъ вписанъ родъ графовъ Румянцевыхъ, купившихъ, повидимому, его у Нарышкиныхъ, которые въ свою очередь получили Микулино по наслѣдству отъ князей Куракиныхъ, кажется, не ранѣе 1808 г. О Микулинѣ Городищѣ см. „Акты историческіе, собранные и изданные археографическою Коммиссіею“. Т. VII. стр. 308—311.—Семеновъ. „Географическо-статистическій словарь Росс. имперіи“. Т. III. 1866 г., стр., 236.—(Н. Г. Головинъ). Соборъ въ селѣ Микулинѣ Городищѣ“. М. 1851 г.—„Журналъ М—ва Госуд. Им.“ 1858 г. Т. LXVII, стр. 64.—„Полное собраніе лѣтописей“. Ч. V, стр. 234, 252.—„Древняя и Новая Россія“. 1877 г. Т. II, стр. 12.—Преображенскій. „Описаніе Тверской губерніи“, стр. 578.

№ 838, стр. 164. А. И. Голышевъ, извѣстный археологъ, юбилей котораго недавно праздновался, напечаталъ въ „Владимірскихъ Губ. Вѣдомостяхъ“ 1866—1868 гг. слѣдующіе „указы“ княжны

Прасковьи Михайловны Куракиной, владѣлицы села Холуя Вязниковскаго уѣзда:

1) О полученіи оброчныхъ денегъ по построенію Троицкой церкви 1746 г и о покупкѣ рыбы 1867 г. № 52. 2) О припискѣ къ Холуйской слободѣ двухъ малолѣтнихъ мальчиковъ и отдачѣ рекрутъ. Интересно окончаніе: „Подлинный указъ крѣпленъ тако: княжна Прасковья Куракина. Марта 26 дня 1747 г. Москва. Полученъ марта 30 дня съ попомъ Иваномъ Ефимовымъ. Къ сей копіи вотчинской попъ Иванъ Ефимовъ руку приложилъ; подлинный указъ къ себѣ взялъ". Подлинная копія хранится у жителя с. Холуя, Михаила Петровича Шахова. 1868 г. № 2. 3) О полученіи рыбы, оброчныхъ денегъ по постройкѣ церкви, о недозволеніи строить солодовни, о покупкѣ холстовъ и малины и о выбѣленіи скатертей. 30 ноября 1747 г. изъ Москвы. Подлинный указъ хранится у того же лица. Тамъ же. 4) О полученіи не въ зачетъ денегъ и о службѣ молебновъ иконѣ Неопалимыя Купины и Нерукотворенному образу. 1738 г. 1868 г. № 3.

№ 839, стр. 167. Начало корреспонденціи кн. Б. И. Куракина за 1711 г. съ 2 января по 11 августа см. кн. IV „Архива кн. Ѳ. А. Куракина", стр. 287—448. Кромѣ того, цѣлый рядъ документовъ за 1711—1712 гг. помѣщенъ во II книгѣ, стр. 36—61, 348—394, и въ III книгѣ, стр. 3—14, 219—223, 301—316, 378, 379.

№ 839, стр. 167. Предупредимъ читателей, что обращенія и заключительныя строки въ письмахъ мы опускали, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онѣ или являлись особенно характерными, или же могли дать нѣкоторое представленіе объ отношеніяхъ, существовавшихъ между княземъ и его корреспондентами.

№ 839, стр. 167. „Три персоны", т.-е. портреты. П. Б.

№ 840, стр. 167. „Изъ Ярославля отправленнаго письма еще не получилъ",—конечно, изъ Ярославля польскаго, какъ и ранѣе.

№ 840, стр. 168. Подьячій канцеляріи кн. Бориса Ивановича Роговъ, видно, былъ каллиграфъ. Жаль, что тетради его не сохранились. П. Б.

№ 845, стр. 175. „Отрѣвать" (соверш. видъ—отринуть) значитъ отвергать, отталкивать.

№ 846, стр. 177. Кн. Куракинъ сообщаетъ своему племяннику, царевичу Алексѣю, что въ Англіи (наканунѣ мира съ католическою Франціею) запрещаютъ глумиться публично надъ папою, а именно въ этомъ глумленіи, въ осенніе мѣсяцы, проводили время Петръ и его опричники. Этимъ извѣстіемъ утѣшалась набожность царевича. П. Б.

№ 846, стр. 177. Объ отношеніяхъ кн. Бориса Ивановича къ царевичу говоритъ письмо Ле-Форта къ гр. Флеммингу изъ Петербурга, отъ 7 іюля 1725 г.; „Чтобъ отвѣчать на то, что вы желаете знать касательно Куракина, не будетъ ли угодно прежде вашему сіятельству вспомнить, что покойный царь и Куракинъ были женаты на двухъ сестрахъ, и что Куракинъ всегда держалъ сторону царевича, и даже во время слѣдствія надъ нимъ Куракинъ чуть не погибъ отъ одного письма, которыхъ онъ имѣлъ около сотни къ зятю

Куракина и царя,—Лопухину, которому была отрублена голова. Письмо это было тайно отправлено съ купцомъ Борстъ въ то время, какъ онъ былъ подъ арестомъ, и стоило Борсту нѣсколько тысячъ червонцевъ". „Сборникъ Русск. Историч. общества". Т. III. 1888 г., стр. 414.

№ 847, стр. 178. Возможность прохода Карла XII изъ Бендеръ чрезъ русскія владѣнія, кажется, еще нигдѣ доселѣ не была обнародована. П. Б.

№ 847, стр. 178. Портреты, о которыхъ идетъ рѣчь, были нарисованы въ 1711 г. во время перваго пребыванія Петра въ Карлсбадѣ, послѣ прутскаго похода, извѣстнымъ въ то время венгерскимъ художникомъ Іоганномъ Купецкимъ († 1749 г. въ Нюренбергѣ). Оригиналъ этого портрета пропалъ, существуетъ лишь гравюра съ него. А. А. Васильчиковъ. „О портретахъ Петра. В". М. 1872 г., стр. 25—27. Впрочемъ, Д. А. Ровинскій въ „Словарѣ русскихъ гравированныхъ портретовъ" (т. III. СПБ. 1888 г., стлб. 1512) полагаетъ, что именно этотъ портретъ, притомъ оригинальный, находится въ Брауншвейгскомъ музеѣ.

№ 848, стр. 178. Замѣчателенъ складный французскій языкъ въ письмахъ Рагоци. П. Б.

№ 848, стр. 180. Ужъ не мѣтилъ ли Рагоци сдѣлаться княземъ лифляндскимъ? П. Б.

№ 865, стр. 202. Любопытно извѣстіе о томъ, что Азовъ сданъ не совсѣмъ даромъ. П. Б.

№ 866, стр. 203. Вѣрность взгляда Рагоци на турецкую войну при Петрѣ оправдалась и при Александрѣ II: „La guerre des Turcs n'est qu'un expédient concerté pour lui ôter les facilités de prendre part aux affaires de l'Europe". П. Б.

№ 867, стр. 205 и № 879, стр. 223. Кн. Львовъ въ 1711 г. убѣдительно просилъ не посылать русскихъ учениковъ въ Англію: „изсушили навигаторы не только кровь, но уже самое сердце мое... хотятъ убить меня до смерти". Пекарскій. „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В". Т. I, стр. 141.

№ 871, стр. 210. Артикулы II и VI см. у Соловьева, т. XVI, стр. 128—129.

№ 874, стр. 216. Кн. Борисъ Ивановичъ просится снова въ военную службу: „лучшее свое счастіе находить, нежели остаться такъ спертому". П. Б.

№ 874, стр. 216. „Всѣмъ одиночество мое извѣстно".—Здѣсь намекъ на нелады женою княгинею Маріею Федоровной, ур. княжною Урусовой. См. книгу II „Архива кн. Ѳ. А. Куракина", стр. 397—411.

№ 882, стр. 229. Интересно сравнить письма кн. Бориса Александровича о воспитаніи сына съ заботами о томъ же его дѣда кн. Бориса Ивановича. См. книгу II „Архива кн. Ѳ. А. Куракина", стр. 324, 325, кн. III, стр. 82—83, кн. IV, стр. 241, 250, 266, 345, 346, 362, 382, 383, 389, 390, 393, 394, 430, 439—448.

№ 882, стр. 231. Упоминаемая кн. Александромъ Борисовичемъ дача нынѣ расположена близъ фарфороваго завода, и на ней помѣ-

щается съ 1831 г. малолѣтнее отдѣленіе Николаевскаго сиротскаго института; на этой-то дачѣ отдыхала Екатерина вмѣстѣ съ кн. Е. Р. Дашковой въ 1762 г. на пути въ Ропшу. М. Пыляевъ. „Забытое прошлое окрестностей Петербурга". 1889 г., стр. 72.—„Русская Старина". 1873 г., кн. VIII, стр. 702.—„Сборникъ Русскаго Историческаго общества". Т. XII. 1873 г., стр. 6.—П. И. Бартеневъ. „Архивъ кн. Воронцова" Т. XXI, стр. 141. У кн. Александра Борисовича Куракина III († 1870 г.) была дача напротивъ извѣстной дачи Громова, на Аптекарскомъ островѣ, полученная имъ въ приданое за супругою, ур. графинею Маріею Александровною Гурьевою († 1890 г.), дочерью извѣстнаго министра финансовъ. Пыляевъ. „Забытое прошлое окрестностей Петербурга". 1889 г., стр. 39.

№ 884, стр. 234. Дѣла камеръ-и экономіи-коллегій, которыя вѣдалъ кн. Борисъ Александровичъ, считались самыми трудными. П. Б.

№ 886, стр. 235. „Старайся съ продолженіемъ что полезное переводить, что̀ бы могъ къ чести напечатать твоей".—Отмѣтимъ обычай въ семьѣ кн. Куракиныхъ печатать юношескія произведенія. Такъ, были напечатаны произведенія кн. Александра Борисовича II, кн. Алексѣя Борисовича II, его внучатнаго племянника, и затѣмъ Вѣры Анатоліевны Нарышкиной, нынѣ графини Татищевой, дочери статсъ-дамы Елисаветы Алексѣевны Нарышкиной. Что касается кн. Алексѣя Борисовича, то нѣкоторыя изъ его стихотвореній, особенно на французскомъ языкѣ, превосходны, какъ напримѣръ: 1) „Stances sur l'inondation de Saint-Pétersbourg, composées et dédiées à S. M. l'Impératrice-Mère par le prince Alexis Kourakinn". (Journal des Débats politiques et littéraires. 1 février 1825). Стихи эти сопровождаются введеніемъ по поводу событій 19 ноября 1824 г, изъ котораго беремъ нѣсколько словъ: „On ne perdra pas de vue que le poète est étranger, qu'il n'a point encore terminé ses études, et que dans un concours de circonstances aussi honorables pour lui, la critique qui jugerait ces vers autrement que par le motif qui les a dictés et par les espérances qu'elles donnent pour l'époque où ce talent naissant sera parvenu à sa maturité, serait une critique anti-française, et ressemblerait à une injustice".

2) „Stances sur la mort de l'empereur Alexandre, composées et dédiées à S. M. l'Impératrice-Mère par le prince Alexis Kourakine". (Journal de Saint-Pétersbourg. 1826 г. № 4.). Передъ самымъ стихотвореніемъ помѣщено письмо императрицы Маріи Θеодоровны сенатору кн. Борису Алексѣевичу Куракину: „J'ai reçu, mon prince, la lettre que vous m'avez adressée, accompagnée de la composition de Monsieur votre fils. En rendant une justice parfaite au sentiment de dévouement qui lui a inspiré ces stances et qui au reste est héréditaire dans la famille, je vous prie, mon prince, de remercier votre fils de l'hommage qu'il m'en a fait et d'être assuré des sentiments de bienveillance avec lesquels je suis votre affectionnée. Marie".

№ 887, стр. 237. Почеркъ кн. Бориса Александровича крайне неразборчивъ и напоминаетъ въ этомъ отношеніи рукопись кн. Б. Ивановича, снимки съ которой были помѣщены въ I т. „Архива кн. Θ. А. Куракина".

№ 889, стр. 239. Все та же исторія и прежде и нынѣ: въ Петербургѣ проживаются, а свои дѣла хозяйственныя губятъ. П. Б.

№ 890, стр. 241. „Примѣченное (въ читаемыхъ книгахъ) всегда записывать". Рѣдкій случай, что совѣты старшаго не пропали даромъ: въ Надеждинскомъ архивѣ сохранилось множество тетрадей кн. Александра Бор. съ выписками изъ разныхъ сочиненій. Ту же привычку имѣли и другіе кн. Куракины.

№ 892, стр. 242. „Описаніе", судя по слогу, принадлежитъ перу Н. И. Панина. П. Б.

№ 892, стр. 244. О лубянскомъ домѣ см. предисловіе. Перечислимъ всѣ прочіе извѣстные намъ дома кн. Куракиныхъ въ Москвѣ и Петербургѣ: 2) На углу Тверской и Моховой улицъ находился наиболѣе старинный домъ кн. Куракиныхъ; онъ принадлежалъ кн. Бор. Ивановичу, а затѣмъ его вдовѣ княгинѣ Маріи Ѳедоровнѣ, равно какъ и находившаяся рядомъ съ нимъ церковь св. Георгія Побѣдоносца на Красной горкѣ. По смерти кн. Маріи Ѳедоровны домъ этотъ перешёлъ, кажется, къ ея падчерицѣ кн. Татіанѣ Борисовнѣ, супругѣ фельдмаршала, кн. Михаила Михаиловича Голицына. При Екатеринѣ II имъ владѣлъ кн. Барятинскій, у котораго онъ купленъ 1785 г. императрицею и разрушенъ для закладки университетскаго зданія. „Московскій Листокъ". 1889 г. января 12. 3) На Мясницкой, бывшій Меншикова, что нынѣ зданіе московскаго почтамта; пожалованъ кн. А. Б. Куракину 1730 г. ноября 17; 1755—1770 гг. въ немъ жила кн. Александра Ивановна Куракина; тамъ была у нея домовая церковь во имя Св. Троицы; 1780—1783 г. въ немъ проживалъ кн. Степанъ Бор. Куракинъ съ молодою супругою своей Наталіею Петровной, ур. Нарышкиною; въ 1783 г. мая 3 домъ этотъ проданъ армянину с. сов. Ивану Лазареву, а въ 1789 г. перешёлъ по купчей крѣпости въ казну для помѣщенія московскаго почтамта. Барановъ. „Опись высочайшимъ указамъ, хранящимся въ С.-Петербургскомъ сенатскомъ архивѣ за XVIII в." Ст. 3916.—А. Мартыновъ. „Русскія достопамятности". Т. II. М. 1877 г. стр. 11, 12, 14, 16, 20. 4) На Старой Басманной, въ приходѣ церкви Никиты мученика, роскошно отдѣланный; тамъ живалъ во время своихъ пріѣздовъ въ Москву кн. Александръ Бор.; въ 1812 г. французы пощадили его изъ уваженія къ имени кн. Куракиныхъ; въ немъ прежде помѣщался Константиновскій межевой инстититъ, а съ 1873 г. до перехода на Дѣвичье поле—Архивъ министерства юстиціи. „Русскій Архивъ". 1876 г. Т. II, стр. 311—112.—В. С. Иконниковъ. „Опытъ русской исторіографіи". Кіевъ. 1891 г. Т. I, стр. 239. —Васильчиковъ. „Семейство Разумовскихъ". 1889 г. Т. I, стр. 394—395. —„С.-Петербургскія вѣдомости". 1812 г. № 5. Первое прибавленіе, стр. 56. 5) Во 2-мъ Волхонскомъ пер., что нынѣ зданіе Ремесленной богадѣльни. „Истор. Вѣстникъ". Т. LII. 1893 г., стр. 757. 6) На Тверской, уг. Гнѣздниковскаго пер., принадлежавшій недавно коммерціи сов. С. М. Малькіелю; 1793 г. онъ принадлежалъ ген.-аншефу и сенатору кн. Александру Александровичу Прозоровскому, главнокомандующему Москвы; 1809 г.—вдовствующей супругѣ его, кавалерственной дамѣ кн. Аннѣ Михайловнѣ; 1825 г.—дочери ихъ

супругѣ егермейстера, кн. Аннѣ Александровнѣ Голицыной; въ 1876 г.—супругѣ камеръ-юнкера, кн. Юліи Ѳедоровнѣ Куракиной, матери издателя „Архива“; при домѣ была церковь во имя Св. Благовѣрнаго князя Михаила Тверского. „Русскій Архивъ“. 1878 г. Т. I, стр. 280. 7) На Новой Басманной, рядомъ съ Запаснымъ дворцомъ, у Красныхъ воротъ; построенъ кн. Степаномъ Бор. Куракинымъ и пожертвованъ имъ въ пользу страннопріимнаго дома кн. Куракиныхъ. 8) Въ Петербургѣ, на Невскомъ, между Полицейскимъ мостомъ и Б. Морской, бывшій дворецъ Елисаветы Петровны, нынѣ домъ Елисѣева, считавшійся самымъ красивымъ и роскошнымъ въ Петербургѣ. „Сборникъ Русскаго Историческаго общества“. Т. XXII. 1878 г., стр. 78, и наше предисловіе. 9) На Фонтанкѣ, съ большимъ садомъ, принадлежавшій еще кн. Александру Бор. I. „С.-Петербургскія Вѣдомости“. 1749 г. № 70, стр. 150. 10) На Фонтанкѣ же, между Семеновскимъ и Обуховскимъ мостами, купленный кн. Александромъ Бор. Куракинымъ у гр. А. К. Разумовскаго. Васильчиковъ. „Семейство Разумовскихъ“. 1889 г. Т. II, стр. 66. 11) На Адмиралтейской сторонѣ по берегу Невы рѣки, по Исаакіевской улицѣ, близъ Крюкова канала. „С.-Петербургскія Вѣдомости“. 15 сент. 1749 г., стр 184. 12) Въ Луговой-Милліонной, купленный у гр. Маркова и пожалованный Павломъ Петровичемъ въ 1796 г. ноября 21 кн. Алексѣю Бор. Куракину. „Русская Старина“. Т. VII. 1873 г., стр. 509.—„Историческій Вѣстникъ“. Т. XXXII. 1888 г., стр. 656 - 657.

№ 894, стр. 254. Гатчинская мыза въ Капорскомъ уѣздѣ была пожалована кн. Александру Бор. I въ вѣчное и потомственное владѣніе именнымъ высочайшимъ указомъ 1734 г. февраля 22. Барановъ. „Опись высочайшимъ указамъ, хранящимся въ С.-Петерб. сенатскомъ архивѣ“. Ст. 4850. Впослѣдствіи Гатчинская мыза была продана гр. Орлову, а отъ него перешла въ Дворцовое вѣдомство. Тѣмъ не менѣе у кн. Александра Бор. II былъ, вѣроятно, тамъ домъ, судя по тому, что княгиня Е. Р. Дашкова, уже въ царствованіе Павла, просила у него, какъ своего кузена, разрѣшенія поселиться въ Гатчинѣ. П. И. Бартеневъ. „Архивъ кн. Воронцова“. Т. XXI, стр. 318.

№ 897, стр. 255. Надо думать, что многочисленная куракинская дворня была въ тѣ времена очень избалована. Вотъ, напр., что доноситъ секретарь саксонскаго посольства Петцольдъ 1742 г. марта 29. „Тому назадъ нѣсколько дней 36 слугъ оберъ-шталмейстера кн. Куракина, вслѣдствіе неудовольствія къ поставленному надъ ними слишкомъ придирчивому дворецкому, среди бѣлаго дня вломились въ комнату своего господина, гдѣ этотъ послѣдній скрывался, и со смертоноснымъ оружіемъ въ рукахъ грозили убить обоихъ. Они, безъ всякаго сомнѣнія, и привели бы въ исполненіе свои угрозы, если бы не случайно пришедшій въ то время генералъ-майоръ Бутурлинъ, который, наскоро собравъ нѣсколько гренадеръ, напалъ на мятежниковъ и разсѣялъ ихъ. Такъ-какъ большинство этихъ разбойниковъ разбѣжались, то для предотвращенія новаго нападенія поставлена была у дома на нѣсколько дней стража изъ 100 человѣкъ“. „Сборникъ Русскаго Историческаго общества“. Т. VI. 1871. Стр. 419.

№ 901, стр. 262. Любопытно извѣщеніе о пріѣздѣ С. В. Салтыкова, котораго ни кн. Куракинъ, ни царевичъ доселѣ не могли знать лично. П. Б.

№ 902, стр. 266. „Te sine teste time"—въ вольномъ переводѣ: „стыдись себя и тогда, когда ты одинъ".

№ 906, стр. 281. „Не зная, когда выѣдемъ",—т.-е. въ Москву, гдѣ собиралась Коммиссія о составленіи новаго Уложенія. П. Б.

№ 906, стр. 281. Графъ Н. П. Шереметевъ былъ товарищемъ кн. Александра Борисовича при молодомъ дворѣ. П. Б.

№ 911, стр. 289. Бракъ кн. И. С. Барятинскаго былъ несчастливъ. П. Б.

№ 911, стр. 289. Екатерина пишетъ, что Таубертъ выкралъ бумаги о сдачѣ Петру Великому остзейскихъ городовъ. П. Б.

№ 911, стр. 289. 1765 г. апрѣля 4 умеръ Ломоносовъ, и Таубертъ одинъ остался директоромъ академической канцеляріи, хотя уже съ октября 1763 г. онъ началъ навлекать на себя гнѣвъ Екатерины. Желаніе его печатать придворный адресъ-календарь на 1765 г.,—книгу ходкую по тому времени, на собственный коштъ, но и въ свою пользу, очень не понравилось императрицѣ. Къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что когда Екатерина потребовала къ себѣ для какой-то надобности бумаги фельдмаршала гр. Брюса, сохранявшіяся въ Академіи, то нѣсколькихъ дѣлъ не оказалось. 1766 г. октября 5 директоромъ Академіи наукъ былъ опредѣленъ молодой гр. Владиміръ Григорьевичъ Орловъ, 12-го назначена ревизія иностранной книжной лавки, которой завѣдывалъ Таубертъ, а 30 послѣдовалъ указъ объ уничтоженіи академической канцеляріи и вмѣстѣ съ нею того мѣста, на которомъ такъ хорошо себя чувствовалъ Таубертъ.

№ 912, стр. 292. По смерти барона Корфа, племянникомъ его Фирксомъ въ Копенгагенѣ была выбита въ честь его серебряная медаль. На одной сторонѣ ея помѣщено грудное изображеніе барона, съ надписью вокругъ: „Io. Alb. lib. Baro de Korff" и съ означеніемъ даты его рожденія; на другой представлена колонна, у подножія которой женская фигура чертитъ на памятникѣ надпись „Animam non candidiorem terra tulit"; сзади—восходящее солнце, а внизу—дата кончины барона. Пекарскій. „Исторія Академіи наукъ". Т. I, стр. 532—533.

№ 914, стр. 294. Слѣдовало бы написать „Ces noces, ainsi que celles de M. Ostervald avec M-lle Sasz le 19", потому что свадьба Остервальда была 19 апрѣля 1767 г., а Н. И. Панинъ женился и ужиналъ 18-го. См. „Церемоніальный камеръ-фурьерскій журналъ". 1767 г.

№ 914, стр. 295. О скоропостижной смерти статсъ-дамы Елены Александровны Нарышкиной см. также „Письма графини Е. М. Румянцевой къ ея мужу". 1762—1779 гг. Изд. графа Д. А. Толстого. СПБ. 1888 г., стр. 74. Тамъ же упоминается и о свадьбахъ гр. Панина и Остервальда.

№ 914, стр. 296. Остенъ-Сакенъ называетъ жизнь въ Москвѣ очень скучною;—это нѣмецкія внушенія русскому юношѣ. П. Б.

№ 914, стр. 296. Тайнинское—дворцовое село по Троицкой дорогѣ. П. Б.

№ 915, стр. 296. Кн. Александръ Борисовичъ разсказываетъ о коронаціи датскаго короля Христіана VII. Послѣдній родился въ 1749 г., 1766 г. наслѣдовалъ своему отцу Фридриху V и въ томъ же году женился на Каролинѣ-Матильдѣ, сестрѣ англійскаго короля Георга III. 1770 г. онъ назначилъ министромъ придворнаго доктора Струэнзе и подпалъ-было подъ его вліяніе, но чрезъ два года онъ казнилъ его, приревновавъ къ молодой королевѣ. Тогда вся власть перешла въ руки королевы-матери, Юліи-Маріи Брунсвикской. Конецъ его царствованія былъ несчастенъ: въ 1807 г. Копенгенъ взяли англичане, а самъ онъ бѣжалъ и умеръ въ слѣдующемъ году, впавъ почти въ дѣтство.

№ 917, стр. 302. Младшая дочь графа П. Б. Шереметева вышла замужъ за графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго. П. Б.

№ 918. стр. 306. Въ 1768 г. было только пятнадцать фрейлинъ, изъ коихъ двѣ Чоглоковыхъ Елизавета и Вѣра Николаевны. См. „Almanach de la Cour pour l'année 1768. A St.-Pétersbourg, de l'Imprimerie de l'Académie Impériale des Sciences“.

№ 919, стр. 308. Какимъ образомъ Марія Ивановна Салтыкова приходилась роднею князьямъ Куракинымъ, получившимъ послѣ нея наслѣдство, см. подъ этимъ именемъ въ алфавитномъ указателѣ.

№ 927, стр. 320. Въ родословной князей Куракиныхъ выданной изъ герольдмейстерской конторы Правительствующаго Сената 1890 г. іюня 12 за № 1561 бригадиру кн. Степану Борисовичу Куракину, сказано про кн. Александра Борисовича: „Въ началѣ 1766 г. былъ въ первый разъ изъ отечества для наукъ посланъ и до сентября 1768 г. пробылъ въ Даніи и нѣмецкой землѣ. Бывъ въ Копенгагенѣ, получилъ тогда королевскій датскій орденъ Совершеннаго союза. Въ 1770 г. выѣхалъ вторично изъ отечества и пробылъ три года въ Голландіи, Англіи и Франціи; бывъ въ Лондонѣ, получилъ извѣстіе, что ея императорское величество пожаловала его двора своего камеръ-юнкеромъ“ (ср. стр. XXVII предисловія). Кстати добавимъ къ стр. XX, что еще въ отрочествѣ кн. Александръ Борисовичъ былъ переведенъ изъ Семеновскаго полка въ л.-гв. конный полкъ и пожалованъ подпоручикомъ онаго 1761 г. декабря 25. [Надеждинскій архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Т. 190, стр. 2—3, 5].

№ 929, стр. 323. „У молодыхъ господъ“,—т.-е. у Павла Петровича и его супруги. Такъ-какъ цесаревичъ женился въ первый разъ на принцессѣ Вильгельминѣ Гессенъ-Дармштадтской, принявшей при переходѣ въ православіе имя Натальи Алексѣевны, въ 1773 г., то и записка графа П. И. Панина не могла быть написана ранѣе этого года. Помѣщаемъ ее здѣсь по заведенному нами порядку, по которому документы безъ даты предшествуютъ тому именно десятилѣтію, къ которому приблизительно относятся.

№ 930, стр. 323. Въ письмѣ гр. П. И. Панина къ брату графу Никитѣ Ивановичу, отъ 16 марта 1770 г., между прочимъ, сообщается о прибытіи въ Харьковъ кн. Степана Борисовича Куракина, а 27 іюля 1770 г. онъ пишетъ изъ лагеря подъ Бендерами тому же: „Прости, пожалуй, что прискорбіе мое видѣть во всѣхъ военныхъ трудахъ и опасностяхъ своихъ и благотворителя нашего князя Але-

ксандра Борисовича внучатъ родныхъ унтеръ-офицерами (когда нѣтъ же у одного здѣшняго генерала гораздо съ худшимъ воспитаніемъ, нежели они, и въ равныхъ съ ними лѣтахъ, никакой родни меньше поручика) вывело меня изъ того отеческаго намъ завѣщанія, чтобъ у государей ничего для себя и для ближнихъ своихъ не выпрашивать, но все выслуживать, и что я взялъ смѣлость въ нынѣ отправленной съ Нелединскимъ реляціи всеподданнѣйше испрашивать къ нимъ высочайшаго милосердія, соотвѣтствующаго какъ монаршей къ намъ съ вами милости, такъ нашимъ имперіи заслугамъ и ихъ усердію къ службѣ. При чемъ признаюся, что въ моемъ огорченномъ объ ихъ теперешнемъ положеніи, состояніи больше бы всего меня утѣшило, если-бъ они всемилостивѣйше пожалованы быть могли чинами офицеровъ гвардіи, съ пребываніемъ при дѣйствующихъ въ нынѣшнюю войну арміяхъ волонтерами. Я же ласкаю себя надеждою получить въ нихъ ея величества войску достойныхъ со временемъ офицеровъ". Затѣмъ, извѣщая брата 22 сентября 1770 г. о взятіи Бендеръ, графъ Петръ Ивановичъ объясняетъ, что знамена и булавы отправляетъ ко двору съ „нашимъ" княземъ Куракинымъ, потому что онъ „внукъ родной самаго того, кто и обоимъ намъ съ вами любезнѣйшій другъ, отворилъ первыя дороги къ достиженію того, чѣмъ мы не только сами отъ отечества своего, но и оное отъ насъ теперь пользуется, а ея величество пріобрѣтаетъ заслуги". Русскій Архивъ. 1880 г. Т. III, стр. 318, 337, 354—355.

№ 930, стр. 323. Хотя княжна Аграфена Александровна въ концѣ настоящаго письма твердою рукою написала дату „6 января 1770 г.", но, не сомнѣваясь въ томъ, что она относится къ январю, такъ-какъ кн. Александръ Борисовичъ родился 18 января, мы можемъ сказать съ увѣренностью, что оно было написано въ 1771 г. по слѣдующимъ основаніямъ: а) письмо, отъ 30 сентября, упоминаемое княжною, сохранилось въ Надеждинскомъ архивѣ и помѣчено 1770 годомъ; б) кн. Александръ Борисовичъ прибылъ въ Лейденъ въ началѣ іюля 1770 г.; в) Бендеры были взяты 16 сентября 1770 г.; г) кн. Степанъ Борисовичъ произведенъ въ капитаны 10 сентября 1770 г.

№ 930, стр. 324. Интересная подробность о дѣйствительной причинѣ выхода въ отставку графа П. И. Панина.

№ 930, стр. 324. Любопытно показаніе о спеси графини Маріи Родіоновны Паниной.

№ 932, стр. 325. „Дядя Никита"—не кто иной, какъ гр. Никита Петровичъ Панинъ. См. о немъ и о послѣдующихъ отношеніяхъ между молодымъ дядею и старымъ племянникомъ въ алфавитномъ указателѣ. Ср. также „Матеріалы для жизнеописанія гр. Никиты Петровича Панина" А. Брикнера. Ч. I. 1888 г., стр. 2—3.

№ 937, стр. 330. Юша—это племянникъ княжны Аграфены Александровны, Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій (См. о немъ стр. XXVI предисловія). Замѣтимъ кстати, что въ „Русскомъ Архивѣ" 1867 г. (стлб. 114—115) помѣщено письмо княгини Александры Ивановны Куракиной Аннѣ Ивановнѣ Нелединской-Мелецкой, отъ 17 декабря 1750 г., изъ Петербурга, съ извѣщеніемъ.

что 13 декабря вечеромъ „по волѣ всемогущаго Бога и всемилостивѣйшему ея императорскаго величества позволенію и въ надеждѣ, что оное и съ согласія вашего", она помолвила дочь свою, княжну Татіану, за сына ея Александра Юрьевича. Тамъ же (стлб. 115—116) приводится интересный реестръ расходамъ, изъ коего видно, что всего издержано 4210 руб., вина разныхъ сортовъ вышло 1000 бутылокъ на 505 руб. 70 коп., но попу дано всего 1 руб.; кромѣ прислуги княгини Александры Ивановны, были взяты официанты великаго канцлера графа Алексѣя Петровича Бестужева, двоюроднаго брата А. Ю. Нелединскаго, и отъ фельдмаршала Степана Ѳедоровича Апраксина; къ нимъ было прибавлено „во услуженіе" 170 человѣкъ гвардейскихъ солдатъ; на свадьбѣ присутствовала императрица; расходами распоряжался поручикъ Семеновскаго полка Приклонскій, которому за труды подаренъ серебряный камзолъ цѣною 35 рублей.

№ 937, стр. 333. Въ посылкѣ кн. Александра Борисовича Куракина въ Лейденъ звучитъ завѣтъ еще Петра—учиться въ Голландіи. П. Б.

№ 937, стр. 338. Совершенно новое свидѣтельство о гр. Н. П. Шереметевѣ и кн. Алексѣѣ Михайловичѣ Голицынѣ. П. Б.

№ 937, стр. 340. Changuion—дворянская фамилія, предокъ которой былъ французскій мясникъ и бѣжалъ въ 1562 г. во время избіенія протестантовъ солдатами герцога Гиза. По изданіи нантскаго эдикта, эта фамилія переселилась въ Голландію и основала въ Лейденѣ фабрику камлота и другихъ матерій. Въ 1700 г. представителемъ этой фамиліи былъ Петръ Шангіонъ, докторъ правъ лейденскаго университета. Въ 1731 г онъ женился на г-жѣ Амсинкъ (Amsincq), † 1758 г. Изъ трехъ его дѣтей Петръ былъ 1759 г. бургмейстромъ Лейдена.

№ 937, стр. 340. „de Raye de Brenkelwarth", конечно, ошибка у кн. Александра Борисовича вмѣсто van Raye, de Brenkeler waard, т.-е. владѣлецъ сеньёріи въ Утрехтской провинціи.

№ 937, стр. 340. „Devel",—вѣроятно, Dedel, голландскій посланникъ въ Константинополѣ, представитель старинной дворянской фамиліи, очень извѣстной въ Гагѣ и Амстердамѣ.

№ 937, стр. 342. Лаврентій Костеръ, изобрѣтатель, по увѣренію голландцевъ, книгопечатанія (р. 1370, † 1439 г.); но это нынѣ окончательно опровергнуто.

№ 937, стр. 343. Здѣсь идётъ рѣчь о баронѣ Петрѣ Петровичѣ Лефортѣ, саксонскомъ генералъ-майорѣ, который 1758 г. іюня 18, во вниманіе къ службѣ въ Россіи отца и дѣда его, былъ назначенъ оберъ-церемоніймейстеромъ при русскомъ дворѣ. 1760 г. мая 26 по его предложенію учреждена государственная лотерея въ пользу отставныхъ и раненыхъ офицеровъ и солдатъ, и самъ онъ назначенъ генералъ-директоромъ оной подъ протекціею Правительствующаго Сената.

№ 937, стр. 344. Степанъ Степановичъ Зиновьевъ былъ родственникомъ супруги князя Орлова. П. Б.

№ 937, стр. 345. Фамилія графовъ Dohna получила свое имя отъ саксонскаго мѣстечка съ тѣмъ же именемъ; она извѣстна еще со временъ Карла Великаго и существуетъ до сихъ поръ.

Стран.	Строка сверху	Строка снизу	Напечатано:	Должно быть:
380	—	16	Bielfeld	Bielefeld
381	9	—	Bathsamhausen	Rathsamhausen
"	14	—	de Salcomay	Salconnay
383	—	14	Blanford	Blandford
402	13	—	plût	plut
404	9	—	Littelton	Littleton
415	3	—	Hellevœstluis	Hellevœtsluis
431	15	—	бургрмейстеръ	бургмейстеръ
435	—	15	протестанскій	протестантскій
438	7	—	278	287
"	—	4	Борисъ	Борисовичъ
440	22	—	1698 т.	1698 г.
"	22	—	155	154
442	—	18 и 19	въ чинѣ сов.	въ чинѣ тт. сов.
443	2	—	иностранныхъ	иностранныхъ
444	9	—	1897	1797
446	16	—	Курамина	Карамзина
447	12	—	апр. 24. 24.	апр. 24.
448	—	24	1600	1660
"	—	22	Новгогодскомъ	Новгородскомъ
450	11	—	крепости	крѣпости
"	1	—	Полиньяки	Полиньякомъ
451	2	—	159	151
"	1	—	Чентони	Четтони
452	13	—	29	24
"	16	—	642	42
"	—	18	Gottob	Gottlob
"	—	11	Ble'	Blé
453	2	—	подьчій	подьячій
456	19	—	Витвора	Витворта
"	—	3	846	346
"	—	1	наслѣдникамъ	наслѣдственникамъ
458	21	—	103	113
459	5	—	147	247
"	—	19 и 22	830	831
460	—	13	822—833	322—323
"	—	8	380	330
462	22	—	Мареу	Мавру
464	4	—	1888 г.	1868 г.
466	—	13	инстититъ	институтъ
467	2	—	1876 г.	1836 г.
"	18	—	Исаакіевской	Исаакіевской
"	20	—	гр. Маркова	гр. Моркова
469	9	—	Копенгенъ	Копенгагенъ
"	22	—	Правительствущаго	Правительствующаго
"	23	—	1890 г.	1790 г.
470	—	12	Паниной.	Паниной. П. Б

послан. († 1817 г.), гр. В. П. Мусинъ-Пушкинъ, фельдм. († 1804 г.), гр. И. А. Мусинъ-Пушкинъ, нач. Монастыр. пр. при Петрѣ I, А. А. Нартовъ, през. Ак. н. († 1813 г.), А. К. Нартовъ, совѣт. Ак. н. († 1754 г.), Н. М. Наумовъ, пис. († 1883 г.), Ю. А. Нелединскій-Мелецкій, сен., пис. († 1829 г.), М. Я. Нарышкина, у. княжна Лобанова-Ростовская, с. оберъ-гофм. († 1854 г.), Н. Ѳ. Нарышкина, у. гр. Ростопчина, с. таврич. губ., И. И. Неплюевъ, послан. († 1773 г.), П. Х. Обольяниновъ, ген.-прокур. († 1841 г.), В. В. Оладьинъ, сек. кн. Б. И. Куракина, А. Н. Оленинъ, д. т. с., дир. Имп. п. б., през. Имп. Ак. х., пис. († 1843 г.), М. Д. Олсуфьевъ, оберъ-гофмар. († 1753 г.), гр. А. И. Остерманъ, ген.-адм. († 1747 г.), гр. И. А. Остерманъ, вице-канц. († 1811 г.), гр. К. И. Остенъ-Сакенъ, одинъ изъ воспитателей цес. Павла Петровича († 1808 г.), М. И. Отто, дипл., имп. Павелъ I, Палласъ, ак. († 1811 г.), гр. Н. И. Панинъ, канц., воспитатель цес. Павла Петровича († 1783 г.), гр. Н. П. Панинъ, мин. ин. д. († 1837 г.), гр. П. И. Панинъ, ген.-анш. († 1789 г.), имп. Петръ I, П. Н. Приклонскій, камерг., поэтъ, кн. А. А. Прозоровскій, фельдм. († 1809 г.), кн. А. П. Прозоровскій, бояринъ, гр. П. К. Разумовскій, оберъ-камерг. († 1823 г.), кн. Н. А. Репнина, у. княжна Куракина, с. фельдм. († 1797 г.), кн. А. И. Репнинъ, фельдм. († 1726 г.), кн. Н. В. Репнинъ, фельдм. († 1801 г.), князь-кесарь Ѳ. Ю. Ромодановскій († 1717 г.), гр. А. И. Румянцевъ, ген.-анш., послан. († 1745 г.), гр. Н. П. Румянцевъ, канц. († 1826 г.), гр. П. А. Румянцевъ-Задунайскій, фельдм. († 1796 г.), гр. С. П. Румянцевъ, д. с. с. († 1838 г.), П. С. Руничъ, сен., пис. († 1825 г.), А. А. Салтыкова, у. княжна Куракина († 1836 г.), кн. А. Н. Салтыковъ, тов. мин. ин. д. († 1837 г.), В. П. Салтыковъ, т. с., оберъ-камерг., Ѳ. С. Салтыковъ, морякъ и дипл. († 1715 г.), А. А. Самборскій, протоіерей, пис. († 1815 г.), Самуилъ, мит. кіев. († 1796 г), бар. А. Н. Сердобинъ, воспитан. кн. Александра Бор. Куракина, герц. Серра-де-Капріола, неаполит. пос., зять кн. А. А. Вяземскаго († 1822 г.), гр. Я. К. Сиверсъ, ген. († 1810 г.), бар. О. А. Соловьевъ, торг. агентъ († 1747 г.), гр. М. М. Сперанскій, въ молодости домаш. учит. у кн. Алексѣя Бор. Куракина († 1839 г.), Станиславъ II Августъ (кн. Понятовскій), послѣд. король польскій († 1798 г.), гр. П. А. Строгановъ, ген.-ад. († 1817 г.), фонъ-Струве, дипл. († 1850 г.), В. С. Тамара, т. с., дипл., А. Г. Тепловъ, д. т. с., поч. оп. († 1826 г.), гр. П. А. Толстой, посолъ, чл. Верх. т. сов. († 1729 г.), Д. П. Трощинскій, мин. юст. († 1829 г.), кн. Ю. Ю. Трубецкой, бояр., сен. († 1739 г.), И. А. Тутолминъ, дир. Моск. воспит. д. († 1813 г.), И. В. Тутолминъ, поч. опек. († 1815 г.), гр. Ѳ. П. Уваровъ, ген.-ад. († 1824 г.), бар. фонъ-Урбихъ, полн. мин. Петра I, кн. Ѳ. С. Урусова, бояр., теща кн. Б. И. Куракина, Фанденбургъ, аген. Петра I въ Амстердамѣ, гр. Д. И. Хвостовъ, оберъ-прокур. Свят. Син., пис., кн. А. А. Чарторижскій, мин. ин. д. († 1861 г.) П. В. Чичаговъ, мор. мин., пис. († 1849 г.), П. А. Чичеринъ, ген. отъ кав. († 1848 г.), Шампаньи, фр. мин. вн. д. († 1834 г.), бар. П. П. Шафировъ, вице-канц. († 1739 г.), гр. Штакельбергъ, послан., И. И. Шуваловъ, основ. Моск. ун. и Ак. х. († 1797 г.), кн. А. Н. Щербатовъ, сен. († 1816 г.), кн. И. А. Щербатовъ, послан. († 1761 г.), Е. А. Энгельгардъ, пис. († 1862 г.), Х. Ф. Энгельгардъ, ад. кн. Потемкина († 1831 г.), гр. П. И. Ягужинскій, ген.-прокур., кабин. мин. († 1736 г.) и мн. др.

Письма большинства означенныхъ лицъ имѣются за многіе годы и переплетены въ объемистые томы.

Кромѣ переписки, офиціальной и частной, разнаго рода мемуаровъ, рукописныхъ сочиненій и дневниковъ, Надеждинскій архивъ хранитъ въ себѣ матеріалы по исторіи Мальтійскаго ордена въ Россіи, масонства и декабристовъ.

Содержаніе вышедшихъ пяти томовъ.

I т. (подъ ред. издателя Русской Старины М. И. Семевскаго). 61 письмо Петра I кн. Б. И. Куракину. Исторія о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ и ближнихъ къ нему людяхъ, сочиненная кн. Б. И. Дневникъ и путевыя замѣтки кн. Б. И. 1705—1708 гг. Автобіографія кн. Б. И. 1676—1709 гг. Воспоминанія кн. Б. И. о русско-шведской войнѣ 1700—1710 гг. Записка кн. Б. И. объ отношеніяхъ державъ къ Россіи и о прочихъ дѣлахъ политическихъ. 1708 г. Записка кн. Б. И. о войнѣ и мирѣ съ Швеціею. 1720 г. Родословіе кн. Куракиныхъ X—XIX вв.

II т. (подъ редакціею того же). 116 грамотъ, инструкцій и писемъ Петра I 1697—1724 гг. Грамоты и письма Екатерины I и Петра II 1725—1727 гг. Грамоты иностранныхъ государей московскимъ царямъ 1574—1688 гг. Мемуары кн. Б. И. о посольствахъ при европейскихъ дворахъ 1709—1710 гг. Переписка кн. Б. И. 1710—1727. Матеріалы къ родословію кн. Куракиныхъ.

III т. (подъ редакціею Семевскаго и Смольянинова). Грамоты, инструкціи, указы и письма Петра I, записки, проекты и донесенія кн. Б. И. 1713—1723 гг. Матеріалы къ исторіи лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка 1704—1709 гг. Статьи и замѣтки кн. Б. И. по разнымъ предметамъ 1698—1724 гг. Мемуары кн. Б. И. о посольствахъ 1708—1710 гг. Переписка кн. Б. И. 1705—1720 гг. Généalogie historique des princes de Kourakin, issus de la maison ducale de Lithuanie, recueillie et mise en ordre par le baron de Serdobine. 1805 г. Надписи на гробницахъ кн. Куракиныхъ въ Чудовѣ и Новоспасскомъ монастыряхъ 1643—1805 гг.

IV т. (подъ ред. Смольянинова). Мемуары кн. Б. И. о посольствахъ 1711 г. Грамоты царей Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича кн. Г. С. Куракину 1661—1676 гг. и царей Іоанна и Петра Алексѣевичей кн. И. Г. Куракину 1682 г. Статьи и замѣтки кн. Б. И. по разнымъ предметамъ и его переписка съ разными лицами 1698—1711 гг.

V т. (подъ ред. Смольянинова). Мемуары кн. Б. И. о посольствахъ 1711—1712 гг. Фамильные документы и переписка 1661—1712 гг. Переписка кн. Александра Б. Куракина съ отцомъ его кн. Б. А., съ гр. Панинымъ и др. родственниками, съ герцогомъ мекленбургскимъ Эрнестомъ и съ разными лицами, состоявшими при цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ, 1763—1770 гг. Souvenirs de voyage du prince A. Kourakin en Hollande et en Angleterre, à sa sortie de l'Université de Leyde durant les années 1770—1772.

Списокъ рецензій объ «Архивѣ кн. Ѳ. А. Куракина».

Саратовскій Листокъ 1888 г. № 169. Волжскій Вѣстникъ 1890 г. № 229. Правительственный Вѣстникъ 1890 г. № 263. Журналъ Мин. Нар. Пр. 1891 г. № 1. Русскій Вѣстникъ 1891 г. № 5, стр. 335—339. Вѣстникъ Европы 1891 г. № 9, стр. 310—339. Вѣстникъ археологіи и исторіи, изд. Археологическимъ Институтомъ, 1892 г. № 9, стр. 198—207. Русская Старина 1892 г. № 10. Историческій Вѣстникъ 1892 г. № 11 и 1894 г. № 7. Русская Мысль 1893 г. № 5. Московскія Вѣдомости 1894 г. № 47.

Указатель русскихъ дворянскихъ фамилій, упоминаемыхъ въ первыхъ пяти томахъ «Архива кн. Ѳ. А. Куракина».

Анненковы, Апраксины гр., Апухтины, Аргамаковы, Арсеньевы, Балакиревы, Балашовы, Балки, Барсуковы, Барятинскіе кн., Бахметевы, Безобразовы, Бекетовы, Бесковскіе, Бестужевы и Бестужевы-Рюмины, Бехтеевы, Бибиковы, Богдановы, Болотовы, Бороздины, Будлянскіе, Булгаковы, Бутурлины гр., Вельяминовы-Зерновы, Веселовскіе, Внуковы, Волковы, Волконскіе кн., Волынскіе, Воронцовы, Врангели гр., Всеволожскіе, Вяземскіе кн., Гагарины кн., Глѣбовы, Годуновы, Голицыны кн., Головины, Головкины гр., Горбовы, Григоровы, Грушецкіе, Даниловы, Дашковы кн., Демидовы, Дмитріевы и Дмитріевы-Мамоновы, Долгоруковы кн., Дубенскіе, Евскіе, Елагины, Елизаровы, Ершовы, Загряжскіе, Зиновьевы, Зотовы гр., Изволскіе, Измайловы, Кавелины, Казариновы, Камынины, Карповы, Карташовы, Квашнины-Самарины, Кикины, Козловы, Кологривовы, Колычовы, Кондыревы, Корфы, Кошелевы, Красовскіе, Крашинскіе гр., Кропотовы, Куракины кн., Ладыженскіе, Леонтьевы, Лихачовы, Лобановы-Ростовскіе кн., Ломаковскіе, Лопухины, Лукины, Львовы (и кн.), Макаровы, Макшеевы, Мартыновы, Масальскіе, Матвѣевы (и гр.), Матюшкины, Меншиковы (и кн.), Мещерскіе кн., Морозовы, Мусины-Пушкины (и гр.), Мухановы, Мышецкіе кн., Мюнихи гр., Нарышкины, Неклюдовы, Нелединскіе-Мелецкіе, Неплюевы, Нероповы, Новиковы, Ностицы (и гр.), Огинскіе кн., Одоевскіе кн., Оладьины, Орловы (и кн.), Остафьевы, Остенъ-Сакены бар. и гр., Остерманы бар. и гр., Палены бар., Панины (и гр.), Писаревы, Полонскіе, Полянскіе, Порошины, Постниковы, Потемкины (и кн.), Потоцкіе гр., Прозоровскіе кн., Протасовы, Протопоповы, Пушкины, Рагозины, Разумовскіе гр., Ребиндеры, Репнины кн., Ржевскіе, Ромодановскіе кн., Румянцевы гр., Сабуровы, Салтыковы, Самарины, Сердобины бар., Сибирскіе царевичи, Сиверсы гр., Синявины, Сицкіе кн., Собакины, Соковнины, Соловцовы, Степановы, Стрѣшневы, Строгановы гр., Струковы, Сухотины, Сушковы, Талызины, Татевы кн., Татищевы, Текутьевы, Тепловы, Толстые (и гр.), Троекуровы кн., Трубецкіе кн., Тургеневы, Тюфякины кн., Убри, Ульянины, Урусовы кн., Ушаковы, Фервены, Философовы, Хилковы кн., Хитрово, Хованскіе кн., Хрущовы, Чаадаевы, Черкасскіе кн., Чернышовы гр., Чичерины, Чоглоковы, Шафировы (и бар.), Шаховскіе кн., Шереметевы (и гр.), Шидловскіе, Шиповы, Штакельберги бар. и гр., Штенбоки гр., Шуваловы гр., Шуленбурги гр., Щербатовы кн., Юрьевы, Юшковы, Языковы, Яковлевы.

Каждый томъ снабженъ введеніемъ, алфавитнымъ указателемъ именъ и примѣчаніями. Первыя три книги украшены фототипическими снимками съ подлинныхъ рукописей кн. Б. И. Куракина, портретами Петра Великаго, князей Бориса Ивановича, Александра Борисовича I-го, Бориса Александровича и княгини Елены Степановны Куракиныхъ, равно какъ заставками и виньетками почетнаго члена Императорской Академіи Художествъ, профессора исторической и археологической живописи Ѳ. Г. Солнцева.

ЦѢНА (съ пересылкою):

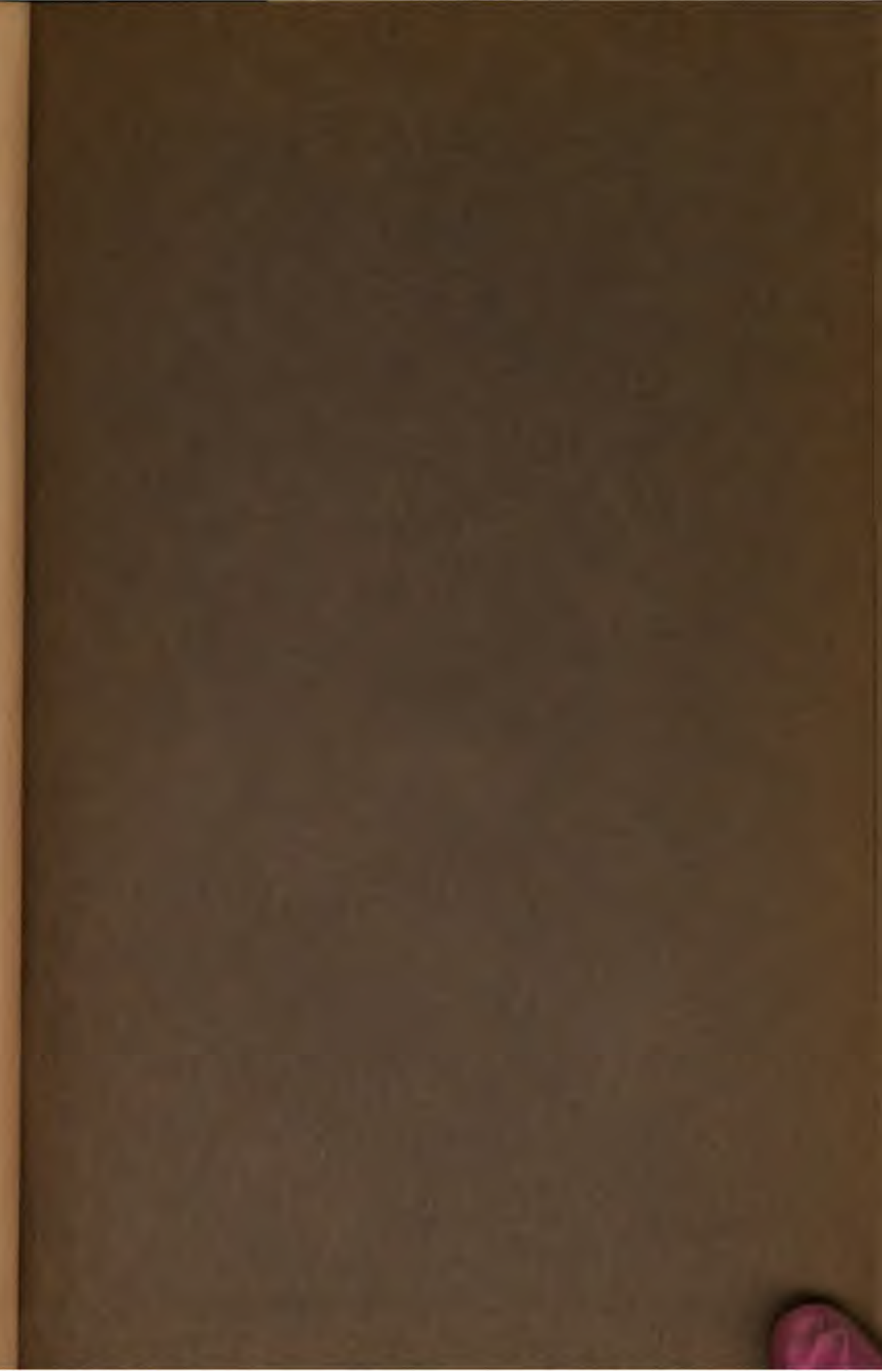
I тома на простой бумагѣ .... 2 р., на веленевой 3 р.
II, III, IV и V томовъ на простой бумагѣ. 3 „ „ „ 4 „

Спеціально-сдѣланные роскошные переплеты съ золотымъ тисненіемъ по 1 р. 50 к. съ пересылкою.

Книги и переплеты высылаются, по желанію, наложеннымъ платежомъ.

Складъ изданія:

1. Въ Надеждинской конторѣ кн. Ѳедора Алексѣевича Куракина. Сердобскъ Саратовской губ.
2. Въ конторѣ Дома призрѣнія, учрежд. кн. Куракиными. Москва, у Красныхъ воротъ.
3. У редактора „Архива кн. Ѳ. А. Куракина“ Владиміра Николаевича Смольянинова, директора Александровскаго Дворянскаго Пансіона. Саратовъ.

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C042612604